

133071

9289(3)
Г511

Пр.65

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И. ЛИХАРЕВОЙ

СЪ 20 РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ I

ПР58

Издание Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

ПРОВЕРЕНО . . Г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга П. Гиро „Частная и общественная жизнь грековъ“ уже извѣстна въ Россіи по переводу, вышедшему въ 1897 г. (въ изданіи Л. Пантелѣева). Изданіе это давно разошлось, и въ настоящее время „Историческія чтенія“ Гиро сдѣлались у насъ почти библіографической рѣдкостью. Это обстоятельство является лучшимъ свидѣтельствомъ, что трудъ французскаго ученаго отвѣчаетъ потребностямъ и русской школы. Несмотря на то, что за послѣдніе годы появились русскія оригинальныя хрестоматіи по древней исторіи, въ которыхъ отводится мѣсто и Греціи, книга Гиро отнюдь не утратила своего значенія. Благодаря стройности и цѣльности плана, систематичности и богатству матеріала, собраннаго руками выдающагося ученаго и знатока греческой исторіи, „Частная и общественная жизнь грековъ“ не можетъ быть замѣнена тѣми хрестоматіями, которыя, удѣляя этому отдѣлу сравнительно мало мѣста, освѣщаютъ лишь отдѣльные эпизоды жизни грековъ.

Значеніе книги Гиро заключается именно въ мастерскомъ подборѣ статей, обрисовывающихъ въ своей совокупности греческую жизнь и глубоко, и широко, и ярко; вслѣдствіе этого она становится одинаково цѣнной какъ въ рукахъ преподавателя, такъ и ученика. Если преподаватель найдетъ въ ней обширный и разносторонній матеріалъ для своихъ классныхъ бесѣдъ, то меньшую услугу она можетъ оказать ему для организаціи самостоятельныхъ работъ учениковъ. При все болѣе и болѣе развивающемся рефератномъ методѣ въ преподаваніи исторіи эта книга является незаменимымъ пособіемъ. Разбиваясь въ строго выдержанной системѣ на отдѣлы и подотдѣлы, она даетъ въ высшей степени удобную схему и превосходный матеріалъ для рефератовъ учащихся.

Чтобы облегчить учащимся приобретение этой книги, она выйдет въ свѣтъ не только цѣликомъ въ одномъ томѣ, но и шестью отдѣльными выпусками, заключающими въ себѣ слѣдующія главы:

1. Общія свѣдѣнія. Семья. Воспитаніе.
2. Частная жизнь.
3. Рабство. Трудъ и богатство. Общественная жизнь.
4. Религія.
5. Правительство. Правосудіе. Налоги. Армія и флотъ. Международныя сношенія.
6. Искусство.

При бѣгломъ взглядѣ на содержаніе книги и имена авторовъ статей, входящихъ въ ея составъ, можетъ явиться сомнѣніе въ доступности ея для учениковъ IV класса, гдѣ согласно программамъ среднихъ учебныхъ заведеній проходитъ греческая исторія. Но, хотя статьи эти заимствованы большею частью какъ выдержки изъ чисто-научныхъ сочиненій, онѣ доступны не только французскому, а также и русскому ученику средняго возраста. Пользуясь этой книгой, ученикъ приобретаетъ навыкъ въ чтеніи научныхъ сочиненій, отучается отъ того полубеллетристическаго способа изложенія, къ которому приучаютъ его авторы историческихъ популяризаций и который рѣдко бываетъ удаченъ, потому что требуетъ извѣстнаго художественнаго таланта и яркаго, образнаго языка.

При чтеніи этой книги, какъ можно заключить на основаніи педагогической практики, учащихся затрудняетъ не содержаніе и не языкъ, а главнымъ образомъ множество собственныхъ именъ, упоминающихся въ текстѣ и еще незнакомыхъ имъ при началѣ изученія исторіи Греціи.

Чтобы оказать ученикамъ въ этомъ отношеніи помощь, переводъ снабженъ краткими примѣчаніями ¹⁾. Не претендуя отнюдь на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, примѣчанія преслѣдуютъ только одну цѣль: сдѣлать ту или иную статью удобочитаемой для ученика, дать ему возможность

¹⁾ Примѣчанія П. Гиро снабжены надписью: (*Примѣч. автора*); остальные принадлежатъ переводчицѣ.

разобраться въ цитируемыхъ именахъ различныхъ дѣятелей и ученыхъ, безъ чего содержаніе статьи дѣлается нерѣдко не вполне понятнымъ.

Въ цѣляхъ же приспособленія книги къ русской школѣ мы позволили себѣ устранить рядъ статей, которыя, затрагивая слишкомъ спеціальные вопросы, не отвѣчаютъ потребностямъ преподаванія и уровню русскихъ учащихся, а между тѣмъ, увеличивая книгу, удорожаютъ ее.

Въ первомъ выпускѣ изъяты слѣдующія статьи: 1) *Condition juridique de la femme*. 2) *Règles relatives à la transmission des successions*. 3) *Partage amiable d'une succession*. 4) *Pillage d'une succession*. 5) *Prétentions frauduleuses à une succession*.

Кромѣ того, въ различныхъ статьяхъ выпущено нѣсколько фразъ, или упоминающихъ о такихъ сторонахъ греческой жизни, которыхъ неудобно касаться при преподаваніи въ среднихъ классахъ (напр. въ статьѣ „Разводъ“ въ 1-омъ выпускѣ, „Пиръ“ во 2-омъ выпускѣ и т. п.), или проводящихъ параллель между греческими и французскими учрежденіями и понятіями, или пестрящихъ такими собственными именами, сообщать о которыхъ свѣдѣнія въ IV классѣ средней школы не только излишне, но и невозможно. Впрочемъ, число такихъ фразъ очень невелико, и при опущеніи ихъ принималось во вниманіе, чтобы это ни въ какомъ случаѣ не вліяло на смыслъ статьи. При передачѣ греческихъ текстовъ даны, гдѣ было возможно, существующіе русскіе переводы съ греческаго языка.

Въ заключеніе остается добавить, что въ цѣляхъ наглядности количество рисунковъ въ книгѣ значительно увеличено.

Переводчица.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Настоящій трудъ имѣетъ цѣлью дать описаніе учрежденій, нравовъ, обычаевъ, относящихся къ общественной и частной жизни грековъ. Книга эта не совпадаетъ по содержанию съ учебникомъ; она составляетъ скорѣе его необходимое дополненіе. Учебники обыкновенно умалчиваютъ объ этихъ сторонахъ жизни народовъ, потому что они должны рассказать прежде всего историческія событія, и для остальныхъ вопросовъ не остается мѣста. Полезно, однако, чтобы у учениковъ было ясное представленіе объ этихъ предметахъ, чтобы они знали, какъ жили и одѣвались въ Аѳинахъ, кто такіе были рабы, землевладѣльцы, ремесленники, какъ отправлялся культъ мертвыхъ, каково было вооруженіе воина, какъ праздновались религіозныя церемоніи и т. д. Обо всемъ этомъ и идетъ рѣчь въ предлагаемомъ трудѣ.

Я самъ составилъ нѣкоторые отрывки, содержащіеся здѣсь; эти статьи не имѣютъ подписи. Будучи убѣжденъ, что ничто не даетъ такого яснаго представленія объ исторической обстановкѣ, какъ чтеніе оригинальныхъ документовъ, я сдѣлалъ многочисленныя заимствованія изъ древнихъ авторовъ. Эти выдержки, при условіи хорошаго подбора ихъ, легко усваиваются даже очень юными умами, и я полагаю, что среди мѣстъ, приводимыхъ мною, нѣтъ ни одного, которое превзошло бы ихъ пониманіе. Я не переводилъ ихъ заново, но всегда провѣрялъ точность приводимыхъ мною переводовъ.

Когда я не могъ найти у современниковъ текстовъ, отвѣчающихъ цѣли этой книги, я прибѣгалъ къ помощи новыхъ трудовъ. Многія мѣста я приводилъ безъ всякихъ

измѣненій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ я позволялъ себѣ дѣлать небольшія измѣненія: иногда для того, чтобы исправить какую-нибудь ошибку, иногда—чтобы придать фразѣ большую ясность. Наконецъ, часто я излагалъ на двухъ или трехъ страницахъ то, что авторъ развивалъ болѣе подробно.

Гравюры, передающія оригинальные памятники, имѣютъ цѣлью не иллюстрировать эту книгу, а скорѣе научить учениковъ черезъ посредство зрительныхъ воспріятій, изображая имъ разные предметы, описать которые словами недостаточно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія свѣдѣнія.

Содержаніе: 1. Эллинскій типъ.—2. Греческій геній.—3. Счастье по понятію аѳинянина.—4. Сравненіе аѳинянъ со спартамцами.—5. Спартакское остроуміе.—6. Характеръ виванцевъ.—7. Простота греческой жизни.—8. Дѣленіе времени.—9. Мѣры, вѣсъ и монеты.—10. Способъ счисленія.

1. Эллинскій типъ.

Эллинская раса была чрезвычайно красива; греки и сами были убѣждены въ своей красотѣ, и иностранцы не оспаривали ихъ права гордиться ею. Послушайте, что говоритъ знаменитый врачъ начала V вѣка послѣ Р. Х., Адамантий, котораго трудно заподозрить въ пристрастіи, потому что по происхожденію онъ былъ еврей, а жилъ въ Александріи: „Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эллинская раса сохранилась въ чистомъ видѣ, населеніе отличается довольно высокимъ ростомъ, широкими плечами, стройностью, крѣпкимъ сложеніемъ; они блондины съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и съ устойчивымъ, хотя нѣжнымъ, румянцемъ; у нихъ прямыя, красиво сложенные ноги съ изящными ступнями, круглая, средней величины голова на крѣпкой шеѣ. Ихъ отливающие золотомъ волосы тонки и легко вьются; лицо у нихъ прямоугольное, губы тонкія, носъ прямой; томные, чрезвычайно блестящіе глаза мечутъ нѣжные и пронизательные взоры; среди всѣхъ народовъ греки отличаются красотой своихъ глазъ“.

Это описаніе совершеннаго по красотѣ типа эллинской расы сдѣлано съ такою точностью, что ему трудно недо-

вѣрять. Кромѣ того, оно и въ настоящее время вполне соответствуетъ наружности жителей нѣкоторыхъ отдаленныхъ областей Греціи, на примѣръ, — Западной Аркадіи. Ни-

Афродита. Статуя въ Луврскомъ музеѣ.

гдѣ въ Европѣ мужской типъ не отличается [такой красотой, какъ въ этихъ горахъ, куда завоеватели почти не проникали и гдѣ они никогда не оставались на такой долгій срокъ, чтобы испортить чистоту эллинской крови.

Однако не слѣдуетъ думать, что художникамъ достаточно было бросить бѣглый взоръ, чтобы найти образцы для типовъ той совершенной красоты, которой они одаляли боговъ и эфебовъ ¹⁾. Уваженіе, какое греки питали къ изяществу формъ и правильности чертъ лица, доказываетъ, что эти качества встрѣчались не у всѣхъ. Въ Аѳинахъ, гдѣ большая часть населенія состояла изъ рабовъ и по-

¹⁾ Значеніе слова эфебъ см. гл. III. § 10.

селившихся на жительство иностранцевъ и гдѣ незаконные браки вошли въ обычай, раса должна была имѣть особенно много примѣсей, а отдѣльные типы поражать крайнимъ разнообразіемъ. Антропологи не могутъ вывести никакихъ заключеній изъ сравненія череповъ, находимыхъ въ аѳинскихъ могилахъ. Кромѣ того, стоитъ перелистать комическихкихъ поэтовъ, чтобы найти указаніе на крючковые и вздернутые носы, рты до ушей, сутулыя плечи, толстые животы, чрезмерно тонкія или кривыя ноги. Рядъ произведеній скульптуры — памятники частныхъ лицъ, портреты, надгробные барельефы и стелы ¹⁾ — даютъ часто изображенія, черты которыхъ очень далеки отъ классической правильности. Кромѣ того, ни всѣ косметы ²⁾ эфевовъ, ни всѣ великіе люди (напримѣръ, Демосѳенъ и Эврипидъ) — не были красивы, Сократъ ³⁾ же отличался самымъ грубымъ безобразіемъ.

Аресъ. Статуя въ виллѣ Луврови въ Римѣ.

(Rayet. Monuments de l'art antique, t. II).

¹⁾ Стелами назывались каменные или мраморные столбы, которые служили и надгробными памятниками. Иногда на нихъ дѣлались изображенія усопшихъ.

²⁾ Косметы — см. гл. III, § 10.

³⁾ Демосѳенъ — аѳинскій ораторъ IV в. до Р. Х. Эврипидъ — поэтъ-трагикъ V в. до Р. Х. Сократъ — философъ V в. до Р. Х.

2. Греческій геній.

Наиболѣе яркой чертой эллинской расы было многообразіе ея способностей. Ювеналь ¹⁾ съ горечью выставляетъ на видъ пронырливость грековъ временъ упадка, которые,

Сократъ.

наводняя Римъ, оказывались способными ко всѣмъ ремесламъ. Въ этой остротѣ заключается доля истины. То, надъ чѣмъ насмѣхался римлянинъ, вызывало восхищеніе Фукидида ²⁾ въ аѳинянахъ его эпохи, а аѳиняне въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, были изовсѣхъ грековъ наиболѣе греками. Аристотель ³⁾ въ свою очередь замѣчалъ, что вообще европейскіе народы, живущіе въ холодныхъ странахъ, отличаются энергіей, но не обладаютъ достаточной живостью ума; населенію Азіи, обитающему въ

жаркихъ странахъ, наоборотъ, при живости ума недостаетъ энергіи; у грековъ же, благодаря ихъ умѣренному климату, наблюдается! сочетаніе энергіи характера съ умственной тонкостью. Это равномѣрное развитіе различныхъ способностей было причиной счастливаго душевнаго равновѣсія и

¹⁾ Ювеналь—римскій поэтъ-сатирикъ, жилъ приблизительно отъ 55—132 г. послѣ Р. Х.

²⁾ Фукидидъ—знаменитый греческій историкъ, жилъ приблизительно отъ 460—309 г. до Р. Х.; написалъ „Исторію пелопоннесской войны“, въ которой самъ участвовалъ.

³⁾ Аристотель—величайшій греческій философъ (IV в. до Р. Х.) Сочиненія его обнимали почти всѣ области доступнаго тогда знанія, которыя благодаря ему приведены были въ строгій порядокъ и очень расширены. Онъ является основателемъ такъ называемой „перипатетической школы“ въ философіи.

гармоніи, проявляющихся въ великихъ произведеніяхъ литературы и искусства грековъ. Воображеніе у эллина всегда соединялось съ элементомъ разсудочности, чувство съ умомъ, страсть—съ размышленіемъ. Онъ никогда не предавался какому-нибудь одностороннему увлеченію. Онъ былъ, такъ сказать, обладателемъ многочисленныхъ способностей, пригодныхъ для каждого случая; объединяя эти способности, онъ придавалъ созданіямъ своего творчества ихъ настоящій характеръ. Другой существенной чертой греческой расы была ея неистощимая любознательность. Въ области естественныхъ и нравственныхъ наукъ, въ исторіи, географіи, философіи, математикѣ греки проявляли любопытство въ лучшемъ значеніи этого слова и потому первые положили начало почти всѣмъ великимъ научнымъ задачамъ и изобрѣли почти всѣ правильные методы. Ихъ всегда искушало все загадочное, подъ какимъ бы видомъ оно ни проявлялось, въ особенности же влекла ихъ умъ тайна мірозданія. Они хотѣли все увидѣть и все познать. Эта потребность ставить вопросы всему, гдѣ только можно получить отвѣтъ, проявляется у первыхъ іонійскихъ философовъ-натуралистовъ ¹⁾ и съ восхитительной наивностью и величіемъ сказывается въ трудѣ Геродота ²⁾. Въ исторіи наукъ навсегда останется одинъ изъ лучей славы перипатетической школы ³⁾, открывшей столько путей изслѣдованію. Правда, эта легкость пониманія всего и приспособляемость ко всему является иногда опаснымъ преимуществомъ. Въ одной старинной поэмѣ герой ея, Амфіарай, при разставаніи со своимъ сыномъ, Амфилохомъ, говорилъ ему: „Дитя мое, бери примѣръ съ осьми-

¹⁾ Греческая философія зародилась въ греческихъ колоніяхъ Малой Азіи. Первые греческіе философы-іонійцы занимались главнымъ образомъ вопросами о строеніи и происхожденіи всего видимаго міра.

²⁾ Геродотъ—греческій историкъ, жилъ приблизительно между 485 и 425 г. до Р. Х. Онъ носитъ названіе „отца исторіи“. Его исторія, состоящая изъ 9 книгъ, посвящена древнимъ народамъ Востока и борьбѣ грековъ съ персами.

³⁾ Перипатетиками называются ученики Аристотеля. Названіе это произошло, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые, отъ греческаго слова *περιπατάω*, что означаетъ ходить взадъ и впередъ: это дѣлалъ Аристотель со своими учениками во время чтенія лекцій.

ножки и сумѣй приноровиться къ нравамъ тѣхъ, къ кому ты попадешь; постарайся подъ тѣмъ или инымъ видомъ казаться похожимъ на людей, среди которыхъ ты будешь жить“. Въ этомъ совѣтѣ отразилась одна изъ чертъ національнаго характера: изворотливый и лукавый Одиссей—грекъ по преимуществу. Тонкость ума была главнѣйшимъ свойствомъ эллинской расы. „Съ давнихъ временъ“, говоритъ Геродотъ, „эллинъ отличался отъ варвара своей сообразительностью и отсутствіемъ глупаго легковѣрія“. Это можно видѣть у грековъ всѣхъ временъ и во всѣхъ странахъ. Часто не безъ справедливости противопоставляютъ важность дорійскаго генія изящной тонкости іонійскаго, смѣются надъ глупостью обитателей Кумъ ¹⁾ и приводятъ примѣры тяжеловѣсности беотійцевъ. Но все это или относительныя и крайне преувеличенныя истины, или просто порождаемыя злословіемъ остроты. Не говоря уже о великихъ литературныхъ и политическихъ дѣятеляхъ Беотіи, едва ли возможно убѣдить кого-нибудь, что неизвѣстные артисты, лѣпившіе безъ всякихъ претензій прелестныя танагрскія статуэтки ²⁾, были грубой деревенщиной. Что же касается важности дорійцевъ, то было бы въ высшей степени ошибочно представлять себѣ ихъ людьми съ тяжеловѣснымъ умомъ, лишеннымъ тонкости. Остроты спартанцевъ пользовались громадной славой по всей Греціи. Хотя онѣ менѣе граціозны и въ меньшей степени проникнуты тонкой ироніей, чѣмъ аѳинскія, зато въ нихъ бодрѣе сжатости и силы. Многіе мудрецы, прославившіеся своими изреченіями, вышли изъ дорійской части Греціи, и когда Цицеронъ ³⁾ хотѣлъ показать, какъ надо пользоваться остроумными словами въ качествѣ орудія краснорѣчія, онъ обращался за образцами ко всѣмъ грекамъ безъ различія. „Я встрѣчалъ у грековъ“, говоритъ онъ, „множество остротъ; въ

¹⁾ Кумы—греческая колонія въ Малой Азіи.

²⁾ Танагрскими статуэтками называются маленькія терракотовыя статуэтки, изготовлявшіяся въ беотійскомъ городѣ Танагрѣ; онѣ отличаются замѣчательнымъ изяществомъ.

³⁾ Цицеронъ — римскій ораторъ, философъ и государственный дѣятель I вѣка до Р. Х.

этомъ отношеніи выдѣляются сицилійцы, а также родосцы и византійцы, но въ особенности аѳиняне“...

(Традиціи имѣли въ Греціи огромную силу, но онѣ никогда не подавляли вполнѣ свободы отдѣльной личности. Благодаря смѣлости сужденій, фантастичности воображенія, непосредственной или разсудочной искренности чувствъ, эллинъ избѣжалъ стѣсненій въ развитіи своей натуры. Никакая искусственность не подавляла въ немъ чисто-человѣческихъ чертъ. Эта человѣчность придавала его произведеніямъ своеобразный характеръ; она какъ бы проникала ихъ собой, потому что грекъ дѣйствительно носилъ ее въ своей душѣ, и она не являлась слѣдствіемъ ни взятой на себя роли, ни какой-либо выучки. Что касается духовнаго облика грековъ, то знаменитые критики высказываютъ по этому поводу очень противорѣчивыя мнѣнія. Для однихъ основа греческаго характера—беззаботность и веселость. „Греки“, говоритъ Ренанъ ¹⁾, „какъ истинныя дѣти, какими они на самомъ дѣлѣ и были, воспринимали жизнь такъ радостно, что у нихъ никогда не являлось мысли посылать богамъ проклятія, находить природу несправедливой и коварной по отношенію къ человѣку“. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель говоритъ „о той вѣчной юности, той веселости, которыя всегда свойственны настоящему эллину, и которыя даже въ настоящее время дѣлаютъ его какъ бы чуждымъ тяжелымъ заботамъ, снѣдающимъ нашу душу“.

Жюль Жираръ ²⁾ утверждаетъ какъ разъ противоположное. „Въ дѣйствительности“, говоритъ онъ, „душу грека проникала забота о самомъ себѣ, о своемъ положеніи и своей участи; эта черта пробудилась въ немъ одновременно съ блестящимъ воображеніемъ и наложила на его раннія произведенія, несмотря на проникающую ихъ энергію, оттѣнокъ скорби, которую по силѣ паѳоса не могло превзойти ни одно изъ твореній новыхъ временъ. Никто не можетъ отрицать доли справедливости, заключающейся въ этихъ словахъ. Но и первое мнѣніе, несмотря на преувеличенія,

¹⁾ Ренанъ — извѣстный французскій филологъ и историкъ, (1823—1892 г.).

²⁾ Жюль Жираръ—французскій ученый XIX вѣка.

допускаемая, конечно, сознательно, даетъ въ общихъ чертахъ правильное представленіе. Греки чувствовали жизненные невзгоды и страдали отъ нихъ. Но отсюда еще далеко до совершенно мрачнаго міровоззрѣнія. Вся ихъ поэзія въ конечномъ выводѣ есть поэзія жизни; ихъ идеалъ—идеалъ молодости и красоты, который они постоянно стремятся осуществить и на которомъ охотно сосредоточиваютъ свою мысль. Грекамъ почти незнакома была великая причина обычной скорби, т. е. глубокое чувство постоянного несоотвѣтствія между желаніями и ихъ удовлетвореніемъ. Нѣкоторые изъ ихъ мыслителей подозрѣвали это, но греческая раса болѣе всѣхъ другихъ любила жизнь, наслаждаясь своими мыслями и чувствами, и по природѣ была склонна къ постоянно дѣятельному оптимизму. (Maurice Croiset. Hist. de la litt. grecque, t. I, p. 3—20).

3. Счастье по понятію аѳинянина.

„Счастливейшимъ изъ людей“, чистосердечно говорилъ Солонъ Крезу¹⁾, „я считаю аѳинянина Телла“. Изумленный Крезъ поспѣшно спросилъ: „Почему же Телла ты считаешь счастливейшимъ?“ Солонъ отвѣчалъ: „Во-первыхъ, родное государство Телла было счастливо; онъ имѣлъ прекрасныхъ дѣтей и дожилъ до той поры, когда у всѣхъ ихъ дѣти родились и благополучно выросли; во-вторыхъ, средства къ жизни были у него, по нашимъ понятіямъ, достаточныя, а кончилъ онъ дни свои славною смертию: во время сраженія аѳинянъ съ сосѣдями, элевсинянами, онъ помогъ своимъ обратить враговъ въ бѣгство и умеръ мужественною смертию; аѳиняне похоронили его на государственнѣйшій счетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и почтили высокими почестями“.

Во времена Платона²⁾ Гиппій высказывалъ слѣдующія мысли, согласныя и со взглядами греческаго народа: „Са-

¹⁾ Солонъ—аѳинскій государственный дѣятель и законодатель конца VII и первой половины VI в. до Р. Х. Крезъ—лидійскій царь VI в. до Р. Х.

²⁾ Платонъ—греческій философъ, учитель Аристотеля, жилъ приблизительно между 430—348 гг. до Р. Х.

мое лучшее для всякаго человѣка во всѣ времена и во всѣхъ странахъ—пользоваться богатствомъ, здоровьемъ и уваженіемъ среди грековъ, дожить такъ до старости и, отдавъ съ честью своимъ родителямъ послѣдній долгъ, быть самому похороненнымъ своими потомками съ тѣмъ же великолѣпіемъ“.

(Геродотъ, I, 30, по пер. Ф. Мищенко. Платонъ (?), Нір. Maior).

4. Сравненіе аѳинянъ со спартамцами.

Коринѣскіе послы обратились со слѣдующими словами къ спартамцамъ:

„Аѳиняне любятъ новизну и отличаются быстротою въ замыслахъ и въ осуществленіи разъ принятыхъ рѣшеній; вы же, напротивъ, озабочены тѣмъ, какъ бы сохранить существующее, не придумываете ничего новаго и не исполняете на дѣлѣ даже необходимаго. Далѣе, они отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, рискуютъ до безразсудства, и надежда не покидаетъ ихъ даже въ опасностяхъ, тогда какъ вы дѣлаете меньше, чѣмъ сколько позволяютъ ваши силы, не довѣряете несомнѣннымъ расчетамъ и полагаете, что никогда не избавитесь отъ опасностей. Они рѣшительны, вы медленны; они ходятъ въ чужія земли, вы сидите дома; удаленіемъ отъ родины они рассчитываютъ пріобрѣсти себѣ что-либо,—вы опасаетесь, какъ бы походомъ не нанести ущерба тому, чѣмъ вы владѣете. Побѣждая враговъ, аѳиняне преслѣдуютъ ихъ возможно дальше, а побѣждаемые даютъ оттѣснить себя возможно меньше. Потомъ, тѣло свое они отдаютъ за родину такъ, какъ будто оно вовсе не принадлежитъ имъ; напротивъ, духъ берегутъ, какъ неотъемлемую собственность для государства, для служенія ему. Если какіе-либо замыслы ихъ не удаются, они смотрятъ на это, какъ на потерю своего достоянія; если же планъ осуществился и они пріобрѣли что-либо, достигнутая ими удача кажется имъ незначительной въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ въ будущемъ. Если какое-либо предпріятіе не удалось, они взамѣнъ того питаютъ новыя надежды и тѣмъ пополняютъ себѣ то, чего

не имѣютъ. Обладаніе и надежда на то, что они замышляютъ, сливаются въ одно только у нихъ, благодаря быстротѣ, съ какою они стремятся осуществить свои рѣшенія. Такъ непрестанно всю жизнь работаютъ они среди лишений и опасностей. Наличными благами наслаждаются очень мало, будучи постоянно заняты стяжаніемъ, и нѣтъ для нихъ другого праздника, какъ выполненіе того, что требуется обстоятельствами; напротивъ, праздный покой почитаютъ такимъ же бѣдствіемъ, какъ и утомленіе безъ отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь въ немногихъ словахъ сказалъ, что аѳиняне рождены для того, чтобы не имѣть покоя самимъ и не давать его другимъ, онъ былъ бы правъ“.

(Оукидидъ ¹⁾), I, 70; по перев. Ф. Г. Мищенко).

5. Спартанское остроуміе.

— Лакедемоняне отвѣтили самосскимъ посламъ, сказавшимъ длинную рѣчь: „Начало вашей рѣчи мы забыли, а конца не поняли, потому что забыли начало“.

— Оиванцы предъявили нѣкоторыя претензіи, противорѣчащія желаніямъ спартанцевъ. „Вамъ слѣдуетъ быть или менѣе высокоомѣрными“, сказалъ имъ одинъ спартанецъ, „или болѣе могущественными“.

— Нѣкто, увидавъ картину, изображающую избіеніе спартанцевъ аѳинянами, сказалъ: „Какіе храбрые люди эти аѳиняне!“—„Да, на картинѣ“, возразилъ одинъ спартанецъ.

— Одного человѣка приговорили къ наказанію, и онъ безпрестанно повторялъ: „Я совершилъ этотъ проступокъ помимо своей воли“.—„Хорошо“, замѣтилъ одинъ спартанецъ, „но вѣдь и наказаніе ты понесешь помимо своей воли!“

— Люди, встрѣтившіе спартанцевъ на пути, сказали имъ: „Счастье вамъ, потому что отсюда только-что ѣхали разбойники“. — „Нѣтъ, счастье не намъ, а имъ, что они не попались въ наши руки!“

¹⁾ См. примѣч. 4 на стр. 4.

— Одинъ спартанецъ, слушая оратора, говорившаго длинными періодами, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, который вертитъ своимъ языкомъ, даже когда ему нечего говорить“.

— Другой спартанецъ на вопросъ о чемъ-то отвѣтилъ: „Нѣтъ“.—„Ты лжешь“, сказалъ ему спрашивавшій.—„Теперь ясно“, замѣтилъ спартанецъ, „что ты болтаешь по-пусту, такъ какъ спрашиваешь о томъ, что знаешь самъ“.

(Плутархъ¹⁾). Изреченія неизвѣстныхъ лакедемонянъ, 1, 2, 7, 9, 33, 56, 63).

6. Характеръ ѳиванцевъ.

Одинъ мессенскій писатель конца IV вѣка такъ характеризуетъ ѳиванцевъ: „ѳиванцы великодушны, а ихъ оптимизмъ удивителенъ, но они дерзки, заносчивы, высокомѣрны, всегда готовы подставить ногу всякому—будь то иностранецъ или его же согражданинъ; они совершенно лишены чувства справедливости. Если между ними возникаетъ какая-нибудь ссора на почвѣ торговыхъ сдѣлокъ, они разрѣшаютъ ее не съ помощью доводовъ разсудка, а путемъ насилія, и переносятъ въ область правосудія приемы, примѣняемые атлетами при гимнастическихъ состязаніяхъ. Поэтому случается, что ихъ процессы тянутся по 30 лѣтъ. Если же кто-нибудь принесетъ народу жалобу на это, ему придется немедленно покинуть страну; въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ попасть ночью въ засаду, устроенную тѣмъ, кому невыгодно окончаніе процесса, и погибнуть отъ его руки. Самый пустой поводъ можетъ вызвать у нихъ убійство. Таковы мужчины. Это, впрочемъ, не означаетъ, что среди нихъ не встрѣчается людей, достойныхъ уваженія и дружбы. Что касается женщинъ, то

¹⁾ Плутархъ (46—120 г. по Р. Х.)— греческій писатель, интересовавшійся по преимуществу вопросами нравственности, авторъ многихъ трудовъ; особенно извѣстны его „Сравнительныя жизнеописанія“ греческихъ и римскихъ дѣятелей, въ которыхъ онъ прославлялъ гражданскія доблести стараго времени, сильно преувеличивая достоинства своихъ героев.

по своему росту, походкѣ, граціи движеній онѣ являются одними изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ въ Греціи.

(Дикеархъ въ *Fragm. histor. graecor.*, t. II) ¹⁾.

7. Простота греческой жизни.

Когда цивилизація начала передвигаться на сѣверъ, ей пришлось позаботиться объ удовлетвореніи различныхъ потребностей, въ которыхъ на мѣстѣ ея первоначальнаго пребыванія, т. е. на югѣ, не было нужды. Въ сыромъ или холодномъ климатѣ, какъ, напримѣръ, въ Галліи, Германіи, Англіи, Сѣверной Америкѣ, человѣкъ ѣстъ больше, ему необходимы болѣе прочныя и лучше защищенныя отъ непогоды жилища, болѣе теплыя и толстыя одежды, больше огня и свѣта, больше убѣжищъ, съѣстныхъ припасовъ, большее количество орудій и ремеслъ. Человѣкъ поневолѣ начинаетъ заниматься промышленностью и, такъ какъ его потребности растутъ по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, то три четверти своего труда онъ тратитъ на созданіе своего благосостоянія; но удобства, которыя онъ пріобрѣтаетъ, дѣлають его вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе свободнымъ и какъ бы попавшимъ въ неволю благодаря искусственности созданной имъ обстановки.

Мужской костюмъ въ древней Греціи состоялъ изъ короткой туники безъ рукавовъ; женскій—также изъ туники, но длинной, доходившей до ступней; на плечахъ эта туника загибалась вдвое, и концы ниспадали къ поясу,—вотъ и вся основная часть одѣянія; къ этому надо прибавить только большой четырехугольный кусокъ матеріи, который набрасывали на себя сверху, какъ мантию, а для женщины, когда она выходила изъ дому,—покрывало и, довольно обычно, сандалии. Сократъ носилъ сандалии только по праздникамъ. Очень часто греки ходили босые и съ непокрытой головой. Всѣ эти одѣянія можно было сбросить однимъ

¹⁾ Дикеархъ (Δικαιάρχος) — греческій философъ, ученикъ Аристотеля (IV в. до Р. Х.). Онъ сдѣлалъ описаніе Греціи въ естественномъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, въ 3-хъ книгахъ, но до насъ дошло только 2 отрывка; философскія сочиненія его всѣ утрачены.

движеніемъ руки; нисколько не стягивая галіи, они хорошо обрисовывали формы, а въ отверстія ихъ и при движеніяхъ видно было обнаженное тѣло.

Въ гимназіяхъ ¹⁾, на стадіи ²⁾, при исполненіи многихъ торжественныхъ танцевъ греки совершенно освобождались отъодеждъ: „грекамъ свойственно ничего не закрывать“, говоритъ Плиній ³⁾. Одежда являлась у нихъ лишь небольшой подробностью, которую можно было скинуть въ одно мгновеніе.

✓ Той же простотой отличалась и другая оболочка человека—его домъ. Подсчитайте все, что въ наше время составляетъ сносное жилище: большая постройка изъ обтесаннаго камня, окна, рамы, обои, окраска, ставни, двойныя и тройныя занавѣси, печи, камины, ковры, кровати, мебель для сидѣнья, мебель другихъ сортовъ, безчисленное количество разныхъ бездѣлушекъ, хозяйственная утварь и предметы роскоши; сопоставьте это съ греческимъ обиходомъ: выбѣлennыя известкой и даже во времена Перикла ⁴⁾ неоклеенныя обоями стѣны, которыя каждый воръ можетъ проломить, постель съ покрывалами, сундукъ, нѣсколько красивыхъ разрисованныхъ вазъ, развѣшанное по стѣнамъ оружіе, лампы совершенно первобытнаго устройства, маленький домикъ, имѣющій часто только одинъ этажъ,—и этого было достаточно для знатнаго аѳинянина. ✓ Онъ жилъ на воздухѣ, подъ портиками ⁵⁾, на агорѣ ⁶⁾, въ гимназіяхъ. И общественныя зданія, въ которыхъ онъ находилъ пріютъ

¹⁾ См. гл. III. § 5.

²⁾ Стадіи—площадь, на которой происходили состязанія въ бѣгѣ, борьбѣ, метаніи дисковъ и т. п.

³⁾ Плиніи Старшій—римскій ученый (23—79 г. послѣ Р. Х.). Въ своей „Естественной исторіи“ онъ собралъ массу разнообразныхъ знаій; погибъ при изверженіи Везувія.

⁴⁾ Периклъ—знаменитый государственный дѣятель Аѳинъ, V в. до Р. Х.

⁵⁾ Портиками называлась галлерея, состоящая изъ поддерживающихъ крышу колоннъ и открытая или съ одной стороны, если была расположена вдоль стѣны зданія, или съ обѣихъ сторонъ, если не примыкала къ зданію.

⁶⁾ Агора—городская площадь.

для своей общественной жизни, были такъ же скромны, какъ и его частное жилище. Въ Греціи театръ вмѣщалъ отъ тридцати до сорока тысячъ зрителей и стоилъ въ двадцать разъ меньше современнаго, потому что расходы брала, такъ сказать, на себя природа: на склонѣ холма высѣкались амфитеатромъ ступени; внизу, въ центрѣ, устраивался жертвенникъ; для резонанса голоса актера воздвигалась высокая стѣна съ лѣпными украшеніями; солнце замѣняло люстру, а декораціями для задняго фона служили—то сверкающее море, то группа горъ, которымъ свѣтъ придавалъ бархатистый оттѣнокъ.

Теперь государство включаетъ отъ 30 до 40 милліоновъ жителей, разсѣянныхъ по обширному пространству во много сотенъ квадратныхъ миль. Благодаря этому оно прочнѣе, чѣмъ античное государство-городъ, но зато и гораздо сложнѣе; люди, занимающіе въ немъ какія-нибудь мѣста, должны обладать спеціальными знаніями, потому что общественныя должности становятся повсюду такими же спеціальностями, какъ и всякія другія. Масса населенія привлекается къ общественнымъ дѣламъ только время отъ времени, путемъ участія въ выборахъ. Она живетъ или прозябаетъ въ провинціи, не имѣя возможности составить себѣ собственное и точное мнѣніе объ этихъ дѣлахъ, довольствуется неопредѣленными впечатлѣніями и смутными переживаніями и принуждена отдаваться въ руки людей болѣе образованныхъ, которыхъ она посылаетъ въ столицу и которые замѣщаютъ ее, когда надо рѣшать вопросы о войнѣ, мирѣ или о налогахъ.

Аѳинянинъ, напротивъ, лично разрѣшалъ дѣла, касавшіяся общественныхъ интересовъ. Пять или шесть тысячъ жителей выслушивали ораторовъ и подавали голосъ на общественной площади, куда приходили какъ для принятія какого-либо постановленія или закона, такъ и для продажи вина и оливокъ. Благодаря тому, что вся территорія государства состояла изъ предмѣстья города, деревенскому жителю приходилось проходить почти такое же разстояніе, какъ и горожанину. Болѣе того, дѣла, подвергавшіяся его разсмотрѣнію, были доступны ему, они составляли, такъ сказать,

интересы его же колокольной, потому что государство совмѣщалась съ городомъ. Ему не трудно было понять, какого направленія надо держаться по отношенію къ Мегарѣ или Коринѳу; для этого онъ могъ довольствоваться своимъ личнымъ опытомъ, своими повседневными впечатлѣніями; ему не надо было дѣлаться профессиональнымъ политикомъ, обладающимъ познаніями по географіи, исторіи, статистикѣ и остальнымъ областямъ. Подобнымъ же образомъ онъ совершалъ въ своемъ домѣ богослуженія и время отъ времени исполнялъ обязанности главнаго жреца въ своей фратріи ¹⁾ или въ родѣ, потому что его религія—это прелестная нянюшкина сказка; выполняемые имъ обряды состояли въ какомъ-нибудь танцѣ или въ извѣстной ему съ дѣтства пѣснѣ, или въ трапезѣ, гдѣ онъ, облеченный въ особое одѣяніе, игралъ роль предсѣдателя. Кромѣ того, онъ бывалъ судьей въ гражданскихъ, уголовныхъ и религіозныхъ дѣлахъ или выступалъ въ качествѣ защитника и обязанъ былъ самъ отстаивать на судѣ свое дѣло. Какъ южанинъ, грекъ естественно обладалъ быстрой сообразительностью и умѣлъ красно говорить; онъ въ общихъ чертахъ зналъ законы, и тяжущіяся стороны приводили ихъ ему; кромѣ того, обычай позволялъ судьямъ руководиться въ такой же мѣрѣ своимъ непосредственнымъ чувствомъ, здравымъ смысломъ, душевными движеніями и страстями, какъ и точнымъ закономъ и доводами, на немъ основанными. Былъ ли грекъ богатъ или бѣденъ—онъ обязанъ былъ нести воинскую повинность, и, благодаря несложности военного искусства, армію составляло народное ополченіе. Для того, чтобы создать такое войско и имѣть хорошихъ солдатъ, надо было удовлетворить двумъ условіямъ, которыя вытекали изъ общаго образованія, не требуя спеціальнаго обученія, военныхъ школъ, казарменной дисциплины и казарменныхъ упражненій.

Съ одной стороны, греки хотѣли, чтобы каждый солдатъ былъ возможно болѣе сильнымъ, гибкимъ и ловкимъ,

¹⁾ Фратрія—союзъ нѣсколькихъ родовъ въ Атикѣ. Всѣхъ фратрій въ Аѣинахъ было 12: каждая имѣла своихъ боговъ.

чтобы онъ умѣлъ возможно лучше наносить и отражать удары, и уклоняться отъ нихъ; этому юношей обучали въ гимназіяхъ. Съ другой стороны, они стремились къ тому, чтобы солдаты умѣли ходить, бѣгать, совершать въ стройномъ порядкѣ всякія движенія; для того достаточно было оркестрики ¹⁾: всѣ ихъ національные и религіозные праздники приучали дѣтей и юношей къ искусству строиться въ группы и разсыпаться. Понятно, что благодаря этимъ обычаямъ граждане уже были подготовлены къ военнымъ занятіямъ и потому дѣлались солдатами сразу и безъ усилій.

Не больше подготовки требовалось и для моряковъ. Въ то время военный корабль былъ тѣмъ же каботажнымъ судномъ, поднимавшимъ самое большее 200 человекъ и никогда не терявшимъ изъ виду береговъ. Въ портовомъ городѣ, жившемъ морской торговлей, не было никого, кто не зналъ бы приемовъ управленія такимъ кораблемъ, кто не умѣлъ бы или не научался бы очень скоро угадывать погоду, возможность вѣтра, положеніе въ морѣ и разстояніе, т. е. ознакомиться съ той технической стороной дѣла, которой у насъ матросъ или морской офицеръ овладѣваетъ только черезъ 10 лѣтъ обученія и практики.

Всѣ особенности античной жизни опредѣляются одной и той же причиной—простотой ихъ цивилизаціи, не имѣющей предшественниковъ, и всѣ приводятъ къ одному и тому же результату—къ простотѣ вполне уравновѣшенной души, въ которой ни одна группа способностей и склонностей не развилась въ ущербъ другимъ, которая не получила никакого исключительнаго направленія и не изуродовалась никакимъ спеціальнымъ занятіемъ.

Въ настоящее время есть люди образованные и невѣжественные, горожане и крестьяне, провинціалы и столичные жители; кромѣ того, столько же различныхъ видовъ людей, сколько классовъ, профессій и ремеслъ; всюду отдѣльный человекъ какъ бы заключенъ за сдѣланную имъ самимъ загородку и осаждается множествомъ созданныхъ имъ потребностей.

¹⁾ Одинъ изъ видовъ греческой гимнастики.

Грекъ былъ менѣе искусственнымъ, менѣе специализированнымъ, менѣе удаленнымъ отъ естественнаго состоянія и дѣйствовалъ въ политическомъ кругу, который былъ лучше приуроченъ къ человѣческимъ способностямъ; онъ жилъ въ обществѣ, нравы котораго болѣе способствовали поддержанію его животныхъ свойствъ: находясь ближе къ естественной жизни, въ меньшемъ рабствѣ отъ разрастающейся цивилизаціи, онъ былъ болѣе человѣкомъ.

(Taine. Philosophie de l'art, т. II, стр. 154—168).

8. Дѣленіе времени.

1. Эра. Въ теченіе долгаго времени греческія государства не имѣли общепринятаго лѣтосчисленія. Каждое изъ нихъ обозначало свои государственные документы именемъ мѣстнаго должностнаго лица, называемаго *эпонимомъ*. Таковы были эфоры въ Спартѣ, косметы на островѣ Критѣ, архонты въ Аѣинахъ, пританы на островѣ Хіосѣ. Въ IV вѣкѣ, не отказываясь отъ этого обычая, стали считать по олимпіадамъ. Это лѣтосчисленіе начинается съ 776 года до Р. Х. Такъ какъ олимпіада обнимала періодъ въ четыре года, то греческая дата означалась слѣдующимъ образомъ: олимпіада 100, годъ 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый. Чтобы перевести на христіанское лѣтосчисленіе годъ, выраженный въ олимпіадахъ, напримѣръ, олимпіаду 75,1 (годъ Саламинской битвы), надо (75—1) умножить на 4 и произведеніе (296) вычесть изъ 776; такимъ образомъ получится 480 годъ до Рожд. Хр.

2. Мѣсяцы. Греческій годъ состоялъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, заключавшихъ по 30 и 29 дней—поочередно. Лунный годъ имѣлъ, такимъ образомъ, 354 дня, или на 11 дней меньше солнечнаго года. Чтобы сгладить разницу, аѣиняне придумали дѣлать въ теченіе каждыхъ 8 лѣтъ прибавку трехъ мѣсяцевъ по 30 дней, которые вставлялись на 3-й, 5-й и 8-й годы. Такъ какъ этого все же было недостаточно, то каждые 16 лѣтъ прибавляли еще 3 дополнительныхъ дня.

Годъ начинался не вездѣ въ одно и то же время. Въ Аѳинахъ онъ наступалъ въ день лѣтняго солнцестоянія (9-го іюня), на островѣ Делосѣ—въ день зимняго солнцестоянія (9-го декабря), въ Беотіи—въ октябрѣ.

Мѣсяцы въ разныхъ областяхъ носили различныя названія. Аѳинскій календарь былъ таковъ:

Гекатомбеонъ (около іюля).	Гамеліонъ (около января).
Метагитніонъ (около августа).	Анѳестеріонъ (около февраля).
Боедроміонъ (около сентября).	Елафеболіонъ (около марта).
Піанепсіонъ (около октября).	Мунихіонъ (около апрѣля).
Мемактеріонъ (около ноября).	Θαργеліонъ (около мая).
Посидеонъ (около декабря).	Скирофоріонъ (около іюня) ¹⁾ .

Дополнительный мѣсяць вставлялся послѣ Посидеона и носилъ названіе второго Посидеона.

3. Дни. Каждый мѣсяць раздѣлялся на 3 декады. Дни назывались слѣдующимъ образомъ:

1. Νοομηνία (новолуніе).	16. Ἑκτῇ ἐπὶ δέκα.
2. Δευτέρα ἱσταμένου (второй день начинающагося мѣсяца).	17. Ἑβδόμῃ ἐπὶ δέκα.
3. Τρίτῃ ἱσταμένου.	18. Ὀγδόῃ ἐπὶ δέκα.
4. Τετράς "	19. Ἐνάτῃ ἐπὶ δέκα.
5. Πέμπτῃ "	20. Εἰκάς.
6. Ἑκτῇ "	21. Δεκάτῃ φθίνοντος (десятый день кончающагося мѣсяца, считая отъ послѣдняго дня).
7. Ἑβδόμῃ "	22. Ἐνάτῃ φθίνοντος
8. Ὀγδόῃ "	23. Ὀγδόῃ "
9. Ἐνάτῃ "	24. Ἑβδόμῃ "
10. Δεκάτῃ "	25. Ἑκτῇ "
11. Ἐνδεκάτῃ или πρώτη ἐπὶ δέκα или πρώτη μεσοῦντος (середина).	26. Πέμπτῃ "
12. Δωδεκάτῃ.	27. Τετράς "
13. Τρίτῃ ἐπὶ δέκα.	28. Τρίτῃ "
14. Τετράς ἐπὶ δέκα.	29. Δευτέρα "
15. Πέμπτῃ ἐπὶ δέκα.	30. Ἐνῇ καὶ νέᾳ (старая и новая луна).

¹⁾ По новому стилю. Установить соотвѣтствіе греческихъ мѣсяцевъ съ современными можно только приблизительно.

Въ мѣсяцахъ, имѣющихъ 29 дней, этотъ 29-ый день назывался не *δευτέρα φθίνοντος*, а *ἐνῆ καὶ νέη*.

Очень вѣроятно, что вначалѣ греки отличали только день и ночь. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возрастающаго разнообразія занятій ихъ общественной жизни, количество подраздѣленій дня увеличилось. Вообще сутки стали дѣлиться на 6 частей: 3 приходились на день (*πρωτ, μεσημέρις, δεῖλη*) и 3 на ночь (*ἑσπέρα, μέση νύξ, ἑως*). Были также еще довольно неопредѣленные обозначенія, какъ *ῥόδρος* (время вставанія); *περὶ πλήθυσαν ἀγορὰν* (когда агора полна народомъ, т.-е. между утромъ и полднемъ); *περὶ λύχων ἀφάς* (когда зажигаются свѣтильники); *περὶ πρῶτον ὕπνου* (время перваго сна). Во время лагерной жизни ночь дѣлилась на три стражи (*φυλακαί*). Только послѣ Александра Великаго ¹⁾ начало сутокъ стали считать съ восхода солнца; раньше же его относили къ заходу солнца.

Въ древности день и ночь дѣлили на 12 часовъ, начиная съ восхода солнца, такъ что полдень совпадалъ съ началомъ 7-го часа дня, а полночь—съ началомъ 7-го часа ночи. Слово *ῥαι* въ смыслѣ ч а с а вошло въ обиходъ только во второй половинѣ IV вѣка. Продолжительность часовъ была неодинакова въ разное время года, потому что она находилась въ зависимости отъ длины дня и ночи; одни только астрономы считали время, какъ и мы, одинаковыми по продолжительности часами. Въ эпоху Демосфена ²⁾ употреблялись водяные часы, или клепсидры, на которыхъ время измѣрялось количествомъ воды, вытекавшей равномерно изъ резервуара. (Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 473 и сл. Гау.

Минерва, стр. 77 и сл.).

9. Мѣры, вѣсь и монеты.

Мѣры длины (аттическія).

Палець (<i>δάκτυλος</i>)	1.93 снт.	(0,43 вершка)
Ладонь (<i>παλαιστή</i>)	4 пальца = 7,71 "	(1,72 ")
Пядь (<i>οπιθαμή</i>)	12 пальцевъ = 23,12 "	(5,16 ")
Ступня (<i>πούς</i>)	16 пальцевъ = 30,83 "	(6,94 ")
Локоть (<i>πῆχυς</i>)	1½ ступни = 46,24 "	(10,4 ")

¹⁾ Т. е. съ конца IV вѣка до Р. Х.

²⁾ Т. е. въ IV в. до Р. Х.

Оргюя (ὄργυια) . 4 локтя = 1 метр. 85 снт. (2 ар. 9,6 вер.)
 Плеть (πλεθρον) 100 ступней = 30 " 83 " (14,45 саж.)
 Стадія (στάδιον) . 6 плетровъ = 184 " 98 " (86,7 саж.)

Мѣры поверхности (аттическія).

Квадратная ступня 9,5 кв. м. (около 3-хъ кв. ар.)
 Квадратный плеть 950 кв. м. (около 200 кв. саж.)

Мѣры емкости (аттическія).

Для жидкостей.

Метреть 39,39 литра (около 3,17 ведра)
 Хусъ 3,283 " (" 2,7 кружки)
 Котила 0,2736 " (" 0,2 ")
 Кіаѳъ 0,0456 " (" 0,03 ")

Для сыпучихъ тѣлъ.

Медимнь 52,53 литра (около 2-хъ четвериковъ)
 Гектей 8,754 " (" 2,7 гарнца)
 Хеника 1,094 " (" $\frac{1}{3}$ ")

Эгинскія мѣры, употреблявшіяся въ Спартѣ и на Пелопоннесѣ, были приблизительно на $\frac{1}{3}$ больше.

Аттическіе вѣсъ и деньги послѣ Солона ¹⁾.

Халкъ ($\frac{1}{8}$ оболы) 0,091 грам. = (около — р. 0.75 коп.)
 Оболь 0.728 " = " — " 6 "
 Драхма (6 оболовъ) 4.366 " = " — " 37 "
 Мина (100 драхмъ) 436,6 " = " 37 " — "
 Талантъ (60 минъ) 26,196 " = " 2220 " — "

Цѣнность денегъ не была неизмѣнной. По вычисленіямъ ученыхъ, въ эпоху Александра Македонскаго талантъ стоилъ около 2200 р., а послѣ Александра цѣна его пала до 2150 р.

¹⁾ Переводъ стоимости греческихъ денегъ на современные можетъ быть только приблизительнымъ. При вычисленіи съ франковъ на рубли, стоимость франка принималась около 38 коп.

Греческія монеты.

Греческія монеты.

Эти измѣненія зависѣли отъ количества чистаго серебра, заключавшагося въ деньгахъ.

(Hultsch. Griechische und römische Metrologie, стр. 234, 697, 700, 703, 705; 2-ое изд.).

10. Способъ счисленія.

У грековъ было нѣсколько нумерацій.

1. Нумерація акронимическая, которая были почти единственной между 600 и 400 г. до Р. Х. Она состояла въ томъ, что для обозначенія цифры брали первую букву слова, означавшаго число. Единица же изображалась просто вертикальной чертой.

Ι	= 1	Χ (χίλια)		= 1000
Π или Γ (πέντε)	= 5	Μ (μύρια)		= 10.000
Δ (δέκα)	= 10	Половина единицы (ἡμις)		
Η (ἑκατόν)	= 100	обозначалась С.		

2. Нумерація азбучная, которая вошла въ употребленіе съ 500 г. и состояла въ томъ, что 24 буквы по-

лучали численное значеніе ихъ мѣста въ алфавитномъ порядкѣ:

A= 1	H= 7	N=13	T=19
B= 2	Θ= 8	E=14	Γ=20
Г= 3	I= 9	O=15	Φ=21
Δ= 4	K=10	Π=16	X=22
E= 5	Λ=11	P=17	Ψ=23
Z= 6	M=12	Σ=18	Ω=24

3. Нумерація алфаветическая, десятичная. Въ ней 10 первыхъ буквъ алфавита со значкомъ сверху съ правой стороны означали цифры отъ 1 до 10:

$\alpha' = 1$	$\xi'^1) = 6$
$\beta' = 2$	$\zeta' = 7$
$\gamma' = 3$	$\eta' = 8$
$\delta' = 4$	$\theta' = 9$
$\epsilon' = 5$	$\iota' = 10$

Тѣ же самыя буквы, если къ нимъ слѣва приставляли ι , обозначали числа отъ 11 до 19:

$\iota\alpha' = 11$
$\iota\beta' = 12$
$\iota\theta' = 19$

Десятки изображались девятью буквами, слѣдовавшими за ι :

$\kappa' = 20$	$\sigma' = 70$
$\lambda' = 30$	$\pi' = 80$
$\mu' = 40$	$\zeta' ^2) = 90$
$\nu' = 50$	$\rho' = 100$
$\xi' = 60$	

Для сотенъ брались восемь слѣдующихъ буквъ:

$\sigma' = 200$	$\chi' = 600$
$\tau' = 300$	$\psi' = 700$
$\upsilon' = 400$	$\omega' = 800$
$\varphi' = 500$	$\varpi' ^3) = 900$

¹⁾ Стигма

²⁾ Коппа

³⁾ Сампи

} буквы, вышедшія изъ употребленія.

Тысячи означались девятью первыми буквами алфавита со значкомъ внизу съ лѣвой стороны:

α	=1000	ς	=6000
β	=2000	ζ	=7000
γ	=3000	η	=8000
δ	=4000	θ	=9000
ϵ	=5000		

Для обозначенія 10000, 20000, 30000 и т. д. надъ этими же буквами сверху ставились двѣ точки:

α	=10000	ζ''	=60000
β	=20000	ζ'	=70000
γ	=30000	η	=80000
δ	=40000	θ	=90000
ϵ	=50000	θ	=100000

Обозначенія денегъ были таковы:

Γ	=1 талантъ.
Π	=5 талантовъ.
Δ	=10 „
H	=100 „
P	=500 „
χ	=1000 „

I	=1 драхма.
Γ	=5 драхмъ.
Δ	=10 „
P	=50 „
H	=100 „
P	=500 „
χ	=1000 „
P	=5000 „

(Bouché-Leclercq. Atlas pour servir à l'hist. gr., стр. 107—109).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семья.

Содержаніе: 1. Первобытная семья.—2. Религія, какъ основа семьи.—3. Безбрачіе.—4. Цѣль брака въ Греціи.—5. Религіозные свадебные обряды.—6. Приданое.—7. Аѳинская женщина.—8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ.—9. Спартанскія женщины.—10. Энергія спартанскихъ женщинъ.—11. Мужество аргивянокъ.—12. Разводъ.—13. Обряды на 7-й и на 10 день послѣ рожденія.—14. Собственныя имена.—15. Усыновленіе.—16. Отцовская власть.—17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.—18. Правила наслѣдованія.—19. Духовное завѣщаніе.—20. Завѣщаніе Платона.—21. Дочь-наслѣдница.—22. Опека.

1. Первобытная семья.

Семья въ первобытной Греціи (γένος) значительно отличалась отъ той семьи, какую мы наблюдаемъ въ послѣдствіи, въ V и IV вѣкахъ. Прежде она была очень многочисленной, и члены ея жили всѣ вмѣстѣ подъ одной кровлей. Гомеръ, не проводящій никакого различія между учрежденіями грековъ и троянцевъ, такъ описываетъ дворецъ Пріама:

. . . . Въ самомъ чертогѣ

Шли пятьдесятъ изъ блестящаго мрамора спальныхъ покоевъ.
Въ этихъ покаяхъ, одинъ отъ другого построенныхъ близко,
Подлѣ законныхъ супруговъ сыновья почивали Пріама.
Для дочерей же съ другой стороны во дворѣ находилось
Комнатъ двѣнадцать изъ гладкаго мрамора, сверху покрытыхъ.
Въ этихъ покаяхъ, одинъ отъ другого построенныхъ близко,
Подлѣ стыдливыхъ супруговъ зятья почивали Пріама ¹⁾

¹⁾ Илиада, пер. Минскаго, п. VI, ст. 244 и сл.

Позже, когда эта семья (γένος) замѣнилась οἶκος, т. е. семьей въ современномъ значеніи этого слова, пытались разсматривать первую, какъ фиктивный союзъ, гдѣ родство не играло никакой роли. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что къ членамъ γένυ прилагался еще эпитетъ ἐμογάλακτες (вскормленные однимъ и тѣмъ же молокомъ), а это опредѣленно указываетъ на кровное родство. Впрочемъ, тогда придавали мало значенія тому обстоятельству, вступилъ ли кто-нибудь въ семью по рожденію или путемъ усыновленія. Пріемный сынъ игралъ въ ней такую же роль, какъ и сынъ родной; его присутствіе не было нарушеніемъ правила, требующаго, чтобы всѣ члены семьи (γεννῆται) находились въ кровномъ родствѣ; пріобщеніе къ культу новаго дома совершенно отрывало человѣка отъ его настоящаго отца и давало ему другого, пріемнаго.

Такимъ образомъ, γένος представлялъ собой союзъ людей, ведшихъ свое происхожденіе отъ одного общаго предка. Но при этомъ необходимо было выполненіе одного условія. Эти лица входили въ составъ γένος, они считались родственниками только въ томъ случаѣ, если ихъ связь съ ихъ болѣе или менѣе отдаленнымъ предкомъ основывалась на родствѣ по мужской линіи. Дѣти сестры и дѣти брата были другъ для друга чужими.

Глава семьи пользовался громадной властью; обыкновенно власть эта находилась въ рукахъ отца. Если отецъ умиралъ, она переходила къ его старшему сыну, и *pater familias* ¹⁾ въ этомъ случаѣ былъ самый старшій изъ находящихся въ живыхъ братьевъ. Извѣстно, кромѣ того, что слово *pater* „заключало въ себѣ не только идею родства, но и идею власти“ ²⁾, и что оно именно служило для обозначенія верховной власти боговъ. Въ принципѣ у грековъ отецъ имѣлъ абсолютное право надъ жизнью и смертію своихъ дѣтей. Онъ могъ по своему произволу лишить ихъ жизни даже въ томъ случаѣ, когда они были совершенно

¹⁾ *Pater familias*—отецъ семьи.

²⁾ Слова французскаго ученаго Фюстель де-Куланжа (*Fustel de Coulanges* (1830—1889).

невинны. Лай узналъ черезъ оракула, что его сынъ Эдипъ ¹⁾ сыграетъ въ его жизни роковую роль; для предотвращения этой опасности онъ приказываетъ бросить его на пустынную гору. Противные вѣтры препятствуютъ отплытію ахейскаго флота, и Агамемнонъ не колеблется принести въ жертву свою дочь Ифигенію, чтобы смягчить гнѣвъ боговъ. Тѣмъ большее право имѣлъ отецъ распоряжаться дѣтьми въ случаѣ ихъ виновности. Драконъ ²⁾ не установилъ никакого наказанія за отцеубійство, потому что карать это преступленіе было правомъ исключительно главы дома. Въ Аѣинахъ рассказывали исторію одного архонта конца VIII вѣка, который, чтобы наказать свою дочь за дурное поведеніе, отдалъ ее на съѣденіе лошади. До Солона ³⁾ отецъ имѣлъ право продавать своихъ дочерей, а братъ, если онъ самъ былъ главой семьи,—своихъ сестеръ. Для этого не нужно было, чтобы онѣ совершили какой-нибудь предосудительный поступокъ,—достаточно было отцу впасть въ нужду. Старые законодатели—Солонъ, Питтакъ, Харондъ ⁴⁾ признавали право отца изгонять изъ дому сына за недостатокъ почтительности по отношенію къ нему. По Гомеру бракъ есть договоръ двухъ главъ семей; въ большинствѣ случаевъ о чувствахъ будущихъ супруговъ даже и не спрашивали. Подарки, которые женихъ предлагалъ своему будущему тестю, являлись настоящей покупной платой; иногда происходило даже нѣчто вродѣ аукціонныхъ продажъ молодыхъ дѣвушекъ.

Первой семейной обязанностью женщины было повиновеніе. Пенелопа спускается изъ своей комнаты, чтобы попросить пѣвца Фемія прекратить вызывавшую въ ней тоску пѣсню. Но едва она, закрывъ лицо покрываломъ,

¹⁾ Имя героя греческихъ сказаній и трагедій.

²⁾ Драконъ—по преданію аѣинскій законодатель VII вѣка до Р. Х.

³⁾ Солонъ—знаменитый аѣинскій законодатель, жилъ во второй половинѣ VII и первой—VI вѣка.

⁴⁾ По преданію Питтакъ—греческій мудрецъ и законодатель изъ г. Митилены, конца VII и начала VI вѣка до Р. Х. Харондъ—изъ г. Катаны, той же эпохи.

показывается на порогѣ комнаты, какъ сынъ ея, Телемакъ, обращается къ ней съ такими словами:

„... Удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ. Были своей: говорить же—не женское дѣло, а дѣло Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ повелитель“ ¹⁾

Всѣ эти черты свидѣлствуютъ, что вначалѣ [эллинской семьей деспотически управлялъ глава ея. Власть отца устанавливала между всѣми ея членами тѣсную связь и препятствовала распаденію этой группы.

Время отъ времени случалось, конечно, что или какой-нибудь недостойный человѣкъ изгонялся изъ семьи, или кто-нибудь изъ мужчинъ, движимый капризомъ, духомъ неповиновенія, желаніемъ поискать счастья въ другомъ мѣстѣ,—уходилъ добровольно.

Но оставшіеся подлѣ господина являлись по отношенію къ нему какъ бы подданными самодержавнаго государя. Всѣ члены семьи были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Если одинъ изъ нихъ бралъ въ долгъ у чужого, за этотъ долгъ была отвѣтственна вся община.

Если кто-нибудь изъ нихъ становился жертвой или виновникомъ преступленія, вся семья соединялась, чтобы требовать вознагражденія или, наоборотъ, вознаградить потерпѣвшихъ. Семья владѣла имуществомъ, но это имущество, въ особенности недвижимое, было общей собственностью всѣхъ. Земля принадлежала не главѣ семьи, а всему γένος, и глава ея только, такъ сказать, хранилъ и охранялъ семейное достояніе. Болѣе того, каждое поколѣніе, смѣнявшее другъ друга на этой нераздѣленной земельной собственности, было обязано передать ее слѣдующему поколѣнію по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно само получило это владѣніе, потому что каждое изъ поколѣній составляло на самомъ дѣлѣ лишь одинъ моментъ въ существованіи семьи; ни одно изъ нихъ не имѣло права присвоить себѣ плоды долгаго труда своихъ предшественниковъ; оно могло пользоваться ими, но должно было предоставить эту же

¹⁾ Одиссея, пер. Жук., п. I, ст. 352 и сл.

возможность и своимъ преемникамъ. Платонъ правильно выражаетъ идеи древнихъ по этому вопросу, говоря: „Я не разсматриваю ни васъ, ни ваши имущества, какъ ваше личное достояніе, но думаю, что и то, и другое принадлежитъ вашей семьѣ въ ея цѣломъ, т. е. какъ потомству, такъ и предкамъ“.

Многочисленныя причины вызвали постепенное разложеніе патріархальной семьи. Различныя вѣтви одного и того же γένος со-временемъ обособились другъ отъ друга; каждая супружеская чета выдѣлилась, чтобы жить своей собственной жизнью, поддерживая съ родственными семьями не болѣе тѣсныя отношенія, чѣмъ тѣ, какія существуютъ въ современномъ обществѣ. Воспоминаніе о старинномъ единствѣ проявлялось иногда лишь въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и судебныхъ актахъ. Старый духъ единенія, какъ это всегда случается, поддерживался долѣе всего въ аристократическихъ и особенно въ жреческихъ фамиліяхъ, хотя и во все болѣе и болѣе слабѣющихъ формахъ.

2. Религія, какъ основа семьи.

Чтобы понять организацію эллинской семьи, надо принять во вниманіе одно явленіе, которое вполне выяснено историкомъ Фюстель де-Куланжемъ и которое совершенно противорѣчитъ нашимъ представленіямъ.

Греки думали, что умершіе продолжаютъ жить въ могилахъ. Жизнь эта носила не вполне духовный характеръ, потому что мертвый нуждался въ пищѣ и питьѣ, какъ и во время своего земного существованія. „Я выливаю на могилу“, говоритъ Ифигенія у Эврипида ¹⁾, „молоко, медъ и вино, потому что все это даетъ радость тѣнямъ усопшихъ“. Орестъ ²⁾ обращается съ такой молитвой къ своему покойному отцу: „Пока я живъ, ты будешь получать богатую пищу, но если я умру, ты не станешь принимать

¹⁾ Эврипидъ — см. прим. на стр. 4. Ифигенія — героиня его трагедій.

²⁾ Орестъ — герой трагедіи Эврипида того же названія.

участіе въ дымящихся трапезахъ, которыми питаются умершіе“.—„Мертвые“, пишетъ Лукіанъ ¹⁾), „ѣдятъ кушанья, которыя мы кладемъ на ихъ могилы, и пьютъ выливаемое туда вино; такимъ образомъ, покойникъ, не получающій никакихъ приношеній, обреченъ на постоянный голодъ“. (Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община древняго міра). Сынъ долженъ строго выполнять обязанность доставленія отцу необходимой пищи; къ этому долгу его побуждала не только благодарность, но и эгоистическіе интересы. Умершіе въ извѣстномъ смыслѣ были дѣйствительно „священными существами“. Древніе прилагали къ нимъ самые почтительные эпитеты, какіе они только могли найти. Называя ихъ добрыми, святыми, блаженными, они оказывали умершимъ все то почтеніе, какое человѣкъ можетъ питать къ божеству, внушающему ему любовь или страхъ. Согласно ихъ воззрѣніямъ, каждый умершій былъ божествомъ. Могущественный въ добрѣ и въ злѣ умершій приносилъ своимъ роднымъ счастье или несчастье, въ зависимости отъ того, пользовался ли онъ самъ ихъ уваженіемъ или находился въ пренебреженіи.

Такимъ образомъ, каждая семья въ лицѣ своихъ предковъ имѣла своихъ собственныхъ боговъ, а слѣдовательно, и свою собственную религію. Религія эта отличалась крайней исключительностью: мертвые не принимали жертвоприношеній отъ каждаго встрѣчнаго, имъ были пріятны только дары ихъ потомковъ; посторонній былъ для нихъ незнакомцемъ, почти врагомъ. Поэтому необходимы были многочисленныя предосторожности, чтобы потомство никогда не прекращалось. Кромѣ того, въ случаѣ вступленія въ семью посторонняго, надо было пріобщить его къ домашнему культу и представить богамъ. Изъ этихъ двухъ основныхъ положеній вытекали и всѣ правила, руководящія жизнью эллинской семьи.

3. Безбрачіе.

И религія и общественные интересы въ Греціи объединялись въ борьбѣ съ безбрачіемъ. Если государство было

¹⁾ Лукіанъ—греческій философъ-сатирикъ (жилъ во II в. по Р. Х.).

заинтересовано въ томъ, чтобы путемъ увеличенія количества браковъ увеличивалось число гражданъ и солдатъ, то не менѣе важно было обезпечить постоянное существованіе семьи и дать увѣренность предкамъ въ непрерывности культа, который имъ должны были воздавать. Слѣдовательно, человѣкъ, не вступившій въ бракъ, дѣлался виновнымъ въ двойномъ преступленіи: противъ предковъ и противъ общества.

Платонъ (въ своемъ сочиненіи „Законы“) высказываетъ пожеланіе, чтобы мужчины женились между 30 и 35 годами. „Если кто отказывается взять жену“, говоритъ онъ, „тотъ совершаетъ преступленіе. Человѣкъ, пренебрегающій этой обязанностью, будетъ подвергаться ежегодному штрафу, чтобы онъ не воображалъ, будто удобно и выгодно быть холостымъ; кромѣ того, онъ не будетъ пользоваться тѣми почестями, которыя молодежь воздастъ людямъ пожилого возраста“. Въ одномъ мѣстѣ другого своего сочиненія, „Пиръ“, Платонъ намекаетъ на законы, устанавливающіе обязанность женитьбы. Этотъ текстъ вмѣстѣ со свидѣтельствомъ Плутарха и Поллукса ¹⁾ указываетъ, повидимому, что даже въ Аѳинахъ безбрачіе подвергалось наказанію. Молчаніе же аттическихъ ораторовъ относительно этого вопроса служитъ только указаніемъ, что въ теченіе IV вѣка законъ этотъ мало-по-малу пересталъ примѣняться. Однако отъ стариннаго запрещенія кое-что сохранилось, если правильно утвержденіе Динарха ²⁾ (Демосѳенъ, 71), будто ораторъ и военачальникъ, желающіе заслужить довѣріе народа, должны были засвидѣтельствовать, что у нихъ есть законныя дѣти. Въ Спартѣ наказанію подвергались не только холостые, но даже женившіеся поздно или худо; но каковы были наказанія, неизвѣстно. Плутархъ и Атенеи ³⁾ говорятъ только, что холостяки служили мишенью для насмѣшекъ и что юноши питали къ нимъ мало уваженія. Во всякомъ случаѣ, они не теряли правъ гра-

¹⁾ Плутархъ—см. прим. на стр. 11.—Поллуксъ—греческій ученый II в. по Р. Х.

²⁾ Динархъ—греческій ораторъ, жившій въ IV и началѣ III в. до Р. Х.

³⁾ Атенеи—греческій писатель конца II и начала III вѣка.

жданства, потому что одинъ знаменитый полководецъ былъ, какъ намъ извѣстно, не женатъ.

4. Цѣль брака въ Греціи.

Въ первобытной Греціи думали, что бракъ заключается только для обезпеченія постоянного существованія семьи и непрерывности наслѣдственныхъ жертвоприношеній. О взаимной склонности или сродствѣ вкусовъ не было и вопроса; супруги соединялись не для того, чтобы слить воедино свои мысли и чувства и служить другъ другу поддержкой въ жизненныхъ невзгодахъ: они выполняли патриотическую и религіозную обязанность. Хотя эти мысли въ послѣдствіи и утратили свою стойкость, все же онѣ сохраняли въ извѣстной мѣрѣ всегда власть надъ умами древнихъ. Отсюда вытекало, что въ бракѣ, какъ его понимали греки, личность женщины не играла роли. Съ ея чувствами не считались; ее избирали въ жены не ради ея самой, а какъ необходимое орудіе для сохраненія семьи и государства. Думали, что она не можетъ быть полезна ни для чего другого и неспособна обладать никакими другими достоинствами. Ея роль считалась исполненной, если она давала жизнь сыновьямъ. Это не все: если бракъ становится только гражданской обязанностью, отъ которой нельзя избавиться, не совершая преступленія противъ религіи и государства, исчезаетъ вся прелесть семейной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и вліяніе женщины. Аѳинянинъ вступалъ въ бракъ съ такимъ же чувствомъ, какъ отдають долгъ: безъ увлеченія и довольно неохотно. Онъ вводилъ въ свой домъ законную жену потому только, что этого требовали интересы государства; но отводилъ ей точно опредѣленное мѣсто въ своемъ существованіи, и, разъ установивъ его границы, онъ не заботился болѣе объ устройствѣ семейнаго счастья.

(Lallier. De la condition de la femme dans la famille athénienne, стр. 14—17).

5. Религіозные свадебные обряды.

Бракъ у грековъ былъ священнымъ обрядомъ, приобщавшимъ дѣвушку къ культу ея новой семьи. Греческіе писатели обыкновенно прилагаютъ къ нему слова, означающія религиозный актъ. Поллуксъ ¹⁾ говоритъ, что въ древнія времена вмѣсто того, чтобы называть бракъ его собственнымъ именемъ, γάμος, употребляли просто слово τέλος, которое означало священную церемонію, будто бракъ былъ обрядомъ священнымъ по преимуществу.

Этотъ обрядъ совершался не въ храмѣ, а дома, и именно домашнее божество брало его подъ свое покровительство. Правда, въ молитвахъ призывали также и небесныхъ боговъ; вошло даже въ обычай предварительно ходить въ храмы и приносить богамъ жертвоприношенія,носящія названія преддверія къ браку—*протэлея*, *проγάμια*. Но главная и важнѣйшая часть церемоніи должна была совершаться у домашнего очага.

Свадьба состояла, такъ сказать, изъ 3 актовъ. Первый происходилъ у очага отца, ἐγγύσις; третій—у очага мужа,

.Греческое свадебное шествіе (рис. на вазѣ)

¹⁾ См. прим. на стр. 31.

τέλος; второй былъ переходомъ отъ одного къ другому, περιπλῆ.

1. Въ родительскомъ домѣ отецъ, окруженный обыкновенно всѣмъ своимъ семействомъ и въ присутствіи жениха, приносилъ жертвоприношеніе. По окончаніи этого обряда онъ, произнося священную формулу, объявлялъ, что выдаетъ свою дочь за поименованнаго молодого человѣка. Это заявленіе было совершенно необходимо при заключеніи брака, потому что дѣвушка не могла бы принять участіе въ поклоненіи очагу мужа, если бы ея отецъ не отлучилъ ее предварительно отъ родительскаго очага. Для принятія новой религіи она должна быть свободной отъ всякой связи со своей первоначальной религіей, отъ всякой привязанности къ ней.

2. Послѣ этого дѣвушку переводили въ домъ мужа. Иногда ее сопровождалъ туда самъ мужъ. Въ нѣкоторыхъ же городахъ обязанность провожать невѣсту лежала на особомъ лицѣ, исполнявшемъ въ извѣстномъ смыслѣ должность священнослужителя и называвшемся герольдомъ.

Невѣсту сажали обыкновенно на колесницу; на лицо ея набрасывалось покрывало, а на голову возлагался вѣнокъ, который вообще употреблялся при всѣхъ религіозныхъ обрядахъ. Одѣта она была въ бѣлое платье; бѣлый цвѣтъ одеждъ также былъ обычнымъ при всѣхъ обрядахъ, имѣющихъ религіозный характеръ. Передъ дѣвушкой несли факель; это—брачный факель. Во время всего пути около нея пѣли религіозный гимнъ, имѣющій такой припѣвъ: „Ὁ Ὑμῶν, ὦ Ὑμέναιε“ („О Гимень, о Гименей!“).

Дѣвушка не вступала сама въ свое новое жилище. Требовалось, чтобы мужъ ея, разыгрывая притворное похищеніе, схватилъ ее, чтобы она вскрикнула нѣсколько разъ и чтобы сопровождающія ее женщины сдѣлали видъ, что защищаютъ ее. Этими дѣйствіями хотѣли, несомнѣнно, подчеркнуть, что женщина, которая будетъ совершать жертвоприношенія у этого очага, не имѣла на это никакого права, что она приближалась къ очагу не по своей волѣ и вводилась сюда властью хозяина даннаго мѣста и бога.

Послѣ этой притворной борьбы новобрачный подымалъ невѣсту на руки и вносилъ ее въ двери, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы ноги ея не коснулись порога.

3. Все описанное является лишь подготовленіемъ, введеніемъ къ церемоніи. Священное дѣйствіе происходитъ внутри дома. При приближеніи къ очагу новобрачную подводили къ домашнимъ божествамъ, ее кропили очистительной водой, она прикасалась къ священному огню. По произнесеніи молитвъ супруги дѣлили между собой пирогъ, хлѣбъ, нѣсколько фруктовъ. Это подобіе легкой трапезы, которая начиналась и кончалась возліянiями и молитвой, это раздѣленіе ѣды передъ очагомъ создавало религіозное единеніе новобрачныхъ, общеніе ихъ другъ съ другомъ и съ домашними богами.

(Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община древняго міра).

6. Приданое.

Обыкновенно жена приносила своему мужу приданое. Но неправильно думать, что отецъ былъ обязанъ давать что-нибудь дочери при выходѣ ея замужъ; если онъ это дѣлалъ, то совершенно добровольно. Сынъ, наоборотъ, сдѣлавшись главою семьи, долженъ былъ нести эту обязанность по отношенію къ своей сестрѣ. Дѣйствительно, сынъ одинъ получалъ все наслѣдство; поэтому считалось справедливымъ, чтобы онъ отдѣлилъ часть своего имущества съ цѣлью оказать помощь своей сестрѣ при выходѣ ея замужъ. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что въ томъ случаѣ, когда сестра оставалась незамужней, братъ долженъ былъ содержать ее. Аѳинскій законъ предписывалъ ближайшимъ родственникамъ дать бѣдной сиротѣ приданое или жениться на ней.

Приданое никогда не принимало большихъ размѣровъ, кромѣ, можетъ быть, Спарты во 2-й половинѣ IV вѣка. Самая высокая цифра, которая встрѣчалась до сихъ поръ, составляла 10 талантовъ (около 22.200 р.). Въ Аѳинахъ 30 минъ (около 1.100 р.) считались среднимъ приданымъ. Приданое заклю-

чалось обыкновенно въ деньгахъ и движимомъ имуществѣ. Но не запрещалось давать невѣстѣ недвижимость и даже землю.

При назначеніи невѣстѣ приданого не требовалось посредничества какого-нибудь государственнаго чиновника. Достаточно было простого заявленія объ этомъ передъ свидѣтелями. Не запрещалось пріобщать къ устному заявленію письменный документъ или прибѣгать къ разнымъ способамъ огласки. Но это не являлось обязательнымъ. Когда кто-нибудь выдавалъ замужъ свою дочь, то, вручая приданое, отецъ требовалъ отъ своего зятя въ видѣ обезпеченія этого имущества закладную на его состояніе. Залогъ подтверждался надписью, помѣщенной на недвижимомъ имуществѣ. Напримѣръ: „имѣнье, заложенное Евѡидикъ за ея приданое“.

Мужъ управлялъ имуществомъ, полученнымъ въ приданое, но онъ долженъ былъ передать его своему потомству въ цѣлости. Если бракъ былъ расторгнутъ, мужъ возвращалъ приданое родственникамъ жены или выплачивалъ имъ ежегодно сумму въ 18% стоимости состоянія. Если жена умирала бездѣтной и раньше мужа, состояніе возвращалось тѣмъ, кто ей его далъ, или ихъ замѣстителямъ.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ одной надписи, гдѣ перечисляются цифры приданныхъ:

„Состратъ выдалъ замужъ свою дочь Ксанѡу за Эпархида и далъ ей приданое въ 1.300 драхмъ (около 480 р.). Сверхъ того, онъ внесъ 100 драхмъ (около 37 р.) серебра и одежду цѣнностью въ 200 драхмъ (около 74 руб.).

Калиппъ выдалъ замужъ свою дочь Аристолаху за Сострата съ приданнымъ въ 14.000 драхмъ (около 5.170 р.) и прибавилъ 406 драхмъ (около 150 р.) процентовъ, которые Состратъ ему долженъ былъ за приданое (уплаченное впередъ).

Амейнократь выдалъ замужъ свою дочь за Филотима съ приданнымъ въ 1.000 драхмъ (около 370 руб.).

Калликсенъ выдалъ замужъ дочь свою Тимократу за Родокла съ приданнымъ въ 700 драхмъ (около 258 р.), включая одежду на 300 драхмъ (около 110 р.). Родоклъ при-

зналъ, что онъ получилъ одежды и 100 драхмъ; вмѣсто 300 остальныхъ драхмъ Калликсенъ отдалъ въ залогъ Родоклу свой городской домъ.

Дексиклъ выдалъ свою дочь Мнесо за Тимея съ приданнымъ въ 3.500 драхмъ (около 1.290 р.).

Ктесонидъ выдалъ замужъ за Паппія свою сестру Дикею съ приданнымъ въ 1.000 драхмъ (около 370 р.) серебра и одежду на 500 драхмъ (около 185 р.). Паппій призналъ получение одежды и 100 драхмъ (около 37 р.) серебра.

Фарсагоръ выдалъ замужъ Панфалиду, дочь Мнезибула, за Пиррака и далъ ей домъ въ предмѣстьѣ города подъ условіемъ, что Фарсагоръ будетъ пожизненнымъ владѣльцемъ дома.

Ктезионъ выдалъ свою дочь Гермоксену за Гіеронида и далъ за ней приданое въ 1.600 драхмъ (около 590 р.), домъ и двухъ рабынь, изъ которыхъ одна называлась Сира¹⁾.

(Dareste. Inscriptions juridiques grecques, I, стр. 48).

7. Аѳинская женщина.

О положеніи аѳинянокъ говорятъ иногда, какъ о положеніи женщинъ современнаго Востока, преувеличивая суровость античныхъ нравовъ, согласно которымъ ихъ будто бы держали взаперти въ гинекеѣ, какъ въ тюрьмѣ. Заключение соблюдалось строго только по отношенію къ дѣвушкамъ; для замужней женщины оно было менѣе сурово, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно не примѣнялось. Каковы бы ни были требованія обычая, къ нарушеніямъ его приходилось относиться терпимо. Женѣ богатаго гражданина было нетрудно сообразоваться съ нимъ и оставаться въ глубинѣ своихъ покоевъ; но въ малосостоятельныхъ семьяхъ женщинѣ ежеминутно приходилось выходить изъ дому по надобностямъ своего хозяйства. Она должна была отправляться на рынокъ, покупать провизію и нести на себѣ заботы, обыкновенно возлагаемыя на рабовъ. Иногда случалось даже, что женщины занимались торговлей на агорѣ. Мать Эвксифея, кліента Демосѳена ¹⁾, про-

¹⁾ Демосѳенъ — см. примѣч. на стр. 4.

давала ленты, а мать Эврипида ¹⁾, какъ утверждаетъ Аристофанъ ²⁾, была торговкой овощами. Однако подобныя явленія наблюдались рѣдко. Бѣдность могла заставить нѣкоторыхъ женщинъ поступать такимъ образомъ, но общественное мнѣніе относилось къ нимъ строго и осуждало ихъ.

Въ стѣнахъ своего дома женщины распоряжались вполнѣ самовластно. Онѣ надзирали за рабами и руководили работою своихъ служанокъ; кромѣ того, онѣ должны были заботиться о всѣхъ мелочахъ управленія хозяйствомъ и о расходахъ, связанныхъ съ нимъ. Въ рѣчи Лизія³⁾ (по поводу убійства Эратосѣена) нѣкій Евфилетъ заявляетъ, что онъ отдалъ въ вѣдѣніе жены личный составъ всего дома. И дѣло обстояло такимъ образомъ не только у Евфилета, человѣка, принадлежащаго къ мелкой буржуазіи; даже въ самыхъ богатыхъ семьяхъ хозяйка не была вполнѣ свободна отъ домашнихъ хлопотъ. Въ ея распоряженіи находился штатъ многочисленныхъ помощниковъ, но общее руководство лежало на ней, и роль ея нисколько не умахалась ея управляющими. Вообще аѳинянка ревниво оберегала свой авторитетъ въ дѣлахъ, касающихся домашняго хозяйства; она держалась за него тѣмъ сильнѣе, что никакія другія занятія не разсѣивали ее. Власть ея была ограниченной, и она тщательно охраняла ее; пользуясь только въ этомъ отношеніи довѣріемъ своего мужа, она стремилась владѣть имъ всецѣло.

Случались, разумѣется, и злоупотребленія. Иная женщина, по безпечности или изъ любви къ лакомой пищѣ, расточительно расходовала провизію. Мужъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ вмѣшаться и отобрать у нея ключи отъ кладовыхъ. Но обыкновенно аѳинянка заслуживала похвалу, какую Евфилетъ высказалъ о своей женѣ: „Она была хорошей хозяйкой“. Иногда расчетливость

¹⁾ Эврипидъ—см. примѣч. на стр. 4.

²⁾ Аристофанъ — греческій драматическій писатель. жилъ приблизительно между 444 и 380 г. до Р. X.

³⁾ Лизій—греческій ораторъ, жившій въ половинѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. X.

аѳинянокъ переходила даже въ скупость. Имъ не-пріятно было видѣть уничтоженіе тѣхъ припасовъ, которые онѣ такъ заботливо собирали и хранили; онѣ переставали различать расходы необходимые отъ излишнихъ и такъ же строго относились къ первымъ, какъ и ко вторымъ. Онѣ ликовали, когда мужа ихъ приносили деньги домой, но слишкомъ легко раздражались горькими упреками за ихъ расходы.

Женщинамъ былъ свойственъ еще и другой недостатокъ. Онѣ обладали часто деспотическимъ характеромъ; преисполненныя гордостью отъ своей власти, онѣ стремились дать почувствовать ее всѣмъ окружающимъ. Вращаясь почти всегда среди рабовъ, привыкнувъ давать имъ постоянно приказанія, бранить ихъ за лѣнь, дѣлать выговоры за ихъ провинности, онѣ иногда не дѣлали различія между господиномъ и слугами и усваивали себѣ по отношенію къ нему тотъ же тонъ. Слѣдуетъ прибавить, что онѣ гордились своими добродѣтелями и, противопоставляя легкомысленнымъ нравамъ мужчинъ строгость своей собственной жизни, усердіе въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, вѣрность въ соблюденіи незапятнанной чести дома, легко проникались убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ. Затѣенныя въ глубинѣ души обиды дѣлали ихъ раздражительными, и при малѣйшемъ предлогѣ у нихъ вырывались тѣ сухія и грубыя слова, тѣ рѣзкія замѣчанія, въ которыхъ ихъ упрекали сатирики.

Всѣ эти недостатки усиливались у наслѣдницъ, обогащавшихъ при выходѣ замужъ своихъ мужей. Придавая особенно большое значеніе состоянію, которое онѣ приносили въ домъ, онѣ становились еще болѣе высокомерны; такія женщины не забывали и не давали другимъ забывать, кѣмъ онѣ были и чѣмъ владѣли. „Если вы бѣдны и женитесь на богатой“, говоритъ одинъ комическій поэтъ, „вы получите госпожу, а не жену; вы станете одновременно и рабомъ, и бѣднякомъ“. „По гордому взгляду всякій узнаетъ мою жену, или скорѣе госпожу, которая меня поработила... Горе мнѣ! Вѣдь нужно же было мнѣ жениться на какой-то Креобилѣ съ ея десятию талантами, на женщинѣ ростомъ всего въ одинъ

локоть, а кромѣ того полной невыносимой спеси. Клянусь Зевсомъ Олимпійскимъ и Аѳиной, нѣтъ силъ терпѣть это. Она принесла мнѣ этотъ домъ и эти поля, но, чтобы имѣть ихъ, надо было взять и ее, а изъ всѣхъ невыгодныхъ торговыхъ сдѣлокъ, которыя можно заключить, это—самая невыгодная. Она истинный бичъ для всѣхъ, и не только для меня, но и для своего сына и еще болѣе—для дочери“ (Менандръ) ¹⁾.

Мужчины страдали отъ этихъ недостатковъ, но они сами были въ нихъ виноваты. Они ограничили дѣятельность женщины заботами по хозяйству, а женщины, черезчуръ увлекшись ими, приобрѣли благодаря этому вздорность характера, отъ которой имъ трудно было уберечь себя. Главнымъ недостаткомъ аѳинской семьи было то, что жена не входила въ достаточной мѣрѣ тѣсно въ жизнь своего мужа. Повидимому, греки и сами понимали это; иногда они признавали, что домашнее счастье цѣнилось у нихъ слишкомъ мало. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ Менандра сокрушается о томъ легкомысліи, съ которымъ вступаютъ въ бракъ. Не лучше ли было бы поменьше думать о приданомъ и больше заботиться о достоинствахъ и недостаткахъ той женщины, на которой хотятъ жениться? „Но нѣтъ, мы стремимся собрать тысячу безполезныхъ свѣдѣній: мы спрашиваемъ, кто были дѣдушка и бабушка невѣсты; мы заставляемъ выкладывать приданое на столъ, чтобы особый оцѣнщикъ провѣрилъ, хорошей ли пробы серебро, которое не останется и пяти мѣсяцевъ въ домѣ, а о качествахъ той, которая будетъ жить подлѣ насъ всю жизнь, мы и не думаемъ освѣдомиться, мы беремъ ее случайно, не ознакомившись съ ней, съ рискомъ найти въ ней злую, сварливую и, быть можетъ, болтливую женщину“ (Менандръ).

Аѳинянинъ слишкомъ легко мирился съ двойственностью своего существованія.

Входя къ себѣ домой, онъ забывалъ или, вѣрнѣе, затаивалъ въ себѣ все, что занимало его внѣ дома. Онъ былъ

¹⁾ Менандръ—аѳинскій поэтъ, авторъ многочисленныхъ комедій, жилъ въ IV и началъ III в. до Р. Х.

на общественной площади, застѣдалъ въ собраніи или въ судахъ, онъ вмѣшивался въ разговоры софистовъ ¹⁾ и риторовъ, онъ разбиралъ государственныя дѣла и устраивалъ свои торговыя сдѣлки, но онъ остерегался рассказывать женѣ своей что бы то ни было изъ видѣннаго и слышаннаго имъ. Эти переживанія принадлежали ему и онъ хотѣлъ сохранить ихъ только для себя одного. На примѣрѣThemistocles ²⁾ видно, конечно, что иногда мужъ позволялъ женѣ больше входить въ его жизнь, и что и онъ даже подчинялся ея господству. Но какое заключеніе можно сдѣлать изъ этого? Themistocles подчиняется своей женѣ, которая сама подчиняется причудамъ ребенка; это—проявленіе снисходительности или слабости, прихоть любви, стремящейся повиноваться безпрекословно и безъ размышленій.

Это не то сознательное довѣріе, не то разумное уваженіе, какое питаютъ къ испытаннымъ и признаннымъ по своему благоразумію совѣтамъ. Такимъ примѣрамъ нельзя придавать никакого значенія. Изъ того факта, что мужчины слабохарактерные или утомленные своей дѣятельностью, которою они занимались внѣ дома, покорялись въ домашней жизни капризамъ своихъ женъ, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, и этого недостаточно для утвержденія, что афинянка раздѣляла со своимъ мужемъ его мысли, планы и честолюбивыя стремленія.

Она не принимала даже большого участія въ воспитаніи своихъ дѣтей. Прежде всего, дѣти поручались кормилицамъ. Это не означало пренебреженія къ нимъ со стороны матери: она интересовалась ихъ играми, ласкала ихъ, но между ними и ею становилась посторонняя женщина; и если на кормилицу падали вмѣсто матери самыя тяжелыя заботы о дѣтяхъ,

¹⁾ Софистами назывались учителя мудрости въ Греціи, впоследствии снискавшіе дурную славу благодаря тому, что учили доказывать любыя положенія, часто путемъ ложныхъ выводовъ.

²⁾ Themistocles шутилъ говорилъ, что его сынъ—самый могущественный изъ грековъ: греки въ подчиненіи у афинянъ, афиняне у Themistocles, самъ онъ—у своей жены, жена у сына“ (Плутархъ, Themistocles, 18). (*Примѣч. авт.*)—Themistocles—афинскій полководецъ, жившій въ концѣ VI и первой половинѣ V вѣка до Р. Х.

то на нее обращалась и часть той привязанности, отъ которой отказывалась мать, не выполняющая этихъ обязанностей.

Мальчики съ ранняго возраста начинали учиться внѣ дома. Дѣвочки оставались около своихъ матерей, но ихъ образованіе было крайне поверхностно. Когда для дѣтей приходило время вступать въ бракъ, мать не вмѣшивалась въ рѣшеніе отца, въ силу закона предоставляемое ему одному. Ее не спрашивали, когда распоряжались ея собственной судьбой, че спрашивали ее тѣмъ болѣе и тогда, когда дѣло шло объ устройствѣ судьбы ея сыновей или дочерей.

Единственными событіями, нарушавшими правильность жизни женщинъ, были посѣщенія другъ-друга и очень часто устраиваемыя ими религіозныя церемоніи. Мужчины подозрительно относились къ этимъ посѣщеніямъ, къ разговорамъ, которые женщины вели между собой, какъ будто бы онѣ могли собираться только для того, чтобы сообщать другъ другу свои жалобы на главусемьи и составлять какіе-нибудь планы мести. Женщины не только ходили въ гости къ сосѣдкамъ, но и приглашали другъ друга на пиршества. Менандръ сочинилъ комедію, озаглавленную „Ужинъ женщинъ“, нѣкоторые отрывки которой дошли и до насъ.

На похоронахъ женщины играли первенствующую роль. На многочисленныхъ городскихъ торжествахъ онѣ также занимали извѣстное мѣсто. Имъ было запрещено появляться на большихъ греческихъ играхъ; но онѣ допускались на драматическія представленія, по крайней мѣрѣ, на трагедіи. Эти празднества отрывали ихъ на день отъ ихъ обычныхъ занятій; они переносили ихъ души въ болѣе возвышенныя области, пріобщали ихъ къ патріотическимъ переживаніямъ гражданъ и, въ извѣстной мѣрѣ, заставляли ихъ чувствовать интересъ къ торжествамъ въ честь государства и къ государственной религіи.

Кромѣ общенациональныхъ божествъ, онѣ имѣли своихъ особыхъ, которымъ оказывали величайшее почитаніе. Платонъ ¹⁾ жалуется, что онѣ, собираясь тайно въ особыхъ

¹⁾ См. прим. на стр. 8.

домашнихъ моленьяхъ, молились множеству боговъ, героевъ и геніевъ. Въ этомъ отношеніи происходило то же самое, что и съ пиршествами, задаваемыми ими другъ для друга: не допуская женщинъ въ свою жизнь, мужчины заставляли ихъ, почти противъ ихъ воли, отдаляться и искать своихъ особыхъ развлеченій и вѣрованій.

Аѳинская женщина не была презираема. Ей не довѣрили бы управленіе домою, если бы возникало сомнѣніе въ ея энергіи или въ ея умѣ. Нападки комическихъ поэтовъ не должны вводить насъ въ заблужденіе: онѣ, повидимому, внушены болѣе страхомъ, чѣмъ презрѣніемъ. Кромѣ того, Менандръ и другіе писатели противорѣчатъ сами себѣ. Они смѣются надъ бракомъ, оскорбляютъ женщину, но находятъ вмѣстѣ съ тѣмъ трогательныя выраженія для восхваленія ея: „Какое прекрасное зрѣлище—женская добродѣтель“. А въ другомъ мѣстѣ: „Добродѣтельная женщина—счастье дома“ (Менандръ).

Ораторы настоятельно требуютъ соблюденія святости брака и взаимной вѣрности супруговъ. Они изображаютъ намъ женщину, принимающую участіе въ семейныхъ со-вѣтахъ, если не въ качествѣ руководительницы, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ свидѣтельницы и участницы. Но, дѣйствительно, аѳинянинъ, несмотря на любовь и уваженіе къ своей женѣ, не зналъ ея.

Отвлекаемый отъ дома занятіями и удовольствіями, онъ жилъ подлѣ нея, довольствуясь тѣми ея достоинствами, которыя она проявляла въ выполненіи повседневныхъ обязанностей, больше ничего отъ нея не требуя. Женщина и сама не подозрѣвала, что она создана для болѣе высокаго назначенія, для болѣе полного существованія. Благодаря нравамъ того времени, она была ограничена узкимъ кругомъ дѣятельности, привыкла къ этому умаленію своихъ способностей и обыкновенно покорялась ему безъ сожалѣнія.

(По Lallier, De la condition de la femme dans la famille athénienne, стр. 62—84).

8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ ¹⁾).

Исхомахъ женился на дѣвушкѣ, едва достигшей пятнадцатилѣтняго возраста, и ввелъ ее въ свой домъ. Новобрачные совершенно не знаютъ одинъ другого; до свадьбы они даже не встрѣчались другъ съ другомъ. Союзъ ихъ былъ заключенъ не вслѣдствіе ихъ естественной взаимной склонности, а благодаря, быть можетъ, родственнымъ связямъ, общности имущественныхъ интересовъ и желанію обѣихъ семей. Молодая женщина робка и боязлива по отношенію къ человѣку, съ которымъ связана въ будущемъ вся ея жизнь и который еще чуждъ ей. Она боится своего невѣдѣнія, боится того превосходства, которое мужу ея даетъ его болѣе зрѣлый возрастъ и болѣе сложившійся умъ. Исхомахъ не скрываетъ отъ себя, что она неопытна, что до сихъ поръ она была окружена строгимъ надзоромъ, „пріучена ничего не видѣть, ничего не слышать и ничего не спрашивать“. Изъ всѣхъ наукъ ей хорошо извѣстна только обработка шерсти; кромѣ того она наблюдала, какъ распредѣляется работа между служанками. Но самое ея невѣдѣніе и ея робость заставляютъ ее проявлять трогательную покорность.

Давъ нѣкоторое время молодой женщинѣ свыкнуться со своимъ положеніемъ и приспособиться къ нему, Исхомахъ принялся за ея образованіе. Прежде всего онъ старается внушить ей довѣріе къ себѣ. Она должна смотрѣть на себя не какъ на рабыню, созданную для повиновенія, а какъ на подругу своего мужа, обладающую также извѣстной властью. Хотя ея обязанности совершенно иныя, но онѣ не менѣе важны и не менѣе трудны. Мужчина и женщина вступаютъ въ союзъ, чтобы имѣть дѣтей, которыя должны продолжать ихъ родъ, а дѣтей этихъ надо воспитывать. Мужъ долженъ внѣ дома добывать все необходимое для пропитанія и содержанія его семьи; обязанность женщины—дѣлать дома мудрое употребленіе средствъ, пріобрѣтенныхъ

¹⁾ Ксенофонтъ—греческій историкъ и философъ (434—359 до Р. Х.).

трудами ея мужа. Это несходство занятій опредѣляется неравенствомъ физическихъ силъ и различіемъ нравственнаго склада мужчины и женщины.

Установивъ эти основныя правила, Исхомахъ подробно разбираетъ обязанности, налагаемыя на женщину. Она должна оставаться внутри дома, гдѣ ей принадлежитъ власть госпожи; мужъ не можетъ захватывать ея правъ, не дѣлаясь смѣшнымъ и не неся за это отвѣтственности. Хотя область домашней дѣятельности узка, но задача ея велика и можетъ заполнить жизнь самой трудолюбивой женщины. Царица пчелъ не покидаетъ улья, а развѣ не она управляетъ всѣми пчелами-работницами. Она не позволяетъ ни одной изъ своихъ подругъ пребывать въ праздности, она отправляетъ ихъ на работу за предѣлы улья, получаетъ приносимые ими запасы, заботится о томъ, чтобы ихъ хватало, и слѣдитъ за потребленіемъ. Точно такъ же и женщина, никогда не выходя изъ дому, наблюдаетъ за отправленіемъ слугъ на поля, указываетъ работу остающимся дома и не теряетъ ихъ изъ виду. Она ведетъ счетъ всѣмъ поступающимъ припасамъ, выдаетъ тѣ, которые предназначены къ немедленному использованию, откладываетъ другіе впрокъ и руководитъ расходомъ съ осторожной экономіей. Она обучаетъ также рабынь искусству прясть и ткать шерсть; она же награждаетъ хорошихъ и наказываетъ дурныхъ слугъ; она, наконецъ, управляетъ всѣмъ домомъ, и все подчиняется ея власти, включая сюда и самого ея мужа; благодаря своимъ достоинствамъ она можетъ получить надъ нимъ настоящее превосходство, сдѣлать изъ него своего первого слугу и обезпечить себѣ своей ловкостью въ веденіи домашнихъ дѣлъ его любовь и уваженіе, которыя сохраняются даже тогда, когда красота ея исчезнетъ, и которыя дадутъ ей счастливую и полную почета старость.

Исхомахъ добавляетъ и другіе совѣты. Порядокъ, говоритъ онъ, придаетъ красоту хорамъ и силу войскамъ; безъ соблюденія порядка моряки не могли бы помѣстить на небольшой площади корабля такое большое количество предметовъ. „Неужели же мы, располагая такимъ обширнымъ помѣщеніемъ въ прочно выстроенномъ и стоя-

щемъ на твердой почвѣ домѣ, не сумѣемъ найти подходящаго мѣста для каждаго предмета? Это значило бы проявить недостатокъ ума. Выбрать для одежды и разнаго рода припасовъ соотвѣтствующее помѣщеніе, расположить все въ порядкѣ, слѣдить, чтобы ничто не нарушило этого распредѣленія—значить работать не только для благосостоянія семьи, для увеличенія богатства, но также доставлять радость взору и удовлетвореніе уму пріятнымъ зрѣлищемъ симметріи. Самая простая мебель, служащая для повседневнаго употребленія; самыя обычныя вещи хозяйственнаго обихода становятся гораздо красивѣе благодаря правильной разстановкѣ; „даже кухонные горшки имѣютъ пріятный видъ, если умно поставлены“. Исхомахъ показываетъ своей женѣ различныя помѣщенія ихъ жилища и объясняетъ назначеніе каждаго изъ нихъ. Они дѣлаютъ нѣчто вродѣ описи ихъ имущества и выбираютъ для каждаго предмета мѣсто, которое онъ долженъ занимать.

Но это не все. Надо еще назначить экономку, которая помогала бы женѣ и управляла бы рабами подъ ея руководствомъ. На эту важную должность недостаточно назначить самую скромную, самую бдительную и самую цѣломудренную рабыню; слѣдуетъ сдѣлать ее участницей домашнихъ радостей и горестей, заинтересовать ее въ увеличеніи богатства ея господъ, предоставивъ ей извѣстную долю ихъ благосостоянія. При этихъ условіяхъ жена найдетъ въ экономкѣ преданную помощницу, которая будетъ какъ бы первымъ министромъ этого домашняго царства, и этотъ первый министръ будетъ держаться соотвѣтственно своему положенію, не пытаясь захватить въ свои руки права верховной власти. Экономка будетъ облегчать работу своей госпожи, но она никогда не сможетъ замѣнить послѣднюю и въ особенности избавить ее отъ обязанности лично наблюдать за всѣмъ.

Однажды молодая женщина, желая казаться красивѣе и выше ростомъ, нарумянилась и надѣла обувь на высокихъ каблукахъ. Исхомахъ мягко упрекнулъ ее въ этомъ невинномъ кокетствѣ. Вступивъ въ бракъ, каждый изъ нихъ какъ бы отдалъ себя другому, поэтому онъ полагалъ бы,

что обманываетъ свою жену, если бы вмѣсто крѣпкаго, здороваго тѣла она видѣла и ощущала на немъ только красную краску. Зачѣмъ же она, желая украсить себя, прибѣгаетъ къ помощи фальшивыхъ способовъ, которые, кромѣ того, не могутъ никого ввести въ заблужденіе и вредятъ истинной и прочной красотѣ. Настоящая красота совершенно не нуждается въ разныхъ ухищреніяхъ; для нея надо поменьше утонченности и изысканности. „Слѣдуетъ не вести, подобно рабамъ, сидячей жизни, а стоя съ повелительнымъ видомъ около станковъ служанокъ, слѣдить за ихъ работой; надзирать за пекарней; находиться подлѣ экономки при подсчетѣ провизіи; обходить весь домъ, чтобы видѣть, все ли находится на своихъ мѣстахъ“ — вотъ средства, которыми наши жены могутъ пріобрѣтать и сохранять единственную настоящую и прочную красоту, являющуюся слѣдствіемъ здоровья.

(По Ксенофону, О домоводствѣ (*Oikonomikḗs*), гл. VII и сл., и Lallier, стр. 45—55).

9. Спартанскія женщины.

Въ Спартѣ женщины пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ во всей остальной Греціи; благодаря своему воспитанію онѣ были ближе къ мужчинамъ; онѣ съ дѣтства привыкали чувствовать себя гражданками и принимать общественные интересы горячо къ сердцу. Онѣ не уступали мужчинамъ въ мужествѣ, патріотизмѣ и самоотверженности: поэтому онѣ и пользовались такимъ уваженіемъ. Похвала или порицаніе женщинъ играли большую роль, и ихъ отношенію къ разнаго рода вопросамъ, даже къ тѣмъ, которые были выше ихъ пониманія, придавали большое значеніе. Ихъ вліяніе было таково, что греки дѣлали видъ, будто считаютъ спартанское правительство — правленіемъ женщинъ.

Это, впрочемъ, не мѣшало имъ исполнять обязанности женъ и матерей. Выйдя замужъ, спартанская женщина погружалась въ домашнія заботы. Платонъ говоритъ, что она не пряла и не ткала, предоставляя это дѣло рабы-

нямъ, но зато она руководила работами по домашнему хозяйству. Она пеклась о воспитаніи своихъ дѣтей такъ же, какъ и ея мужъ. Въ отношеніяхъ съ мужчинами замужнія женщины были болѣе стѣснены, чѣмъ дѣвушки. Замѣчаніе Перикла, что для женщины самое лучшее, если о ней не говорятъ совсѣмъ—ни съ похвалой, ни съ порицаніемъ, вполне примѣнимо и къ Спартѣ. Замужнія выходили изъ дому только подъ покрывалами, дѣвушки же ходили съ открытыми лицами. Когда одного спартанца спросили о происхожденіи этого обычая, онъ отвѣчалъ: „Дѣвушкѣ приходится искать себѣ мужа, тогда какъ замужняя женщина должна лишь сохранить своего“. Эти слова свидѣтельствуютъ, что въ Спартѣ личная склонность при выборѣ жены играла большую роль, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Греціи.

(Schömann. Griechische Alterthümer, т. I).

10. Энергія спартанскихъ женщинъ.

— Одна мать, узнавъ, что ея сынъ спасся отъ враговъ бѣгствомъ, отправила ему слѣдующее письмо: „О тебѣ пошла дурная слава; смой ее или умри“.

— Одинъ спартанецъ рассказывалъ своей матери о славной смерти своего брата: „Не стыдно ли тебѣ“, сказала она ему, „что ты не составилъ ему компаніи въ подобномъ путешествіи?“

— Одна спартанка, отправившая на войну пять своихъ сыновей, стояла у городскихъ воротъ, ожидая съ нетерпѣніемъ исхода событій. Обратившись съ вопросомъ къ первому проходящему, она узнала, что всѣ ея сыновья погибли: „Я не объ этомъ спрашиваю тебя: въ какомъ состояніи находятся дѣла нашей родины?“ — „Спарта побѣдила“. — „Хорошо, въ этомъ случаѣ я съ радостью примирюсь со смертію моихъ сыновей“.

— Одну спартанку, выставленную на продажу, спросили, что она умѣетъ дѣлать. „Быть вѣрной“, отвѣчала она. (Плутархъ. Изреченія неизвѣстныхъ лакедемонянокъ, 2, 5,

11. Мужество аргивянокъ.

Клеомень, царь спартанскій, истребивъ множество аргивянъ, подходилъ къ самому ихъ городу. Тогда женщины наиболѣе цвѣтущаго возраста прониклись чудесной отвагой и пыломъ и рѣшили спасти Аргось, отразивъ непріятеля. Предводительствуемая Телесиллой, онѣ, къ великому удивленію нападающихъ, взялись за оружіе, расположились лагеремъ и окружили какъ бы поясомъ укрѣпленія. Клеомень былъ отбитъ, потерявъ много людей, а другой царь, Демаратъ, который проникъ уже въ городъ и взялъ одинъ кварталъ, былъ изгнанъ ими отсюда.

Городъ былъ такимъ образомъ освобожденъ; женщины, павшія въ сраженіи, были погребены на аргосской дорогѣ, а оставшимся въ живыхъ разрѣшили, въ память ихъ доблести, воздвигнуть статую бога Ареса.

Ежегодно празднуется годовщина этого событія, и женщины одѣваютъ тогда мужскія туники и хламиды, а мужчины—женскія платья.

(Плутархъ. О доблестяхъ женщинъ, 4).

12. Разводъ.

Разводъ, почти неизвѣстный въ древнѣйшія времена греческой исторіи, дѣлается очень частымъ явленіемъ въ классическую эпоху ¹⁾,—настолько частымъ, что греческіе ораторы указываютъ на приданое, какъ на необходимую предосторожность, придающую хотя нѣкоторую прочность узамъ брака. Мужъ очень часто не разводился съ женой, только боясь необходимости вернуть ея приданое въ случаѣ разрыва съ нею.

Аѳиняне употребляли для означенія развода два слова: *ἀπορριπί*, (отсылка)—разводъ по волѣ мужа, и *ἀπόλειψις* (оставленіе)—разводъ, происшедшій по желанію жены. Первый не подлежалъ никакимъ формальностямъ; мужъ могъ отправить изъ своего дома жену, когда ему угодно. Жена считалась въ этомъ случаѣ разведенною безъ всякаго

¹⁾ Т. е. въ VI—IV вѣкахъ до Р. Х.

вмѣшательства какого бы то ни было должностного лица. Она возвращалась къ своему отцу или къ своему *xýrios*, дѣти же оставались у мужа. Обыкновенно мужъ разводился такимъ образомъ со своей женой передъ свидѣтелями, хотя соблюденіе этой формальности было необязательно. Что же касается женщины, то она не имѣла права дѣйствовать самостоятельно, а должна была обратиться къ архонту, который совершалъ разводъ по ея просьбѣ только въ томъ случаѣ, если она въ письменномъ заявленіи свидѣтельствовала, что у нея были для этого шага вѣскія основанія.

Какъ ни просты были эти дѣйствія, для женщины, въ силу ея зависимаго положенія, они становились въ высшей степени затруднительными ¹⁾. Кромѣ того, и общественное мнѣніе очень осуждало разводящихся женщинъ ²⁾.

Такимъ образомъ, разводъ могъ имѣть мѣсто или съ согласія обоихъ супруговъ, или по желанію одного изъ нихъ, несмотря на нежеланіе другого. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ тотъ изъ супруговъ, который не хотѣлъ развода могъ возбудить противъ другого гражданскій искъ.

Дѣло о разводѣ могло быть возбуждено даже третьимъ лицомъ. Отецъ, напримѣръ, имѣлъ право разлучить свою дочь съ ея мужемъ съ цѣлью взять ее обратно къ себѣ

¹⁾ Гиппарета, жена Алкивіада, была добродѣтельной женщиной и любила своего мужа, но она выносила много страданій изъ-за его безпорядочной жизни. Она покинула супружескій домъ и удалилась къ своему брату. Алкивіадъ, повидимому, не былъ этимъ обезпокоенъ и продолжалъ свою разгульную жизнь. Гиппаратъ надо было подать архонту прошеніе о разводѣ, и никто другой не могъ этого сдѣлать за нее. Когда она для выполненія этой законной формальности появилась на общественной площади, Алкивіадъ, бросившись къ ней, схватилъ ее и увелъ въ свой домъ: никто не препятствовалъ этому, и никто не посмѣлъ отнять ее у него. Она оставалась у него до самой своей смерти, которая произошла вскорѣ послѣ этого случая, когда Алкивіадъ былъ въ Ефесѣ. (П л у т а р х ѣ. Жизнь Алкивіада). (Прим. автора).

²⁾ Жестокъ и труденъ путь, по которому приходится идти женщинѣ, покинувшей домъ мужа и возвращающейся въ жилище отца своего. Съ краской на лицѣ проходятъ женщины этотъ путь. (Анаксандридъ). (Примеч. автора).

или выдать ее замужъ за другого. Послѣ смерти отца ближайшій родственникъ имѣлъ право требовать, чтобы сирота, покинувъ своего мужа, вышла за него замужъ.

Мужъ могъ выдать свою жену замужъ за другого. Для этого, повидимому, не было необходимости въ ея согласіи. Правда, Плутархъ, рассказывая о Периклѣ, который передалъ свою жену другому, прибавляетъ, что она дала на это согласіе. Но не всѣ тексты гласятъ одно и то же относительно этого вопроса. Стримодоръ Эгинскій выдалъ замужъ свою жену за раба Гермея. Банкиръ Сократъ отдалъ свою за своего вольноотпущенника Сатира.

Разводъ влекъ за собой возвращеніе приданого, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ вызванъ измѣной жены. Въ случаѣ замедленія въ расчетѣ, мужъ долженъ былъ заплатить и проценты, по 18 въ годъ.

Въ Туріумѣ супругъ, начавшій дѣло о разводѣ, могъ вступить въ другой бракъ лишь съ особой, превосходящей возрастомъ ту, съ которой онъ разставался.

Въ Гортинѣ на Критѣ разводъ разрѣшался при согласіи обѣихъ сторонъ, но и желанія одного изъ супруговъ также было достаточно. Однако дѣлалось различіе между разводомъ по произволу и разводомъ, имѣвшимъ серьезныя основанія. Такъ, напримѣръ, когда мужъ отсылалъ отъ себя свою жену безъ достаточныхъ причинъ, или когда онъ своей безпорядочной жизнью или дурнымъ обращеніемъ съ нею заставлялъ ее покинуть его, онъ былъ принужденъ вознаградить ея убытки. Если въ вопросѣ о томъ, кто несъ на себѣ отвѣтственность за разводъ, между супругами не было согласія, споръ ихъ разрѣшался судомъ.

(Caillemet. Dict. des ant. de Daremberg et Saglio, II, стр. 319-321).

13. Обряды, совершавшіеся на седьмой и на десятый день послѣ рожденія ребенка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка, — въ ро-
ятно, на седьмой день, — совершались обряды, называемые
ἀμφιδόρις. Если рождался мальчикъ, дверь дома украшалась
оливковыми вѣнками; если дѣвочка — шерстяными гирлян-

дами. Женщины, ухаживавшія за матерью, въ знакъ очищенія омывали руки. Одна изъ нихъ, держа ребенка на рукахъ, быстро обносила его вокругъ очага и приобщала его такимъ образомъ къ домашнему культу. Послѣ этого родственники и друзья семьи собирались на трапезу.

На десятый день ребенку давали имя. Нерѣдко, однако, случалось, что эта формальность совершалась на седьмой день. На жертвоприношеніе и пиршество приглашались родственники и друзья. По обычаю, ребенку надо было сдѣлать подарки; это были игрушки или маленькія вещицы, которыя потомъ вѣшали ему на шею.

Выполненіе этого обряда служило доказательствомъ, что отецъ признаетъ ребенка своимъ. „Каждый изъ васъ знаетъ“, говоритъ Демосѳенъ, „что никогда не празднуется десятый день ребенка, если онъ не считается законнымъ; съ другой стороны, отпраздновавъ десятый день и выразивъ ребенку любовь, которую питаютъ къ сыну, никто уже не позволяетъ себѣ отречься отъ него“. (Рѣчь противъ Беота, I, 22).

(По Becker-Göll, Chariklēs, II, стр. 21—24, и Saglio, Dict. des antiq., I, стр. 238).

14. Собственные имена.

Греки не имѣли фамилій, они носили обыкновенно только имя и отчество, т. е. имя отца въ родительномъ падежѣ: Κλέων Διόνοϋ—Клеонъ, сынъ Діона.

Часто сыну давалось имя отца; такъ, напримѣръ, было съ Демосѳеномъ. Но нерѣдко также мальчикъ получалъ имя своего дѣда съ отцовской стороны, въ особенности, если онъ былъ старшимъ сыномъ; такъ поступилъ Мильтіадъ ¹⁾ со своимъ сыномъ Кимономъ. Подобно этому дочери часто носили имя своей бабушки. Иногда ребенка называли именемъ его дяди или кого-нибудь изъ друзей. Нерѣдко случалось даже, что для имени ребенка брали названіе какого-нибудь иностраннаго народа. Такъ, Кимонъ

¹⁾ Мильтіадъ—знаменитый аѳинскій полководецъ V в. до Р. Х.; сынъ его Кимонъ—также полководецъ.

назвалъ своихъ трехъ сыновей—Лакедемономъ, Элеемъ и Θεσσαломъ.

Родители охотно выбирали для своихъ дѣтей имена, находящіяся въ связи съ ихъ собственной профессіей или съ той, которую они предназначали для своихъ дѣтей. Отсюда—тѣ совпаденія значенія именъ грековъ съ талантами, сдѣлавшими ихъ знаменитыми (Периклъ, т. е. тотъ, чья слава широко распространена; Демосѳенъ—сила народа). Эти совпаденія особенно часто наблюдались у художниковъ, наслѣдовавшихъ обыкновенно занятія отца (Χερστέρων, Χερστροφος, Εὐχερος, т. е. одаренный искусными руками).

Многія собственныя имена составлялись изъ наименованія божества или производнаго отъ одного изъ слѣдующихъ словъ: Θεοδορ, Θεοδοτ, Ζηνοδοτ, Διοδορ, Γεροδοτ. Если какой-нибудь богъ или герой считался покровителемъ семьи, ребенокъ получалъ имя, напоминающее объ этомъ покровительствѣ: Διογεν, Απολλωνίη, Δεμετρίη, Διονισίη).

Наконецъ, нѣкоторыя имена представляли просто обозначеніе нравственныхъ свойствъ (Σοφία, Ἀνδράγαθος, Ἀειμνηστος, Εὐχλεια) ¹⁾.

(По S. Reinach, *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 503 и сл., и Hermann-Blümner, *Griechische Privatalterthümer*, стр. 284—285).

15. Усыновленіе.

Усыновленія были очень часты въ Греціи. Исей ²⁾ указываетъ намъ основаніе этого обычая: „Всѣ тѣ“, говоритъ онъ, „кто чувствуетъ приближеніе смерти, заботятся, чтобы домъ ихъ не остался пустымъ, чтобы, наоборотъ, кто-нибудь приносилъ душамъ ихъ предковъ погребальныя жертвоприношенія и воздавалъ имъ всѣ предписываемыя обычаемъ почести. Слѣдовательно, если кому-нибудь грозила опасность

¹⁾ Мудрость, Мужественный, Всегда прославляемый, Славная.

²⁾ Исей—греч. ораторъ, жившій въ IV в. до Р. Х., учитель Демосѳена; изъ его многочисленныхъ рѣчей сохранилось 11: въ нихъ разсматриваются дѣла о наслѣдствѣ.

умереть безъ дѣтей, онъ пріобрѣталъ ихъ себѣ путемъ усыновленія“ (И с ей. Объ аполлодоровомъ наслѣдствѣ, 30). „Менеклъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „не хотѣлъ остаться бездѣтнымъ и стремился найти кого-нибудь, кто заботился бы о его старости, пока онъ живъ, похоронилъ бы его послѣ смерти и изъ года въ годъ воздавалъ бы почести его могилѣ“. (О наслѣдствѣ Менекла, 10). Такимъ образомъ, на усыновленія вліяла религіозная мысль. Усыновленіе совершали съ цѣлью имѣть увѣренность въ полученіи впослѣдствіи тѣхъ почестей, которыя должны воздаваться умершимъ.

Чтобы имѣть право усыновить кого-нибудь, надо было быть бездѣтнымъ. Однако усыновленіе не считалось недѣйствительнымъ, если послѣ совершенія его рождался законный ребенокъ; наслѣдство въ этомъ случаѣ дѣлилось между роднымъ и пріемнымъ сыномъ.

Само собой разумѣется, что усыновленіе несовершеннолѣтняго ¹⁾ могло происходить только съ согласія его родителей; для усыновленія совершеннолѣтняго не было необходимости въ какомъ бы то ни было разрѣшеніи.

Усыновленіе производилось или при жизни пріемнаго отца, или по завѣщанію.

Въ первомъ случаѣ усыновитель собиралъ своихъ родныхъ, членовъ своей фратріи и послѣ жертвоприношенія представлялъ имъ усыновляемаго; происходило голосованіе, и если результаты его были благопріятны, усыновляемаго вносили подъ его новымъ наименованіемъ въ списки членовъ фратріи. Впрочемъ, хотя по обычаю формальность эта и совершалась, но она не была обязательна.

Усыновленіе по завѣщанію приводилось въ дѣйствіе лишь послѣ смерти усыновителя. Такимъ путемъ можно было усыновить не только уже родившагося человѣка, но и того, появленія на свѣтъ котораго только ждали. Такъ, отецъ, имѣющій лишь однихъ дочерей, усыновлялъ иногда внука, который могъ родиться отъ одной изъ нихъ. Бывали даже посмертныя усыновленія: если умиралъ ктс-ни-

¹⁾ См. гл. 16.

будь, не имѣющій потомства, наиболѣе близкій родственникъ его былъ обязанъ назначить ему пріемнаго сына изъ своихъ дѣтей.

Усыновленный становился наслѣдникомъ усыновителя и какъ бы продолжателемъ его личности, подѣ условіемъ выполнять по отношенію къ нему свои обязанности, состоящія въ заботѣ о его похоронахъ и въ почитаніи его предковъ. Взамѣнъ этого усыновленный разрывалъ всякую связь со своей первоначальной семьей. Если же у него являлось желаніе снова вернуться въ нее, онъ долженъ былъ оставить усыновившей его семьѣ своихъ дѣтей.

(Gide et Caillemet. Dict. des antiq., I, стр. 75).

16. Отцовская власть.

По сравненію съ первобытной эпохой власть отца въ Греціи съ теченіемъ времени чрезвычайно уменьшилась, такъ что, говоря вообще, въ V вѣкѣ она была болѣе или менѣе такою, какъ у насъ. Были, однако, и нѣкоторыя существенныя отличія.

Въ первые дни послѣ рожденія ребенка отецъ имѣлъ право отказаться отъ него, если онъ сомнѣвался въ законности его происхожденія. Но, даже считая его своимъ, онъ могъ бросить его, и это, несомнѣнно, случалось иногда, особенно когда дѣло касалось дѣвочки. Въ Оивахъ законъ формально запрещалъ этотъ обычай. Тѣмъ не менѣе, если человѣкъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ средствъ воспитывать своего ребенка, онъ пользовался возможностью передать его властямъ; эти послѣднія должны были озаботиться воспитаніемъ его на казенный счетъ, и подразумѣвалось, что воспитатель, сыгравшій для ребенка роль отца, въ видахъ вознагражденія за свои труды, впослѣдствіи могъ пользоваться ребенкомъ, какъ рабомъ. Въ Ефесѣ отказъ воспитывать ребенка также разрѣшался лишь въ случаѣ совершенной нищеты.

Отецъ пользовался также правомъ отречься отъ сына, а слѣдовательно, лишить его наслѣдства, въ томъ случаѣ, если послѣдній дурно поступалъ по отношенію къ нему.

Это право было признано за нимъ въ частности законами Солона, Питтака и Харонда.

Платонъ требуетъ отъ отца, чтобы онъ предварительно узналъ мнѣніе семейнаго совѣта и подчинялся рѣшенію его большинства. Но это не привилось даже въ Аѣинахъ, и отцу достаточно было объявить публично черезъ герольда свою волю. Единственнымъ контролемъ, которому онъ подлежалъ, было общественное мнѣніе. Это дѣйствіе называлось *ἀποκήρυξις*. Надо прибавить, что оно примѣнялось крайне рѣдко.

У отца, наконецъ, было право назначать опекуновъ для своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и указывать въ завѣщаніи, за кого должна выйти замужъ его дочь.

Власть отца надъ его дѣтьми прекращалась съ ихъ совершеннолѣтіемъ, которое считалось или когда исполнялось восемнадцать лѣтъ, или на восемнадцатомъ году.

17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.

Дѣти въ Греціи обязаны были нести по отношенію къ родителямъ обычный долгъ почтенія и повиновенія. Безполезно было бы перечислять подробно всѣ ихъ обязательства; достаточно упомянуть о двухъ изъ нихъ.

Прежде всего, сынъ долженъ былъ доставлять своимъ родителямъ содержаніе, если они впадали въ нужду. „Законъ“, говоритъ Исей, „повелѣваетъ заботиться о прокормленіи родителей; родителями же являются отецъ, мать, дѣдъ, бабка, прадѣдъ и прабабка“. (О наслѣдствѣ Кирона, 32).

Существовало тѣсное соотношеніе между правомъ на наслѣдство и обязанностью давать содержаніе тому лицу, отъ кого наслѣдство переходило; одинъ кліентъ Исея предъявлялъ требованія на наслѣдство одного человѣка какъ разъ на томъ основаніи, что если бы этотъ человѣкъ былъ еще живъ и впалъ въ нужду, то обязанность содержать его легла бы именно на истца. (О наслѣдствѣ Клеонима, 39—40).

Сынъ освобождался отъ этой обязанности лишь въ одномъ случаѣ: если отецъ, несмотря на свою бѣдность, пренебрегъ долгомъ обучить сына какому-нибудь ремеслу, онъ терялъ всякое право на содержаніе. (Плутархъ. Солонъ, 22).

Во-вторыхъ, на сынѣ лежала обязанность воздавать своимъ умершимъ родителямъ предписываемыя религіозными установленіями почести. Среди обвиненій, выставляемыхъ противъ Леократа ораторомъ Ликургомъ ¹⁾, находится „преступное оскорбленіе родителей, состоящее въ томъ, что онъ самъ уничтожилъ ихъ могилы и отмѣнилъ необходимые для нихъ погребальные обряды“.

Сынъ, пренебрегающій своими обязанностями, могъ быть преданъ суду.

Выборъ наказанія предоставлялся на усмотрѣніе суда, который иногда доходилъ до произнесенія смертныхъ приговоровъ. Во всякомъ случаѣ, виновный лишался всѣхъ политическихъ правъ.

18. Правила наслѣдованія.

Наслѣдства переходили сначала въ руки прямыхъ потомковъ, т. е. сыновей, а за отсутствіемъ ихъ—къ дочерямъ. Наслѣдство дѣлилось поровну. Наслѣдникъ по прямой линіи самостоятельно овладѣвалъ имуществомъ и не имѣлъ надобности просить о введѣ во владѣніе. Приѣмныя дѣти пользовались совершенно тѣми же правами, что и дѣти родныя. Что же касается дѣтей незаконныхъ, то они не имѣли никакихъ правъ на наслѣдство. Законъ исключалъ ихъ изъ семьи и разрѣшалъ только завѣщать имъ не болѣе 1000 драхмъ (около 370 рублей).

Послѣ прямыхъ потомковъ законъ обращается къ боковымъ родственникамъ, не останавливаясь на восходящей линіи. Передача наслѣдства по восходящей линіи, по мнѣнію древнихъ, заключала бы въ себѣ противорѣчіе. Наслѣдованіе по боковой линіи находилось въ зависимости отъ

¹⁾ Ликургъ—афинскій государственный дѣятель IV в. до Р. Х.

степени родства. Законъ выдвигаетъ прежде всего потомство одного и того же отца, т. е. братьевъ покойнаго и ихъ дѣтей, затѣмъ—сестеръ и ихъ дѣтей; во второй линіи идутъ потомки дѣда со стороны отца, т. е. двоюродные братья покойнаго и ихъ дѣти, всегда съ предпочтеніемъ мужчинамъ. На дѣтяхъ двоюродныхъ братьевъ наслѣдованіе по мужской линіи прерывается. За неимѣніемъ родственниковъ по отцу или по дѣду, въ томъ же порядкѣ слѣдуютъ родственники матери по нисходящей линіи, затѣмъ потомство бабки съ материнской стороны. Далѣе снова наслѣдованіе переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ съ отцовской стороны.

Боковые родственники могли получить наслѣдство лишь послѣ хлопотъ о введѣ во владѣніе.

Каждый изъ наслѣдниковъ могъ отказаться отъ наслѣдства.

(Dareste. *Plaidoyers civils de Demosthène*, I, стр. XXVII—XXIX).

19. Духовное завѣщаніе.

Завѣщаніе было неизвѣстно аѳинянамъ до начала VI вѣка, а спартамцамъ—до начала IV до Р. Х.

Этотъ актъ признавался дѣйствительнымъ только при соблюденіи многочисленныхъ условій. Прежде всего требовалось, чтобы завѣщатель находился въ полномъ самообладаніи. Тотъ, кто подвергался физическому или нравственному принужденію, кто благодаря старости, болѣзни или сумасшествію лишался своихъ духовныхъ способностей, по смыслу закона не имѣлъ права располагать своимъ имуществомъ. Всякій гражданинъ, вѣдающій общественными деньгами, лишался права завѣщать впредь до утвержденія его отчетовъ. Несовершеннолѣтніе и женщины были въ томъ же положеніи. Приемный сынъ также не пользовался правомъ завѣщать свое имущество, потому что, если онъ умиралъ безъ потомства, его состояніе доставалось семьѣ его усыновителя.

Духовное завѣщаніе составлялось обыкновенно при свидѣтеляхъ и хранилось или у кого-нибудь изъ друзей

завѣщателя, или въ храмѣ, или у должностного лица. Содержаніе завѣщанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доводилось до свѣдѣнія свидѣтелей; они знали только, что завѣщаніе сдѣлано. Въ завѣщаніи всегда можно было сдѣлать приписку и даже уничтожить его.

Одна фраза у Плутарха указываетъ, повидимому, что въ Спартѣ существовала полнѣйшая свобода завѣщанія. Въ Аѣинахъ законъ разрѣшалъ завѣщать въ пользу родственника или лица посторонняго, только если не было мужского потомства. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ желаемого наследника усыновляли посредствомъ завѣщанія. Если у отца была только одна дочь, онъ могъ завѣщать свое состояніе, но лишь подъ условіемъ обязательства со стороны наследника жениться на его дочери. Если же у него было нѣсколько дочерей, онъ не назначалъ наследниковъ по числу ихъ, а выбиралъ одного, который получалъ наследство съ обязательствомъ выдать замужъ остальныхъ дочерей и дать всѣмъ имъ приданое.

Иногда отецъ дѣлалъ духовное завѣщаніе только съ цѣлью раздѣлить имущество поровну между его дѣтьми, но обыкновенно къ этому прибѣгали, чтобы поступить противъ обычнаго права и чтобы назначить дѣтямъ неравныя части. Завѣщатель могъ отдать преимущество тому изъ дѣтей, кого онъ любилъ больше; чаще всего это былъ старшій сынъ. Онъ имѣлъ право наряду со своими сыновьями включить въ число наследниковъ какого угодно человѣка. На Критѣ часть состоянія, которою можно было располагать такимъ образомъ, была низведена до суммы около двадцати рублей. Въ Аѣинахъ вмѣсто ограниченій въ законахъ, кажется, существовали просто обычаи.

Всякое духовное завѣщаніе можно было обжаловать предъ судомъ. Для отмѣны его требовались, конечно, серьезные поводы, если судьями бывали должностныя лица, какъ въ Спартѣ, въ Элидѣ, въ Гортинѣ. Наоборотъ, при многочисленномъ составѣ суда въ Аѣинахъ, на Хіосѣ, въ Милетѣ и въ Эресѣ, и вообще въ демократическихъ государствахъ, были гораздо менѣе склонны уважать волю умершаго. Мало занимаясь изученіемъ законовъ и мало

забѣтятся о точномъ примѣненіи ихъ правилъ, эти судьи легко поддавались вліянію соображеній о разумности основаній завѣщанія или же мыслямъ, не относящимся къ самому завѣщанію.

20. Завѣщаніе Платона.

„Платонъ оставилъ имущество, обозначенное ниже, и распорядился слѣдующимъ образомъ:

Земля, расположенная въ Ифестіадахъ, не можетъ быть отчуждаема ни путемъ продажи, ни обмѣна, но должна остаться по возможности собственностью сына моего Адиманта. То же относится къ землѣ, расположенной въ Эресіадахъ и купленной мною у Каллимаха.

3 мины серебра (около 100 руб.), серебряный кувшинъ, вѣсящій 165 драхмъ (720 грамм.), чашу вѣсомъ въ 45 драхмъ (196 грамм.), золотое кольцо и золотыя серьги, вѣсящія вмѣстѣ 4 драхмы и 3 обола (30 грамм.).

Эвклидъ-каменотесъ долженъ мнѣ 3 мины.

Я отпускаю на волю Артемиду.

Я оставляю рабовъ Тихона, Бикта, Аполлоніада, Діонисія; утварь, обозначенную въ списокѣ, копія котораго есть у Деметрія.

Я никому ничего не долженъ.

Опекуны: Сосѡенъ, Спевсиппъ, Деметрій, Гегій, Евримедонтъ, Каллимахъ, Θрасиллъ“.

(Діогенъ Лаэртскій¹⁾. *Vitae philosoph.*, книга III, гл. 41—42).

21. Дочь=наслѣдница.

Въ отношеніи правъ наслѣдованія женщины находились въ значительно худшемъ положеніи, чѣмъ мужчины.

Прежде всего, если женщина была соперницей мужчины, находящагося въ одинаковой съ ней степени родства, мужчина всегда пользовался преимуществомъ.

¹⁾ Діогенъ Лаэртскій—греческій писатель, жившій въ концѣ II и началѣ III в. послѣ Р. Х.

Во-вторыхъ, дочь, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, по закону, не могла наслѣдовать при наличности сына. Приданое, которое она получила, или которое она могла получить впослѣдствіи, было все, на что она имѣла право рассчитывать, и приданое это не было равно части ея брата. Такъ, отецъ Демосѳена, имѣвшій двухъ дѣтей, оставилъ въ приданое дочери только два таланта изъ состоянія въ четырнадцать талантовъ. На Критѣ дочь имѣла право только на половину движимаго имущества и податей, вносимыхъ зависимыми крестьянами.

Если умершій имѣлъ только одну дочь, она становилась наслѣдницей, или, вѣрнѣе, какъ бы пріобщалась къ наслѣдству; въ такомъ случаѣ она называлась *ἐπίκληρος*, т. е. дочерью-наслѣдницей. Часто отецъ при жизни или по завѣщанію назначалъ ей мужа или жениха. Если онъ не сдѣлалъ этого, то забота выдать наслѣдницу-сироту замужъ ложилась на общественныя власти—царя у спартанцевъ, архонта у аѳинянъ. Впрочемъ, должностныя лица не могли руководиться при выборѣ мужа дѣвушка ни своими, ни ея желаніями.

Существовалъ утвержденный закономъ порядокъ, касающійся жениховъ наслѣдницы. Платонъ согласно съ гортинскимъ закономъ ¹⁾ указываетъ, что такая наслѣдница должна быть предложена въ жены сначала одному изъ дядей съ отцовской стороны, „начиная съ самаго старшаго“, потомъ одному изъ двоюродныхъ братьевъ, далѣе одному изъ другихъ родственниковъ, слѣдуя степенямъ ихъ родства. Замужество такого рода было обязательно для дѣвушки подъ страхомъ потерять половину наслѣдства.

Если въ то время, когда она дѣлалась наслѣдницей, она была замужемъ, ее могли заставить покинуть своего мужа. Родственники, имѣющіе въ указанной послѣдовательности право на ея руку, не несли безусловнаго обязательства жениться на ней; каждый изъ нихъ могъ уступить свои

¹⁾ Гортина былъ городъ на о. Критѣ. Недавно найдена длинная надпись, воспроизводящая значительную часть ея гражданскаго кодекса. (*Примѣч. автора*).

права на нее слѣдующему за нимъ по степени родства. Подобнаго рода замѣщенія были нерѣдки въ Аѳинахъ. На Критѣ упорствующій родственникъ могъ быть присужденъ судомъ къ женитьбѣ въ двухмѣсячный срокъ. Если всѣ родственники одинъ за другимъ отказывались вступить въ бракъ съ наслѣдницей, она получала возможность выбирать себѣ мужа по своему собственному желанію среди мужчинъ своего рода. Наконецъ, если не находилось жениха въ родѣ, родственники опрашивали всѣхъ: „не хочетъ ли кто жениться?“. Иногда какой-нибудь мужчина отвѣчалъ согласіемъ на этотъ призывъ, и бракъ совершался въ тридцатидневный срокъ; въ случаяхъ, когда никто изъ нихъ не выражалъ желанія, дѣвушка „выходила за кого могла“, даже внѣ своего рода. Если нѣсколько родственниковъ вступали изъ-за нея въ споръ, дѣло разрѣшалось постановленіемъ суда.

Въ сущности говоря, дочь-наслѣдница не получала отцовскаго имущества въ собственность; она была только какъ бы хранительницей его. Настоящимъ наслѣдникомъ ея отца являлся сынъ, который могъ родиться отъ нея. Она была лишь посредницей, черезъ которую имущество дѣда передавалось внуку.

Эти столь своеобразныя правила были внушены религіей. „Законодатель хотѣлъ дать человѣку, умирающему безъ наслѣдниковъ мужского пола, посмертнаго продолжателя, наслѣдника, который получилъ бы его состояніе и который продолжилъ бы культъ его очага. Законодатель желалъ, кромѣ того, чтобы этотъ наслѣдникъ по возможности былъ кровнымъ родственникомъ умершаго, и думалъ, что онъ можетъ явиться благодаря браку дочери покойнаго съ ближайшимъ родственникомъ. Какъ только отъ такого брака рождался сынъ, онъ разсматривался какъ сынъ своего дѣда. Благодаря ему должно было совершиться возстановленіе дома умершаго и возобновленіе прерванныхъ домашнихъ жертвоприношеній“.

(Caillemer. Le droit de succession légitime à Athènes, стр. 45—46).

22. Опека.

По смерти отца несовершеннолѣтнія дѣти попадали во власть опекуна, указаннаго въ завѣщаніи умершаго. Въ случаѣ отсутствія такого указанія, опека переходила къ ближайшему родственнику въ томъ же порядкѣ, который дѣйствовалъ при законѣ о наслѣдствахъ; наконецъ, за неимѣніемъ родственниковъ, опекунъ назначался въ Аѳинахъ архонтомъ. Въ вѣдѣніи опекуна находилось управленіе и распоряженіе имуществомъ несовершеннолѣтняго. Но законъ обязывалъ опекуна отдавать въ аренду это имущество въ присутствіи архонта и брать при этомъ закладную на личное имущество арендатора.

(Dareste. *Plaidoyers civils de Demosthène*, I, стр. XXVI).

Среди опекуновъ бывали и люди честные, и такіе, которые недобросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ. Примѣръ Демосѳена въ этомъ отношеніи является наиболѣе любопытнымъ.

„Мой отецъ“, говорилъ онъ, „оставилъ состояніе приблизительно въ 14 талантовъ (около 30.100 р.), семилѣтняго сына т. е. меня, пятилѣтнюю дочь и нашу мать, которая принесла въ нашъ домъ 50 минъ (около 1.800 р.). Умирая, отецъ сдѣлалъ распоряженія относительно насъ и передалъ всѣ дѣла Афобу и Демофону, двумъ своимъ племянникамъ, одинъ изъ которыхъ былъ со стороны брата, другой — со стороны сестры. Въ качествѣ помощника ихъ онъ назначилъ Фериппиду, не связаннаго съ нимъ никакими семейными узами, но бывшаго его другомъ дѣтства. Отецъ отдалъ Фериппиду въ пользованіе 70 минъ (около 2.590 р.), которыя онъ долженъ былъ взять изъ моего состоянія за все время его опеки вплоть до моего совершеннолѣтія; отецъ поступилъ такъ, чтобы Фериппидъ изъ алчности не сталъ дурно управлять моимъ имуществомъ. Демофону онъ отдалъ мою сестру и 2 таланта (около 4.440 р.), которые должны были быть выплачены ему немедленно. Афобу же онъ завѣщалъ нашу мать съ 80 минами (около 2.960 р.) приданого, а кромѣ того, пользованіе моимъ домомъ и движимымъ имуществомъ. Онъ рассчитывалъ, что, благодаря установленію этихъ двой-

ныхъ родственныхъ связей между ними и мной, дѣла по опекаѣ надо мной будуть идти лучше“. (Демосѳенъ. Первая рѣчь противъ Афоба, 4—5).

Но эта надежда оказалась тщетной. Прежде всего, Афобъ не женился на матери Демосѳена, а Демофонъ—на его сестрѣ, но это не помѣшало имъ присвоить себѣ оба приданья, въ то время какъ Фериппидъ наложилъ руки на капиталъ, доходы съ котораго онъ только и могъ трогать. Во-вторыхъ, опекуны расхитили ввѣренное имъ родовое имущество. Чтобы выполнить свои обязанности, они могли идти двумя путями: управлять имуществомъ опекаемаго сами, увеличивая его доходы, или сдать это имущество, при свидѣтелѣ-архонтѣ, въ аренду, что и было бы наиболѣе надежнымъ. Но ни на одно мгновеніе они не подумали отдать имѣніе въ аренду; наоборотъ, они вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ, чтобы разграбить и расхитить почти все наслѣдіе.

Они продали по дешевымъ цѣнамъ находящіеся въ кладовой сырые продукты, чтобы выплатить Фериппиду его 70 минъ. Для предоставленія Афобу слѣдовавшихъ ему 80 минъ они распродали половину рабовъ-оружейниковъ, благодаря чему мастерская сразу пришла въ упадокъ. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ Афобъ управлялъ оружейной фабрикой и утверждалъ, что онъ не только не извлекъ изъ нея никакихъ выгодъ, но еще и самъ истратилъ 5 минъ (около 185 р.). Затѣмъ на долгое время работы остановились. Въ концѣ концовъ, за дѣло принялся Фериппидъ, но не вернулъ этой фабрикѣ былого благосостоянія. Что касается фабрики мебели для сидѣнья, то она исчезла по винѣ Афоба. Коротко говоря, небрежность и жадность опекуновъ была такова, что, когда Демосѳенъ достигъ совершеннолѣтія, т. е. черезъ десять лѣтъ, то они предложили ему смѣхотворную сумму въ 70 минъ, не считая, безъ сомнѣнія, его дома, стоившаго 30 минъ (около 1.100 руб.). А согласно съ очень правдоподобнымъ расчетомъ Демосѳена наслѣдство его при хорошемъ управленіи должно было бы къ этому времени достигнуть 30 талантовъ (около 66.600 руб.).

Подождавъ два года, Демосѣенъ рѣшилъ жаловаться на своихъ опекуновъ, и сначала повелѣ наступленіе на Афоба, отъ котораго требовалъ 10 талантовъ (около 22.200 р.). Несмотря на всевозможныя препятствія, которыя воздвигалъ ему его противникъ, онъ выигралъ дѣло. Но Афобъ не заплатилъ ему въ законный срокъ; болѣе того, когда Демосѣенъ хотѣлъ завладѣть его недвижимымъ имуществомъ, онъ натолкнулся на сопротивленіе нѣкоего Онетора, который объявилъ себя кредиторомъ Афоба, взявшимъ имущество его въ залогъ. Этотъ долгъ былъ, повидимому, совершенно фиктивнымъ; онъ имѣлъ цѣлью лишь предохранить имущество Афоба противъ всякаго наложенія запрещенія. Но тогда Демосѣенъ вынужденъ былъ столкнуться съ Онеторомъ; впрочемъ, неизвѣстно, каковъ былъ исходъ этого второго процесса. Незвѣстно также, было ли возбуждено преслѣдованіе противъ двухъ другихъ опекуновъ, Демофона и Фериппида. Вѣроятно, они пришли къ какому-нибудь соглашенію, но Демосѣенъ, повидимому, въ концѣ концовъ оказался обладателемъ состоянія гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ то, какое оставилъ ему отецъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе.

Содержаніе: 1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.—2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѣинахъ.—3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.—4. Литературное и музыкальное образованіе.—5. Гимнастика.—6. Высшее образованіе.—7. Модный учитель.—8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.—9. Аѣинская дѣвушка.—10. Эфебія.—11. Клятва эфебовъ.—12. Эфебы внѣ службы.—13. Спартанское воспитаніе.—14. Спартанская дѣвушка.—15. Общественное воспитаніе на Критѣ.

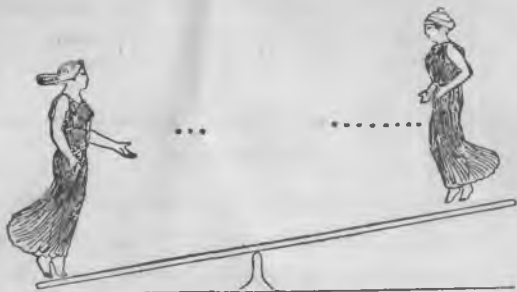
1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.

Въ Греціи существовало двѣ системы воспитанія: спартанская и аѣинская.

Спартанцы не пеленали дѣтей въ свивальники; они приучали ихъ къ переменамъ погоды, мыли ихъ холодной водой и одѣвали легко даже зимой. Аѣиняне пользовались болѣе нѣжными приемами. Имъ ставили въ упрекъ, что они воспитывали свое молодое поколѣніе, какъ теперь говорится, въ ватѣ. Однако, даже въ Аѣинахъ были сторонники спартанскаго воспитанія—лакономаны. Было въ обычаѣ брать кормилицъ изъ мѣстностей, жители которыхъ отличались хорошимъ здоровьемъ, на примѣръ, изъ Тесалии, Пелопоннеса. Но строгіе люди очень порицали этотъ эгоистическій способъ воспитанія, благодаря которому ребенокъ отрывался отъ матери и передавался въ наемныя руки. Философы проповѣдывали необходимость кормленія грудныхъ дѣтей матерью и стыдили молодыхъ женщинъ за ихъ nepзволительное кокетство, за ихъ лѣнь; но, повидимому, большинство женщинъ было глухо къ наставленіямъ философовъ.

(Pottier, въ Temps, отъ 21 декабря 1889 г.).

Лѣтъ до шести или семи ребенокъ былъ всецѣло поглощенъ играми. Рисунки на вазахъ даютъ намъ возможность ознакомиться съ любопытными подробностями. „Мы видимъ тамъ бѣгущихъ мальчугановъ, которые тащатъ за собой небольшую двухколесную телѣжку. Маленькій мальчуганъ,

Дѣвушки, качающіяся на доскѣ (рис. на вазѣ).

лѣтъ около трехъ, сидя на землѣ, повидимому, чрезвычайно поглощенъ окапываніемъ вѣточки какого-то растенія, которая кажется ему, несомнѣнно, плодовымъ деревомъ. Другой, менѣе благоразумный ребенокъ, влекомый инстинктами лакомки, ползетъ на четверенькахъ къ столу, уставленному яствами и пирожными, и готовъ стащить закуску своего разсѣяннаго товарища. Въ этихъ забавахъ нерѣдко участвуютъ животныя: то запрягаютъ въ маленькую повозку послушную

Мальчикъ дразнитъ собаку (рис. на вазѣ).

Мальчикъ, ѣдущій на собакахъ (рис. на вазѣ).

собачонку, и дѣти заранѣе охвачены волненіями, какія люди испытываютъ при состязаніяхъ на ристалищахъ, гдѣ кто-нибудь изъ ихъ взрослыхъ братьевъ получилъ призъ. За неимѣніемъ лошади дѣти хватаютъ ни въ чемъ неповинную

утку и стараются осѣдлатъ ее, чтобы приспособить къ верховой ѣздѣ. На одной вазѣ нарисованъ мальчишка, со всѣхъ ногъ спасающійся отъ собаки, которая, оскаливъ зубы, вотъ-вотъ догонитъ его и схватитъ пирогъ, находящійся въ рукѣ у бѣглеца. Телѣжка, запряженная козами, также была дѣтскимъ развлеченіемъ въ Аѣинахъ“.

(Pottier. L'Artiste, 1890, т. I, стр. 107).

2. Отсутствие правительственной школы въ Аѣинахъ.

Въ Аѣинахъ не было государственной организаціи школьнаго дѣла. Тамъ господствовала полная свобода обученія, которое велось обыкновенными частными лицами въ частныхъ помѣщеніяхъ. Но относительно обязательности обученія существовали законодательныя постановления. Законъ, на примѣръ, принуждалъ родителей давать дѣтямъ образованіе; впрочемъ, уже съ раннихъ временъ національные нравы, естественная наклонность аѣинскаго народа къ умственному развитію сдѣлали это предписаніе почти бесполезнымъ; оно предохраняло только отъ полного невѣжества тѣхъ дѣтей, которымъ бѣдность не давала возможности продолжать школьную жизнь, такъ какъ надо признать, что если въ V и IV вѣкахъ въ Аттікѣ было мало неграмотныхъ, то граждане ея обладали далеко не одинаковымъ умственнымъ развитіемъ. Впрочемъ, никакой программы народнаго образованія, установленной законодателемъ, не существовало; послѣдній довольствовался указаніемъ самыхъ общихъ рамокъ, предоставляя учителямъ наполнять ихъ содержаніемъ по своему усмотрѣнію. Не было и постановленій народнаго собранія, которыя вмѣщивали бы народъ въ дѣло воспитанія; школьные законы, которые извѣстны намъ наилучшимъ образомъ, представляютъ собой старинныя полицейскія постановленія, назначеніе которыхъ было создать въ школахъ скромность и благопристойность поведения учащихся. На должностныхъ лицахъ, носившихъ названіе софронистовъ, лежала обязанность надзирать за соблюденіемъ приличій во всѣхъ собраніяхъ молодежи. Софронисты

были подчинены Ареопагу, до половины V вѣка пользовавшемуся на юношество нравственнымъ вліяніемъ, которое вытекало изъ принадлежащей ему цензорской власти. Отнялъ эту власть у Ареопага Эфіальтъ¹⁾; въ IV вѣкѣ ее возвращаютъ ареопагу, который затѣмъ опять утрачиваетъ ее и возвращаетъ снова лишь въ эпоху римскаго владычества²⁾. Къ концу того же вѣка мы видимъ, что въ воспитаніе дѣтей вмѣшиваются стратеги. (По Girard, l'Education athénienne, стр. 59—60).

Однако свобода преподаванія не предполагала свободы распространенія какихъ угодно ученій. Учитель не долженъ былъ забывать, что въ его рукахъ находились будущіе граждане, и онъ не имѣлъ права направлять ихъ умъ по своему произволу. Онъ былъ обязанъ развивать въ нихъ не только любовь къ отечеству, но и любовь къ національнымъ учрежденіямъ. Учитель, проповѣдующій при господствѣ демократическаго строя презрѣніе къ демократіи, подвергался преслѣдованію. Сократъ не имѣлъ, собственно говоря, школы и распространялъ свои идеи путемъ бесѣдъ. Однако онъ былъ обвиненъ въ развращеніи юношества, т. е. во внушеніи ему вражды къ основамъ установленнаго правительственнаго строя, и за это былъ приговоренъ къ смерти.

3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Одна теосская надпись указываетъ намъ, что въ III вѣкѣ до Р. Х. въ этомъ городѣ были правительственные учителя. Одинъ человѣкъ, по имени Политрой, пожертвовалъ своимъ согражданамъ 34.000 драхмъ (около 12.600 р.), чтобы оказать поддержку въ расходахъ по образованію всѣхъ свободныхъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Изъ процентовъ съ этой суммы должно было прежде

¹⁾ Эфіальтъ—вождь народной партіи въ Аѣинахъ, жившій въ V в. до Р. Х.

²⁾ Т. е. во II вѣкѣ до Р. Х.

всего выплачиваться вознагражденіе тремъ учителямъ литературы, назначаемымъ ежегодно народнымъ собраніемъ. Одинъ изъ нихъ, занимающій мѣсто перваго разряда, долженъ получать 600 драхмъ (около 220 руб.), учитель втораго разряда—550 драхмъ (около 205 руб.), а третьяго—500 драхмъ (185 руб.). Затѣмъ идутъ два учителя гимнастики, съ жалованьемъ по 500 драхмъ, учитель музыки, получавшій 700 драхмъ (около 260 р.), учитель фехтованія и учитель стрѣльбы изъ лука и метанья дротиковъ: первый получалъ 300 драхмъ (около 110 р.), второй 250 драхмъ (около 95 р.). Надпись не указываетъ, имѣли ли учителя, кромѣ того, право получать плату отъ учениковъ. Ученики дѣлились на три класса по возрасту.

Этотъ примѣръ не единственный въ Греціи. Находятся слѣды общественной организаціи школы въ Дельфахъ во II вѣкѣ до Р. Х. и въ городахъ Южной Италіи въ болѣе раннюю эпоху.

(Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum, 349. Girard. L'Education athénienne, стр. 20).

4. Литературное и музыкальное образованіе.

Аѳинское образованіе въ V вѣкѣ заключалось въ прохожденіи трехъ группъ предметовъ: словесныхъ наукъ, музыки и гимнастики. Первая преподавалъ грамматистъ, вторая—китаристъ, третьи—педотрибъ.

Повидимому, ребенокъ отъ семи до двѣнадцати или четырнадцати лѣтъ дѣлилъ свое время между занятіями словесными науками и музыкой, а съ четырнадцати лѣтъ занимался главнымъ образомъ гимнастикой, не отказываясь изъ-за этого и отъ умственной жизни.

Первоначальныя свѣдѣнія, приобретаемыя имъ, состояли, какъ и повсюду, изъ чтенія, письма и первоначальнаго счета. Затѣмъ учитель заставлялъ ученика читать въ школѣ стихи, взятые у лучшихъ поэтовъ, и учить на память стихотворенія, наполненные полезными совѣтами или заключавшія поучительныя повѣствованія, восхваленія великодушныхъ

Сцены изъ жизни греческой школы.

людей, которые когда-нибудь совершили великіе и благородные поступки. Это являлось средствомъ не литературнаго, а нравственнаго развитія. Затѣмъ слѣдовало чтеніе отрывковъ изъ эпическихъ (главнымъ образомъ Гомера), лирическихъ и трагическихъ поэтовъ. Эти уроки совершенно не похожи были на тѣ, которые задаются учителемъ современной школы въ классѣ и выучиваются дѣтьми дома.

Чтобы запечатлѣть какой-нибудь текстъ въ памяти учениковъ, учитель произносилъ его передъ ними по частямъ,

а они повторяли слышанное стихъ за стихомъ или фразу за фразой. Это была какъ бы диктовка, но предназначенная не для записыванія. Ученики подходили къ учителю одинъ за другимъ или всѣ вмѣстѣ и отвѣчали ему урокъ до тѣхъ поръ, пока не заучивали его вполне твердо.

Большую роль въ воспитаніи играла музыка, которой обучали китаристы. Единственными употреблявшимися въ Греціи инструментами были цитра, или лира, и флейта. Рисунки на вазахъ даютъ намъ понятіе о примѣнявшихся тогда способахъ обученія. Сначала учитель исполнялъ какую-нибудь арію, а ученики повторяли ее вслѣдъ за нимъ. Дѣти распѣвали также произведенія лучшихъ лириковъ съ аккомпаниментомъ лиры или безъ него. Греки приписывали музыкѣ способность оказывать особое вліяніе. Платонъ утверждаетъ, на примѣръ, что это искусство внушаетъ человѣку стремленіе къ добродѣтели, а Дамонъ ¹⁾ провозглашалъ, какъ основное правило, что нельзя измѣнять музыкальныя правила безъ потрясенія государства.

Но въ глазахъ громаднаго большинства грековъ музыка преслѣдовала только одну цѣль—быть украшеніемъ человека. Молодой афинянинъ изучалъ ее потому, что эти уроки были естественнымъ дополненіемъ его учебныхъ занятій, и потому, что человѣкъ благороднаго происхожденія долженъ для развлеченія умѣть играть на лирѣ. Но музыка играла роль не только искусства для удовольствія: благородство ея мѣрныхъ звуковъ и неразрывно соединенная съ нею поэзія возвышала сердца и освобождала ихъ отъ мелочныхъ побужденій.

(По Girard, l'Education athénienne, 2 ч., кн. I, гл. 2 и 3).

5. Гимнастика.

Гимнастика становилась для юноши-грека предметомъ серьезныхъ занятій только съ четырнадцатилѣтняго возраста. Главными упражненіями, которымъ мальчиковъ

¹⁾ Дамонъ — греческій философъ изъ Сиракузъ, жилъ въ IV в. до Р. Х.

обучалъ педотрибъ, были борьба, бѣгъ, прыганье, метанье диска и дротика.

Самымъ стариннымъ и наиболѣе почитаемымъ упражненіемъ была борьба, потому что она требовала одновременно и силы, и ловкости, и присутствія духа, а кромѣ того она приводила въ дѣйствіе всѣ мускулы. Борьба происходила въ грязи или въ пыли. Грязь увеличивала ея трудность: она препятствовала сохраненію равновѣсія; а такъ какъ противники катались въ ней другъ на другѣ, то тѣло ихъ, уже скользкое отъ масла, которымъ ихъ мазали, и струившагося пота, было почти невозможно схватить и удержать.

Пыль, наоборотъ, прилипая къ тѣлу, облегчала борьбу; ее умышленно подымали облаками, которыя осаживались на противника и позволяли схватить его такъ крѣпко, что онъ не могъ выскользнуть. Этотъ мелкій, прилипающій къ тѣлу песокъ предохранялъ также отъ простуды: закрывая поры, онъ защищалъ борца отъ порывовъ рѣзкаго вѣтра, который дѣлалъ иногда климатъ Аттики такимъ суровымъ. Бывало, что по окончаніи борьбы борцы еще разъ катались въ этой благодѣтельной пыли, чтобы осушить свои тѣла; затѣмъ они очищались съ помощью банной скребницы ¹⁾, мылись въ бассейнѣ и, конечно, снова натирались масломъ, чтобы придать суставамъ всю ихъ гибкость.

Цѣлью борцовъ было положить своего противника на спину такимъ образомъ, чтобы онъ коснулся земли обѣими лопатками. Чтобы считаться побѣдителемъ, надо было трижды достигнуть того же результата. Борьба, слѣдовательно, состояла въ томъ, чтобы повалить на землю, не нанося ударовъ. Отсюда—различныя хитрости и настоящее искусство, малѣйшіе оттѣнки котораго греческій языкъ умѣлъ передать. Два главныхъ вида этого состязанія состояли въ борьбѣ, при которой или держались на ногахъ, или катались по землѣ. Въ первой старались повалить своего противника, сами оставаясь на ногахъ; во второй, часто предшествовавшей первой, оба борца, переплетаясь тѣлами

¹⁾ Это былъ небольшой металлическій инструментъ съ ручкой, которымъ проводили по кожѣ, чтобы очистить ее отъ грязи. (*Примѣч. автора*).

Вооружение эфеба.

на землѣ, пытались положить другъ друга на лопатки: благодаря этому борцы вертѣлись и катались по землѣ, внезапно перемѣняя положеніе, и то одинъ, то другой изъ нихъ находился наверху до того момента, когда болѣе сильный или болѣе ловкій не притискивалъ своего товарища къ землѣ и не заставлялъ его признать себя побѣжденнымъ.

Бѣгъ былъ также однимъ изъ самыхъ старинныхъ упражненій: онъ укрѣплялъ мускулы ногъ и легкія. Для увеличенія трудности его, состязающихся заставляли бѣжать по песку. Было нѣсколько видовъ бѣга: простой бѣгъ, когда пробѣгалась одна стадія (185 метровъ); двойной бѣгъ, или діолъ, когда гребовалось пробѣжать стадій и возвратиться къ пункту отправленія; гиппическій бѣгъ, когда надо было сдѣлать тотъ же пробѣгъ, что лошадь на ипподромѣ, т. е. когда отъ пункта отправленія до конечнаго пункта и обратно пробѣгали дважды, а это составляло четыре стадіи. Наконецъ, большой бѣгъ, или долихонъ, при которомъ разстояніе пробѣга было различнымъ и достигало иногда двадцати четырехъ стадій (3.840 метровъ). Когда разстояніе пробѣга было невелико, болѣе всего цѣнилась скорость; при большихъ разстояніяхъ быстротѣ бѣга предпочитали умѣнье сохранять все время одинаковый шагъ и искусно сберегать силы. Повидимому, педотрибъ не обучалъ своихъ учениковъ бѣгу съ оружіемъ. Это атлетическое упражненіе было слишкомъ тяжелымъ для юношей. Бѣгъ съ факелами также не былъ въ обычаѣ на палестрѣ ¹⁾: его приберегали къ извѣстнымъ торжествамъ, праздновавшимся отчасти и ночью; это было не столько гимнастика, сколько родъ зрѣлища.

Прыжокъ можно разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ бѣганья. Дѣти перепрыгивали болѣе или менѣе широкіе рвы, въ зависимости отъ ихъ возраста; они брали также и другія препятствія. Чтобы увеличить свой вѣсъ и благодаря этому приобрести возможность употребить большее усиліе, они брали въ каждую руку по свинцовой гирѣ. Гири не только увеличивали вѣсъ тѣла: ими пользовались и для

¹⁾ Палестра—мѣсто для гимнастическихъ упражненій.

удлиненія скачка; въ тотъ моментъ, когда дѣлался скачокъ, руки съ гирями выставляли быстрымъ движеніемъ впередъ; это также влекло атлета впередъ и заставляло его падать дальше, чѣмъ если бы онъ довольствовался только своимъ собственнымъ вѣсомъ.

Дискъ и дротикъ играли важную роль въ палестрахъ. Первый развивалъ мускулы рукъ и плечей; второй, укрѣпляя руки, давалъ упражненіе мѣткости глаза. Дискъ представлялъ собой сплошной бронзовый кругъ съ различнымъ

Рисунокъ на греческой вазѣ; верхняя половина—гимнастическія упражненія эфебовъ.

діаметромъ. То усиліе, которое приходилось дѣлать, чтобы взять и вращать этотъ кругъ изъ полированного металла, было первымъ полезнымъ для пальцевъ упражненіемъ. Бросали дискъ какъ правой, такъ и лѣвой рукой—безразлично; было также два способа бросать: въ вышину или въ горизонтальномъ направленіи. Было также упражненіе, состоящее въ томъ, что, бросая дискъ вверхъ и, можетъ быть, заставляя его вращаться, ловили его плашмя.

Обученіе эфебовъ гимнастикѣ.

на ладонь и переднюю часть руки. При бросаніи въ горизонтальномъ направленіи отводили руку назадъ и давали ей размахъ, а чтобы придать большую силу полету диска,

дѣлали быстро нѣсколько шаговъ впередъ. Цѣль, до которой надо было добросить дискъ, не опредѣлялась: когда было нѣсколько состязающихся, тотъ, дискъ котораго упалъ дальше всѣхъ, считался побѣдителемъ.

Для метанья дротика необходимо было обладать силой въ такой же мѣрѣ, какъ и ловкостью: надо было мѣтить въ цѣль, а чтобы попасть въ нее, необходимо было имѣть вѣрность глаза и правильное чувство разстоянія. Дѣтямъ остерегались давать въ руки военные дротики: неосторожность въ этомъ случаѣ могла быть гибельной для нихъ. Имъ предоставляли просто палки опредѣленной длины. Чтобы бросать эти палки, еще въ старину явилась мысль прикрѣпить къ нимъ ремешокъ, въ который продѣвали указательный и средній палецъ, или просто указательный; это помогало сразу и увеличить силу бросанія предмета, и дать ему болѣе правильное направленіе. Но вообще молодые люди, повидимому, мало пользовались этимъ приспособленіемъ. При метаніи дротика имѣло значеніе, за какое мѣсто брали его. Если держали слишкомъ близко къ концу, упражненіе становилось черезчуръ легкимъ; кажется, предлагалось держать его посрединѣ. Взявъ это оружіе рукой въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, его подымали на высоту уха и затѣмъ бросали, быстро дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ.

Эфебъ на конѣ.

Учитель пристально слѣдилъ за этими разнообразными упражненіями: съ палочкой въ рукѣ, онъ наблюдалъ за дѣйствіями молодыхъ людей, хвалилъ ихъ, дѣлалъ замѣчанія, предлагалъ вопросы и давалъ объясненія. Въ случаѣ необходимости онъ безъ колебаній снималъ свой плащъ и примѣромъ подтверждалъ

объясненіе. Въ этихъ занятіяхъ ему помогали сами молодые люди. На палестрахъ происходило настоящее взаимное обученіе: дѣти старались научить другъ друга и руководить упражненіями своихъ товарищей. Быть можетъ, педотрибъ назначалъ болѣе сильныхъ изъ нихъ своими помощниками.

Помимо этихъ состязаній, были и другія упражненія,⁶ составлявшія какъ бы дополнительную гимнастику. Такъ, напримѣръ, молодые люди для развитія гибкости дѣлали особыя движенія, которыя становились болѣе сложными, если брали въ руки гири.

Существовали также особыя упражненія съ обручемъ и игра въ мячъ. Греки занимались и кулачными боями; это былъ видъ борьбы, въ которой борцы наносили другъ другу удары кулакомъ или—разновидность этого состязанія, когда вмѣстѣ съ ударами кулакомъ старались схватить другъ друга. Кромѣ того, юношей обучали и военному искусству; учили также верховой ѣздѣ, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ изъ богатыхъ семей. Что касается танцевъ, то они, повидимому, не принадлежали къ обычнымъ предметамъ преподаванія.

(P. Girard. L'Education athénienne, стр. 194—213).

6. Высшее образованіе.

Сверхъ обычныхъ школьныхъ занятій существовали еще такія, которыя были какъ бы предметомъ роскоши; они никогда не сдѣлались слишкомъ распространенными, но все же развивались все больше и больше въ концѣ V и въ теченіе всего IV вѣковъ. Предметы, преподававшіеся въ предшествующую эпоху, перестали удовлетворять умственные запросы грековъ, которые принялись за изученіе рисованія и разныхъ наукъ, а именно—геометріи, астрономіи, географіи и, наконецъ, реторики и философіи. Человѣческія познанія сдѣлали въ эту эпоху большіе успѣхи во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, а потому было вполне естественно, что при воспитаніи юношества должны были воспользоваться ими. Но нетрудно догадаться, что это расширеніе

занятій происходило въ силу обстоятельствъ только для самыхъ богатыхъ и самыхъ интеллигентныхъ аѳинскихъ юношей; потому-то и среди слушателей Сократа можно встрѣтить только сыновей состоятельныхъ семей. Крайніе консерваторы, какъ, напримѣръ, Аристофанъ ¹⁾, могли порицать или осмѣивать это нововведеніе, но оно, несмотря на это, продолжало существовать.

Платонъ ²⁾ превосходно изображаетъ, какъ велика была пытливость ума этихъ молодыхъ людей и какое впечатлѣніе производили на нихъ слова учителя:

„Юноша“, говоритъ онъ, „впервые вкусившій изъ этого источника, получаетъ такое наслажденіе, какъ будто бы онъ нашелъ сокровище премудрости. Онъ преисполненъ наслажденія. Съ восхищеніемъ вспоминая всѣ рѣчи, онъ то старается свести всѣ идеи къ единству, то, какъ бы развернувъ передъ собой рядъ идей, разсматриваетъ каждую изъ нихъ отдѣльно; возникающими при этомъ вопросами онъ ставитъ въ большое затрудненіе прежде всего самого себя, а затѣмъ всѣхъ окружающихъ, каковы бы они ни были — молодые, старые, люди его возраста, не щадя ни отца, ни матери, ни кого другого, кто его слушаетъ“.

Бывшій стратегъ Демодокъ пришелъ совѣтоваться съ Сократомъ о своемъ сынѣ Теагѣ: „Нѣкоторые молодые люди“, говоритъ онъ, „повторяютъ передъ нимъ рѣчи, которыя волнуютъ его, и онъ завидуетъ этимъ юношамъ. Давно уже онъ пристаётъ ко мнѣ, говоря, что я долженъ позаботиться о немъ и нанять софиста, который сдѣлалъ бы его мудрымъ. Но я думаю, что онъ подвергнется большой опасности, если пойдетъ къ софистамъ. До сихъ поръ я своими убѣжденіями удерживалъ его, но теперь я больше не въ состояніи дѣлать это; поэтому я думаю, что лучшимъ средствомъ будетъ — уступить ему“.

На разсвѣтѣ Гиппократъ громко постучалъ въ дверь своей палкой. Когда ему отворили, онъ поспѣшно вошелъ, говоря громкимъ голосомъ: „Сократъ, проснулся

¹⁾ См. прим. на стр. 38.

²⁾ См. прим. на стр. 8.

ты или еще спишь?“—Я узналъ его голосъ и отвѣчалъ ему: „Ну, хорошо, Гиппократъ, какія у тебя новости?“— „Только пріятныя“.— „Отлично! Что же это такое, и почему ты пришелъ въ такое время?“— „Протагоръ пріѣхалъ“, отвѣчалъ онъ.— „А тебѣ что до этого? Развѣ Протагоръ виновать въ чемъ-нибудь передъ тобой?“— „Да, клянусь богами! потому что онъ одинъ—мудрецъ и не удѣляетъ мнѣ своей мудрости“.— „Но, во имя Зевса! дай ему денегъ, и ты можешь слушать его рѣчи; тогда онъ сдѣлаетъ и тебя мудрецомъ“.— „О, если бы небесамъ было это угодно! Я не пожалѣлъ бы ни своего имущества, ни достоянія своихъ друзей. Я, впрочемъ, затѣмъ и пришелъ, чтобы ты сказалъ ему обо мнѣ. Говорятъ, что никто не владѣетъ лучше его искусствомъ рѣчи. Мы могли бы отправиться къ нему, чтобы застать его еще дома. Онъ живетъ у Каллія“.

Алкивιάдъ говорилъ о Сократѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Когда я слушаю его, сердце мое бьется, я плачу и вижу, что многіе другіе дѣлаютъ то же. Часто онъ трогаетъ меня до такой степени, что мой образъ жизни кажется мнѣ невыносимымъ. И ты, Сократъ, не сказалъ бы, что это неправда, такъ какъ даже теперь я чувствую, что, если бы я услышалъ тебя, я не имѣлъ бы силъ устоять и былъ бы тронутъ, какъ всегда. Онъ принуждаетъ меня сознаться, что, нуждаясь во многомъ, я пренебрегаю самимъ собой, чтобы заниматься дѣлами аѳинянъ. Поэтому я принуждаю себя бѣжать отъ него, какъ отъ сирены, и затыкаю себѣ уши, чтобы не состариться, сидя около него. Я испытываю передъ нимъ то, на что никто не считаетъ меня способнымъ,—стыдъ. Я краснѣю только передъ нимъ, потому что я самъ чувствую, что не могу ничего возразить ему: я не могу сказать ему, что не долженъ слѣдовать его совѣтамъ; однако, покинувъ его, я проникаюсь желаніемъ нравиться народу. Поэтому я избѣгаю его, какъ бѣглый рабъ, и, когда я вижу его, я краснѣю отъ мысли, какія признанія я сдѣлалъ ему. Часто я желаю, чтобы его больше не было на свѣтѣ. Но если бы это случилось, я былъ бы огорченъ еще больше; такимъ образомъ, я не знаю, что дѣлать съ этимъ человекомъ“.

7. Модный учитель.

Изъ всѣхъ учителей, обращавшихся къ молодежи, не было никого популярнѣе Исократъ. Онъ и самъ хвалился этимъ и подъ конецъ своей жизни съ гордостью вспоминалъ, что за его указаніями приходили изъ далекихъ мѣстъ. Онъ рисуеъ скорбь всѣхъ этихъ иноземцевъ, которые, покидая его, чтобы возвратиться морскимъ путемъ къ себѣ на родину, разставались съ нимъ со слезами. Аѳиняне, повидимому, не менѣе горячо относились къ его урокамъ. Онъ былъ, очевидно, самымъ моднымъ риторомъ своего времени: учениковъ у него было больше, чѣмъ у всѣхъ его соперниковъ вмѣстѣ.

Для того, чтобы получить у него образованіе, надо было посѣщать его уроки три или четыре года. Его ученики по происхожденію принадлежали главнымъ образомъ къ состоятельнымъ семьямъ; а потому полученное ими предшествующее образованіе и давало имъ возможность воспринимать подобныя занятія; кромѣ того, они не имѣли нужды зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ качествѣ доказательства достаточно пробѣжать списокъ его слушателей. Мы находимъ среди нихъ многочисленныя имена людей, увѣнчанныхъ золотыми вѣнками за услуги государству; слѣдовательно, они были участниками крупныхъ событій и принадлежали къ той аристократіи, которая управляла Аѳинами и держала въ своихъ рукахъ военное начальствованіе, посольства, все вліяніе и почетъ. Молодые люди, стремившіеся къ его бесѣдамъ, принадлежали къ лучшему аѳинскому обществу.

Повидимому, Исократъ не требовалъ платы отъ своихъ слушателей-аѳинянъ, но иностранцы должны были платить по 1.000 драхмъ (около 370 руб.). Эти послѣдніе посѣщали его уроки въ большомъ количествѣ, и ихъ приверженностью къ своему учителю объясняется его большое состояніе. Но это не было однако единственнымъ источникомъ его богатства. Его ученики-аѳиняне расплачивались съ нимъ великолѣпными подарками. Такъ, одинъ изъ его учениковъ подарилъ ему однажды талантъ (около 2.220 руб.). Прибавимъ къ

этому, что цари и тираны, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, отправляя имъ похвальныя посланія, перемѣшанные съ указаніями, великодушно вознаграждали его краснорѣчіе, такъ, напримѣръ, царь кипрскій Никоклъ заплатилъ ему около двадцати талантовъ (около 44.500 руб.) за составленную имъ для него рѣчь. Понятно поэтому, откуда у Исократы явилось громадное богатство, которое враги его вмѣняли ему въ такое великое преступленіе. Это крупное состояніе и бывшій слѣдствіемъ его пышный образъ жизни еще больше увеличивали обаяніе учителя въ глазахъ утонченной и свѣтской молодежи, любившей, чтобы наука являлась передъ ней подъ изящной внѣшностью.

(P. Girard, L'Education athénienne, стр. 307—309).

8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.

Школа въ Греціи не была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ приобрѣтались знанія; самая жизнь въ тѣсно сплоченной средѣ, гдѣ малѣйшее событіе сейчасъ же становилось общественнымъ достояніемъ и подвергалось обсужденію, очень содѣйствовала умственному развитію.

Крупные политическіе процессы вызывали значительное стеченіе народа; важность привлекавшихъ къ обсужденію вопросовъ, талантъ, извѣстность ораторовъ собирали вокругъ судей напряженно-внимательную толпу. Когда пренія сторонъ заканчивались, публика говорила о нихъ, и въ теченіе долгаго времени они служили матерьяломъ для разговоровъ. Ребенокъ не оставался чуждымъ всему происходящему: шумъ объ этихъ знаменитыхъ процессахъ доходилъ и до его ушей, и онъ со страстью слѣдилъ за ихъ ходомъ.

Воспитательное вліяніе на ребенка имѣли также театры, такъ какъ намъ извѣстно, что они были открыты для него. Но водили ли его на всякія представленія? Онъ бывалъ на трагедіяхъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; какъ ни странно, но, повидимому, онъ присутствовалъ и на представленіяхъ комедій. Легко догадаться, насколько полезны

были для его умственного развитія эти литературныя празднества. Кромѣ того, на такихъ собраніяхъ онъ слушалъ, какъ герольдъ провозглашалъ награды, присужденныя лицамъ, которыхъ народъ хотѣлъ почитать; такимъ образомъ ребенокъ узнавалъ, какъ отечество вознаграждаетъ заслуги и какъ прославляются тѣ, кто служатъ обществу. „Развѣ вамъ неизвѣстно“, сказалъ Эсхинъ ¹⁾, заканчивая свою рѣчь противъ Ктесифона, „что воспитательное дѣйствіе на молодежь оказываетъ не столько школа и всѣ тѣ мѣста, гдѣ развиваютъ ихъ умъ, какъ эти публичныя провозглашенія герольдовъ?“ Онъ разумѣетъ тутъ тѣ постановленія, которыя читались въ театрѣ и которыя включали упоминанія о вѣнкахъ и почестяхъ, даруемыхъ гражданамъ за ихъ заслуги передъ государствомъ. Считалось, что въ Аѣинахъ эти награды раздавались строже, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Въ обществѣ, гдѣ примѣръ оказывалъ такое сильное вліяніе и гдѣ всѣмъ охотно пользовались какъ воспитательнымъ средствомъ, какъ урокомъ для будущаго, подобная справедливость и торжественность при раздачѣ наградъ должна была возбуждать юношество; для него это была школа гражданскаго соревнованія.

(P. Girard. L'Education athénienne, стр. 258—261).

9. Аѣинская дѣвушка.

¹⁾ До брака, въ который аѣинянки вступали чаще всего около пятнадцати лѣтъ, онѣ жили въ глубинѣ гинекеевъ ²⁾, въ уединеніи, куда не доходилъ извнѣ никакой шумъ, никакія волненія. Для дѣвушки можно было, несомнѣнно, пожелать болѣе укрѣпляющаго воспитанія, которое, приводя ее въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, готовило бы ее этимъ самымъ къ предстоящимъ ей впослѣдствіи обязанностямъ; но никакая другая система не могла

¹⁾ Эсхинъ—аѣинскій ораторъ IV-го вѣка до Р. Х.

²⁾ Гинекеемъ называлась та часть дома, гдѣ обыкновенно находились женщины и куда посторонніе никогда не допускались. (Примѣч. автора.)

выработать въ ней въ такой мѣрѣ скромность и нѣжность— качества, которыя греки особенно стремились привить женщинамъ. Они, повидимому, опасались, что при раннемъ знаніи жизни и житейскихъ испытаній душа проиграетъ больше, чѣмъ выиграетъ: если она приобрететъ даже больше тонкости и проницательности, то этотъ опытъ будетъ купленъ дорогой цѣной. Что сдѣлалось бы съ ясностью мысли и внутреннимъ миромъ, которымъ эллины придавали такую цѣну, при преждевременномъ знаніи жизни и наполняющихъ ее бѣдствій. Искали они этого или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ воспитаніе, получаемое дѣвушками, въ результатѣ поддерживало въ послѣднихъ такое настроеніе духа.

Въ дѣтствѣ дѣвочки росли, окруженныя тщательными заботами матерей или кормилицъ; съ возрастомъ онѣ приучались къ работамъ надъ шерстью и къ тканью. Сидя подлѣ своихъ матерей, онѣ учились достигать совершенства въ рукодѣліяхъ, которыя составляли главное занятіе и честь женщинъ. Ничто не тревожило ихъ въ этой мирной работѣ. Дверь внутренняго помѣщенія была для нихъ какъ бы преградой, которую онѣ почти никогда не переступали, и никто посторонній не проникалъ къ нимъ никогда.

Впрочемъ, эта жизнь не была однообразной. Рѣчь вѣдь идетъ объ Аѳинахъ, поэтому любовь къ искусству нашла дорогу даже въ гинекей, несмотря на его замкнутость. И къ упомянутымъ чисто практическимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ дѣвушкамъ, присоединялись нѣкоторыя другія, какъ, напримѣръ, чтеніе, письмо, музыка. Впрочемъ, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ преувеличеній: греки никогда не прилагали заботы объ умственномъ развитіи женщины и приобщеніи ея къ тѣмъ благороднымъ занятіямъ, которыя возвышаютъ и укрѣпляютъ душу. Но музыка у народа съ такой

Поминальное жертвоприношеніе.

утонченной и живой впечатлительностью была чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простое отдохновеніе: она уравнивала движенія души, вызывая въ ней извѣстныя гармоническія впечатлѣнія, которыя медленно и почти незамѣтно проникали въ умъ и вліяли на его складъ.

(Кромѣ того, въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣвушка могла выходить изъ своего убѣжища. Она появлялась въ нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоніяхъ и принимала участіе въ хоровыхъ танцахъ. Иногда на нее падалъ выборъ нести во время празднества священныя корзины: или, если она принадлежала къ аристократической фамиліи, ей давали вышивать

Религіозная процессія женщинъ.

предназначенное Аѳинѣ покрывало, которое должно было торжественно прослѣдовать въ процессіи на Великія Панаѳинеи ¹⁾). Когда дѣвушка затѣмъ возвращалась въ родительскій домъ, въ теченіе долгихъ часовъ работы, склонившись надъ своимъ станкомъ, она предавалась воспоминаніямъ о праздникѣ, на которомъ она присутствовала, и ея душа наполнялась прекрасными и граціозными образами.

Пока ея ловкіе пальцы перебрасывали челнокъ, она снова мысленно видѣла стройный порядокъ священнаго празднества, движенія хоровъ и благородную архитектуру

¹⁾ Праздникъ въ честь богини Аѳины и аѳинскаго государства.

храмовъ. Когда теченіе жизни такъ однообразно, то малѣйшія событія кажутся значительными и оставляютъ продолжительные слѣды. Религія, дававшая молодой афинянкѣ возможность въ рѣдкихъ случаяхъ видѣть мелькомъ внѣшній міръ, и именно во время этихъ поразительно-изящныхъ празднествъ, была небезполезна при воспитаніи ея ума; она не нарушала тишины гинекея, но какъ бы оживляла его тщательно хранимыми воспоминаніями, которыя помогали развитію въ ея душѣ чувства порядка и гармоніи.

Такимъ образомъ, если мы при изученіи занятій греческой дѣвушки и рѣдкихъ развлеченій, прерывавшихъ ихъ, отбросимъ всѣ подробности, то получимъ цѣльное впечатлѣніе,—впечатлѣніе чего-то скромнаго и сдержаннаго: это была жизнь однообразная и мирная, зависимая, но не унижительная: невѣдѣніе дѣвушки тщательно поддерживалось, но не для пониженія умственнаго уровня женщины, а для сохраненія во всей неприкосновенности тонкости ея души и того цвѣтка цѣломудрія, который еще не увялъ подъ вліяніемъ знанія зла или подозрѣнія его существованія.

(Lallier. De la condit. de la femme, стр. 41—44).

10. Эфебія.

Въ восемнадцать лѣтъ афинянинъ выходилъ изъ юношескаго возраста и вносился въ общій списокъ гражданъ. Съ этого времени онъ становился граждански и политически полноправнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ подлежалъ отбыванію извѣстнаго рода искуса въ корпораціи эфебовъ; освобождались отъ этого только одни несостоятельные люди.

Эфебія была государственнымъ учрежденіемъ: ея уставъ цѣликомъ исходилъ отъ сената или отъ народа; ея главные чиновники были городскими должностными лицами, а высшая власть надъ нею принадлежала стратегамъ.

Очень возможно, что до македонской эпохи ¹⁾ эфебамъ давалось только военное образованіе. Въ надписяхъ

¹⁾ Т. е. до IV в. до Р. X.

часто повторяются указанія, что эфебы выступили изъ города въ лагери. „Они поселялись въ демахъ¹⁾ и крѣпостяхъ, становились лагеремъ на границахъ“. „При всѣхъ своихъ переходахъ они уважали владѣнія, черезъ которые проходили, и заслуживали только похвалу“. Одной изъ цѣлей этихъ прогулокъ за предѣлы Аѣинъ должна была быть безопасность деревень и надзоръ за дорогами; они были какъ бы подвижной жандармеріей, а въ то же время приучались владѣть оружіемъ и переносить утомленіе.

Подробностей мы не знаемъ, но Ксенофонтъ и Платонъ даютъ намъ картину этой жизни на чистомъ воздухѣ. „Пусть они рыщутъ по полямъ, пусть охотятся въ горахъ, пусть приучаются переносить голодъ; кто ничего не убилъ, будетъ ѣсть только какія-нибудь травы“; спали они тамъ, гдѣ ихъ захватила ночь, и, завернувшись въ плащъ, ждали восхода солнца.

Эфебы на коняхъ.

Платонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы молодые люди обучались тактикѣ, маршировкѣ, военнымъ передвиженіямъ и искусству устраивать лагери. Это, конечно, и было главной цѣлью такихъ экскурсій, когда эфебы носили наименованіе *περίπολοι*. Ихъ приучали обращаться съ воен-

¹⁾ Д е м ы—селенія въ древней Атикѣ.

ными машинами, въ частности съ катапультой ¹⁾, метать дротикъ и пользоваться кестромъ ²⁾. Ихъ отправляли на

Военный танецъ греческихъ юношей.

государственные корабли и указывали имъ правила морского искусства.

Кромѣ космета, который являлся начальникомъ эфебіи,

Сцена изъ греческой жизни.

въ число учителей этой коллегіи входили: педотрибъ, въ-
давшій всѣ физическія упражненія; гоппомахъ, или учитель

¹⁾ Катапульта—военная машина для метанья стрѣлъ, дротиковъ и камней.

²⁾ Кестръ—особый видъ дротика.

фехтованія; аконтистъ, обучавшій метать дискъ; афеть, или учитель, преподававшій, какъ обращаться съ метательными машинами; токсоть, который обучалъ стрѣльбѣ изъ лука. Это простое перечисленіе свидѣтельствуесть въ достаточной степени о военномъ характерѣ корпораціи эфебовъ. Однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока Аѳины сохраняли свободу, въ эфебѣ видѣли не столько будущаго гражданина, сколько будущаго воина.

(По Dumont Essai sur l'éphébie attique, I, стр. 146—150, 177 и сл.).

11. Клятва эфебовъ.

Въ первый годъ пребыванія въ эфебіи, въ мѣсяцѣ Боедроміонѣ ¹⁾ эфебы съ оружіемъ въ рукахъ являлись въ храмъ Аглавры и тамъ въ присутствіи членовъ своихъ демовъ приносили такую клятву:

„Клянусь никогда не позорить это священное оружіе, никогда не покидать своего мѣста въ битвѣ. Одинъ ли, со всѣми ли вмѣстѣ я буду сражаться за своихъ боговъ и за свой очагъ. Я оставляю послѣ себя свое отечество не уменьшеннымъ, но болѣе могущественнымъ и болѣе крѣпкимъ. Я буду повиноваться приказаніямъ, которыя продиктуесть мудрость должностныхъ лицъ; я буду подчиняться и тѣмъ законамъ, которые находятся въ силѣ въ настоящее время, и тѣмъ, которые будутъ постановлены народомъ. Если кто-нибудь захочетъ ниспровергнуть эти законы или не будетъ повиноваться имъ, я не потерплю этого и буду сражаться за нихъ одинъ или вмѣстѣ со всѣми. Я буду почитать предковъ моего отца. Беру въ свидѣтели Аглавру, Эніалія, Ареса, Зевса, Фалло, Авксо и Гегемону ²⁾“.

(Стобей. Florilegium, XLIII, 48. Поллуксъ, VIII, 105. Ликургъ. Рѣчь противъ Леократа, 77. Dumont. L'éphébie attique, I, стр. 9—10).

¹⁾ Сентябрь, см. стр. 18.

²⁾ Аглавра была дочерью Кекропса; легенда о ней входила въ самыя старинныя аѳинскія преданія. Эніалій былъ богъ-покровитель

12. Эфебы внѣ службы.

Въ V и IV столѣтіяхъ эфебы не были расквартированы по казармамъ; они могли жить, гдѣ имъ угодно. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ Аѣинахъ, другіе—въ окрестныхъ демахъ, не неся обязательства покидать свое жилище и собираясь вмѣстѣ только, когда ихъ созывали. Въ промежуткахъ между этими созывами они, какъ обыкновенные солдаты, были свободны и могли заниматься своими дѣлами и употребляли время по своему усмотрѣнію. Внѣ службы они продолжали вести привычный имъ блестящій образъ жизни, дѣля время между уроками, за которые они много платили, и дорогостоящими развлечениями. Именно ихъ рисуетъ намъ Исократъ, когда говоритъ объ этихъ изнѣженныхъ юношахъ, охлаждающихъ вино въ эннеакрунской водѣ ¹⁾, кутящихъ вмѣстѣ по кабачкамъ, проводящихъ дни за игрой въ кости или веселящихся у флейтистокъ. Собираясь по временамъ большими компаніями на шумныя пирушки, они назывались шутливыми прозвищами и наводили ужасъ на мирныхъ гражданъ своими странными выходками и презрѣніемъ ко всему общепринятому. Ихъ встрѣчали въ судахъ, на собраніяхъ, гдѣ должны были выступать знаменитые ораторы. Многіе изъ нихъ посѣщали также гимназіи, которыя служили въ IV вѣкѣ мѣстомъ свиданія изящнаго общества. Эсхинъ вспоминаетъ, что его старшій братъ Филохаръ, человѣкъ не-

оружія. Фалло была одной изъ богинь, олицетворявшихъ часы. символъ юности. Авксо и Гегемона—двѣ хариты, или граціи, дарующія силу и мощь тѣмъ, кто вступалъ на арену общественной жизни подъ ихъ покровительствомъ.

Дюмонъ указываетъ, что клятва эта неполная. Плутархъ (Жизнь Алкивіада, 15) даетъ еще одну, несомнѣнно измѣненную фразу. Она, вѣроятно, гласила слѣдующее:

„Эфебы клянутся защищать все, что включено въ наши границы, т. е. всѣ безъ исключенія виноградники и (существующія въ Атикѣ) оливковыя деревья: наша граница простирается до того предѣла, гдѣ нѣтъ болѣе культуры, т. е. до горъ и моря“. (*Примѣч. автора*).

¹⁾ Вода изъ одного источника въ Аѣинахъ.

заурядный, любилъ посѣщать гимназіи¹⁾; онъ и самъ хвалится тѣмъ, что проводилъ тамъ многіе часы въ бесѣдахъ съ прекрасными юношами. Появленіе въ гимназіяхъ доказывало, что человѣку нечего было дѣлать, что онъ не имѣлъ нужды зарабатывать себѣ средства къ жизни; это свидѣтельствоvalo также, что у него были большія связи, потому что юноши, съ которыми тамъ встрѣчались, были богаты и часто знатны. Вотъ почему тщеславный у Теофраста²⁾ считаетъ своимъ долгомъ появляться тамъ. Такъ обстояло дѣло уже въ V вѣкѣ: всадники Аристофана³⁾, такъ гордо требующіе права мирно проводить время въ гимназіяхъ, представляютъ собой аристократическій слой афинской молодежи. Верховая ѣзда и гимнастика были тѣ два искусства, которыя шли рука объ руку и которыми долженъ былъ заниматься всякій гражданинъ извѣстнаго положенія.

Посѣщеніе гимназій становилось аристократической привычкой въ особенности благодаря тому, что тамъ можно было получить философское образованіе. Но не всѣ имѣли возможность воспользоваться этимъ, потому что такое образованіе обходилось очень дорого. Многіе ученики Сократа, какъ Аристиппъ, не слѣдуя примѣру безкорыстія своего учителя, продавали свою мудрость за золото. Хотя Платонъ не бралъ платы, все же его слушатели были главнымъ образомъ молодые люди, принадлежащіе къ лучшимъ фамиліямъ и извѣстные своимъ изяществомъ. Одинъ комическій поэтъ рисуетъ намъ ихъ одѣтыми въ тонкія ткани, съ тщательно причесанными волосами и бородой, обутыми въ сандаліи, ремни которыхъ граціозно обвивались вокругъ ноги. По всей видимости, среди этихъ щего-

¹⁾ Гимназія первоначально—мѣсто для упражненій, а съ конца V в. до Р. Х. школа, гдѣ вели свои бесѣды философы и ученые.

²⁾ Теофрастъ (371—286 г. до Р. Х.)—греческій ученый, ученикъ Аристотеля, написавшій много сочиненій на разныя темы. Въ одномъ изъ нихъ—о характерахъ—онъ даетъ характеристики пороковъ и смѣшныхъ чертъ людей.

³⁾ Здѣсь имѣются въ виду дѣйствующія лица комедіи Аристофана „Всадники“.

лей было много эфебовъ. Теофрастъ насчитывалъ, по словамъ Діогена Лаэртскаго, около двухъ тысячъ учениковъ; невозможно предполагать, чтобы въ это число не входило извѣстное количество эфебовъ. Надо прибавить, что эфебы слушали также уроки риторовъ; вѣроятно, большая часть учениковъ Сократа состояла именно изъ нихъ. Эти занятія были недоступны для массы молодыхъ людей, и только богатые эфебы могли предаваться имъ.

(По Girard, l'Education athénienne, стр. 298—302).

13. Спартанское воспитаніе.

Съ момента появленія на свѣтъ ребенокъ въ Спартѣ попадалъ въ распоряженіе государства. Вопросъ, имѣлъ ли онъ право на существованіе или былъ обреченъ исчезнуть, не зависѣлъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, отъ рѣшенія отца. Комиссія, состоящая изъ самыхъ глубокихъ стариковъ рода, высказывала относительно его участи свое мнѣніе. Если онъ казался слабымъ, больнымъ или дурно сложеннымъ, его отправляли на Тайгетъ ¹⁾, въ особо предназначенное для этого мѣсто, называемое *ἀποδείξι*. Если, наоборотъ, онъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ, его оставляли.

До семи лѣтъ ребенокъ жилъ въ родительскомъ домѣ подъ надзоромъ женщинъ. Въ семь лѣтъ его препровождали къ педоному, который руководилъ воспитаніемъ всей молодежи. Педономъ собиралъ дѣтей въ различныя группы, называемыя *ῥα*. Соединеніе нѣсколькихъ группъ составляло классъ (*βοῦα*). Во главѣ каждой группы стоялъ *ἰάρχης*, во главѣ класса—*βοῦάρχης*, которые выбирались изъ самыхъ старшихъ мальчиковъ; при этомъ *βοῦάρχης* выбирался, повидимому, самими дѣтьми. Эти старшины были обязаны руководить играми и гимнастическими упражненіями подъ надзоромъ педонома и *βίβας* съ его помощниками, мастигофорами, вооруженными розгами. Многочисленные зрители съ живымъ интересомъ наблюдали зрѣлище. Они пользовались правомъ побуждать дѣтей сдѣлать то или иное упражненіе,

¹⁾ Горное ущелье.

вызывать между ними соперничество, давать имъ совѣты, дѣлать выговоры и даже наказывать.

Физическія упражненія распредѣлялись сообразно возрасту; но объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго; извѣстно только, что разные виды кулачныхъ боевъ были исключены изъ этихъ упражненій, потому что они приличествовали атлетамъ, а не воинамъ. Обычныя упражненія состояли въ бѣгѣ, прыганьѣ, борьбѣ, метаньи диска и дротика; само собой разумѣется, что нѣкоторая часть времени употреблялась на обученіе владѣть оружіемъ. Сюда присоединялись нѣкоторые виды танцевъ, особенно военный (пиррическій) танецъ.

Юноши съ двѣнадцати лѣтъ ходили едва одѣтые, съ непокрытой головой и босыми ногами. Они носили всегда, даже зимой, одну и ту же одежду, которой имъ должно было хватить на годъ. Ихъ волосы были коротко острижены; за исключеніемъ опредѣленныхъ и рѣдкихъ дней имъ не дозволялось омываться и душиться. Они спали безъ одѣяла на сѣнѣ, соломѣ, тростникѣ или камышѣ. Пища ихъ отличалась большой простотой и выдавалась имъ съ такимъ расчетомъ, что насытиться ею было невозможно, а потому они вынуждены были воровать съѣстные припасы. Если кражи совершали ловко, ихъ только хвалили; если же при воровствѣ они попадались, то несли наказаніе.

Кромѣ этихъ повседневныхъ упражненій, для пріученія мальчиковъ переносить боль было придумано испытаніе посредствомъ сѣченія бичемъ, ежегодно повторявшееся передъ алтаремъ Артемиды Орѣйской. Юноши избивались до крови, но подъ страхомъ позора не смѣли плакать или просить пощады. Проявившій наибольшую твердость духа провозглашался „побѣдителемъ при алтарѣ“. Случались примѣры, что жертвы испускали духъ подъ ударами.

Умственный кругозоръ спартанцевъ былъ очень узокъ. Исократъ упрекаетъ ихъ даже въ безграмотности. Дѣйствительно, чтеніе и письмо не входили въ официальную программу обученія, но большинство гражданъ научались имъ сами. Музыка, наоборотъ, входила въ число предметовъ

общественнаго преподаванія, и не *только въ качествѣ развлеченія, а какъ элементъ нравственнаго развитія; дѣти пѣли пѣсни, соотвѣтствующія народному духу, и играли на цитрѣ и на флейтѣ.

Ихъ допускали на трапезы мужчинъ, гдѣ они слушали разговоры взрослыхъ. Рѣчь тутъ шла то о общественныхъ дѣлахъ, то о похвальныхъ или достойныхъ порицанія поступкахъ предковъ или современниковъ; то они дѣлались свидѣтелями веселыхъ и ѣдкихъ шутокъ, свойственныхъ этому народу. Они могли принимать участіе въ разговорахъ, выражать свои собственныя чувства, отвѣчать на насмѣшки и на затруднительные вопросы, проявляя присутствіе духа, живость и скромность; особенно стремились приучить ихъ сказать многое въ немногихъ словахъ.

Граждане болѣе пожилого возраста имѣли право на уваженіе молодыхъ: ихъ взаимныя отношенія напоминали отношенія учителя и ученика, начальника и подчиненнаго. Старшіе могли дѣлать выговоры и даже наказывать молодыхъ; если ребенокъ шелъ домой жаловаться, отецъ только увеличивалъ наказаніе. Дѣти въ такой же мѣрѣ принадлежали государству, какъ и своей семьѣ; всѣ старики почитались ими наравнѣ съ ихъ отцомъ. Ихъ скромность и сдержанность вызывала удивленіе всей Греціи; они были молчаливы, какъ статуи, едва поднимали глаза, имѣли всегда строгій видъ и ходили со строгимъ видомъ, спрятавъ руки подъ плащъ.

Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, они выходили изъ разряда юношей и принимали имя *μελλείρεves*, или кандидатовъ. Тогда они несли службу, подобную службѣ аѳинскихъ эфебовъ. Когда имъ исполнялось двадцать лѣтъ, они вступали въ регулярную армію подъ именемъ *εἰρένες* или *ἱρανες*. Наконецъ, въ тридцать лѣтъ они попадали въ разрядъ взрослыхъ людей и имѣли право приобрѣсть свое особое хозяйство; впрочемъ, часто они женились, не дожидаясь этого времени.

(Schömann. Griechische Alterthümer, т. I).

14. Спартанская дѣвушка.

Дѣвушки въ Спартѣ обучались гимнастикѣ и музыкѣ: но ничего опредѣленнаго относительно способа этого обученія неизвѣстно. Для нихъ, вѣроятно, существовали правила, подобныя тѣмъ, какія устанавливались для мальчиковъ: распредѣленіе дѣтей одинаковаго возраста по разрядамъ и классамъ, постепенность въ упражненіяхъ, надзоръ педономовъ и *βίβας* и т. д. Онѣ обучались бѣганью, прыганью, борьбѣ, метанью дисковъ и дротиковъ; къ этому присоединялось также обученіе танцамъ и пѣнію, потому что на празднествахъ онѣ танцовали хороводомъ и пѣли хоромъ. Имъ, разумѣется, предоставлялись особыя мѣста, куда толпа не имѣла доступа. Однако устраивались публичныя испытанія, когда мальчики присутствовали на играхъ дѣвочекъ, а дѣвочки—на играхъ мальчиковъ; въ этихъ случаяхъ, повидимому, похвалы или порицанія дѣвочекъ являлись даже для другого пола могущественнымъ способомъ воздѣйствія.

Эти нравы сильно скандализировали другіе народы, у которыхъ женщины держались совершенно особнякомъ отъ мужчинъ, и сильная, рѣшительная спартанка по сравненію съ хрупкой и робкой афиняной должна была производить впечатлѣніе существа, не имѣющаго пола. Цензура особенно порицала ихъ костюмъ, едва прикрывавшій ихъ; онъ состоялъ изъ туники безъ рукавовъ и едва доходящей до колѣнъ. Впрочемъ, нравственность, видимо, не страдала отъ такихъ порядковъ, а спартанскія женщины выигрывали въ томъ отношеніи, что были самыми здоровыми и энергичными женщинами въ Греціи.

(Schömann, Griechische Alterthümer, т. I).

15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ.

На Критѣ дѣтей водили на андріи, или общія трапезы; тамъ они ѣли всѣ вмѣстѣ, сидя на землѣ, одѣтыя въ плохія туники, которыя они носили лѣто и зиму; они сами подавали себѣ кушанья и въ то же время прислуживали

взрослымъ мужчинамъ. Ихъ часто заставляли бороться другъ съ другомъ.

Сдѣлавшись старше, въ семнадцать лѣтъ, они всѣ безъ исключенія переходили въ агелы; въ основаніи каждой агелы принималъ участіе какой-нибудь юноша, принадлежащій къ одной изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ фамилій. Для этой цѣли онъ на вербовывалъ и собиралъ возможно большее количество товарищей. Обыкновенно сформированіе такой группы и начальствованіе надъ нею бралъ на себя отецъ юноши, основавшаго группу; онъ могъ вести ее куда угодно: на охоту, на стадій, и карать по своему усмотрѣнію всякое неповиновеніе его приказаніямъ. Всѣ эти дѣти получали содержаніе за счетъ государства. Ихъ учили началамъ грамматики, національнымъ пѣснямъ и первоначальнымъ правиламъ музыки. Особенно упражняли ихъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ; ихъ стремились сдѣлать невоспріимчивыми къ усталости, къ жарѣ, къ холоду, къ трудностямъ суровой и гористой дороги, къ впечатлѣніямъ, получаемымъ въ борьбѣ или въ примѣрныхъ сраженіяхъ; они обучались еще стрѣльбѣ изъ лука и военному или пиррическому танцу, чтобы даже въ играхъ они находили полезныя упражненія, подготовляющія ихъ къ военному дѣлу. Нѣсколько разъ въ годъ въ опредѣленные сроки можно было наблюдать, какъ всѣ эти дѣти шли на сраженіе, агела противъ агелы, мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейты или лиры, что было въ обычаѣ и у критскихъ солдатъ на войнѣ. Потомъ начиналась битва, и дѣти наносили одинъ другому жестокіе удары то кулакомъ, то деревяннымъ оружіемъ.

По отбываніи службы (которая продолжалась десять лѣтъ) всѣ освобождавшіеся молодые люди женились въ одно и то же время.

(Эфоръ по Страбону ¹, кн. X).

¹) Эфоръ (около 405—330 г. до Р. X.)—греческій историкъ.— Страбонъ—греческій географъ I в. Въ своемъ трудѣ „Географія“ онъ проявилъ большую начитанность, заимствуя свѣдѣнія отъ многихъ писателей древности.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе переводчицы	III
Предисловіе автора	VII

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія свѣдѣнія.

1. Эллинскій типъ	1
2. Греческій геній	4
3. Счастье по понятію аѳинянина	8
4. Сравненіе аѳинянъ со спартанцами	9
5. Спартанское остроуміе	10
6. Характеръ ѳиванцевъ	11
7. Простота греческой жизни	12
8. Дѣленіе времени	17
9. Мѣры, вѣсъ и монеты	19
10. Способъ счисленія	22

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семья.

1. Первобытная семья	25
2. Религія. какъ основа семьи	29
3. Безбрачіе	30
4. Цѣль брака въ Греціи	32
5. Религіозные свадебные обряды	33
6. Приданое	35
7. Аѳинская женщина	37
8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонту	44
9. Спартанскія женщины	47
10. Энергія спартанскихъ женщинъ	48

	Стр.
11. Мужество аргивянокъ	49
12. Разводъ	49
13. Обряды на 7-й и на 10 день послѣ рожденія ребенка	51
14. Собственныя имена	52
15. Усыновленіе	53
16. Отцовская власть	55
17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ	56
18. Правила наслѣдованія	57
19. Духовное завѣщаніе	58
20. Завѣщаніе Платона	60
21. Дочь-наслѣдница	60
22. Опека	63

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе.

1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста	66
2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѳинахъ	68
3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ	69
4. Литературное и музыкальное образованіе	70
5. Гимнастика	72
6. Высшее образованіе	79
7. Модный учитель	82
8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка	83
9. Аѳинская дѣвушка	84
10. Эфебія	87
11. Клятва эфебовъ	90
12. Эфебы внѣ службы	91
13. Спартанское воспитаніе	93
14. Спартанская дѣвушка	96
15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ	96

4

9/3)

511

П. Г И Р О

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

Вып. III

ЗДАНИЕ ТВА О. Н. ПОПОВОЙ
С-ПЕТЕРБУРГЪ

Акрополь. Пропилеи.
Парсенонъ. Статуя Афины-Паллады.

Ареопагъ.

Агора въ Аѣинахъ. (Проектъ возстановленія).

9(38)
ГСИ
9(3)
928
ГСИ

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И. ЛИХАРЕВОЙ

76
СЪ 20-Ю РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ III

Н. И. Л.
БИБЛИОТЕКА
при СГУ
III отд. Истор.

282574

Пр.65

ПОГАСЕНО

ПРОШЕНО
38

Изданіе Т-ва О. Н. Полювой
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

38

Оглавленіе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рабство.

	СТР.
1. Первобытное рабство	5
2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ	7
3. Источники рабства	8
4. Продажа рабовъ	9
5. Стоимость рабовъ	11
6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ	13
7. Число рабовъ	14
8. Положеніе раба	16
9. Характеръ раба	19
10. Общественные рабы	21
11. Бѣглые рабы	23
12. Возстаніе рабовъ	24
13. Отпущеніе на волю	26
14. Актъ отпущенія на волю	28
15. Другой актъ отпущенія на волю	29

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудъ и богатство.

1. Мнѣніе грековъ о трудѣ	30
2. Похвала земледѣлію	34
3. Крѣпостное право	36
4. Арендный договоръ	38
5. Мелкіе землевладѣльцы	39
6. Крупные землевладѣльцы	41
7. Земледѣльческіе продукты	44
8. Скотоводство	47
9. Промышленность Греціи	49

	СТР.
10. Раздѣленіе промышленнаго труда	51
11. Организація промышленнаго труда	52
12. Рудники	56
13. Торговля Греціи	57
14. Рынки въ греческихъ городахъ	58
15. Приемы торговцевъ	61
16. Ярмарки	61
17. Торговое законодательство	62
18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля	63
19. Денежныя операціи	64
20. Банкиръ Пасіонъ	67
21. Богатый городъ Великой Греціи	75
22. Богатство въ Аѣинахъ	76
23. Подробности относительно имуществъ нѣкоторыхъ аѣинянъ	78
24. Соціализмъ	79

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ	83
2. Уличные типы	85
3. Черты греческихъ нравовъ	86
4. Общительность аѣинянъ	89
5. Приглашеніе	90
6. Сообщества	91
7. Общества взаимопомощи	92
8. Нѣкоторыя греческія игры	93
9. Коттабъ	97
10. Пѣтушіные бои	99
11. Танцы	100
12. Вокальная и инструментальная музыка	104
13. Музыка въ Спартѣ	108
14. Лавочки парикмахеровъ	110
15. Ссора между молодыми людьми	110
16. Охота	111
17. Путешествіе	114
18. Гостепріимство	116

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Р а б с т в о.

Содержаніе: 1. Первобытное рабство.—2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ.—3. Источники рабства.—4. Продажа рабовъ.—5. Стоимость рабовъ.—6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ.—7. Число рабовъ.—8. Положеніе раба.—9. Характеръ раба.—10. Общественные рабы.—11. Бѣглые рабы.—12. Возстаніе рабовъ.—13. Отпущеніе на волю.—14. Актъ отпущенія на волю.—15. Другой актъ отпущенія на волю.

1. Первобытное рабство.

Рабы въ Греціи назывались δμῶες. Рабомъ можно было сдѣлаться въ силу рожденія, войны или запродажной. Геродотъ ¹⁾ заявляетъ, что въ первобытной Греціи рабство было неизвѣстно. Тимей ²⁾, не заходя такъ далеко въ своихъ утвержденіяхъ, указываетъ тѣмъ не менѣе, что древніе греки не пользовались „рабами, приобретенными за деньги“. Однако, достаточно открыть гомеровскія поэмы, чтобы убѣдиться въ неправильности этого двойного свидѣтельства. Справедливо лишь то, что въ древне-греческомъ обществѣ рабство имѣло гораздо меньшее значеніе, чѣмъ впослѣдствіи. Ученые сдѣлали подсчетъ рабовъ, которыми долженъ былъ владѣть Одиссей; ихъ оказалось около сотни, причемъ половина, т. е. пятьдесятъ, состояла изъ женщинъ, занятыхъ работой внутри дома. Эта цифра, разумѣется, совсѣмъ не такъ велика, если принять во вниманіе, что число стадъ Одиссея достигало 72 и что 24 стада свиней включали тысячу двѣсти головъ.

Въ большинствѣ богатыхъ домовъ штатъ рабовъ далеко не доходилъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, и нерѣдко

¹⁾ Геродотъ—см. вып. I, стр. 5, прим. 2.

²⁾ Тимей—греческій историкъ, жившій отъ 352 до 256 г. до Р. Х.

случалось, что землевладѣльцы совершенно не имѣли рабовъ. У Одиссея рабы занимались преимущественно при-
смотромъ за скотомъ. Въ Итакѣ были, напри-
мѣръ, пастухи для свиней, козъ, воловъ и овецъ. Между ними существо-
вала извѣстная іерархія. Такъ, у Эвмея было четыре под-
чиненныхъ. Кромѣ того есть указанія на должность глав-
наго надсмотрщика надъ волами и главнаго пастуха.

Хотя рабы и находились въ подчиненіи у господина, кото-
рый пользовался по отношенію къ нимъ полной властью,
положеніе ихъ было довольно сносно. Они являлись какъ бы
членами семьи, и въ большинствѣ случаевъ съ ними обра-
щались хорошо. Эвмей, пастухъ Одиссея, воспитывался съ
дочерью царя Лаэрта, Клименой. „Я съ нею“, говоритъ онъ,
„росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ“. Когда
Климена вышла замужъ, Эвмей „былъ награжденъ
красивой хламидой, новымъ хитономъ, также для ногъ
получилъ и сандалии“. Его отправили въ поле, но Антикля
продолжала матерински относиться къ нему: она даже
„дружелюбнѣе прежняго стала“. Со времени же отъѣзда
Одиссея „все миновалось“, говоритъ Эвмей:

„Отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ
Мнѣ не бываетъ съ тѣхъ поръ...
...Намъ же, рабамъ, иногда такъ утѣшно
Было-бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле, домой, на всеневный свой трудъ возвратиться“¹⁾.

Эвмей, которому было поручено веденіе самостоятель-
наго дѣла, жилъ очень независимо. Для угощенія своихъ
гостей и для своего собственнаго стола онъ могъ пользо-
ваться свиньями, находящимися на его попеченіи; онъ, не
спрашивая ни у кого разрѣшенія, строилъ хлѣвы; у него
были деньги, которыя дали ему возможность купить раба;
онъ страдалъ только потому, что боялся смерти Одиссея
и расхищенія его имущества женихами Пенелопы. Слѣдуетъ
отмѣтить, что эта картина отношеній не представляетъ
чего-то идеальнаго, исключительнаго. Всюду рабъ любитъ

¹⁾ Одиссея, пер. Жуковского, пѣснь XV, ст. 65 и далѣе.

своего господина и, въ свою очередь, любимъ имъ. Рабы принимаютъ участіе въ печаляхъ и радостяхъ хозяина; ихъ обращеніе съ нимъ носитъ характеръ фамиллярности и почтительности, и на его благосклонность рабы отвѣчаютъ безграничной преданностью.

(Guiraud. La propriété en Grèce, стр. 71—73).

2. Мнѣніе Аристотеля о рабствѣ.

Аристотель ¹⁾ говоритъ, что семья состоитъ „изъ людей свободныхъ и изъ рабовъ“. Не довольствуясь указаніемъ на этотъ фактъ, онъ провозглашаетъ его законность. „Нѣкоторые люди“, говоритъ онъ, „утверждаютъ, что власть господина противна природѣ; по ихъ мнѣнію, если одинъ человѣкъ — рабъ, а другой — свободный, то это происходитъ только благодаря установленію закона, по природѣ же между ними нѣтъ никакой разницы, и рабство является результатомъ не справедливости, а насилія“. Аристотель не раздѣляетъ этого взгляда. „Человѣкъ“, говоритъ онъ, „не можетъ обойтись безъ орудій, даже чтобы добывать лишь необходимое для поддержанія жизни. Среди этихъ орудій одни — одушевленные, другія — неодушевленные. Для кормчаго корабля руль — орудіе неодушевленное, а матросъ, бодрствующій на носу — орудіе одушевленное; точно такъ же всякій предметъ владѣнія представляетъ собой полезное для жизни орудіе, а собственность является совокупностью этихъ орудій. Рабъ — это одушевленная собственность и самое совершенное изъ орудій“.

Аристотель идетъ еще дальше. Онъ охотно признаетъ, что нѣкоторые люди впали въ рабство только благодаря случайности (такowymi очень часто были военноплѣнные), но полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что многіе созданы быть рабами и въ этомъ — ихъ истинное назначеніе. Всякое человѣческое существо устроено, по его словамъ, такимъ образомъ, что душа повелѣваетъ, а тѣло повинуется; такъ и человѣкъ: „если онъ стоитъ ниже себѣ подобныхъ въ такой степени, какъ тѣло ниже души или животное ниже человѣка, то онъ

¹⁾ Аристотель — см. вып. I, стр. 4, прим. 3.

является рабомъ по природѣ, и для него же лучше быть въ рабствѣ. Подобными людьми являются всѣ тѣ, кого судьба обрекла добывать себѣ средства пропитанія при помощи своихъ физическихъ силъ и кто не имѣетъ никакой возможности заниматься чѣмъ-нибудь лучшимъ“.

Если подобныя идеи провозглашалъ такой великій умъ, какъ Аристотель, нетрудно догадаться, каковы должны были быть общепринятые взгляды. Греки никогда не сомнѣвались въ необходимости и законности рабства.

3. Источники рабства.

Въ V и IV вѣкахъ до Р. Х. рабство пополнялось нѣсколькими различными источниками.

Прежде всего, были рабы, родившіеся въ домѣ (οἰχογενεῖς). Они принадлежали не своимъ отцамъ или матерямъ, которые, какъ рабы, были лишены права владѣть чѣмъ бы то ни было, а господину своихъ отцовъ или матерей. Число такихъ рабовъ вообще было не очень велико.

Послѣ каждой войны побѣдитель продавалъ своихъ плѣнниковъ, какъ рабовъ. Стоитъ только просмотрѣть сочиненія Фукидида ¹⁾, чтобы найти тамъ множество примѣровъ. „Двѣсти платейцевъ были умерщвлены, а женщины ввергнуты въ рабство“ (III, 68). „Аѳиняне обратили въ рабство женщинъ и дѣтей торонейцевъ“ (V, 3). Большая часть аѳинянъ, принимавшихъ участіе въ сицилійскомъ походѣ, погибли или попали въ рабство; такихъ было не менѣе 7.000 (VII, 87).

Нѣкоторые лица обращали въ ремесло похищеніе людей на морѣ или на сушѣ и продажу ихъ въ рабство. Это занятіе никогда вполне не исчезало, несмотря на тяжесть наказаній, которыя оно влекло за собой. Одинъ аѳинскій законъ, стремясь противодѣйствовать этому преступленію, постановлялъ, „чтобы никто не смѣлъ вступать въ торговую сдѣлку съ продавцомъ рабовъ, не истребовавъ у него предъявленія свидѣтельства, удостоверяющаго,

¹⁾ Фукидидъ—см. вып. I, стр. 4, прим. 2.

что продаваемый человѣкъ былъ уже рабомъ такого-то, названнаго по имени, господина“.

До Солона должникъ былъ отвѣтственъ за долги своею личностью, и нерѣдко бывало, что въ случаѣ несостоятельности онъ становился рабомъ; Солонъ отмѣнилъ этотъ обычай. Нищета заставляла иногда взрослого человѣка жертвовать своей свободой, и законъ не мѣшалъ этому. Ребенокъ, отъ котораго отецъ отказывался при его рожденіи ¹⁾, былъ обыкновенно обреченъ на рабство, и это явленіе случалось, надо думать, нерѣдко, потому что въ развязкахъ комедій очень часто идетъ о немъ рѣчь. Въ Аѳинахъ отецъ семьи имѣлъ право продать свою дочь, если она вела дурную жизнь.

Наконецъ, потеря свободы могла быть результатомъ постановленія суда. Такъ наказывали иностранцевъ, которые скрывали свое положеніе и пытались путемъ обмана проникнуть въ число гражданъ. Гражданинъ, выкупленный изъ плѣна кѣмъ-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, лишался свободы, если не вносилъ суммы своего выкупа; но сомнительно, чтобы эта угроза когда-нибудь приводилась въ исполненіе. Одно постановленіе, изданное городомъ Галикарнассомъ около 457 года до Р. Х., какъ временная мѣра, допускаетъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ продавать людей въ чужіе края.

4. Продажа рабовъ.

Греческій писатель Лукіанъ ²⁾ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Распродажа душъ“ (*Ψυχῶν πρᾶσις*), даетъ сатирическую картину продажи Зевсомъ философовъ, при-мѣняя къ этому торгу приемы, употреблявшіеся при продажѣ рабовъ.

Зевсъ.—Эй, ты! разставляй скамьи, приготовляй мѣста для приходящихъ, распредѣли по порядку различныя секты; но сначала позаботься принарядить философовъ, чтобы они имѣли хорошій видъ и привлекли бы много покупа-

¹⁾ См. вып. I, стр. 55, § 16.

²⁾ Лукіанъ Самосатскій—см. вып. I, стр. 30, прим.

телей. Ты, Гермесь, будь глашатаемъ, сзывай покупателей; пусть въ добрый часъ они пожалуютъ на рынокъ. Мы будемъ продавать съ аукціона философскія секты разнаго рода и различныхъ направленій. Кто не въ состояніи заплатить наличными деньгами, пусть представитъ поручительство.

Гермесь.—Кого ты хочешь пустить въ продажу первымъ?

Зевсъ.—Этого іонійца съ длинными волосами; у него видъ почтеннаго человѣка.

Гермесь.—Эй, пифагореецъ ¹⁾, сойди сюда и покажись собравшимся здѣсь.

Купецъ.—Откуда ты?

Пифагореецъ.—Съ о. Самоса.

Купецъ.—Гдѣ ты воспитывался?

Пифагореецъ.—Въ Египтѣ, у мѣстныхъ мудрецовъ...

Купецъ.—Сними съ себя одежду: я хочу видѣть тебя обнаженнымъ. Въ какую сумму онъ оцѣненъ?

Гермесь.—Въ десять минъ (около 370 руб.).

Купецъ.—Вотъ онѣ; я беру его.

Зевсъ.—Какъ имя покупателя и его отечества?

Гермесь.—Я думаю, это какой-нибудь италіецъ изъ Кротоны или изъ Тарента.

Зевсъ.—Пусть онъ беретъ купленнаго, и приведите другого раба.

Гермесь.—Не хочешь ли вотъ того грязнаго человѣка родомъ съ Понта?

Зевсъ.—Хорошо.

Гермесь.—Эй, ты! человѣкъ съ сумой и въ туникѣ безъ рукавовъ, поди-ка сюда и обойди кругомъ это помѣщеніе. Кто хочетъ купить его?

Купецъ.—На что можетъ быть пригоденъ такой грязный и обтрепанный человѣкъ? Изъ него можно сдѣлать только землекопа или водовоза.

Гермесь.—Сдѣлай его привратникомъ; онъ будетъ охранять тебя лучше собаки.

¹⁾ Пифагореецъ—послѣдователь философа и математика Пифагора, жившаго въ VI в. до Р. Х.

Купецъ.—Я дамъ за него самое большее два обола (около 12 коп.).

Зевсъ.—Ведите другого раба. Позови того киренца, разодѣтаго въ пурпуръ и съ вѣнкомъ на головѣ.

Гермесъ.—Послушайте, обратите всѣ вниманіе! это превосходный предметъ, требующій богатаго покупателя.

Купецъ.—Но какой же благоразумный человѣкъ купитъ такого испорченного и развращеннаго раба? Какъ отъ него несутъ духами! Какая у него невѣрная и колеблющаяся походка! А ну-ка ты, Гермесъ, скажи, каковы его таланты и что онъ можетъ дѣлать.

Гермесъ.—Онъ умѣетъ отлично готовить печенья: это превосходный поваръ. Получивъ воспитанье въ Аѳинахъ, онъ служилъ въ Сициліи у тиранновъ, которые очень цѣнили его.

Купецъ.—Я не въ состояніи купить его.

Гермесъ.—Боюсь, что онъ останется непроданнымъ.

Зевсъ.—Уведи его отсюда и приведи другого.

(Лукіанъ. Распродажа душъ, 1—3).

5. Стоимость рабовъ.

Обычную цѣну рабовъ, употребляемыхъ при добычѣ серебра или на самыхъ тяжелыхъ полевыхъ работахъ, можно опредѣлить въ двѣ или въ двѣ съ половиной мины (около 74—93 руб.). Стоимость раба-ремесленника должна была въ среднемъ быть выше—отъ трехъ до четырехъ минъ (около 110—148 руб.), иногда она доходила до четырехъ съ половиной минъ (около 167 руб.); главные же мастера стоили отъ пяти до шести минъ (около 185—222 руб.). Одинъ грекъ заплатилъ за своего управляющаго даже талантъ (около 2.200 руб.), но это былъ случай исключительный.

Стоимость домашнихъ рабовъ измѣнялась, какъ и стоимость рабовъ-чернорабочихъ, въ зависимости отъ того, предназначались ли они для самыхъ обыкновенныхъ работъ или для должностей, предполагавшихъ большее умственное развитіе или извѣстную близость къ господамъ. Демосеенъ ¹⁾

¹⁾ Демосеенъ—см. вып. I, стр. 3, прим. 3.

въ одной своей рѣчи упоминаетъ о рабѣ цѣнностью въ двѣ мины (около 74 руб.), но не указываетъ его назначенія; въ другой рѣчи одна рабыня оцѣнена въ пять минъ (около 185 руб.); эта цифра, получившаяся путемъ судебной оцѣнки, можетъ разсматриваться какъ наивысшая въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, цѣна въ пять минъ была довольно обычной, если рабъ отличался какимъ-нибудь талантомъ. Рабы, служащіе для удовлетворенія потребностей роскоши, цѣнились, разумѣется, дороже. Самый плохой поваръ при наймѣ получалъ не менѣе 6 оболовъ (около 36 коп.) въ день.

Въ надписяхъ, относящихся къ актамъ отпущенія на волю, находится множество указаній на цѣны. Самая обычная цѣна—отъ 3-хъ до 4-хъ минъ (около 110—148 руб.). Въ одномъ сборникѣ надписей (Вешера и Фукарта) упоминается, во-первыхъ, приблизительно о 150 невольникахъ, изъ которыхъ половина состояла изъ мужчинъ, половина изъ женщинъ, проданныхъ по три мины за каждого, и, во-вторыхъ, о 120—цѣною по 4 мины. И выше и ниже этихъ цѣнъ цифры сильно падаютъ или повышаются. Такъ, 45 рабовъ — изъ нихъ 20 женщинъ — проданы по 2 мины (около 74 руб.), 14 — въ большинствѣ молодыя дѣвушки или юноши—по 1 минѣ съ небольшимъ (около 40 руб.), трое или четверо — менѣе, чѣмъ по минѣ. Съ другой стороны, тутъ указывается, что 40 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, были проданы по 5 минъ (около 180 руб.); 20—25 человѣкъ—по 6 минъ (около 222 руб.); 1 человѣкъ за 7 минъ (около 259 руб.); одинъ невольникъ и одинъ уроженецъ Сидона—за 8 минъ (около 296 руб.); еще одинъ—за 9 минъ (около 333 руб.); три женщины, родившіяся дома,—за 7, 8 и 10 минъ (около 259, 296 и 370 руб.); еще одна—за 8 минъ; другая, флейтистка или изготовительница флейтъ,—за 10 минъ; юноша, родившійся дома,—за 10 минъ; женщина, родившаяся дома,—за 15 минъ (около 555 руб.). Варвары продаются иногда также по самой высокой цѣнѣ. Изъ пяти человѣкъ, оцѣненныхъ по 10 минъ, два были еракійцы и одинъ уроженецъ Галаты. Стоимость одного армянина достигаетъ 18 минъ (около 666 руб.).

Слѣдуетъ прибавить, что отпущенія на волю этихъ рабовъ были обставлены тяжелыми условіями и что для многихъ изъ нихъ къ денежному выкупу присоединялись другія обязательства: то вольноотпущенникъ вынужденъ былъ оставаться на опредѣленное время или на всю жизнь у продавца, то долженъ выплачивать этому продавцу, или за него — какому-нибудь другому лицу, извѣстный оброкъ; подобныя условія составляли какъ бы дополнительную плату, которая неизбѣжно должна была уменьшить основную сумму.

Кромѣ того, надо отмѣтить, что среди упомянутыхъ документовъ нѣкоторые относятся къ римской эпохѣ и ни одинъ не древнѣе македонскаго періода ¹⁾). Они составлены, слѣдовательно, въ то время, когда деньги сдѣлались менѣе рѣдкими, что повысило цѣну различныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, для IV вѣка эти цифры должны быть немного понижены.

(W a l l o n. Histoire de l'esclavage, т. I, стр. 210—218; 2-е изд.).

6. Мѣстности, поставлявшія рабовъ.

Два рода документовъ даютъ указанія на то, откуда обыкновенно доставляли рабовъ.

Одна аѳинская надпись конца V вѣка перечисляетъ рабовъ нѣкоего Кефисодора—иностранца, поселившагося въ Пирей ²⁾). Вотъ перечень этихъ рабовъ и ихъ цѣнъ; впрочемъ, надо замѣтить, что обыкновенно стоимость рабовъ была выше. (Corpus inscriptionum Atticarum, т. I, 277).

Θρακiянка		165	драхмъ (около 61 руб.)
Θρακiянка		135	" " 50 "
Θρακiецъ		170	" " 63 "
Сиρiецъ		240	" " 89 "
Карiецъ		105	" " 39 "
Иллиρiецъ		161	" " 60 "
Θρακiянка		220	" " 81 "

¹⁾ Римская эпоха—время завоеванія Греціи Римомъ (со II в. до Р. X.). Македонская эпоха—періодъ господства Македоніи (въ IV в. до Р. X.).

²⁾ Пирей—гавань близъ Аѳинъ.

Оракіецъ	115	драхмъ (около 43 руб.)
Скиѣъ	144	" " 53 "
Иллиріецъ	121	" " 45 "
Колхидецъ	153	" " 57 "
Молодой каріецъ	174	" " 64 "
Мальчикъ-каріецъ	72	" " 27 "
Сиріецъ	301	" " 111 "
Θессаліецъ	151	" " 56 "
Лидіецъ	?	

Съ другой стороны, имѣется много дельфійскихъ ¹⁾ надписей III и II вѣка до Р. Х., въ которыхъ указано происхожденіе раба.

Согласно изслѣдованіямъ Валлона ²⁾ (т. I, стр. 171—173), среди трехсотъ рабовъ насчитывается 18 оракійцевъ (7 мужчинъ и 11 женщинъ), 15 сирійцевъ (изъ нихъ 10 женщинъ), 2 фригійца и 2 лидійца (изъ нихъ по одной женщинѣ на каждую страну), 7 уроженцевъ Галаты, 3 каппадокійца, 4 армянина (изъ которыхъ одна женщина), 4 иллирійца (изъ нихъ 3 женщины), 3 сармата (изъ нихъ 2 женщины), одна уроженка страны бастарновъ, 2 араба, 1 еврей и 1 еврейка. Изъ Мизіи, Виоиніи, Пафлагоніи, земли тибареновъ, Меотиды, Сидона, Кипра, Египта было доставлено по одному рабу. Встрѣчаются также и рабы греческаго происхожденія. Отечествомъ ихъ являются Македонія, Эпиръ, Пеонія, Перребія, Атаманія, Беотія, Фокида, Локрида, Халкидика, Мегара, Лаконія (6 мужчинъ и 3 женщины), Гераклея Понтійская, Александрія, Апамея и т. п. И эти рабы были не варвары, привезенные изъ этихъ странъ, а мѣстные уроженцы, греки, впавшіе въ рабство.

7. Число рабовъ.

Официальная перепись 309 г. до Р. Х. въ Аттікѣ насчитывала 400.000 рабовъ на 550.000 человѣкъ всей суммы

¹⁾ Въ Дельфахъ, славившихся своимъ оракуломъ и храмомъ Аполлона, было найдено много различныхъ надписей, которыя имѣютъ важное значеніе при изученіи исторіи Греціи.

²⁾ В а л л о нъ (Wallon)—французскій историкъ XIX вѣка, написавшій сочиненіе о рабствѣ въ древности (Histoire de l'esclavage dans l'antiquité).

населенія. Въ Атикѣ, какъ и во всякой другой странѣ, этихъ рабовъ приспособляли къ самымъ разнообразнымъ занятіямъ: къ земледѣлію, торговлѣ, промышленности, разработкѣ рудниковъ, домашней службѣ и т. п. Вотъ что говоритъ историкъ Валлонъ о числѣ рабовъ, употреблявшихся для работъ по дому: „Платонъ указываетъ, что въ богатыхъ домахъ находилось обыкновенно болѣе пятидесяти рабовъ. Этого числа было достаточно для широкаго обслуживанія всѣхъ отраслей домашней службы. Теренцій ¹⁾, который часто просто переводитъ Менандра ²⁾, даетъ въ нѣкоторыхъ своихъ комедіяхъ указанія, какъ распредѣлялись различныя должности домашней службы между довольно большимъ числомъ рабовъ.

„Тѣмъ не менѣе греки охотно придерживались правила Аристотеля, что большое число прислуги представляетъ неудобство. У самого Аристотеля было тринадцать рабовъ; три другіе философа (Теофрастъ, Стратонъ и Ликонъ) имѣли отъ 6 до 12 рабовъ каждый. Надо думать изъ уваженія къ логикѣ, что эти числа не выходили изъ границъ умѣренности, предписываемой всѣми этими философами. Но было ли это обычной нормой? Конечно, нѣтъ: иные могли удовлетвориться меньшимъ числомъ. При среднемъ же достаткѣ количество рабовъ рѣдко опускалось ниже трехъ или четырехъ. Во всѣхъ сценахъ комедіи, происходящихъ внутри дома, рабы играютъ такую роль, для выполнения которой предполагается не меньшая цифра ихъ; а то, что можно наблюдать въ театрѣ, такъ вѣрно отражающемъ жизнь греческаго общества, находится и въ тѣхъ картинахъ дѣйствительной жизни, которыя рисуютъ намъ ораторы. Ксенофанъ ³⁾ жалуется, что его бѣдность не позволяетъ ему имѣть даже двухъ рабовъ.

„Къ этому надо прибавить, что кромѣ тѣхъ рабовъ,

¹⁾ Теренцій (Публій)—римскій писатель II в. до Р. Х., представитель древне-римской комедіи.

²⁾ Менандръ (см. вып. I, стр. 40, прим.) написалъ около 100 недошедшихъ до насъ комедій.

³⁾ Ксенофанъ — греческій философъ. жившій въ концѣ VI и первой половинѣ V в.

которыми владѣли въ качествѣ собственности, часто держали еще и наемныхъ. Были граждане, желавшіе удовлетворить свои тщеславныя наклонности болѣе дешевой цѣной; они нанимали особыхъ прислужницъ, составлявшихъ свиту ихъ женъ, или слугъ, которые сопровождали на прогулку ихъ самихъ. Къ найму рабовъ прибѣгали особенно часто при какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, въ дни свадебъ или большихъ празднествъ. Тогда нанимали поваровъ, приготовлявшихъ ѣду, танцовщицъ и флейтистокъ, завершавшихъ пиршества“.

(Wallon. Histoire de l'esclavage, т. I, стр. 188—189 и 235—238, 2 изд.).

8. Положеніе раба.

Рабъ въ извѣстномъ отношеніи былъ членомъ семьи. Когда онъ вступалъ въ какое-нибудь аѳинское семейство, его по обычаю сажали у очага и бросали ему на голову сухія фиги, финики и печенья, какъ бы пріобщая его къ домашней религіи. Тѣмъ не менѣе благодаря этой церемоніи онъ не получалъ никакихъ положительныхъ правъ. Въ принципѣ рабъ былъ ничто и не пользовался правомъ владѣть какимъ бы то ни было имуществомъ. Онъ былъ въ полной власти своего господина, который могъ по произволу распоряжаться личностью своего раба и взять себѣ даже мелкія его сбереженія. Зависимость раба была безгранична; законъ, правосудіе не существовали для него; хотя на него смотрѣли какъ на человѣческое существо, но обращались съ нимъ, какъ съ предметомъ собственности.

Однако, на практикѣ слишкомъ суровыя постановленія закона часто смягчались. Нѣкоторые греки полагали даже, что въ Аѳинахъ заходили слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи. „Рабамъ предоставляется тамъ“, говорилъ одинъ писатель V вѣка, „невѣроятная вольность; ихъ не позволяютъ бить, и рабъ не подумаетъ и пошевелиться для васъ. Причина этого совершенно ясна. Если бы обычай

разрѣшалъ свободному человѣку бить раба, то нерѣдко били бы по ошибкѣ аѣинскаго гражданина, принявъ его за невольника, потому что въ ихъ одѣяннн нѣтъ разницы. Доходятъ даже до того, что рабамъ позволяютъ жить въ роскоши и вести широкой образъ жизни“. (К с е н о ф о н т ъ (?)¹⁾, Аѣинское государство, гл. I, § 10—11). Платонъ ²⁾ также жалуется, что въ демократическихъ государствахъ „рабы и того и другого пола свободны въ такой же мѣрѣ, какъ тѣ, кто ихъ купилъ“. (Республика, кн. VIII).

Обычай охотно допускалъ, „чтобы рабъ имѣлъ жену и имущество и чтобы онъ пользовался въ предѣлахъ, допускаемыхъ верховными правами господина, нѣкоторой властью надъ своей женой, дѣтьми и имуществомъ“. (Wallon, I, 331). „Рабу предоставляли извѣстную часть доходовъ и старались такимъ образомъ поощрить его усердiе къ поддержанiю домашняго благосостоянiя и увеличить его трудоспособность. Такъ, рабъ, управляющiй помѣстьемъ, получалъ лично для себя кусокъ земли, пастухъ — овцу. Рабамъ, употребляемымъ въ промышленности или торговлѣ, предоставлялся извѣстный процентъ съ предметовъ, которые они должны были производить или продавать.

„Къ этому надо добавить тѣ мелкiе доходы, которые они имѣли отъ близкихъ знакомыхъ ихъ господъ, дававшихъ имъ „на водку“, а также то, чѣмъ они сами сумѣли завладѣть благодаря великодушiю или недосмотру ихъ хозяевъ. Когда господинъ былъ мотомъ, расточавшимъ свое имущество, „оберегать его — значило бы причинять себѣ убытки безъ пользы для него“, говоритъ одно дѣйствующее лицо у Менандра ³⁾. Рабъ, такимъ образомъ, спасалъ изъ этой бездонной всепоглощающей бочки то, что могъ; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ вѣсилъ въ свою пользу двойной налогъ съ расходовъ господина, воруя, грабя и урывая часть изъ чужой добычи“. (Тамъ же, стр. 291—292).

Рабъ, живя въ постоянномъ общенiи съ господиномъ и

¹⁾ К с е н о ф о н т ъ — см. вып. I, стр. 44, прим.

²⁾ П л а т о н ъ — см. вып. I, стр. 8, прим. 2.

³⁾ М е н а н д р ъ — см. вып. I, стр. 40, прим.

являясь свидѣтелемъ всѣхъ его поступковъ, долженъ былъ оказывать на него извѣстное вліяніе. Одинъ изъ кліентовъ оратора Лизія¹⁾ стремился доказать своимъ судьямъ, что онъ не могъ совершить преступленія, въ которомъ его обвиняли; онъ указывалъ, что подобная неосторожность съ его стороны была бы очень неблагоразумна. „Поступивъ такимъ образомъ, я попалъ бы въ зависимость отъ моихъ рабовъ; съ этого времени я не имѣлъ бы возможности наказывать ихъ даже за самые важные проступки, потому что моя строгость могла бы побудить ихъ искать мщенія путемъ доноса“ (VII, 16). Съ рабами обходились бережно потому, что ихъ содѣйствіе было необходимо во всемъ, и потому, что господа постоянно нуждались въ ихъ помощи или ихъ соучастіи.

Конечно, рабовъ можно было принудить ко всему страхомъ, такъ какъ у господина не было недостатка въ средствахъ принужденія. Но аѳиняне предпочитали заслужить ихъ привязанность хорошимъ обращеніемъ. „Желаете ли вы“, говоритъ Плавтъ²⁾, „болѣе вѣрнымъ способомъ сохранить у себя раба и помѣшать ему убѣжать? Вамъ стоитъ только плѣнить его хорошей пищей и хорошимъ виномъ; привяжите его за морду къ столу съ хорошими кушаньями. Если вы будете давать ему ѣсть и пить каждый день вволю, сколько онъ пожелаетъ, никогда ему и въ голову не придетъ убѣжать отъ васъ, если даже онъ будетъ подвергаться опасности смертной казни. Вотъ чѣмъ надо привязать раба, чтобы легче сохранить его. Удивительна эластичность этихъ связей, сплетенныхъ изъ ѣды! Чѣмъ болѣе ихъ расширять, тѣмъ тѣснѣе и сильнѣе онѣ обхватываютъ“ (Menecmi, 11 и сл.).

Самый законъ, по крайней мѣрѣ законъ аѳинскій, предоставлялъ рабу извѣстныя гарантіи. „Онъ охранялъ раба личность и его жизнь, защищая его, какъ и свободнаго чело-вѣка, отъ оскорбленій и наказывая за его смерть такъ же, какъ и за смерть гражданина. Законъ дѣлалъ даже больше:

¹⁾ Лизій — см. вып. I, стр. 38, прим. 3.

²⁾ Плавтъ (254 — 184 г. до Р. Х.) — римскій писатель, авторъ комедій.

онъ проникалъ внутрь господскаго дома, чтобы наблюдать, какъ господинъ осуществлялъ свои права. Рабъ принадлежалъ ему, но онъ не могъ лишить этого раба жизни по произволу. Законъ запрещалъ это подъ страхомъ изгнанія и религіознаго покаянія; правда, наказаніе за убійство раба было меньше, чѣмъ въ случаяхъ убійства другихъ людей. Даже тогда, когда рабъ заслуживалъ смерти, если онъ, напри-мѣръ, убивалъ своего господина, родственники умершаго не должны были лишать жизни убійцу, а обязаны были передать его въ руки должностныхъ лицъ.

Господинъ не могъ злоупотреблять даже мѣрами дисциплинарнаго воздѣйствія; рабъ, имѣвшій справедливыя основанія для жалобы, могъ требовать, чтобы его продали, и получалъ возможность перейти такимъ образомъ по постановленію суда въ болѣе мягкія руки. Законъ даровалъ ему право имѣть оффиціального защитника, а нѣкоторыя святилища, именно Тезея, Эвменидъ и Эрехтеи, открывали передъ нимъ до постановленія суда двери своихъ убѣжищъ“.

(Wallon, т. I, стр. 313—314).

9. Характеръ раба.

Греческая комедія даетъ намъ довольно точное понятіе о роли и характерѣ рабовъ.

Въ древней комедіи (т. е. до конца V вѣка) рабъ выступаетъ еще мало: онъ не играетъ въ ней главной роли, какъ не игралъ ея и въ дѣйствительной жизни. Онъ появляется лишь въ качествѣ неизбѣжной подробности или же въ интермедіи для того, чтобы развлекать и забавлять публику своими воплями, когда его били. Однако въ *Осахъ* и въ *Мирѣ* Аристофана ¹⁾ рабамъ отводится уже болѣшая роль въ діалогахъ и въ ходѣ пьесы. Въ *Лягушкахъ* и въ *Плутосѣ* того же автора они своимъ присутствіемъ и комическими выходками одушевляютъ все дѣйствіе. Въ *Лягушкахъ* такимъ лицомъ является Ксантіи со своими грубыми словечками и смѣлы-

¹⁾ Аристофанъ—см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

ми отвѣтами; онъ смѣется надъ хвастливыми выходками своего господина и первенствуетъ надъ нимъ своей твердостью въ минуту опасности. Въ *Плутосѣ* въ началѣ пьесы появляется Каріонъ; онъ сокрушается о печальномъ положеніи раба, который связанъ съ судьбой своего господина и фатальнымъ образомъ вовлекается въ послѣдствія его безумствъ, но пытается исправить случившееся, спрашиваетъ, совѣтуетъ, проявляетъ желаніе вмѣшаться и дѣйствительно вмѣшивается во все.

Рабъ Аристофана—всегда одинъ и тотъ же типъ: любопытный и назойливый, беззапѣнчивый насмѣшникъ; онъ хочетъ быть на равной ногѣ со своимъ господиномъ; это стремленіе проявляется въ вопросахъ, которые онъ предлагаетъ господину, и въ совѣтахъ, которые онъ ему даетъ; рабъ какъ бы соперничаетъ со своимъ повелителемъ въ авторитетѣ.

Эти черты еще явственнѣе проявляются въ новой комедіи IV и III вѣковъ. Изображая частную жизнь, она естественно должна была отвести больше мѣста и рабу. Чаше всего рабъ тутъ является основной пружиной интриги и попадаетъ, такимъ образомъ, въ самый центръ дѣйствія; благодаря этому новая комедія сумѣла выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ отношенія, связывающія его съ другими людьми и особенно съ господиномъ. Эта комедія не дошла до насъ, но мы знакомы съ нею по Плавту и Теренцію, которые заимствовали изъ нея большинство своихъ сюжетовъ. Почти у всѣхъ рабовъ Плавта проявляется по отношенію къ ихъ господамъ тотъ легкій и фамиллярный тонъ, который, какъ общераспространенный обычай, былъ гораздо болѣе свойственъ Аѳинцамъ, чѣмъ Риму. Таковы именно Эпидикъ и Псевдолъ въ двухъ пьесахъ того же наименованія: Эпидикъ утверждаетъ, что онъ заставитъ поступать по-своему своего господина и его друга—двухъ умнѣйшихъ людей въ Совѣтѣ, и затѣмъ встрѣчаетъ ихъ гнѣвъ такими откровенными признаніями и дерзкою покорностью, что заставляетъ ихъ опасаться новой ловушки. Псевдолъ нагло появляется передъ Симономъ и, сообщая о своемъ намѣреніи обмануть его въ теченіе того же самаго дня,

предлагаетъ ему побиться съ нимъ объ закладъ, что тотъ не сможетъ помѣшать ему; когда же рабъ одерживаетъ побѣду, то заставляетъ Симона положить ему на плечи выигранныя имъ 20 минъ.

Таковы также рабы Теренція, которые то безопасно и насмѣшливо относятся къ страданіямъ своего молодого господина, какъ Биррій изъ Андріенны, то, проникнутые преданностью, берутъ въ свои руки господскія дѣла, какъ Давъ изъ Андріенны или Сиръ изъ пьесы *Neautontimoroumenos*; одинъ проявляетъ самоотверженность, которая была вызвана добротой Памфила по отношенію къ нему, другой—авторитетъ, который онъ приобрѣлъ благодаря своимъ заслугамъ.

(Wallon. Hist. de l'esclavage dans l'antiquité, I, стр. 300—304).

10. Общественные рабы.

Въ Аѳинахъ и въ большинствѣ греческихъ городовъ выполненіе нѣкоторыхъ низшихъ общественныхъ должностей возлагалось на общественныхъ рабовъ. Это были метельщики улицъ, палачи, люди, производившіе пытки. Къ этому разряду рабовъ принадлежали также 300 человекъ стражи, учрежденной послѣ Саламинской битвы¹⁾, а позднѣе—1000 и 1200 стражниковъ, составлявшихъ въ Аѳинахъ нѣчто вродѣ жандармеріи; по мѣсту ихъ родины они носили названіе скиѳовъ. Одинъ ученый (Böckh) полагаетъ, что ихъ надо было покупать ежегодно отъ тридцати до сорока человекъ, цѣной отъ трехъ до четырехъ минъ (около 110—148 руб.); такимъ образомъ, ежегодный расходъ на нихъ равнялся суммѣ отъ полутора до двухъ талантовъ (около 3.330—4.440 руб.); и если предположить, что ежедневно имъ выдавалось по 3 обола (около 18 коп.), бюджетъ государства увеличивался благодаря этому на 37—38 талантовъ (около 82.140—84.360 руб.). Общественные рабы были приставлены также охранять образцовые мѣры и вѣсы и слѣдить за тщательнымъ изготовленіемъ тѣхъ экземпляровъ ихъ, кото-

¹⁾ Саламинская битва въ 480 г. до Р. X.

рые могли понадобиться должностнымъ лицамъ или частнымъ людямъ. Иные изъ этихъ рабовъ выполняли обязанности глашатаевъ, секретарей, писцовъ и счетчиковъ. Иные, наконецъ, были государственными рабочими, на примѣръ, на монетномъ дворѣ.

Стражникъ-скиѣъ.

Въ одномъ отчетѣ о расходахъ, произведенныхъ въ 329—328 году, упоминалось о 17 рабахъ, употреблявшихся при строительныхъ работахъ. Государство расходовало на человѣка въ день около трехъ оболовъ (около 18 коп.); одежда ихъ также покупалась на государственный счетъ, потому что упоминается о 17 шляпахъ (*πίλοι*) цѣною около 5 драхмъ (около 1 руб. 85 коп.) и о подшивкѣ новыхъ подметокъ у 17 паръ обуви, цѣной по 4 драхмы (около 1 руб.

50 коп.) за пару; государство доставляло имъ также и ихъ инструменты. Намъ неизвѣстно, много ли рабочихъ такого рода было въ Аѣинахъ. Въ Эпидамнѣ, въ Иллиріи, общественныя работы были въ ихъ рукахъ.

Положеніе этихъ людей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, было гораздо лучше положенія частныхъ рабовъ. Тѣ изъ нихъ, которые служили по административной части, пользовались извѣстнымъ почетомъ. Демосѣенъ утверждаетъ даже, что на рабахъ, называвшихся *ἐγρόσται* и представленныхъ къ должностному лицу, которое завѣдывало государственнымъ казначействомъ, въ значительной мѣрѣ лежала обязанность контролировать дѣйствія этого послѣдняго.

Скиѣы были расквартированы въ палаткахъ, разбитыхъ сначала на агорѣ ¹⁾, а впослѣдствіи перенесенныхъ на Ареопагъ ²⁾. Другіе рабы жили, гдѣ хотѣли; у нихъ были свои дома, движимость и свое хозяйство. Ихъ небольшія сбе-

¹⁾ Агора—см. вып. I, стр. 13, прим. 6.

²⁾ Ареопагъ—часть города въ Аѣинахъ.

реженія составляли ихъ собственность. Поэтъ Эсхинъ ¹⁾ рассказываетъ объ одномъ рабѣ, который былъ богатъ и велъ широкій образъ жизни. Но мало вѣроятно, чтобы эти рабы пользовались правомъ являться въ судъ. Если имъ приходилось вести процессъ, они должны были обращаться къ посредничеству гражданина, бывшего ихъ патрономъ. Они допускались къ религіознымъ церемоніямъ, и государство доставляло имъ все необходимое, чтобы они могли присутствовать тамъ съ честью. Въ одной надписи перечисляются слѣдующіе расходы: за одну жертву, которую общественные рабы принесли во время одного праздника (χοσι),—23 драхмы (около 8 руб. 50 коп.); за посвященіе двухъ общественныхъ рабовъ въ малыя мистеріи ²⁾—30 драхмъ (около 11 руб.).

(Caillemet. Dict. des antiq., II, стр. 91—93).

11. Бѣглые рабы.

Нерѣдко бывало, что рабъ убѣгалъ отъ своего хозяина, несмотря на всѣ предосторожности, которыя принимались по отношенію къ подозрѣваемымъ въ недобромъ намѣреніи, т. е. несмотря на ножные кандалы, цѣпи на рукахъ, ошейники на шеѣ, а иногда клейма на лбу. Рабы пользовались для побѣга малѣйшими неурядицами, переживаемыми государствомъ—войнами или внутренними волненіями; нѣкоторые не ожидали даже и такихъ случаевъ. Владѣльцы стремились поймать ихъ, потому что всякій рабъ представлялъ собой извѣстный капиталъ, который никому не хотѣлось утрачивать. За рабами отправляли погоню; требовали ихъ выдачи отъ государствъ, въ которыхъ они скрывались бѣгствомъ; дѣлали объявленія, обещающія приличное вознагражденіе тому, кто приведетъ ихъ обратно. Вотъ образчикъ подобнаго объявленія; оно найдено въ Египтѣ, но написано по-гречески и касается раба изъ Александріи, города вполне греческаго.

„Одинъ рабъ Аристогена, сына Хризиппа изъ Алабанды

¹⁾ Эсхинъ—см. вып. I, стр. 84, прим.

²⁾ Мистеріи—см. вып. IV, § 33.

(въ Малой Азіи), скрылся изъ Александріи. Зовутъ его Гермонъ, но онъ носитъ также прозвище Нилоса; онъ родомъ сиріецъ, изъ города Бамбика; ему около 18 лѣтъ; онъ средняго роста, безъ бороды, со стройными ногами; на подбородкѣ у него ямочка, около лѣвой ноздри родимое пятно; пониже лѣваго угла рта—шрамъ; на правой рукѣ изображены варварскія буквы.

„Въ моментъ его бѣгства на немъ былъ поясъ съ тремя золотыми монетами цѣною въ одну мину и 10 жемчужинъ; у него было желѣзное кольцо съ лекиѳомъ ¹⁾ и скребницей; одеждой ему служили хламида и передникъ.

„Доставившій его получить 2 таланта мѣдью и 3.000 драхмъ; тотъ же, кто только укажетъ его убѣжище, получить 1 талантъ и 2.000 драхмъ, если бѣглець находится въ священномъ мѣстѣ; если же онъ скрывается въ домѣ состоятельнаго человѣка, подлежащаго взысканію, то — 3 таланта и 5.000 драхмъ.

„Если кто желаетъ сдѣлать заявленіе объ этомъ, пусть обратится къ служащимъ у стратега.

„Съ нимъ вмѣстѣ скрылся еще Біонъ, рабъ Калликрата; ростъ низкій, плечи широкія, глаза зеленоватые. Когда онъ бѣжалъ, на немъ былъ гиматіонъ ²⁾, короткій рабскій плащъ, и женская шкатулка цѣною въ 6 талантовъ и 5.000 драхмъ мѣдью.

„Доставившій его получить столько же, какъ и въ первомъ случаѣ. Заявленія относительно этого раба дѣлать также служащимъ стратега“.

(L e t r o n n e. Journal des Savants, 1833 г., стр. 329).

12. Возстаніе рабовъ.

„Рабъ“, говоритъ Платонъ,—„имущество крайне безпкойное. Опытъ доказывалъ это неоднократно; частые бунты въ Мессеніи, бѣдствія въ государствахъ, въ которыхъ скопляется много рабовъ, говорящихъ на одномъ

¹⁾ Лекиѳъ—см. вып. II, стр. 16.

²⁾ Гиматіонъ—см. вып. II, стр. 23.

языкъ, а также событія въ Италіи, гдѣ рабы-бродяги производятъ различныя разбойничьи нападенія—подтверждаютъ высказанную мысль болѣе, чѣмъ достаточно. Неудивительно, что въ виду всѣхъ затрудненій не знаешь, какъ лучше поступить. Со своей стороны, я вижу только два средства: во-первыхъ, если господа хотятъ, чтобы рабы легче переносили свою неволю,—не держать рабовъ одной и той же націи, а по возможности приобрѣтать такихъ, которые говорятъ на различныхъ языкахъ; во-вторыхъ, хорошо обращаться съ ними, что важно не только для рабовъ, но еще болѣе для нашихъ собственныхъ интересовъ“. (Законы, книга VI).

Историкъ Нимфодоръ ¹⁾ рассказываетъ о возстаніи рабовъ на островѣ Хіосѣ, гдѣ рабство было сильно развито. Впрочемъ, возможно, что этотъ рассказъ—только легенда.

„Рабы хіосцевъ покидаютъ своихъ господъ и убѣгаютъ въ горы; оттуда они толпами нападаютъ на помѣстья и разграбляютъ ихъ. Горная и лѣсистая мѣстность этого острова благоприятствуетъ имъ. Сами хіосцы рассказываютъ, что недавно въ горы убѣжалъ одинъ рабъ; онъ былъ храбрымъ и не безъ военныхъ способностей; онъ собралъ вокругъ себя бѣглыхъ рабовъ, образовалъ изъ нихъ войско и сталъ ихъ предводителемъ. Противъ него часто устраивались походы, но безуспѣшно. Въ концѣ концовъ Дримакъ (такъ было его имя) обратился къ хіосцамъ съ такой рѣчью:

„Бѣдствія, причиняемая вамъ вашими бывшими рабами, не прекратятся; это предсказываетъ намъ божественный оракулъ. Послушайте меня: оставьте насъ въ покоѣ, и вамъ будетъ только лучше“. Тогда съ нимъ вступили въ переговоры, и между обѣими сторонами было заключено перемиріе; Дримакъ послѣ этого приказалъ сдѣлать себѣ собственные мѣры, вѣсы и печать. Онъ показалъ ихъ хіосцамъ и сказалъ: „Все, что я получу отъ васъ, я буду перемѣривать и перевѣшивать; когда у меня будетъ всего достаточно, я наложу печати на ваши амбары. Если кто-

¹⁾ Нимфодоръ—греческій лѣтописецъ III вѣка до Р. Х.

нибудь изъ вашихъ рабовъ убѣжитъ, я разберу его дѣло; я оставлю у себя тѣхъ, у которыхъ окажутся достаточныя основанія жаловаться на своихъ господъ; другихъ я буду отправлять обратно“.

Съ тѣхъ поръ число побѣговъ уменьшилось, потомъ всѣ боялись его приговоровъ. Рабы, находящіеся около него, боялись его гораздо больше, чѣмъ своихъ господъ, и повиновались ему, какъ предводителю войска. Онъ наказывалъ за нарушеніе дисциплины и не позволялъ никому грабить поля и причинять безъ его приказа жителямъ какой-либо вредъ. Въ дни праздниковъ онъ раздѣлывалъ по помѣстьямъ и получалъ отъ хозяевъ вино, откормленныхъ жертвенныхъ животныхъ и другіе дары; если онъ узнавалъ, что кто-нибудь ихъ нихъ замышлялъ погубить его, онъ наказывалъ виновнаго. Впослѣдствіи хіосское государство назначило вознагражденіе за его голову.

„Я достаточно пожилъ“, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей: „ты молодъ и во цвѣтѣ лѣтъ; убей меня; ты будешь богатъ, свободенъ и счастливъ“. Другъ его не соглашался, но потомъ Дримакъ убѣдилъ его, и онъ принесъ хіосцамъ голову своего предводителя. Но хіосцы снова оказались жертвой грабежей бѣглыхъ рабовъ; тогда они вспомнили о справедливости Дримака и воздвигли ему, какъ полубогу, надгробіе. До сихъ поръ бѣглые рабы отдаютъ ему часть своей первой добычи. Разсказываютъ, что онъ часто является во снѣ многимъ господамъ, чтобы предупредить ихъ о недобрыхъ замыслахъ ихъ рабовъ. Тѣ, кому онъ оказываетъ эти услуги, совершаютъ на его могилѣ жертвоприношенія.

(Н и м ф о д о р ъ. *Fragmenta historicorum graecorum*, изд. Didot, т. II, fragm. 12).

13. Отпущеніе на волю.

Аѳинскій рабъ могъ получить свободу или въ силу постановленія государства, или путемъ выкупа, или благодаря отпущной, дарованной ему его господиномъ.

1. Если рабъ оказывалъ крупную услугу государству,

напримѣръ, доносилъ о преступленіи или сражался на войнѣ, государство въ видѣ вознагражденія даровало ему свободу. Такъ, рабы, принявшіе участіе въ битвѣ при Аргинусскихъ островахъ ¹⁾, были объявлены свободными. Въ этомъ случаѣ хозяинъ раба имѣлъ право на вознагражденіе, выплачиваемое ему изъ государственныхъ средствъ.

2. Рабъ могъ также купить свою свободу на свои сбереженія или на чужія деньги. Неизвѣстно, однако, былъ ли обязанъ господинъ принять выкупъ раба или онъ имѣлъ право отказать въ этомъ.

3. Чаще всего отпущеніе на волю происходило по завѣщанію господина, который, умирая, освобождалъ рабовъ, хорошо ему служившихъ. Но освобожденіе раба могло произойти также и благодаря дѣйствию господина при жизни. Потому-то и встрѣчаются отпущенія, объявлявшіяся на судѣ или передъ народнымъ собраніемъ.

Внѣ Аттики примѣнялись и другія формы отпущенія на волю. Въ Мantineѣ и во многихъ ѳессалійскихъ городахъ государство гарантировало вольноотпущеннику свободу подъ условіемъ уплаты имъ налога, взимаемаго одинъ разъ навсегда. Въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Беотіи и Фокидѣ, часто случалось, что господинъ посвящалъ своего вольноотпущенника какому-нибудь божеству; въ этомъ случаѣ было запрещено ввергать его снова въ рабство; жрецъ и должностныя лица должны были защищать его отъ попытокъ такого рода. Прибѣгали также къ слѣдующему приему. Господинъ и рабъ приходили къ дверямъ храма; тамъ жрецы принимали раба, какъ бы отдаваемого богу, и выплачивали господину при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ условленную сумму. Рабъ въ этомъ случаѣ принадлежалъ божеству, и такъ какъ выкупъ за освобожденіе вручался богу, то свобода раба охранялась самимъ этимъ божествомъ.

Вольноотпущенный занималъ среднее положеніе между рабомъ и свободнымъ человѣкомъ. Онъ приравнивался къ ме-

¹⁾ Битва при Аргинусскихъ островахъ въ 406 г. до Р. Х.

тэкамъ; поэтому онъ выплачивалъ государству ежегодную подать и былъ обязанъ имѣть патрона¹⁾, которымъ обыкновенно дѣлался его прежній господинъ. Онъ не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ и даже не пользовался всѣми гражданскими правами. Въ Аеинахъ онъ не могъ владѣть землей; онъ не имѣлъ также права завѣщать свое имущество; если онъ умиралъ бездѣтнымъ, его достояніе неизбѣжно доставалось его патрону.

Патронъ пользовался даже правомъ по своему усмотрѣнію ограничивать свободу вольноотпущеннаго, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ документовъ. Вольноотпущенникъ при всѣхъ обстоятельствахъ былъ обязанъ по отношенію къ патрону послушаніемъ и почтеніемъ; онъ долженъ былъ предлагать ему при всякомъ случаѣ свои услуги, совѣтоваться съ нимъ, желая вступить въ бракъ, и отказаться отъ женитьбы, не одобряемой господиномъ. Если онъ не выполнялъ этихъ обязанностей, то по постановленію суда могъ быть снова ввергнутъ въ рабство.

(По Caillemer et Foucart. Dict. des antiquités, I, стр. 301 и сл.).

14. Актъ отпущенія на волю.

„Праксій, сынъ Теона, отпускаетъ на волю Евпраксію и ея маленькаго ребенка, по имени Доріона. Пусть никто не лишитъ ихъ какимъ-либо образомъ свободы. Пусть они живутъ у Праксія и жены его Афродизіи до конца жизни послѣднихъ; пусть они похоронятъ своихъ господъ и воздадутъ имъ погребальныя почести. Если они не выполнятъ этого долга, отпускная потеряетъ силу, и они принуждены будутъ заплатить пеню въ 30 минъ серебромъ (около 1.100 руб.). Если кто-нибудь завладѣетъ ими или поработитъ ихъ, это порабощеніе будетъ недействительно и подлежитъ проклятію, а виновный заплатитъ штрафъ въ 30 минъ, которыя будутъ раздѣлены пополамъ между патрономъ вольноотпущенныхъ и богомъ Асклепіемъ. Всякій

¹⁾ Патронъ — покровитель.

фокеецъ, желающій взять ихъ подъ свое покровительство, можетъ быть ихъ патрономъ“.

(Dittenberger. Sylloge inscript. graecar., 445).

15. Другой актъ отпущенія на волю.

„Эпихаридъ, сынъ Эвдама изъ Лелеи, продалъ богу на слѣдующихъ условіяхъ одну женщину, родомъ сиріянку, по имени Азію. Согласно условію между Азіей и богомъ, цѣна ея равняется тремъ съ половиной минамъ серебра (около 130 руб.). Она будетъ свободной, и ея свобода должна быть защищена отъ посягательствъ въ теченіе всей ея жизни; она можетъ дѣлать, что ей угодно, но при условіи жить въ Лелеѣ. Поручители: Діодоръ, сынъ Геракона, и Тимоклъ, сынъ Тразеи,—дельфійцы.

„Если кто-нибудь попытается обратить Азію въ рабство, Эпихаридъ и его поручители обязаны отстаивать дѣйствительность покупки, совершенной богомъ. Если они не сдѣлаютъ этого, то подлежатъ отвѣтственности согласно договору и законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если кто-нибудь встрѣтитъ Азію, можетъ силою вернуть ей свободу, безъ страха судебного процесса или какого-либо наказанія. Безъ позволенія Эпихарида Азія не имѣетъ права жить внѣ Лелеи; въ противномъ случаѣ продажа ея (божеству) дѣлается недѣйствительной. Ей строго воспрещается также отчуждать какую-либо часть ея имущества; въ противномъ случаѣ продажа Азіи (богу) недѣйствительна.

„Если она умретъ, ея имущество цѣликомъ перейдетъ къ Эпихариду или его наслѣдникамъ.

„Свидѣтели: 3 должностныхъ и 6 частныхъ лицъ. Купчая хранится у фокейца Кафисона, сына Эвклида изъ Лелеи, и у дельфійца Мантия, сына Дамохара“.

(Dittenberger. Sylloge, 465).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудъ и богатство.

Содержаніе: 1. Миѣніе грековъ о трудѣ.—2. Похвала земледѣлію.—3. Крѣпостное право.—4. Арендный договоръ.—5. Мелкіе землевладѣльцы.—6. Крупные землевладѣльцы.—7. Земледѣльческіе продукты.—8. Скотоводство.—9. Промышленность Греціи.—10. Раздѣленіе промышленнаго труда.—11. Организациа промышленнаго труда.—12. Рудники.—13. Торговля Греціи.—14. Рынки въ греческихъ городахъ.—15. Приѣмы торговцевъ.—16. Ярмарки.—17. Торговое законодательство.—18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля.—19. Денежныя операциі.—20. Банкиръ Пасіонъ.—21. Богатый городъ Великой Греціи.—22. Богатство въ Аѣинахъ.—23. Подробности о нѣсколькихъ аѣинскихъ состояніяхъ.—24. Соціализмъ.

1. Миѣніе грековъ о трудѣ.

Грекъ гомеровской эпохи не испытывалъ по отношенію къ физическому труду и къ людямъ, посвящавшимъ этому труду свою жизнь, того презрѣнія, какое появилось въ болѣе позднюю эпоху. Наиболѣе прославленные герои древности охотно занимались физическимъ трудомъ. Парисъ строить свой домъ съ помощью самыхъ умѣлыхъ троянскихъ мастеровъ. Одиссей на островѣ Калипсо рубить деревья, обрѣзываетъ на нихъ вѣтви, обтесываетъ ихъ и выравниваетъ по шнурку; потомъ онъ просверливаетъ въ нихъ отверстія, съ помощью гвоздей и болтовъ прилаживаетъ ихъ другъ къ другу и дѣлаетъ изъ нихъ корабль; онъ выкраиваетъ паруса для своего корабля и

приготавливаетъ всѣ снасти; онъ же совершенно самостоятельно дѣлаетъ кровать для своей брачной комнаты.

Въ ту эпоху ремесленники по специальности, какъ оружейники, кожевники, плотники, золотыхъ дѣлъ мастера, носили почетное наименованіе: они были *δημιουργοί*, т. е. трудящіеся для общества, какъ и врачи, прорицатели, музыканты и герольды. Почему же ихъ стали бы презирать? Каждый глава семьи въ то время, какъ женщины занимались тканьемъ, обрабатывалъ поля и изготовлялъ со своими слугами всѣ предметы домашняго обихода, оружіе, домашнюю утварь или земледѣльческія орудія, не нуждавшіяся въ особомъ искусствѣ. Къ ремесленникамъ обращались только въ томъ случаѣ, когда работа требовала специальныхъ навыковъ.)

(Гезіодъ ¹⁾) совѣтовалъ всѣмъ трудиться. „Человѣкъ праздный внушаетъ отвращеніе и богамъ и людямъ; онъ подобенъ тому насѣкомому безъ жала, тому жадному трутню, который откармливается работою пчелъ, самъ ничего не дѣлая... Человѣкъ работающій видитъ, какъ увеличиваются его стада и растетъ его благосостояніе. Своимъ трудомъ ты станешь любезенъ богамъ и людямъ, потому что они не выносятъ праздности. Работать не стыдно; постыдна только лѣнь“...)

Съ теченіемъ времени нравы высшаго класса измѣнились. Крупные землевладѣльцы захватили въ свои руки управленіе государствомъ и образовали землевладѣльческую аристократію. Доходы съ ихъ помѣстій, обрабатываемыхъ фермерами или колонами, позволяли имъ посвящать себя исключительно интересамъ государства и ношенію оружія и сложить всѣ житейскія заботы на плечи рабовъ или бѣдныхъ рабочихъ. Эти богатые собственники, уже относившіеся свысока къ мелкимъ землевладѣльцамъ, глубоко презирали тѣхъ, чьими услугами они пользовались. Рабочій, говорили они, долженъ только повиноваться; онъ не способенъ распоряжаться, пока необходимость добывать себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ ставитъ его

¹⁾ Гезіодъ—греческій поэтъ VIII в. до Р. Х.

въ зависимость отъ тѣхъ, кто имъ пользуется. Аристотель былъ вѣрнымъ истолкователемъ подобныхъ чувствъ, когда писалъ слѣдующія строки: „Ремесленники — почти рабы; никогда ни одно благоустроенное государство не допуститъ ихъ въ разрядъ гражданъ, а если и допуститъ, то не дастъ имъ гражданскихъ правъ во всемъ ихъ объемѣ; эти права должны быть предоставлены тѣмъ, кто не имѣетъ надобности зарабатывать себѣ пропитаніе“. По-этому въ истинно-аристократическихъ республикахъ ремесленникъ не могъ быть гражданиномъ, а если и пользовался гражданскими правами, то не могъ занять общественную должность.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ власть принадлежала богатымъ, положеніе труда было нѣсколько лучше; тамъ, чтобы получить доступъ къ общественнымъ должностямъ, достаточно было приобрести богатство. Такъ, напримѣръ, въ Аѣинахъ Солонъ не выказывалъ нерасположенія къ ремесленникамъ. Приписываемые ему законы служатъ доказательствомъ, что онъ не имѣлъ предубѣжденія даже противъ ручного труда. Согласно его законамъ сынъ не обязанъ содержать своего отца, если послѣдній не обучилъ его какому-нибудь ремеслу. Человѣкъ, не обладавшій собственными средствами и ничего не дѣлавшій, привлекался судомъ къ отвѣтственности. Если иностранцы переселялись въ Аѣины, чтобы заниматься тамъ ремесломъ, имъ давалось право гражданства. Бѣдные ремесленники не могли занимать общественныхъ должностей, но они имѣли доступъ въ народное собраніе и даже на трибуну. Было запрещено попрекать кого бы то ни было его профессіей, какъ бы низменна она ни была.

Въ демократіяхъ люди, занимающіеся физическимъ трудомъ, были по закону приравнены къ другимъ гражданамъ. „У насъ“, говорилъ Периклъ (Фукидидъ, II, 40), „не стыдно признаться въ бѣдности; стыдно только ничего не предпринимать, чтобы выйти изъ нея. Въ Аѣинахъ одни и тѣ же люди заботятся о своихъ собственныхъ нуждахъ и объ интересахъ государства, и простые ремесленники тамъ достаточно свѣдуши въ политическихъ вопросахъ“.

Въ одномъ сочиненіи Ксенофонта есть цѣлая глава, гдѣ отъ лица Сократа свободнымъ людямъ съ недостаточными средствами дается совѣтъ увеличивать свое благосостояніе физическимъ трудомъ; Сократъ доказываетъ, что они, поступая такъ, принесутъ пользу и себѣ и своимъ согражданамъ.

Θемистокль¹⁾, чтобы побудить гражданъ заниматься ремесломъ, совѣтуетъ освободить ремесленниковъ отъ всякихъ налоговъ. Наконецъ Перикль²⁾ ставитъ себѣ въ заслугу то, что онъ предпринялъ крупныя общественныя работы и, направивъ такимъ путемъ дѣятельность аѳинянъ къ искусствамъ и промышленности, способствовалъ обогащенію города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его украшенію.

Но общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи не легко поддавалось внушеніямъ Θемистокла и Перикла. Геродотъ, рассказавъ, что въ Египтѣ воины живутъ въ праздности, прибавляетъ: „Не знаю, заимствовали ли греки эти обычаи у египтянъ, такъ какъ я вижу, что и ѳракійцы, и скиѳы, и персы, и лидійцы, и почти всѣ варвары относятся къ гражданамъ, занимающимся механическими искусствами, и къ ихъ потомкамъ, какъ къ людямъ, не заслуживающимъ особаго уваженія, и считаютъ болѣе благородными людей, которые освободились отъ ручного труда, особенно тѣхъ, кто посвящаетъ себя военному дѣлу. Эти же понятія раздѣляются всѣми греками, особенно лакедемонянами; коринѳяне менѣе другихъ презираютъ ремесленниковъ“ (II, 167).

Подобный предразсудокъ поддерживали самые знаменитые философы, которые въ этомъ отношеніи только развивали взгляды высшихъ классовъ. „Ремесла“, говоритъ Ксенофонтъ (О домоводствѣ. IV, 2), „по справедливости пользуются дурной славой, потому что они истощаютъ тѣло тѣхъ, кто ими занимается; такой трудъ заставляетъ поневолѣ вести сидячій образъ жизни, оставаться въ темнотѣ, а иногда проводить все время близъ огня; а когда тѣла ослаблены, души скоро утрачиваютъ всю свою энер-

¹⁾ Θемистокль—см. вып. I, стр. 41, прим. 2.

²⁾ Перикль—см. вып. I, стр. 13, прим. 4.

гію“. „Ремесла“, говорить Аристотель, „не оставляють времени думать о дѣлахъ государства; они не даютъ умственнымъ способностямъ возможности свободно развиваться и возвышаться“. Поэтому философъ запрещаетъ молодымъ людямъ „занятія ремесленниковъ“. По его мнѣнію, между свободнымъ рабочимъ и рабомъ существуетъ лишь незначительная разница. „Работать на отдѣльнаго человѣка—значитъ быть рабомъ, работать для публики—значитъ быть рабочимъ и наемникомъ“.

(Caillmer. Dict. des antiq. I, стр. 441—443).

2. Похвала земледѣлію.

Сократъ: „Земледѣліе является источникомъ и удовольствія, и домашняго благосостоянія, и физическихъ упражненій, благодаря которымъ тѣло дѣлается способнымъ выполнять всѣ обязанности свободного человѣка. Земля даетъ обрабатывающему ее все необходимое для жизни, прибавляя еще и то, что услаждаетъ существованіе. Наконецъ, она же производитъ пріятныя по запаху и восхитительныя по виду украшенія для алтарей и статуй, а также для самихъ людей. Къ этому надо добавить множество видовъ пищи, которые она доставляетъ или развитію которыхъ она способствуетъ; такъ, скотоводство тѣсно связано съ земледѣліемъ; благодаря этому мы получаемъ возможность приносить жертвы для угожденія богамъ и удовлетворенія нашихъ собственныхъ потребностей.

„Кромѣ того, доставляя намъ все въ изобиліи, земледѣліе не поощряетъ лѣности; оно учитъ насъ переносить зимній холодъ и лѣтнюю жару. Физическія упражненія, необходимыя для тѣхъ, кто собственными руками обрабатываетъ землю, даютъ имъ силу; тѣхъ же, кто руководитъ работами, земледѣліе закаляетъ, заставляя ихъ рано вставать и много ходить...

„Земля побуждаетъ земледѣльцевъ защищать ихъ страну съ оружіемъ въ рукахъ, потому что ея плоды предоставлены въ распоряженіе всѣхъ желающихъ и дѣлаются добычей наиболѣе сильныхъ. Существуетъ ли, затѣмъ,

такое искусство, которое такъ успѣшно учило бы людей бѣгать, метать въ цѣль, прыгать, которое такъ щедро вознаграждало бы тѣхъ, кто имъ занимается, которое, наконецъ, доставляло бы больше наслажденій?... Я былъ бы

Пахари.

очень удивленъ, если бы свободный человѣкъ нашелъ какое-нибудь состояніе болѣе привлекательнымъ или какое-нибудь занятіе болѣе пріятнымъ и полезнымъ для жизни. Но это не все; земля учитъ быть справедливымъ того, кто умѣетъ пользоваться уроками, потому что блага, даруемая ею, находятся въ зависимости отъ заботъ, прилагаемыхъ къ ней.

„Земледѣліе научаетъ насъ также оказывать другъ другу помощь. Для выступленія противъ враговъ нужны совмѣстныя дѣйствія людей, то же самое и при обработкѣ земли. Человѣкъ, желающій быть хорошимъ земледѣльцемъ, долженъ подготовить для себя дѣятельныхъ и послушныхъ работниковъ; точно такъ же и человѣкъ, идущій противъ враговъ, долженъ умѣть вознаграждать людей дѣятельныхъ и наказывать нарушающихъ долгъ

повиновенія. Земледѣлецъ долженъ ободрять своихъ работниковъ не рѣже, чѣмъ предводитель войска—своихъ солдатъ. Надежда для рабовъ не менѣе необходима, чѣмъ для людей свободныхъ, даже больше, потому что она привязываетъ ихъ къ господину.

„Истинно сказано, что земледѣліе есть мать и кормилица всѣхъ другихъ искусствъ. Если процвѣтаетъ земледѣліе, процвѣтаютъ и остальные искусства; тамъ же, гдѣ оно не развивается, увядаютъ и прочія искусства“.

(Ксенофонтъ. О домоводствѣ, гл. V).

3. Крѣпостное право.

Земля въ Греціи обрабатывалась то крѣпостными (сервами или колонами), то свободными фермерами, то непосредственно самими землевладѣльцами.

Крѣпостные или колоны существовали во всѣхъ аристократическихъ государствахъ, т. е. тамъ, гдѣ законъ и нравы запрещали гражданину физическій трудъ. Въ демократическихъ же государствахъ, особенно въ Аѣинахъ, крѣпостничество исчезло довольно рано.

Въ Лаконіи крѣпостные носили наименованіе илотовъ. Владѣльцемъ ихъ въ извѣстномъ отношеніи было государство, потому что освобожденіе ихъ могло имѣть мѣсто только по предложенію или съ согласія государственной власти; въ этомъ смыслѣ Страбонъ ¹⁾ и называетъ ихъ „общественными рабами“. Но это не препятствовало каждому изъ илотовъ имѣть и своего особаго господина.

Было запрещено продавать илота, какъ обыкновеннаго раба, за границу; обычно илоты были прикрѣплены къ опредѣленному участку земли, съ котораго они никогда не сходили и который переходилъ къ ихъ дѣтямъ. Илотъ долженъ былъ выплачивать ежегодный налогъ; величина его измѣнялась, повидимому, въ зависимости отъ того, жилъ ли крѣпостной въ Мессеніи или въ Лаконіи. Въ первомъ случаѣ господинъ получалъ половину всего урожая; во вто-

¹⁾ Страбонъ—см. вып. I, стр. 97, прим. 1.

ромъ—часть эта была нѣсколько меньше; она устанавливалась разъ навсегда съ самаго начала, и владѣлецъ, который пытался увеличить ее, подвергался религіозному проклятію. Это, по словамъ Плутарха, дѣлалось съ цѣлью заинтересовать илота въ земледѣліи, такъ какъ только на его долю падала выгода отъ все возрастающей съ теченіемъ времени цѣны на земледѣльческіе продукты. Повидимому, оброкъ не былъ особенно тяжелъ, потому что онъ давалъ возможность многимъ изъ илотовъ прикапливать кой-какія деньги. Въ серединѣ III вѣка до Р. Х. царь Клеомень предложилъ всѣмъ желающимъ изъ илотовъ выкупиться на свободу за пять минъ (около 185 руб.) съ человѣка; шесть тысячъ человѣкъ приняли это предложеніе.

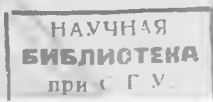
Илоты должны были нести также и другую повинность: они служили въ войскѣ, и не случайно, а несли регулярную воинскую повинность. Правда, въ случаѣ доблестнаго поведенія ихъ иногда въ награду за храбрость отпускали на волю. Различные писатели сообщаютъ, что съ ними обращались съ преднамѣренной суровостью, но это утвержденіе, повидимому, крайне преувеличено. На дѣлѣ спартіаты боялись ихъ по той причинѣ, что знали ихъ многочисленность и склонность къ возстаніямъ. Поэтому они учредили за илотами очень тщательный надзоръ и путемъ многочисленныхъ полицейскихъ мѣропріятій стремились помѣшать ихъ тайнымъ собраніямъ и предотвратить ихъ заговоры; если же вспыхивало возстаніе, спартіаты проявляли при подавленіи его полную безпощадность, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда были не въ состояніи усмирить бунтъ силой и когда благоразумнѣе было пойти на уступки.

Положеніе пенестовъ въ Фессаліи, маріандиновъ въ Гераклеѣ Понтійской, кларотовъ на островѣ Критѣ было почти такое же. Законъ Гортины ¹⁾ рисуетъ намъ нѣсколько новыхъ подробностей относительно кларотовъ. Крѣпостной о. Крита могъ вступать въ бракъ и разводиться, не испрашивая на это ничьего разрѣшенія. Жена его должна

¹⁾ Гортина—см. вып. I, стр. 61, прим. 1.

Лаврентьев

282574

была принадлежать къ тому же сословію, но онъ могъ выбирать ее не только среди крѣпостныхъ женщинъ своего господина. Какъ отецъ, онъ не пользовался всѣми родительскими правами. Ребенокъ, рожденный отъ брака крѣпостныхъ, принадлежалъ господину мужа, а въ случаѣ его отказа—владѣльцу жены. Крѣпостной пользовался правомъ приобрѣтать и владѣть, по крайней мѣрѣ, движимымъ имуществомъ и скотомъ. Но мы не знаемъ, были ли указанныя черты свойственны крѣпостнымъ всѣхъ другихъ греческихъ государствъ.

4. Арендный договоръ.

Многіе владѣльцы сдавали свою землю въ аренду. Приводимый ниже договоръ можетъ дать понятіе объ обычныхъ условіяхъ аренды; въ этомъ договорѣ рѣчь идетъ объ имуществѣ, принадлежащемъ одной аттической демѣ¹⁾. Когда землевладѣльцемъ былъ частный человѣкъ, срокъ аренды назначался довольно короткій; но въ этомъ отношеніи не существовало никакихъ правилъ.

„Вотъ на какихъ условіяхъ айксонская дема сдаетъ землю Феллеиду изъ Автоклы и его сыну Автею. Земля отдается на 40 лѣтъ за 152 драхмы (около 56 руб.) въ годъ съ условіемъ, что арендаторы будутъ обрабатывать ее, но могутъ дѣлать это какимъ угодно способомъ.

„Арендная плата вносится въ мѣсяцѣ Гекатомбеонѣ²⁾; если же это не будетъ выполнено, айксонцы имѣютъ право завладѣть урожаемъ арендуемаго участка земли и всякимъ другимъ имуществомъ, принадлежащимъ арендаторамъ.

„До истеченія 40 лѣтъ айксонцы не имѣютъ права ни продавать, ни сдавать въ аренду свою землю.

„Если непріятель помѣшаетъ обработкѣ земли или произведетъ разореніе, айксонцы получаютъ вмѣсто арендной платы половину всего урожая.

„По истеченіи 40 лѣтъ арендаторы должны передать половину земли незасѣянною, съ тѣмъ же количествомъ

¹⁾ Демы—см. вып. I, стр. 88, прим. I.

²⁾ Гекатомбеонъ—см. вып. I, стр. 18.

деревьевъ, что и въ настоящее время. Въ послѣднія пять лѣтъ айксонцы могутъ воспользоваться правомъ посылать на эту землю своего виноградаря.

„Арендный срокъ для хлѣба начинается съ архонтства Эмбула (345—344 г. до Р. Х.); для другихъ растений—со слѣдующаго года.

„Казначей дѣмы должны высѣчь договоръ на каменныхъ столбахъ и поставить одинъ изъ нихъ внутри храма Гебы, другой на портикѣ. Они должны также поставить на землѣ межевые столбы, по два съ каждой стороны, не менѣе какъ въ три фута вышиной.

„Если государство обложить землю какимъ-нибудь налогомъ (*εἰσφορά*), то платить его будутъ айксонцы; если же его внесутъ арендаторы, онъ будетъ включенъ въ арендную плату.

„Запрещается перевозить срытую землю въ какое бы то ни было мѣсто за предѣлами даннаго участка.

„Если кто-нибудь предложитъ произвести измѣненіе въ этомъ договорѣ до истеченія сорокалѣтняго срока и проведетъ это измѣненіе, арендаторы имѣютъ право вчинить этому лицу искъ объ убыткахъ“.

(*Corpus inscriptionum Atticarum*, т. II, 1055).

5. Мелкіе землевладѣльцы.

Въ Греціи существовалъ цѣлый классъ мелкихъ собственниковъ, которые обрабатывали свою землю сами съ помощью своей семьи и нѣсколькихъ рабовъ. Геродотъ далъ намъ точную картину ихъ положенія, нравовъ и понятій. Описываемый имъ землевладѣлецъ имѣетъ два плуга, изъ которыхъ одинъ запасной, пару быковъ и штатъ прислуги. Онъ не довольствуется отдачей приказаній и надзоромъ надъ своими

Плугъ.

работниками; онъ самъ работаетъ среди нихъ, принимая участіе въ ихъ трудѣ: онъ сѣетъ, жнетъ и самъ изготавляетъ рабочія орудія. Онъ особенно ярко проявляетъ ту жажду наживы, тотъ эгоизмъ, духъ порядка и экономіи, которые обыкновенно свойственны крестьянину.

„Тотъ, кто имѣетъ честнаго сосѣда, можетъ считаться баловнемъ судьбы... Не бери въ долгъ у своего сосѣда слишкомъ много и при отдачѣ возвращай ему столько же; если можешь, отдавай даже больше, чтобы обезпечить себѣ помощь въ день нужды“. „Если малое постоянно прибавлять къ малому, то скоро получится много. Если будешь прибавлять къ тому, что у тебя уже имѣется, можешь навѣрно избѣжать голода. То, что хранится у тебя въ домѣ, не причиняетъ заботъ. Надежнѣе хранить свое добро у себя, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Пріятно брать изъ того, что у тебя есть; тяжело не имѣть, откуда взять... Большое имущество требуетъ большихъ заботъ, но оно даетъ и большія выгоды“. „Снабжай всегда свое жилище земледѣльческими орудіями; никогда не занимай ихъ у другихъ: если тебѣ откажутъ въ нихъ, ты потеряешь удобный моментъ, благопріятное время для работы. Не откладывай дѣла до завтра и до послѣ-завтра. Кто боится труда, кто медлитъ его выполнить, тотъ никогда не наполнитъ своей житницы. Работа идетъ впередъ только благодаря прилежанію, а лѣнивый всегда борется съ нуждой“.

У многихъ комическихъ поэтовъ являлась мысль вывести на сцену аѣинскаго деревенскаго жителя, и намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ по названію, множество пьесъ съ подобнымъ содержаніемъ; это служить доказательствомъ, что классъ мелкихъ землевладѣльцевъ пользовался извѣстнымъ значеніемъ въ Атикѣ. Къ нему принадлежатъ: Дерсетъ въ пьесѣ Аристофана „Ахарняне“, который жалуется, что беотійцы отняли у него пару быковъ; Хремилъ въ „Плутосѣ“, который питается тѣмъ же дикимъ лукомъ, что и его рабы; Хремъ, несомнѣнно заимствованный Теренціемъ у Менандра, который постоянно возится съ какой-нибудь работой, точно у него совсѣмъ

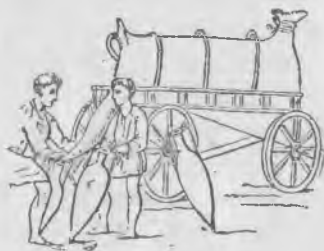
нѣтъ работниковъ. Къ нимъ можно присоединить Клитона и Геронакса въ Антологіи ¹⁾, которые говорятъ такими словами: „Эта маленькая ферма — собственность Клитона; ему же принадлежатъ эти нѣсколько бороздъ, которыя

Крестьянинъ, ѣдущій на рынокъ.

надо засѣять, этотъ лежащій близъ нихъ маленький виноградникъ и этотъ маленький лѣсокъ, гдѣ можно нарубить нѣсколько охапокъ дровъ. И въ этомъ маленькомъ имѣніи Клитонъ прожилъ 80 лѣтъ“.

„Деметръ, покровительницѣ вѣяльщиковъ, богинямъ-покровительницамъ посѣвовъ земледѣлецъ Геронаксъ посвящаетъ изъ своей скудной жатвы эту охапку колосьевъ и различныхъ овощей. Онъ возлагаетъ на этотъ каменный треножникъ этотъ скромный даръ, удѣленный изъ его скуднаго урожая; онъ владѣетъ только самымъ ничтожнымъ наслѣдіемъ на этомъ печальномъ холмѣ“.

Разливка вина.

6. Крупные землевладѣльцы.

Ксенофонтъ въ своемъ сочиненіи „Домоводство“ изображаетъ намъ типъ богатаго землевладѣльца, который хотя и ведетъ самостоятельное хозяйство на своихъ земляхъ, но ограничивается только руководствомъ всѣми работами, не принимая въ нихъ непосредственнаго участія. Мѣстожительство Исхомаха—Аѳины, но онъ ежедневно посѣщаетъ свое имѣніе, расположенное недалеко отъ города. Всѣ работы выполняются тамъ рабами или вольноотпущенниками. Онъ покупаетъ еще плохо обученныхъ рабовъ и

¹⁾ Антологія—см. вып. II, стр. 32, прим. 1.

самъ старается приучить ихъ къ дѣлу. Онъ знаетъ свое хозяйство въ совершенствѣ; ни одна отрасль земледѣлія не остается неизученной имъ. Онъ отличается не только духовными качествами хорошаго агронома, а обладаетъ и всѣми техническими знаніями. Убѣжденный въ томъ, что хозяйскій глазъ незамѣнимъ, онъ—всегда среди своихъ работниковъ: то сдѣлаетъ замѣчаніе, то похвалить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ служитъ для всѣхъ образцовымъ примѣромъ прилежанія и усердія; со всѣми онъ обходится по заслугамъ и владѣетъ, наконецъ, высшимъ даромъ толкова распоряжаться.

Не всѣ аѳиняне обладали такой внимательностью и такой опытностью. Нѣкоторые не питали къ землѣ любви и стремились освободиться отъ нея. Иные посѣщали свои хозяйства только черезъ большіе промежутки времени, на примѣръ, въ періодъ посѣва или жатвы, и возлагали завѣдываніе имѣніемъ на управляющаго изъ рабовъ.

Но на-ряду съ землевладѣльцами, которыхъ отвлекали отъ деревни политическіе интересы, торговыя или промышленныя дѣла, или, наконецъ, ихъ собственные вкусы, не было недостатка въ такихъ, которые находили въ сельской жизни много прелести или большую выгоду и принимали горячо къ сердцу свое хозяйство. Стрепсиадъ въ комедіи Аристофана, человѣкъ, который, несмотря на бракъ съ женщиной изъ хорошаго общества, продолжаетъ жить въ предмѣстьѣ и отъ котораго попрежнему пахнетъ виноградникомъ, сыромъ и шерстью,—не выдуманное лицо. Ораторы даютъ указанія и относительно другихъ землевладѣльцевъ, жизнь которыхъ складывалась болѣе или менѣе такъ же. Многіе богатые люди, хотя и имѣли домъ въ городѣ, дѣлали мѣстомъ своего постоянного жительства деревню. Въ началѣ Пелопоннесской войны¹⁾, когда поселяне должны были бѣжать передъ непріателемъ и укрыться въ Аѳинахъ, переселеніе въ городъ приняло широкіе размѣры. Фукидидъ, очевидецъ этого зрѣлища, заявляетъ,

¹⁾ Пелопоннесская война—431—404 г.

что большинство старинныхъ фамилій обыкновенно всегда жили въ теченіе цѣлаго года на своихъ земляхъ; переѣздъ оттуда казался для нихъ настоящимъ изгнаніемъ.

Θεокритъ ¹⁾ своимъ описаніемъ помѣстій Авгія даетъ понятіе о земельномъ строѣ въ Сициліи. Въ отсутствіе хозяина обязанности управляющаго выполняетъ довѣренный рабъ, которому помогаетъ многочисленный штатъ служащихъ. Но Авгій входитъ, насколько возможно, самъ въ дѣла своего помѣстья, думая такимъ путемъ извлечь побольше дохода, и рассказъ начинается какъ разъ съ момента, когда Авгій наблюдаетъ за работами. Ксенофонтъ изображаетъ намъ аристократовъ Мантинеи; они живутъ среди своихъ владѣній и занимаются сами обработкой ихъ. Филопемуну принадлежитъ прекрасная ферма въ окрестностяхъ Мегалополиса; онъ ѣздитъ туда, какъ только у него находится свободное отъ общественныхъ дѣлъ время; ему доставляетъ истинное удовольствіе видѣть своихъ пастуховъ и винодѣловъ за работой. Одинъ историкъ хвалитъ земледѣльческое хозяйство на Корцирѣ, красоту деревенскихъ домовъ, прекрасное состояніе сельскихъ построекъ, многочисленность стадъ и рабовъ; все это свидѣтельствуешь, что рѣчь здѣсь идетъ скорѣе о системѣ непосредственной обработки земли владѣльцемъ ея, чѣмъ о сдачѣ ея въ аренду.

Земледѣліе.

Сельско-хозяйственныя работы чаще всего выполнялись рабами; во главѣ ихъ стоялъ управитель, который самъ былъ или рабомъ или вольноотпущеннымъ. Но иногда пользовались для работъ и свободными рабочими (*μισθωτοί*).

(По Guiraud. La propriété en Grèce, кн. III, гл. IV).

¹⁾ Θεокритъ—греческій поэтъ III в. до Р. X.

7. Земледѣльческіе продукты.

Хлѣбныя растенія. — Единственными хлѣбными растеніями, извѣстными въ Греціи, были пшеница и ячмень. На основаніи текстовъ легко установить, что ихъ воздѣлывали повсюду. Тѣмъ не менѣе не вездѣ сѣяли въ одинаковой пропорціи одни и тѣ же сорта хлѣба. Въ Аттикѣ въ теченіе IV вѣка ячменя производилось въ десять разъ

Сборъ оливъ.

больше, чѣмъ пшеницы, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя примыкали къ Беотіи; тамъ это отношеніе равнялось двумъ къ одному. На о. Скиросѣ и въ Миринѣ на о. Лесбосѣ отношеніе это было три къ одному; въ Геллестіи—пять къ одному; въ Имбросѣ—одинъ къ двумъ; на Саламинѣ сѣяли только ячмень. Въ Танагрѣ и Анфедронѣ было мало хлѣбныхъ растеній; то же самое происходило, очевидно, и въ странахъ съ обширными пастбищами, какъ, напримѣръ, Аркадія, Фессалія, Этолія, Акарнанія, или съ крупными виноградниками, какъ большинство острововъ.

Вино.—Вино еще съ гомеровскихъ временъ было въ Греціи обыкновеннымъ напиткомъ; имъ пользовались также при жертвоприношеніяхъ и погребальныхъ обрядахъ. Поэтому виноградники были очень распространены. Помѣстье считалось хорошо поставленнымъ только въ томъ случаѣ, если въ немъ были виноградники. Вино было различныхъ качествъ. Гомеръ восхваляетъ вино изъ Прамны, близъ

Смирны, и изъ Маронеи на Эракійскомъ берегу; это послѣднее можно было разбавлять въ двадцать разъ большимъ количествомъ воды. Во времена Аристофана вино было однимъ изъ главныхъ продуктовъ производства Аттики. Тогда умѣли различать достоинства и недостатки каждаго вина. „Давайте вашимъ друзьямъ въ праздники вино, называемое „сапріасъ“, а вашимъ врагамъ—пепаретское вино“, говоритъ одинъ комическій писатель. Наиболѣе славилось хіосское вино, особенно изъ аріузской области.

Азіатское побережье и большинство сосѣднихъ острововъ, за исключеніемъ Самоса, производили такія же вина, они очень цѣнились знатоками и прекрасно дѣйствовали на больныхъ; согласно Страбону подобными же винами были эфесскія, метрополисскія, месогисскія, тмольскія, катакекавменскія, киддскія и смиренскія. Тотъ же авторъ хвалитъ мессинское вино. Нѣкоторые сорта винъ содержали такое количество алкоголя, что могли сохраняться многіе годы.

Плоды и овощи.—Наиболѣе распространеннымъ плодовымъ деревомъ было оливковое. Греки иногда употребляли въ пищу самые плоды этого дерева, главнымъ образомъ въ соленомъ видѣ; но по преимуществу изъ нихъ дѣлали масло.)

Въ саду Алкиноя и въ огородѣ Лаэрта, описанныхъ въ „Одиссеѣ“, уже росли оливки. Ихъ было множество въ Атикѣ, гдѣ существовалъ даже законъ, воспрещавшій вырывать ихъ съ корнями. Воздѣлываніе ихъ приносило, несомнѣнно, большія выгоды, потому что нѣкоторыя частновладѣльческія земли были совершенно покрыты ими.

Диодоръ ¹⁾ сообщаетъ, что эти деревья занимали значительную часть территоріи Агригента и доставляли большую выгоду землевладѣльцамъ. Ксенофонтъ выражаетъ удивленіе, что ихъ нѣтъ въ одной прибрежной странѣ у Понта Эвксинскаго. Ихъ дѣйствительно можно было встрѣтить повсюду въ Греціи, въ Эпидамнѣ, въ Сикіонѣ,

¹⁾ Диодоръ — греческій историкъ I в. до Р. Х.

въ Малой Азіи, на Цикладскихъ островахъ, на о. Самосѣ, на о. Критѣ и въ Италиі.

Не менѣе богата была страна и фиговыми деревьями. Извѣстно, что фиги были однимъ изъ самыхъ любимыхъ яствъ грековъ, такъ что вывозъ ихъ былъ даже запрещенъ. Онѣ произрастали также въ Лаконіи и на островахъ: Цитерѣ, Родосѣ, Хіосѣ, Наксосѣ, Паросѣ и Итакѣ; самыя крупныя фиги шли съ Олинѳа.

Греки воздѣлывали и многія другія плодовые деревья, въ частности яблоню, грушу, айву, гранатъ, миндаль, каштанъ, орѣхъ, сливу.

(У нихъ было также множество овощей; достаточно указать на бобы, чечевицу, овечій горохъ, лупинъ, капусту, рѣпу, рѣдису, артишоки, салатъ, лукъ, чеснокъ, порей, огурцы, тыквы, дыни или арбузы, морковь.)

Прядильныя растенія.—Изъ прядильныхъ растений греческіе авторы упоминаютъ объ извѣстномъ сортѣ льна, который сѣяли на о. Аморгѣ и изъ котораго ткали матеріи, очень цѣнившіяся для женской одежды. Изъ Элиды вывозился подобный же матеріалъ, носившій наименованіе „биссосъ“, который служилъ для производства очень легкихъ тканей. Тѣмъ не менѣе греки предпочитали приобрѣтать ленъ за предѣлами своей страны, въ особенности въ Египтѣ и Колхидѣ.] Плиній ¹⁾ хвалитъ коноплю изъ Алабанды и изъ Миласы въ Азіи, но онъ не говоритъ, что это растеніе привозилось только оттуда.

Лѣса.—Въ древности Эллада была очень лѣсиста. По видимому, лѣсъ на горахъ сохранился до временъ довольно близкихъ къ V вѣку. Но развитіе кораблестроенія и расчистка почвы подъ пашню мало-по-малу уничтожили строевой лѣсъ, за исключеніемъ Аркадіи, Эвбеи и областей Олимпа и Парнаса. Повсюду въ другихъ мѣстахъ остались только небольшіе лѣски, дававшіе въ лучшемъ случаѣ дерево для дровъ и углей. Что же касается строевого лѣса, то его приходилось вывозить изъ Македоніи, Фракіи или съ береговъ Чернаго моря.

(По Guiraud. La propriété en Grèce, кн. III, гл. VI.)

¹⁾ Плиній—см. вып. I, стр. 13, прим. 3.

8. Скотоводство.

(Пастбища въ эллинскомъ мірѣ не были рѣдкостью. Эврипидъ ¹⁾ называетъ Мессенію страной, которая „во всѣхъ направленіяхъ изборождена ручьями и очень удобна для разведенія быковъ и овецъ“. Дикеархъ ²⁾ говоритъ, что долина Оивъ очень благопріятствовала разведенію лошадей. Страбонъ восхваляетъ въ этомъ отношеніи Аркадію, Этолію, Акарнанію и Фессалію. Въ Херсонесѣ Фракійскомъ, по указанію Ксенофонта, встрѣчались прекрасныя пастбища. О долинахъ Малой Азіи, какъ, напримѣръ, Магnezіи и Колофона, можно сказать то же самое. Въ концѣ концовъ даже въ областяхъ съ самой суровой и бесплодной природой была возможность прокармливать овецъ и козъ.

(Греки занимались скотоводствомъ всюду, гдѣ это было только возможно по условіямъ почвы. Въ Орхоменѣ, въ Беотіи, общественныя пастбища отличались такой величиной, что каждый человѣкъ имѣлъ право выгонять туда по 220 головъ крупнаго скота и по 1000 мелкаго. Въ Фессаліи всегда было изобиліе лошадей, а въ Аркадіи—овецъ.

(Лошадьми мало пользовались при полевыхъ работахъ, но употребляли ихъ для верховой ѣзды и для упряжи. Аристократическій классъ отчасти изъ чувства гражданскаго долга, отчасти по собственной склонности охотно участвовалъ въ состязаніяхъ на общественныхъ играхъ, а извѣстно, что бѣга лошадей и колесницъ были главной приманкой этихъ празднествъ. Надо было, наконецъ, считаться съ потребностями войска. Главными центрами разведенія лошадей были: Этолія, Фессалія, Акарнанія, Эпиръ, Эвбея, Беотія, Сикіонъ, Эпидавръ, Аркадія, Элида, Сицилія, Киренаика и нѣкоторыя мѣстности Малой Азіи.)

(Оселъ упоминается у Гомера только одинъ разъ, а у Гезіода—ни разу; поэтому можно думать, что въ древности имъ мало пользовались; впослѣдствіи же его начали цѣнить гораздо больше, въ качествѣ выючнаго и верхового

¹⁾ Эврипидъ—см. вып. I, стр. 3, прим. 3.

²⁾ Дикеархъ—см. вып. I, стр. 12, прим. 1.

животнаго; стали даже употреблять въ пищу его мясо. Лучшими ослами считались аркадскіе, но и киренскіе, ессалийскіе и эфирскіе также пользовались нѣкоторой извѣстностью.

Мулъ въ странѣ съ такой неровной поверхностью былъ въ высшей степени цѣннымъ животнымъ; онъ работалъ, таскалъ тяжести; его запрягали въ повозки и другія упряжки; наконецъ, онъ участвовалъ и на Олимпійскихъ играхъ.

Быкъ былъ по преимуществу животнымъ рабочимъ. Въ гомеровскую эпоху въ пищу употребляли много коровьяго мяса. Съ теченіемъ времени вкусы измѣнились, и, не отказываясь отъ коровьяго мяса вполне, мало-по-малу перешли къ другому способу питанія. Въ городахъ, гдѣ господствовало законодательство Пифагора, было запрещено посылать на бойню рабочихъ воловъ. Въ Атикѣ избѣгали приносить этихъ животныхъ въ жертву богамъ, когда это могло повредить земледѣльческимъ работамъ. Впрочемъ, повсюду можно было откармливать на убой состарившагося и обезсиленнаго быка. Лучшей породой быковъ была эфирская. На о. Эвбеѣ, въ Киренаикѣ, Мессеніи, Понтѣ, Беотіи были свои породы.

Изъ коровьяго молока дѣлали сыръ; впрочемъ, этотъ продуктъ началъ широко потребляться только въ два послѣдніе вѣка до Р. Х.

Какъ сообщаетъ историкъ Филохоръ ¹⁾, было время, когда аѳинскіе законы запрещали ѣсть ягнятъ; а другой писатель, Андротіонъ ²⁾, доходитъ до утвержденія, что нельзя было убивать овцы, которая не была ни разу острижена и не имѣла ягнятъ. Но если это правило и существовало, то оно скоро перестало соблюдаться. Тѣмъ не менѣе греки разводили овецъ больше для молока и шерсти, чѣмъ для мяса. Изъ всѣхъ овечьихъ сыровъ самымъ знаменитымъ былъ китносскій. Его превосходное качество объяснялось особымъ сортомъ травы, росшей на островѣ Китносѣ. Ее стали сѣять потомъ и на другихъ Цикладскихъ

¹⁾ Филохоръ—греческій историкъ III в. до Р. Х.

²⁾ Андротіонъ—греческій историкъ, жившій въ IV в. до Р. Х.

островахъ, а затѣмъ и въ остальной Греціи; производство сыра благодаря этому много выиграло. Лучшіе сорта шерсти шли изъ Эпира, Беотіи, Аркадіи, Сициліи, Мегары, Ахаіи, Эвбеи и острововъ Эгейскаго моря.

(Козы представляли ту выгоду, что ихъ очень легко было прокормить; поэтому ихъ разводили въ гористыхъ и безплодныхъ мѣстностяхъ.) Козъ было много на островахъ, а именно на Аргинусскихъ, на Скиросѣ, Икаріи и Наксосѣ. Онѣ были также очень многочисленны и въ Аттікѣ. Ихъ молоко давало возможность изготовлять большое количество сыру.)

Изъ одного мѣста сочиненій Платона слѣдуетъ, что свинопасы составляли значительную часть населенія государства-города. Дѣйствительно, въ Греціи очень любили свиное мясо. Въ аттическихъ деревняхъ почти не встрѣчалось такихъ даже маленькихъ хозяйствъ, которыя не имѣли бы своей свиньи. Если это животное откармливали, оно приносило большіе барыши. Особенно много свиней разводили въ Мегарѣ, Беотіи, Аркадіи, Этоліи, Акарнаніи, Сициліи.

Ко всѣмъ этимъ продуктамъ хозяйства надо прибавить еще домашнюю птицу, какъ, напримѣръ, павлиновъ, цесарокъ, фазановъ, куръ, голубей, гусей и утокъ.

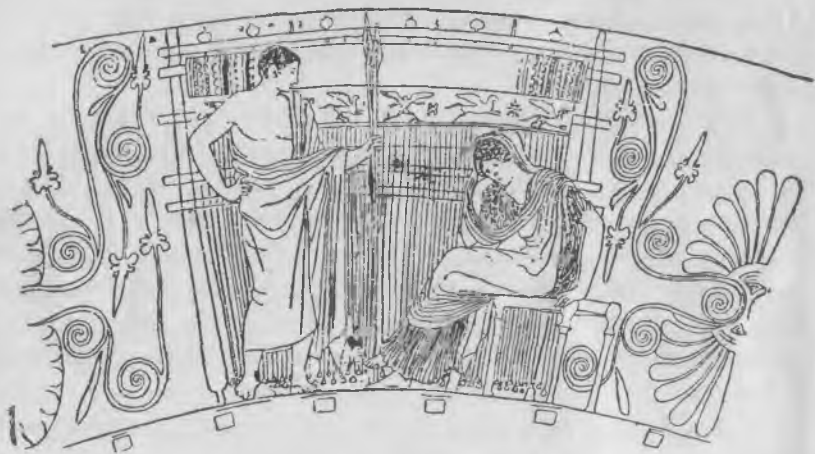
(По Guiraud, вышеуказанный трудъ, кн. III, гл. VI).

9. Промышленность въ Греціи.

Въ гомеровскую эпоху въ Греціи уже существовала промышленность, но она была еще въ зачаточномъ состояніи, и производство ограничивалось самыми обыкновенными и общераспространенными вещами. Всѣ предметы роскоши вывозились изъ-за границы. До половины VII вѣка „богатая семья одѣвалась въ египетскія и финикійскія ткани, полы въ своихъ жилищахъ покрывали коврами изъ Сардъ, пили и ѣли изъ металлической посуды, сдѣланной въ Тирѣ или Сидонѣ“. (Rayet. Histoire de la céramique grecque, стр. 41).

Однако, съ теченіемъ времени греческая промышленность развилась; сначала она находилась подъ сильнымъ

вліяніемъ восточныхъ произведеній, потомъ начала проявлять и собственную изобрѣтательность. Греки привлекли къ себѣ иностранныхъ мастеровъ, раздобыли изъ-за границы образцы и модели; когда же ихъ собственный вкусъ развился, они начали дѣлать все самостоятельно, а кончили тѣмъ, что перестали ввозить продукты чужой промышленности, свои же принялись вывозить во всѣхъ напра-

Женщина за ткацкимъ станкомъ.

вленіяхъ. Мы не будемъ изучать исторіи этого развитія; кромѣ того, въ различныхъ государствахъ оно проявлялось различно: все зависѣло отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось каждое изъ этихъ государствъ, отъ его мѣстоположенія, естественныхъ богатствъ почвы, иногда же и отъ его правительства.

Раньше всего промышленность развилась въ Коринѣ; уже съ VIII вѣка разрисованныя коринѣскія вазы проникли даже въ Этрурію. Въ Аѣинахъ она появилась позднѣе, но, вступивъ на этотъ путь, аѣиняне затмили вскорѣ всѣхъ своихъ соперниковъ.

„Подъ вліяніемъ законовъ Солона и просвѣщенной власти Пизистрата, городъ, сначала маленькій и убогій, къ половинѣ V вѣка достигъ высокой степени благосостоянія. Благодаря разработкѣ серебряной руды въ Лавріонѣ, въ

рукахъ аѳинянъ оказалось большое количество серебра, и это новое богатство дало сильный толчокъ развитію промышленности и торговли. Свободное населеніе стремилось найти въ промышленности и мореплаваніи тѣ средства, которыхъ ему не давала скудная почва и которыя оно не желало добывать тяжелымъ трудомъ въ рудникахъ. Повсюду стали основываться фабрики мебели, оружія, матерій, а въ особенности—вазъ. Аѳины съ тѣхъ поръ сдѣлались городомъ мануфактурной промышленности, и завоеваніе Саламина, побѣдоносная война противъ Эгины дали имъ возможность выпустить безъ страха въ Эгейское море свои корабли, которые должны были развозить въ дальнія мѣстности произведенія ихъ мастерскихъ“. (Тамъ же, стр. 97).

Въ области промышленности греки проявили тѣ же качества, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: они обладали необычайной ловкостью рукъ, живой изобрѣтательностью, особой способностью угадывать вкусы своихъ потребителей и, наконецъ, поразительнымъ умѣньемъ отыскивать все новые пути для сбыта товаровъ.

10. Раздѣленіе промышленнаго труда.

Въ маленькихъ городахъ одни и тѣ же люди дѣлаютъ кровати, двери, плуги, столы и строятъ даже дома; они счастливы, если ихъ мастерство даетъ имъ возможность прокормиться, потому что невозможно, чтобы человѣкъ, занимающійся столькими ремеслами, зналъ ихъ всѣ хорошо. Наоборотъ, въ большихъ городахъ, гдѣ множество людей нуждается въ однихъ и тѣхъ же вещахъ, одно ремесло прокармливаетъ человѣка, занимающагося имъ; иногда достаточно знать даже только одну отрасль какого-нибудь ремесла: такъ, одинъ изготавляетъ мужскую, другой—женскую обувь; одинъ только шьетъ сандалии, другой кроитъ ихъ изъ кожи; одинъ выкраиваетъ хитоны, другой только сметываетъ ихъ части. Разумѣется, когда человѣкъ ограниченъ въ своей работѣ узкой областью, онъ долженъ дѣлать ее хорошо.

(Ксенофонтъ. Киропедія, VIII, 2—5).

11. Организація промышленнаго труда.

Въ Аѳинахъ было два разряда рабочихъ: рабы и люди свободные.

Рабы въ свою очередь подраздѣлялись на двѣ категории: одни работали за счетъ своего господина, другіе— за свой собственный счетъ. Въ первомъ случаѣ они занимались работой въ мастерскихъ. Въ Греціи были и фабрики, но онѣ отличались гораздо меньшими размѣрами, чѣмъ наши современные, потому что тамъ не существовало машинъ и все дѣлалось руками. Въ мастерской собиралось по 20, 30, 40, 100, 120 рабовъ— не больше; во всякомъ случаѣ намъ неизвѣстны цифры выше 120. Господинъ кормилъ этихъ людей и давалъ имъ кровъ и одежду, ему же шелъ весь доходъ съ ихъ труда.

Примѣняли также и другую систему. Чтобы не подвергать себя никакому риску и избавиться отъ хлопотъ по надзору, господинъ часто разрѣшалъ своимъ рабамъ наниматься на работу къ постороннимъ лицамъ, но при этомъ взыскивалъ въ свою пользу опредѣленную часть ихъ заработной платы. Такъ, одинъ грекъ отдавалъ въ наемъ арендаторамъ рудниковъ 1000 рабовъ, что приносило ему около 600 рублей чистаго дохода въ день. Иногда господинъ разрѣшалъ также рабамъ работать за ихъ собственный счетъ съ тѣмъ, чтобы они вносили ему опредѣленный оброкъ съ души за день. Такъ, на примѣръ, нѣкто Тимархъ имѣлъ десятокъ рабовъ-кожевниковъ, которые составляли своего рода кооперативное общество, управляемое однимъ изъ нихъ; каждый уплачивалъ Тимарху 2 обола въ день (около 12 коп.), а ихъ старшина—3 обола (около 18 коп.).

Такіе доходы были довольно высоки, если ихъ сравнить съ обычной стоимостью раба. Господа получали отъ работы раба на рудникахъ—40%, а въ другихъ отрасляхъ промышленности—15, 20, даже 30%. Мы знаемъ, что нормальнымъ процентомъ считалось 12; но въ виду того, что рабъ представлялъ собой капиталъ, который самъ подвергался порчѣ отъ работы, надо было брать добавочный процентъ, какъ вознагражденіе за этотъ убытокъ.

Крупные рабовладѣльцы, промышлявшіе рабскимъ трудомъ, были то граждане, то иностранцы, поселившіеся на постоянное жительство въ греческихъ государствахъ. Документы знакомятъ насъ съ довольно большимъ числомъ такихъ людей: Навсикидъ — мукомоль, Киренъ — булочникъ, „ведшій широкій образъ жизни“; Демеадъ — владѣлецъ мастерской хламидъ, Клеонъ и Анить — кожевники, отецъ Демосоена — оружейникъ и мебельщикъ, банкиръ Пасіонъ — фабрикантъ щитовъ, Гиперболь — фабрикантъ лампъ, отецъ Исократъ — фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ, Клеонъ — фабрикантъ лиръ; Леократъ, „который имѣетъ мастерскую рабочихъ-кузнецовъ“; Кефаль, отецъ оратора Лизія — фабрикантъ щитовъ.

Кромѣ того, и въ Аѣинахъ и въ другихъ мѣстахъ были мелкіе предприниматели. Такъ, на агорѣ можно было видѣть множество парикмахерскихъ, москательныхъ и сапожныхъ лавокъ и лавокъ съ другими произведеніями ремесла. Народное собраніе, по словамъ Ксенофонта, состояло въ большинствѣ изъ шерстобитовъ, сапожниковъ, каменщиковъ, котельщиковъ, земледѣльцевъ, торговцевъ и старьевщиковъ. Эти люди, обладающіе очень скромными средствами, обзаводились необходимыми принадлежностями и работали непосредственно на заказчиковъ. Имъ помогали въ работѣ то ихъ дѣти, то одинъ свободный рабочій, то собственный или наемный рабъ. Профессіи ремесленниковъ были обыкновенно наслѣдственными. Эта наслѣдственность занятій являлась обычной чертой обществъ, имѣющихъ простое устройство, какимъ и было эллинское общество; кромѣ того, такъ какъ по закону каждый бѣдный или малосостоятельный гражданинъ былъ обязанъ обучить своего сына какому-нибудь ремеслу, то, естественно, онъ обучалъ его тому, которымъ занимался самъ.

Нѣкоторыя указанія наводятъ на мысль, что конкуренція рабскаго труда была причиной постепеннаго упадка класса ремесленниковъ и что послѣ несчастной Пелопоннесской войны многіе мелкіе хозяева мастерскихъ опустились до положенія наемныхъ рабочихъ. Благодаря этому число такихъ наемныхъ работниковъ въ IV вѣкѣ было больше,

чѣмъ въ V, и они не всегда находили примѣненіе своимъ силамъ.

Въ Греціи отличали поденную работу и сдѣльную. У насъ есть одна надпись, въ которой указывается, что одни рабочіе получаютъ плату сдѣльно, тогда какъ другіе работаютъ поденно. На о. Паросѣ особый полицейскій чиновникъ, называвшійся агрономомъ, надзиралъ за тѣмъ,

Греческій сапожникъ.

„чтобы поденщики и ихъ хозяева не причиняли другъ другу никакихъ обидъ: первые должны были выполнять свои обязательства, вторые—платить имъ жалованье, не доводя дѣло до судебного разбирательства. (Rangabé. *Antiquités helléniques*, 770 B).

Платонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы тяжбы этого рода разбирались полицейскими чиновниками (астиномами), если сумма иска не превосходитъ 50 драхмъ (около 18 р. 50 к.); если же она больше, то дѣло должно перейти въ судъ. (Законы, VIII). Мы не знаемъ, является ли это воспроизведеніемъ аѳинскаго закона.

Заработная плата была, разумѣется, очень различна.

Вотъ нѣсколько цифръ, которыя встрѣчаются въ документахъ. Носильщикъ зарабатывалъ въ день 4 обола (около 24 коп.); каменщикъ-чернорабочій—3 обола (около 18 коп.); пильщики камней, работающіе при постройкѣ храма Эрехтейона ¹⁾, получали по драхмѣ (около 37 коп.); то же самое платили рабочимъ на постройкѣ другого общественнаго зданія, можетъ быть, Парѳенона ²⁾ или Пропилей.

Греческій кузнецъ.

Ночныя работы оплачивались дороже; въ документѣ говорится о двухъ молодыхъ людяхъ, занятыхъ ночью на мельницѣ и получающихъ каждый по 2 драхмы (около 75 коп.).

При окраскѣ карниза Парѳенона за каждый футъ платили по 5 оболонъ (около 30 коп.); за выдалбливаніе ложбинокъ на колоннахъ давали отъ 18 до 20 драхмъ (около 6 р. 65 к.—7 р. 40 к.); плата за отдѣлку верхней части небольшихъ статуй равнялась 60 драхмамъ (около 22 руб.); за то, чтобы свалить сукно для гиматіона, брали не болѣе 3-хъ оболонъ (около 18 коп.).

¹⁾ Эрехтейонъ—храмъ въ аѳинскомъ акрополѣ.

²⁾ Парѳенонъ—храмъ богини Аѳины въ аѳинскомъ акрополѣ.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что женскій трудъ примѣнялся въ промышленномъ производствѣ главнымъ образомъ при тканѣ матерій.

(По Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume, стр. 336 и сл.; Brants. De la condition du travailleur libre dans l'industrie athénienne, стр. 6 и сл.; Caillemet. Dict. des antiq. т. I, стр. 321 и 445).

12. Рудники.

Въ Греціи добывали главнымъ образомъ три металла: мѣдь, золото и серебро. Мѣдь находилась по преимуществу на о. Кипрѣ и о. Эвбеѣ; золото на о. Сифнѣ, на о. Эазосѣ, во Фракіи, въ Македоніи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фессаліи и Эпирѣ; серебро—на о. Сифнѣ, въ Македоніи, въ Эпирѣ и въ Атикѣ. Самой знаменитой изъ всѣхъ рудоносныхъ мѣстностей былъ Лавріонъ, въ южной Атикѣ, гдѣ существовали богатые мѣсторожденія серебра.

„Залежи металловъ“, говоритъ одинъ писатель IV в. до Р. Х., „не только не истощаются, но какъ будто бы съ каждымъ днемъ все растутъ; сколько бы ни бывало на рудникахъ рабочихъ рукъ, ни одинъ человѣкъ не оставался безъ работы; количество работы, наоборотъ, всегда превышало число рабочихъ. И даже въ настоящее время ни одинъ владѣлецъ рудниковъ не уменьшаетъ своего штата рабочихъ; каждый стремится насколько возможно даже увеличить его“. (Ксенофонтъ. Доходы Аѳинъ, гл. IV).

„Аѳинское законодательство, касающееся рудниковъ, коренилось на слѣдующихъ основаніяхъ. Государство уступало рудники частнымъ лицамъ за опредѣленную цѣну. Человѣкъ, получившій рудоносную землю, обязывался разрабатывать ее и выплачивать государству ежегодный налогъ, равный одной двадцать четвертой части добываемаго матеріала. Неисполненіе этого обязательства могло повести за собой потерю правъ на разработку руды. Объявленія относительно отдачи для разработки этихъ земель публиковались въ афишахъ. При раздачѣ участковъ руководились планомъ, на которомъ были указаны ихъ границы“. (Dareste. Plaidoyers civils de Démosthène, т. I, стр. 272).

Владѣльцемъ рудника былъ то одинъ человѣкъ, то группа акціонеровъ. Гиперидъ ¹⁾ сообщаетъ объ одномъ рудникѣ, „въ которомъ большая часть богатыхъ гражданъ имѣли свои доли“.

Примѣненіе машинъ было неизвѣстно, и вся работа выполнялась рабами. Существовало два способа разработки рудниковъ. Въ одномъ владѣлецъ рудника могъ сдавать его съ рабами или безъ нихъ въ аренду то одному, то нѣсколькимъ лицамъ; эти арендаторы выдавали владѣльцу заранѣе опредѣленную плату, а сами пользовались тѣмъ, что оставалось. Примѣръ этого находится въ рѣчи Демосфена „Противъ Пантенета“. Въ другихъ случаяхъ владѣлецъ самъ занимался разработкой рудника, приобретаая необходимое количество рабовъ путемъ покупки ихъ или найма; эта система примѣнялась чаще всего.

Аѳиняне, вслѣдствіе несовершенства ихъ металлургическихъ примѣровъ, не извлекали изъ рудъ всего заключавшагося въ нихъ серебра, такъ что и до сихъ поръ еще заводы Лавріона лишь перерабатываютъ оставшіеся отъ древнихъ грековъ шлаки. Тѣмъ не менѣе разработка рудниковъ давала большія выгоды. Авторъ „Доходовъ Аѳинъ“ ²⁾ свидѣтельствуетъ, что это обогатило многихъ частныхъ лицъ. Намъ, кромѣ того, извѣстно, что рабъ, отданный внаймы хозяину рудниковъ, давалъ своему господину доходъ, равнявшійся въ среднемъ 40% его стоимости.

13. Торговля въ Греціи.

Уже въ гомеровскія времена въ Греціи существовала извѣстная торговая дѣятельность. Но ея развитію мѣшали пираты, которые были очень многочисленны въ то время, и мы видимъ, что внѣшняя торговля велась главнымъ образомъ черезъ посредство иностранцевъ. Однако, мало-помалу греки освоились съ моремъ. Города азіатскаго побережья подали примѣръ въ этомъ отношеніи, а за ними послѣдовали и города собственно греческіе. Сильное коло-

¹⁾ Гиперидъ—аѳинскій ораторъ IV в. до Р. Х., ученикъ Платона.

²⁾ Т. е. Ксенофонтъ.

низационное движеніе, начавшееся въ VIII вѣкѣ, еще болѣе способствовало развитію склонности грековъ къ торговлѣ въ то же время было ярко выраженнымъ признакомъ этой послѣдней. Вскорѣ греки сдѣлались самыми главными торговцами восточной части Средиземнаго моря.

Ихъ корабли отыскивали продукты питанья и сырые матеріалы и развозили предметы національной промышленности повсюду, начиная съ отдаленныхъ береговъ Азовскаго моря и до современной Тосканы. Эгина, Коринѣ, города о. Эвбеи, о. Делось, Милетъ, о. Самось, Фокея, о. Родось, Эфесъ и большая часть городовъ Малой Азіи были въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ крупными торговыми пунктами. Но, начиная съ VI в. и особенно въ V, всѣхъ ихъ затмили Аѣины. „У насъ“, говорилъ одинъ аѣинянинъ, „сосредоточивается все, что есть лучшаго въ Сициліи, въ Италіи, на о. Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Лидіи, въ Понтѣ, на Пелопоннесѣ и въ другихъ мѣстахъ“. Достаточно просмотрѣть защитительныя рѣчи Демосѣена по гражданскимъ дѣламъ, чтобы убѣдиться въ существованіи дѣловыхъ сношеній между Аѣинами и Босфоромъ (въ Крыму), Египтомъ, Родосомъ, Оракіей, Византіей, Калхедономъ, Киреной, Сициліей. Среди иностранцевъ, посѣщавшихъ Аѣинскій портъ—Пирей, по свѣдѣніямъ того же автора, были жители Марселя, Византіи, Финикіи, Фаселиды, Галикарнасса, Кипра, Гераклеи Понтійской. Распространеніе глиняныхъ вещей аттического производства позволяетъ намѣтить, такъ сказать, границы торговаго горизонта аѣинянъ. А эти глиняныя издѣлія встрѣчаются въ изобиліи въ Элевзинѣ, въ Танагрѣ, въ Оивахъ, Оеспіи и Оисбѣ въ Беотіи, въ Локридѣ и въ Фокидѣ, въ Тегеѣ на Пелопоннесѣ, въ Родосѣ на Кипрѣ, въ Киренаикѣ, въ Малой Азіи, въ Крыму, въ Сициліи и въ центральной Италіи.

14. Рынки въ греческихъ городахъ.

Въ греческихъ городахъ рынокъ, или агора, не былъ мѣстомъ, предназначеннымъ только для торговли. Въ Аѣинахъ на этой площади находились и важнѣйшія зданія:

высшее правительственное учреждение, суды, храмы; тамъ были устроены превосходныя аллеи платановъ и тополей, насаженныхъ по распоряженію Кимона ¹⁾; тамъ же возвышались статуи героев-эпонимовъ ²⁾, на пьедесталахъ которыхъ вывѣшивались официальные объявленія, и трибуна, откуда глашатай объявлялъ о различныхъ распоряженіяхъ и судебныхъ приговорахъ. Среди всѣхъ этихъ зданій и вокругъ нихъ располагались торговцы.

Крестьянинъ, идущій на рынокъ.

Для каждаго отдѣльнаго вида продуктовъ было отведено особое мѣсто, которое и носило наименованіе продукта, продававшагося здѣсь; такъ, существовали части—„сырная“ „рыбная“, „горшечная“, „винная“ и т. п. Торговцы размѣщались: одни—на открытомъ воздухѣ, другіе—въ скромныхъ палаткахъ изъ матеріи, третьи—въ небольшихъ переносныхъ лавочкахъ, сдѣланныхъ изъ сплетенныхъ вѣтвей или изъ камыша. У нѣкоторыхъ были и настоящіе магазины. Съ агорой сливались устраиваемыя прежде по сосѣдству

¹⁾ Кимонъ—см. вып. I, стр. 52, прим. 1.

²⁾ Герои-эпонимы—тѣ герои, именемъ которыхъ обозначались аттические филы, т. е. группы населенія, состоящія изъ нѣсколькихъ родственныхъ родовъ.

съ нею различныя мастерскія. На самой площади располагались, сидя передъ своими конторами (*траπεζаи*), банкиры или траπεζиты. На нѣкоторомъ разстояніи можно было видѣть группы свободныхъ людей или рабовъ, предлагавшихъ въ наемъ свой трудъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ для рынковъ воздвигались спеціальныя зданія. Въ Аѣинахъ со временъ Перикла былъ построенъ такой рынокъ для мучной торговли, въ Мегарѣ— для торговли благовоніями. Въ иныхъ городахъ, въ особенности въ Малой Азіи, строили настоящіе базары, отдѣльныя зданія которыхъ разграничивались узкими улочками.

Богатая или состоятельная женщина никогда не ходила на рынокъ; она не посылала туда даже своихъ прислужницъ, потому что покупкой провизіи и отправкой ея домой съ посыльнымъ завѣдывалъ мужъ. Онъ выполнялъ эту обязанность лично или возлагалъ ее на своего раба. Нерѣдко можно было видѣть воина въ полномъ вооруженіи, торгующагося изъ-за сардинокъ или фигъ, или дѣйствительно встрѣтить, какъ это описано въ одной комедіи Аристофана, офицеровъ конницы, важно несущихъ въ своихъ каскахъ варенныя овощи.

Θεοφραστῆς и Πωλλυκῆς ¹⁾ упоминаютъ, правда, о женскомъ рынкѣ, но это, конечно, былъ или рынокъ, гдѣ продавались различныя вещи женскаго обихода или гдѣ продавицами были женщины.

За выполненіемъ полицейскихъ постановленій на агорѣ слѣдили агораномы. Такъ, рыбный рынокъ могъ начинать торговлю только послѣ сигнала, подаваемого колоколомъ. Комическіе поэты упоминаютъ также о различныхъ подробностяхъ, напримѣръ, запрещеніи торговцамъ рыбой опрыскивать водой несвѣжую рыбу, продавцамъ вообще сбавлять съ цѣны, которую они спросили сначала. Но эти подробности, особенно во второмъ случаѣ, внушаютъ подозрѣніе.

(Caillemet. Dict. des antiq., т. I, стр. 15).

¹⁾ Θεοφραστῆς—см. вып. I, стр. 92. прим. 2.—Πωλλυκῆς—см. вып. I, стр. 31, прим. 1.

15. Приемы торговцевъ

Вотъ одно мѣсто изъ сочиненій Платона, гдѣ авторъ намекаетъ на приемы, къ которымъ прибѣгали торговцы.

„Каждый человѣкъ долженъ считать равносильнымъ подмѣнъ товаровъ, ложъ и обманъ и признать отвратительнымъ распространенное въ народной средѣ правило, будто бы проступки подобнаго рода законны, если они совершены при удобномъ случаѣ.

„Пусть никто не будетъ виновнымъ ни на словахъ, ни на дѣлѣ во лжи, обманѣ, подмѣнѣ товаровъ, въ особенности, когда боги призываются во свидѣтели, что обмана нѣтъ. Пусть тотъ, кто продаетъ на рынкѣ, никогда не назначаетъ за товаръ двѣ цѣны; если торговецъ не найдетъ покупателя на товаръ за объявленную цѣну, онъ долженъ унести его и вынести на продажу въ другой разъ, а въ одинъ и тотъ же день онъ не долженъ ни повышать, ни понижать объявленной цѣны. Пусть также продавецъ воздержится отъ сопровождаемыхъ клятвами восхваленій своего товара“.

(Платонъ. Законы, XI).

16. Ярмарки.

Ярмарки въ Греціи происходили около всѣхъ крупныхъ святилищъ, которыя, какъ извѣстно, привлекали множество богомольцевъ и любопытныхъ. Мы получаемъ понятіе о полицейскихъ правилахъ, дѣйствовавшихъ тамъ, по слѣдующимъ строкамъ одной пелопоннесской надписи:

„Мѣсто, гдѣ будетъ происходить торговля, назначать герои. Городской агораномъ долженъ слѣдить, чтобы торговцы продавали безъ обмана и чтобы тѣ мѣры и вѣсы, которыми они пользуются, согласовались съ государственными мѣрами и вѣсами. Агораномъ не долженъ назначать ни цѣнъ, ни времени торговли. Онъ не долженъ взыскивать съ продавцовъ никакихъ поборовъ за мѣсто. Торговцы, которые не будутъ выполнять этихъ предписаній, подверг-

нутся наказанію кнутомъ, если они рабы, и штрафу, если они люди свободные“.

(Dittenberger. Sylloge inscript. graec. 388, строки 99 и слѣд.).

17. Торговое законодательство.

Ввозъ товаровъ въ Аттику и вывозъ изъ нея оплачивался пошлиной, равняющейся 2% ихъ стоимости. Но пошлина эта не была покровительственной, а устанавливалась только въ интересахъ государственной казны, такъ какъ ею была обложена даже пшеница, мѣстное производство которой было гораздо ниже потребленія.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ предписывалъ въ высшей степени суровыя запретительныя мѣры. Такъ, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба, лѣса и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Была запрещена на нѣкоторое время всякая торговля съ Мегарой.

Въ Аѣинахъ не было ни монополій, ни привилегированныхъ торговыхъ компаній, и всякій человѣкъ, будь онъ гражданинъ или метэкъ ¹⁾, велъ торговлю по своему усмотрѣнію. Однако, это правило нарушалось, если были затронуты общественные интересы. Напримѣръ, нѣкоторымъ лицамъ запрещалось плаваніе по Геллеспонту или въ Іонію; можетъ быть, это вызывалось тѣмъ, что они совершили раньше какіе-нибудь проступки, вредящіе доброму имени Аѣинъ. Было запрещено давать деньги подъ залогъ корабля или его груза, если судовозяинъ не бралъ на себя обязательства привезти въ Пирей зерновой хлѣбъ или другіе продукты. Чтобы противодѣйствовать барышничеству съ хлѣбомъ, законъ опредѣлялъ то количество его, какое имѣло право пріобрѣсть каждое частное лицо.

Купцамъ предоставлялись особыя льготы. Обыкновенно они освобождались отъ воинской повинности. Въ одномъ

¹⁾ Метэки—лично свободные, но не имѣющіе гражданскихъ правъ жители Аттики. Въ этотъ классъ входили чужеземцы, переселившіеся въ Аттику. и вольноотпущенники. При Клизенѣ (въ VI в. до Р. Х.) имъ были дарованы права гражданъ.

текстъ есть указаніе на то, что ихъ освобождали и отъ налога на капиталъ, но это едва ли вѣроятно. Нигдѣ съ иноземными купцами не обходились такъ хорошо, какъ въ Аѣинахъ. Одинъ законъ, приводимый Демосѣеномъ, гласилъ, „что купцы и капитаны кораблей могли жаловаться ѳесмоѳетамъ ¹⁾, если имъ причинена какая-нибудь обида на торговой площади; виновные при этомъ подвергались заключенію въ тюрьмѣ до полной выплаты штрафа, наложеннаго на нихъ“.

Тотъ же авторъ приводитъ другой законъ, направленный противъ тѣхъ, кто пытался подвести подъ судъ владѣльцевъ кораблей и купцовъ: воспрещалось привлекать къ какому бы то ни было судебному процессу подобныхъ лицъ, „въ случаѣ если донощикъ не выказалъ полной увѣренности, что можетъ представить доказательства своихъ обвиненій“. Въ Аѣинахъ знали, что время—деньги. Поэтому судебные процессы въ IV вѣкѣ разбирались тамъ въ теченіе мѣсяца, слѣдовавшаго за подачей жалобы, и преимущественно зимой, когда навигація прекращалась.

18. Аѣинская политика и хлѣбная торговля.

Аѣины получали изъ-за границы большую часть потребляемаго ими хлѣба; поэтому для нихъ имѣло большое значеніе пользоваться доступомъ въ страны, наиболѣе изобилующія хлѣбомъ, а именно въ ту область Босфора Киммерійскаго, которая соотвѣтствуетъ южной Россіи. По этой причинѣ Периклъ и позаботился поставить тамъ въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктахъ аѣинскіе гарнизоны. Послѣ пелопоннесской войны такіе отдаленные посты были уничтожены, но съ тѣхъ поръ въ аѣинской политикѣ можно видѣть постоянное стремленіе поддерживать самыя дружескія отношенія съ властителями этой страны. У насъ есть цѣлый рядъ декретовъ, постановленныхъ въ честь босфорскихъ царей: это доказываетъ, какое значеніе придавали союзу съ ними въ Аѣинахъ.

¹⁾ ѳесмоѳетъ — судья въ Аѣинахъ.

Кромѣ того, надо было позаботиться, чтобы сообщеніе съ портами хлѣбородныхъ земель было всегда свободно. Никогда англичане не охраняли путь въ Индію такъ бдительно, какъ аѳиняне путь въ Босфоръ. Существовала дорога, которая особенно нуждалась въ охранѣ: это были два пролива, которые соединяли Архипелагъ съ Чернымъ моремъ. Въ эпоху своего морского могущества (V в.) аѳиняне успѣли подчинить своей власти городъ Византію (Константинополь); кромѣ того, они послали въ Геллеспонтъ (Дарданеллы) военачальниковъ, конечно, съ войскомъ и съ эскадрой для несенія службы по охранѣ; наконецъ, Херсонесъ Тиракійскій (полуостровъ Галлиполи) былъ настоящей аѳинской колоніей, которая поддерживала постоянныя сношенія съ метрополіей. Окончательная побѣда Спарты положила предѣлъ такому порядку вещей. Но, какъ только аѳиняне оправились отъ пораженія, они снова устремили свои взоры на проливы, и однимъ изъ первыхъ городовъ, который они подчинили своему возстановленному вліянію, была Византія. Пропонтида (Мраморное море) являлась для аѳинянъ такимъ уязвимымъ мѣстомъ, что Филиппъ Македонскій ¹⁾ пустилъ въ ходъ всѣ свои военныя силы и всѣ усилія своей дипломатіи, чтобы вытѣснить ихъ оттуда, и Демосѳенъ, какъ намъ извѣстно, спѣшно предпринялъ путешествіе въ Византію, чтобы завоевать дружбу непостоянныхъ византійцевъ.

(Guiraud. Études économiques sur l'antiquité, стр. 9).

19. Денежныя операціи.

Аѳиняне, какъ и современные народы, были знакомы съ искусствомъ пользоваться денежными капиталами. Они различали „мертвый“ капиталъ и деньги „работающія“. Они отдавали себѣ отчетъ даже въ томъ, что кредитъ—душа торговли. „Не тотъ, кто беретъ въ долгъ, а тотъ, кто даетъ, способствуетъ благосостоянію всѣхъ морскихъ предпріятій“.

¹⁾ Филиппъ Македонскій—царь Македоніи (359—336 г. до Р. Х.)

Иногда при совершении денежных займовъ условія заключались только устно. Но чаще всего составлялся при свидѣтеляхъ письменный актъ, который хранился у третьяго лица.

Обыкновенно кредиторъ требовалъ обезпеченія: то онъ бралъ закладную на недвижимое имущество своего должника, то получалъ отъ него въ залогъ какую-нибудь вещь; наконецъ, почти всегда одно или нѣсколько лицъ поручались за состоятельность берушаго въ долгъ.

Въ договорахъ относительно долговыхъ обязательствъ отмѣчаются двѣ главнѣйшія статьи: одна обуславливала возвращеніе капитала въ опредѣленный срокъ, другая глаasila объ уплатѣ процентовъ.

Невозвращеніе капитала въ срокъ влекло за собой различныя послѣдствія въ зависимости отъ того, была ли выдана закладная на недвижимое или какое-либо другое имущество, или закладной не было; въ первомъ случаѣ заимодавецъ дѣлался собственникомъ части заложеннаго имущества, равной суммѣ долга; во второмъ—сумма долга удаивалась.

Что касается процентовъ, то законъ не устанавливалъ высоты ихъ; она зависѣла отъ соглашенія сторонъ и измѣнялась смотря по обстоятельствамъ, особенно въ зависимости отъ риска, которому подвергался капиталъ. Есть примѣры, когда процентъ равнялся 3,14, но чаще всего высота его была 12; иногда же онъ доходилъ до 20, 30 и 36.

Среди частныхъ лицъ многія отдавали свои деньги взаймы. Въ описяхъ наслѣдствъ можно нерѣдко встрѣтить упоминаніе о долговыхъ обязательствахъ. Но былъ, кромѣ того, цѣлый разрядъ людей, которые специально занимались денежными сдѣлками. Это были банкиры, называемые трапезитами, потому что ихъ конторки носили наименованіе трапезъ (столовъ). Всѣ извѣстные намъ банкиры были иностранцами или вольноотпущенниками. Ихъ главные операціи состояли въ слѣдующемъ:

1. Они оказывали своимъ кліентамъ помощь въ составленіи договоровъ и принимали эти акты на храненіе.

2. Они брали на себя различныя денежныя уплаты то изъ денегъ, переданныхъ имъ должникомъ, то изъ своихъ собственныхъ средствъ, которыя они выдавали въ видѣ аванса. Напримѣръ: „Ликонъ изъ Гераклеи, уѣзжая въ Африку, привелъ въ порядокъ свои дѣла черезъ своего банкира и далъ ему распоряженіе уплатить оставленныя у него 16 минъ и 40 драхмъ (около 610 руб.) Кефисіаду“. (Демосѳенъ. Противъ Каллиппа, 3). Тимофеемъ собирается покинуть Аѳины; но, ожидая прибытія лѣса изъ Македоніи, онъ условился со своимъ банкиромъ, чтобы тотъ, когда получится этотъ грузъ, уплатилъ расходы по перевозкѣ (1750 драхмъ—около 648 руб.); банкиръ уплатилъ и „записалъ Тимофея въ число своихъ должниковъ“. (Его же. Противъ Тимофея, 29—30).

3. Банкиры открывали своимъ кліентамъ текущій счетъ. Напримѣръ: одинъ молодой иностранецъ пріѣхалъ въ Аѳины; онъ ввѣряетъ банкиру Пасіону привезенныя имъ съ собою деньги и беретъ изъ этого капитала по мѣрѣ надобности (Исократъ¹⁾). Трапезитика, 4).

4. Банкиры устраивали денежные переводы. Одинъ аѳинянинъ поѣхалъ въ Милетъ и, не желая брать съ собою капиталовъ изъ страха потерять ихъ, внесъ извѣстную сумму банкиру, а тотъ написалъ въ Милетъ своему повѣренному, чтобы онъ перечислилъ эту сумму на текущій счетъ путешественника.

5. Банкиры давали въ долгъ деньги и частнымъ лицамъ и—хотя рѣже—городамъ.

Банкиръ производилъ различныя операціи и со своими собственными капиталами и съ капиталами своихъ кліентовъ. Чтобы внушить къ себѣ довѣріе публики, онъ вводилъ въ свое дѣло какъ бы соучастниковъ, снабжавшихъ его деньгами и бравшихъ на себя поручительство за него; они имѣли право на часть доходовъ и, взамѣнъ этого, несли личную отвѣтственность передъ кредиторами. Нерѣдко такія предпріятія оказывались несостоятельными, и тогда происходила ликвидація дѣла или банкротство.

¹⁾ Исократъ—см. вып. II, стр. 6. прим. 2.

Въ виду этого осторожные люди помѣщали свои капиталы у нѣсколькихъ различныхъ банкировъ; такимъ образомъ они подвергались меньшему риску потери. Такъ, отецъ оратора Демосѳена имѣлъ „2400 драхмъ (около 890 руб.) въ банкѣ Пасіона, 600 (около 220 р.) въ банкѣ Пилада и 1600 (около 590 руб.) въ банкѣ Демомела“.

20. Банкиръ Пасіонъ.

Въ концѣ Пелопоннесской войны въ Пиреѣ былъ банкирскій домъ, принадлежавшій двумъ совладѣльцамъ, Архистрату и Антисѳену. У перваго былъ рабъ Пасіонъ, который съ ранняго возраста отличался большимъ умомъ. Архистратъ, въ концѣ концовъ, отпустилъ его на волю и, съ согласія своего компаньона, передалъ ему свое предпріятіе. Противъ этого Пасіона ораторъ Исократъ написалъ въ 394 г. до Р. Х. свою рѣчь подъ заглавіемъ Трапезитика. Онъ составилъ ее для сына нѣкоего Сопэя, одного изъ тѣхъ греческихъ авантюристовъ, которые составляли себѣ состоянія при дворахъ полуварварскихъ царей Босфора Киммерійскаго и Фракіи. У Сопэя былъ сынъ, стремившійся побывать въ Аѳинахъ. Отецъ предоставилъ въ его распоряженіе крупную сумму денегъ и отправилъ его въ Пирей съ большимъ грузомъ хлѣба и другихъ припасовъ. Высочкѣ хотѣлось, чтобы наслѣдникъ его состоянія сдѣлался видной персоной въ Аѳинахъ; но, пользуясь удовольствіями большого города, молодой человѣкъ не долженъ былъ пренебрегать дѣлами; отецъ желалъ, чтобы сынъ заботился о его товарахъ, поддерживалъ его связи, взыскивалъ деньги съ должниковъ и наблюдалъ за употребленіемъ его капиталовъ.

Все шло сначала превосходно. Сопэй направилъ молодого человѣка къ Пасіону, который оказалъ ему самый теплый и почтительный пріемъ. И Пасіонъ и его компаньоны предоставили себя къ услугамъ путешественника. Они подыскивали ему друзей и позаботились о его удовольствіяхъ. Деньги, полученныя отъ продажи товаровъ, были взяты въ банкъ, и иностранцу пообѣщали участіе въ банковыхъ

предпріятіяхъ. Такимъ образомъ, сынъ министра полуварварскаго государя беззаботно предался наслажденіямъ этой долгожданной жизни, находя, что въ Аѳинахъ даже банкиры отличались большой любезностью.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль распространился слухъ, что въ Понтѣ произошелъ дворцовый переворотъ. Сопэй, дѣйствительно, потерялъ расположеніе царя и попалъ въ тюрьму; его имущество было конфисковано, и царь Сатиръ послалъ въ Аѳины уполномоченныхъ, которые должны были разыскать всѣ капиталы, принадлежавшіе его бывшему министру, и конфисковать ихъ. Можетъ быть, царь желалъ также выдачи сына опальнаго сановника. Аѳины въ такой мѣрѣ нуждались для своей хлѣбной торговли въ хорошихъ отношеніяхъ съ этими босфорскими царями, что не стали бы рисковать ссорой съ Сатиромъ изъ-за такого пустяка.

Иностранецъ, ошеломленный случившимся, бросился къ своему доброму другу Пасіону и рассказалъ ему обо всемъ. Хитрецъ Пасіонъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ большое участіе въ его горѣ. Для банка было важно, прежде всего, не лишиться суммъ, которыя были у него въ дѣлѣ. Поэтому Пасіонъ посовѣтовалъ молодому человѣку отдать безъ возраженій уполномоченнымъ Сатира товары и небольшую сумму денегъ, бывшую у него на рукахъ; что же касается капиталовъ, положенныхъ въ банкъ, то, слѣдуя совѣту Пасіона, онъ долженъ былъ отрицать ихъ существованіе и утверждать, что у него не только нѣтъ ничего, но что онъ еще долженъ банку и многимъ гражданамъ.

Иностранецъ былъ въ восторгѣ отъ этой мысли, не подозрѣвая, что Пасіонъ готовился обмануть его. Но вскорѣ онъ убѣдился въ этомъ. Опасаясь тѣхъ дѣйствій, какія аѳиняне могли предпринять противъ него, онъ рѣшилъ уѣхать въ Византію, въ надеждѣ собрать въ этомъ городѣ какія-нибудь суммы отъ должниковъ его отца; во всякомъ случаѣ, ему казалось, что тамъ будутъ въ безопасности его свобода и жизнь. Византія получала хлѣбъ изъ Фракіи, а потому не имѣла нужды въ бос-

форскомъ хлѣбѣ и не боялась мелкихъ понтійскихъ царьковъ. Но передъ отъѣздомъ молодой человѣкъ пожелалъ взять отъ Пасіона принадлежащія ему деньги. Пасіонъ принялъ его очень вѣжливо, хотя имѣлъ смущенный видъ; онъ не отрицалъ своего долга, но признался, что въ интересахъ вкладчика пустилъ деньги въ оборотъ, и нужно было нѣкоторое время, чтобы вернуть ихъ обратно. Вкладчикъ согласился подождать; но такъ какъ при повторныхъ просьбахъ о выдачѣ денегъ банкиръ ссылаясь все на тѣ же причины, то у молодого человѣка явились подозрѣнія. Онъ послалъ къ Пасіону двухъ своихъ друзей. Тогда Пасіонъ измѣнилъ тонъ: онъ-де не понимаетъ, чего отъ него хотятъ: онъ ничего не получилъ и не имѣетъ никакихъ долговъ; напротивъ, ему должны 300 драхмъ (около 110 руб.).

Сомнѣнья не было: Пасіонъ рѣшилъ завладѣть состояніемъ несчастнаго. Жаловаться было невозможно. Письменныхъ документовъ не существовало, и свидѣтелемъ вклада былъ только одинъ рабъ, состоящій при кассѣ банка. Но развѣ ограбленный молодой человѣкъ не твердилъ повсюду, что у него ничего нѣтъ и что онъ живетъ въ долгъ? Пасіонъ былъ, такимъ образомъ, увѣренъ въ своей безнаказанности.

Вдругъ пришло новое извѣстіе, что Сопэй снова вошелъ въ милость у царя, который рѣшилъ даже обручить своего сына съ его дочерью. Это совершенно мѣняло положеніе кліента Пасіона; поэтому послѣдній и поспѣшилъ принять свои мѣры. Прежде всего необходимо было удалить кассира Китта, единственнаго свидѣтеля вклада иностранца. Пасіонъ отправляетъ его тайно за границу и затѣмъ, думая взять наглостью, обвиняетъ двухъ друзей истца, одного изъ которыхъ звали Менексеномъ, въ подкупъ его служащаго, похищеніи изъ банка при посредничествѣ этого раба шести талантовъ (около 13.300 руб.) и содѣйствіи бѣгству преступника. Иноземецъ былъ совершенно ошеломленъ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ: онъ долженъ былъ внести залогъ, чтобы избѣжать заключенія въ тюрьму, и изъ обвинителя превратился въ обви-

няемаго. Ему теперь приходилось доказывать не то, что онъ сдѣлался жертвой грабежа, а что онъ не былъ совратителемъ и воромъ.

Къ счастью, другъ его Менексенъ былъ человѣкъ смѣтливый. Не думая отказываться отъ борьбы, онъ бросился на розыски Китта. Ему удалось поймать раба и привезти въ Аѣины. Тамъ онъ обратился къ Пасіону съ просьбой разрѣшить подвергнуть бѣглеца пыткамъ. Чтобы помѣшать возможности вынудить у раба признанія, Пасіонъ придумалъ слѣдующее. Онъ сталъ утверждать, что Киттъ—свободный человѣкъ, а потому съ нимъ нельзя обращаться, какъ съ рабомъ. Менексенъ, понимая, что Пасіонъ только хочетъ выиграть время, воспротивился предварительному освобожденію Китта, если только Пасіонъ не внесетъ залогъ въ суммѣ, равной той, какую банкъ былъ долженъ иностранцу. Пасіонъ согласился и внесъ 7 талантовъ (около 15.540 руб.), чтобы предотвратить пытку и обезпечить свободу своему служащему, котораго онъ недавно еще обвинялъ въ тяжкомъ нарушеніи довѣрія.

Непоследовательность поступковъ Пасіона была очевидна. Попавшись въ собственныя сѣти, Пасіонъ видимо противорѣчилъ самъ себѣ. Онъ почувствовалъ, что ему будетъ трудно объяснить всѣ свои поступки и что онъ попалъ въ тупикъ. Тогда онъ сдѣлалъ попытку обратиться вспять. Онъ заявилъ своимъ противникамъ, что они могутъ допрашивать Китта сколько имъ угодно. Тѣ согласились и условились встрѣтиться съ Пасіономъ, его рабомъ и лицами, которыя должны были заставить его говорить, въ одномъ храмѣ. Но въ назначенный день банкиръ формально воспротивился примѣненію пытки.

Это упорство произвело дурное впечатлѣніе, и Пасіонъ понялъ, что было благоразумнѣе пойти на мировую. Онъ добился тайнаго свиданья съ сыномъ Сопэя. Тутъ, вдали отъ нескромныхъ глазъ и ушей, Пасіонъ велъ себя иначе. Прикрывая лицо полой своего плаща, какъ человѣкъ, устыдившійся своего поведенія, онъ плакалъ и говорилъ, что рѣшился отрицать существованіе вклада иностранца благодаря серьезнымъ денежнымъ затрудненіямъ; онъ да-

валъ обязательство вернуть капиталъ молодому человѣку, прося только, чтобы около дѣла не подымали шума и не губили совершенно его репутаціи.

Иностранецъ повѣрилъ искренности раскаянія; онъ обѣщалъ Пасіону молчать и согласился дать ему отсрочку. Черезъ три дня при новыхъ переговорахъ было условлено, что Пасіонъ отправится со своимъ кліентомъ въ Босфоръ и тамъ возвратитъ ему деньги: такимъ образомъ, въ Аѳинахъ никто ни о чемъ не узнаетъ. Если же Пасіонъ не уплатитъ долга, то посредникомъ между нимъ и иноземцемъ будетъ царь Сатиръ, причемъ, въ случаѣ неблагопріятнаго для банкира приговора, банкъ долженъ будетъ, кромѣ основного долга, отдать еще половину требуемой съ него суммы. Статьи договора были закрѣплены письменно и документъ врученъ капитану корабля, по имени Пирону, изъ Феръ въ Фессаліи. Но Пасіонъ сейчасъ же подкупилъ одного изъ рабовъ капитана; онъ досталъ черезъ него текстъ договора, поддѣлалъ его и черезъ своего сообщника положилъ на прежнее мѣсто.

Тогда Пасіонъ снова поднимаетъ голову и начинаетъ дѣйствовать съ обычнымъ безстыдствомъ. При первыхъ же требованіяхъ своего кліента ѣхать съ нимъ, онъ заявилъ, что отказывается сдѣлать это. Сынъ Сопэя сталъ настаивать и потребовалъ предъявленія договора. Развертываютъ договоръ, но вмѣсто первоначальныхъ условій находятъ расписку въ полученіи денегъ, данную иностранцемъ своему банкиру. Ограбленному оставалось только одно: доказать, что Пасіонъ поддѣлалъ чужую подпись.

Однако дѣло еще затянулось. Иностранецъ въ сопровожденіи Китта отправился въ Босфоръ. Молодой человѣкъ и рабъ изложили дѣло Сатиру. Но царь объявилъ, что онъ не свѣдушъ въ такихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе онъ выразилъ сыну своего любимца расположеніе: собралъ аѳинскихъ купцовъ, находившихся въ это время въ гавани, и обратилъ ихъ вниманіе на дѣло своего подданнаго; кромѣ того, онъ написалъ аѳинскому народу письмо и просилъ для молодого человѣка покровительства властей и присяжныхъ. Такимъ образомъ, пользуясь заступничествомъ

своего государя и его нравственной поддержкой, клієнтъ Пасіона по своемъ возвращеніи въ Аѣины подалъ жалобу въ судъ. Защитительную рѣчь для него написалъ ораторъ Исократъ; но мы не знаемъ, выигралъ ли иностранецъ это дѣло.

Общественное мнѣніе въ Аѣинахъ, повидимому, не относилось сурово къ плутовскимъ продѣлкамъ, подобнымъ описанной. Онѣ могли влечь за собой приговоръ объ уплатѣ убытковъ, но не уголовное наказаніе, а потому это и не казалось безчестіемъ. Кромѣ того, греки никогда не проявляли особенной строгости въ вопросахъ нравственности. Впрочемъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что Пасіонъ былъ виновенъ. Мы знаемъ дѣло съ точки зрѣнія обвиненія, но не знаемъ его со стороны защиты. Возможно, что молодой человѣкъ былъ искателемъ приключеній, который трезвонилъ повсюду о вліяніи его отца на Сатира, друга аѣинянъ, надѣялся запугать Пасіона угрозой скандальнаго процесса и вынудить у него деньги.

Главнымъ мотивомъ, удерживающимъ насъ высказать сужденіе по этому дѣлу, является ростъ богатства Пасіона, что могло быть только результатомъ довѣрія, которое онъ сумѣлъ внушить множеству своихъ клієнтовъ-аѣинянъ и иноземцевъ. Демосѣенъ, вспоминая сорокъ лѣтъ спустя ростъ этого вначалѣ очень скромнаго состоянія, говоритъ: „Пасіонъ пользовался довѣріемъ, а для людей, живущихъ на биржѣ и занимающихся биржевыми дѣлами, репутація человѣка трудолюбиваго и честнаго имѣетъ необычайно сильное вліяніе“.

Предположимъ даже, что въ первые годы своей карьеры Пасіонъ когда-нибудь и поддался искушенію, но зато онъ сумѣлъ впослѣдствіи воспользоваться урокомъ. Обладая большимъ умомъ, банкиръ скоро понялъ, что для него выгоднѣе быть честнымъ. Его бывший хозяинъ Архистратъ завѣщалъ свой капиталъ банку; подъ руководствомъ Пасіона этотъ банкирскій домъ сдѣлался первымъ въ Аѣинахъ; самые богатые и высокопоставленные люди, какъ Агиррій ¹⁾, Демо-

¹⁾ Агиррій—вождь аѣинской черни въ концѣ IV вѣка.

сөөнъ-отецъ ¹⁾, Тимоѳей ²⁾, отдавали ему свои капиталы и брали у него деньги въ долгъ. Ему не разъ приходилось оказывать государству денежные услуги, а потому онъ легко добился званія гражданина.

Въ 372 г. онъ еще стоялъ во главѣ фирмы, а умеръ въ 370 г. послѣ долгой и мучительной болѣзни. Въ этотъ промежутокъ времени онъ, чувствуя себя старымъ и больнымъ, привелъ въ порядокъ свои дѣла и сдѣлалъ такія распоряженія относительно будущаго, что они дѣлають честь его уму. Его довѣреннымъ былъ тогда Форміонъ, рабъ иноземнаго происхожденія, какъ и Киттъ, который имѣлъ въ то время свое собственное предпріятіе. Форміонъ былъ отпущенъ на волю, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ старѣлъ, онъ получалъ въ банкѣ все большее и большее значеніе, и въ концѣ концовъ Пасіонъ поручилъ ему веденіе всего дѣла цѣликомъ.

Можно было бы предполагать, что Пасіонъ передастъ банкирскій домъ своему сыну Аполлодору. Но Аполлодоръ былъ полонъ другихъ плановъ. Отецъ воспиталъ его бабловнемъ, далъ ему хорошее образованіе, разрѣшилъ посѣщать школы риторовъ, заводить связи среди честолубивой и богатой молодежи. Аполлодоръ мечталъ о политикѣ, почестяхъ, власти; быть можетъ, онъ сгорѣлъ бы со стыда, если бы ему пришлось сидѣть за отцовской конторкой. Но возможно, что и Пасіонъ не былъ особенно хорошаго мнѣнія о сынѣ, а потому не хотѣлъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Во всякомъ случаѣ онъ остановилъ свой выборъ на Форміонѣ. Онъ сдалъ ему въ аренду сразу и банкъ и свою фабрику щитовъ. Аренда фабрики подразумѣвала и аренду всѣхъ ея орудій производства и рабовъ, обслуживающихъ ее; что касается банка, то тамъ аренда распространялась на его кліентовъ и на право пользованія вложенными капиталами.

Кромѣ того, Пасіонъ гарантировалъ Форміону уплату 11 талантовъ (около 24.400 руб.), выданныхъ банкомъ изъ

¹⁾ Т. е. отецъ знаменитаго оратора (см. вып. I, стр. 3, прим. 3).

²⁾ Тимоѳей—аѳинскій полководецъ IV в.

своихъ средствъ разнымъ лицамъ подъ залогъ недвижности. Форміонъ тогда былъ еще простымъ вольноотпущенникомъ, и ему было бы трудно добиваться судомъ уплаты этихъ долговъ; поэтому, не желая возбуждать опасеній вкладчиковъ относительно судьбы ихъ денегъ, Пасіонъ призналъ себя должникомъ банка въ упомянутой суммѣ.

Арендная плата за фабрику равнялась одному таланту (2.220 руб.), и, повидимому, эта сумма не ложилась тяжело на ея дѣла, но ежегодная уплата за банкъ опредѣлялась въ 100 минъ (около 3.700 руб.), и она была, вѣроятно, слишкомъ высока; по крайней мѣрѣ, когда по истеченіи 8 лѣтъ Форміонъ вышелъ изъ дѣла, наследники Пасіона не могли сдать банкъ въ аренду за болѣе высокую цѣну, хотя онъ находился въ прекрасномъ состояніи.

Незадолго до смерти Пасіонъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія. Состояніе его равнялось значительной суммѣ: онъ имѣлъ на 20 талантовъ (около 44.400 руб.) недвижимой собственности и 40 талантовъ (около 88.800 руб.), вложенныхъ въ разныя дѣла, какъ ссуды подъ морскія предпріятія, закладныя и различные векселя, которые должны были имѣть, конечно, солидныя гарантіи. Въ общей сложности цѣнность состоянія достигала приблизительно 60 талантовъ (около 133.200 руб.).

Такъ какъ у Пасіона было два сына, изъ которыхъ одинъ еще не достигъ совершеннолѣтія, то онъ выбралъ Форміона опекуномъ; при этомъ отвѣтственность послѣдняго должны были раздѣлять нѣсколько друзей и родственниковъ Пасіона, привлеченныхъ къ участию въ опекѣ; но, чтобы еще болѣе быть увѣреннымъ въ Форміонѣ, Пасіонъ взялъ съ него слово жениться на своей вдовѣ Архиппеѣ; она получала приданое въ два таланта (4.440 руб.), помѣщенные въ Атикѣ и на о. Пепаретосѣ, кромѣ того, жилой домъ цѣнностью въ 100 минъ (около 3.700 руб.), обстановку этого дома, служанокъ, драгоценныя вещи и все, что нужно было для поддержанія привычнаго ей образа жизни. Мы знаемъ

со словъ Демосѣена, что многіе аѣинскіе, эгинскіе и другіе трапезиты поступали такъ же, какъ Пасіонъ.

По Исократу. Трапезитика; Демосѣенъ. Рѣчь въ защиту Форміона; Perrot. Mémoires d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire, стр. 379—414).

21. Богатый городъ Великой Греціи ¹⁾.

Въ городѣ Сибарисѣ насчитывалось кромѣ рабовъ 300.000 свободныхъ жителей. Его окружность равнялась 9 километрамъ съ лишнимъ. Одинъ фактъ ярко рисуетъ богатство, развивавшееся вмѣстѣ съ ростомъ населенія города: въ торжественныхъ процессіяхъ Сибариса появлялось 5.000 всадниковъ, одѣтыхъ въ самые роскошные костюмы; а въ греческихъ городахъ всадниками могли сдѣлаться только люди, обладающіе большими доходами. Называя кого-нибудь всадникомъ, подразумѣвали, что это—богатый молодой человѣкъ, принадлежащій къ классу, который уплачиваетъ самыя высокіе налоги. Въ Аѣинахъ въ моментъ наибольшаго расцвѣта города насчитывалось не болѣе четвертой части числа всадниковъ Сибариса.

Благодаря большимъ земельнымъ работамъ сырая почва, на которой стоялъ городъ, была осушена. Хорошо устроенная система каналовъ отводила въ море воды низкой части равнины, въ настоящее время снова превратившейся въ болото. Каналы были судоходны, и сибариты пользовались ими для перевозки на лодкахъ въ городъ или въ портъ вина, которое въ изобиліи производилось на окружающихъ эту низменную область возвышенностяхъ и очень цѣнилось въ то время.

Почва Сибариса отличалась изумительнымъ плодородіемъ. Варронъ ²⁾ утверждаетъ, что пшеница родилась тамъ самъ-сотъ; однако, по словамъ Атенея ³⁾, мѣстнаго хлѣба едва хватало для потребленія города. Кромѣ винъ, слу-

¹⁾ Великая Греція—см. вып. II, стр. 29, прим.

²⁾ Варронъ (Маркъ Теренцій)—римскій ученый (116—27 г. до Р. Х.).

³⁾ Атенеи—см. вып. I, стр. 31, прим. 3.

жившихъ предметомъ широко распространенной торговли, много продуктовъ для вывоза доставляло Сибарису и земледѣліе. Окружавшія городъ деревни занимались производствомъ масла. Сибарисъ поставлялъ на рынокъ кожи отъ стадъ, питавшихся его роскошными лугами; шерсть овецъ, пасшихся на окрестныхъ горахъ; лѣсъ, который росъ на его горахъ, особенно на Силѣ, и очень цѣнился для постройки судовъ; смолу, добывавшуюся въ тѣхъ же горахъ и считавшуюся лучшею во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря; воскъ отъ разводимыхъ въ большомъ количествѣ пчелъ. Городъ владѣлъ также серебряными рудниками; этимъ объясняется большое количество сибаритскихъ монетъ.

Наконецъ, сибариты, имѣя гавань въ Лаосѣ на Тирренскомъ морѣ и будучи союзниками съ одной стороны—милетцевъ, съ другой—этрусковъ, являлись торговыми посредниками между этими народами. Милетскіе корабли привозили свои товары въ самый Сибарисъ; этруски отправляли свои въ Лаосъ; между этими пунктами сухопутной перевозкой товаровъ занимались сибариты. Организовать это дѣло было нетрудно, потому что и разстояніе не было велико, и существовало даже горное ущелье, облегчавшее путь. Этотъ городъ въ такой степени стремился удержать за собой положеніе международнаго рынка, что освобождалъ отъ всякой таможенной пошлины наиболѣе цѣнные продукты Малой Азіи и Этруріи.

(F. Lenormant. La Grande-Grèce, II, стр. 260—262, 274—275).

22. Богатство въ Аѣинахъ.

Въ V и въ IV в. до Р. X. въ Аѣинахъ было множество людей, владѣвшихъ небольшимъ состояніемъ. Сколько насчитывалось собственниковъ, имущество которыхъ стоило менѣе таланта (около 2.220 руб.), даже менѣе 10 минъ (около 370 руб.)! Таланта было достаточно, чтобы поддерживать свое существованіе и не опускаться до положенія людей нуждающихся. Очень часто встрѣчается упоминаніе о со-

стояніяхъ отъ 2 до 5 талантовъ (около 4.440—11.100 руб.). Наслѣдство оратора Эсхина равнялось 5 талантамъ. Состояніе Критовула¹⁾ оцѣнивалось Ксенофонтомъ въ 500 минъ (около 18.500 руб.), и онъ считался человѣкомъ богатымъ.

Аѣниянинъ Тимократъ владѣлъ 10 талантами (22.200 руб.). Ежегодный доходъ нѣкоего Дикеогена составлялъ 80 минъ (около 2.960 руб.), что предполагаетъ капиталъ около 11 талантовъ (около 24.400 руб.), и такое состояніе считалось уже значительнымъ. Одинъ купецъ, по имени Діодотъ, имѣлъ 14 талантовъ (около 31.000 руб.); отецъ оратора Демосеена оставилъ послѣ себя 15 талантовъ (около 33.300 руб.). Человѣкъ, обладавшій такимъ состояніемъ, былъ уже довольно богатымъ, принимая во вниманіе высокіе проценты и низкія цѣны на продукты. Однако, многіе изъ аѣниянъ владѣли еще большими капиталами: Онеторъ имѣлъ 30 талантовъ (66.600 руб.); Кононъ—40 (88.800 руб.); Стефанъ, сынъ Талла, и банкиръ Пасіонъ—по 50 талантовъ (111.000 р.) каждый.

Въ первомъ ряду самыхъ богатыхъ фамилій стояло семейство Никія. Имущество этого человѣка оцѣнивалось въ 100 талантовъ (около 222.000 руб.). Его сынъ Никератъ считался самымъ богатымъ аѣнияниномъ; это и послужило причиной его гибели при Тридцати Тираннахъ²⁾. Фамилія Калліевъ была еще богаче. Каллій I скупалъ имущество Пизистрата всякій разъ, когда этотъ послѣдній подвергался изгнанію; онъ тратилъ громадныя деньги на конскій заводъ, былъ побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ и далъ своимъ тремъ дочерямъ большія приданья. Его внукъ имѣлъ, какъ говорятъ, 200 талантовъ (около 444.000 руб.). Онъ оставилъ это состояніе своему сыну Гиппонику, который просилъ, кажется, разрѣшенія построить на Акрополѣ домъ, чтобы хранить тамъ въ безопасности свои сокро-

¹⁾ Критовулъ—одинъ изъ учениковъ Сократа.

²⁾ Тридцать Тиранновъ—олигархи, захватившіе власть въ Аѣнахъ послѣ Пелопоннесской войны въ 404—403 г. до Р. Х., ознаменовавшіе свое правленіе казнями и захватомъ имущества богатыхъ людей.

вища; дочь Гиппоника, вышедшая замужъ за Алкивіада, получила въ приданое 10 талантовъ (222.000 руб.), что по тѣмъ временамъ было громадной суммой. Сынъ же богача расточилъ это огромное наслѣдство, и къ 385 году у него осталось, какъ утверждаютъ, только не болѣе двухъ талантовъ (около 4.440 руб.). Состояніе Алкивіада достигало сотни талантовъ (около 222.000 руб.). Во второй половинѣ IV вѣка конфискованное имущество нѣкоего Дифила составляло 160 талантовъ (около 355.000 руб.). По слухамъ, Эпикрату¹⁾ приписывалось состояніе въ 600 талантовъ (около 1.332.000 руб.).

Въ общемъ, хотя въ Аѣинахъ и бывали крупныя состоянія, но встрѣчались они рѣдко, а кромѣ того, не сохранялись долго. Преобладающимъ явленіемъ были средняя и мелкая собственность. Бѣдняки были въ высшей степени многочисленны, если правда, что въ 322 г. только 9.000 гражданъ изъ 21.000 владѣли состояніемъ, равнымъ 520 рублямъ и болѣе; надо, правда, прибавить, что эти 520 руб. равнялись бы теперь суммѣ около 1.600 руб.

(По В ö c k h. Économie politique des Athéniens, IV, III).

23. Подробности относительно имущества нѣкоторыхъ аѣинянъ.

1. Имущество Стратокла (Исей²⁾). О наслѣдствѣ Гagnéя, 42—43).

Земля стоимостью въ $2\frac{1}{2}$ таланта (около 5.550 руб.), сдающаяся въ аренду за 12 минъ (около 445 руб.).

Домъ въ Мелитѣ, стоимостью въ 30 минъ (около 1.110 руб.), и домъ въ Елевзинѣ, цѣною въ 5 минъ (около 185 руб.), сдающіеся въ наемъ оба за 3 мины (110 руб.).

4.000 драхмъ (около 1.480 руб.), помѣщенные изъ 18%.

Движимость, стада, съѣстные припасы, стоимостью все въ 4.900 драхмъ (около 1.725 руб.).

Девять минъ серебра въ кассѣ (243 руб.).

1.000 драхмъ (370 руб.). отданныя займы друзьямъ.

Всего около 11.000 руб.

¹⁾ Э п и к р а т ъ — поэтъ аттической комедіи IV вѣка.

²⁾ И с е й — см. вып. I, стр. 53, прим. 2.

2. Имущество Эвктемона (Исей. О наслѣдствѣ Филоктемона, 33—34).

Земля стоимостью въ 75 минъ (2.765 руб.).

Бани—3.000 драхмъ (1.110 руб.).

Городской домъ—44 мины (около 1.630 руб.).

Стадо козъ и пастухъ—13 минъ (около 480 руб.).

Двѣ упряжки муловъ—1.350 драхмъ (около 500 руб.).

Рабы.

Итого болѣе 3 талантовъ (около 6.660 руб.).

3. Имущество отца Тимарха (Эсхинъ. Противъ Тимарха, 97—99).

Городской домъ—20 минъ (740 руб.).

Земля въ Сфетѣ—стоимость неизвѣстна.

Земля въ Алопекѣ—2.000 драхмъ (740 руб.).

10 рабовъ-кожевниковъ, доставляющіе ежедневно 21 оболъ (около 1 р. 25 коп.).

Ткачиха.

Ткачъ.

Векселя.

Движимость.

4. Имущество отца Демосѳена (Демосѳенъ. Противъ Афоба, I, 9—11).

Двѣ мастерскихъ, дающія 42 мины (около 1.550 руб.) чистаго дохода.

Сырые продукты—150 минъ (около 555 руб.).

Домъ—3.000 драхмъ (1.110 руб.).

Движимость—10.000 драхмъ (3.700 руб.).

Капиталь—около 11.800 руб.

Всего 14 талантовъ (около 31.100 руб.).

24. Соціализмъ.

Въ Греціи существовали соціалистическія теоріи, но онѣ появлялись только въ видѣ философскихъ ученій и, повидимому, не имѣли большаго вліянія. Самъ Платонъ въ своемъ сочиненіи „Республика“¹⁾ высказывается за общность имущества, но въ другомъ сочиненіи, „Законы“, т. е. въ

¹⁾ „Республика“ Платона—см. вып. II, стр. 47, прим. 2.

трудѣ, въ которомъ онъ стремился опредѣлить учрежденія дѣйствительно-существующаго государства, твердо устанавливаетъ частную собственность.

Однако греки прилагали меньше заботъ, чѣмъ современные народы, для огражденія правъ частной собственности. Они не допускали мысли, чтобы общественный интересъ могъ когда-нибудь отступить на второй планъ передъ интересомъ частнымъ; такимъ образомъ, всякое покушеніе на право частной собственности казалось имъ законнымъ, если общество могло извлечь изъ него какую-нибудь выгоду. Во-вторыхъ, гражданскія права были неприкосновенны въ ихъ глазахъ только до тѣхъ поръ, пока самъ гражданинъ выполнялъ свои обязанности по отношенію къ государству; если же какой-нибудь человѣкъ былъ или казался дурнымъ гражданиномъ, то законъ переставалъ оказывать ему покровительство.

Отсюда слѣдуетъ, что въ древней Греціи богатство было гораздо менѣе прочно, чѣмъ въ настоящее время. Такой человѣкъ, какъ Демосѳенъ, который, разумѣется, не былъ революціонеромъ, желая добиться конфискаціи имущества своего противника Мидія, основывался на слѣдующемъ доводѣ: богатство дѣлаетъ Мидія надменнымъ по отношенію къ простому народу. „А такъ какъ оно даетъ ему средства причинять намъ оскорбленія“, говоритъ онъ, „то было бы неосторожно оставлять это средство въ его рукахъ“. Отнять у него богатство значитъ лишить его „орудія его преступленій“. Сверхъ того, прибавляетъ ораторъ, „нѣтъ основанія особенно жалѣть Мидія, если его состояніе будетъ равняться состоянію большинства изъ васъ, которыхъ онъ теперь оскорбляетъ и съ которыми обращается, какъ съ нищими; нечего жалѣть его, когда онъ лишится тѣхъ богатствъ, избытокъ которыхъ внушаетъ ему преступную гордость“. Въ Аѳинахъ организація налоговъ и правосудія была такова, что государство могло, не нарушая законности, завладѣть частью—и въ иныхъ случаяхъ значительной—имущества частнаго лица и затѣмъ обратить его въ какой-либо формѣ въ пользу толпы. Во многихъ

другихъ государствахъ-городахъ прибѣгали откровенно къ насилію.

Хотя жить въ Греціи было гораздо легче, чѣмъ въ современныхъ государствахъ, однако каждый бѣдный гражданинъ былъ скрытымъ социалистомъ. Эти люди съ простыми и практическими умами не прикрывали своихъ побужденій никакими теоретическими основаніями; они не придумывали для разрѣшенія подобныхъ важныхъ задачъ никакихъ возвышенныхъ системъ, изобрѣтенныхъ новѣйшими народами. Ихъ единственной мыслью было ограбить богатыхъ и занять ихъ мѣсто. Для этого они пытались устраивать революціи; если революція была успѣшной, то совершались убійства, побѣжденные изгонялись, ихъ имущества конфисковались и распредѣлялись среди приверженцевъ партіи побѣдителей. Все въ концѣ концовъ сводилось къ перемѣнѣ лицъ.

Исторія эллинскихъ государствъ-городовъ полна событій такого рода. Въ IV вѣкѣ Спарта одна могла похвалиться, что избѣгла этого бича, а Аристотель заявляетъ, что причиной всѣхъ раздоровъ являются вопросы, связанные съ собственностью. Къ концу царствованія Александра Македонскаго (т. е. въ двадцатыхъ годахъ IV вѣка) на востокѣ образовалась блуждающая масса людей безъ роду, безъ племени, единственнымъ средствомъ существованія которыхъ была война. Это были не искатели приключеній и не воины по профессіи; почти всѣ они являлись изгнанниками, оторванными отъ своей родины и ввергнутыми въ нищету благодаря случайностямъ революцій; ихъ было около 20.000. Александръ далъ имъ возможность возвратиться въ ихъ отечество; нѣсколько позднѣе то же самое сдѣлалъ Полиперхонъ ¹⁾; но такія изгнанія постоянно повторялись.

Зло особенно возрасло въ III и во II вѣкахъ. Полибій ²⁾ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ намъ объясненіе этого явленія: „Подобные факты“, говоритъ онъ, „происходятъ и въ

¹⁾ Полиперхонъ—одинъ изъ военачальниковъ Александра Македонскаго; послѣ смерти послѣдняго онъ одно время управлялъ Македоніей и Греціей.

²⁾ Полибій—греческій историкъ II в. до Р. Х.

городахъ и въ отдѣльныхъ семействахъ, когда они испытываютъ нужду“. Греція въ то время очень обѣднѣла, и естественно, что неимущіе классы сдѣлались еще жаднѣе, чѣмъ раньше. Споръ теперь велся не о власти; настоящимъ предметомъ борьбы партій было богатство и особенно—земельное, а властью стремились завладѣть только для того, чтобы наложить руку на чужое имущество. „Каждый государственный переворотъ“, говорили тогда, „ознаменовывался конфискаціей или насильственнымъ возвращеніемъ награбленнаго раньше“.

Жестокости и насилія были постоянными спутниками этихъ конфискацій. Аратъ ¹⁾ вызвалъ удивленіе своихъ современниковъ, когда послѣ паденія сикіонскаго тиранна удовлетворилъ собственниковъ, которые должны были уступить мѣсто изгнанникамъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ не стѣснялись ничѣмъ, и происходилъ настоящій разгулъ грабежа. Многіе демагоги подражали нѣкому Мольпагору Кіосскому, который убивалъ или изгонялъ состоятельныхъ людей, а ихъ имущество раздавалъ народу. Многіе города, какъ, напримѣръ, Кинееа въ Аркадіи, въ теченіе долгаго времени переживали постоянныя потрясенія благодаря убійствамъ, преслѣдованіямъ и грабежамъ.

Простонародье постоянно жаждало овладѣть имуществомъ богатыхъ и осуществляло это желаніе при малѣйшемъ поводѣ. Аристократы, со своей стороны, охотно давали другъ другу клятву „всегда быть врагами народа и насколько возможно причинять ему вредъ“. Короче говоря, богатство было причиной глубокой ненависти и постоянныхъ волненій и въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли охранить его и когда стремились завладѣть имъ.

¹⁾ Аратъ Сикіонскій—греческій политическій дѣятель III вѣка до Р. Х.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общественная жизнь.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ.—2. Уличные типы.—3. Черты греческихъ нравовъ.—4. Общительность аѣинянъ.—5. Приглашеніе.—6. Сообщества.—7. Общества взаимопомощи.—8. Нѣкоторыя греческія игры.—9. Коттабъ.—10. Пѣтушиные бои.—11. Танцы.—12. Вокальная и инструментальная музыка.—13. Музыка въ Спартѣ.—14. Лавочки парикмахеровъ.—15. Ссора между молодыми людьми.—16. Охота.—17. Путешествія.—18. Гостепріимство.

1. Жизнь въ Аѣинахъ на открытомъ воздухѣ.

Въ нѣкоторые моменты дня, въ особенности утромъ до полудня и вечеромъ до ужина, аѣиняне отправляются гулять на берега Илисса и кругомъ города, наслаждаясь необычайной чистотой воздуха и восхитительными видами, открывающимися со всѣхъ сторонъ; но наиболѣе посѣщаемымъ мѣстомъ въ городѣ была общественная площадь (агора), которая обыкновенно привлекала много народу. Почти всѣхъ побуждаютъ итти туда или личныя или общественныя дѣла. Многіе направляются на агору также съ цѣлью развлечься, иные—по обязанностямъ службы. Въ извѣстные часы, когда прекращается рыночная толкотня, площадь представляетъ удобное мѣсто для тѣхъ, кто хочетъ любоваться зрѣлищемъ толпы или стремится показать себя другимъ.

Вокругъ площади располагаются лавочки парфюмеровъ, мѣнялъ, цирюльниковъ и т. д., открытыя для всѣхъ желающихъ; тамъ идутъ шумныя обсужденія политическихъ вопросовъ, анекдотическихъ семейныхъ происшествій, не-

достатковъ и смѣшныхъ свойствъ разныхъ лицъ. Народъ непрерывно то приливаетъ, то расходится. Собравшіеся группами люди въ разговорахъ какъ бы мечутъ тысячи заостренныхъ и ядовитыхъ стрѣлъ противъ тѣхъ, кто появляется на прогулкѣ въ небрежномъ костюмѣ или одѣтъ съ вызывающей пышностью; шутки эти тѣмъ убійственнѣе, что ими этотъ чрезвычайно насмѣшливый народъ старается замаскировать свою злобу. Иногда подъ разными портиками, разбросанными по городу, встрѣчаются группы избранныхъ людей, ведущихъ поучительные разговоры.

Ненасытная жадность аеинянъ къ новостямъ, какъ слѣдствіе живости ихъ ума и праздной жизни, заставляетъ ихъ искать общенія другъ съ другомъ. Эта жажда новостей во время войны принимаетъ чудовищные размѣры. Разговоры среди публики вертятся тогда на военныхъ передвиженіяхъ; при встрѣчахъ всѣ жадно спрашиваютъ другъ друга о разныхъ слухахъ; повсюду множество людей, напичканныхъ вѣстями, чертятъ на землѣ или на стѣнѣ планъ мѣстности, гдѣ находится войско, объявляютъ громко объ удачахъ и по секрету—о пораженіяхъ, собираютъ и раздуваютъ слухи, которые то вызываютъ въ городѣ немѣренное ликованіе, то погружаютъ его въ самое ужасное отчаяніе...

Въ городѣ и въ окрестностяхъ жители обыкновенно ходятъ пѣшкомъ. Люди богатые то передвигаются въ колесницахъ или на носилкахъ, вызывающихъ порицаніе и зависть болѣе бѣдныхъ, то ходятъ въ сопровожденіи слуги, который несетъ за ними складной стулъ, чтобы они могли присѣсть на общественной площади или когда почувствуютъ усталость во время прогулки. Мужчины почти всегда появляются на улицѣ съ палкой въ рукахъ, женщины очень часто ходятъ съ зонтиками. Ночью рабъ освѣщаетъ своимъ господамъ дорогу разноцвѣтнымъ фонаремъ.

Въ первые дни по приѣздѣ я охотно пробѣгалъ надписи надъ дверями домовъ. На однихъ было написано: „Домъ продается, или домъ отдается внаймы“; на другихъ: „Это домъ такого-то; да не проникнетъ въ него ничего дур-

ного“. Мнѣ дорого обошлось удовлетвореніе своего любопытства. На главныхъ улицахъ происходитъ постоянная толкотня и давка благодаря множеству всадниковъ, повозокъ, разносчиковъ воды, глашатаевъ, нищихъ, рабочихъ и прочихъ людей изъ народа.

Однажды я съ Діогеномъ смотрѣлъ маленькихъ собачекъ, обученныхъ разнымъ штукамъ, какъ вдругъ рабочій, несшій громадное бревно, сильно ударилъ имъ Діогена и закричалъ ему: „Берегись!“ Діогенъ отвѣтилъ ему сейчасъ же: „Развѣ ты хочешь ударить меня вторично?“

Если, выходя на улицу ночью, вы не берете съ собою нѣсколькихъ слугъ, то вы рискуете быть ограбленнымъ ворами, несмотря на бдительность общественныхъ властей, обязанныхъ совершать каждую ночь обходы города. (Barthélemy. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, гл. XX).

2. Уличные типы.

Среди терракотовыхъ статуэтокъ, найденныхъ въ Малой Азіи, многія воспроизводятъ типы людей, которые чаще всего встрѣчались на улицѣ.

„Вотъ рабъ-поваръ съ бритой головой и лицомъ безъ всякой растительности; въ одной рукѣ онъ держитъ блюдо, вѣроятно, предназначенное на обѣдъ его господамъ, другую руку подноситъ ко рту, какъ бы поѣдая что-то съ жадностью. Другіе повара возвращаются съ рынка, держа въ рукахъ молодыхъ кроликовъ и корзины винограда. Три статуэтки напоминаютъ о невинныхъ удовольствіяхъ уженія рыбы. Во-первыхъ, изображенъ ворчливаго вида старикъ; онъ опирается на высокую палку и держитъ въ рукѣ сплетенную изъ тростника корзину, въ которую кладутъ рыбу; онъ выскиваетъ, конечно, удобное для рыбной ловли мѣстечко. Затѣмъ мы видимъ второго рыбака: въ плохонькой шапчонкѣ безъ полей, съ тѣсно сдвинутыми ногами и съ вытянутой правой рукой, онъ весь поглощенъ созерцаніемъ своего поплавка. Наконецъ, третій, приподнявъ лѣвую ногу и запрокинувъ голову, повидимому, вытаскиваетъ порывистымъ движеніемъ удочку: рыба клюнула,

и, если судить по комическимъ усилямъ рыболова, добыча богатая. Вотъ идущій въ городъ крестьянинъ: дорога длинна и пыльна, солнце палитъ, поэтому путникъ дѣлаетъ частыя остановки и садится, чтобы подкрѣпить силы и набраться бодрости изъ тыквенной бутылки, которую онъ предусмотрительно взялъ съ собой.

Подымемся ступенью выше. Вотъ разбогатѣвшій горожанинъ, прогуливающийся по улицамъ съ презрительной усмѣшкой на губахъ. Плащъ на немъ лежитъ по всѣмъ правиламъ хорошаго тона; онъ смотритъ свысока на чернь и имѣетъ очень забавный видъ греческаго Прюдомма ¹⁾.

Вотъ карикатура на ярмарочнаго торговца: онъ одѣтъ только въ нижнее бѣлье и держитъ, оперши о свой животъ, широкую корзину, отъ которой сохранились, впрочемъ, на статуэткѣ лишь остатки; корпусъ у него запрокинутъ назадъ, грудь расширена, голова задрана кверху, ротъ открытъ: онъ выкрикиваетъ свой товаръ. Вотъ гуляющій ребенокъ, заботливо закутанный въ плащъ, съ шапочкой на головѣ; его держитъ за руку старая, сгорбленная нянька. Вотъ дѣвочка, идущая съ матерью; она двигается нѣсколько позади и, поднявъ лицо кверху, засыпаетъ мать вопросами; чтобы не потеряться, она держится за подолъ материнскаго платья и тащится какъ на буксирѣ. Вотъ еще статуэтка, изображающая школьника, который возвращается домой: онъ почти заснулъ на плечѣ у раба, взявшаго его на руки и освѣщающаго путь фонаремъ.

(Pottier. Les Statuettes de terre cuite dans l'antiquité, стр. 169—173).

3. Черты греческихъ нравовъ.

Болтунъ.—„Болтунъ, сидя рядомъ съ незнакомымъ человѣкомъ, примется расхваливать свою собственную жену, расскажетъ сонъ, который онъ видѣлъ въ предшествующую ночь, и сообщитъ подробное меню съѣденнаго

¹⁾ Прюдоммъ — безсмертный типъ глубоко-самодовольнаго и духовно-ничтожнаго человѣка, созданный французскимъ писателемъ Мопсаномъ.

имъ обѣда. Затѣмъ онъ прибавить, что нынѣшніе люди не годятся въ подметки жившимъ въ старину, что хлѣбъ снова подорожалъ, что море открыто для плаванія съ праздника Діонисій, что если еще пройдетъ дождь, то урожай будетъ лучше, что въ будущемъ году онъ примется за обработку своей земли, и что жить вообще очень трудно“.

Скупой.—„Скряга самъ ходитъ собирать у своихъ должниковъ проценты за мѣсяцъ, будь это хоть поль-обола (3 коп.). Онъ высчитываетъ во время трапезы, сколько кубковъ выпиваетъ каждый собутыльникъ. Если рабъ разобьетъ горшокъ или блюдо, онъ стремится возмѣстить цѣнность ихъ экономіей въ ѣдѣ. Если жена его потеряетъ трихалкъ (около 2 коп.), передвигается вся мебель, кровати, сундуки, и перевертываются всѣ покрывала. Онъ не позволяетъ сорвать фигу въ своемъ саду, перейти черезъ свое поле, подобрать упавшую съ дерева маслину. Каждый день онъ провѣряетъ, на мѣстѣ ли границы его владѣній. Онъ не позволяетъ своей женѣ одолжить кому-нибудь соли, свѣтильни для лампы, тмину, душицы, ячменя, вѣнковъ, говоря, что изъ всѣхъ этихъ мелочей за годъ выйдетъ крупная сумма. Онъ носитъ плащъ, доходящій только до бедеръ; натирается масломъ изъ крохотнаго флакончика; стрижетъ голову догола и разувается средь бѣла дня“...

На халъ.—„Покупая въ самый разгаръ торговли орѣхи, мирты, каштаны, онъ поѣдаетъ ихъ и заводитъ въ то же время разговоръ съ продавцомъ. Онъ позоветъ по имени какого-нибудь прохожаго, не будучи даже знакомъ съ нимъ; если увидитъ спѣшащаго куда-нибудь человѣка, то попроситъ подождать его. Если ему на глаза попадетъ человѣкъ, только-что проигравшій на судѣ крупный процессъ, онъ подойдетъ къ нему и поздравитъ его. Онъ остановится около мастерской парикмахера или лавочки косметическихъ принадлежностей и заявить, что желаетъ хорошенько напиться. Если онъ пойдетъ съ матерью къ прорицателю, то будетъ лишь кощунствовать. Во время молитвы или возліянія онъ нарочно уронитъ вазу и примется хохотать, будто тутъ есть что-то удивительное. Онъ то станетъ аплодировать флейтисткѣ въ такой моментъ, когда всѣ соблюдаютъ

тишину, то—напѣвать вполголоса исполняемую арію или просить, чтобы ее поскорѣе окончили. А когда онъ отплевывается, то плюнетъ прямо черезъ столъ въ виночерпія“.

Франтъ.—„Онъ часто стрижется, заботится о бѣлизнѣ своихъ зубовъ, всегда имѣетъ прекрасные плащи и сильно надушенъ. На агорѣ онъ держится около банкирскихъ конторъ и постоянно посѣщаетъ гимназіи эфебовъ; въ театрѣ во время представленій садится около стратеговъ. Для себя онъ не покупаетъ самъ ничего, но посылаетъ своимъ друзьямъ прекрасные подарки: въ Кизикъ—лаконскихъ собакъ, въ Родосъ—гиметскій медъ, и старается распуścić объ этомъ слухъ по городу. Онъ держитъ обезьянъ, которыхъ умѣетъ обучать, имѣетъ сицилійскихъ голубей, бабки изъ костей серны, флакончики для благовоній изъ Туріума, крученныя палки изъ Лаконіи, персидскіе обои съ фигурами; у него есть даже помѣщеніе для игры въ мячъ и маленькая палестра съ необходимымъ количествомъ пыли. Если, прогуливаясь по городу, онъ встрѣчаетъ философовъ, софистовъ, учителей фехтованія или музыкантовъ, то предлагаетъ имъ свой домъ для упражненій въ ихъ искусствѣ“...

Гордецъ.—„Если кто-нибудь хочетъ поговорить съ нимъ, онъ, не останавливаясь, замѣчаетъ, что застать его можно дома послѣ обѣда. Если народъ выбираетъ его должностнымъ лицомъ, онъ отказывается, клянясь, что у него нѣтъ времени для общественныхъ дѣлъ. Онъ никогда не подойдетъ къ кому-нибудь первымъ. Если приходится обратиться къ нему за дѣломъ, онъ назначитъ свиданіе на разсвѣтѣ. На улицѣ онъ не вступаетъ съ прохожими въ разговоры и ходитъ съ опущенной головой. Когда онъ приглашаетъ друзей на обѣдъ, то не садится съ ними, а поручаетъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ занимать ихъ. Если онъ идетъ въ гости, то посылаетъ предупредить объ этомъ“.

(Θεοφραστῆς. Характеры, гл. 3, 10, 11, 12, 21, 24).

4. Общительность аѳинянъ.

Грекъ былъ общителенъ отъ природы, и дружба казалась ему драгоцѣннымъ достояніемъ. Въ одной граціозной пѣсенкѣ, распѣваемой на пирахъ (такъ называемой сколіи), перечисляются условія, при которыхъ смертный можетъ считаться счастливымъ: на первомъ мѣстѣ ставится здоровье, на второмъ—красота, на третьемъ—честно пріобрѣтенное богатство, наконецъ, на четвертомъ—дружба, которую въ юности питаютъ къ людямъ своего возраста. Вѣроятно, это опредѣленіе счастья принадлежитъ аѳинянамъ, настолько оно согласуется съ ихъ понятіями и нравами. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ болѣе, чѣмъ-гдѣ либо, цѣнили дружбу и старались развивать ее. Безъ нея — нѣтъ удовольствій: она придаетъ очарованіе жизни и украшаетъ послѣднюю.

Вспоминается нарисованная Аристофаномъ картина сельскихъ радостей среди мирной и полной изобилія обстановки: «Можетъ ли быть что-либо пріятнѣе, когда, любуясь засѣянной нивой, которой богъ посылаетъ орошеніе, говоришь своему сосѣду: „Эй, Комархидъ, что бы намъ сдѣлать сейчасъ хорошаго? Не выпить ли, разъ боги даруютъ намъ свою благосклонность?“».

Дружба, доставляющая наслажденіе во всякомъ возрастѣ, была распространена даже среди дѣтей и служила для нихъ источникомъ живыхъ удовольствій. Особенно часто нѣжныя дружескія отношенія, продолжавшіяся за предѣлы юношескаго возраста, завязывались между дѣтьми въ то время, когда они были у педотриба ¹⁾; позднѣе, когда юноши дѣлались эфебами ²⁾, они любили запечатлѣвать свои дружескія чувства, начертывая на мраморѣ эпитеты, которые они давали другъ другу.

Сократъ, глядя на дружбу двухъ молодыхъ людей, Менексена и Лизія, сдѣлалъ добродушное признаніе: „Съ дѣтства я стремился къ одному благу, такъ какъ всѣ люди

¹⁾ Педотрибъ—см. вып. I, стр. 70, § 4.

²⁾ Эфебъ—см. вып. I, стр. 87, § 10.

желаютъ для себя блага, понимая его каждый по-своему: одинъ желаетъ лошадей, другой—собакъ; этотъ—богатства, тотъ—почестей. Что касается меня, то я совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ вещамъ, но я очень горячо желаю пріобрѣсти друзей, и я скорѣе предпочелъ бы имѣть добраго друга, чѣмъ лучшаго перепела или самаго лучшаго на свѣтѣ пѣтуха, клянусь Зевсомъ! и болѣе того, другъ мнѣ пріятнѣе прекрасной лошади и прекрасной собаки. И клянусь собакой! я думаю, что мнѣ больше хотѣлось бы имѣть друга, чѣмъ сокровища Дарія и самого Дарія на придачу, такъ страстно я жажду дружбы. Поэтому, когда я вижу тебя и Лизія, я проникаюсь удивленіемъ по поводу вашего счастья: какъ это, будучи столь молодыми, вы оказались способными пріобрѣсть съ такою легкостью и быстротою подобное сокровище“.

(P. Girard. L' Éducation athénienne, стр. 261 — 262).

5. Приглашеніе.

Сократъ рассказываетъ слѣдующее: „Вчера я отправился съ Главкономъ въ Пирей съ цѣлью помолиться богинѣ Бендисъ и посмотрѣть, какъ будетъ устроено торжество, празднуемое въ первый разъ. Процессія мнѣ очень понравилась... Когда мы совершили нашу молитву и посмотрѣли на церемонію, мы двинулись обратно въ городъ. Полемархъ, сынъ Кефала, замѣтивъ насъ издали, приказалъ сопровождавшему его рабу побѣжать за нами и попросить подождать ихъ. Рабъ догналъ насъ и, дернувъ меня за плащъ, сказалъ: „Полемархъ проситъ васъ подождать его“.— Я обернулся и спросилъ, гдѣ же его господинъ. „Онъ“, отвѣтилъ рабъ, „идетъ сзади; подождите его минутку“.— „Хорошо, подождемъ“, отвѣтилъ Главконъ.

Немного погодя, мы увидали Полемарха съ Адимантіемъ, братомъ Главкона, и Никерата, сына Никія, которые возвращались съ церемоніи. Полемархъ, догнавъ насъ, сказалъ мнѣ: „Сократъ, вы, кажется, возвращаетесь въ городъ?—Ты не ошибся, —отвѣтилъ я ему.—Ты видишь, сколько насъ?— Да.—Такъ пересильте насъ или останьтесь здѣсь. — Есть

еще одинъ исходъ: убѣдить васъ, что насъ слѣдуетъ отпустить.—Какъ же вы насъ убѣдите, если мы не хотимъ слушать вашихъ доводовъ?—Вѣрно,—сказалъ Главконъ,—тогда это невозможно.—Ну, такъ знайте же,—сказалъ Полемархъ,—что васъ никто не слушаетъ.—Развѣ вы не знаете,—замѣтилъ Адимантъ,—что сегодня въ честь богини будетъ шествіе со свѣтильниками на коняхъ, а кромѣ того устраивается ночное бдѣніе, которое стоитъ посмотрѣть? Мы пойдемъ туда послѣ ужина и побесѣдуемъ тамъ съ разными молодыми людьми, которые явятся на зрѣлище.—Очевидно, придется остаться,—сказалъ Главконъ.—Если ты хочешь этого,—прибавилъ я,—то мы останемся“.

Тогда мы пошли въ домъ Полемарха, гдѣ застали двухъ его братьевъ, Лизія и Эвидема, а также Тразимаха Халкидонскаго, Хармантида и Клитофона; былъ тамъ и Кефаль, отецъ Полемарха. Я не видѣлся съ нимъ уже очень давно, и мнѣ показалось, что онъ сильно постарѣлъ. Онъ сидѣлъ, опершись на подушку; на головѣ его былъ вѣнокъ, потому что въ этотъ день онъ совершалъ жертвоприношеніе домашнимъ богамъ. Мы сѣли на расположенныя кругомъ него сѣдалища. Какъ только Кефаль увидѣлъ насъ, онъ призѣтствовалъ меня и сказалъ: „Сократъ, ты очень рѣдко бываешь въ Пиреѣ, а намъ твои посѣщенія доставляютъ большое удовольствіе. Если бы я былъ еще въ состояніи ходить въ городъ, ты былъ бы избавленъ отъ труда являться къ намъ, потому что я самъ сумѣлъ бы найти тебя. Но теперь ты долженъ почаще приходить сюда, такъ какъ да будетъ тебѣ извѣстно, что по мѣрѣ утраты физическихъ удовольствій я болѣе, чѣмъ когда-либо, нахожу наслажденіе въ бесѣдахъ. Сдѣлай же для меня это одолженіе. Ты можешь также поговорить и съ этими молодыми людьми, но не забывай горячо преданнаго тебѣ друга“.

(П л а т о н ъ. Республика, кн. I).

глав 6. Сообщества.

Среди аѳинянъ были распространены совершенно частные кружки, члены которыхъ должны были имѣть добрыя то-

варищескія отношенія и оказывать другъ другу взаимныя услуги. Одна рѣчь Лизія даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ. Изъ нея явствуется, что члены этихъ сообществъ имѣли обыкновеніе поддерживать другъ друга на судѣ; каждый изъ нихъ охотно свидѣтельствовалъ въ пользу своихъ сотоварищей и защищалъ ихъ. Если кто-нибудь испытывалъ нужду въ деньгахъ, то обращался преимущественно къ членамъ своего кружка, хотя, кажется, при случаѣ не считалъ предосудительнымъ и обмануть ихъ.

„Вы заставили меня“, говоритъ одинъ изъ членовъ такого кружка, „дать займы Поликлету 12 минъ (около 445 руб.), при условіи, что я возьму подъ залогъ его лошадь. Поликлетъ привелъ мнѣ лошадь, которая во время войны была разбита на ноги. Я рѣшительно заявилъ, чтобы онъ взялъ ее обратно; но Діодоръ уговорилъ меня принять ее, увѣряя, что, если лошадь падетъ, Поликлетъ возвратитъ мнѣ мои 12 минъ безъ всякихъ возраженій. Но, когда лошадь въ самомъ дѣлѣ пала, тотъ же самый Діодоръ сталъ на сторону моихъ противниковъ и доказываетъ теперь, что я не имѣю права требовать денегъ“. (Лизіа, VIII рѣчь, 10).

Когда членъ сообщества вызывалъ чье-нибудь неудовольствіе своимъ поведеніемъ, на него можно было жаловаться въ общемъ собраніи, и рѣчь Лизія какъ разъ и была произнесена при подобныхъ обстоятельствахъ. Надо отмѣтить, что каждый членъ имѣлъ право когда угодно выйти изъ сообщества.

7. Общества взаимопомощи.

Эти общества по своей благотворительной организаціи и религіозному характеру можно было бы принять за совершенно современныя учрежденія. Каждое общество имѣло общую кассу, пополнявшуюся двумя источниками доходовъ: прежде всего, добровольными вкладами, затѣмъ— членскими взносами, называемыми *ἐρανος*. Тотъ, кто отказывался отъ уплаты этого взноса, исключался изъ общества, если у него не было смягчающихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, денежныхъ затрудненій или болѣзни. Члены общества, или

эранисты, устраивали совместно нѣкоторыя празднества, собирались для жертвоприношеній и для пиршествъ; въ то же время они оказывали другъ другу взаимную поддержку.

Если членъ общества подвергался какимъ-нибудь несчастіямъ имущественнаго характера, онъ получалъ отъ со товарищей ¹⁾ помощь съ обязательствомъ возвратить долгъ, когда условія его жизни сдѣлаются болѣе благоприятными. Общества эти устраивали собранія и выносили постановленія, которыя записывались на каменныхъ плитахъ, стоящихъ въ святилищѣ: это былъ ихъ архивъ.

Собранія были закрытыми: никто посторонній не пользовался правомъ входа на нихъ. Тамъ долженъ былъ царствовать самый строгій порядокъ; уставъ воспрещалъ производить шумъ; нарушителей устава подвергали или денежнымъ штрафамъ или тѣлеснымъ наказаніямъ. Во главѣ общества находилось извѣстное число должностныхъ лицъ, избираемыхъ большею частью по жребію. Главнѣйшими изъ нихъ были: предсѣдатель, затѣмъ, такъ называемый археранистъ, наблюдавшій за финансовымъ управленіемъ, секретарь, казначей, старшины, комиссары, жертвоприносители, глашатай, жрица, управлявшая женскимъ отдѣленіемъ общества.

Когда эти должностныя лица выходили въ отставку, добросовѣстно выполнивъ свои обязанности, наградой имъ служили почести, какими окружали ихъ благодарные сочлены. Эти общества почти всегда носили названія по именамъ чтимыхъ ими боговъ.

(Wescher. *Revue archéol.*; nouv. série, т. X, стр. 460—461).

8. Нѣкоторыя греческія игры.

1. Игра въ пять камешковъ.

„Для этой игры“, говоритъ Поллуксъ ²⁾, „бралось пять ма-

¹⁾ Вешеръ (Wescher), у котораго заимствованъ этотъ отрывокъ, неправильно говоритъ: „изъ общей кассы“. (Прим. автора).

²⁾ Поллуксъ—см. вып. I, стр. 31, прим. 1.

ленькихъ камешковъ (λιθίδια), кубиковъ (ψῆφοι) или маленькихъ бабокъ (ἀστράγαλοι). Ихъ подбрасывали и старались поймать на верхнюю часть кисти руки. Если не удавалось поймать всѣхъ ихъ, остальные нужно было подбирать съ

земли пальцами“. Это совершенно соотвѣтствуетъ современной игрѣ въ камешки.)

Игра въ бабки.

На одной картинѣ въ Неаполитанскомъ музеѣ изображены пять богинь, изъ которыхъ двѣ—Аглая и Гилеэра, находя-

щіяся на переднемъ планѣ, играютъ въ эту игру. Три бабки лежатъ на землѣ; одна, четвертая,—подъ большимъ пальцемъ Аглаи, а пятая закрыта, несомнѣнно, ея одѣянiями или находится въ ея лѣвой рукѣ. Очередь играть за Гилеэрой. Она подбросила свои пять бабокъ, поймала изъ нихъ три на верхнюю часть кисти руки, а двѣ упали на землю.

2. Игра въ жмурки.

Поллуксъ описываетъ нѣсколько однородныхъ игръ, называя ихъ игрой въ слѣпого; всѣ онѣ имѣютъ одну общую черту, состоящую въ томъ, что одинъ изъ играющихъ долженъ былъ непременно зажимать глаза. Но всѣ эти игры подходятъ подъ ту современную игру, которая называется жмурками. Ихъ было три.)

1. „Одинъ изъ играющихъ, ставъ съ закрытыми глазами, кричитъ: „Берегись!“ и бросается въ догонку за убѣгающими. Тотъ, кого онъ поймаетъ, занимаетъ его мѣсто и въ свою очередь зажимаетъ глаза“.

2. „Одинъ изъ играющихъ зажимаетъ глаза, а остальные прячутся. „Слѣпой“ ищетъ ихъ, пока ему не удастся найти кого-нибудь“.

3. „Требуется, чтобы „слѣпой“ или дотронулся до одного изъ своихъ сотоварищей, или указалъ на него и, догадавшись, кто это, назвалъ его по имени“. (Pollux, IX, 113).

3. Игра въ мячъ.

„Играющіе раздѣляются на два лагеря“, говоритъ Пол-

луксъ; „посрединѣ проводятъ осколкомъ камня черту и на нее кладутъ мячъ. Позади каждаго лагеря проводятъ двѣ другихъ черты. Схватившій мячъ бросаетъ его черезъ головы игроковъ противнаго лагеря, которые стремятся поймать его и кинуть обратно. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока одной изъ партій не удастся отбросить другую за дальнюю черту“.

Евстафій¹⁾ добавляетъ нѣсколько подробностей. Сначала играющіе затѣваютъ настоящую борьбу; оба лагеря, находящіеся, вѣроятно, вначалѣ на заднихъ чертахъ, бросаются къ лежащему въ центрѣ мячу. Тотъ, кто сумѣлъ схватить мячъ, бросаетъ его затѣмъ изо всѣхъ силъ, а противная партія въ свою очередь старается отбросить его назадъ. Играющіе пользовались для этого всѣми средствами: они ударили мячъ на лету или ловили его и снова бросали рукой; а если онъ катился по землѣ, то ударомъ ноги отбивали его обратно. Каждая партія двигалась то впередъ, то назадъ, въ зависимости отъ движеній мяча, пока какая-нибудь изъ сторонъ не переходила крайней черты.

Эта игра требовала одновременно и ловкости и силы. Передъ игрой участвующіе въ ней натирались масломъ, чтобы придать членамъ бѣольшую гибкость и удобнѣе выскальзывать изъ рукъ своихъ противниковъ.

Разновидностью игры въ мячъ была такъ называемая фенинда. Тутъ лагерь, который долженъ былъ бросать мячъ съ опредѣленнаго мѣста, стремился забросить его какъ можно дальше отъ этого пункта; противный лагерь, наоборотъ, отбиваетъ его такъ, чтобы онъ упалъ возможно ближе къ мѣсту своего первоначальнаго нахожденія. Если брошенный мячъ не былъ отбитъ до паденія на землю или послѣ перваго удара его о землю, игра пріостанавливалась; отмѣчалось то мѣсто, куда упалъ мячъ, и лагери играющихъ мѣнялись мѣстами. Теперь съ того же мѣста бросалъ мячъ противный лагерь, стараясь, чтобы онъ упалъ дальше отмѣченнаго мѣста.

¹⁾ Евстафій Солунскій—церковный дѣятель и писатель XII вѣка, изучавшій жизнь грековъ.

Такимъ образомъ, въ первой игрѣ предѣльныя границы были опредѣлены и извѣстны заранѣе; въ фениндѣ же онѣ мѣнялись въ зависимости отъ ударовъ противниковъ.

4. Игра въ кости.

Греки очень любили игру въ кости. По словамъ Тео-помпа ¹⁾, вессалійцы большую часть времени проводили за игрой въ кости и за выпивкой. Это увлеченіе раздѣлялось и спартакцами. Въ Аѣинахъ игра получила такое распространеніе, что два комическихъ поэта вывели игроковъ въ кости на сценѣ. Игорные дома встрѣчались тамъ, несмотря на строгія запрещенія законовъ, на каждомъ шагу. Игроки прятались, уходили за городъ. Евстафій утверждаетъ, что они находили убѣжище даже въ храмахъ, особенно въ храмѣ Аѣины Скирады. „Потому-то“, прибавляетъ онъ, „игорные дома и стали называться скирафіями“.

Игральныя кости (κύβες) изготовлялись изъ слоновой и простой кости, изъ дерева, золота или изъ драгоценнаго матерьяла и были очень похожи на современные. На каждой изъ шести сторонъ кубика по бѣлому полю дѣлались углубленія, которыя окрашивались въ черный цвѣтъ. Эти углубленія были расположены, какъ и на нашихъ костяхъ: одно очко—въ центрѣ, два и три—по діагональной линіи, четыре и шесть—по двумъ параллельнымъ линіямъ, а пять—по перекрещивающимся діагоналямъ. Сначала кости бросали рукой, впослѣдствіи для этой цѣли стали пользоваться особымъ стаканчикомъ. Ихъ бросали и на землю и на другія поверхности. Игра велась по желанію—одной, двумя или тремя костями. Ударъ, которымъ выбрасывались сразу три шестерки, назывался „самымъ счастливымъ ударомъ“.

5. Игра въ бабки.

Бабки у грековъ носили названіе астрагаловъ. Обыкновенно пользовались натуральными бабками, но часто ихъ выдѣлывали искусственно изъ слоновой кости, бронзы и золота. Форма ихъ была такова, что онѣ не могли при

¹⁾ Тео пом пъ — греческій историкъ, родившійся въ 380 г. до Р. Х.

падєніи лечь на два крайнихъ конца; поэтому въ счетъ шли только четыре стороны, а не шесть, какъ въ предыдущей игрѣ. Хотя на сторонахъ и не было обозначено количество очковъ, однако каждая изъ нихъ имѣла опредѣленное численное значеніе: 1, 3, 4 и 6. Сторона, получившая значеніе одного очка, называлась собакой или *Хіосомъ*; противоположная сторона, означавшая 6, носила наименованіе *Коса*. Бабки бросались или рукой или изъ стаканчика.

Игры въ бабки и въ кости были азартными. Игра велась четырьмя бабками. Насчитывалось 35 комбинацій, которыя могли произойти при ударахъ, а поэтому послѣдніе дѣлились на счастливые, несчастливые и посредственные. Каждый ударъ имѣлъ свое особое названіе. Напримѣръ, если всѣ бабки падали на различныя стороны, то это называлось „ударомъ Афродиты“; онъ считался самымъ удачнымъ, тогда какъ худшимъ былъ тотъ ударъ, при которомъ бабки давали четыре стороны съ однимъ очкомъ.

(*Beccq de Fouquières. Les jeux des anciens*, стр. 51, 84, 185—189, 309 и сл., 327 и сл.).

9. Коттабъ.

Эта игра, заимствованная изъ Сициліи, сдѣлалась необходимой принадлежностью каждаго пира. Ею занимались во время той части пиршества, которая носила названіе симпосіона¹⁾. Коттабъ состоялъ въ слѣдующемъ: пирующій, выпивая свой кубокъ, оставлялъ всегда на днѣ немного вина; затѣмъ, придерживая кубокъ однимъ пальцемъ, просунутымъ въ отверстіе ручки, онъ дѣлалъ рукой движеніе, какъ при метаніи пращи; вино выплескивалось со дна кубка и попадало или въ противоположную стѣну пиршеской залы или въ опредѣленную цѣль. Въ это время задумывали или произносили громко имя любимой особы и слѣдили, насколько точно жидкость попадала въ намѣченную цѣль, или какова была сила звука, производимаго при

¹⁾ Симпосіонъ—см. вып. II, стр. 43.

падёніи вина; въ зависимости отъ этого играющій надѣялся узнать, платятъ ли ему взаимностью или онъ долженъ разсчитывать только на равнодушіе.

Игра въ коттабъ.

Изъ такого первоначальнаго способа игры воображеніе пьющихъ создало сотни различныхъ комбинацій. Выбирался распорядитель коттаба, царь; устраивалось своего рода состязаніе, гдѣ были и побѣдители и призы, даже ставки и штрафы. Вино выплескивали въ тактъ звукамъ флейты. Мишенью иногда служили вѣсы, на чашки которыхъ надо было попасть виномъ и такимъ образомъ раскатать ихъ; иногда же воздвигалось цѣлое сооруженіе изъ разныхъ предметовъ съ такимъ разсчетомъ, что, когда одинъ изъ нихъ падалъ подъ ударомъ жидкости, то вызывалъ паденіе и ряда другихъ.

Коттабъ сдѣлался модной игрой, и имъ очень увлека-

лись въ теченіе цѣлаго столѣтія Аѣины, Коринѣ, Оивы и всѣ города, которые любили удовольствія и кичились своимъ изяществомъ. Ни одинъ хорошо устроенный пиръ не обходился безъ этой игры; для нея стремились заводить самые дорогіе и красивые кубки, а еще болѣе роскошныя чаши служили наградой побѣдителямъ.

(Rayet et Collignon. Hist. de la céram. grecque, стр. 161—162).

✓ 10. Пѣтушійные бои.

Греки страстно любили этотъ видъ развлеченій. И юноши и взрослые мужчины всѣхъ возрастовъ воспитывали и обучали пѣтуховъ для боевъ. Танагрскіе и родосскіе пѣтухи, считавшіеся самыми воинственными, цѣнились особенно высоко; за ними шли мелосскіе и халкидскіе. Для возбужденія въ нихъ воинственного пыла ихъ кормили чеснокомъ и лукомъ.

Во время борьбы ихъ ставили другъ противъ друга на особомъ столѣ или на платформѣ съ возвышенными краями, а на шпоры имъ надѣвали бронзовые наконечники. По постановленію закона въ Аѣинахъ ежегодно устраивались въ театрѣ пѣтушійные бои; молодые люди должны были присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, чтобы учиться на примѣрѣ этихъ птицъ вести борьбу до послѣдней крайности. Воспоминаніе объ этомъ установленіи запечатлѣно на одной аѣинской монетѣ (тетрадрахмѣ) изображеніемъ пѣтуха съ пальмой. Подобные символы встрѣчаются и на монетахъ другихъ городовъ, какъ Дарданы Троадской, Кариста на о. Эвбеѣ, Антиохіи Писидійской, Клазоменъ, Галатіи, Калеса и Неаполя.

Иногда устраивали еще сраженія перепеловъ; греки питали не меньшую страсть и къ этимъ птицамъ, которыя не уступали въ воинственномъ пылѣ пѣтухамъ. Были люди, создавшіе себѣ специальное занятіе изъ ловли, вскармливанія и обученія перепеловъ бою. Для птичьихъ боевъ употребляли также куропатокъ. Призомъ побѣдителя была

или побѣжденная птица или деньги; ставки часто были очень высоки и даже разорительны для проигравшаго.

(Saglio. Dict. des antiquités, т. I, стр. 180—181).

11. Танцы.

Танцы занимали у грековъ очень важное мѣсто среди другихъ искусствъ. Эллиновъ приводили въ восторгъ ритмическія, стройныя и выразительныя движенія. И лирика, и затѣмъ драма, стремясь придать себѣ больше блеска, ввели въ свой обиходъ танцы. Атеней (XIV, стр. 629) и Лукіанъ (О танцахъ) знакомятъ насъ со множествомъ традиціонныхъ танцевъ. Ихъ было нѣсколько видовъ: одни исполнялись отдѣльными танцорами, другіе—цѣлыми хорами; одни были печальными, другіе—веселыми; одни—мирными, другіе—воинственными. Кромѣ танцевъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, были въ ходу еще марши, которые иногда очень напоминали танцы. Можно было бы сдѣлать безконечное перечисленіе всякаго рода ритмическихъ движеній, примѣнявшихся греками.

Греки предъявляли къ этимъ танцамъ два требованія: во-первыхъ, они должны были отличаться красотой пластики, во-вторыхъ—ясно выражать различныя чувства и извѣстныя мысли.

Пластическая красота танца воплощалась прежде всего въ каждомъ танцорѣ, взятомъ въ отдѣльности. „Есть танцы“, говоритъ Платонъ, „имѣющіе въ виду по преимуществу самое тѣло; они служатъ развитію силы, гибкости, красоты; они учатъ каждый членъ сгибаться и расправляться, въ легкихъ, граціозныхъ движеніяхъ послушно выполнять всякія фигуры и принимать всякія положенія, какія только можно требовать“. Это былъ видъ гимнастики, но гимнастики ритмической, въ тактъ музыкѣ.

Развитіе тѣлесной красоты являлось главною цѣлью не только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ танцевъ, но можно сказать, что это само собой разумѣлось по отношенію ко

всѣмъ танцамъ. Греческіе писатели говорятъ объ этомъ совершенно опредѣленно. Танцоръ не долженъ быть ни слишкомъ высокимъ ни слишкомъ низкимъ, ни толстымъ ни худымъ; необходимо было, чтобы движенія его отличались красотой и правильностью; если онъ взмахивалъ руками, то въ этотъ моментъ долженъ былъ напоминать ловкостью и силой Гермеса, Геркулеса или Поллукса, занимающихся кулачнымъ боемъ.

Въ хоровахъ лирическихъ танцахъ къ красотѣ cadaго отдѣльнаго танцора присоединялась прелесть движеній хора, который развѣтывался то въ прямая, то въ волнистыя линіи, то въ параллельныя и встрѣчныя, причемъ эти движенія устраивались и разнообразились на тысячи ладовъ; иногда хоръ состоялъ наполовину изъ юношей, наполовину изъ дѣвушекъ; группы ихъ переплетались, стройно и въ тактъ исполняя простыя и сложныя фигуры.

Лукіанъ даетъ красивое описаніе двухъ такихъ хоровахъ танцевъ. Эти танцы—спартанскіе, т. е. дорическіе по преимуществу; кромѣ того, они носятъ характеръ лирическихъ, потому что рѣчь идетъ объ аккомпанементѣ пѣнія. Одинъ изъ этихъ танцевъ исполнялся только юношами. Онъ начинался борьбой, которая постепенно переходила въ танцы. „Флейтистъ садится тогда среди хора и играетъ, ударяя ногой о полъ. Танцоры двигаются рядами и танцуютъ въ тактъ; они выполняютъ самыя разнообразныя фигуры, которыя сначала носятъ воинственный характеръ, но, впрочемъ, вскорѣ измѣняются подъ вліяніемъ Діониса и Афродиты“. Другой танецъ носилъ названіе „ожерелья“. Хоръ составлялся пополамъ изъ эфебовъ и изъ дѣвушекъ. „Всѣ танцоры“, говоритъ Лукіанъ, „слѣдуютъ другъ за другомъ вереницей, какъ бы образовывая ожерелье; одинъ изъ юношей ведетъ танецъ, при чемъ принимаетъ воинственныя позы, вродѣ тѣхъ, какія онъ долженъ былъ бы имѣть на войнѣ; одна дѣвушка граціозно слѣдуетъ за нимъ, подавая примѣръ своимъ подругамъ; такимъ образомъ, ожерелье сплетается изъ дѣвической скромности и мужской силы“.

Танецъ долженъ отличаться не только красотой, но и выразительностью. Онъ, согласно словамъ Платона, „подражаетъ рѣчамъ Музы“. Аристотель говоритъ о танцахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Они въ ритмическихъ движеніяхъ выражаютъ переживанія, страсти, дѣйствія“. „Танецъ“, говоритъ Лукіанъ, „есть подражательное искусство, которое какъ бы даетъ воплощеніе нашимъ идеямъ, служитъ ихъ выраженіемъ и придаетъ видимую форму невидимымъ мыслямъ“.

Что надо разумѣть подъ этимъ? Идетъ ли здѣсь рѣчь о пантомимѣ, т. е. о точномъ воспроизведеніи движеній, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ, выраженнымъ словами положеніямъ, или же говорится о подражаніи болѣе общаго характера?

Несомнѣнно, что танецъ очень часто носилъ чисто подражательный характеръ въ самомъ точномъ значеніи этого слова. Напримѣръ, танцоры изображали подобіе битвы: они совершали въ тактъ всѣ движенія, какія имѣютъ мѣсто въ сраженіи: дѣлали видъ, что мечутъ стрѣлы или уклоняются отъ нихъ, бросаютъ копье и отражаютъ ударъ; они бѣжали впередъ, отступали, нагибались, падали на землю, какъ бы раненые или убитые, быстро подымались и мѣняли фронтъ.)

Въ сочиненіи Ксенофонта „Пиръ“ два лица—юноша и дѣвушка—изображаютъ въ танцѣ свадьбу Діониса и Аріадны. Они танцуютъ и поютъ подъ звуки флейты. Своими позами, движеніями, жестами они воспроизводятъ всю сцену; это настоящая маленькая драма, разыгрываемая передъ пирующими.

Подражаніе въ танцѣ можетъ быть и иного рода. Медленность или быстрота движеній танца, болѣе или менѣе строгая гармоничность ихъ могутъ просто пробудить въ душѣ чувства, соотвѣтствующія общему характеру этихъ движеній. Въ такомъ смыслѣ это также подражаніе: спокойный, благородный танецъ какъ бы подражаетъ нравственной красотѣ, благородству, спокойствію не смущаемой страстями души. Наоборотъ, чрезчуръ разнообразныя

движенія, быстро смѣняющія другъ друга, служатъ выраженіемъ величайшей радости или сильныхъ страстей, какова бы ни была, впрочемъ, сущность и этихъ страстей и этой радости.

Но даже и въ вышеописанныхъ танцахъ подражаніе заключается не только въ отдѣльныхъ жестахъ, съ помощью которыхъ танцоры изображаютъ дѣйствіе во всей его реальности, заставляя его какъ бы оживать передъ глазами зрителей; оно зависитъ еще—и, пожалуй, въ гораздо большей степени—отъ общаго характера этихъ движеній и отъ печальныхъ или веселыхъ, нѣжныхъ или страстныхъ чувствъ, которыя они вызываютъ въ душѣ зрителя своей особой гармоничностью, независимо отъ всякаго спеціальнаго отношенія ихъ къ тому или иному частному событію.

Среди безконечнаго разнообразія греческихъ танцевъ можно выдѣлить небольшое число основныхъ типовъ, къ которымъ примыкали всѣ второстепенныя разновидности ихъ. Одни танцы носили важный, спокойный, религіозный характеръ; другіе—живой и веселый; были, наконецъ, танцы страстные, стремительные, увлекающіе.

Въ драмѣ эти три основныхъ типа находили воплощеніе въ эммеліи, кордакѣ и сикиннидѣ. Въ лирическихъ представленіяхъ въ собственномъ значеніи этого слова они назывались гимнопедіей, гипорхемой и пиррихой.

Эммелія—это танецъ хора въ трагедіи, дышавшій благородствомъ и достоинствомъ; спартанская гимнопедія была, несомнѣнно, лишь разновидностью эммеліи. Кордакъ исполнялся хоромъ въ комедіи и своимъ живымъ и легкимъ темпомъ напоминалъ гипорхему; но часто въ этотъ танецъ, въ зависимости отъ общаго духа греческой комедіи, вносился оттѣнокъ извѣстной вольности, тогда какъ въ гипорхемѣ ничего подобнаго не было.

Равнымъ образомъ, пирриха и сикиннида походили другъ на друга захватывающей стремительностью движеній; но первая была чисто воинственнымъ танцемъ и возбуждала лишь

гордые страсти; вторая же, исполняемая хоромъ въ сатирической драмѣ, выражала часто опьяненіе совѣмъ другого рода.

(A. Croiset. La Poésie de Pindare, стр. 65—70).

12. Вокальная и инструментальная музыка.

Греческая музыка раздѣлялась, какъ и наша, на вокальную и инструментальную.

Голоса разбивались на мужскіе и женскіе, а каждый изъ этихъ двухъ видовъ въ свою очередь подраздѣлялся на разряды: высокіе, низкіе и средніе голоса. Но такъ какъ греки, въ противоположность намъ, ноты низкія называли высокими, а ноты высокія — низкими, то ихъ разрядъ низкихъ голосовъ соотвѣтствовалъ регистру тенора или сопрано, ихъ средніе голоса — регистру баритона или меццо-сопрано, а высокіе — басовому или контральтовому регистру. Древнимъ казалось, что сильныя и страстныя чувства лучше всего могутъ выражаться наиболѣе высокими голосами; средніе голоса производили впечатлѣніе спокойствія и важности. Наши понятія въ этомъ отношеніи близки къ древнимъ, особенно если допустить, что это дѣленіе не было вполне опредѣленнымъ и неизмѣннымъ.

Киваристка.

Инструменты, какими пользовались греки, наоборотъ, рѣзко отличались отъ нашихъ. Съ точки зрѣнія тембра и силы звука они были необычайно просты и безцвѣтны. Если оставить въ сторонѣ, во-первыхъ, ударные инструменты, употребленіе которыхъ допускалось только въ рѣдкихъ случаяхъ, во-вторыхъ, мѣдные инструменты, предназначавшіеся для войска, наконецъ, пневматическіе или гидравлическіе органы ¹⁾, сравнительно поздняго происхожденія, то въ V вѣкѣ въ Греціи можно видѣть въ употребленіи

¹⁾ Т. е. органы, въ которыхъ воздухъ приводится въ движеніе давлениемъ воды.

только два рода инструментовъ: прежде всего струнные—типа кифары, и духовые—типа флейты.

Кифара была однимъ изъ наиболѣе бѣдныхъ и наименѣе выразительныхъ инструментовъ, какіе только можно вообразить себѣ. Ее сравниваютъ съ арфой безъ педали. Она звучала сухо, монотонно и слабо, и, играя на ней, нельзя было ни усилить, ни ослабить звуковъ, а также ни задерживать, ни ускорить ноты. Однимъ словомъ, она была лишена и разнообразія, и движенія, и звуковой силы. Что же ей оставалось? Одно, но основное, по мнѣнію грековъ, свойство: опредѣленная и строгая чистота звука и какая-то совершенно мужественная ясность.

Греки не требовали отъ своей кифары ни блестящаго и страстнаго воспроизведенія наслажденій, борьбы, страданій, наполняющихъ жизнь, ни измѣнчиваго отраженія тѣхъ мечтаній, въ которыя насъ погружаютъ иногда наши радости и печали; они желали ясныхъ и простыхъ впечатлѣній, являющихся какъ бы эхомъ того Олимпа, гдѣ царствовало вѣчное блаженство. Платонъ изгналъ изъ своей воображаемой республики ¹⁾ слишкомъ богатые звуками и выразительные инструменты, но кифару оставилъ. Это былъ инструментъ національный по преимуществу.

Флейта обладала большимъ блескомъ, разнообразіемъ и гибкостью, болѣе (древнее изображеніе) пріятными звуками. Ею главнымъ образомъ пользовались солисты-виртуозы, потому что безъ аккомпанемента она одна звучала красивѣе, чѣмъ кифара. Въ соединеніи съ кифарой она лучше поддерживала голоса хора, сливалась съ ними, а въ случаѣ необходимости—затушевывала даже ихъ легкіе недостатки. Ею пользовались какъ необходимой принад-

¹⁾ См. вып. II, стр. 47, прим. 2.

лежностью блестящихъ празднествъ; обыкновенно она служила аккомпанементомъ любовнымъ и страстнымъ пѣснямъ. Однако не надо впадать въ заблужденіе. Сама по себѣ флейта, которая, какъ казалось Платону, отличалась такой выразительностью, на самомъ дѣлѣ обладала указаннымъ свойствомъ только по сравненію съ китарой.

Флейта.

Такимъ образомъ, эта возбуждающая страсти флейта представляла собой ни болѣе ни менѣе, какъ кларнетъ съ меньшимъ количествомъ высокихъ нотъ, чѣмъ у современнаго. Впослѣдствіи стали дѣлать флейты съ болѣе сильными звуками, которыя могли соперничать съ настоящими трубами; Горацій ¹⁾ сообщаетъ, что въ его время флейты обкладывали внутри мѣдью. Но древняя флейта служила лишь для того, чтобы направлять и поддерживать пѣніе хоровъ.

Переходя отъ музыкальныхъ инструментовъ къ самой музыкѣ, мы должны отмѣтить не менѣе поразительную разницу между искусствомъ древнихъ грековъ и современныхъ народовъ.

Прежде всего въ греческой музыкѣ почти не примѣнялась гармонія. Это не значитъ, что греки не знали и даже не пользовались на практикѣ аккордами; нѣкоторые аккорды они знали и употребляли. Но эта гармонія отличалась крайней ограниченностью и упрощенностью. Она слегка проявлялась въ аккомпанементѣ и совершенно отсутствовала въ самомъ пѣніи.

Единственный аккордъ, который, повидимому, допускался греками, носилъ у нихъ названіе антифоніи, т. е. октавы. Эту антифонию, казавшуюся грекамъ самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ аккордовъ, образовывали соединенные въ одномъ хорѣ мужскіе и женскіе или дѣтскіе голоса. Надо замѣтить, что намъ трудно судить объ этомъ пѣніи: то,

¹⁾ Горацій Флаккъ (65 г. до Р. Х.—8 по Р. Х.)—римскій поэтъ.

что они находили благороднымъ, кажется намъ грубымъ. Ихъ музыкальный вкусъ создавался подъ давленіемъ такихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, привычекъ ума и воображенія, которыя чужды намъ. Въ музыкѣ, какъ и во всемъ другомъ, они любили ясность и спокойствіе, скорѣе чистоту тона, чѣмъ богатство колоратуры.

Они пѣли обыкновенно въ унисонъ; если же вводили аккордъ, то только самый простой и ясный. Грекамъ были пріятны отчетливыя впечатлѣнія, которыя они предпочитали

Киѳара и флейта.

и съ точки зрѣнія художественной, и какъ моралисты; они какъ бы питали страхъ къ слишкомъ богатой и слишкомъ чувствительной мелодіи, которая казалась имъ сладострастной и недостаточно мужественной.

Тѣмъ не менѣе въ инструментальной музыкѣ они предоставляли гармоніи нѣсколько больше мѣста. Къ антифоніи они прибавили симфонію, къ аккорду въ октаву—аккордъ въ кварту и квинту, а можетъ быть, и нѣсколько другихъ. Эти аккорды создавались иногда при созвучіи различныхъ инструментовъ, чаще — инструментовъ и голосовъ. Но все это отличалось еще большою простотою и было только робкими попытками на такомъ пути, ко-

торый мало соотвѣтствовалъ самому духу древности и по которому греки слѣдовали лишь съ большими колебаніями. Въ древне-греческихъ текстахъ, дающихъ намъ свѣдѣнія относительно употребленія извѣстныхъ аккордовъ, выказывается въ то же время рѣшительное предпочтеніе болѣе строгой красотѣ унисона.

Эта простота обнаруживается также и въ мелодіи. Окончательное признаніе октавы произошло у грековъ въ очень позднее время, изобрѣтеніе семиструнной лиры также не было особенно древнимъ. Тѣмъ не менѣе, грековъ приводили въ восторгъ ихъ простенькія аріи. Онѣ заключали въ себѣ для нихъ не только живое очарованіе, но оказывали на ихъ души крайне разнообразное дѣйствіе и могучее вліяніе. Древніе авторы постоянно обсуждаютъ вопросъ о спокойной красотѣ дорическаго лада, нѣжности лидійскаго, гордой энергіи эолійскаго и патетическомъ характерѣ фригійскаго...

Оригинальность этихъ разнообразныхъ ладовъ состояла не только въ заключительной нотѣ ихъ мелодій, но и въ извѣстныхъ каденцахъ ¹⁾ и мотивахъ, свойственныхъ странамъ, откуда произошли тѣ или иные лады; впоследствии эти каденцы слились съ гаммами, которыя первоначально служили для ихъ выполненія. Все это теперь ускользаетъ отъ насъ. Наши музыканты удивляются, что дорическій ладъ, соотвѣтствующій нашему минорному тону, почитался за его твердую и мужественную важность. Можетъ быть, такое различіе сужденій сильно зависитъ отъ измѣненія нравственныхъ понятій; то, что греки разумѣли подъ мужественнымъ тономъ, разумѣется, не вполне соотвѣтствовало понятію, вызываемому въ насъ этими самыми словами.

(A. Croiset. La Poésie de Pindare, стр. 72—83).

13. Музыка въ Спартѣ.

Спартанцы обращали большое вниманіе на музыку и пѣніе. Ихъ собственная музыка отличалась чѣмъ-то про-

¹⁾ Каденца—вводный эпизодъ въ музыкальномъ произведеніи, не имѣющій неразрывной связи съ основной темой.

никновеннымъ, возбуждающимъ мужество и великодушныя чувства, внушающимъ великіе порывы энтузіазма. Слова пѣсенъ были просты и мужественны. Они лишь восхваляли тѣхъ, кто жилъ благородно и имѣлъ счастье умереть за Спарту, или же порицали людей, проявившихъ трусость, обрекая ихъ на жалкое и несчастное существованіе. Наконецъ, въ пѣсняхъ прославлялась и воспѣвалась въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ храбрость, приличествующая разнымъ возрастамъ.

Сообразно съ тремя возрастами человѣка, у спартанцевъ было три хора. На празднествахъ эти хоры соединялись, и старцы начинали пѣть:

„Въ прежнія времена и мы были
Молоды, сильны и смѣлы!“

Послѣ нихъ хоръ мужей подхватывалъ:

„Мы сильны и смѣлы теперь
И можемъ доказать это всякому встрѣчному!“

Третій хоръ, дѣтскій, доканчивалъ затѣмъ:

„Наступитъ день, когда и мы будемъ такими же
И даже превзойдемъ васъ во многомъ“.

Наконецъ, военныя пѣсни спартанцевъ внушали мужество, увѣренность въ себѣ и презрѣніе къ смерти. При столкновеніи съ непріателемъ эти пѣсни пѣли хоромъ подъ аккомпанементъ флейты. Ликургъ использовалъ любовь къ музыкѣ для военныхъ упражненій, чтобы избытокъ воинственнаго пыла упорядочивался мѣрными звуками и чтобы въ него были внесены совершенная гармонія и согласованность дѣйствій. Въ виду этого царь передъ началомъ битвы приносилъ жертву Музамъ, чтобы сражающіеся совершили подвиги, о которыхъ стоило бы рассказать и передать со славою потомству.

Но видоизмѣнять старую музыку строго воспрещалось. Самъ Терпандръ ¹⁾, искуснѣйшій музыкантъ своего времени, пѣвецъ героическихъ подвиговъ, былъ приговоренъ эфорами къ штрафу, потому что онъ, стремясь къ разно-

¹⁾ Терпандръ—греческій музыкантъ и поэтъ VII в. до Р. Х.

образію аккордовъ, прибавилъ одну струну къ лирѣ: до такой степени пользовались любовью самыя простыя мелодіи.

(Плутархъ. Обычаи спартанцевъ, 14—17).

14. Лавочки парикмахеровъ.

Забота о наружности заставляла аѳинянь высшаго общества часто заглядывать въ лавочки своихъ парикмахеровъ, и въ то время, какъ одинъ изъ посѣтителей, закутанный въ халатъ, былъ занятъ стрижкой волосъ и бороды, а другой ожидалъ своей очереди, языки остальныхъ работали во всю: греки всегда были большими любителями поболтать. Лавочки парикмахеровъ въ Аѳинахъ были, такимъ образомъ, мѣстомъ свиданій праздныхъ людей; онѣ играли роль нашихъ современныхъ кафе. Туда приходили даже безъ всякаго дѣла—просто, чтобы повидать пріятелей, узнать или рассказать сплетни, поговорить о политикѣ...

Каждое сословіе, каждый отдѣльный человѣкъ имѣлъ свои собственныя привычки, и тотъ, кто хорошо былъ знакомъ съ Аѳинами, зналъ, что въ такой-то лавочкѣ была вѣроятность встрѣтить такихъ-то и такихъ-то людей...

Въ высшей степени похвальное желаніе развлечь своихъ посѣтителей, привычка постоянно слышать вокругъ себя болтовню праздныхъ людей развили въ парикмахерахъ страсть говорить обо всемъ, судить вкривь и вкосъ. За ними была твердо установлена репутація болтуновъ и легковѣрныхъ людей, и Плутархъ (*De garrulitate*, 13) рассказываетъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, чтобы доказать справедливость этого...

(Rayet. *Monuments de l'art antique*, т. II).

15. Ссора между молодыми людьми.

„Однажды вечеромъ я, по своему обыкновенію, прогуливался по агорѣ съ Фаностратомъ, молодымъ человѣкомъ моихъ лѣтъ. Вдругъ мимо насъ проходитъ сынъ Конона Ктесій, который былъ пьянъ. Онъ замѣчаетъ насъ, вскри-

киваетъ и, говоря самъ съ собой, какъ это случается съ пьяными, такъ что нельзя было разобрать, о чемъ онъ говоритъ, — идетъ впереди насъ къ кварталу Мелита. Тамъ у валяльщика Памфила собралась для выпивки довольно большая компанія. Ктесій заставляеть ихъ встать и идти на агору.

Они встрѣтились съ нами; тутъ-то и возгорѣлась ссора. Одинъ изъ нихъ—кто именно, я не могъ узнать—бросился на Фанострата и схватилъ его. Ктесій, его отецъ Кононь и нѣкій Теогенъ окружили насъ, набросились на меня, сорвали сначала мой плащъ, а затѣмъ, подставивъ мнѣ ногу, столкнули въ канаву и надавали такихъ ударовъ ногами и палками, что у меня оказалась разбитой губа и глаза затекли до такой степени, что я не могъ раскрыть ихъ. Однимъ словомъ, они оставили меня въ такомъ ужасномъ состояніи, что я не могъ ни подняться, ни говорить. Лежа на землѣ, я слышалъ, какъ они осыпали меня разными оскорбленіями...

Кононь закричалъ, подражая пѣтуху, выпускающему свой побѣдный крикъ; другіе говорили ему, чтобы онъ изобразилъ съ помощью рукъ хлопанье крыльевъ.

Въ это время мимо шли прохожіе, которые подобрали меня, а тѣ люди убѣждали съ моимъ плащомъ. Когда меня доставили домой, моя мать и служанки подняли крикъ отъ ужаса. Меня не безъ труда отнесли въ баню и, когда хо-рошенько помыли, то показали врачамъ.

(Демосеенъ. Противъ Конона, 7—9).

16. Охота.

Въ сочиненіи Бартелеми ¹⁾ скиѡ Анахарсисъ попадаетъ къ Ксенофонту въ его Скиллонское помѣстье; авторъ

¹⁾ Бартелеми (Barthélemy)—французскій ученый XVIII вѣка, описавшій въ формѣ живого повѣствованія бытъ древнихъ грековъ. Фабулой его произведенія „Путешествіе молодого Анахарсиса въ Грецію“ служитъ воображаемое странствованіе молодого скиѡ по Греціи и его впечатлѣнія отъ греческой жизни.

пользуется этимъ пріемомъ, чтобы описать греческую охоту по сочиненію самого Ксенофонта.

„Иногда“, рассказываетъ Анахарсисъ, „хозяинъ помѣстья убѣждалъ насъ пойти на охоту, которую онъ настойчиво рекомендовалъ молодымъ людямъ въ качествѣ упражненія, лучше всего пріучающаго къ военнымъ трудностямъ.

„Діодоръ (его сынъ) часто водилъ насъ на охоту за перепелами, куропатками и другими птицами. Мы вынимали птицъ изъ клѣтокъ и привязывали среди нашихъ сѣтей. Птицы той же породы, привлеченныя ихъ криками, попадались въ ловушку и утрачивали жизнь или свободу.

„За этими развлеченіями слѣдовали другія, болѣе живыя и разнообразныя. У Діодора было нѣсколько собачьихъ своръ: одна—для зайцевъ, другая—для оленей, а третья, вывезенная изъ Лаконіи или Локриды,—для дикихъ кабановъ. Онъ зналъ всѣхъ своихъ собакъ по именамъ, зналъ также ихъ недостатки и достоинства. Никто лучше его не былъ знакомъ съ пріемами этого вида войны, и онъ говорилъ о ней такъ же хорошо, какъ отецъ его описывалъ ее.

„Вотъ какъ происходила охота на зайца. По тропинкамъ и въ нѣкоторыхъ скрытыхъ проходахъ, куда животное могло скрыться, разставили сѣти разной величины. Мы отправились легко одѣтые и съ палкой въ рукѣ. Доѣзжацій спустилъ одну изъ собакъ, а какъ только онъ замѣтилъ, что она напала на слѣдъ, онъ спустилъ и другихъ, и заяцъ вскорѣ былъ выгнанъ.

„Съ этого момента интересъ удвоился: вниманье было привлечено лаемъ собакъ, криками ободрявшихъ ихъ охотниковъ, скачками и уловками зайца, который во мгновеніе ока пронесся по долинамъ и холмамъ, перескочилъ черезъ рвы и скрылся въ рощѣ; онъ появлялся и исчезалъ нѣсколько разъ и въ концѣ концовъ попался въ одну изъ ловушекъ, разставленныхъ на его пути. Сторожъ, стоявшій поблизости, схватилъ его и отдалъ охотникамъ, которыхъ онъ созвалъ криками и жестами. Подъ впечатлѣніемъ торжества побѣды охотники начинали новую травлю. Мы устраивали ее нѣсколько разъ въ день. Иногда заяцъ скрывался отъ насъ, бросаясь вплавъ въ рѣчку Селинунтъ.

„Для охоты на кабановъ мы запаслись копьями, дротиками и толстыми сѣтями. Оставшіеся на землѣ свѣжіе слѣды животнаго, отпечатки его зубовъ на древесной корѣ и другіе признаки привели насъ къ густымъ зарослямъ. Спустили лаконскую собаку, которая, попавъ на слѣды, дошла до логовища, гдѣ скрывался звѣрь, и оповѣстила насъ о своей находкѣ громкимъ лаемъ; ее сейчасъ же отозвали; въ разныхъ мѣстахъ натянули сѣти, и мы заняли свои мѣста.

„Кабанъ выскочилъ съ моей стороны. Онъ не бросился въ сторону сѣтей, а остановился и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выдерживалъ нападеніе цѣлой своры собакъ и охотниковъ, которые метали въ него стрѣлами и камнями. Затѣмъ онъ вдругъ кинулся на Мосхіона, который хладнокровно ждалъ его, намѣреваясь пронзить копьемъ; но копье это скользнуло по плечу и выпало изъ рукъ охотника, который внезапно рѣшилъ броситься на землю лицомъ внизъ.

„Я былъ увѣренъ въ его гибели. Кабанъ, не находя за что ухватить его, чтобы подбросить вверхъ, сталъ уже топтать его ногами, когда увидѣлъ Діодора, спѣшащаго на помощь товарищу. Онъ сейчасъ же ринулся на новаго врага, который, благодаря большей ловкости или удачѣ, вонзилъ копье звѣрю между лопатками. При этомъ мы были свидѣтелями страшной свирѣпости этого животнаго. Пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ продолжалъ съ яростью наступать на Діодора и своими движеніями лишь вонзалъ желѣзо себѣ въ тѣло все больше и больше. При этомъ нѣсколько нашихъ собакъ были убиты или ранены; но еще больше ихъ погибло на второй охотѣ, когда мы сражались съ кабаномъ цѣлый день. Другіе кабаны, преслѣдуемые собаками, попали въ ловушки, скрытыя вѣтвями.

„На слѣдующій день такимъ же образомъ погибли олени. Мы выгнали многихъ оленей изъ ихъ убѣжищъ, и наши собачьи своры утомляли ихъ до такой степени, что они останавливались на разстояніи полета нашихъ стрѣлъ или бросались въ озера или въ море“.

(Barthélemy. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce,
гл. XXXIX).

17. Путешествіе.

Греки совершали путешествія главнымъ образомъ моремъ. Внутри страны дорогъ было мало, а тѣ, какія имѣлись, были едва проложены. Однако, въ низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ встрѣчаются слѣды дорогъ; въ этихъ случаяхъ онѣ имѣютъ видъ насыпи или плотины; особенно интересна одна такая дорога въ Беотіи, имѣющая 6,6 метра въ ширину. Хорошо содержимая дорога проходила между Аѳинами и Элевзиномъ: она служила для религіозныхъ

Упряжка.

процессій. Около главныхъ международныхъ святилищъ—какова, на примѣръ, Олимпія—тянулась цѣлая сѣть священныхъ дорогъ, по которымъ двигались паломники; для колесъ экипажей прокладывались колеи. Многія рѣчки лѣтомъ пересыхали, а потому мосты были не такъ нужны, какъ въ другихъ странахъ. Въ большинствѣ случаевъ мосты строились деревянные; каменные встрѣчались рѣдко.

Обыкновенно путешествіе совершалось пѣшкомъ или верхомъ на лошади. Иногда для передвиженія пользовались и экипажами, которые дѣлались или въ видѣ двухколесной одноколки, на оси которой находился закрытый съ трехъ сторонъ кузовъ, или же въ видѣ четырехколес-

ной повозки, которая отличалась большей величиной и могла вмѣстить путниковъ съ багажомъ.

Въ Греціи существовали постоянные дворы, но въ нихъ не всегда можно было найти пропитаніе, а потому благоразумнѣе было брать провизію съ собой, и рѣдко кто пренебрегалъ этой предосторожностью. По прибытіи въ какой-нибудь городъ чаще всего останавливались у знакомыхъ. Гостепріимство считалось обязанностью, и всякій богатый или состоятельный человѣкъ имѣлъ особыя комнаты для своихъ друзей. Если же у путешественника не было никого знакомыхъ, онъ охотно проводилъ ночь подъ портиками на свѣжемъ воздухѣ; въ Греціи это не представляло большихъ неудобствъ.

Путешествіе обходилось очень дешево, по крайней мѣрѣ моремъ. Въ IV вѣкѣ проѣздъ изъ Эгины въ Пирей (около 6 миль) стоилъ 2 обола (около 12 коп.), а переѣздъ изъ Египта въ Пирей (200 миль) съ „женою, дѣтьми и багажомъ“ обходился въ 2 драхмы (около 75 коп.).

Сцена изъ греческой жизни.

18. Гостепріимство.

Телемакъ отправляется на розыски отца своего Одисея и прїѣзжаетъ въ сопровожденіи сына Нестора къ спартанскому царю Менелая.

„Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ много-
читимый,

Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.

Съ вѣстью о нихъ ко двору побѣждалъ онъ къ владыкѣ
Атриду;

Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:

—Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца, конечно, изъ племени Діа.

Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней?

Отказать ли

Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали? —

Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый:

—Ты, Этеонъ, сынъ Воэтовъ, еще никогда малоумень

Не былъ, теперь же бессмысленно сталъ говорить, какъ
младенецъ;

Сами не разъ испытывъ гостолюбіе въ странствіи нашемъ,

Мы напоследокъ покоимся дома, и Дій да положить

Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же

Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ
нашъ обоихъ.—

Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣждалъ, за собою

Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ
повелѣвши.

Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное потомъ, сложили;

Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней при-
вязали;

Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячме-
немъ;

Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ ко-
лесницу.

Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,

Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба:

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,

Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.

Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,

Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же

Ихъ и омыла, и чистымъ елеемъ натерла рабыня,

Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба

Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
Тутъ поднесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ
запаса

Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго кравчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хо-
зяинъ:

—Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди“.

Послѣ обѣда

„ Елена велѣла немедля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ тюфяки на
кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягкимъ покровомъ для тѣла косматая мантии бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай“...

При отъѣздѣ Телемака Менелай даритъ ему „пировую
кратеру ¹⁾ богатую; эта кратера вся изъ сребра, но края
золотые, искусной работы“. Самъ Менелай получилъ ее
въ подарокъ отъ сидонскаго царя. Елена также даритъ
ему покрывало „шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ
солнце“, самое лучшее и большее изъ всѣхъ.

(Гомеръ. Одиссея, пѣснь IV, 20—62; 296—301; XV, 101
и сл.).

¹⁾ Кратера или кратеръ—чаша (см. вып. II, стр. 16).

П. Г и р о.

Частная и общественная жизнь грековъ.

(Историческія чтенія).

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія
Н. И. Л И Х А Р Е В О Й.

Выпускъ I.

Содержаніе: Глава первая. **Общія свѣдѣнія.** 1. Эллинскій типъ.—2. Греческій геній.—3. Счастье по понятію аѳинянина.—4. Сравненіе аѳинянь со спартамцами.—5. Спартакское остроуміе.—6. Характеръ ѳиванцевъ.—7. Простота греческой жизни.—8. Дѣленіе времени.—9. Мѣры, вѣсъ и монеты.—10. Способъ счисленія.

Глава вторая. **Семья.** 1. Первобытная семья.—2. Религія какъ основа семьи.—3. Безбрачіе.—4. Цѣль брака въ Греціи.—5. Религіозные свадебные обряды.—6. Приданое.—7. Аѳинская женщина.—8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ.—9. Спартакскія женщины.—10. Энергія спартакскихъ женщинъ.—11. Мужество аргивянокъ.—12. Разводъ.—13. Обряды на 7-й и на 10-й день послѣ рожденія ребенка.—14. Собственныя имена.—15. Усыновленіе.—16. Отцовская власть.—17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.—18. Правила наслѣдованія.—19. Духовное завѣщаніе.—20. Завѣщаніе Платона.—21. Дочь-наслѣдница.—22. Опека.

Глава третья. Воспитаніе. 1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.—2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѳинахъ.—3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.—4. Литературное и музыкальное образованіе.—5. Гимнастика.—6. Высшее образованіе.—7. Модный учитель.—8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.—9. Аѳинская дѣвушка.—10. Эфебія.—11. Клятва эфебовъ.—12. Эфебы внѣ службы.—13. Спартанское воспитаніе.—14. Спартанская дѣвушка.—15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ.

Съ 20-ю рисунками. Цѣна 60 коп.

Выпускъ II.

Содержаніе: Глава четвертая. Частная жизнь. 1. Дворцы гомеровской эпохи.—2. Общій видъ греческихъ городовъ.—3. Богатый домъ въ V и IV вѣкахъ.—4. Обстановка дома.—5. Измѣненія женскаго костюма.—6. Мужской костюмъ IV вѣка.—7. Женскій костюмъ.—8. Борода и волосы.—9. Драгоцѣнныя украшенія.—10. Женскій туалетъ.—11. Бани.—12. Ъда.—13. Повара.—14. Пирь.—15. Паразиты.—16. Роскошь въ Сибарисѣ.—17. Цѣны на съѣстные припасы.—18. Цѣны одежды и мебели.—19. Бюджетъ аѳинской семьи.—20. Медицина.—21. Врачи-жрецы.—22. Исцѣленія въ святилищѣ Эпидавра.—23. Общественные врачи.—24. Частные врачи.—25. Похороны.—26. Необходимость погребенія.—27. Двойкій способъ погребенія.—28. Предметы, клавшіеся въ могилу.—29. Культъ могиль по изображеніямъ на надгробныхъ памятникахъ.—30. Посмертное распоряженіе.

Съ 49-ю рисунками. Цѣна 50 коп.

Изданія Т-ва О. Н. Поповой.

Погодинъ, А., проф. Варш. унив. **Боги и герои Эллады.** Съ 15 рисунк. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Миѣъ какъ олицетвореніе природы.—Міровоззрѣніе дикарей.—Древнѣйшая космогонія грековъ.—Первые боги: Уранъ, Кроносъ, титаны и гиганты.—Борьба Зевса съ Кроносомъ и гигантами.—Зевсъ, Гера, Афина-Паллада, Аполлонъ, Артемида, Посейдонъ и др.—Аргонавты, Гераклъ, Тезей, Персей, Эдипъ.—Основатели царствъ и городовъ.—Герои Троянской войны—Ахиллесъ и Одиссей.

Уч. комит. М. Н. Ш. допущена въ бесплатныя народныя библіотеки.

Книга А. Погодина является полезнымъ вкладомъ въ нашу все еще далеко не богатую литературу для юношества. Тонъ изложенія, при нѣкоторой суховатости, простъ, безъ преувеличенной популяризаціи, т. е. порчи языка, и достаточно серьезенъ. Обширный міръ вѣчно юной эллинской міѣологіи охваченъ полно, несмотря на небольшой сравнительно объемъ книги, и освѣщенъ съ истинно-научной точки зрѣнія.

Изъ отзыва журн. „Русская Мысль“, 1904 г., № 7.

Мезіеръ, А. На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Историч. хрестоматія. Съ 55 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

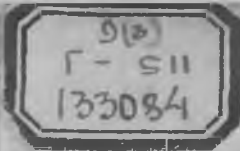
Содержаніе: Часть I. Московская Русь наканунѣ реформъ. Отд. I. Какъ жили московскіе государи.—Отд. II. Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ.—Отд. III. Кѣмъ и какъ управлялось Московское государство.—Отд. IV. Исправленіе книгъ и начало раскола — Отд. V. Бунтъ Стѣнки Разина. Часть II. Эпоха Петра. Отд. I. Царь Петръ и правительница Софія.—Отд. II. Царь-преобразователь и новая Россія за работой.—Отд. III. Кто были противники петровскихъ реформъ.—Отд. IV. Смерть Петра Великаго.

Уч. комит. М. Н. Ш. допущена въ ученич. библ. среднягъ учебныгъ заведеній.

Товарищество О. Н. Поповой
издательство и книжный магазинъ

(С.-Петербургъ, Гороховая, 51).

Каталоги изданій Т-ва высылаются по требованію бесплатно.

П. Гиро

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

Вып. V

ИЗДАНИЕ ТВА О. Н. ПОПОВОЙ
С-ПЕТЕРБУРГЪ

Аѳинскій акрополь въ настоящее время.

9(3)
~~428~~
Г511

190
~~Г51~~

Ж

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

5370
Нил. 16114

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И ЛИХАРЕВОЙ

СЪ 18-Ю РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ V
Пр.65

Пр58

Издание Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Управление.

Содержаніе: 1. Основаніе городовъ.—2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ.—3. Духъ государства-города.—4. Общественные классы.—5. Жители Аѳинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ.—6. Дарованіе правъ гражданства.—7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца.—8. Пересмотръ списковъ гражданъ.—9. Гражданинъ.—10. Порабощеніе гражданина государствомъ.—11. Общественныя трапезы въ Спартѣ.—12. Демы и филы.—13. Любовь къ свободѣ.—14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія.—15. Предпочтеніе, оказываемое правленію средняго класса общества.—16. Демократическія учрежденія.—17. Аѳинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ поэтовъ. — 18. Засѣданіе аѳинскаго Народнаго Собранія.—19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія.—20. Государственный челоуѣкъ V вѣка—Периклъ.—21. Политическій дѣятель IV вѣка—Гиперидъ.—22. Недостатки аѳинской демократіи.—23. Совѣтъ въ Спартѣ.—24. Народное Собраніе въ Спартѣ.—25. Царская власть въ Спартѣ.—26. Эфоры.—27. Борьба партій въ Греціи.—28. Убіиства въ Корцирѣ.—29. Греческій тираннъ II в. до Р. X.

1. Основаніе городовъ.

Греки думали, что мѣстоположеніе города должно выбираться и указываться божествомъ, поэтому при основаніи города они обращались къ дельфійскому оракулу. Геродотъ ¹⁾ называетъ нечестивымъ и безумнымъ поступокъ спартанца Доріея, который выстроилъ городъ, „не обратившись за совѣтомъ къ оракулу и не исполнивъ ни одной изъ предписанныхъ церемоній“; и благочестивый историкъ не выражаетъ никакого удивленія, что городъ, сооруженный безъ соблюденія установленныхъ правилъ, про-

¹⁾ Геродотъ—см. вып. I, стр. 5, прим. 2.

существовалъ только три года. Фукидидъ ¹⁾, вспоминая тотъ день, когда была основана Спарта, сообщаетъ о религіозныхъ пѣснопѣніяхъ и жертвоприношеніяхъ, совершавшихся при этомъ. Тотъ же историкъ рассказываетъ намъ, что у аѳинянъ былъ цѣлый уставъ основанія городовъ и что они не устраивали ни одной колоніи, не согласуя съ этимъ уставомъ своихъ дѣйствій. Въ одной комедіи Аристофана ²⁾ („Птицы“) можно видѣть точную картину церемоніи, совершавшейся въ подобныхъ случаяхъ. Изображая смѣшное основаніе города птицъ, поэтъ, конечно, думалъ объ обычаяхъ, которые соблюдались при основаніи человѣческихъ городовъ, поэтому и вывелъ на сцену жреца, зажигающаго огонь очага и призывающаго боговъ, поэта, поющаго гимнъ, и прорицателя, возглашающаго предсказанія.

Павсаній ³⁾ путешествовалъ по Греціи приблизительно въ эпоху Адріана ⁴⁾. Когда онъ пріѣхалъ въ Мессенію, то заставилъ жрецовъ рассказать ему объ основаніи города Мессены и передалъ намъ ихъ рассказъ. Событіе это совершилось не въ особенно древнія времена, а именно въ эпоху Эпаминонда ⁵⁾. За три вѣка до этого мессенцы были изгнаны изъ своей страны и разсѣяны среди другихъ грековъ. У нихъ не было отечества, но они свято соблюдали свои обычаи и національную религію. Оиванцы хотѣли водворить ихъ въ Пелопоннесъ, чтобы обосновать враговъ Спарты у ея границъ. Но побудить мессенцевъ рѣшиться на это было чрезвычайно трудно. Эпаминондъ, которому приходилось имѣть дѣло съ людьми суевѣрными, рѣшилъ пустить въ ходъ предсказанія оракула, возвѣстившаго, что этотъ народъ возвратится въ свое прежнее отечество. Чудесныя видѣнія засвидѣтельствовали, что національные боги мессенцевъ, измѣнившіе имъ въ эпоху завоеванія, сдѣлались снова благосклонны къ нимъ.

Тогда только этотъ робкій народъ рѣшился отпра-

¹⁾ Фукидидъ—см. вып. I, стр. 4, прим. 2.

²⁾ Аристофанъ—см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

³⁾ Павсаній—см. вып. II, стр. 61, прим.

⁴⁾ Адрианъ—римскій императоръ (117—138 г.).

⁵⁾ Эпаминондъ—оиванскій полководецъ (411—363 г. до Р. Х.).

виться въ Пелопоннесъ въ сопровожденіи ѳиванскаго войска. Но надо было узнать, гдѣ строить городъ, такъ какъ нельзя было даже и подумать о занятіи прежнихъ, оскверненныхъ вражескимъ завоеваніемъ городовъ. Для выбора мѣста населенія невозможно было воспользоваться обычнымъ средствомъ, т. е. запросить дельфійскаго оракула, такъ какъ пиѳія въ то время была на сторонѣ Спарты. Къ счастью, боги имѣли возможность выразить свою волю иными путями. Одному мессенскому жрецу приснилось, что предъ нимъ предсталъ богъ его народа и объявилъ о своемъ намѣреніи обосноваться на горѣ Итомъ и приглашалъ народъ идти туда же. Мѣстоположеніе для новаго города было такимъ образомъ указано. Оставалось узнать, какіе обряды необходимо было выполнить при основаніи его. Мессенцы забыли свои собственные обряды, а воспользоваться обрядами ѳиванцевъ или какого-либо другого народа не могли, и потому не знали, какимъ образомъ приступить къ постройкѣ города. Снова очень кстати на помощь приходитъ сонъ, приснившійся другому мессенцу. Боги приказали ему пойти на гору Итомъ и поискать тамъ тисовое дерево, которое росло около миртоваго, и рыть въ этомъ мѣстѣ землю. Онъ поступилъ, какъ ему было приказано, выкопалъ урну, а въ этой урнѣ нашелъ оловянные листки, на которыхъ былъ начертанъ уставъ священной церемоніи. Жрецы сейчасъ же сняли съ него копію и записали въ свои книги. Всѣ рѣшили, что урна была запечатана какимъ-нибудь древнимъ мессенскимъ царемъ до завоеванія страны.

Къ основанію города приступили немедленно вслѣдъ за полученіемъ устава. Жрецы прежде всего совершили жертвоприношенія. Они призывали древнихъ боговъ Мессеніи: Діоскуровъ ¹⁾, Зевса Итомскаго, древнихъ героевъ, извѣстныхъ и почитаемыхъ предковъ. Мессенцы полагали, что всѣ эти покровители страны покинули ее въ тотъ день, когда въ ней водворился непріятель. Ихъ заклинали снова вернуться сюда, произносили формулы, которыя

¹⁾ Діоскуры—божества Касторъ и Поллуксъ.

должны были принудить ихъ поселиться въ новомъ городѣ вмѣстѣ съ гражданами. Это было очень важно. Главное, къ чему стремились эти люди, было привязать боговъ къ себѣ, и, можно думать, религіозная церемонія не преслѣдовала другой цѣли. Древніе думали, что формулами и обрядами они прикрѣпляютъ національныхъ боговъ къ занятой землѣ и заключаютъ ихъ въ намѣченную ограду. Поэтому они говорили: „Идите къ намъ, божественныя существа, живите съ нами въ этомъ городѣ“. Въ теченіе всего перваго дня происходили жертвоприношенія и молитвы. На другой день при пѣніи народомъ религіозныхъ гимновъ проводилась городская граница.

(Fustel de Coulanges. La cité antique, стр. 157—159).

2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ.

Съ точки зрѣнія современнаго человѣка греческія государства кажутся какими-то миніатюрами ¹⁾. Арголида имѣла отъ 8 до 10 миль въ длину и отъ 4 до 5 въ ширину. Лаконія была почти такой же величины. Ахайя занимала узкую полосу земли по склону горной цѣпи, спускающейся къ морю. Вся Аттика составила бы лишь часть одного изъ нашихъ уѣздовъ. Территорія Коринѳа, Сикіона, Мегары равнялась предмѣстью современнаго города. Обыкновенно, въ особенности на островахъ и въ колоніяхъ, государство представляло собою одинъ городъ съ расположенными вокругъ него фермами и съ морскимъ побережьемъ. Изъ акрополя одного государства невооруженный глазъ легко

¹⁾ Вотъ каково было населеніе (включая и рабовъ) главнѣйшихъ греческихъ государствъ, по вычисленію одного ученаго:

Фокида, Локрида, Дорида	655.700	Лаконія и Мессенія	300.000
Беотія	135.000	Элида	186.000
Аттика	527.600	Ахайя	61.000
Мегара и Корцира	150.000	Сикіонъ	46.000
Коринѳъ	100.000	Фліунтъ	31.000
Арголида	110.000	Аркалія	161.000

(Примѣч. автора).

различалъ акрополь и возвышенности другого, сосѣдняго государства.

При такомъ ограниченномъ пространствѣ всѣ вопросы, связанные съ государствомъ, были совершенно ясны для людей той эпохи. Въ самомъ понятіи отечества не было ничего грандіознаго, отвлеченнаго и неопредѣленнаго, какъ, напримѣръ, у насъ. Оно легко могло быть воспринято внѣшними чувствами, сливалось съ представленіемъ о мѣстѣ рожденія, и оба эти понятія являлись въ умѣ гражданина съ совершенно опредѣленными чертами. Желая представить себѣ Аѳины, Коринѳъ, Аргосъ или Спарту, человекъ воображалъ очертанія своей долины или своего города. Онъ зналъ всѣхъ своихъ согражданъ и могъ легко представить себѣ всѣ уголки своего государства. (Taine. Philosophie de l'art, т. II, стр. 125).

Самые великіе умы Греціи не допускали, чтобы греческое государство могло занимать большія пространства. Когда Платонъ дѣлаетъ мысленно попытку создать республику, отличающуюся прочнымъ устройствомъ, онъ начинаетъ съ указанія, что это государство не должно состоять болѣе чѣмъ изъ 5.040 семействъ. „Если территория“, говоритъ онъ, „сможетъ прокормить такое число жителей, то она достаточно велика, и ее не слѣдуетъ увеличивать“. (Законы, V). Аристотель раздѣляетъ это мнѣніе: „Опытъ показываетъ“, говоритъ онъ, „какъ трудно, чтобы не сказать невозможно, дать правильно-закономѣрную организацію слишкомъ многонаселенному государству. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что всѣ тѣ государства, которыя славятся прекрасной организаціей, не допускаютъ чрезмѣрнаго увеличенія ихъ народонаселенія“. (Аристотель. Политика, VII, 4, 5, пер. Жебелева).

3. Духъ государства=города.

Согласно требованіямъ греческой религіи каждое государство-городъ должно было быть совершенно независимымъ. Каждое изъ нихъ стремилось непременно обладать своимъ собственнымъ сводомъ законовъ, потому что имѣло

свою особую религію, а законъ вытекалъ именно изъ религіи. Судъ въ каждомъ изъ нихъ долженъ былъ пользоваться верховными правами въ области правосудія, и высшей инстанціи не должно было быть. У каждаго государства были свои религіозные праздники и свой календарь. Въ двухъ разныхъ государствахъ были различные годы и мѣсяцы, потому что были различны тѣ или иные религіозные обряды. У каждаго города была своя собственная монета, на которой первоначально изображалась его религіозная эмблема. Каждый имѣлъ свои особые вѣсы и мѣры. Греки не допускали мысли, чтобы между двумя государствами-городами могло быть что-нибудь общее. Разграниченіе проводилось такъ глубоко, что едва могли представить себѣ допустимость браковъ между гражданами двухъ различныхъ городовъ. Подобный союзъ въ то время казался всегда страннымъ, и въ теченіе долгаго времени его считали незаконнымъ. Аѣинское законодательство видимо не хотѣло признавать такого брака, и повсюду дѣти, родившіяся отъ него, считались незаконными и лишались гражданскихъ правъ. Для признанія законнымъ брака между жителями двухъ государствъ-городовъ требовалось особое соглашеніе.

Вокругъ территоріи каждаго государства-города проходила священная линія границы. Это была граница и для національной религіи и для ея боговъ. По ту сторону этой линіи царили другіе боги и отправлялся другой культъ.

Самой поразительной чертой исторіи Греціи и является это крайнее раздробленіе территоріи и духъ обособленности, царившій въ каждомъ изъ государствъ-городовъ. Греціи никогда не удавалось объединиться въ одно государство. Это не поддающееся никакимъ вліяніямъ раздробленіе Греціи приписывалось природѣ ея страны. Говорили, что пересѣкающіяся во всѣхъ направленіяхъ горы устанавливали между людьми естественныя границы. Но горъ не было между Фивами и Платеей, между Аргосомъ и Спартой, Сибарисомъ и Кротонемъ. Географическія условія оказываютъ, конечно, извѣстное вліяніе на исторію народовъ, но воздѣйствіе религіозныхъ вѣрованій въ этомъ отношеніи гораздо могущественнѣе. Между двумя сосѣдними

государствами воздвигалось нѣчто болѣе непроходимое, чѣмъ горы, и заключавшееся въ рядѣ пограничныхъ священныхъ камней, различіи культовъ, преградахъ, которыя каждое государство-городъ воздвигало между иностранцемъ и своими богами. Государство воспрещало чужеземцу доступъ въ храмы своихъ городскихъ боговъ. Оно требовало, чтобы принадлежащіе ему боги ненавидѣли и поражали иностранцевъ ¹⁾).

Вслѣдствие этого древніе греки не могли ни создать, ни даже вообразить никакой другой общественной организаціи, кромѣ государства-города. Имъ казалось невозможнымъ, чтобы нѣсколько городовъ объединились и жили на равныхъ правахъ, имѣя одно и то же правительство. Случалось иногда, что два государства-города заключали союзъ, временное соглашеніе въ виду какой-нибудь общей выгоды или необходимости устранить опасность, но полного сліянія не происходило, потому что религія создавала изъ cadaго государства-города особую организацію, которая ни съ какой другой не могла соединиться. Обособленность была закономъ государства-города. (Fustel de Coulanges. *La cité antique*, стр. 237—239).

4. Общественные классы.

При изученіи соціального строя Греціи въ древнѣйшую эпоху, т. е. въ царскій періодъ, можно замѣтить, что первое мѣсто въ обществѣ занимаетъ классъ, состоящій изъ главъ семей. Часто этихъ людей считали такими же благородными, какъ и царей. Они любили приписывать себѣ божественное происхожденіе; какъ и цари, они носили наименованіе βασιλεύς. Въ Итакѣ домъ Одиссея былъ царскимъ по преимуществу, но онъ не былъ единственнымъ родомъ, имѣющимъ царское званіе; кромѣ него существовали богатые землевладѣльцы, которымъ принадлежала и большая часть обработанной земли. Наконецъ, они соби-

¹⁾ Рѣчь тутъ идетъ только о древнемъ періодѣ; съ теченіемъ времени чувства эти очень ослабѣли. (Прим. автора).

рались вокругъ царя на совѣтъ и, въ зависимости отъ обстоятельствъ, высказывали свои мнѣнія или диктовали свою волю.

Второй классъ общества состоялъ изъ всѣхъ находящихся въ родствѣ съ главами благородныхъ фамилій. И по рожденію и по правамъ эти люди также принадлежали къ классу аристократіи. Они владѣли землей и, если не засѣдали въ Совѣтѣ, то присутствовали на собраніяхъ гражданъ. Ихъ болѣе низкое положеніе вытекало только изъ того обстоятельства, что они были обязаны повиновеніемъ главамъ фамилій, въ то время какъ эти послѣдніе покорялись только царю.

Третье мѣсто въ обществѣ занимали постоянные слуги дома, подраздѣлявшіеся на рабовъ и вольноотпущенниковъ.

Къ послѣднему классу можно отнести всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не могли ни на какихъ основаніяхъ умѣститься въ семейныя рамки людей, о которыхъ шла рѣчь. Это могло случиться или потому, что они по доброй волѣ или по принужденію вышли изъ семьи, или же потому, что имъ было отказано во вступленіи въ нее. По этой причинѣ они вели очень необезпеченное существованіе. Сюда входили ремесленники, случайные сельскіе рабочіе, искатели приключеній, нищіе.

Съ паденіемъ царской власти социальное устройство греческихъ государствъ нисколько не измѣнилось. Аристократія продолжала занимать господствующее положеніе, и можно отмѣтить только ту разницу, что отнынѣ управленіе всецѣло принадлежало ей одной. Этотъ благородный и въ то же время богатый классъ часто назывался древними авторами классомъ всадниковъ. Слѣдуетъ хорошенько вдуматься въ смыслъ этого слова. Всадникомъ былъ не тотъ человѣкъ, который отправлялся на войну верхомъ на лошади, но тотъ, кто обладалъ лошадьми. Въ тѣ времена, когда пастбищъ было въ изобиліи, лошади наравнѣ съ быками и овцами представляли одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства. Состояніе измѣнялось главнымъ образомъ количествомъ скота, и достаточно было замѣтить,

что такой-то человекъ занимается разведеніемъ скота, чтобы этимъ опредѣлилась его принадлежность къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Преобладающая роль всадниковъ зависѣла отъ того, что они владѣли значительною частью земли. Въ нѣкоторыхъ республикахъ этотъ классъ носилъ названіе геоморовъ, что означало людей, которые подѣлили между собою землю. Это наименованіе особенно употреблялось въ Сиракузахъ и на о-вѣ Самосѣ. Геоморы владѣли всей землею и захватили всю власть.

Аристократія не представляла собою вполне замкнутой касты, и нерѣдко случалось, что какой-нибудь иностранецъ благороднаго происхожденія получалъ доступъ въ нее, но для людей престопаго происхожденія онъ не открывался никогда. Повидимому, даже этотъ классъ не считалъ допустимыми смѣшанные браки. Однако, мало-помалу наряду съ аристократіей образовалась своего рода богатая буржуазія, которая пріобрѣтала все больше и больше значенія. Свое богатство этотъ классъ черпалъ главнымъ образомъ изъ торговли и промышленности, получившихъ, начиная съ VIII вѣка, громадное развитіе. Но онъ началъ въ послѣдствіи пріобрѣтать также земли и принялся обрабатывать незанятые пространства, луга и лѣса, предоставляемые ему государствомъ. Буржуазія энергично стремилась не упустить никакого случая, дававшего возможность пробить брешь во владѣніяхъ аристократіи, и такіе случаи становились все болѣе и болѣе частыми.

Греція въ это время представляла собою картину общества, гдѣ еще не было вполне опредѣленно установленныхъ общественныхъ группъ и гдѣ, наоборотъ, непрерывное поступательное движеніе толкало низшій классъ сблизиться съ классомъ среднимъ, и этотъ послѣдній — смѣшаться съ высшимъ. Прогрессъ этотъ осуществился благодаря труду. Гезіодъ¹⁾ воспѣваетъ тотъ видъ соревнованія, который побуждаетъ человека состязаться со своимъ сосѣдомъ въ дѣятельности. Для выраженія своей страсти къ работѣ и жадности къ наживѣ Гезіодъ находитъ выра-

¹⁾ Гезіодъ — см. вып. III, стр. 31, прим.

женія исключительныя по силѣ, и подобныя чувства испытывалъ не онъ одинъ. Въ этомъ отношеніи онъ только былъ выразителемъ ходячихъ въ его время идей, и вполне понятно, что такое настроеніе умовъ способствовало созданію благосостоянія, а затѣмъ и богатства многихъ людей.

Всякая преграда между двумя классами, которымъ досталось богатство, должна была исчезнуть. Они начали сливаться между собой посредствомъ браковъ, хотя аристократія, желавшая поддержать чистоту своей крови, была этимъ крайне скандализована, и вскорѣ старинная родовая аристократія почти повсюду уступила мѣсто аристократіи богатства. Такимъ образомъ, въ Аѳинахъ уже съ Солона (въ началѣ VI в. до Р. Х.) социальныя различія опредѣлялись доходами каждаго человѣка. Въ первый классъ, п е н т а к о с і о м е д и м н о в ѣ, входили всѣ граждане, земля которыхъ давала чистый доходъ въ 500 медимновъ (262 гектолитра) зерна или жидкости. Второй классъ, в с а д н и к о в ѣ, долженъ былъ получать урожай въ 300 медимновъ (157 гектолитровъ). Третій классъ, з е в г и т о в ѣ (тяжело вооруженной пѣхоты)—200 медимновъ (105 гектолитровъ). Если доходъ былъ ниже этой цифры, то человѣкъ записывался въ число ѳ е т о в ѣ.

Каждый изъ этихъ классовъ пользовался особыми общественными преимуществами, но повинности ихъ находились въ прямомъ соотношеніи съ ихъ привилегіями, и каждый гражданинъ обязанъ былъ по отношенію къ государству тѣмъ большими повинностями, чѣмъ большими правами онъ пользовался. Надо замѣтить, что при этомъ дѣленіи гражданъ на классы принимались во вниманіе только земельныя богатства. Впослѣдствіи аѳиняне стали сообразоваться также и съ движимымъ имуществомъ, и въ первый классъ начали допускаться люди, обладающіе достаточнымъ доходомъ или капиталомъ, независимо отъ ихъ источника. Но классы въ ту эпоху уже измѣнили свой характеръ, принадлежность къ нимъ не связывалась больше съ политическими правами и служила только для установленія различныхъ разрядовъ плательщиковъ налога.

Старинное дѣленіе на классы Солона было даже уничтожено въ IV вѣкѣ. Съ этого времени въ Аѣинахъ стали только различать богачей, обладавшихъ литургическимъ цензомъ ¹⁾, и людей, которые его не имѣли. Собственно говоря, это были не настоящіе социальныя классы, но разряды, установленные для взиманія податей. Однако, не слѣдуетъ думать, что съ этого момента въ Атикѣ установилось полное равенство: въ ней всегда продолжала существовать настоящая общественная іерархія. Рабы, вольноотпущенники и метэки, т. е. поселившіеся на постоянное жительство иностранцы, занимали низшія ступени; законъ ставилъ ихъ всѣхъ значительно ниже гражданъ: онъ не признавалъ никакихъ правъ за рабами, отказывалъ въ распространѣніи политическихъ правъ на метэковъ и вольноотпущенниковъ и не давалъ имъ даже полныхъ гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ, хотя въ самыхъ демократическихъ обществахъ граждане и были, за ничтожными исключеніями, всѣ равны между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сами составляли совершенно замкнутую олигархію. Эта олигархія рѣзко выдѣлялась изъ массы всего населенія; проникнуть въ нее людямъ, стоящимъ внѣ ея, было очень трудно, и относилась она къ этимъ послѣднимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, которое въ прежнія времена проявляли аристократы по отношенію къ простонародью. Въ Аѣинахъ цифра этихъ привилегированныхъ достигла 80.000, количество же остального населенія было болѣе 400.000.

Въ аристократическихъ государствахъ разслоеніе общества намѣчалось еще рѣзче. Если взять въ качествѣ типичной страны Лаконію, то въ ней можно видѣть три разряда людей: и л о т ы—крѣпостные, соединенные съ землей неразрывною связью; п е р і э к и—происходившіе отъ первобытныхъ обитателей этой страны и пользовавшіеся только гражданскими правами; наконецъ, с п а р т і а т ы—доряне по происхожденію и единственные граждане; среди нихъ съ теченіемъ времени также произошли подраздѣленія, и такимъ образомъ эта и безъ того немногочисленная оли-

¹⁾ Литургія—см. ниже. гл. XI, § 9.

гархія дала новую олигархію, еще болѣе тѣсную. Ее называли классомъ равныхъ, и она сосредоточила въ своихъ рукахъ всѣ богатства и всю власть. Ниже равныхъ по общественному положенію слѣдовали въ нисходящемъ порядкѣ неодамоды, мотаки и низшіе. Подъ этими наименованіями подразумѣвались люди, которые не успѣли приобрѣсть всѣхъ политическихъ правъ, или которые по разнымъ причинамъ отчасти утратили ихъ. Всѣ эти подчиненные классы были проникнуты глубокой ненавистью по отношенію къ равнымъ. „Не существовало такого илота, періэка или неодамода“, говоритъ Ксенофонтъ¹⁾, „которому не доставило бы удовольствія съѣсть спартіата живьемъ“.

Во всѣхъ республикахъ существовала одна грань, которую законы никогда не могли сгладить, потому что она вытекала изъ самой сущности вещей. Это — грань, отдѣлявшая богатыхъ отъ бѣдныхъ. Можно даже видѣть, что начиная съ IV вѣка между гражданами осталось только это единственное различіе, и хотя оно не было установлено законами, тѣмъ не менѣе существованіе его было вполнѣ реально. Въ нѣкоторыхъ государствахъ пытались ослабить его путемъ проведенія системы налоговъ, отнимавшихъ у богатыхъ ежегодно значительную часть ихъ состоянія, и путемъ системы вспомошествованія, которая если и не доставляла бѣдному благосостоянія, то все же мѣшала ему впасть въ крайнюю нищету. Такъ обстояло дѣло въ Аѳинахъ. Въ результатѣ подобныхъ мѣропріятій было уменьшеніе классовой ненависти и предупрежденіе революцій, но общественный миръ въ Греціи соблюдался только въ видѣ исключеній. Бѣднякъ имѣлъ тамъ меньше возможности, чѣмъ у насъ, возвыситься благодаря труду и экономіи, потому что ему приходилось бороться съ конкуренціей рабовъ, и онъ не всегда могъ найти приложение для своихъ физическихъ или умственныхъ силъ.

Бывали, конечно, случаи, что человѣкъ, вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества, выдвигался мало-по-малу въ первые ряды, но это происходило рѣдко. Такимъ обра-

¹⁾ Ксенофонтъ — см. вып. I, стр. 44, прим.

зомъ, населеніе каждаго города дѣлилось на два класса: одинъ—классъ владѣльцевъ, который стремился увеличить свое богатство и сохранить его; другой—„бѣдный и въ то же время лѣнивый, завистливый и несчастный, жаждавшій богатства, но не обладавшій ни умѣніемъ, ни возможностью достигнуть его“. (Fustel de Coulanges). На сторонѣ этого класса была численность и грубая сила. У него явилась мысль использовать это двоякое преимущество для захвата состоянія своихъ противниковъ. Это создало почву для длиннаго ряда насилій и гражданскихъ войнъ, которыя во всѣ времена были бичомъ Греціи, но которыя въ третьемъ и во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова особенно усилились.

5. Жители Аѳинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ.

Многіе жители Аттики, помимо рабовъ, не входили въ составъ аѳинскихъ гражданъ.

1. Метэки.—Метэкомъ назывался иностранецъ, поселявшійся въ какомъ-нибудь городѣ на постоянное жительство. Онъ обязанъ былъ найти себѣ среди гражданъ патрона (покровителя), въ противномъ случаѣ имущество его подвергалось конфискаціи. Онъ долженъ былъ нести всѣ обычные налоги и военную службу. Онъ не допускался только въ разрядъ всадниковъ; кромѣ того, онъ платилъ специальный налогъ въ 12 драхмъ (около 4 р. 45 коп.) ежегодно. Онъ не имѣлъ права пріобрѣтать земельную собственность и могъ владѣть только рабами и движимымъ имуществомъ; поэтому большинство метэковъ занимались торговлей и промышленностью. Нѣкоторые изъ нихъ получали особую привилегію, называемую изотеліей. Она давала имъ возможность не имѣть патрона и не платить особаго налога. Они пріобрѣтали, кромѣ того, всѣ гражданскія права.

2. Вольноотпущенники. — Вольноотпущенникъ былъ почти всегда иностранцемъ по происхожденію и почти во всемъ подобенъ метэку; различіе между ними заклю-

чалось только въ одномъ: вольноотпущенникъ былъ лишень права свободно выбрать себѣ патрона, и эту роль непременно долженъ былъ играть его прежній господинъ.

3. Νόθος.—Такъ назывались не только дѣти, происшедшія отъ родителей, которые не вступили въ законный бракъ, но также тѣ люди, отецъ и мать которыхъ были иностранцами. По положенію они сливались съ метэками. Надо прибавить, впрочемъ, что большею частью на такого рода отклоненія отъ законовъ въ Аѳинахъ смотрѣли сквозь пальцы.

Приобрѣтеніе правъ гражданства считалось большимъ счастіемъ, но для этого требовалось выполненіе многочисленныхъ формальностей. Прежде всего закономъ было запрещено „дѣлать аѳиняниномъ человѣка, который не заслужилъ правъ гражданства какими-нибудь значительными услугами, оказанными государству“. (Демосѳенъ. Противъ Неэра, 89). Во-вторыхъ, надо было, чтобы какое-нибудь частное лицо внесло проектъ подобнаго постановленія, а народъ рѣшилъ бы, что этотъ проектъ подлежитъ обсужденію. Если онъ соглашался обсудить его, то голосованіе происходило на особомъ собраніи, гдѣ должно было присутствовать по крайней мѣрѣ 6.000 гражданъ. Наконецъ, каждый гражданинъ, если онъ не находилъ это предложеніе справедливымъ, могъ поднять процессъ противъ человѣка, внесшаго его, и суды пользовались правомъ отмѣнить принятое постановленіе.

Иногда бывали попытки незаконнаго внесенія своего имени въ списки гражданъ, что можно было сдѣлать при посредствѣ какого-нибудь должностного лица. Открытіе подобнаго подлога влекло за собой утрату имущества и продажу въ рабство.

6. Дарованіе правъ гражданства.

„Принимая во вниманіе, что врачъ Эвеноръ всегда проявлялъ благожелательность по отношенію къ народу и что онъ оказывалъ своимъ искусствомъ услуги гражданамъ и другимъ обывателямъ города, что недавно онъ пожертво-

валъ въ казну талантъ серебра (около 2.220 руб.), народъ рѣшилъ воздать Эвенору честь и увѣнчать его оливковымъ вѣнкомъ за благожелательность къ аѳинскому народу. Эвеноръ и всѣ его потомки будутъ аѳинянами. Онъ можетъ вписаться въ какую угодно филу, демъ и фратрію, сообразуясь при этомъ съ закономъ. Голосованіе относительно него произойдетъ въ ближайшемъ народномъ собраніи. Настоящее постановленіе будетъ выгравировано на каменной стелѣ и поставлено въ Акрополѣ.

(Corp. inscript. Attic., т. II, 187).

7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца.

Нѣкій иностранецъ Панклеонъ выдалъ себя за платейца, что почти приравнивало его къ аѳинскимъ гражданамъ. Одинъ враждовавшій съ нимъ аѳинянинъ сталъ преслѣдовать его по суду, и до насъ дошла рѣчь, произнесенная имъ по этому поводу.

„Такъ какъ въ теченіе долгаго времени онъ причинялъ мнѣ вредъ, то я отправился въ лавочку валяльщика, гдѣ онъ работалъ, и позвалъ его къ полемарху, такъ какъ думалъ, что онъ метэкъ. Онъ выдавалъ себя за платейца. Я спросилъ его, изъ какого ~~онъ~~ дема¹⁾); онъ отвѣчалъ, что принадлежитъ къ Декелейскому дему. Тогда я пошелъ къ одному парикмахеру, у котораго часто бывали декелейцы, и сталъ наводить справки, знаютъ ли они нѣкоего Панклеона, принадлежащаго къ ихъ дему. Никто не зналъ его. Поэтому я вошелъ въ сношеніе съ платейцемъ Эвѳикритомъ, чтобы узнать, не извѣстенъ ли ему платеецъ Панклеонъ, сынъ Гиппармодора. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что знаетъ Гиппармодора, но что у него нѣтъ сыновей. Такъ какъ въ послѣдній день каждаго мѣсяца платейцы собираются на сырномъ рынкѣ, то я пошелъ туда и разспрашивалъ всѣхъ. Никто не зналъ Панклеона. Одинъ только, по имени Никомедъ, сказалъ мнѣ, что у него былъ рабъ, носящій это имя; указавъ возрастъ и ремесло этого раба, онъ заявилъ,

¹⁾ Демъ — см. ниже § 12.

что послѣдній убѣжалъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней Никомедъ схватилъ Панклеона, какъ свою собственность, но друзья Панклеона отняли его у Никомеда“...

(По Лизію. Рѣчь XXIII).

8. Пересмотръ списковъ гражданъ.

Иногда производилась общая провѣрка списка гражданъ. Этотъ пересмотръ совершался внутри cadastra. Члены cadastra на особомъ собраніи подвергали голосованію одно за другимъ различныя имена и незаконно внесенныя вычеркивали. Впрочемъ, это голосованіе можно было обжаловать въ судъ, рѣшеніе котораго было уже окончательнымъ. Рѣчь Демосѳена Противъ Эвбулида сообщаетъ намъ множество подробностей относительно этихъ вопросовъ.

„Когда было названо мое имя“, говоритъ жалобщикъ, „уже вечерѣло. Шелъ шестидесятый номеръ, и я былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, кто вызывался въ этотъ день. Люди болѣе пожилые уже ушли, торопясь домой. Оставалось не болѣе 30 человѣкъ. Когда произнесли мое имя, Эвбулидъ вскочилъ и началъ порочить меня; онъ говорилъ много и очень быстро, крайне повышеннымъ тономъ, но не славшись ни на одного свидѣтеля, могущаго удостовѣрить его утвержденія; затѣмъ онъ заставилъ членовъ cadastra голосовать за мое исключеніе. Я просилъ, чтобы дѣло перенесли на другой день. Часъ шелъ поздній, никого не было, кто могъ бы поддержать меня, и все это захватило меня врасплохъ. Но этотъ человѣкъ совершенно не пожелалъ считаться съ моей формальной просьбой и сразу сталъ раздавать присутствующимъ гражданамъ таблички для голосованія. Его сторонники встали и подали голоса. Было уже темно; они получали по двѣ или по три таблички и опускали ихъ въ урну. Хотя было не болѣе 30 голосовавшихъ, къ великому изумленію всѣхъ насъ, табличекъ оказалось болѣе 60“ (10—13).

Жалобщикъ переноситъ тогда дѣло въ судъ и старается доказать, что отецъ его былъ не иноземцемъ, какъ это утверждали его враги, а аѳиняниномъ, мать его также была

аѳинянкѡй. Онѣ самѣ всегда пользовался правами гражданства; доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что онѣ былѣ жрецомъ въ своемъ собственномъ демѣ. Онѣ указываетъ также, что при пересмотрѣ списковъ были допущены и другія злоупотребленія: „Вотѣ, напримѣръ, братья отѣ однихъ и тѣхъ же отца и матери: нѣкоторые изъ нихъ вычеркнуты изъ списка, другіе—нѣтъ. Вотѣ несчастные старцы, подвергшіеся исключенію, тогда какѣ сыновья ихъ оставлены. Но послушайте о еще худшемъ. Нѣкоторые иноземцы хотѣли сдѣлаться гражданами. Сторонники Эвбулида приняли ихъ за извѣстную плату, которую подѣлили между собой по 5 драхмъ (около 1 р. 85 к.) на человѣка. Число принятыхъ за деньги или отвергнутыхъ соучастниками Эвбулида — очень значительно. Отецъ послѣдняго Антифилъ, будучи демархомъ ¹⁾, нѣкогда воспользовался тѣмъ же приемомъ, чтобы вынудить многихъ лицъ давать ему деньги. Онѣ заявилъ, что общественный списокъ утраченъ, и заставилъ жителей дема проголосовать другъ друга; при этомъ его нападкамъ подверглось 10 человѣкъ, которые и были исключены; но судъ возстановилъ всѣхъ, кромѣ одного, въ ихъ правахъ“. (58—60).

9. Гражданинъ.

Гражданиномъ назывался человѣкъ, который пользовался гражданскими и политическими правами во всей полнотѣ. Гражданскія права состояли въ правѣ вступать въ законный бракъ, владѣть земельнымъ и движимымъ имуществомъ, лично являться на судъ для защиты своего дѣла. Политическія права состояли въ правѣ принимать участіе въ народномъ собраніи, выступать на немъ съ рѣчами и занимать общественныя должности.

Гражданскими правами въ аристократическихъ государствахъ пользовались всѣ свободные взрослые люди, кромѣ иностранцевъ, но не всѣ обладали политическими правами. Такъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ, даже послѣ Солона, общественныя должности предоставлялись членамъ богатыхъ или

¹⁾ Демархъ—см. ниже § 12.

состоятельныхъ классовъ. Бѣдные совершенно не могли пользоваться властью. Почти повсюду участіе въ управленіи предполагало, что человѣкъ удовлетворяетъ извѣстнымъ условіямъ происхожденія и богатства. Развитіе демократіи и состоитъ именно въ томъ, что мало-по-малу были уничтожены всѣ эти преграды. Такова характерная черта внутренней исторіи Аѳинъ. Но даже и въ Аѳинахъ, если взять общее число населенія, граждане составляли лишь незначительное меньшинство. На 500.000 человѣкъ ихъ приходилось не болѣе 20.000, и то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, это было слишкомъ много. Во время господства олигархіи Четырехсотъ ¹⁾ количество гражданъ доходило до 5.000. Въ Спартѣ развитіе шло обратнымъ порядкомъ. Первоначально, какъ говорятъ, тамъ было 9.000 гражданъ, но цифра эта однажды опустилась до 700 человѣкъ.

Лишеніе гражданскихъ правъ, или атимія, было однимъ изъ наказаній, широко примѣнявшихся судами. Существовали различныя степени этого лишенія. Иногда дѣло сводилось къ утратѣ всѣхъ политическихъ правъ или только части ихъ, иногда оно распространялось и на гражданскія права. Наказаніе могло быть то временнымъ, то безсрочнымъ, то даже наслѣдственнымъ. Это находилось въ зависимости отъ свойства совершеннаго преступленія. Во всѣхъ греческихъ государствахъ число *ἄτιμοι* было чрезвычайно велико. Иногда они получали амнистію и возвращались тогда къ своему первоначальному положенію, но каждому отдѣльному *ἄτιμος* было очень трудно добиться возстановленія правъ. Для этого требовалось выполнить почти тѣ же самыя формальности, какъ и при дарованіи правъ новому гражданину.

10. Порабощеніе гражданина государствомъ.

Основой государства-города являлась религія, а внутреннее устройство его было подобно церкви. Отсюда—его сила, а также его всемогущество и безграничная власть надъ его членами. Въ обществѣ, основанномъ на такихъ

¹⁾ Въ началѣ V вѣка.

началахъ, личная свобода не могла существовать. Гражданинъ во всѣхъ отношеніяхъ и безъ всякихъ оговорокъ принадлежалъ государству и былъ всецѣло подчиненъ ему. Религія, породившая государство, и государство, поддерживавшее религію, оказывали другъ другу помощь и составляли какъ бы одно цѣлое. Эти двѣ вступившія въ союзъ и слившіяся силы приобрѣли почти сверхчеловѣческое могущество и поработили себѣ равнымъ образомъ и душу и тѣло человѣка.

Зависимость распространялась на всѣ стороны человѣческаго существованія. Тѣло грека принадлежало государству и было вручено его защитѣ. Состояніе его всегда находилось въ распоряженіи государства. Если государство испытывало нужду въ деньгахъ, оно могло приказать женщинамъ отдать ему свои драгоценности, кредиторамъ — передать ему ихъ закладныя, собственникамъ оливковыхъ деревьевъ—уступить ему бесплатно добытое ими масло.

Это всемогущество государства распространялось и на частную жизнь. Во многихъ греческихъ государствахъ мужчинѣ запрещалось оставаться холостымъ. Въ Спартѣ наказаніе несъ не только тотъ, кто не вступалъ въ бракъ, но даже и тотъ, кто женился поздно. Въ Аѣинахъ государство могло предписать быть дѣятельнымъ, въ Спартѣ—ничего не дѣлать. Тираннія государства доходила до вмѣшательства въ мельчайшія подробности частной жизни: въ Локрахъ мужчинамъ по закону воспрещалось пить чистое вино, въ Милетѣ и Массилии это запрещеніе касалось женщинъ. Законодательныя постановленія относительно одеждъ были обычнымъ явленіемъ въ каждомъ городѣ. Законодательство Спарты устанавливало женскія прически. Въ Аѣинахъ законы воспрещали женщинамъ брать въ путешествіе болѣе трехъ платьевъ. Въ Родосѣ запрещалось бритье бороды, въ Византіи законъ наказывалъ штрафомъ людей, державшихъ у себя дома бритву; въ Спартѣ, наоборотъ, требовалось сбривать усы.

Государство пользовалось правомъ не допускать существованія гражданъ съ безобразной наружностью или калѣкъ. Оно могло приказать отцамъ, у которыхъ родились

уродливыя дѣти, умертвить ихъ. Это постановленіе находится въ древне-спартанскомъ сводѣ законовъ Намъ неизвѣстно, существовало ли оно въ Аѳинахъ. Мы знаемъ только, что оно было включено Аристотелемъ и Платономъ въ ихъ идеальное законодательство.

Плутархъ и Руссо ¹⁾ приходили въ восторгъ отъ одной черточки въ спартанской исторіи. Когда Спарта потерпѣла пораженіе при Левктрахъ, многіе изъ ея гражданъ погибли. При этомъ извѣстіи родственники погибшихъ должны были являться публично съ веселыми лицами. Мать, узнавшая, что сынъ ея избѣгъ гибели и скоро будетъ съ нею, проявляла печаль и плакала. Та же, которая получала извѣстіе, что она не увидитъ больше своего сына, выражала радость и обходила храмы, принося благодарность богамъ. Какова, слѣдовательно, была власть государства, если оно требовало извращенія естественныхъ чувствъ, и требованіямъ этимъ покорялись!

Государство не допускало проявленія равнодушія къ его интересамъ. Философъ, человѣкъ науки не пользовался правомъ жить вдали отъ общественныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ участвовать въ голосованіяхъ и выполнять обязанности должностного лица, когда наступала его очередь. Государство не разрѣшало гражданину въ эту эпоху частыхъ общественныхъ смутъ занимать нейтральное положеніе: онъ долженъ былъ сражаться съ той или другой партіей. Люди, желавшіе оставаться въ сторонѣ отъ партій и пользоваться покоемъ, подлежали по закону суровымъ наказаніямъ съ лишеніемъ права гражданства...

Въ Греціи не существовало свободы вѣроисповѣданія. Каждый человѣкъ обязанъ былъ вѣрить въ боговъ своего государства и поддерживать его религію; боговъ сосѣднихъ государствъ и городовъ можно было презирать и ненавидѣть. Свобода вѣрить или не вѣрить предоставлялась человѣку только относительно боговъ, носящихъ общій или всемірный характеръ, какъ, напримѣръ, Зевсъ-Небожитель. Сомнѣнія же въ Аѳинѣ-Палладѣ, Эрехтеѣ или

¹⁾ Плутархъ—см. вып. I, стр. 11, прим.—Руссо — знаменитый французскій писатель XVIII вѣка.

Кекропсѣ совершенно не допускались: это почиталось великимъ нечестіемъ, наносившимъ одновременно ударъ и религіи, и государство сурово карало его. За такое преступленіе Сократъ поплатился жизнью. Древнимъ была совершенно чужда свобода мысли примѣнительно къ государственной религіи: каждый былъ обязанъ сообразоваться со всѣми правилами культа, участвовать во всѣхъ процессіяхъ и въ священнѣхъ трапезахъ. Тѣ, кто не принималъ участія въ религіозныхъ національных празднествахъ, подлежали, согласно аѣинскому законодательству, наказанію.

По отношенію къ гражданамъ государство пользовалось не только правомъ привлекать къ судебной отвѣтственности, какъ въ нашихъ современныхъ государствахъ. Оно могло карать и людей ни въ чемъ неповинныхъ только на томъ основаніи, что этого требовали государственные интересы. Аристидъ ¹⁾, конечно, не совершилъ никакого преступленія, его даже не подозрѣвали въ этомъ, но государство имѣло право изгнать его со своей территоріи только по тому соображенію, что своими добродѣтелями онъ приобрѣлъ слишкомъ большое вліяніе, и если бы захотѣлъ, то могъ бы сдѣлаться опаснымъ для государства. Подобное изгнаніе называлось остракизмомъ. Это учрежденіе свойственно было не только Аѣинамъ, его можно видѣть въ Аргосѣ, Мегарѣ, Сиракузахъ; Аристотель даетъ указаніе, что оно существовало во всѣхъ греческихъ государствахъ-городахъ съ демократическимъ устройствомъ. Остракизмъ не былъ наказаніемъ, но являлся мѣрой предосторожности государства противъ гражданина, котораго оно подозрѣвало въ возможности причинить ему когда-нибудь безпокойство. Въ Аѣинахъ можно было подвергнуть человѣка преслѣдованію и присудить къ наказанію за отсутствіе гражданскихъ добродѣтелей, т. е. за недостатокъ любви къ государству. Лишь только дѣло касалось интересовъ города, то жизнь человѣческая не была обезпечена ничѣмъ.

¹⁾ Аристидъ—см. вып. II, стр. 6, прим. 1.

Такимъ образомъ, среди всѣхъ человѣческихъ заблужденій особенно ошибочной является мысль, что въ греческихъ государствахъ человѣкъ пользовался свободой. Эллинъ не имѣлъ даже представленія о ней и не предполагалъ, чтобы по отношенію къ государству и его богамъ можно было обладать какими-то правами. Государство неоднократно измѣняло форму правленія, но сущность оставалась болѣе или менѣе та же самая, и всемогущество его нисколько не уменьшалось. Правительство могло называться поочередно монархіей, аристократіей, демократіей, но ни одно изъ этихъ превращеній не давало людямъ настоящей личной свободы. Пользоваться политическими правами, подавать голосъ, назначать должностныхъ лицъ, имѣть возможность сдѣлаться архонтомъ—вотъ что называлось свободой, но порабощеніе человѣка государствомъ отъ этого не уменьшалось.

(Fustel de Coulanges. *La cité antique*, кн. III, гл. XVIII).

11. Общественныя трапезы въ Спартѣ.

Нигдѣ общественная дисциплина не была такъ строга, какъ въ Спартѣ. Государство тамъ устанавливало распорядокъ жизни гражданъ до мельчайшихъ подробностей. Оно запрещало имъ, напримѣръ, всякій трудъ, всякое прибыльное занятіе. Оно стремилось, чтобы спартаецъ думалъ только о своихъ гражданскихъ или военныхъ обязанностяхъ. Оно возлагало на него даже обязанность обѣдать сообща съ другими.

„Общественныя трапезы“, говоритъ Плутархъ, „лакедемоняне называютъ фидитіями. За каждый столъ садилось около 15 человѣкъ... Каждый изъ сисситовъ¹⁾ приносилъ ежемѣсячно медимнъ ячменной муки (78 литровъ), восемь хой вина (39 литровъ), пять минъ сыру (3 килограмма), двѣ съ половиной мины фигъ и нѣсколько денегъ для покупки другихъ припасовъ. Кромѣ того, когда кто-либо изъ гражданъ приносилъ жертву, онъ посылалъ въ

¹⁾ Сисситы—участники общей трапезы, сисситія.

сисситій первыя принесенныя въ жертву части, а кто ходилъ на охоту, посылалъ часть добычи.

„Если кто опаздывалъ за жертвоприношеніемъ или на охотѣ, тому было дозволено ѣсть дома; всѣ прочіе должны были присутствовать за общественной трапезой. Долгое время спартанцы точно сохраняли этотъ обычай; когда, на примѣръ, царь Агисъ, возвратившись изъ одного похода, во время котораго онъ одержалъ побѣду надъ аѳинянами, желая пообѣдать вмѣстѣ съ женой, послалъ за своей частью, полемархи ея не отпустили.

„Дѣти тоже посѣщали сисситіи; ихъ водили туда, какъ въ школу, гдѣ они должны были учиться мудрости. Тамъ они слушали разговоры объ общественномъ устройствѣ и, имѣя передъ собой наставниковъ въ умѣнны держать себя, привыкали шутить, насмѣхаться безъ грубости и переносить насмѣшки хладнокровно...

„Старшій изъ членовъ сисситія говорилъ каждому входящему, показывая на дверь: „за эту дверь не должно выходить ни одно слово!“

„Когда кто-нибудь желалъ сдѣлаться членомъ сисситія, то онъ подвергался, какъ говорятъ, слѣдующему избранію: всякій изъ сисситовъ бралъ въ руки шарикъ изъ хлѣба и кидалъ его, не говоря ни слова, въ вазу, которую одинъ изъ слугъ обносилъ вокругъ всего стола на головѣ; кто хотѣлъ сказать *да*, тотъ просто бросалъ шарикъ; кто отвергалъ, тотъ, прежде чѣмъ бросить шарикъ, сдавливалъ его сильно въ рукѣ... Если находили хоть одинъ сдавленный шарикъ, то уже не принимали избравшагося, потому что желали, чтобы всѣ собесѣдники нравились другъ другу...

„Самое прославленное изъ ихъ блюдъ была черная похлебка. Старики, когда ее подавали, совсѣмъ отказывались отъ мяса, оставляя свою долю молодымъ, а сами наливали себѣ похлебки. Одинъ понтійскій царь купилъ, говорятъ, спартанскаго повара собственно для черной похлебки, но когда онъ ее попробовалъ, то разсердился. „Государь“, сказалъ ему поваръ, „чтобы ѣсть эту похлебку, нужно испустить прежде въ Эвротъ“.

„Они пили вина немного и расходились безъ огня. Спар-

танцамъ не позволено ходить съ огнемъ по улицамъ ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ другомъ для того, чтобы они ходили безъ страха ночью и во мракѣ“ ¹⁾).

(Плутархъ. Ликургъ, 12. Переводъ подъ ред. Герье).

12. Демы и филы.

Каждый гражданинъ входилъ въ составъ дема и филы ²⁾). Извѣстно названіе болѣе 150 демовъ, которые распались на 10 филъ.

Демъ являлся опредѣленной частью государственной территоріи; это была община, имѣвшая двоякій характеръ: сообщества и административнаго подраздѣленія. Не всѣ демы пользовались одинаковымъ значеніемъ, но всѣ они имѣли тождественное устройство. Во главѣ каждаго изъ нихъ стояло особое лицо, демархъ—нѣчто въ родѣ избираемаго головы, и множество чиновниковъ по гражданскимъ и религіознымъ дѣламъ. Каждый демъ имѣлъ свои мѣстные культы, свое имущество, бюджетъ и свои собственные праздники. Дѣлами его вѣдали всѣ граждане, входящіе въ демъ.

Что касается филы, то она не была территоріальнымъ участкомъ, но просто совокупностью демовъ, собранныхъ произвольно изъ разныхъ областей страны. Вотъ названія 10 аттическихъ филъ: эрехтейская, эгейская, пандіонисская, леонтисская, акамантисская, энейская, кекропская, гиппотонтійская, зантійская, антїохійская. Онѣ также имѣли своихъ должностныхъ лицъ, свои особые доходы и собранія.

Вотъ постановленіе одной филы (*Corpus inscript. Attic.*, т. II, 564):

„Антисѣенъ, сынъ Никандра, провелъ постановленіе, дающее возможность членамъ дема знать состояніе ихъ земель и заключающееся въ томъ, что два раза въ годъ владѣнія будутъ осматриваться должностными лицами (эпи-

¹⁾ Общественныя трапезы были также на о. Критѣ.

(Примѣч. автора).

²⁾ Онъ былъ членомъ также болѣе тѣсной группы, называемой фратріей. (Примѣч. автора).

мелетами), которыя должны удостовѣриться, обрабатываются ли земли согласно договору и на мѣстѣ ли границы... Принимая это во вниманіе, фила Эрехтеида постановила выразить одобреніе Антисоену и увѣнчать его золотымъ вѣнкомъ за его добродѣтели и справедливость, которую онъ постоянно проявляетъ по отношенію къ членамъ филы. Такъ какъ Антисоенъ имѣетъ единственную дочь, то эпимелеты должны принять ее подъ особое покровительство. Если она будетъ въ чемъ-нибудь нуждаться, то эпимелеты обязаны довести объ этомъ до свѣдѣнія филы во время собранія, и не должны допускать, чтобы кто-нибудь причинилъ дочери Антисоена обиду“.

Постановленіе дема (тамъ же, 579):

„Филоктемонъ, сынъ Хремета, предлагаетъ: Принимая во вниманіе, что Демократъ, сынъ Эвфилета, и Гегезій, сынъ Лизистрата, которые несли расходы по содержанію хора, хорошо выполнили свою обязанность, айксонцы постановили выразить имъ одобреніе и присудить каждому изъ нихъ золотой вѣнокъ въ 30 драхмъ (около 11 руб.) въ благодарность за ихъ трудъ и усердіе по отношенію къ членамъ дема. Демархъ Дороеей и казначеи выдадутъ имъ изъ доходовъ дема для жертвоприношенія 10 драхмъ (около 3 р. 70 к.). Демархъ Дороеей долженъ позаботиться, чтобы это постановленіе было высѣчено на каменной стелѣ и выставлено въ театрѣ, чтобы будущіе хореги ¹⁾ знали, какъ айксонцы вознаграждаютъ за усердіе“.

13. Любовь къ свободѣ.

„Тираннія—тягчайшее бѣдствіе для государства. Прежде всего, тогда среди гражданъ царствуетъ не законъ, а распоряжается, по своему произволу тираннъ; онъ одинъ—полновластный повелитель, равенства болѣе не существуетъ. Наоборотъ, при господствѣ закона и богатый и бѣднякъ имѣютъ одинаковыя права; болѣе слабый можетъ отвѣчать сильному на его оскорбленіе, и маленькій человѣкъ

¹⁾ Хореги — см. вып. IV, стр. 68, прим.

имѣть возможность одержать предъ судомъ верхъ надъ большимъ.

„Свободенъ тотъ народъ, гражданъ котораго спрашиваютъ: „Кто желаетъ высказаться для блага республики?“ Кто хочетъ говорить—выходить; кто не хочетъ—хранить молчаніе. Въ чемъ можетъ быть большее равенство? Тамъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ народу, считается за счастье, если въ его средѣ есть доблестные граждане. Для тиранна же, наоборотъ, они—предметъ безпокойства; самыхъ прославленныхъ изъ нихъ, способныхъ размышлять, онъ подвергаетъ гибели, потому что трепещетъ за свою власть. Какъ же государство можетъ быть сильнымъ, если въ немъ властвуетъ человѣкъ, который, какъ жнецъ, пожинающій весенніе колосья въ полѣ, уничтожаетъ юношескую отвагу? Для чего же собирать богатства и зарабатывать хлѣбъ дѣтямъ, если трудишься для обогащенія тиранна!“

(Эврипидъ. Молящія о защитѣ, 429 и сл.).

14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія.

Въ 409 г. до Р. Х. аѳиняне приняли слѣдующій законъ, свидѣтельствующій, какъ далеко простиралась обязанность почитать и защищать установленныя учрежденія.

„Если какой-нибудь человѣкъ ниспровергнетъ демократію въ Аѳинахъ или послѣ ниспроверженія ея будетъ занимать какую-нибудь общественную должность, то да будетъ онъ почтенъ врагомъ аѳинскаго народа: его можно безнаказанно убить, а его имущество будетъ конфисковано, за исключеніемъ десятой части для богини Аѳины. Убійца со своими соучастниками будутъ считаться чистыми и незапятнанными. Каждый аѳинянинъ, совершая жертвоприношеніе, долженъ клясться убить его.

Клятва должна быть такова: „Клянусь причинять, если буду имѣть возможность, всяческій вредъ, словомъ или дѣломъ, участіемъ въ голосованіи или собственною рукою, всякому человѣку, который ниспровергнетъ демократію въ Аѳинахъ или приметъ послѣ ниспроверженія ея какую-

нибудь общественную должность, который будетъ стремиться къ тиранніи или помогать тиранну. Если его убьетъ кто-нибудь другой, я буду смотрѣть на убійцу, какъ на человѣка, незапятнаннаго въ глазахъ боговъ и демоновъ, потому что онъ убилъ врага аѳинскаго народа. Я продамъ все имущество убитаго и половину отдамъ убійцѣ, не удержавъ изъ нея ничего. Если же какой-нибудь человѣкъ, во время убійства или покушенія на убійство одного изъ этихъ преступныхъ людей, самъ лишится жизни, я буду проявлять по отношенію къ нему и его дѣтямъ благодарность, какъ это дѣлается по отношенію къ Гармодію и Аристогитону ¹⁾ и ихъ потомкамъ“.

Такова установленная закономъ клятва, которую должны давать всѣ аѳиняне передъ праздникомъ Діониса во время закланія *отборныхъ жертвъ*, *призывая на вѣрныхъ этой клятвѣ* всевозможныя блага, а на клятвопреступниковъ и его близкихъ—гибель.

(Андокидъ ²⁾). О мистеріяхъ, 96—98).

15. Предпочтеніе, оказываемое правленію средняго класса общества.

„Есть три класса общества: богатые, которые бесполезны и помышляютъ только объ увеличеніи своихъ богатствъ. Затѣмъ люди, не имѣющіе ничего и нуждающіеся въ самомъ необходимомъ; они буйны, а въ особенности—завистливы, всегда готовы упрекать состоятельныхъ, и злонамѣренныя вожди легко ловятъ ихъ на удочку своими рѣчами. Спасеніе же государства—въ среднемъ классѣ, который поддерживаетъ установленный порядокъ“. (Эврипидъ. Молящія о защитѣ, 238 и сл.).

„Наилучшее государственное общеніе—то общеніе, которое достигается черезъ посредство средняго элемента; и тѣ государства имѣютъ наилучшій строй, гдѣ средній эле-

¹⁾ Гармодій и Аристогитонъ—убійцы тиранна Гиппарха.

²⁾ Андокидъ—аѳинскій ораторъ конца V и начала IV в. до Р. Х.

ментъ представленъ въ большемъ количествѣ, гдѣ онъ пользуется большимъ значеніемъ сравнительно съ обоими крайними элементами или, по крайней мѣрѣ, сильнѣе каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Соединившись съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ крайнихъ элементовъ, средний элементъ пріобрѣтеть вліяніе и воспрепятствуетъ образованію противоположныхъ крайностей. Поэтому-то величайшимъ благополучіемъ для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью среднею, но достаточною; а въ тѣхъ случаяхъ, когда одни владѣютъ слишкомъ многимъ, другіе же ничего не имѣютъ, возникаетъ либо крайняя демократія, либо олигархія въ чистомъ видѣ, либо тираннія“. (Аристотель. Политика, IV, 9, 8, пер. Жебелева).

16. Демократическія учрежденія.

„Мы должны признать слѣдующіе признаки характерными для демократическаго строя: всѣ магистраты избираются изъ всего состава гражданъ; всѣ властвуютъ надъ каждымъ, въ отдѣльности взятымъ, и этотъ послѣдній, когда до него дойдетъ очередь, властвуетъ надъ всѣми; магистратуры замѣщаются по жребію либо всѣ безъ исключенія, либо за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ спеціальнаго опыта и знанія; замѣщеніе магистратуръ не обусловлено никакимъ имущественнымъ цензомъ или цензомъ самымъ невысокимъ; никто не можетъ отправлять одну и ту же магистратуру дважды, за исключеніемъ только немногихъ магистратуръ военнаго характера; всѣ магистратуры, либо тѣ, гдѣ это представляется возможнымъ, краткосрочны; судебная власть принадлежитъ всѣмъ, и избираются судьи изъ всего состава гражданъ; компетенція судей охватываетъ всякаго рода дѣла или большую часть ихъ, именно важнѣйшія и существеннѣйшія, какъ-то: принятіе отчетовъ отъ должностныхъ лицъ, утвержденіе и расторгненіе государственныхъ и частныхъ контрактовъ. Народное Собраніе представляетъ собою верховную власть въ государствѣ во всѣхъ дѣлахъ, его касающихся; ни одинъ магистратъ такой

верховой власти не имѣтъ ни въ какомъ дѣлѣ или, въ крайнемъ случаѣ, въ самомъ ограниченномъ кругѣ дѣлъ“. (Аристотель. Политика, VI, 1, 8, пер. Жебелева).

На этихъ-то принципахъ и основывалась афинская демократія. Доступъ въ Народное Собраніе былъ открытъ для всѣхъ гражданъ, начиная съ 20-лѣтняго возраста. Для привлеченія къ участию въ немъ даже самыхъ бѣдныхъ придумали выдавать каждому пришедшему на засѣданіе сначала одинъ оболъ (около 6 коп.), впослѣдствіи—три обола. Засѣданія бывали очень многочисленны. Они вѣдали назначеніе должностныхъ лицъ, изданіе законовъ, постановленія о войнѣ и мирѣ, судопроизводство по нѣкоторымъ преступленіямъ и проступкамъ, и дѣйствительно руководили всей внѣшной и внутренней политикой республики.

Совѣтъ, который состоялъ изъ 500 членовъ, назначенныхъ по жребію изъ гражданъ не моложе 30 лѣтъ, разсматривалъ предварительно всѣ представляемые на разсмотрѣніе народа предложенія, но не имѣлъ права отвергать ихъ, налагая на нихъ свое запрещеніе. Кромѣ того, онъ контролировалъ всѣхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ различными административными должностями. Члены Совѣта выполняли свои обязанности только въ теченіе одного года и получали ежедневное содержаніе въ 5 оболовъ (около 30 коп.). Должности распредѣлялись по выборамъ или по жребію. Для того, чтобы занимать ихъ, не требовалось ни обладать опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, ни представить доказательство своихъ способностей въ исполненіи этого дѣла или же освѣдомленности въ хорошей жизни и доброй нравственности. Занимать эти должности можно было только одинъ годъ, и каждая изъ нихъ выполнялась сразу нѣсколькими лицами: такъ, наприкладъ, исполнительная власть была въ рукахъ у 10 стратеговъ одновременно.

Человѣкъ, занимавшій въ Афинахъ какую-либо должность, не пользовался никакой собственной властью; онъ былъ только исполнителемъ пожеланій народа, по отношенію къ которому и находился въ полной зависимости. Онъ

обязанъ былъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ не только по окончаніи службы: въ теченіе года его дѣйствія разсматривались 10 разъ, и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отрѣшить его отъ должности, ставился на голосованіе. Однимъ словомъ, народъ и въ теоріи и на практикѣ былъ носителемъ верховной власти. Онъ былъ источникомъ всякой власти и управлялъ государствомъ не черезъ представителей, а прямо и непосредственно.

17. Аѳинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ поэтовъ.

Народное Собраніе состояло главнымъ образомъ изъ пирейскихъ ¹⁾ и аѳинскихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Жившіе же въ отдаленіи отъ Аѳинъ землевладѣльцы за неимѣніемъ досуга могли пріѣзжать туда только въ исключительныхъ случаяхъ. Съ того времени, когда стали платить за посѣщеніе Народнаго Собранія, т. е. съ начала IV вѣка, оно было наводнено самыми бѣдными гражданами, которые раньше воздерживались отъ этого, вѣроятно, въ силу необходимости зарабатывать себѣ ежедневное пропитаніе. Такимъ образомъ, важнѣйшіе интересы государства зависѣли отъ большинства голосовъ пролетаріата. Аристофанъ даетъ смѣшной примѣръ этого явленія въ своей комедіи „Женщины въ Народномъ Собраніи“. Женщины, переодѣвшись въ мужское платье, заполняютъ Пниксъ и смѣшиваются съ толпою гражданъ, шедшихъ на обсужденіе дѣлъ. Ихъ глава Праксагора вноситъ предложеніе: передать отнынѣ разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ женщинамъ. Тогда, рассказываетъ очевидецъ, толпа сапожниковъ, т. е. пролетаріевъ, начинаетъ аплодировать; крестьяне, какъ люди, обладающіе болѣе здравымъ смысломъ, выражаютъ несогласіе ропотомъ, но они терпятъ пораженіе, такъ какъ находятся въ меньшинствѣ. Вотъ какъ, по словамъ Аристофана, рѣшались дѣла въ ту эпоху.

Могли ли быть приняты обдуманная и осторожная мѣропріятія въ такомъ собраніи невѣжественныхъ и въ силу

¹⁾ Пирей - см. вып. III. стр. 13, прим. 2.

своей бѣдности неотвѣтственныхъ гражданъ? Всѣ эти афиняне, которые въ отдѣльности въ повседневной жизни были такъ умны, разсудительны, собравшись на Пниксѣ, казались ротозѣями, которымъ можно было представить дѣло въ какомъ угодно освѣщеніи. Они выслушивали оратора среди шума и криковъ, среди апплодисментовъ и свистковъ, занимаясь въ то же время ѣдой и питьемъ, такъ что стражники, выполнявшіе роль полиціи въ этомъ собраніи, должны были иногда выводить оттуда наиболѣе беспокойныхъ членовъ; они слушали оратора и готовы были послѣдовать за тѣмъ, кто ловко сумѣетъ затронуть ихъ слабыя мѣста. Важныя государственныя дѣла интересовали ихъ меньше, чѣмъ вопросы относительно тѣхъ или иныхъ личностей. Если же они и занимались государственными вопросами, то только подъ вліяніемъ самообмана разгоряченнаго воображенія или инстинктивныхъ побужденій. Пониженіе цѣны на рыбу, которой они питались, затрагивало ихъ гораздо больше, чѣмъ заключеніе мира со Спартой.

Люди, на сторону которыхъ они становились, должны были заботиться только объ ихъ удовольствіяхъ или ихъ потребностяхъ. Народъ слушалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они угождали его страстямъ, и покидалъ ихъ, какъ только находилъ другихъ, которые умѣли лучше угождать ему. Толпа эта предпочла бы шарлатана, пообѣщавшаго ей пару хорошихъ сандалій и теплую тунику на зиму, челоуѣку, который завоевалъ какой-нибудь городъ. Она неумолима въ своей мести и слѣпа въ довѣріи. Сегодняшній ея идолъ завтра можетъ сдѣлаться ея жертвой. Напрасно вчерашній любимецъ пытался бы рабской угодливостію сохранить доброе расположеніе народа, напрасно бросался бы онъ къ его ногамъ и предлагалъ бы ему вытереть о свою голову его грязные пальцы. Вчерашній любимецъ уже утомилъ народъ, который съ удовольствіемъ смѣняетъ его на новаго.

Естественный эгоизмъ толпы увеличивается благодаря лести ея сановниковъ. Привыкнувъ смотрѣть на себя, какъ на самовластнаго господина, народъ заботится только о себѣ. Онъ одобряетъ лихоимство, изъ котораго можетъ

извлечь себѣ пользу, покровительствуетъ грабежамъ, въ которыхъ принимаетъ участіе, и превращаетъ законъ въ соучастника своихъ преступленій.

Легкость воображенія грековъ ведетъ къ тому, что народъ желаетъ постоянно то, чего у него нѣтъ. Сегодня—Пилось, завтра—Сицилію, послѣ-завтра—Карѳагенъ. Вслѣдствіе своего невѣжества онъ вѣритъ, что все это возможно; невѣжество побуждаетъ его съ легкимъ сердцемъ ниспровергать установленный порядокъ. Онъ не могъ себѣ представить, что понятіе „управлять“ означаетъ что-либо другое, кромѣ непрерывнаго принятія и отмѣны закона, и сегодня онъ отвергаетъ мѣропріятія, которыя спѣшилъ принять вчера. Онъ игралъ законодательными постановленіями, какъ дѣти играютъ въ мячъ. Законы аѳинянъ въ этотъ періодъ похожи на паутину, сметаемую однимъ взмахомъ щетки, но снова появляющуюся за одну ночь. Если бы вы покинули Аѳины на три мѣсяца, то по возвращеніи не узнали бы ихъ. Большинство, о которомъ мы только-что говорили, привѣтствовало бы нелѣпое предложеніе Праксагоры только потому, что это была единственная еще не-испробованная новость.

Вкусивъ удовольствія быть верховнымъ повелителемъ и путемъ голосованія распоряжаться общественными должностями и управленіемъ, народъ не хотѣлъ уже отказываться отъ этого. Онъ тѣмъ сильнѣе держится за свою власть, чѣмъ труднѣе она ему достается и чѣмъ менѣе самъ онъ становится достоинъ ея. Онъ дѣлается ревнивымъ, подозрительнымъ, враждебно относится ко всему, что выходитъ изъ средняго уровня. Изъ боязни тиранніи онъ самъ становится тиранномъ. Въ памяти демократіи продолжается жить яркое воспоминаніе о тираннѣ Гиппії, и знаменитые куплеты въ честь Гармодія ¹⁾ распѣвались въ качествѣ застольной пѣсни. Если изъ-за какого-нибудь пустяка богатый человѣкъ не понравится людямъ самаго низшаго класса, они начинаютъ видѣть въ немъ претендента на тираннію. Такимъ образомъ составляется группа подозритель-

¹⁾ Гармодій—одинъ изъ убійцъ тиранна Гиппії.

ныхъ. Доносъ на Клеона ¹⁾), какъ на тиранна, былъ сдѣланъ его соперникомъ, торговцемъ кровавыхъ колбасъ. Въ пьесѣ Аристофана „Осы“ хоръ старыхъ судей заподозриваетъ въ Бделиклеонѣ стремленіе къ тиранніи, потому что тотъ хочетъ помѣшать своему отцу быть судьей. Изобличая молодого аристократа, хоръ передаетъ сущность рѣчей демагоговъ: „Не очевидно ли для всѣхъ насъ, бѣдняковъ, что тираннія тайно прокрадывается къ намъ съ цѣлью овладѣть нами. Эхъ ты, презрѣнный, со своими длинными волосами, ты подъ разными увертками пытаешься лишить насъ возможности пользоваться законами республики. Ты хочешь повелѣвать одинъ!“ Хоръ старцевъ усматриваетъ въ заговорѣ женщинъ въ комедіи „Лизистрата“ тиранническую попытку. Въ концѣ концовъ въ Аѣинахъ только и говорятъ о заговорахъ. Тираннія вошла въ моду, обратилась въ ходкій товаръ, стала встрѣчаться на рынкѣ чаще соленой рыбы.

Такимъ образомъ, Народное Собраніе съ верховною властью, гдѣ господствуетъ безымянное большинство бѣдныхъ людей, занято только вопросомъ о томъ, какъ бы прожить на счетъ богатыхъ и обезпечить себѣ пріобрѣтенное значеніе. Вотъ какова была новая царская власть въ Аѣинахъ.

(C o u a t. Aristophane, стр. 69—72).

18. Засѣданіе аѣинскаго Народнаго Собранія.

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ Эврипидъ подъ предлогомъ описанія аргосскаго Народнаго Собранія, на которомъ происходилъ судъ надъ Орестомъ, рисуетъ картину засѣданія Народнаго Собранія въ Аѣинахъ.

„Я оставилъ поля и входилъ въ городъ... Я увидалъ толпу, направляющуюся къ холму, на который по преданію Данай созвалъ гражданъ на Народное Собраніе. При видѣ такого стеченія я спросилъ одного гражданина: „Что такое происходитъ въ Аргосѣ? Не извѣстіе ли какое отъ не-

¹⁾ Клеонъ—вождь аѣинской демократіи V вѣка до Р. Х.

пріятеля взволновало весь городъ Даная?“ — „Не видишь развѣ Ореста, идущаго на поддержаніе борьбы, въ которой задѣта его жизнь“, отвѣчалъ онъ. Тогда глазамъ моимъ представляется неожиданное зрѣлище, и я молю боговъ никогда болѣе не видать его! Я увидалъ Пилада и твоего друга, приближающихся вмѣстѣ: одинъ убитый, истощенный болѣзною, другой, словно братъ, огорченный не менѣе своего друга.

„Когда толпа аргейцевъ была въ сборѣ, глашатай всталъ и сказалъ: „Кто хочетъ взять слово и рѣшить, долженъ ли Орестъ жить или умереть послѣ убійства своей матери?“—Сейчасъ же встаетъ Талейбій. Оставаясь на сторонѣ тѣхъ, у кого теперь въ рукахъ власть, онъ запутанно говорилъ, выхваляя твоего отца, но не хваля брата—примѣшивая осужденіе къ похвалѣ, онъ обвинялъ его въ установленіи пагубнаго примѣра для родителей; между тѣмъ онъ не переставалъ бросать довольные взоры въ сторону друзей Эгисеа...

„Послѣ него говорилъ царь Діомидъ: онъ не хотѣлъ, чтобы Ореста убивали, и для удовлетворенія религіознаго долга предлагалъ наказать его изгнаніемъ. Громадное волненіе послѣдовало за этими словами, понравившимися однимъ и возмутившими другихъ. Затѣмъ всталъ необузданный болтунъ, сильный своею дерзостью, плохой аргеецъ, силою вошедшій въ составъ города, рассчитывающій на невоздержанность и безпорядочность своего языка и который непременно ввергнетъ аргейцевъ въ какія-нибудь несчастія. Ибо, когда убѣждаетъ толпу человѣкъ, рѣчь котораго пріятна, а умъ одушевленъ дурнымъ чувствомъ, то это большое несчастье для государства... Аргеецъ стоялъ за то, чтобъ Орестъ былъ побитъ камнями. Тиндаръ внушалъ подобныя рѣчи всѣмъ, обрекавшимъ Ореста на смерть.

„Поднялся другой гражданинъ, поддерживавшій противоположную сторону: обиженный природою, но одаренный мужественнымъ сердцемъ, посѣщающій мало городъ и общественныя собранія, это былъ одинъ изъ тѣхъ простолюдиновъ, которые одни спасаютъ государство, къ тому

же искусный въ ораторскомъ состязаніи, когда то ему бываетъ угодно, неподкупный и съ незапятнанной жизнью. Онъ предложилъ наградить Ореста, сына Агамемнона, за то, что онъ, отомстивъ за отца, убилъ злую и нечестивую женщину...

„Люди порядочные одобрили эту рѣчь, и затѣмъ никто уже болѣе не говорилъ. Казалось, онъ былъ правъ, но не убѣдилъ народа, и побѣда осталась за злымъ закономъ, предложившимъ убить Ореста“.

(Э в р и п и д ѣ. Орестъ. Переводъ Чуйко, стр. 136—138).

19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія.

Демосѡенъ такими словами рассказываетъ объ экстренномъ Народномъ Собраніи, созванномъ при извѣстіи, что Филиппъ Македонскій завладѣлъ Элатеей, пограничнымъ съ Атикой городомъ.

„Быль вечеръ; вдругъ дошла вѣсть до притановъ, что Элатея занята. Тотчасъ они встали изъ-за обѣда, выгнали торговцевъ изъ площадныхъ палатокъ, зажгли палатки, пригласили полководцевъ, позвали трубача. Весь городъ исполнился тревоги. На слѣдующій день пританы звали думу на засѣданіе; а вы собирались на вѣче, и, прежде чѣмъ дума опредѣлила что-нибудь, весь народъ уже сидѣлъ на своихъ мѣстахъ. Когда потомъ пришла дума и пританы объявили вѣсть, привели самого вѣстника; когда вѣстникъ повторилъ ее, то глашатай спросилъ: „Кто хочетъ говорить?“, и никто не вышелъ.

„Глашатай нѣсколько разъ повторялъ свой вопросъ, а все никто не вставалъ, хотя были налицо всѣ полководцы, всѣ ораторы, хотя общій голосъ отчизны и требовалъ, кто бы сказалъ доброе слово: вѣдь тотъ голосъ, который по закону издаетъ глашатай, надлежитъ считать общимъ голосомъ отчизны. Кто же долженъ былъ выступить?.. Кажется, тотъ случай и тотъ день взывалъ не только къ преданному и богатому, но и къ слѣдившему за дѣлами съ самаго начала и вѣрно понимавшему, ради чего, изъ ка-

кихъ видовъ такъ поступалъ Филиппъ... Вотъ почему въ тотъ день выступилъ я“...

Онъ предложилъ послать въ Фивы и вступить съ этимъ городомъ въ союзъ.

„...Всѣ одобрили меня, и никто мнѣ не противорѣчилъ, и съ тѣхъ поръ я мало того, что такъ говорилъ, что дѣлалъ разныя письменныя предложенія, что былъ посланъ въ Фивы, что склонилъ на нашу сторону фивянъ: я отъ начала до конца велъ всѣ дѣла, жертвовалъ собой среди опасностей, грозившихъ отечеству“.

(Демосѳенъ. О вѣнкѣ, 169 и сл. Переводъ Ордынскаго).

20. Государственный человѣкъ V вѣка Периклъ.

„Пока онъ (Периклъ) стоялъ во главѣ государства, въ мирное время онъ руководилъ имъ съ должною умѣренностью и вполне охранилъ его безопасность. Государство достигло при Периклѣ наивысшаго могущества, а когда началась война, онъ и въ это время очевидно предусмотрѣлъ ея важность... Периклъ, сильный уваженіемъ и умомъ, безспорно неподкупнѣйшій изъ гражданъ, свободно сдерживалъ народную толпу, и не столько она руководила имъ, сколько онъ ею. Благодаря тому, что Периклъ пріобрѣлъ вліяніе не какими-либо неблаговидными средствами, онъ никогда не льстилъ массѣ и могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ гнѣвомъ возражать ей, опираясь на общее уваженіе. Такъ, Периклъ всякій разъ, когда замѣчалъ въ аѳинянахъ заносчивость и, какъ слѣдствіе ея, несвоевременную отвагу, смирялъ ихъ до робости; наоборотъ, когда видѣлъ въ нихъ неосновательный страхъ, онъ возбуждалъ и внушалъ имъ отвагу. Народоправство оставалось по имени, а на дѣлѣ власть принадлежала первому гражданину. Преемники Перикла были скорѣе равны между собою по достоинствамъ, въ то же время каждый изъ нихъ стремился занять первенствующее положеніе, и потому всѣ они угождали народу и предоставляли ему самое управленіе государствомъ. Вслѣдствіе этого, какъ обыкновенно бываетъ

въ государствахъ большихъ и владычествующихъ надъ другими, сдѣлано было много ошибокъ“...

(Θυκιδιδѣ. II, 65. Перев. Θ. Мищенко).

21. Политическій дѣятель VI вѣка Гиперидъ.

Гиперидъ, какъ и большинство ораторовъ, сначала былъ логографомъ ¹⁾. Выполненіе этой обязанности было сопряжено со многими трудностями. Хотя обсужденіе юридическихъ вопросовъ требовало меньше учености и отличалось меньшей сложностью, чѣмъ въ наше время, зато, для обезпеченія успѣха защитительной рѣчи въ другихъ отношеніяхъ, необходимо было проявить гораздо большее искусство. Хорошая защитительная рѣчь должна была удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: лицо, произносившее рѣчь, необходимо должно было сохранять соотвѣтствующій его возрасту и положенію характеръ, научить и очаровать невѣжественныхъ и чуткихъ аѳинскихъ присяжныхъ, которые должны были произносить приговоръ, похвалить ихъ политическимъ страстямъ въ тѣхъ значительныхъ процессахъ, на которые они являлись въ такомъ большомъ числѣ, что могли составить настоящее Народное Собраніе. Однако только въ рѣдкихъ случаяхъ можно было нарушать то веселое и фамиллярное изящество, которое обусловливалось какъ вкусами этихъ народныхъ судовъ, очень часто мѣнявшихъ свой составъ, такъ и необходимостью держаться въ предѣлахъ установленнаго времени, скупю отмѣряемаго водяными часами.

Если, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ занятій этимъ ремесломъ, логографъ преуспѣвалъ въ немъ, онъ пріобрѣталъ громадную гибкость таланта, чувствовалъ себя господиномъ положенія въ качествѣ адвоката или политическаго оратора. Въ томъ случаѣ, когда онъ ограничивался представленіемъ своихъ юридическихъ знаній услугамъ частныхъ лицъ, онъ былъ обезпеченъ кліентами, съ которыхъ собиралъ обильную дань. Если же когда-нибудь у него являлось

¹⁾ Логографъ—см. ниже гл. X, § 7.

желаніе выступить на общественной площади, то онъ выказывалъ тутъ качества, наиболѣе любимыя аѳинянами: спокойствіе и естественность, богатство остроумной діалектики, тактъ и знаніе людей, наконецъ, то сдержанное изящество, которое онъ могъ развить практикой въ дѣлахъ, требовавшихъ только ума.

Въ Народномъ Собраніи онъ долженъ былъ говорить языкомъ, который мало отличался отъ языка, пользовавшагося успѣхомъ у судей при выступленіяхъ съ защитительными рѣчами. Впрочемъ, ораторъ не порывалъ съ адвокатурой, онъ часто игралъ въ ней роль, но уже не подъ чужой маской. Обстоятельства политической жизни часто заставляли его защищаться или обвинять по своимъ собственнымъ дѣламъ. Нерѣдко также ему приходилось лично являться въ судъ въ качествѣ друга, поддерживающаго обвинителя или обвиняемаго рѣчью, которая могла составить основную часть процесса. Онъ могъ воспользоваться этимъ средствомъ, чтобы доказать своей партіи преданность и создать или поддержать вліяніе въ своей филѣ. Такимъ образомъ даже въ интересахъ своей карьеры политическій дѣятель отдавалъ значительную часть энергіи борьбѣ на судебныхъ процессахъ; слѣдовательно, онъ имѣлъ прямую выгоду подготовиться къ этому дѣлу заранее.

По этому пути въ Аѳинахъ шли многіе ораторы, въ томъ числѣ и Демосѳенъ; тотъ же путь избралъ и Гиперидъ. Сначала онъ былъ только адвокатомъ, впоследствии сдѣлался адвокатомъ и ораторомъ. Этимъ объясняется то значительное количество гражданскихъ защитительныхъ рѣчей, которое осталось послѣ него въ древнихъ сборникахъ. Судебныя дѣла, дѣла по наслѣдованію, споры между плательщиками налоговъ, процессы противъ тѣхъ лицъ, которыя недобросовѣстно подымали цѣны на съѣстные припасы, жалобы на оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ, тяжбы относительно водопроводовъ и границъ земельныхъ владѣній—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ Гиперидъ проявлялъ свое краснорѣчіе передъ судьями. Онъ утверждаетъ самъ, что никогда никого не обвинялъ отъ своего собственного имени, но это заявленіе опровергается

однимъ процессомъ. Тѣмъ не менѣе едва ли онъ рѣшился бы въ концѣ своей карьеры охарактеризовать себя такимъ образомъ, если бы не чувствовалъ, что его относительная умѣренность служить подтвержденіемъ этого свидѣтельства.

Успѣхи, которые онъ пожиналъ на судахъ, дали ему возможность удовлетворять свои наклонности къ роскоши и къ удовольствіямъ. Дѣйствительно, даже среди общей распущенности афинскаго общества онъ выдѣляется своей особо дурной нравственностью. На-ряду съ воспоминаніями объ его безчинствахъ ему приписывалась страсть къ чревоугодію. Онъ ежедневно отправлялся на рыбный рынокъ, и современная ему комедія неоднократно высмѣивала его любовь къ рыбнымъ блюдамъ, такъ высоко цѣнимымъ древними гастрономами. Другой поэтъ изображаетъ его игрокомъ, а мы знаемъ, какое суровое осужденіе вызывалъ въ древности этотъ недостатокъ.

Таковъ былъ Гиперидъ въ своей частной жизни: онъ предавался всѣмъ искушеніямъ, связаннымъ съ распущенными нравами его вѣка; онъ былъ необузданъ въ своихъ страстяхъ, не заботился ни объ общественномъ мнѣніи, ни о своихъ обязанностяхъ, ни о своемъ достоинствѣ отца; онъ съ безумною расточительностью бросалъ деньгами, которыя зарабатывалъ своимъ краснорѣчіемъ. О происхожденіи этихъ денегъ современныя ему комедіи сообщали дурныя свѣдѣнія. Цѣнности подобныхъ обвиненій не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни отрицать. Политическая сатира не всегда говоритъ правду, въ особенности въ театрѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что обвиненіе въ продажности являлось какъ бы профессиональной повинностью каждаго оратора. Къ какому изъ ораторовъ этой эпохи не прилагалось клички—продажный!

Одинъ Ликургъ пользовался прочно установленной репутаціей честнаго чловѣка. Но и ему, согласно преданію, пришлось на смертномъ ложѣ защищаться отъ обвиненій своего преемника по управленію государственной казной, Менесехма. Съ другой стороны, у общественнаго мнѣнія было основаніе такъ легко высказывать подозрѣніе противъ ораторовъ. Часто значительнымъ источникомъ ихъ дохо-

довъ были общественныя дѣла. Иностранцы, желавшіе пріобрѣсти покровительство аѳинскаго народа, греческіе города и цари сѣверныхъ земель и Азіи, связанные своими интересами съ Аѳинами, платили бѣшенныя деньги за солѣйствіе оратору, который срывалъ апплодисменты на Пниксѣ. А казна нѣкоторыхъ государей или только сатраповъ, не говоря уже о персидскомъ царѣ, была несравнима по богатству съ казною маленькихъ греческихъ государствъ и даже самихъ Аѳинъ. По большей части это и было источникомъ высокаго положенія главнѣйшихъ ораторовъ, которые становились богатыми и знатными покровителями такихъ кліентовъ.

Вмѣстѣ со стратегами они составляли въ государствѣ своего рода высшій классъ, возбуждавшій одновременно и уваженіе и подозрѣніе. Подобно стратегамъ, они могли имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы своей родины. Какъ и стратеги, они служили мишенью для обвиненій въ измѣнѣ, на нихъ обрушивалась народная месть и ненависть иностранцевъ. Наконецъ, подобно стратегамъ, они подъ видомъ законнаго вознагражденія часто заявляли о своемъ правѣ предаваться всѣмъ крайностямъ роскошной жизни и наслажденій. Возможность поддерживать это привилегированное положеніе стратегамъ и ораторамъ давали и враги и союзники: они доставляли имъ средства въ интересахъ и за счетъ своего отечества. Никто не искалъ съ большимъ жаромъ, чѣмъ Гиперидъ, этихъ выгодъ ораторской карьеры, но никто не шелъ съ большею рѣшимостью навстрѣчу опасностямъ и не проявлялъ столь мужественнаго сердца и болѣе энергичнаго патріотизма, чѣмъ онъ.

(J. Girard. *Études sur l'éloquence attique*, стр. 97—106).

22. Недостатки аѳинской демократіи.

„Мы опытни какъ на дѣлѣ, такъ и на словахъ, но такъ неразсудительны, что измѣняемъ свое мнѣніе въ теченіе одного и того же дня относительно одного и того же вопроса. Придя на Народное Собраніе, мы подаемъ голосъ за то, что порицали до собранія, а затѣмъ, черезъ минуту, едва разойдясь, мы снова осуждаемъ именно то, за что подавали

голосъ. Мы, которые считаемъ себя мудрѣйшими изъ грековъ, выбираемъ себѣ всѣми презираемыхъ совѣтниковъ и дѣлаемъ ихъ полновластными руководителями общественныхъ дѣлъ, тогда какъ никто изъ насъ не рѣшился бы поручить имъ никакого своего частнаго дѣла. Но самое прискорбное заключается вотъ въ чемъ: тѣ люди, которыхъ мы считаемъ самыми испорченными гражданами, являются для насъ самыми вѣрными охранителями государства.

„Мы судимъ о метѣкахъ по патронамъ, которыхъ они себѣ избираютъ, и не думаемъ, что о насъ самихъ будутъ судить по тѣмъ лицамъ, какія управляютъ нами. Какъ мы не похожи на нашихъ предковъ: они однимъ и тѣмъ же людямъ ввѣряли управление республикой и предводительство войскомъ¹⁾: тотъ, кто можетъ дать намъ наилучшіе совѣты съ высоты трибуны, сумѣетъ принять и наилучшія рѣшенія, когда будетъ предоставленъ самъ себѣ. Мы, наоборотъ, считаемъ недостойными званія стратеговъ людей, совѣтамъ которыхъ слѣдуемъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ, какъ будто они лишены разсудка; тѣхъ же, съ кѣмъ никто не пожелалъ бы совѣтоваться ни относительно частныхъ, ни относительно общественныхъ дѣлъ, мы посылаемъ за предѣлы государства съ войскомъ, передавая имъ неограниченную власть, какъ будто бы тамъ они будутъ болѣе разумны и болѣе способны принять участіе въ дѣлахъ цѣлой Греціи, чѣмъ здѣсь—въ дѣлахъ Аѳины!“

(Исократъ. Рѣчь о мирѣ, 52 и сл.).

23. Совѣтъ въ Спартѣ.

Руководящая роль въ жизни государства Спарты принадлежала Совѣту. Онъ состоялъ изъ 28 несмѣняемыхъ членовъ, достигшихъ по крайней мѣрѣ 60 лѣтъ.

¹⁾ Это означаетъ, что стратеги, на которыхъ лежало предводительство войскомъ во время войны, въ мирное время стояли во главѣ управленія. Въ IV вѣкѣ стратегамъ передавалась только военная власть, а руководство политикой перешло къ ораторамъ, т. е. къ такимъ лицамъ, которые, часто не имѣя никакихъ официальныхъ полномочій, пользовались благодаря своимъ рѣчамъ наибольшимъ вліяніемъ въ Народномъ Собраніи. (Прим. автора).

Вотъ какъ, согласно Плутарху, происходило избраніе ихъ. Когда народъ собирался, въ сосѣднемъ домѣ запира-лась особая комиссія, такъ что она все слышала, но не могла ничего видѣть. Каждый кандидатъ проходилъ черезъ площадь въ порядкѣ, указанномъ ему жребіемъ. При его появленіи раздавались болѣе или менѣе радостные крики. Комиссія отмѣчала силу этихъ криковъ, издаваемыхъ въ честь различныхъ кандидатовъ, и провозглашала избран-нымъ того, кому кричали всего сильнѣе¹⁾. „Новоизбран-ный ходилъ по храмамъ съ вѣнкомъ на головѣ; за нимъ шла цѣлая толпа молодыхъ людей, восхваляя и прославляя его, и много женщинъ, которыя въ пѣсняхъ превозносили его доблесть и называли его жизнь счастливой. Каждый изъ близкихъ ему людей угощалъ его, говоря: „Городъ чест-вуетъ тебя этой трапезой“. Обойдя храмы, избранный от-правлялся на общественную трапезу, гдѣ шло все, какъ обыкновенно, только ему давали еще и вторую порцію, которую онъ принималъ и клалъ въ сторону. По окон-чаніи трапезы онъ подзывалъ къ себѣ изъ числа своихъ родственницъ, стоявшихъ у дверей, ту, которую онъ ува-жалъ особенно, и, отдавая ей порцію, говорилъ: „Я самъ получилъ ее въ награду и даю ее тебѣ“. И удостоенную такого отличія торжественно сопровождали домой всѣ дру-гія женщины и восхваляли ее“. (Плутархъ. Ликургъ, 26).

Вступленіе въ Совѣтъ было, по крайней мѣрѣ въ теоріи, высшей наградой за добродѣтельную и посвященную служенію обществу жизнь. Но Аристотель намекаетъ, что члены этого Совѣта часто были доступны подкупу. Во вся-комъ случаѣ они именно держали управленіе государствомъ въ своихъ рукахъ.

24. Народное Собраніе въ Спартѣ.

Народное Собраніе, на которое допускались граждане начиная съ тридцатилѣтняго возраста, далеко не пользо-валось тѣмъ значеніемъ, какъ въ Аѣинахъ. Оно собира-

¹⁾ Подобный способъ избранія примѣнялся до послѣдняго времени на одномъ изъ маленькихъ островковъ Архипелага. (Прим. автора).

лось только разъ въ мѣсяцъ, если не было крайней необходимости созвать его въ промежуткѣ между обычными сроками. Присутствовавшіе на собраніи стояли; это служило доказательствомъ, что обсужденіе дѣлъ не занимало много времени. Никакое частное лицо не имѣло права вносить въ Народное Собраніе какія-либо предложенія; обсужденію подвергались только проекты, представленные Совѣтомъ, который въ свою очередь вносилъ лишь предложенія, исходившія отъ эфоровъ.

Первоначально простые граждане не пользовались правомъ слова; дѣло ограничивалось только тѣмъ, что они выслушивали рѣчи членовъ Совѣта и должностныхъ лицъ; Собраніе должно было принять или отвергнуть предлагаемый законъ и не имѣло возможности вносить въ него поправки. Голосованіе, какъ и при выборахъ, происходило при помощи криковъ. Въ IV вѣкѣ, по всей вѣроятности, присутствующіе на собраніи имѣли право слова, и народъ имѣлъ возможность подвергнуть по своему усмотрѣнію разсматривавшіяся предложенія; но въ этомъ случаѣ члены Совѣта могли снять предложеніе съ очереди до его окончательнаго голосованія и помѣшать такимъ образомъ попыткѣ внести поправку.

Ясно, въ какой мѣрѣ спартанское Народное Собраніе отличалось отъ аѳинскаго. Въ принципѣ оно, какъ и аѳинское, обладало верховной властью, и всѣ важные вопросы подлежали его вѣдѣнію; но управляло государствомъ не оно. Въ вопросахъ законодательства оно имѣло только право утвержденія, въ управленіи—право контроля.

25. Царская власть въ Спартѣ.

Царей въ Спартѣ было два; эта власть принадлежала наслѣдственно двумъ различнымъ фамиліямъ, ведшимъ свое происхожденіе отъ божественнаго Геракла и почти всегда враждовавшимъ между собой. Спартакцы всѣми силами поддерживали эту вражду съ цѣлью уменьшить дѣйствительную власть своихъ царей, которымъ они совершенно не довѣряли.

Тѣ знаки отличія, которыми окружали царей, поражали древнихъ. Геродотъ говоритъ: „Если совершается какое-либо жертвоприношеніе отъ имени государства, то цари садятся за пиршество первые, угощеніе начинается съ нихъ, и каждому изъ царей предлагается все въ двойной порціи сравнительно съ прочими участниками пиршества; они начинаютъ жертвенное возліяніе и получаютъ кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ. Каждое новолуніе и седьмой день cadaго мѣсяца доставляется для обоихъ царей въ храмъ Аполлона по взрослому жертвенному животному, по медимну муки и по четверти вина; во всѣхъ состязательныхъ играхъ имъ предоставлены переднія почетныя мѣста... Смерть царя возвѣщается всадниками по всей Лаконикѣ, а по городу ходятъ женщины и бьютъ въ котелъ. По этому сигналу два свободныхъ челоѣка изъ cadaго дома, мужчина и женщина, обязаны наложить на себя трауръ; не исполнившіе этого подвергаются тяжкому наказанію... (На похороны) собираются много тысячъ челоѣкъ, сильно бьютъ себя по лицу и поднимаютъ громкій вопль, причитая каждый разъ, что умершій былъ самымъ доблестнымъ изъ царей. Если какой-нибудь царь умираетъ на войнѣ, то изготовляютъ его изображеніе и хоронятъ на прекрасно убранномъ ложѣ. Послѣ похоронъ никакихъ занятій не бываетъ въ теченіе 10 дней, и народъ не собирается для выборовъ, потому что всѣ въ это время пребываютъ въ траурѣ“. (Геродотъ. VI, 57—58. Переводъ Мищенко).

„Спартіаты“, прибавляетъ Ксенофонтъ (Управленіе лакедемонянъ, XV, 9), „хотятъ показать этимъ, что они почитаютъ своихъ царей не какъ людей, а какъ полубоговъ“.

Всѣ эти обычаи объясняются религіознымъ характеромъ, свойственнымъ царской власти въ Спартѣ и повсюду въ другихъ мѣстахъ. Политическая же власть ихъ никогда не была особенно значительна, а съ теченіемъ времени она все болѣе уменьшалась. Цари держали рѣчи въ Народномъ Собраніи, но не предсѣдательствовали на немъ; засѣдали въ Совѣтѣ, но пользовались въ немъ только однимъ голосомъ. Если

они и пріобрѣтали иногда извѣстное вліяніе въ правительствѣ, какъ, напримѣръ, Агезилай (въ IV вѣкѣ), то обязаны были этимъ не столько правамъ, связаннымъ съ ихъ саномъ, сколько своимъ личнымъ свойствамъ. Цари были могущественны, если умѣли заручиться расположеніемъ эфоровъ и Совѣта; въ противномъ случаѣ они оставались безсильными.

Они были естественными предводителями войска, и имъ обыкновенно принадлежало руководство военными предпріятіями. Но къ нимъ были приставлены два эфора, которые, не пользуясь правомъ дѣлать имъ какія-либо указанія, отмѣчали все, что видѣли. Со времени Пелопоннесской войны ¹⁾ наряду съ ними дѣйствовалъ особый совѣтъ, мнѣніемъ котораго они обязаны были руководиться. Наконецъ, если изъ Спарты получался тайный приказъ, вызывавшій ихъ домой, они обязаны были повиноваться.

Они ежемѣсячно давали присягу „царствовать согласно установленнымъ законамъ“. Черезъ каждыя девять лѣтъ эфоры могли устранить царя отъ должности подъ предлогомъ какого-нибудь небеснаго знаменія, пока дельфійскій или олимпійскій оракулъ не укажетъ, достоинъ ли онъ пользоваться своимъ саномъ. Эфоры имѣли право когда угодно наложить на царя штрафъ; эта мѣра была примѣнена къ Агезилаю въ наказаніе за его популярность. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ цари должны были отдавать отчетъ, причемъ ихъ очень охотно отдавали подъ судъ, и многіе изъ нихъ были лишены власти, подвергнуты изгнанію или приговорены по политическимъ причинамъ къ смертной казни.

26. Эфоры.

Эфоровъ было пять; назначеніе ихъ происходило ежегодно, но какимъ образомъ—мы не знаемъ; быть можетъ, въ этомъ случаѣ поступали такъ же, какъ и при назначеніи членовъ Совѣта. Они не должны были принадлежать непременно къ самымъ знатымъ или богатымъ фамиліямъ. Аристотель отмѣчаетъ, что на эту должность попадали часто люди самаго темнаго происхожденія. Эфоры были

¹⁾ Т. е. съ IV вѣка до Р. Х.

настоящими главами исполнительной власти. Все управленіе государствомъ сосредоточивалось въ ихъ рукахъ, если только они дѣйствовали въ согласіи съ Совѣтомъ.

Характеръ ихъ власти ярко обрисовывается въ двухъ слѣдующихъ событіяхъ.

Нѣкто Кинадонъ сталъ во главѣ заговора. Одинъ изъ его соучастниковъ измѣнилъ ему и донесъ на него эфорамъ. Эфоры тайно произвели слѣдствіе и безъ замедленія приступили къ дѣлу. Они и не подумали созвать Народное Собраніе, а наскоро собрали нѣсколькихъ членовъ Совѣта. Такъ какъ имъ не было извѣстно число заговорщиковъ и они боялись открытаго мятежа, то на Кинадона было возложено какое-то порученіе внѣ города; они приказали ему захватить съ собой нѣсколько молодыхъ людей, которыхъ ему укажетъ другое должностное лицо: это были надежные люди, получившіе необходимыя наставленія. Въ условленномъ мѣстѣ они арестовали Кинадона, вынудили у него имена главныхъ зачинщиковъ, сообщили ихъ эфорамъ, которые заключили заговорщиковъ въ тюрьму. (Ксенофонтъ. Гелленика, III, 3).

Въ концѣ Пелопоннесской войны побѣжденные аѳиняне просили мира. Они отправили пословъ къ царю Агису, расположившемуся лагеремъ въ Атикѣ. Агисъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ полномочій вступать въ переговоры; тогда аѳиняне пожелали вести ихъ со спартанскими властями. Когда послы достигли границы Спарты, то сообщили свои условія эфорамъ; но послѣдніе заявили, что эти условія не удовлетворяютъ ихъ, и отказались выслушивать пословъ. Тогда аѳиняне обратились къ Лисандру ¹⁾, который, хотя и не былъ царемъ, больше всѣхъ способствовалъ пораженію аѳинянъ; онъ отвѣчалъ, подобно Агису, что „все зависитъ отъ эфоровъ“, и въ то же время осѣдомилъ послѣднихъ о попыткахъ воздѣйствовать на него. Въ Спарту отправлено было новое посольство, которому предоставлены неограниченныя полномочія. На этотъ разъ эфоры согласились начать переговоры и передали аѳиня-

¹⁾ Л и с а н д р ъ—спартанскій полководецъ.

намъ писанный текстъ предложеній, которыя подлежали принятію.

(Ксенофонтъ. Гелленика, II, 2; Плутархъ. Жизнь Лисандра, 14).

27. Борьба партій въ Греціи.

Во время Пелопоннесской войны вся Эллада была потрясена, потому что вездѣ происходили раздоры между партіями—народной и знати; первая призывала аѳинянъ, вторая—лакедемонянъ... Призывы союзниковъ облегчались для всякаго, кто желалъ какой-либо переменъ съ цѣлью причинить вредъ противникамъ и извлечь выгоду для себя. И тогда вслѣдствіе междоусобицъ множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государства,—бѣдъ, какія бываютъ теперь и будутъ повторяться всегда въ большей или меньшей степени, пока человѣческая природа останется тою же; бѣды эти различны по своимъ проявленіямъ въ зависимости отъ того, при какихъ обстоятельствахъ наступаетъ превратность судебъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Итакъ, междоусобная брань царила въ государствахъ; тѣ изъ нихъ, которыя почему-либо волновались позже, умудренныя предшествовавшими событіями, шли гораздо дальше въ крайностяхъ изобрѣтаемыхъ плановъ, въ коварствѣ, въ нападеніяхъ на враговъ и въ неслыханной мстительности. Извращено было по произволу общепринятое значеніе словъ въ примѣненіи къ поступкамъ: безразсудная отвага почиталась храбростью и готовностью къ самопожертвованію для друзей, а предусмотрительная нерѣшительность—трусостью подъ благовиднымъ покровомъ, разсудительность—предлогомъ къ безучастію, вниманіе въ каждое дѣло—неспособностью къ дѣйствию. Напротивъ, безумное рвеніе почиталось свойствомъ доблестнаго мужа, а осмотрительное обсужденіе—благовиднымъ предлогомъ къ уклончивости... Родство связывало людей меньше, нежели узы политическихъ кружковъ, такъ какъ соучастники послѣднихъ отваживались на все съ большою готовностью и безъ всякихъ отговорокъ... Отомстить за

обиду предпочиталось тому, чтобы не подвергаться обидѣ вовсе. Если, быть можетъ, ради примиренія и бывали клятвы, то онѣ давались обѣими сторонами только въ виду безвыходности положенія, когда не имѣлось уже никакихъ другихъ средствъ; но при удобномъ случаѣ, лишь только одна изъ сторонъ пріобрѣтала увѣренность въ силѣ и на другой сторонѣ замѣчала безпечность, она мстила съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ, что противника, благодаря до-вѣрію къ клятвѣ, нападеніе застигало врасплохъ.

Источникъ всѣхъ этихъ золъ—жажда власти, которой добиваются люди изъ корысти и любви къ почестямъ, слѣдствіемъ чего является страстная ревность людей, разъ они начинаютъ враждовать между собою. И въ самомъ дѣлѣ, лица той или другой партіи, становившіяся во главѣ государства, выступали подъ благовидными именами, отдавая будто бы предпочтеніе то политическому равенству народной массы, то умѣренности правленія достойнѣйшихъ гражданъ, и, въ лъстивыхъ рѣчахъ выставляя общее благо цѣлью личныхъ усилій, боролись за преобладаніе всѣми способами, отваживались на ужаснѣйшія злодѣянія... Лица, не принадлежавшія ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами“...

(Θυκιδιδῆς. III, 82. Перев. Θ. Мищенко).

28. Убійства въ Керкирѣ (425 г. до Р. X.).

„Въ теченіе семи дней, въ которые оставался (въ Керкирѣ) Эвримедонъ ¹⁾ съ шестьюдесятью кораблями (аѳинскими), керкиряне убивали изъ числа согражданъ всѣхъ, казавшихся имъ врагами, обвиняя ихъ въ стремленіи къ ниспроверженію народнаго правленія; но иные пали жертвою личной вражды, другіе убиты должниками изъ-за денегъ, которыя они были должны. Вообще были всѣ виды смерти... Отецъ убивалъ сына, молящихъ отрывали отъ святынь, убивали и подлѣ нихъ; нѣкоторые были замурованы въ святилищѣ Діониса и тамъ погибли.

¹⁾ Э в р и м е д о н ъ—аѳинскій полководецъ, посланный въ Керкиру для поддержки демократовъ.

„Шестьсотъ человѣкъ спаслись отъ этой рѣзни и успѣли утвердиться въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ, откуда причиняли жестокой вредъ находившимся въ городѣ керкирянамъ и овладѣли полями. Съ теченіемъ времени, стѣсненные съ одной стороны городскими демократами, съ другой—аѳинянами, они принуждены были сдаться. Было условлено перевезти ихъ на одинъ сосѣдній островъ въ ожиданіи отправки въ Аѳины, гдѣ должна была рѣшиться ихъ участь. Между тѣмъ вожди керкирскаго народа опасались, что аѳиняне не казнятъ этихъ керкирянъ, когда тѣ прибдутъ въ городъ, а потому придумали слѣдующую хитрость: друзей кое-кого изъ содержавшихся на островѣ они научили сказать симъ послѣднимъ, какъ бы изъ расположенія, что для нихъ самое лучшее возможно скорѣе бѣжать, что судно заготовятъ они сами, ибо, говорили они, аѳинскіе военачальники намѣрены выдать ихъ керкирскому народу; друзей этихъ они подослали на островъ.

„Плѣнники повѣрили и, когда судно было приготовлено, стали отчаливать, но были пойманы, тѣмъ самымъ нарушили договоръ, и всѣ выданы были керкирскому народу... Получивши плѣнниковъ въ свои руки, керкиряне заперли ихъ въ большое зданіе и потомъ вызывали оттуда по двадцати человѣкъ за-разъ; связанныхъ другъ съ другомъ, они проводили ихъ между двумя рядами гоплитовъ. Разставленные по бокамъ гоплиты били и кололи плѣнниковъ, если кто узнавалъ въ проходившемъ своего врага. Шедшіе по сторонамъ люди съ бичами въ рукахъ подгоняли тѣхъ, которые слишкомъ медленно подвигались впередъ. Около шестидесяти человѣкъ были такимъ образомъ выведены и убиты, о чемъ не знали оставшіеся въ зданіи плѣнники. Эти послѣдніе думали, что ихъ выводятъ для того, чтобы перемѣстить въ какое-либо другое мѣсто. Когда же заключенные догадались и отъ кого-то узнали объ этомъ, они обратились къ самимъ аѳинянамъ съ просьбою убить ихъ, если угодно, но отказались выходить изъ зданія и объявили, что всѣми силами будутъ стараться никого не допустить внутрь зданія. Керкиряне и сами не имѣли намѣренія ломиться въ дверь силою, но взошли на

крышу дома, разобрали потолокъ, бросали внизъ черепицы и стрѣляли изъ луковъ. Заключенные защищались, какъ могли, причемъ большая часть ихъ сами лишили себя жизни: иные вонзали себѣ въ шею брошенные въ нихъ стрѣлы, другіе душили себя поясами отъ кроватей, которые случайно находились тамъ, или длинными полосами матеріи, оторванными отъ собственнаго платья. Почти въ течение всей ночи—ночь застигла это бѣдствіе—плѣнники лишали себя жизни всевозможными способами, другіе погибали подъ ударами стрѣлъ сверху. Когда наступилъ день, керкиряне сложили трупы въ безпорядкѣ на повозки и вывезли за городъ; всѣхъ женщинъ, какія были захвачены въ укрѣпленіи, обратили въ рабство“.

(Эукидидъ. III, 81 и 85; IV, 46—48. Пер. Мищенко).

29. Греческій тираннъ второго вѣка до Р. Х.

„Тираннъ лакедемонянъ Набидъ изгналъ гражданъ, выдававшихся больше богатствомъ, нежели славнымъ происхожденіемъ, а имущество ихъ и женъ роздалъ вліятельнѣйшимъ людямъ изъ числа враговъ ихъ и своимъ наемникамъ. Это были убійцы, грабители, воры, обманщики. Вообще Набидъ старался отовсюду собирать вокругъ себя людей, для которыхъ родина закрыта была подлыми и преступными дѣянiями. Объявивши себя вождемъ и царемъ такихъ людей, обративши ихъ въ своихъ оруженосцевъ и тѣлохранителей, Набидъ несомнѣнно рассчитывалъ съ помощью ихъ утвердить надолго свою власть, хотя бы опозоренную нечестіемъ.

„Помимо сказаннаго выше, онъ не довольствовался изгнаніемъ гражданъ: для изгнанниковъ нигдѣ не было безопаснаго и надежнаго пристанища—за одними онъ посылалъ въ погоню убійцъ, которые и умерщвляли изгнанниковъ на дорогахъ, другихъ возвращалъ изъ мѣста ссылки и предавалъ смерти. Въ довершеніе всего по тѣмъ городамъ, гдѣ поселялись изгнанники, онъ при посредствѣ людей, не возбуждавшихъ подозрѣнiя, нанималъ дома, смежные съ жилищами изгнанниковъ, и поселялъ въ нихъ критянъ, а

эти послѣдніе продырявливали стѣны и черезъ отверстія метали стрѣлы, которыя поражали на смерть изгнанниковъ, когда одни изъ нихъ въ собственныхъ жилищахъ стояли, другіе лежали, такъ что ни мѣсто, ни время нисколько не спасали несчастныхъ лакедемонянъ отъ гибели. Такими-то мѣрами Набидъ истребилъ очень много лакедемонянъ.

„Онъ же велѣлъ изготovitъ слѣдующую машину, если только позволительно называть машиною такой снарядъ. Это была роскошно одѣтая фигура женщины, лицомъ замѣчательно похожая на супругу Набиды. Вызывая къ себѣ того или другого гражданина съ цѣлью выжать у него деньги, Набидъ долгое время мирно уговаривалъ его. Если вызванный гражданинъ поддавался внушенію, тираннъ этимъ и довольствовался. Если же кто начиналъ увѣрять, что денегъ у него нѣтъ, и отклонялъ требованіе тиранна, Набидъ говорилъ ему примѣрно такъ: „Кажется, я не сумѣю убѣдить тебя; полагаю однако, что моя Апега тебя убѣдитъ“. Такъ называлась супруга Набиды. Чуть онъ только произносилъ эти слова, какъ являлось упомянутое выше изображеніе. Взявши супругу за руку, Набидъ поднималъ ее съ кресла; жена заключала въ свои объятія непокорнаго, который вплотную прижимался къ ея груди. Плечи и руки этой женщины, равно какъ и груди, были усѣяны желѣзными гвоздями, которые прикрывались платьемъ. Всякій разъ, какъ тираннъ упирался руками въ спину женщины и потомъ при помощи особаго снаряда мало-по-малу притягивалъ несчастнаго и плотно прижималъ къ груди женщины, истязуемый испускалъ крики страданія. Такъ Набидъ погубилъ многихъ, отказывавшихъ ему въ деньгахъ.

„Совершенно таково было и все управленіе Набиды: онъ участвовалъ въ морскихъ разбояхъ критянъ, по цѣлому Пелопоннесу имѣлъ святотатцевъ, грабителей, убійцъ, съ которыми дѣлилъ преступную добычу и для которыхъ Спарта благодаря ему служила главнымъ мѣстожительствомъ и пристанищемъ“.

(По Полибій. XIII, 6—8. Переводъ Мищенко).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Правосудіе.

Содержаніе: 1. Право частной мести.—2. Аристократическій характеръ суда.—3. Судъ присяжныхъ.—4. Отсутствіе общественной обвинительной власти.—5. Сикофанты.—6. Пытка.—7. Логографы.—8. Клятва геліастовъ.—9. Аѣинскій присяжный по изображенію Аристофана.—10. Аѣинскій присяжный по описанію ораторовъ.—11. Засѣданіе присяжныхъ.—12. Захватъ имущества.—13. Наказаніе за убійство.—14. Разные виды наказаній.—15. Смерть отъ цикуты.—16. Политическіе процессы.—17. Процессъ по поводу вѣнка.

1. Право частной мести.

Въ первобытной Греціи преслѣдованіе за убійство ложилось не на общественную власть, а на родственниковъ жертвы, и осуществлялось не судомъ, а посредствомъ оружія. Однимъ словомъ, война одной семьи противъ другой представляла единственный способъ пресѣченія преступленій.

Легко представить себѣ происходившіе вслѣдствіе этого безпорядки. Поэтому уже съ раннихъ временъ почувствовалась необходимость замѣнить указанный обычай другимъ, менѣе варварскимъ. Такимъ средствомъ явился выкупъ, т. е. особая сдѣлка, по которой виновный выплачивалъ протори и убытки, чѣмъ обезпечивалъ себѣ жизнь и имущество. Очень возможно, что этотъ обычай постепенно переходилъ въ право и что договоры подобнаго рода первоначально обуславливались соглашеніемъ сторонъ, а потомъ уже сдѣлались обязательными. Въ гомеровскую эпоху этотъ обычай достигаетъ уже полного развитія. Одна изъ изобра-

женныхъ на щитѣ Ахилла сценъ описывается поэтомъ такимъ образомъ:

„Множество гражданъ толпятся на мѣстѣ народныхъ собраний.

Гяжба предъ ними рѣшается. Двое тамъ спорятъ о пенѣ
За умерщвленнаго мужа. Одинъ предъ народомъ клянется
Въ томъ, что весь долгъ уплатилъ, а другой—что не
видѣлъ уплаты.

Оба они пожелали окончить свой споръ предъ судьей.
Граждане подняли крикъ, защищая того или другого.
Ихъ успокоить пытаются вѣстники. Въ кругѣ священномъ
Старцы сидятъ, размѣстившись на гладко обтесанныхъ
камняхъ.

Посохи въ руки берутъ у глашатаевъ звонкоголосыхъ
И, опираясь на нихъ, чередой возглашаютъ рѣшенье“.

(Иліада, XVIII, 497 и сл. Пер. Минскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Аяксъ говоритъ такъ:

„Даже тотъ, чьего брата убили,
Чье умертвили дитя, искупительный даръ принимаетъ.
Выкупъ большой заплативъ, остается убійца въ народѣ,
А принимающій выкупъ смиряется гордой душою“.

(Тамъ же, IX, 632 и сл.).

Сумма, которую долженъ былъ выплатить виновный, называлась *ποινή* или *τιμή*. Она могла взыскиваться не только при убійствѣ, но и при всякомъ другомъ преступленіи. Размѣръ ея, конечно, мѣнялся въ зависимости отъ свойства вины, которую надо было загладить, и, можетъ быть, отъ общественнаго положенія потерпѣвшаго лица. Если при опредѣленіи размѣра штрафа или при выплатѣ его происходили какія-нибудь недоразумѣнія, то обращались къ рѣшенію суда. Такъ по крайней мѣрѣ обстоило дѣло въ гомеровскую эпоху, а раньше, по всей вѣроятности, прибѣгали къ помощи оружія.

Съ теченіемъ времени эта система исчезла, но въ греческомъ правѣ она оставила однако очень замѣтные слѣды. Одинъ законъ Дракона, никогда не выходившій изъ употребленія въ Аѣинахъ, устанавливалъ слѣдующій принципъ: семьѣ принадлежало право преслѣдовать убійцу за неумышленное убійство одного изъ ея членовъ. Родственники, на

которыхъ возлагалась эта обязанность, „распредѣлялись въ извѣстномъ порядкѣ, напоминавшемъ порядокъ наслѣдованія. Сначала шли родственники первой и второй степени родства, т. е. отецъ, братья, сыновья; затѣмъ слѣдовали двоюродные братья и ихъ потомство; наконецъ, за неимѣніемъ этихъ послѣднихъ, дѣти лицъ, избираемыхъ во ффратріи убитаго“. (Dareste). Изъ различныхъ текстовъ того времени явствуетъ, что эти лица могли входить въ соглашеніе съ виновнымъ и требовать отъ него вмѣсто крови извѣстную сумму денегъ. „Какъ только“, говоритъ Демосѣенъ, „изъявляется согласіе на прощеніе, дѣйствія потерпѣвшей стороны прекращаются. Это правило настолько распространено, что послѣ осужденія за неумышленное убійство, если потерпѣвшая сторона помирилась съ убійцей и простила его, она уже не имѣетъ права требовать его изгнанія. Болѣе того: если жертва передъ смертью прощаетъ своего убійцу, то родственникамъ, оставшимся въ живыхъ, не разрѣшается преслѣдовать его“. (Противъ Пантенета, 58—59). Въ одной защитительной рѣчи той эпохи говорится о человѣкѣ, погибшемъ насильственной смертью. „Каково же было поведеніе его брата? Когда онъ открылъ и нашелъ убійцъ, то взялъ съ нихъ деньги и помирился съ ними“. (Демосѣенъ. Противъ Теоокрина, 28). Ораторъ негодуетъ на этотъ поступокъ, потому что онъ не въ интересахъ его дѣла, но не рѣшается признать его незаконнымъ.

2. Аристократическій характеръ суда.

Первые греческіе суды имѣли аристократическій характеръ. Вся судебная власть находилась въ рукахъ у царей; это преимущество, какъ и свою правительственную власть, цари получили отъ боговъ. Правомъ судить пользовались также богатые и благородные люди, преимущественно наиболѣе пожилые изъ нихъ. Они засѣдали обыкновенно на общественныхъ площадяхъ, а толпа стояла вокругъ нихъ и, не стѣсняясь, громко высказывала свои чувства. Законы тогда не были еще писанными. Существовали только

обычаи, передававшіеся изустно и державшіеся высшимъ классомъ въ секретѣ. Поэтому низшій классъ находилъ такой судъ иногда мало справедливымъ. Гезіодъ часто жалуется на этихъ „пожирателей подарковъ“, которые допускаютъ подкупъ и постановляютъ несправедливые приговоры. Онъ утверждаетъ, что такіе судьи приносятъ зло не только тяжущимся, но и всему государству. Онъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ боговъ и старается доказать, что они сами заинтересованы въ хорошемъ судопроизводствѣ. Эти старанія являются вѣрнымъ доказательствомъ, что учрежденія того времени не предоставляли людямъ его положенія никакой гарантіи противъ судей.

Составленіе и обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе законовъ было, такимъ образомъ, большимъ шагомъ впередъ. Невозможно установить съ точностью время, когда произошла эта реформа. Мы знаемъ только имена нѣкоторыхъ изъ законодателей, взявшихъ на себя эту задачу: Драконъ и Солонъ въ Аѣинахъ (VII и VI вѣкѣ), Питтакъ въ Митиленѣ (VI вѣкѣ), Залевкъ въ Локрахъ (VII вѣкѣ), Харондъ въ Катанѣ (VII вѣкѣ). Когда законы, которыми пользовались судьи какого-нибудь города, становились извѣстными обывателямъ послѣдняго, они менѣе завистли отъ судебного произвола. Но если въ демократическихъ государствахъ вводились кромѣ того суды присяжныхъ изъ народа, то въ аристократическихъ монополія правосудія продолжала находиться въ рукахъ небольшого числа должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ, въ Спартѣ гражданскіе процессы разбирались царями или эфорами, а уголовные—Совѣтомъ.

3. Суды присяжныхъ.

Греки додумались до мысли, что лучшій способъ обезпечить себѣ хорошій судъ—быть самимъ своими судьями. Отсюда вытекало основаніе суда присяжныхъ. Въ Аѣинахъ это учрежденіе относится ко временамъ Солона. Ясно, что значеніе его не было сначала такъ велико, какъ впослѣдствіи. Область вѣдѣнія присяжныхъ, или, какъ ихъ тогда

называли, геліастовъ, была вначалѣ очень ограничена, но мало-по-малу она расширилась, въ особенности въ теченіе V вѣка, а успѣхи, которыхъ этотъ судъ достигъ въ слѣдующемъ вѣкѣ, дали ему возможность закончить сосредоточеніе въ своихъ рукахъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ и почти всѣхъ уголовныхъ.

Чтобы быть присяжнымъ, надо было достигнуть 30-лѣтняго возраста и пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами. Достаточно было явиться къ надлежащему должностному лицу, которое вносило въ списокъ присяжныхъ. Несостоятельные люди долго воздерживались отъ несенія обязанностей геліаста, потому что онѣ были очень трудны, а многіе граждане должны были для поддержанія своего существованія имѣть какую-нибудь работу. Благодаря Периклу эта обязанность сдѣлалась доступной для всѣхъ, потому что онъ рѣшилъ выдавать присяжнымъ за каждое засѣданіе отъ одного до двухъ оболовъ (6—12 коп.); Клеонъ вскорѣ увеличилъ эту плату до 3 оболовъ (18 коп.). Съ того времени присяжные состояли главнымъ образомъ изъ мелкой буржуазіи. Многіе смотрѣли на обязанности присяжныхъ, какъ на источникъ средствъ существованія.

Общій списокъ присяжныхъ составлялся ежегодно. Онъ состоялъ изъ 6.000 именъ. Повидимому, вначалѣ нерѣдко бывали случаи подкупа. Для пресѣченія этого зла придумали очень остроумный и, повидимому, дѣйствительный пріемъ, который давалъ возможность держать втайнѣ до самаго открытія засѣданія составъ присяжныхъ, назначенныхъ разбирать то или иное дѣло. Безполезно было бы давать подробное описаніе его. Для ознакомленія съ нимъ достаточно ознакомиться съ трактатомъ Аристотеля „Объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ“, который, впрочемъ, къ сожалѣнію, подвергнулся искаженію. Число присяжныхъ измѣнялось сообразно съ характеромъ процесса. Въ гражданскомъ процессѣ оно колебалось отъ 200 до 400 человекъ. Въ уголовныхъ число ихъ обыкновенно равнялось 500, но могло быть и больше. Греки были въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что большое количество судей

являлось гарантіей правосудія. Случаи исключительной важности въ Аѣинахъ разсматривались судомъ 1000 геліастовъ.

Предсѣдателемъ бывалъ обыкновенно одинъ изъ архонтовъ, но правило это не было безусловнымъ. Если вопросъ шель о военныхъ преступленіяхъ, преніями руководилъ стратегъ; если разбирались проступки, причинявшіе вредъ казнѣ, эту роль выполнялъ чиновникъ финансоваго вѣдомства, и т. д.

4. Отсутствіе общественной обвинительной власти.

Характерной чертой аѣинскаго правосудія было отсутствіе общественной обвинительной власти. У аѣинянъ не было чиновника, на которомъ лежала бы обязанность преслѣдовать отъ имени общества людей, совершившихъ преступленія и проступки. Это право въ принципѣ принадлежало потерпѣвшей сторонѣ. Обокраденный не могъ возложить, какъ у насъ, на должностное лицо обязанность отыскивать вора, собирать улики въ его виновности и обвинять его передъ судомъ. Все это должна была дѣлать потерпѣвшая сторона. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это право становилось обязанностью, на примѣръ, при убійствѣ: съ одной стороны, очевидна была необходимость карать за подобныя преступленія; но, съ другой стороны, одинъ обычай очень древняго происхожденія предоставлялъ родственникамъ убитаго привилегію мести за смерть; поэтому законъ обязывалъ этихъ послѣднихъ воспользоваться своимъ правомъ подъ страхомъ привлеченія въ противномъ случаѣ къ отвѣтственности.

Въ процессахъ, называвшихся *γῤαφαί*, право преслѣдованія признавалось не только за лицомъ, непосредственно потерпѣвшимъ отъ преступленія, но и за любымъ гражданиномъ. Въ такого рода процессахъ, думали тогда, было заинтересовано также все общество, и желательно было дать каждому возможность требовать наказанія за совершенный поступокъ.

Этотъ обычай повлекъ за собой крупныя злоупотребленія. Доносы обратились въ спеціальное ремесло нѣ-

которыхъ лицъ, называвшихся сикофантами. Противъ нихъ принимался рядъ мѣръ, устанавливавшихъ разныя наказанія. Такъ, напримѣръ, если обвинитель не получалъ пятой части голосовъ судей, то на него налагался штрафъ въ 1000 драхмъ (около 370 руб.), и онъ терялъ на будущее время право возбуждать подобныя преслѣдованія. Но эта угроза часто бывала призрачной и мало устрашала сикофантовъ: они видѣли въ своемъ ремеслѣ способъ привлечь къ себѣ вниманіе, удовлетворить своей мести, а также получить матеріальную выгоду: деньги добывались путемъ шантажа или въ силу предоставленнаго обвинителямъ права требовать себѣ часть штрафа, налагавшагося на ихъ жертву.

5. Сикофанты.

Сикофантъ (обращаясь къ Хремилу и Каріону).—Эй вы, презрѣнные, я увѣренъ, что мои деньги—у васъ.

Хремилъ.—О Деметра! это сикофанты! вотъ такъ бѣда!

Каріонъ.—Онъ, навѣрно, голоденъ.

Сикофантъ.—Ты сейчасъ же пойдешь со мной на агору и, когда тебя станутъ пытаться на колесѣ, ты сознаешься въ своихъ мошенничествахъ.

Каріонъ.—Ахъ, поди ты!

Добрый человѣкъ.—Клянусь Зевсомъ-спасителемъ, какъ возблагодарятъ всѣ греки Аполлона, если онъ уничтожитъ этихъ гнусныхъ сикофантовъ!

Сикофантъ.—Да ты смѣешься надо мной! Ахъ, вотъ какъ! Такъ я донесу на тебя, какъ на соучастника. Откуда у тебя этотъ новый плащъ? Вчера я видѣлъ на тебѣ совсѣмъ поношенный.

Добрый человѣкъ.—Я тебя не боюсь...

Сикофантъ.—Нахалы! Но вы, мои насмѣшники, не сказали мнѣ, что вы тутъ дѣлаете; вѣроятно, ничего хорошаго.

Хремилъ.—Разумѣется, для тебя—ничего хорошаго, будь увѣренъ въ этомъ.

Сикофантъ.—Клянусь Зевсомъ, будете вы обѣдать на мой счетъ.

Хремилъ.—Чтобъ ты сдохъ со своимъ свидѣтелемъ клеветникъ!

Сикофантъ.—А, такъ вы не сознаетесь; я бьюсь объ закладъ, что въ этомъ домѣ много соленой рыбы и жаренаго мяса (нюхаетъ воздухъ).

Хремилъ.—Чуешь ты что-нибудь, плутъ?

Добрый человѣкъ.—Вѣроятно, только холодъ: его плащъ такой дырявый.

Сикофантъ.—О Зевсъ! Можно ли терпѣть такія издѣвательства! О боги! какъ жестоко обращаются со мной, честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ!

Хремилъ.—Ты-то честный и добрый гражданинъ?

Сикофантъ.—Болѣе, чѣмъ всѣ другіе.

Хремилъ.—Ладно! отвѣчай-ка на мои вопросы.

Сикофантъ.—О чемъ?

Хремилъ.—Ты земледѣлецъ?

Сикофантъ.—Я еще не сошелъ съ ума.

Хремилъ.—Купецъ?

Сикофантъ.—При случаѣ я себя называю купцомъ.

Хремилъ.—Знаешь ты какое-нибудь ремесло?

Сикофантъ.—Конечно, нѣтъ.

Хремилъ.—Чѣмъ же ты живешь, если ничего не дѣлаешь?

Сикофантъ.—Я наблюдаю за общественными и частными дѣлами.

Хремилъ.—Ты? но на какомъ основаніи?

Сикофантъ.—Мнѣ это нравится.

Хремилъ.—Ты, какъ воръ, суешься туда, гдѣ не имѣешь никакихъ правъ. Всѣ тебя презираютъ, а ты претендуешь на званіе честнаго человѣка!

Сикофантъ.—Какъ, глупецъ, я не имѣю права посвятить себя всецѣло служенію родинѣ?

Хремилъ.—Развѣ отечеству служатъ низкими про-
исками?

Сикофантъ.—Служатъ, поддерживая установленные законы и не позволяя никому нарушать ихъ.

Хремилъ.—Это дѣло судовъ, они поставлены для этого.

Сикофантъ.—А кто обвиняетъ предъ судомъ?

Хремиль,—Кто хочет.

Сикофантъ.—Ага! вотъ я и есть обвинитель! потому-то всѣ общественныя дѣла и подлежатъ моему вѣдѣнію.
(Аристофанъ. Плутось).

6. Пытка.

Для возстановленія на судѣ истины греки примѣняли тѣ же пріемы, что и мы; но, кромѣ того, они прибѣгали къ пыткамъ.

Пыткѣ никогда не подвергали свободнаго человѣка; она предназначалась только для рабовъ. „Рабовъ нельзя было вызывать въ качествѣ свидѣтелей, особенно противъ ихъ господъ; но ихъ принуждали говорить подъ пыткой, которая, несомнѣнно, была не слишкомъ жестокой, тѣмъ болѣе, что господинъ имѣлъ право требовать вознагражденія за протори и убытки въ томъ случаѣ, если рабъ былъ возвращенъ ему въ плохомъ состояніи. Это была формальность, вытекающая изъ самого положенія раба, который могъ опасаться мщенія своего господина, если бы показанія его дѣлались имъ не по принужденію. Рабы, кромѣ того, всегда могли кое-что поразсказать, потому что многое дѣлалось на ихъ глазахъ, и при разслѣдованіи преступленія трудно было отказаться отъ такого драгоцѣннаго матерьяла. Это до нѣкоторой степени объясняетъ, почему аѳиняне придавали такое большое значеніе пріему, который былъ совершенно противенъ здравому смыслу. (*Dareste. Plaidoyers civils de Demosthène*, стр. XVI—XVII).

Антифонъ ¹⁾ говоритъ, что свободный человѣкъ даетъ показанія подъ присягой, а рабъ—подъ пыткой, „которая неизбѣжно вырываетъ у него истину“. (О смерти одного хореута, 25). Исократъ ²⁾ заканчиваетъ одну рѣчь слѣдующими обращенными къ судьямъ словами: „Я всегда замѣчалъ, что вы признаете пытку самымъ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ и думаете, что если свидѣтели могутъ сговориться давать ложныя показанія, то пытка вы-

¹⁾ Антифонъ—см. ниже § 7.

²⁾ Исократъ—см. вып. II, стр. 6, прим. 2.

ведетъ истину на свѣтъ“. (Трапезитика, 54). Исей¹⁾ высказывается такъ же: „Пытка, въ вашихъ глазахъ, есть самый точный пріемъ слѣдствія. Если рабы и свободные люди присутствовали при событіи, въ которомъ надо освѣтить какую-нибудь темную сторону, вы не довѣряете показаніямъ свободныхъ людей, но предаете пыткамъ рабовъ. Этимъ средствомъ вы хотите узнать истину. И вы правы: вы говорите себѣ, что видѣли, какъ многіе (свободные) свидѣтели давали ложныя показанія, между тѣмъ среди рабовъ, отданныхъ подъ пытку, не нашлось такихъ, у которыхъ она не вырвала бы истины“. (О наслѣдствѣ Кирона, 12).

Аристофанъ въ своей пьесѣ „Лягушки“ (614—621) сообщаетъ нѣкоторыя подробности относительно пытокъ.

„Ксантій.—Чтобъ мнѣ умереть, если я укралъ у тебя хоть булавку! Бери этого раба, пытай его, и если у тебя будутъ доказательства моей виновности, добивайся моей гибели.

Эакъ.—А какъ его пытать?

Ксантій.—Всѣми способами! Ты можешь привязать его къ кобылкѣ, вѣшать его, мучить ударами, сдирать съ него кожу, вывертывать ему члены, лить въ носъ уксусъ, наваливать на него кирпичи и дѣлать все, что тебѣ угодно“.

Демосѡенъ упоминаетъ еще и о колесованіи.

7. Логографы.

Ссоры между греками были обычнымъ явленіемъ, и процессы въ Аѣинахъ возникали очень часто. Въ Греціи не было человѣка, который могъ бы питать увѣренность, что ему рано или поздно не придется предстать передъ судомъ. Что же слѣдовало предпринять, если противникомъ человѣка, привлеченнаго къ суду, было лицо, хорошо владѣющее словомъ?

До мысли создать особое сословіе адвокатовъ въ Греціи не додумались. Самое большее, если отвѣтчику разрѣшалось приглашать въ судъ себѣ на помощь близкаго родственника

¹⁾ Исей—см. вып. I, стр. 53, прим. 2.

или друга. Всѣ умы были проникнуты мыслью, что гражданинъ долженъ самостоятельно удовлетворять всѣмъ обязательствамъ, налагаемымъ гражданской жизнью, и греки не могли бы понять, какимъ образомъ постороннему чело-вѣку можно было поручить защиту передъ судомъ своего имущества или жизни. Тѣмъ не менѣе, когда чело-вѣкъ не довѣрялъ собственнымъ силамъ, онъ обращался къ какому-нибудь извѣстному оратору, или, какъ тогда говорили, логографу, съ просьбой составить для него защититель-ную рѣчь. Первый занявшійся этимъ ремесломъ былъ Антифонъ, жившій во второй половинѣ V вѣка. Его примѣру послѣдовало множество подражателей, и съ тѣхъ поръ не было знаменитыхъ ораторовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Эсхина и Ликурга, которые не имѣли бы такой ра-боты на кліентовъ.

Это значительно упрощало задачу чело-вѣка, являюща-гося передъ судомъ. Тѣмъ не менѣе ему также приходи-лось приложить свой трудъ. Рѣчь, которую на основаніи имѣющихся въ процессѣ данныхъ написалъ по его просьбѣ для него логографъ, тяжущійся долженъ былъ произнести передъ судьями лично; читалъ ли онъ ее или произ-носилъ на-память — намъ неизвѣстно. Но всегда отвѣт-чикъ долженъ былъ являться самъ на судъ и лично произ-носить рѣчь, а не держаться въ сторонѣ, какъ въ наше время. Если ему приходилось имѣть дѣло съ такимъ же неопытнымъ лицомъ, какъ онъ самъ, бѣда была не велика. Но положеніе его было совершенно инымъ, если против-никомъ оказывался чело-вѣкъ краснорѣчивый отъ природы и въ тонкости познавшій тайны риторики, тѣмъ болѣе, что это искусство производило обаятельное вліяніе на судей. (По Perrot. *L'Éloquence politique et judiciaire à Athènes*, т. I, стр. 254 и сл.).

8. Клятва геліастовъ.

„Я буду голосовать согласно законамъ и постановле-ніямъ аѣинскаго народа и Совѣта 500. Когда законъ не будетъ давать указаній, я поступлю согласно съ моей

совѣстью, безъ пристрастія и ненависти. Я буду подавать голосъ только относительно тѣхъ дѣлъ, которыя составятъ предметъ преслѣдованія. Я буду выслушивать истца и отвѣтчика съ одинаковымъ чувствомъ благосклонности.

„Клянусь въ этомъ Аполлономъ, Зевсомъ и Деметрой. Если я сдержу свое слово, да будетъ мнѣ благо; если я нарушу его, да погибну со всѣмъ моимъ родомъ!“

(Gilbert. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, т. I, стр. 373).

9. Аѳинскій присяжный по изображенію Аристофана ¹⁾.

Каждый гражданинъ, достигшій тридцатилѣтняго возраста, имѣлъ право быть судьей. Онъ могъ по произволу оправдать одного изъ подсудимыхъ и обвинить другого; тронуться мольбами того изъ нихъ, у котораго есть красивая дочь, радующая своимъ видомъ стараго судью; обратить вниманіе на иного, потому что онъ насмѣшилъ его или продекламировалъ ему нѣсколько прекрасныхъ стиховъ; снисходительно отнестись къ такому, который, вернувшись съ агоры, сыграетъ ему прекрасную арію на флейтѣ. Вотъ какіе мотивы имѣютъ для присяжнаго рѣшающее значеніе. Чтобы убѣдить его, надо найти дорогу къ его сердцу. Поэтому самые высокоумные люди становятся смиренными передъ нимъ. Присяжный при входѣ въ судъ видитъ, что къ нему направляются наиболѣе именитыя лица, ласково протягивающія ему руку, которая расхищала общественную казну, и низко кланяются ему. Затѣмъ онъ садится на свое мѣсто и до вечера принимаетъ важный видъ, наслаждается лестными рѣчами, мольбами и обѣщаніями людей, привлеченныхъ къ суду, и знаетъ, что день его не пропасть даромъ, такъ какъ государство позаботилось о немъ, назначивъ ему три обола (около 18 коп.) въ день. Въ тѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя Народное Собраніе и Совѣтъ отправляютъ на разсмотрѣніе

¹⁾ Аристофанъ — см. вып. I, стр. 38, прим. 2.

присяжныхъ, передъ рѣшеткой суда появляются первыя лица въ государствѣ. Клеонимъ разсыпается передъ судьей въ увѣреніяхъ преданности, а Клеонъ отгоняетъ отъ него надоедающихъ ему мухъ. „Ахъ“, восклицаетъ судья Филоклеонъ, „развѣ мнѣ принадлежитъ не такая власть, какъ Зевсу? вѣдь я слышу, что обо мнѣ говорятъ такъ же, какъ о Зевсѣ“. Когда судьи шумятъ, прохожіе говорятъ: „Великіе боги, какой громъ производитъ этотъ судъ!“.

По изображенію Аристофана, Филоклеонъ, этотъ типъ аѣинскаго судьи, ни добръ, ни золъ, но онъ глупъ, сумасброденъ, эгоистъ, не имѣетъ понятія о добрѣ и злѣ и видитъ въ исполненіи своихъ обязанностей средство удовлетворить своимъ страстямъ или предразсудкамъ. Попробуйте-ка довѣрить суду изъ 500 или 600 судей честь и жизнь гражданъ; поручите-ка имъ разрѣшеніе запутанныхъ вопросовъ, гдѣ необходимо знаніе права или гдѣ дѣло связано съ судьбою государства; даже больше того: приведите-ка на этотъ судъ изъ аѣинскихъ гражданъ ихъ подданныхъ или союзниковъ, съ которыми они склонны обращаться, какъ съ существами низшими или врагами, и которые пожалуются на вымогательства, совершенныя по отношенію къ нимъ какимъ-нибудь аѣинскимъ чиновникомъ, — какого правосудія можете вы ожидать? Даже въ томъ случаѣ, когда присяжные добросовѣстны и проникнуты стремленіемъ судить правильно, они, вслѣдствіе своего невѣжества и предразсудковъ, постановили бы произвольный приговоръ. Если же они недобросовѣстны, то трудно предвидѣть, до какой степени дойдетъ ихъ глупость, побуждаемая скупостью. Филоклеонъ судитъ вкривъ и вкось, взламываетъ, печать на завѣщаніи, напередъ подаетъ свой голосъ съ обвиненіемъ, не выслушавъ даже дѣла и руководясь только своимъ капризомъ и личными интересами.

(C o u a t. Aristophane, стр. 73).

10. Аѣинскій присяжный по описанію ораторовъ.

Дошедшія до насъ рѣчи ораторовъ даютъ возможность догадаться, что аѣинскій присяжный былъ человѣкъ по-

средственной честности, съ ограниченнымъ умомъ и мало знакомый съ законами. Онъ былъ чувствителенъ къ красно-рѣчю, желалъ судить по совѣсти, но отличался большой страстностью, черезчуръ проникался личными интересами, былъ очень склоненъ руководиться посторонними для дѣла соображеніями, покровительствовалъ тѣмъ, кто льстилъ его предразсудкамъ или кто раздѣлялъ его мнѣніе.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ выиграть процессъ было не доказывать свое право, а расписать себя передъ присяжными прекраснымъ гражданиномъ, съ большой готовностью уплачивавшимъ подати, исполнявшимъ военную службу и приносившимъ тяжелыя жертвы на пользу республики.

Всякая защитительная рѣчь подраздѣлялась обычно на двѣ части. Первая посвящалась обсужденію дѣла; во второй обвиняемый восхвалялъ свои гражданскія добродѣтели и старался умалить достоинство противника, радуясь, если можно было съ нѣкоторой вѣроятностью приписать ему аристократическія стремленія, а себя выставить ревностнымъ демократомъ.

Однажды передъ аѳинскимъ судомъ предсталъ по обвиненію въ убійствѣ уроженецъ Митилены. Обвинитель не упустилъ случая сослаться на то, что отецъ обвиняемаго принялъ участіе въ возстаніи Митилены противъ Аѳинъ. Обвиняемый счелъ себя обязаннымъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ: „До этого возстанія мой отецъ всѣмъ своимъ поведеніемъ доказалъ свое расположеніе къ вамъ. Но когда весь городъ, къ сожалѣнію, отложился отъ васъ, то онъ былъ принужденъ принять участіе въ общей ошибкѣ. Хотя онъ всегда придерживался прежнихъ своихъ взглядовъ, но не могъ на дѣлѣ проявить ихъ, такъ какъ не имѣлъ возможности покинуть свою страну, гдѣ его удерживали дѣти и имущество; съ другой стороны, онъ не могъ бороться одинъ противъ общаго рѣшенія. Когда вы наказали вожаковъ, а другимъ разрѣшили остаться въ странѣ, мой отецъ, котораго вы не подвергали наказанію, велъ себя совершенно безупречно. Онъ исполнялъ всѣ свои обязанности, подчинялся всѣмъ повинностямъ, ко-

торыя налагались на него Митиленой и Аеинами“. (Антифонъ. Обѣ убійствѣ Герода, 76—77).

На одномъ процессѣ о наслѣдованіи ораторъ Исей говоритъ слѣдующее: „Надо изучить обѣ стороны. Эрасиппъ, отецъ Гагнона и Гагноея, чрезвычайно усердно платитъ налоги и несетъ повинности (литургіи). Его сыновья покидали Аттику только въ томъ случаѣ, когда шли на войну. Они не были бесполезны для государства, а служили въ войскѣ, платили налоги, исполняли всѣ требованія и, какъ всѣмъ извѣстно, были образцовыми гражданами; слѣдовательно, они имѣютъ больше основаній, чѣмъ Харіадъ, требовать наслѣдства Никострата. Въ самомъ дѣлѣ, когда Харіадъ жилъ здѣсь, онъ попалъ за воровство въ тюрьму и былъ выпущенъ изъ нея только по винѣ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, которыхъ вы присудили впослѣдствіи къ смерти. Затѣмъ онъ былъ замѣшанъ еще въ другомъ дѣлѣ, а потому выѣхалъ за границу. Онъ жилъ тамъ 16 лѣтъ и вернулся только послѣ смерти Никострата. Онъ не участвовалъ ни въ одномъ вашемъ походѣ, не вносилъ никакихъ налоговъ, не выполнялъ никакихъ литургій, а стремится завладѣть имуществомъ другихъ“. (Исей. О наслѣдствѣ Никострата, 27—29).

11. Засѣданіе присяжныхъ (геліастовъ).

Представимъ себѣ, что разбирается судебное дѣло по иску Демосеена, вчиненному имъ своему опекуну Афобу.

Геліасты входятъ въ судъ и занимаютъ свои мѣста на деревянныхъ скамьяхъ. При входѣ каждый изъ нихъ получаетъ свинцовый жетонъ, который обмѣнивается имъ при выходѣ на 3 обола (18 копеекъ). Это—вознагражденіе за его присутствіе на судѣ. Мѣсто предсѣдателя занимаетъ архонтъ-эпонимъ. Онъ садится на высокое сѣдалище, а около него располагается его секретарь. На мраморномъ столѣ ставится урна (*κἀδισκος*) для собиранія голосовъ и особаго вида ваза (*ἐχίνο*ς), въ которой помѣщаются запечатанные документы, относящіеся къ дѣлу. Засѣданіе ведется

публично, и судьи отдѣляются отъ присутствующихъ деревенной перегородкой.

Послѣ краткой молитвы секретарь вызываетъ обѣ стороны: Демосѣена—истца, и отвѣтчика—Афоба. Они отзываются на свои имена. Затѣмъ секретарь читаетъ текстъ жалобы, составленной такимъ образомъ: „Демосѣенъ, сынъ Демосѣена, изъ пэанійскаго дема, противъ Афоба, сына N, изъ дема N. Опека. Оцѣнка: 10 талантовъ (около 22.200 руб.)“. Затѣмъ начинаются пренія. Первымъ для произнесенія рѣчи выходитъ на эстраду (βῆμα) Демосѣенъ. Онъ говоритъ съ трудомъ и не особенно яснымъ голосомъ. Тѣмъ не менѣе, слушаютъ его съ интересомъ, прежде всего потому, что его изложеніе дѣла отличается большой точностью; затѣмъ потому, что восхищаются его смѣлостью, съ которой онъ, при его молодости, нападаетъ на такого могущественнаго соперника. Присяжные и публика аплодируютъ ему. Время отъ времени онъ останавливается и проситъ секретаря прочесть то какой-нибудь текстъ закона, то документъ, относящійся къ дѣлу, то данное на слѣдствіи свидѣтельское показаніе. Когда является надобность въ этихъ документахъ, ихъ вынимаютъ изъ вазы. Во время этой рѣчи клепсидры, или водяные часы, все время находятся въ дѣйствіи, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда выступаетъ секретарь. Въ ту минуту, когда падаютъ послѣднія капли воды, Демосѣенъ заканчиваетъ свою защитительную рѣчь.

Гелиасты сейчасъ же встаютъ и начинаютъ обмѣниваться впечатлѣніями. Каждый сообщаетъ свое мнѣніе сосѣду, и большинство громко высказывается за Демосѣена. Но вотъ на эстрадѣ появляется Афобъ. Архонтъ требуетъ молчанія и едва можетъ водворить его: въ такой мѣрѣ присяжные склонны къ болтовнѣ.

Афобъ выучилъ на - память превосходную рѣчь, составленную ему однимъ виднымъ логографомъ. Произнесеніе этой рѣчи отличается какъ искусствомъ, такъ и увѣренностью. Его поддерживаютъ криками многочисленные друзья, разсѣянные въ публикѣ и образующіе настоящую клаку. Въ концѣ концовъ онъ не довольствуется

ченіемъ свидѣтельскихъ показаній. Для большаго эффекта онъ проситъ свидѣтелей стать около него и предлагаетъ имъ вопросы. Но все это не ведетъ ни къ чему. Геліасты своимъ ропотомъ, вопросами, знаками нетерпѣнія показываютъ, что его доказательства не трогаютъ ихъ. Нѣкоторые требуютъ даже, чтобы его лишили слова. Тѣмъ не менѣе онъ пользуется своимъ правомъ до конца и хочетъ удержать его и дальше. Но, какъ только вода изъ клепсидры вытекаетъ, архонтъ прерываетъ его. Затѣмъ идутъ пренія, пока предсѣдатель не объявляетъ объ окончаніи ихъ.

Среди шумныхъ разговоровъ присяжные направляются къ эстрадѣ, и каждый изъ нихъ бросаетъ въ урну бѣлый камешекъ, если подаетъ въ пользу Демосѣена, или черный, если считаетъ его виновнымъ. Когда голосованіе оканчивается, урну опрокидываютъ на мраморный столъ; предсѣдатель подсчитываетъ голоса и объявляетъ о результатѣ, благопріятномъ для Демосѣена. Теперь дѣло идетъ объ опредѣленіи суммы, какую Афобъ долженъ вернуть Демосѣену. Демосѣенъ предъявляетъ искъ на десять талантовъ. Тотъ предлагаетъ гораздо меньше, — быть можетъ, одинъ талантъ. Происходитъ другое голосованіе, также съ помощью бѣлыхъ и черныхъ камешковъ, смотря по тому, принимается ли сумма истца или отвѣтчика, и при счетѣ голосовъ обнаруживается, что Афобъ приговоренъ къ возвращенію десяти талантовъ. Этотъ приговоръ безапелляціонный. Отнынѣ для Демосѣена трудность будетъ заключаться во взысканіи этой суммы. Общественныя власти не придутъ къ нему на помощь. Онъ можетъ рассчитывать только на самого себя, и, быть можетъ, единственнымъ средствомъ для него явится насильственный захватъ имущества Афоба.

12. Захватъ имущества.

Судъ приговорилъ одного аѳинянина къ уплатѣ извѣстной суммы нѣкому Теофему, который путемъ захвата овладѣлъ имуществомъ своего должника.

„Теофемъ приходитъ“, рассказываетъ истецъ, „захватываетъ стадо моихъ тонкорунныхъ барановъ изъ 50 головъ,

а также пастуха и все, что относится къ пастушескому дѣлу. Затѣмъ онъ захватываетъ домашняго раба, несшаго серебряный кувшинъ большой цѣнности, который на время былъ данъ мнѣ его собственникомъ. Но это показалось Теофему недостаточнымъ: онъ явился на мою землю (я пашу около гипподрома и живу здѣсь съ дѣтства). Прежде всего онъ сдѣлалъ попытку завладѣть моими рабами, но тѣ ускользнули отъ него и разбѣжались въ разныя стороны. Тогда онъ направился къ дому и разломалъ дверь въ садъ. Эвергъ, здѣсь присутствующій, братъ Теофема, и его зять Мнесибулъ, съ которыми у меня не было никакого судебного дѣла и которые не имѣли никакого права на мою собственность, проникли въ помѣщеніе, гдѣ была моя жена и дѣти, и овладѣли всей остававшейся еще въ моемъ домѣ мебелью.

„Они, конечно, рассчитывали получить больше и захватить всю мебелировку моего дома, которая раньше была гораздо богаче, но вслѣдствіе разныхъ повинностей, налоговъ и расходовъ, произведенныхъ изъ желанія служить вамъ, часть этихъ вещей была заложена, а другая продана. То, что еще оставалось, было ими унесено. Но это не все. Моя жена занималась ѣдой во дворѣ вмѣстѣ съ моими дѣтьми и со старой кормилицей—добрымъ и преданнымъ человѣкомъ, освобожденнымъ моимъ отцомъ. Получивъ отпущеніе на волю, она поселилась со своимъ мужемъ; когда же овдовѣла и состарилась, то, не имѣя никого, кто бы содержалъ ее, она возвратилась ко мнѣ. Я, разумѣется, не могъ оставить въ нуждѣ ту, которая была моей кормилицей, и забыть, какъ она заботилась обо мнѣ въ дѣтствѣ. Кромѣ того, въ это время я долженъ былъ пуститься въ море въ качествѣ тріерарха. Такимъ образомъ, въ домѣ оставался надежный человѣкъ при моей женѣ, которая была этимъ очень довольна. Итакъ, обѣ онѣ обѣдали во дворѣ, когда внезапно врываются эти люди, схватываютъ ихъ и овладѣваютъ домашней утварью. Другія служанки, находившіяся въ верхнемъ этажѣ, гдѣ онѣ живутъ, услышавъ шумъ, заперли свои комнаты. Эвергъ и Мнесибулъ не проникли поэтому туда, но вынесли мебель, составлявшую

убранство остальной части дома. Жена моя запрещала имъ трогать эти вещи, говоря, что онѣ принадлежать ей и составляютъ по оцѣнкѣ часть ея приданого... Она говорила имъ также, что деньги, предназначенныя для выплаты имъ, находятся въ банкѣ, но это не остановило ихъ. Болѣе того, кормилица моя держала въ рукахъ маленькую чашку, изъ которой она пила. Видя, какъ эти люди ворвались въ домъ, она спрятала эту чашку себѣ за одежду, чтобы они не могли взять ее. Теофемъ и его братъ Эвергъ замѣтили это, вырвали у нея чашку, притомъ сдѣлали это такъ грубо, что руки и пальцы ея были всѣ окровавлены. Чтобы отнять у нея эту вещицу, они вывертывали старухѣ руки и повалили ее на землю. На шеѣ ея были слѣды того, какъ ее душили, а на груди кровоподтеки. Они пришли въ такую ярость, что, пока не отняли эту чашку, душили старуху за горло и беспощадно ее били. Слуги сосѣдей слышали крики и видѣли разгромъ моего дома. Одни влѣзли на крыши, чтобы позвать на помощь прохожихъ; другіе выбѣжали на дорогу съ другой стороны дома и, увидя проходящаго мимо Гагнофила, уговорили его пойти туда. Гагнофилъ пришелъ по приглашенію слуги моего сосѣда Антеміона. Онъ не вошелъ въ домъ, не считая себя въ правѣ сдѣлать это въ отсутствіе хозяина, но съ земли Антеміона, на которой онъ стоялъ, онъ видѣлъ, какъ выносились мои вещи, и замѣтилъ Эверга и Теофема, когда они выходили изъ моего дома. Но они взяли не только мои вещи, а увели и сына моего, принявъ его за раба, пока одинъ изъ моихъ сосѣдей, Гермогенъ, встрѣтившій ихъ, не сказалъ имъ, что это мой сынъ“.

(Демосѳенъ. Рѣчь противъ Эверга и Мнесибула, стр. 52—61).

13. Наказаніе за убійство.

Убійство разсматривалось аѳинянами съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, оно наносило ущербъ интересамъ семьи покойнаго. Потому-то преслѣдованіе за него возлагалось на родственниковъ жертвы. Во-вторыхъ,

оно причиняло вредъ всему обществу, отымая отъ него одного изъ членовъ. Наконецъ, оно было прямымъ оскорбленіемъ божества: боги, творя человѣка, назначали ему опредѣленную продолжительность жизни, поэтому обрывать его жизнь значило идти противъ ихъ воли.

Судъ надъ такими преступленіями, вслѣдствіе подобныхъ взглядовъ, приобрѣталъ совершенно особый характеръ. Убіиства съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ разбирались Ареопагомъ. Въ Аѣинахъ это былъ самый священный судъ. Происхождение его терялось во тмѣ временъ. Основательницей его, по вѣрованію аѣинянъ, была сама Аѣина. Въ составъ его входили бывшіе архонты, но засѣдали въ немъ не всѣ они, а только люди безукоризненной жизни. Засѣданія ареопага происходили на „Проклятомъ холмѣ“,— холмѣ, посвященномъ подземнымъ богамъ (*ἀραιός πῶλος*) и состоявшемъ подъ спеціальнымъ покровительствомъ Эриній, въ вѣдѣніи которыхъ находилось гармоническое развитіе какъ физическаго, такъ и духовнаго міра. Производство дѣла въ Ареопагѣ шло иначе, чѣмъ въ судѣ присяжныхъ. Было запрещено обращаться къ милосердію судей, пытаться увлечь ихъ краснорѣчіемъ. Ораторы должны были ограничиваться яснымъ и сжатымъ изложеніемъ фактовъ.

Другіе случаи убійства (неумышленное, при самозащитѣ, разрѣшенной закономъ) разсматривались судомъ, имѣвшимъ очень древнее происхождение. Онъ назывался судомъ эфетовъ. Въ немъ засѣдали 51 присяжный, избираемые, какъ говорилъ законъ, „аристократическимъ образомъ“. Судопроизводство шло тутъ такъ же, какъ и въ Ареопагѣ. Около половины IV вѣка всѣ дѣла подобнаго рода отошли къ геліастамъ. Одинъ Ареопагъ продолжалъ сохранять свое древнее судопроизводство.

14. Разные виды наказаній.

1. Смертная казнь. — Чаще всего при смертной казни пользовались ядомъ (цикутой). Въ очень рѣдкихъ случаяхъ бывало, что политическихъ преступниковъ побиwali камнями. Къ преступникамъ низшаго разряда, какъ

рабы, разбойники, профессиональные воровы, примѣнялись висѣлицы, плети, палочные удары.

2. И з г н а н і е.—Изгнаніе было вѣчное и соединялось съ конфискаціей имущества. Если осужденный не покидалъ страны или возвращался въ нее обратно, онъ подвергался казни.

3. А т и м і я.—Она могла быть общей и частной. Въ первомъ случаѣ она заключалась въ лишеніи гражданина всѣхъ его гражданскихъ и политическихъ правъ, даже имущества; во второмъ у него отымались только тѣ или иные права.

4. Т ю р е м н о е з а к л ю ч е н і е.—Оно примѣнялось почти исключительно съ цѣлью или помѣщать обвиняемому скрыться отъ суда, или принудить должника заплатить свой долгъ. Въ качествѣ наказанія тюремное заключеніе употреблялось тогда значительно рѣже, чѣмъ въ наше время.

5. П р о д а ж а в р а б с т в о.—Продажѣ въ рабство могли быть подвергнуты: иностранецъ, женившійся путемъ обмана на афинянкѣ; метэкъ, выдавшій себя за гражданина; вольноотпущенникъ, совершившій важное преступленіе по отношенію къ своему патрону. Можно было также продать гражданина, выкупленного изъ плѣна и отказывавшагося возвратить своему освободителю сумму, которая была внесена за его выкупъ.

6. К о н ф и с к а ц і я.—Это былъ видъ наказанія, которымъ злоупотребляли чаще, чѣмъ другими. Конфискованные имущества отбирались въ пользу государства и являлись для государственной казны обильнымъ источникомъ доходовъ.

7. Ш т р а ф ъ.—Въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ предоставлялъ опредѣленіе высоты штрафа судьямъ, онъ достигалъ очень большихъ размѣровъ. Если штрафъ не выплачивался въ теченіе опредѣленного срока, то его взыскивали въ двойномъ размѣрѣ; болѣе того: оштрафованного вносили въ списокъ государственныхъ должниковъ, а затѣмъ подвергали атиміи и даже тюремному заключенію впредь до внесенія штрафа.

(По Thonissen. Le droit pénal de la Republique athénienne, кн. II, гл. I).

15. Смерть отъ цикуты.

Критонъ далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою человѣка, долженствовавшаго дать ядъ и державшаго въ рукѣ чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: „Хорошо, добрый человѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ этого“.—„Болѣе ничего“, отвѣчалъ онъ, „какъ выпить и ходить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ, потомъ лечь: такъ и будетъ дѣйствіе“. И тутъ же подалъ Сократу чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ лицѣ...

Онъ въ ту же минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее... Сократъ затѣмъ началъ ходить и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничъ,—такъ приказалъ тотъ человѣкъ. Вскорѣ онъ же, давшій ядъ, ощупывая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и наконецъ, сильно подавивши ногу, спросилъ: „Чувствуешь ли?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ Сократъ. Вслѣдъ за этимъ ощупывалъ онъ бедра и, такимъ образомъ восходя выше, показывалъ намъ, какъ Сократъ постепенно холодѣетъ и окостенѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и промолвилъ, что, когда дойдетъ ему до сердца, онъ отойдетъ. Между тѣмъ всѣ нижнія части тѣла его уже охолодѣли; тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были послѣднія слова его): „Критонъ! мы должны Асклеію пѣтуха; не забудьте же отдать“.—„Хорошо, сдѣлаемъ“, отвѣчалъ Критонъ; „но смотри, не прикажешь ли чего другого?“ На эти слова уже не было отвѣта; только немного спустя онъ вздрогнулъ, и тотъ человѣкъ открылъ его: уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

(Платонъ. Федонъ, 117—118. Переводъ Карпова).

16. Политическіе процессы.

Въ Аѣинахъ всякій человѣкъ, пользовавшійся хоть какой-нибудь долей политической власти, былъ отвѣтственъ за

свои дѣйствія, и у него могли потребовать въ нихъ отчета предъ судомъ. Этотъ принципъ примѣнялся не только къ чиновникамъ, завѣдывавшимъ государственными финансами, къ стратегамъ, руководившимъ какими-нибудь внѣшними военными предпріятіями, или къ архонтамъ, которые вѣдали правосудіе. То же правило прилагалось къ частнымъ лицамъ, которыя вносили какое-нибудь предложеніе народу или Совѣту. Всякое предложеніе закона должно было исходить отъ извѣстнаго человѣка, который считался его единственнымъ авторомъ, даже когда это предложеніе было одобрено Совѣтомъ Пятисотъ и принято народомъ.

Если впослѣдствіи обнаруживалось, что въ законѣ имѣются недостатки формальнаго свойства или что онъ противорѣчитъ общественнымъ интересамъ, всякій имѣлъ право начать процессъ противъ оратора, проводившаго этотъ законъ. Въ случаѣ осужденія законъ отвергался, а на оратора налагался штрафъ, иногда громаднхъ размѣровъ. Это именно называлось *γραφῆ παρανομου*, или обвиненіе въ незаконномъ дѣйствіи, и давало поводъ къ множеству политическихъ процессовъ, переносившихъ въ среду геліастовъ борьбу и страсти Народнаго Собранія. Одинъ человѣкъ, Аристофонъ Азенійскій, какъ намъ извѣстно, 75 разъ обвинялся по подобнымъ поводамъ, но всегда бывалъ оправданъ.

17. Процессъ по поводу вѣнка.

Послѣ Херонейской битвы (въ августѣ 338 г. до Р. Х.) аѳиняне спѣшно ввели нѣкоторыя оборонительныя мѣры, оказавшіяся бесполезными, такъ какъ былъ заключенъ миръ. Однако, одна изъ принятыхъ мѣръ, а именно: возстановленіе аѳинскихъ и пирейскихъ городскихъ стѣнъ, не была отмѣнена и послѣ заключенія мира. Постановленіе это было принято въ маѣ 337 года по предложенію Демосеена, а съ іюня была назначена, согласно обычаю, комиссія изъ 10 гражданъ, на которую возлагалось административное руководство работами. Демосеенъ вошелъ въ составъ этой комиссіи и долженъ былъ, какъ членъ ея, выполнить десятую часть предполагавшейся работы. Общественная казна предоставила въ его распоряженіе 10 талантовъ

(около 22.200 руб.), а онъ присоединилъ сюда изъ собственныхъ средствъ 100 минъ (около 3.700 руб.).

Въ 336 году, когда работы были окончены, одинъ изъ членовъ Совѣта, Ктесифонъ, другъ Демосѣена, внесъ предложеніе возложить на оратора въ театрѣ во время празднованія Діонисій ¹⁾ золотой вѣнокъ. Это было обычной наградой за общественныя заслуги. Но при сложившихся тогда обстоятельствахъ такой декретъ какъ бы подразумѣвалъ одобреніе всей политики Демосѣена, враждебной Македоніи. Поэтому, когда декретъ прошелъ черезъ Совѣтъ Пятисотъ и былъ представленъ въ Народное Собраніе, Эсхинъ ²⁾ сталъ утверждать, что предложеніе это было незаконно по формѣ и по существу, и настаивалъ на *ὑπαφ' ἡ παρανόμῳ*.

Это происходило въ 336 г., за нѣсколько дней до смерти Филиппа. Въ теченіе 6 лѣтъ дѣло не разбиралось, и судъ состоялся только въ 330 году. Почему произошло такое запозданіе? Повидимому, ни тяжущимся сторонамъ, ни судьямъ незачѣмъ было торопиться. Македонія была всемогуща, и свободы слова не существовало. Обстоятельства сдѣлались болѣе благопріятны, когда Александръ углубился въ верхнюю Азію. Тогда дѣло было передано суду присяжныхъ.

Эсхинъ, какъ обвинитель, говорилъ первымъ и произнесъ дошедшую до насъ рѣчь. Послѣ него нѣсколько словъ въ свою защиту сказалъ Ктесифонъ, а затѣмъ выступилъ въ качествѣ друга обвиняемаго Демосѣенъ. Въ дѣйствительности онъ защищалъ себя самого и свою политику. За оправданіе Ктесифона высказалось большинство. Эсхинъ не собралъ пятой части голосовъ и былъ приговоренъ къ штрафу въ 1000 драхмъ (около 370 руб.). Это была очень скромная сумма, и онъ могъ легко заплатить ее; но самое пораженіе нанесло ударъ его роли политическаго оратора. Онъ самъ подвергъ себя добровольному изгнанію и уѣхалъ сначала въ Эфесъ, потомъ въ Родосъ, наконецъ въ Самось, гдѣ и умеръ.

(D a r e s t e. Plaidoyers politiques de Démosthène, II, стр. 200-202).

¹⁾ См. вып. IV, § 25.

²⁾ Э с х и н ъ—см. вып. I, стр. 84, прим. 1.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Налогѣ.

Содержаніе: 1. Система налоговъ въ Греціи.—2. Налогъ на капиталъ.—3. Косвенные налоги въ Аѣинахъ.—4. Различные сборы.—5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ.—6. Національная подписка.—7. Государственные займы.—8. Финансовые приемы.—9. Литургіи.—10. Хорегія.—11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству.

1. Система налоговъ въ Греціи.

Система налоговъ въ Греціи была иной, чѣмъ у современныхъ народовъ. Повидимому, первоначально главнымъ источникомъ доходовъ была десятина, т. е. налогъ, равный десятой части жатвы каждаго человѣка. Десятина была подоходнымъ налогомъ, но накладывался онъ только на землевладѣльцевъ, и это естественно, потому что въ ту эпоху богатство состояло почти исключительно въ земельныхъ владѣніяхъ.

Около 500 г. до Р. Х. этотъ налогъ въ Аѣинахъ прекращаетъ свое существованіе. Въ то время торговля уже начинаетъ развиваться, и десятина замѣняется таможенной пошлиной, налогомъ на продукты продажи, не считая довольно высокихъ налоговъ, взимаемыхъ съ серебряныхъ Лавріонскихъ рудниковъ. Кромѣ того, былъ введенъ другой обычай. Государство стало возлагать на богачей нѣкоторыя издержки, которыя ему приходилось нести. Если надо было, напримѣръ, вооружить корабль или отпраздновать какое-нибудь торжество, то расходы падали на того или иного гражданина. Это называлось литургіями.

Но во время Пелопоннесской войны и такой мѣры оказа-

лось недостаточнымъ. Тогда снова хотѣли обложить прямою податью собственниковъ. Но теперь не ограничились одними землевладѣльцами. Былъ обложенъ капиталъ во всѣхъ его видахъ. Этотъ налогъ означался именемъ эйсфоры. Впрочемъ, онъ не былъ постояннымъ, а взимался, главнымъ образомъ, во время войны. Мы не знаемъ ни одного примѣра, когда онъ налагался бы въ мирное время. Таковы были измѣненія, которымъ подверглась податная система Аѳинъ и большинства греческихъ государствъ. Разница между ними въ этомъ отношеніи заключалась только въ подробностяхъ.

2. Налогъ на капиталъ.

Чтобы опредѣлить размѣры капитала разныхъ собственниковъ, обращались къ показаніямъ этихъ послѣднихъ. Показанія ихъ, разумѣется, не всегда были правдивы. Многіе граждане скрывали часть своего состоянія. Сдѣлать это было не трудно, если не по отношенію къ земельной собственности, цѣнность которой была извѣстна, то по отношенію къ движимому имуществу. Тѣмъ не менѣе, принявъ во вниманіе громадную власть, которой пользовалось государство въ древности, и необычайную преданность общественнымъ интересамъ со стороны гражданъ, можно думать, что обманы происходили, вѣроятно, въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ это было бы у насъ. Любовь къ отечеству, тщеславіе, желаніе превзойти великодушіемъ другихъ, стремленіе къ популярности — все вмѣстѣ взятое заставляло аѳинянина мужественно переносить требованія государства и давать даже больше, чѣмъ сколько съ него спрашивали. Существовало какъ бы нравственное обязательство идти дальше выполненія своихъ обязанностей, и къ тѣмъ, кто довольствовался только выполненіемъ необходимаго, относились недоброжелательно.

Налогъ на капиталъ (эйсфорá) былъ, повидимому, пропорціональнымъ, но не прогрессивнымъ налогомъ. Круглая сумма его устанавливалась государствомъ, а затѣмъ распредѣлялась между плательщиками сообразно ихъ со-

стоянію. Въ виду этого граждане, подлежащіе такому налогу, были объединены въ извѣстное число группъ, такъ называемыхъ симморій (можетъ быть, 100), изъ которыхъ каждая составляла податной капиталъ одного и того же размѣра, обложенный одинаковой цифрой налога. Вслѣдствіе увеличенія или уменьшенія богатствъ, нарушавшихъ равновѣсіе симморій, приходилось время отъ времени провѣрять ихъ составъ для того, чтобы сумма ихъ податного капитала оставалась неизмѣнной. Доля каждого плательщика въ зависимости отъ группы опредѣлялась по принципу пропорціональности; но желающіе могли взять на себя бѣдшую часть налога и тѣмъ уменьшить долю, падавшую на другихъ. Этотъ очень распространенный обычай дѣлалъ на практикѣ эйсфору налогомъ прогрессивнымъ. Возможно, что граждане, состояніе которыхъ было ниже 2.000 драхмъ (740 руб.), освобождались отъ него.

Налогъ взимался особыми должностными лицами, избираемыми по жребію. Часто случалось, что нѣкоторые лица, по нежеланію или по недостатку средствъ, уклонялись отъ этой повинности. Законъ сурово каралъ ихъ: имущество ихъ отбиралось въ казну, а они сами нерѣдко заключались въ тюрьму.

Съ 362 года триста самыхъ богатыхъ гражданъ обязались вносить впередъ въ казну всю сумму налога, которую они потомъ взыскивали съ плательщиковъ уже въ свою пользу. Возможно, что эта сумма часто падала всецѣло на нихъ, потому что они не всегда могли собрать ее, а къ крутымъ мѣрамъ прибѣгать иногда не рѣшались. Городу это было вдвойнѣ выгодно, такъ какъ онъ сразу получалъ полный сборъ налога и въ то же время избавлялся отъ расходовъ и неприятностей по его взысканію.

(По Р. Guiraud. *Études économiques sur l'Antiquité*).

3. Косвенные налоги въ Аѳинахъ.

1. Таможенная пошлина. — Она взималась со всѣхъ товаровъ, ввозившихся въ Аттику или вывозившихся изъ нея. Она именовалась „одной пятидесятой“, потому что по размѣру была двухпроцентной.

2. Портовый сборъ.—Одинъ ученый (Böckh) предполагаетъ, что онъ равнялся сотой части корабельнаго груза.

3. Пошлина на предметы купли и продажи.—Обыкновенно она равнялась одному проценту, но это не было безусловно установленнымъ правиломъ. На основаніи одной надписи V вѣка мы можемъ сдѣлать заключеніе, что въ извѣстныхъ случаяхъ взималось по одному оболу (около 6 коп.) съ вещи, стоившей отъ одной до четырехъ драхмъ (отъ 37 к. до 1 р. 50 к.) (т. е. отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{24}$ части); по три оболы (около 18 к.) съ вещи, стоившей отъ 5 до 50 драхмъ (отъ 1 р. 85 к. до 18 р. 50 к.) (т. е. отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{100}$ стоимости), и одной драхмѣ (37 коп.) съ вещи стоимостью отъ 50 до 100 драхмъ.

4. Городская пошлина.—Она обозначалась словомъ *διὰ πόλεως*, потому что взималась съ предметовъ, ввозимыхъ въ городскія ворота.

5. Рыночная пошлина.—Она платилась продавцами, которые торговали на агорѣ, и устанавливалась въ зависимости отъ количества и характера продаваемыхъ предметовъ.

Государство давало эти разнообразныя пошлины на откупъ частнымъ лицамъ, которыя иногда составляли для этой цѣли общества.

Безполезно указывать на двѣ другія пошлины ($\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{100}$ часть дохода), установленныя аѳинянами во время Пелопоннесской войны и носившія совершенно случайный характеръ.

(По Gilbert. Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, т. I, стр. 331—334).

4. Различные сборы.

1. Подушная подать.—Метэки въ Аѳинахъ платили по 12 драхмъ (около 4 р. 45 к.) въ годъ съ мужчины и по 6 драхмъ съ женщины. На вольноотпущенниковъ налагалась та же подать.

2. Государственныя имущества.—Въ Греціи часть государственнаго имущества составляли рудники. За право ихъ разработки въ государственное казначейство

вносилась опредѣленная сумма, а кромѣ того—ежегодная аренда, равнявшаяся $\frac{1}{24}$ части дохода. Государство владѣло также домами и землями, которые оно отдавало въ аренду. Въ особенности часто предметомъ его владѣнія были пастбища, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи. Каждый имѣлъ право выгонять на эти пастбища свои стада, при условіи опредѣленнаго взноса за каждую голову скота.

3. Судебныя пошлины.—При всѣхъ судебныхъ процессахъ обѣ тяжущіяся стороны должны были вносить извѣстную сумму денегъ, которая шла въ пользу государства. Кромѣ того, въ Греціи часто примѣнялись штрафы, достигавшіе иногда большихъ размѣровъ. Сюда же надо отнести суммы, получавшіяся отъ конфискацій, которыми суды, какъ въ Аѣинахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, часто злоупотребляли и которые составляли важную статью прихода въ бюджетъ государства. „Когда“, говоритъ ораторъ Лизій, „для покрытія государственныхъ расходовъ у Совѣта имѣется достаточно средствъ, онъ никому не причиняетъ обидъ; но если казначейство пусто, онъ вынужденъ давать ходъ доносамъ и конфисковывать нѣкоторыя частныя имущества“. (Противъ Никомаха, 12).

5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ ¹⁾.

Когда грекъ получалъ національную награду, онъ желалъ болѣе всего, чтобы это было сдѣлано въ формѣ освобожденія его отъ того или иного налога. Но примѣняли эту мѣру не часто. Вотъ примѣръ такой награды.

„Государство даруетъ Медику и дѣтямъ Эсепа освобожденіе отъ налоговъ и право питаться въ пританеѣ. Изъятіе изъ этого права дѣлается только по отношенію податей, которыя взимаются при пользованіи общественными верфями для постройки кораблей и употребленіи общественныхъ вѣсовъ, а также для пошлинъ при продажѣ лошадей и рабовъ и для четвертного налога ²⁾. Въ остальномъ они будутъ пользо-

¹⁾ Декретъ относится къ VI в. до Р. Х. (Прим. автора).

²⁾ Что это за налогъ—неизвѣстно. (Прим. автора).

ваться безусловнымъ освобожденіемъ. Народъ обязанъ подѣ присягою уважать эту милость“.

(Röhrl. Inscriptiones Graecae antiquissimae, 491).

6. Національная подписка.

Добровольныя пожертвованія гражданъ были въ Греціи въ достаточной мѣрѣ распространены. Иногда само государство открывало національную подписку, какъ гласить, наприкладъ, слѣдующая надпись III вѣка до Р. Х.:

„Народъ постановилъ:

„Для того, чтобы произвести сборъ денегъ, которыя дали бы военному казначею возможность расходовать необходимыя средства съ цѣлью обезпечить на остальную часть этого года возможность сбора жатвы... граждане и другіе жители, желающіе пожертвовать деньги на безопасность города и охрану территоріи, приглашаются дѣлать объ этомъ заявленіе въ Совѣтъ или записываться у стратеговъ отъ настоящаго времени до мѣсяца Мунихіона. Никто не долженъ жертвовать болѣе 200 драхмъ и менѣе 50. Жертвователи, каждый въ зависимости отъ своихъ заслугъ, будутъ увѣнчаны и удостоены народнаго одобренія и почета. Секретарь народа озаботится написаніемъ этого постановленія и именъ жертвователей на каменной стелѣ, которая будетъ поставлена на агорѣ, чтобы всѣ могли видѣть усердіе благодѣтелей народа...

„Списокъ тѣхъ, кто сдѣлалъ пожертвованіе на безопасность города и охрану территоріи согласно постановленію народа“.

Затѣмъ идетъ длинный перечень именъ, почти всѣхъ съ пожертвованіями по 200 драхмъ.

(Corpus inscript. Atticar., т. II, стр. 334).

7. Государственные займы.

Когда для государства являлась необходимость заключить заемъ, оно обращалось къ какому-нибудь храму или, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, къ частному лицу.

1. Деньги, которыя аѣинскій народъ взялъ въ долгъ у Аѣины Паллады:

„Казначей Андроклъ и его товарищи вручили . . . стратегамъ Гиппократу и его товарищамъ . . . (годъ и число) 20 талантовъ (около 44.400 руб.). Проценты съ этой суммы составляли 5.636 драхмъ (около 2.085 руб.).

„Второй взносъ денегъ (годъ и число)—50 талантовъ (около 111.000 руб.). Проценты съ этой суммы—2 таланта 1.970 драхмъ (около 5.170 р.).

„Третій взносъ (годъ и число)—28 талантовъ 5.078 драхмъ (около 64.040 руб.). Проценты—1 талантъ 1.719 драхмъ 2 оболъ (около 2.855 руб.).

„Четвертый взносъ (годъ и число)—44½ таланта (около 108.780 руб.). Проценты—1 талантъ 4.662 драхмы 1 оболъ (около 3.945 руб.).

„Пятый взносъ (годъ и число)—100 талантовъ (около 222.000 руб.). Проценты—3 таланта 5.940 драхмъ (около 8.858 руб.).

„Шестой взносъ (годъ и число)—18 талантовъ 3.562 драхмы (около 41.280 руб.). Проценты—4.172 драхмы 2½ оболъ (около 1.544 руб.).

„Всего было взято въ долгъ во время службы Андрокла 261 талантъ 5.640 драхмъ (около 581.500 руб.).

„Всего было уплачено процентовъ на занятыя суммы во время службы Андрокла—11 талантовъ 99 драхмъ 1 оболъ (около 24.420 руб.).“

(Corpus inscript. Atticar., т. I, 273).

2. Деньги, взятыя въ долгъ у одной женщины городомъ Орхоменомъ.

„Никарета изъ Ѳеспіи въ присутствіи ея мужа Дексиппа дала въ долгъ представителямъ Орхомена (слѣдуетъ 4 имени) и ихъ поручителямъ (слѣдуетъ 10 именъ)—18.833 серебряныхъ драхмы (около 6.970 руб.). Деньги переданы въ Ѳеспіи. Срокъ уплаты—праздникъ Панбойотій такого-то года.

„Заемщики или ихъ поручители должны вернуть Никаретъ въ долгъ деньги на праздникъ Панбойотій, за три дня до жертвоприношеній. Въ противномъ случаѣ ихъ

будутъ преслѣдовать по закону. Никарета можетъ тогда привлечь къ суду какъ заемщиковъ, такъ и ихъ поручителей, отдѣльно какого-нибудь изъ нихъ или нѣсколькихъ, или всѣхъ вмѣстѣ, а также имѣетъ право на ихъ имущество. Этотъ договоръ будетъ имѣть силу, если будетъ предъ-
явленъ отъ имени Никареты и къмъ-нибудь другимъ.

„Свидѣтели: Семь ѳеспійцевъ.

„Договоръ положенъ на храненіе къ Фифіаду“.

(Inscriptions juridiques grecques, т. I, стр. 283).

8. Финансовые приемы.

Вотъ какъ поступили жители Лампсака. Въ то время, когда мука стоила 4 драхмы (около 1 руб. 48 коп.) за медимнъ, они приказали торговцамъ продавать ее за 6 драхмъ. Они подняли цѣну на масло вмѣсто 3 драхмъ (около 1 руб. 10 коп.) за хусъ ¹⁾ до 4¹/₂ (около 1 руб. 67 коп.). Такъ же поступили по отношенію къ вину и другимъ продуктамъ. Этотъ излишекъ передавался государству.

Когда лакедемоняне принуждены были дать вспоможеніе самосцамъ, они рѣшили наложить на самихъ себя, своихъ рабовъ и скотъ постъ на одинъ день. Сумма, которая была съэкономлена такимъ образомъ, передана была самосцамъ.

У хіосцевъ былъ законъ, согласно которому долговые обязательства записывались должностнымъ лицомъ. Однажды, переживая нужду, они сдѣлали слѣдующее постановленіе: частные долги должны уплачиваться не кредитору, а государству; государство же обязуется выдавать этимъ кредиторамъ проценты изъ тѣхъ доходовъ, которые оно извлечетъ съ помощью полученныхъ такимъ путемъ денегъ.

Жители Клазоменъ испытывали нужду въ хлѣбѣ и деньгахъ. Они рѣшили, чтобы всѣ, кто имѣетъ масло, отдали его государству за извѣстные проценты. Масло было однимъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ ихъ страны. Затѣмъ они наняли корабли своихъ кредиторовъ, отправили

¹⁾ Медимнъ и хусъ—см. вып. I, стр. 20.

ихъ въ страны, откуда они получали хлѣбъ, и сдали тамъ это масло подъ залогъ.

Эфесцы запретили однажды женщинамъ носить золотыя украшенія и приказали отдать въ долгъ государству тѣ изъ нихъ, которыми онѣ обладали.

(Лже-Аристотель. Экономика, 2, 7, 9, 12, 16, 19).

9. Литургіи.

Государство въ Греціи удовлетворяло своимъ нуждамъ не только путемъ денежныхъ поборовъ, а также и съ помощью различныхъ повинностей, называемыхъ литургіями. Онѣ, не обогащая государственной казны, избавляли ее, по крайней мѣрѣ, отъ расходовъ.

Среди обычныхъ, ежегодно повторявшихся литургій самой важной была хорегія, т. е. составленіе хора, который долженъ былъ участвовать въ драматическихъ представленіяхъ. Затѣмъ слѣдовала гимназіархія. Тотъ, на кого ложилась эта обязанность, долженъ былъ подготавливать для разныхъ празднествъ борцовъ въ гимназіяхъ, содержать ихъ во все время этой подготовки, наконецъ, устроить приличнымъ образомъ мѣсто для битвы. Лампадархія предполагала устройство конскихъ скачекъ или состязаній въ бѣгѣ людей съ зажженными факелами. Лизій ссылается на одно лицо, которое израсходовало на это 1.200 драхмъ (около 444 руб.). Архигеорія состояла въ представительствѣ государства на какихъ-нибудь иностранныхъ торжествахъ. Расходы на это несли частью государственная казна, частью глава посольства. Упоминается, кромѣ того, о другихъ литургіяхъ, учрежденныхъ для доставленія средствъ на устройство состязаній колесницъ и судовъ, устройство общей трапезы для членовъ одной и той же филы и т. д.

Этимъ повинностямъ подлежали лишь тѣ, кто обладалъ состояніемъ не менѣе, какъ въ 3 таланта (около 6.660 руб.). Незамужнія сироты освобождались отъ нея. Юноши-сироты пользовались этой льготой въ теченіе года послѣ ихъ совершеннолѣтія. Никого нельзя было обязать выпол-

нять двѣ литургіи въ годъ или одну и ту же литургію подрядъ два года.

Тріерархія была чрезвычайной и самой обременительной литургіей. Она состояла въ обязанности снарядить военный корабль.

Если какой-нибудь человѣкъ находилъ, что литургія наложена на него неправильно и что сосѣдъ его былъ изъбавленъ отъ нея несправедливо, онъ могъ настаивать, чтобы этотъ послѣдній занялъ его мѣсто. Часто такое требованіе встрѣчало отказъ со стороны этого лица. Въ такомъ случаѣ судъ постановлялъ совершить предварительную конфискацію достоянія и одного, и другого. Составлялась опись имущества, и болѣе богатый подвергался литургіи. Это носило названіе *ἀντίδοσις*.

(Schömann. *Antiquités grecques*, т. I, стр. 523 и сл.; Lecrivain. *Revue historique*, т. XL, стр. 276 и сл.).

10. Хорегія.

На хорегъ лежала обязанность устроить и обучить на свои собственныя средства хоръ, который принималъ участіе въ состязаніяхъ на различныхъ празднествахъ, какъ, напримѣръ, на Діонисіяхъ или Панаѳиніяхъ. Обязанность эта считалась очень почетной, но съ нею были сопряжены такіе большіе расходы, что она была доступна лишь людямъ, обладающимъ крупнымъ состояніемъ. Впрочемъ, богачи считали долгомъ чести не отступать ни передъ какими жертвами. Ихъ побуждали къ этому, съ одной стороны, примѣры ихъ предшественниковъ и соперниковъ или надежда полученія награды на состязаніяхъ, съ другой — желаніе избѣгать насмѣшекъ согражданъ и упрековъ должностныхъ лицъ.

Для каждого праздника всякая фила доставляла по одному хорегу. Обыкновенно соотвѣтствующія власти назначали его заранѣе, но иногда находились лица, сами предлагавшія свои услуги. Прежде всего хорегу приходилось искать лицо, которое способно было бы составить хоръ. Для этого устраивалось собраніе всѣхъ десяти хореговъ подъ предсѣдательствомъ архонта, и устанавливалась по жребію очередь, въ которой на каждого изъ нихъ ложи-

лась обязанность избирать дидакала, или учителя. Во времена Демосфена къ такому же приему прибѣгали для нахожденія флейтиста. Затѣмъ надо было приняться за розыски хористовъ, которые должны были состоять исключительно изъ гражданъ.

Если у хорега не было времени ходить на репетиціи, онъ поручалъ эту обязанность какому-нибудь довѣренному лицу, но отвѣтственнымъ за все былъ лично онъ. Онъ доставлялъ помѣщеніе, удобное для упражненій хора; чаще всего это происходило въ его собственномъ домѣ. Онъ кормилъ хористовъ и платилъ имъ жалованіе; онъ или заказывалъ, или бралъ на прокатъ для нихъ и для себя прекрасные костюмы, вѣнки и маски. Въ день празднества онъ съ великой пышностью отводилъ хоръ на мѣсто состязанія и присутствовалъ при его выступленіи. Во время всей этой церемоніи онъ считался лицомъ священнымъ. Оскорбленіе ему было оскорбленіемъ государству и богу, въ честь котораго происходило празднество.

Послѣ состязаній всѣхъ хоровъ распредѣляли по степенямъ. Первый изъ нихъ получалъ вѣнокъ. Но побѣдителемъ считался не онъ, а его фила. Наградой хору танцоровъ на праздникъ Великихъ Панаѳиней служила телка. На праздникъ Діонисій хоръ пѣвцовъ награждался треножникомъ. Хорегъ былъ обязанъ посвятить этотъ треножникъ богу и сдѣлать на немъ надпись, упоминавшую объ его имени, успѣхѣ, составѣ хора, его филѣ, о дидакалѣ и флейтистѣ, которые помогали ему.

Трагическій хоръ требовалъ бѣльшихъ расходовъ, чѣмъ хоръ комическій. Согласно свидѣтельству Лизія, одинъ богатый гражданинъ израсходовалъ на содержаніе трагическаго хора 3 000 драхмъ (около 1.110 руб.). Хоръ танцоровъ стоилъ ему 800 драхмъ (около 296 руб.). Устройство хора на праздникъ Великихъ Панаѳиней и посвященіе треножника, полученнаго имъ въ награду, обошлось въ 5.000 драхмъ (около 1.850 руб.). Въ общемъ, въ теченіе 9 лѣтъ на 7 хорегій у него вышло около 4.940 рублей. Чтобы облегчить тягости этой литургіи, около 406 года было разрѣшено устраивать ее сообща двумъ гражданамъ. Впослѣдствіи государство стало брать на себя иногда даже всѣ расходы.

Это учрежденіе не было особенностью только однихъ Аѳинъ, но встрѣчалось также на о. Сифнѣ, Эгинѣ, въ Митиленахъ, Эивахъ, Орхоменѣ и Кеосѣ, но намъ неизвѣстно, сохраняло ли оно всюду одинаковый характеръ. (По сочиненію Krebs. Dictionn. des antiquités, т. I, стр. 1117—1119).

11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству.

„Когда я былъ назначенъ хорегомъ для одной трагедіи“ говоритъ одинъ кліентъ оратора Лизія, „я израсходовалъ 30 минъ (около 1.110 руб.). 3 мѣсяца спустя, на празднествѣ Фаргелій, я съ моимъ мужскимъ хоромъ одержалъ побѣду, при чемъ хоръ этотъ обошелся мнѣ въ 2.000 драхмъ (около 740 руб.). Хоръ танцоровъ на праздникѣ Панаѳиней во время архонтства Главкиппа обошелся мнѣ болѣе 800 драхмъ (около 296 руб.). При томъ же архонтѣ я съ моимъ мужскимъ хоромъ былъ побѣдителемъ на празднествѣ Діонисій. Я израсходовалъ, считая пожертвованіе треножника, 5.000 драхмъ (около 1.850 руб.). Я прибавилъ на празднествѣ Малыхъ Панаѳиней, во время архонтства Діокла, 300 драхмъ (около 110 руб.). Кромѣ этихъ расходовъ и опасностей, которымъ я ежедневно подвергался изъ-за васъ внѣ Аттики, я внесъ сначала 30 минъ (около 1.110 руб.), а потомъ 4.000 драхмъ (около 1.480 руб.) военного налога. Когда я при архонтѣ Алексіи вернулся въ Аѳины, то сейчасъ же былъ назначенъ гимназіархомъ на праздникѣ Прометея и получилъ награду, израсходовавъ 12 минъ (около 444 руб.). Позднѣе я устроилъ дѣтскій хоръ, который обошелся мнѣ болѣе 15 минъ (около 555 руб.). Во время архонтства Эвклида я получилъ награду за комическій хоръ, израсходовавъ 16 минъ (около 592 руб.) и болѣе 7 минъ (около 259 руб.) на хоръ танцоровъ во время праздника Малыхъ Панаѳиней. Я былъ побѣдителемъ въ гребныхъ гонкахъ у мыса Сунія и израсходовалъ 15 минъ (около 555 руб.), не считая нѣкоторыхъ другихъ литургій, которыя обошлись мнѣ болѣе 30 минъ (около 1.110 руб.). Правда, если бы я держался точныхъ предписаній закона,

то не израсходоваль бы и четверти указаннаго“ (Лизій, ХХІ, 1—5).

Въ одной судебной рѣчи Исея читаемъ: „Дикеогенъ, назначенный отъ своей филы хорегомъ на праздникъ Діонисій, занялъ на состязаніи только четвертое мѣсто. Въ состязаніяхъ трагическаго хора и хора танцоровъ онъ былъ признанъ послѣднимъ. Это были единственныя литургіи, которыя онъ принялъ на себя по давленію и принужденію, и, несмотря на свои доходы, вотъ какъ блестяще онъ выполнилъ свои обязанности хорега! Болѣе того: въ то время, какъ столько гражданъ несли обязанности тріерарха, онъ ни разу не выполнялъ эту повинность ни единолично, ни сообща съ кѣмъ-нибудь, и поступалъ такъ, несмотря на великую нужду государства въ корабляхъ. Всѣ граждане должны были нести значительныя повинности для покрытія военныхъ издержекъ и защиты государства. Дикеогенъ не платилъ ихъ совѣмъ. Только однажды, по запросу одного гражданина, онъ пообѣщаль передъ Народнымъ Собраніемъ сдѣлать добровольный даръ въ 300 драхмъ (около 110 руб.), но не сдержалъ своего обязательства и, къ стыду своему, долженъ былъ подвергнуться за это опубликованію во всеобщее свѣдѣніе.

„Мои предки, наоборотъ, не старались уклониться ни отъ какой хорегіи. Они вносили въ казначейство въ качествѣ подати на военныя нужды большія суммы серебра и при всѣхъ обстоятельствахъ несли повинность тріерархіи. Доказательства того, каковы были эти люди, находятся въ храмахъ, куда они совершали пожертвованія отъ излишковъ своего состоянія, что и свидѣтельствуетъ объ ихъ достоинствахъ. Въ храмѣ Діониса есть треножки, которые они получили, какъ побѣдители при исполненіи обязанностей хореговъ; имѣются такіе треножки и въ храмѣ Аполлона Пифійскаго. Они посвятили въ видѣ пожертвованія богамъ въ Акрополѣ часть своего состоянія и обогатили священное мѣсто бронзовыми и каменными произведеніями искусства необычайно многочисленными, если вспомнить, что они приобрѣтены на частныя средства...“ (Исей, V, 36—42).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Войско и флотъ.

С о д е р ж а н і е: 1. Патріотизмъ.—2. Обязанность гражданина защищать свое отечество.—3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. Х.—4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху.—5. Битва въ гомеровскія времена.—6. Наборъ войска.—7. Злоупотребленія при наборѣ войска, по свидѣтельству Аристофана.—8. Наемники.—9. Различные виды войскъ.—10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ.—11. Командованіе войскомъ въ Аѣинахъ.—12. Начальникъ наемниковъ.—13. Жалованье войскамъ.—14. Порядокъ похода.—15. Боевая тактика.—16. Битва при Марафонѣ.—17. Сраженіе при Мантинѣ.—18. Укрѣпленія.—19. Осада Платей.—20. Триера.—21. Экипажъ корабля.—22. Триерархія.—23. Триерархъ на своемъ кораблѣ.—24. Пирей и аѣинскій флотъ.—25. Сраженіе при Саламинѣ.—26. Почести, воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество.

1. Патріотизмъ.

Слово „отечество“ у древнихъ означало землю отцовъ. Для cadaго древняго грека отечествомъ былъ участокъ земли, освященный его домашней или національной религіей, той земли, гдѣ лежали кости и обитали души его предковъ. Малое отечество подразумѣвало принадлежащій семьѣ огороженный участокъ съ собственными могилой и очагомъ. Отечествомъ въ большемъ видѣ было государство—городъ съ его пританеемъ и героями, съ его священной оградой и территоріей, установленной религіей. „Священная земля отечества“, говорили греки, и это не были пустыя слова. Земля была дѣйствительно священна для человѣка того времени, потому что она служила обиталищемъ его боговъ. Государство, гражданская община, отечество—эти слова не были только отвлеченнымъ понятіемъ, какъ у новѣйшихъ

народовъ, а дѣйствительно выражали совокупность мѣстныхъ божествъ съ ихъ повседневымъ культомъ и съ могущественными вѣрованіями въ души предковъ.

Этимъ объясняется патріотизмъ древнихъ — то сильное чувство, которое считалось у нихъ высшею добродѣтью и къ которому сводились всѣ прочія добродѣтели. Съ отечествомъ соединялось все самое дорогое для человѣка. Въ немъ совмѣщались его благосостояніе, безопасность, права, вѣра, боги. Утрачивая его, онъ терялъ все. Столкновеніе частныхъ и общественныхъ интересовъ было почти невозможно для него. Платонъ ¹⁾ говоритъ: „Отечество порождаетъ насъ, питаетъ и воспитываетъ“. Софокль ²⁾ же заявляетъ: „Отечество—вотъ наша охрана“.

При такомъ пониманіи отечества оно обозначаетъ не только мѣстожительство человѣка. Покидая священныя стѣны родины, переходя черезъ священныя границы ея предѣловъ, грекъ уже не находилъ для себя ни религіозныхъ, ни общественныхъ связей. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ онъ стоялъ за предѣлами правильно установленнаго обихода и покровительства законовъ. Повсюду онъ попадалъ въ приниженное состояніе, становился внѣ устоевъ нравственной жизни. Его человѣческое достоинство и права осуществлялись только въ отечествѣ. Онъ могъ быть счастливъ только тамъ.

Онъ былъ соединенъ съ отечествомъ священными узами. Отечество надо было любить, какъ любятъ религію; повиноваться ему, какъ повинуются божеству. Ему надо было отдаваться цѣликомъ, посвятить ему все. Досталось ли отечеству на долю блескъ или униженіе, благоденствіе или несчастіе, человѣкъ долженъ любить его. Любовь эту слѣдуетъ питать къ нему и за его благодѣянія, и за тяготы, въ особенности надо умирать за него. Греку не свойственно было жертвовать жизнью во имя преданности какому-нибудь другому человѣку или во имя своей чести, но

¹⁾ П л а т о н ъ—см. вып. I, стр. 8, прим. 2.

²⁾ С о ф о к л ѣ—см. вып. IV, стр. 41, прим.

отечеству онъ обязанъ отдать свою жизнь: вѣдь нападеніе на его отечество было нападеніемъ на самую религію. Грекъ дѣйствительно сражался за свои алтари и очаги, потому что, какъ только врагъ завладѣвалъ городомъ, онъ сейчасъ же ниспровергалъ алтари, гасилъ очаги, оскорблялъ могилы, истреблялъ боговъ, уничтожалъ культъ. Благочестіе древнихъ состояло въ любви къ отечеству.
(Fustel de Co'ulanges. La Cité antique, стр. 233—234).

2. Обязанность гражданина защищать свое отечество.

Въ тотъ моментъ, когда Аѣины потерпѣли поражение при Херонеѣ отъ македонскаго царя Филиппа, нѣкто Леократъ бѣжалъ изъ Аѣинъ и уклонился такимъ путемъ отъ обязанности защищать свое отечество. Когда послѣ довольно долгаго отсутствія онъ явился въ Аѣины, ораторъ Ликургъ заставилъ его предстать предъ судомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Ликургъ клеймилъ его поведение:

„Вы должны наказать Леократа во имя Аѣинъ, во имя вашихъ боговъ. Единогласнымъ постановленіемъ вы должны выразить сегодня ваше отношеніе къ величайшимъ и позорнѣйшимъ преступленіямъ, публично совершеннымъ Леократомъ. Они состоятъ: въ измѣнѣ, потому что, покидая городъ, онъ предалъ его въ руки враговъ; въ оскорбленіи демократіи, потому что онъ отказался бороться за ея свободу; въ нечестіи, потому что онъ предоставилъ врагамъ, поскольку это отъ него зависѣло, вырубать священные лѣса и ниспровергать храмы; въ оскорбленіи своихъ предковъ, потому что онъ способствовалъ разрушенію ихъ могилъ и лишенію погребальныхъ почестей, которыя былъ обязанъ совершить въ честь ихъ; наконецъ, въ дезертиствѣ и неповиновеніи, потому что онъ не явился къ стратегамъ, чтобы они отправили его въ войско. Кто изъ васъ послѣ всего этого способенъ оправдать его или оставить безнаказанными столько умышленно совершенныхъ преступленій? Кто изъ васъ будетъ столь безразсуднымъ, что, спасая этого подлаго человѣка, предоставитъ свое соб-

ственное спасеніе людямъ, способнымъ покинуть васъ въ опасности? Кто изъ сожалѣнія къ этому человѣку пожелаетъ сдѣлаться жертвой неумолимаго врага и, оказывая снисхожденіе измѣннику отечества, вызвать такимъ образомъ мщеніе боговъ?“

(Ли кургъ. Противъ Леократа, 146—148).

3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. Х.

Славно вѣдь жизнь потерять, средь воиновъ доблестныхъ павши,
Храброму мужу въ бою изъ-за отчизны своей;
Градъ же родной и цвѣтущія нивы покинувъ, быть нищимъ—
Это, напротивъ, удѣлъ всѣхъ тяжелейшій другихъ!
Съ матерью милой, съ отцомъ-старикомъ на чужбинѣ блуждаетъ,
Съ малыми дѣтками трусъ и съ молодою женой.
Будетъ онъ жить ненавистнымъ средь тѣхъ, у кого пріютится,
Тяжкой гонимый нуждой и роковой нищетой.
Родъ онъ позоритъ и видъ свой цвѣтушій стыдомъ покрываетъ;
Бѣды, безцельно летятъ всюду за нимъ по слѣдамъ.
Если же, вправду, ни теплой заботы не встрѣтитъ скиталецъ,
Ни уваженья, стыда иль состраданья въ нуждѣ,—
Будемъ за родину храбро стоять и, дѣтей защищая,
Ляжемъ костью, не щадя жизни въ отважномъ бою!
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примѣромъ
Бѣгства постыднаго иль трусости жалкой другимъ,
Но сохраняйте въ груди всегда духъ удалой и могучій
И не жалѣйте души, выйдя съ врагами на бой!
Не покидайте старѣйшихъ, у коихъ ужъ слабы колѣна,
И не бѣгите, предавъ старцевъ на жертву врагамъ.
Страшный позоръ вамъ, когда среди воиновъ первыхъ упавшій
Старецъ лежитъ, впереди юныхъ лѣтами бойцовъ,
Старецъ съ главою уже убѣленной, съ сѣдой бороδοю,
Полный отваги еще, духъ испуская въ пыли,
Кровью облитые члены руками прикрыть не забывши,—
Стыдно и страшно глядѣть глазу на этотъ позоръ—
Безъ одѣянья на тѣлѣ! А юношѣ все вѣдь пристойно.
Если онъ доблестный цвѣтъ юности нѣжной хранить:
Видомъ онъ—дивенъ мужамъ, пока живъ, и плѣнителенъ женамъ;
Если-жъ падетъ средь бойцовъ,—чудной сіяетъ красой!
Пусть же, широко шагнувъ, стоитъ каждый на мѣстѣ, ногами
Въ землю сильнѣй упершись, губы зубами прижавъ.

(Тиртей. Переводъ В. В. Л.).

4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху.

Оборонительное оружіе, сдѣланное изъ бронзы, состояло изъ шлема, латы, щита и наколѣнниковъ, или кнемидъ. Къ этому надо прибавить особый металлическій поясъ, прикрѣплявшійся къ тому мѣсту, гдѣ кончались латы, и служившій для защиты живота и поясницы. На верху шлема развѣвался султанъ изъ конскихъ волосъ, выкрашенный иногда въ красный цвѣтъ. Къ шлему были придѣланы приспособленія для защиты щекъ, но для защиты носа ихъ не было. Два толстыхъ бронзовыхъ листа, соединявшихся на бокахъ, составляли латы: одинъ изъ нихъ покрывалъ грудь, другой — спину. Щитъ былъ круглымъ или овальнымъ. Въ первомъ случаѣ у него было двѣ ручки: въ одну продѣвали руку, за другую держались пальцами. Щитъ продолговатой формы достигалъ иногда почти размѣровъ человѣческаго тѣла; въ этомъ случаѣ его необходимо было держать всей рукой. Благодаря особенному кожаному ремешку щитъ можно было при ходьбѣ или бѣгѣ положить себѣ на спину.

Шлемы.

Наступательное оружіе дѣлалось также изъ бронзы. О желѣзныхъ наконечникахъ стрѣлъ, желѣзномъ мечѣ и палицѣ упоминается всего въ двухъ-трехъ стихахъ, да и то вставленныхъ, можетъ быть, позднѣе. Главнымъ оружіемъ былъ длинный обоюдоострый мечъ. Деревянная или костяная оправа, прикрѣпленная золотыми или серебряными гвоздями къ рукояткѣ, давала возможность взять это оружіе рукой и крѣпко держать его. На ножнахъ

Воинъ.

часто были украшенія изъ серебряной и золотой инкрустаціи. Нерѣдко къ ножнамъ прикрѣпляли другой, болѣе короткій мечъ, который пускали въ ходъ, если ломался первый. Ясеновое древко съ металлическими остріями на обоихъ концахъ составляло копье. Одно остріе служило для нападенія, другое для втыканія въ землю. Копьемъ этимъ наносили удары и метали его въ непріятеля. Наконечники стрѣлъ были трехгранные. Ихъ нельзя было извлечь изъ тѣла, такъ какъ они дѣлались съ особыми зазубринами. Впрочемъ, стрѣлки играли въ войскѣ только второстепенную роль. Воины, пользующіеся извѣстностью, выѣзжали

Военная колесница.

на сраженіе въ колесницѣ, которая запрягалась парой лошадей; ими управлялъ кучеръ, стоящій рядомъ съ воиномъ. Онъ придерживалъ лошадей въ то время, какъ воинъ, спустившись на землю, сражался со своимъ противникомъ; а когда борьба заканчивалась, онъ везъ его обратно, побѣдителемъ или побѣжденнымъ.

(Perrot. *Revue des Deux Mondes*, т. LXX (1885), стр. 305).

5. Битва въ гомеровскія времена.

А Мирмидонцы межъ тѣмъ за Патрокломъ вождемъ ополчившись Двигались вмѣстѣ, пока на враговъ не обрушились грозно...

Такъ Мирмидонцы въ то время съ такимъ же безтрепетнымъ духомъ Изъ кораблей налетѣли, и крикъ раздавался немолчный.

Голосомъ зычнымъ Патроклъ воззвалъ, обращаясь къ дружинѣ...
И Мирмидоняне всѣ на Троянцевъ обрушились разомъ.
Грозно суда огласились воинственнымъ кликомъ Ахейнъ.
Лишь увидали Троянцы Менойтія храбраго сына
Вмѣстѣ съ товарищемъ брани, покрытыхъ оружіемъ свѣтлымъ,
Дрогнуло сердце у всѣхъ, и фаланги пришли въ безпорядокъ,
Ибо они полагали, что сынъ быстроногій Пелея
Долгій свой гнѣвъ укротилъ и съ Ахейцами вновь примирился.
Каждый, дрожа, озирался, чтобъ гибели черной избѣгнуть.
Первый Патроклъ блестящимъ копьемъ замахнулся и бросилъ
Прямо въ средину толпы, гдѣ тѣснилося больше героевъ,
Передъ кормой корабля благороднаго Протезида,
И поразилъ Пирехмеса; наѣздниковъ храбрыхъ Пеонянъ
Изъ Абидоса привелъ онъ, гдѣ Аксіей струится широко.
Въ правое ранилъ его онъ плечо, и тотъ, громко стеная,
Навзничъ свалился во прахъ. Отступила дружина въ испугъ,
Ужась въ Пеонянахъ всѣхъ возбудилъ сынъ Менойтія храбрый,
Ихъ полководца убивъ, кто въ кровавомъ бою отличался..
Бой закипѣлъ межъ вождами, и мужъ умерщвляемъ былъ мужемъ.
Первымъ Патроклъ могучій, Менойтія сынъ благородный,
Ареилика ударилъ, къ нему обращеннаго тыломъ,
Острою мѣдью въ бедро. И насквозь остріе проскочило,
Кость раздробивъ, и Троянецъ на землю лицомъ повалился.
Царь Менелай, сынъ Атрея воинственный, ранилъ Феоаса
Въ грудь, неприкрытую круглымъ щитомъ, и сковалъ ему члены.
Сынъ же Филея, замѣтивъ Амфикла съ поднятымъ оружіемъ,
Ранѣе бросилъ копье и въ бедро его съ краю ударилъ,
Тамъ, гдѣ лежитъ у людей наиболѣе крупная мышца.
Мѣдь разорвала всѣ жилы, и тѣма ему очи покрыла..
Сынъ Оилея Аяксъ наскочилъ на бойца Клеобула
И овладѣлъ имъ живымъ, когда тотъ среди давки споткнулся,
Тутъ же лишилъ его силы, мечомъ по затылку ударивъ.
Мечъ съ рукоятію прекрасной весь сдѣлался теплымъ отъ крови.
Черная смерть и судьба закрыли глаза Клеобулу.
Тою порой Пенелей и Ликонъ другъ на друга напали;
Оба сперва промахнулись, напрасно пустивъ свои копья,
И налетѣли съ мечами. Ликонъ Пенелея ударилъ
По верху шлема его густогриваго, только сломался
За рукояткою мечъ, и тогда Пенелей его ранилъ
Въ шею надъ ухомъ, и мечъ весь проникъ глубоко; уцѣлѣла
Кожа одна, голова же повисла и члены ослабли..
Съ криками такъ отъ судовъ побѣжали Троянцы въ смятении
И не въ порядкѣ вернулись; чрезъ ровъ Пріамида въ оружіи
Вынесли быстрые кони, а войско Троянцевъ оставилъ
Передъ глубокимъ онъ рвомъ, задержанныхъ тамъ поневолѣ.
Рѣзвые кони безъ счета ломали влекущія дышла

И покидали во рву колесницы вождей умерщвленныхъ.
Храбрый Патроклъ, взывая къ своимъ, за бѣгущими гнался,
Горе готовя Троянцамъ, которые криками бѣгства
Всѣ наполняли дороги,—они вразсыпную бѣжали.
Вихремъ вздымалася пыль къ облакамъ, когда въ Трою обратно
Цѣльнокопытные кони неслись отъ судовъ и палатокъ...

(Иліада, XVI, 256 и сл. Перев. Минскаго).

Павшій воинъ.

6. Наборъ войска.

1. Аѳиняне. Первоначально въ Аѳинахъ, какъ и въ другихъ городахъ, для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ общественной жизни, военная служба являлась правомъ и обязанностью. Въ героическую эпоху во время битвъ первая роль несомнѣнно принадлежала царямъ и вождамъ, такъ что сраженія „Иліады“ напоминаютъ скорѣе турниръ или дуэль. Но воины, составлявшіе основную часть войска, которая иногда выстраивалась въ ряды для участія въ общихъ дѣйствіяхъ, не были ни рабами, ни наемниками. Въ лагерѣ, который былъ подобіемъ города, они представляли собою „демосъ“, присутствующій при обсужденіи дѣлъ на агорѣ.

Послѣ паденія царской власти самое древнее греческое правительство состояло, по словамъ Аристотеля, изъ гражданъ, бывшихъ на войнѣ. Это обстоятельство опредѣленно проявляется и въ установленной Солономъ системѣ. Люди послѣдняго класса, носившіе наименованіе *θετοὶ* въ, освобождались отъ военной службы, потому что они не пользовались почти никакими политическими правами. Пока у аѳинянъ существовало національное войско. этотъ принципъ постоянно соблюдался ими.

Оффиціальныи списокъ, на основаніи котораго совершался наборъ войска, назывался *ληξιαρχικὸν ὑγραμματαίον*, т. е. указателемъ гражданскаго положенія разныхъ лицъ. Онъ составлялся демархомъ въ каждомъ демѣ, и ежегодно въ него включались молодые люди, достигшіе 18-лѣтняго возраста. Внесеніе кого-нибудь въ этотъ списокъ было въ Аѳинахъ признакомъ распространенія на него правъ гражданства. До тѣхъ поръ онъ ничего не былъ обязанъ дѣлать по отношенію къ государству и не пользовался гражданскими правами. Изъ всѣхъ этихъ записей въ каждой филѣ составлялся перечень молодыхъ людей, обязанныхъ нести военную повинность, а собраніе этихъ списковъ называлось каталогомъ. Каждый желающій попасть въ него долженъ былъ удостовѣрить, что онъ удовлетворяетъ требуемымъ условіямъ возраста и ценза. Кромѣ того, необходимо было выдержать извѣстное физическое испытаніе. Въ этихъ спискахъ граждане числились отъ 18 до 60-лѣтняго возраста.

Условія службы не были одинаковы для всѣхъ этихъ людей. Молодые люди отъ 18 до 20 лѣтъ, *эфебы* и *περίπολοι*, не принимали участія ни въ какихъ отдаленныхъ походахъ. На нихъ лежала охрана территоріи и портовъ, защищавшихъ границы Аттики. Съ другой стороны, люди болѣе пожилые, имѣвшіе свыше 50 лѣтъ, повидимому, въ этомъ отношеніи стояли наравнѣ съ эфебами. Слѣдовательно, для похода за предѣлами страны въ гоплиты набирали только гражданъ отъ 20^{лѣтъ} до 50-лѣтняго возраста. Тотъ случай, когда всѣ граждане этого разряда призывались одновременно, назывался *πανδημί* или *πανστрати*. Такимъ образомъ, даже массовый наборъ касался только гра-

жданъ, внесенныхъ въ регулярные списки, но къ этимъ лицамъ въ такомъ случаѣ обыкновенно присоединялись метэки, способные нести службу тяжело-вооруженнаго воина, а также легко-вооруженные воины. Въ началѣ Пелопоннесской войны, по словамъ Фукидида, число гоплитовъ, возрастъ которыхъ былъ менѣе 20 или болѣе 50 лѣтъ, достигало 13.000. Число этихъ воиновъ въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ составляло 10.000. И къ тому и къ другому изъ этихъ разрядовъ надо прибавить еще 3.000 метэковъ, которые исполняли обязанности гоплитовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленіе Народнаго Собранія не объявляло общаго набора, гоплиты призывались по выбору изъ именъ, указанныхъ въ каталогѣ (*ἐκ καταλόγου*). Для этихъ частичныхъ наборовъ примѣнялись два способа. Иногда народъ, по выраженію Аристотеля; прямо опредѣлялъ, „начиная отъ какого и до какого архонта-эпонима слѣдовало сдѣлать кампанію“. Это называлось *στρατεία ἐν τοῖς ἐπωνύμοις*. Изъятія и отсрочки примѣнялись только по отношенію къ тѣмъ, кто былъ занятъ какой-нибудь другой общественной службой. Иногда же народъ довольствовался только указаніемъ общаго числа гоплитовъ, подлежащихъ набору. Тогда дѣло заключалось въ томъ, чтобы забрать лишь часть, а не всѣхъ гражданъ даннаго разряда (*στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι*). Задача стратеговъ и таксіарховъ въ этихъ случаяхъ становится болѣе сложной. Это было, правда, средствомъ составить отборное войско, но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь представлялся случай оказать покровительство однимъ гражданамъ въ ущербъ другимъ. Аристофанъ жалуется на злоупотребленія, вытекавшія отсюда и дававшія часто основаніе для судебныхъ процессовъ, которые подымались обиженными гражданами. Но до произнесенія приговора судей призываемый на службу гоплитъ обязанъ былъ вооружиться и явиться въ войско въ назначенный день. Таксіархъ отмѣчалъ имена отсутствующихъ, которые впослѣдствіи подлежали законной отвѣтственности.

Конница составляла, если не постоянное, то, по крайней мѣрѣ, избранное войско, которое служило даже въ мирное время и созывалось чаще, чѣмъ пѣхота, такъ какъ всадники

участвовали въ религіозныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ. Количество всадниковъ было, кромѣ того, опредѣленнымъ, и обязанностью гиппарха было слѣдить за тѣмъ, чтобы личный составъ ихъ былъ всегда полнымъ. Списокъ всадниковъ составлялся ежегодно заново. Филархъ каждой филы выбиралъ изъ своего списка извѣстное число молодыхъ людей перваго или втораго класса дѣленія Солона. Онъ останавливался на самыхъ богатыхъ и сильныхъ. Но прежде, чѣмъ попасть въ войско, молодые люди должны были по его требованію выдержать особое испытаніе передъ Совѣтомъ (*βουλή*). Для гражданина, становящагося всадникомъ, такое испытаніе было необходимо, но зато оно давало ему безусловное право на вступленіе въ этотъ разрядъ воиновъ. Если только гражданинъ былъ избранъ гиппархомъ и получилъ одобреніе Совѣта, онъ былъ уже увѣренъ, что въ теченіе года не перемѣнитъ рода службы, и ни стратегъ, ни такіархъ не перемѣстятъ его въ разрядъ гоплитовъ.

2. Спарта. Въ Спартѣ всякій гражданинъ отбывалъ военную службу отъ 20 до 60-лѣтняго возраста. Согласно утвержденію Аристотеля, отецъ трехъ сыновей освобождался отъ нея, но мы не знаемъ, къ какому времени относилось это мѣропріятіе. Наборъ, какъ и въ Аѣинахъ, совершался по способу *στράταια ἐν τοῖς ἐπιουρίοις*. Классы, которые должны были выставить опредѣленное количество новобранцевъ, опредѣлялись эфорами. Впрочемъ, не довольствовались наборомъ воиновъ изъ собственно спартіатовъ, но призывали также такое число періэковъ, въ какомъ была необходимость. Въ эпоху персидскихъ войнъ періэки составляли особые отряды; во время Пелопоннесской войны они смѣшивались съ гражданами.

По сообщенію Геродота, Леонидъ имѣлъ при Оермопилахъ 300 отборныхъ воиновъ, состоявшихъ изъ отцовъ семействъ. Фукидидъ называетъ ихъ „300 всадниками“. Они носили наименованіе всадниковъ, хотя и не находились на лошадахъ. Ксенофонтъ указываетъ, какимъ способомъ производился наборъ ихъ. Ежегодно эфоры назначали трехъ молодыхъ людей въ расцвѣтѣ силъ, которые, въ свою очередь, выбирали по сотнѣ юношей. Въ военное

время этотъ отрядъ изъ трехсотъ человѣкъ составлялъ охрану царя и не распускался даже во время мира.

На-ряду съ могущественной пѣхотой спартанцевъ ихъ конница была очень жалка. Она образовалась въ довольно позднюю эпоху, около 424 года до Р. Х., и никогда не пользовалась почетомъ, если правильно утверждение Ксенофонта, что на лошадей, поставлявшихся богатыми гражданами, сажали людей, способныхъ къ службѣ въ пѣхотѣ.

(Hauvette. Dict. des Antiq. т. II, стр. 206 и сл.).

7. Злоупотребленія при наборѣ войска по свидѣтельству Аристофана.

Обязанность производить наборъ войска лежала въ Аѣинахъ на таксіархахъ. Они позорно пользовались своею властью. Всѣ ихъ дѣйствія были внушены подозрительностью или угодничествомъ. Они заискивали передъ чернью и не останавливались ни передъ какимъ потворствомъ ей. Благодаря этому войско было организовано плохо. Демократія могла объявить войну, но дѣлала все отъ нея зависящее, чтобъ самой не принять въ ней участія. Самые бѣдные граждане, которыхъ нельзя было взять ни въ качествѣ всадниковъ, ни даже, въ обычныхъ случаяхъ, въ качествѣ гоплитовъ, зачислялись на тріеры матросами. Пѣхота состояла изъ мелкой буржуазіи, людей средняго состоянія и мирныхъ нравовъ, добрыхъ демократовъ, вродѣ, на примѣръ, Филоклеона въ „Осахъ“. Но между ними попадалось и большое число должностныхъ лицъ, много избавленныхъ отъ службы по праву, какъ, на примѣръ, члены Совѣта. Иные люди сами стремились освободиться отъ военной службы. Случалось, что среди людей, имена которыхъ были занесены въ списки лицъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, находились люди, чистотой своихъ демократическихъ чувствъ вызывавшіе расположеніе таксіарховъ; тогда послѣдніе легко могли освободить ихъ отъ повинности путемъ перестановки въ порядкѣ именъ.

Когда по постановленію Народнаго Собранія производился частичный наборъ войскъ и устанавливалось опре-

дѣленное число воиновъ, подлежащихъ этому набору, таксіархи должны были назначить извѣстное число гоплитовъ изъ списковъ, составляемыхъ ежегодно. Повидимому, они часто забывали однихъ и вписывали другихъ. „Они поступаютъ недобросовѣстно, то произвольно внося кого-нибудь въ списки, то вычеркивая его по два и по три раза. На завтра назначено выступленіе, а такой-то не купилъ еще припасовъ, потому что не зналъ, что онъ долженъ отправляться въ походъ. Вдругъ, просматривая объявленіе, онъ видитъ свое имя, и онъ бѣжитъ растерянный, съ глазами полными слезъ. Вотъ какъ начальники поступаютъ съ нами, крестьянами. Горожанъ они щадятъ больше“. Такимъ образомъ, деревня снабжала войско людьми, которыхъ городъ отказывался поставлять. Поэтому одной изъ важнѣйшихъ реформъ, которая демось (народъ) стремился осуществить, былъ вопросъ о наборѣ войскъ. „Отнынѣ никакой гоплитъ, внесенный въ списки, не сможетъ, пользуясь чьимъ-либо покровительствомъ, нарушить порядокъ своего мѣста“.

(Coutat. Aristophane, стр. 86).

8. Наемники.

Послѣ Пелопоннесской войны въ Греціи, а въ особенности въ Аѣинахъ, замѣчается постепенный упадокъ военнаго духа. Граждане не желаютъ участвовать на войнѣ лично и предпочитаютъ выставять вмѣсто себя наемныя войска. Исократъ жалуется на это зло въ рѣчи, относящейся къ 355 году до Р. Х.

„Какъ мы отличаемся отъ нашихъ предковъ! Они безъ колебанія покидали родину во имя спасенія Греціи и такимъ образомъ одерживали надъ персами побѣды и на морѣ и на сушѣ; мы же, наоборотъ, не хотимъ подвергаться никакой опасности. Мы стремимся надъ всѣми властвовать, но не желаемъ взять въ руки оружіе. Мы объявляемъ войну, такъ сказать, всему міру; но вмѣсто того, чтобы самимъ подготовиться къ веденію ея, мы набираемъ бродягъ, перебѣжчиковъ и всякаго рода негодяевъ, которые готовы

идти противъ насъ же, если кто-нибудь предложитъ имъ большую плату; и мы питаемъ къ нимъ такую слабость, что, отказываясь брать на себя отвѣтственность за поступки, совершенные противъ кого бы то ни было нашими собственными дѣтьми, мы принимаемъ порицаніе за разбои, насилия и беззаконія этихъ людей, и не только не приходимъ въ негодованіе, но даже радуемся, когда слышимъ, что они совершили злодѣяніе такого рода. Мы дошли до такого сумасшествія, что, нуждаясь въ насущныхъ вещахъ, мы пожелали содержать наемниковъ, оскорбляемъ и обираемъ нашихъ союзниковъ для уплаты жалованія этимъ врагамъ всѣхъ людей... Когда наши предки объявляли кому-нибудь войну, то считали своей обязанностью принимать участіе въ битвѣ; если даже государственная казна ихъ была полна золота и серебра, они находили нужнымъ обезпечить успѣхъ битвы личнымъ своимъ присутствіемъ; мы же, несмотря на нашу бѣдность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многочисленность нашего населенія, поступаемъ подобно персидскому царю и выставаемъ наемныя войска“.

(Исократъ. Рѣчь о мирѣ, 43—47).

9. Войско различныхъ родовъ оружія.

Греческое войско состояло обыкновенно изъ трехъ рядовъ: тяжело-вооруженныхъ (гоплитовъ) и легко-вооруженныхъ пѣхотинцевъ и всадниковъ.

Гоплиты.

1. Г о п л и т ы. — Гоплиты были линейными войсками въ собственномъ смыслѣ слова. Они набирались изъ гражданъ и составляли главную часть войска. Они носили полное вооруженіе, пригодное и для нападенія и для защиты. Туника (χιτών) гоплита была красного цвѣта.

Оборонительное оружіе было таково: шлемъ, дѣлавшійся первоначально изъ недубленой кожи (κινέη), а потомъ изъ мѣди (κράνος), латы, наколѣнники (κνημίδες). Наколѣнники состояли изъ металлическихъ пластинокъ, подбитыхъ съ внутренней стороны мѣдью или сукномъ; они закрывали наружную часть ноги до колѣна. Щитъ, то круглый, то овальный, дѣлался изъ положенныхъ одна на другую бычачьихъ кожъ, съ прибитой къ нимъ сверху гвоздями металлической доской.

Бой гоплитовъ.

Наступательнымъ оружіемъ были: во-первыхъ, копье или пика (δέρυ), длиной отъ 2,04 до 2,33 метровъ; оно вѣсило около 5 фунтовъ и было снабжено на концѣ обоюдоострымъ наконечникомъ въ 14 сантиметровъ длиной; во-вторыхъ, прямой (ξίφος) или слегка изогнутый (μάχαιρα) мечъ, носившійся на перевязи; иногда также прямой кинжалъ (ἐγχερίδιον) и ножъ въ формѣ серпа (ξίφος).

Общій вѣсъ этого оружія равнялся приблизительно 2 пуд. 4 фун., но гоплитъ несъ на себѣ все это только при отступленіяхъ. Во время похода часть оружія складывалась на колесницы, часть несли рабы.

2. Легко-вооруженная войска.— До персидскихъ войнъ рабы, сопровождавшіе гоплитовъ, часто принимали участіе въ битвахъ, поэтому ихъ можно считать легко-вооруженными войсками. Особые отряды легкой пѣхоты стали устраивать лишь послѣ персидскихъ войнъ, а неотъемлемой частью войска они сдѣлались только въ IV в.

Оружіе.

Наборы для этихъ легкихъ войскъ производились среди племенъ, отличавшихся специальнымъ искусствомъ въ обращеніи съ метательнымъ оружіемъ, какъ дротикъ, лукъ и праща. Изъ критянъ составлялись войска стрѣлковъ, изъ родосцевъ и Ѳессалійцевъ— войска метателей пращей, изъ Ѳракійцевъ—щитоносцы. Воины, искусные въ метаніи дротиковъ, набирались въ Акарнаніи и Этоліи.

Гоплитъ.

Легко-вооруженныя войска (γυμνῆταις, γυμνοί, φλοί) не имѣли защитительнаго оружія, потому что они сражались издали. Войска эти подраздѣлялись на нѣсколько группъ. Метатели дротиковъ (ἀκοντισταί), были вооружены дротикомъ или копьемъ, имѣвшимъ въ длину 1,45 метра.

Копье было снабжено ремнемъ, черезъ который воинъ продѣвалъ свои пальцы. Стрѣлки были вооружены лукомъ и колчаномъ, вмѣщавшимъ отъ 12 до 15 стрѣлъ. Пращники вооружались пращей и мѣшкомъ для метательныхъ снарядовъ (камней или особыхъ пуль). Щитоносцы (пелтасты) имѣли маленькій щитъ, дротикъ и мечъ.

Воины.

Эти войска, смотря по надобности, разставлялись впереди или сзади главной линіи, или же въ ея промежуткахъ, а иногда съ боковъ. Часто ихъ выстраивали по прямой линіи, но иногда они дѣйствовали и разсыпной колонной. На нихъ возлагалась развѣдочная служба, устройство засадъ, захватъ высотъ, отвлеченіе приближающагося непріятеля, отраженіе конницы и преслѣдованіе побѣжденныхъ.

3. Конница.—Греческая конница въ теченіе долгаго времени находилась въ зачаточномъ состояніи. Лошадьми пользовались скорѣе какъ средствомъ передвиженія, чѣмъ нападенія. Конница сражалась только съ конницей. Она рѣшалась нападать на пѣхоту только въ тѣхъ случаяхъ, когда эта послѣдняя приходила въ разстройство или обращалась въ бѣгство. Въ македонскомъ войскѣ роль конницы была совершенно ничтожна; въ Аѳинахъ она имѣла болѣе значенія, но и здѣсь она являлась главнымъ образомъ принадлежностью праздничныхъ парадовъ. Она дѣйствительно могла идти въ счетъ только въ Тессаліи, Беотіи, Фокидѣ и Локридѣ. Дѣятельное участіе въ сраженіяхъ она начала принимать только съ Эпаминонда ¹⁾.

Сбруя лошади состояла изъ сѣдла или, вѣрнѣе, изъ попоны (*ἐφ' ἑπτα*) съ подпругой, удила, узды и недоуздка, чтобы привязывать ее при остановахъ. Греки не умѣли подковывать лошадей, довольствуясь тѣмъ, что путемъ упражненія достигали извѣстнаго отвердѣнія копыта. Для защиты лошади на нее надѣвали налобникъ, нагрудникъ и особаго рода латы по бокамъ.

Всадникъ.

Всадникъ носилъ латы, поясъ съ бахромой изъ металлических пластинокъ вокругъ живота, бронзовые или мѣдные наручники, набедренникъ, кожаные наголенники и шлемъ. Щита и стремянъ у него не было. Наступательное оружіе состояло изъ прямого меча и длиннаго и тонкаго копья. При всадникѣ находился конный оруженосецъ, слѣдовавшій вѣ колонны.

(Pascal. L'Armée grecque, стр. 13 и сл.).

¹⁾ Эпаминондъ—см. стр. 2.

10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ.

Въ IV вѣкѣ спартанское войско раздѣлялось на 6 моръ (*μόρα*), мора дѣлилась на два лоха, лохъ (*λόχος*) на двѣ полсотни, полсотня на двѣ эномотіи.

Численный составъ различныхъ отрядовъ подвергался измѣненіямъ. У древнихъ авторовъ встрѣчается упоминаніе о морахъ въ 500, 600, 700, 800, 900 и даже 1000 человекъ. Наименованіе начальниковъ зависѣло отъ того, какимъ видомъ отрядовъ они командовали. Такъ, были эномотархи, пентекостеры (или полусотники), лохаги, а для моры—полемархи. Въ военное время главное начальствованіе надъ войскомъ принадлежало обыкновенно одному изъ царей; однако бывали случаи, что главнымъ начальникомъ назначалось просто частное лицо. Такимъ былъ, напримеръ, въ концѣ Пелопоннесской войны Лизандръ.

Древнихъ грековъ поражала крѣпкая организація спартанскаго войска. Исократъ приписываетъ одному спартанскому царю (Архидаму) такія слова: „Если мы одерживаемъ надъ другими греческими народами верхъ, то потому, что наша республика устроена на подобіе военнаго лагеря, въ которомъ царствуетъ дисциплина и повиновеніе“. Платонъ говоритъ почти тѣми же словами, указывая, что спартанцы напоминаютъ войско, расположившееся лагеремъ. Безъ позволенія должностныхъ лицъ спартанцы не имѣли права покидать Лаконію. Государство желало имѣть возможность постоянно располагать всѣми своими воинами. Установившаяся привычка къ общественнымъ трапезамъ развивала въ гражданахъ корпоративный духъ, подобно тому, какъ у насъ это дѣлается съ помощью казарменной жизни. Спартанцы даже въ мирное время занимались военными упражненіями, что для Греціи представляло рѣдкое исключеніе. Въ обществѣ съ такъ ярко выраженными аристократическими нравами, съ рѣзко выдѣленными общественными группами, каждый естественно привыкалъ къ дисциплинѣ, и эта черта еще болѣе усиливалась благодаря могущественной организаціи правительства и строгости закона. На-

конецъ, всѣ учрежденія Спарты, начиная съ системы воспитанія, имѣли цѣлью внушить гражданину тотъ видъ приподнятаго патріотизма, который увеличивалъ ихъ военныя доблести.

11. Командованіе войскомъ въ Аѣинахъ.

Первоначально главой аѣинскаго войска былъ полемархъ—одинъ изъ девяти архонтовъ, но съ V вѣка командованіе войскомъ перешло въ руки десяти стратеговъ. Если одновременно происходило нѣсколько экспедицій, стратеги становились во главѣ различныхъ отрядовъ, каждый отдѣльно или группами. Иногда однимъ и тѣмъ же войскомъ предводительствовало 7 или 8 стратеговъ.

Пѣхота дѣлилась на 10 баталіоновъ (τάξεις), которые соотвѣтствовали десяти филамъ. Каждый баталіонъ находился подъ начальствомъ таксіарха. Баталіонъ въ свою очередь подраздѣлялся на лохи.

Во главѣ конницы стояли два гиппарха, подъ начальствомъ которыхъ находилось десять филарховъ.

Характерной чергой аѣинскаго войска была мягкость дисциплины. „Не странно ли“, говоритъ Ксенофонтъ, „что гоплиты и всадники, которые, повидимому, являются отборной частью лучшаго общества, дисциплинированы менѣе всѣхъ?“ Они находились на дружеской ногѣ со своими начальниками и, сообразно демократическимъ нравамъ, не стѣсняясь, критиковали всѣ ихъ дѣйствія.

Плутархъ ¹⁾, говоря о походѣ Фокіона ²⁾, рассказываетъ слѣдующее: „Всѣ толпятся вокругъ полководца, хотя бы давать ему совѣты и разыгрываютъ роль вождей. Одинъ говоритъ, что надо занять такія-то высоты; другой доказываетъ, что конницу надо послать въ такое-то мѣсто; третій намѣчаетъ пунктъ, гдѣ хорошо было бы раскинуть лагерь. „Великіе боги!—воскликаетъ Фокіонъ:—какъ много я вижу здѣсь полководцевъ и какъ мало солдатъ!“

¹⁾ Плутархъ—см. вып. I. стр. 11, прим.

²⁾ Фокіонъ—аѣинскій дѣятель IV в. до Р. Х.

Аѳинскій военачальникъ рѣдко принималъ мѣры строгости: онъ старался повліять на своихъ подчиненныхъ большею частью примѣромъ и словомъ. Ксенофонтъ, бывшій опытнымъ воиномъ, дѣлаетъ по этому поводу любопытное признаніе. Если желаютъ, чтобы всадники прилежно изучали свое дѣло, „имъ надо напоминать“, говоритъ онъ, „что государство несетъ на себѣ тяжесть ежегоднаго расхода около 40 талантовъ съ цѣлью имѣть войско всадниковъ на случай войны, и оно дѣлаетъ это, конечно, въ расчетѣ найти его готовымъ въ минуту необходимости. Эта мысль повліяетъ, конечно, возбуждающимъ образомъ на рвеніе воиновъ: они не пожелаютъ быть застигнутыми врасплохъ въ случаѣ войны, когда имъ надо будетъ сражаться за свою родину, честь и жизнь“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Чтобы заставить солдатъ повиноваться, очень важно представить имъ выгоды такого подчиненія, на дѣлѣ показать, сколько преимуществъ обезпечивается дисциплиной для тѣхъ, кто ее соблюдаетъ, и сколько зла происходитъ для тѣхъ, кто нарушаетъ ее“. (Ксенофонтъ. Начальникъ всадниковъ, 1).

Однимъ словомъ, аѳиняне возлагали такія же надежды на нравственное вліяніе военачальниковъ, какъ и на строгость устава. Это не всегда оказывало дѣйствительное вліяніе, но по отношенію къ людямъ, которые дѣлались воинами случайно и которые даже въ войскѣ продолжали оставаться гражданами, невозможно было примѣнять другихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что начальники войска были выборными и отвѣтственными въ своихъ дѣйствіяхъ передъ народомъ, и по возвращеніи изъ похода каждый воинъ имѣлъ право выступить противъ нихъ съ обвиненіемъ.

12. Начальникъ наемниковъ.

„Клеархъ, по общему признанію всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, былъ человѣкъ не только знавшій военное дѣло, но и любившій его въ высшей степени. Пока продолжалась война лакедемонянъ съ аѳинянами, онъ оставался у лакедемонянъ; когда же наступилъ миръ, онъ за-

явилъ правительству, что ѳракійцы притѣсняютъ эллиновъ, настоялъ передъ ѳфорами на снаряженіи флота и выѣхалъ воевать съ ѳракійцами, что за Херсонесомъ и Перинѳомъ. Но когда ѳфоры, раздумавши почему-то, пожелали воротить его изъ Истма, когда онъ былъ уже внѣ предѣловъ спартанскихъ, онъ не послушался и поѣхалъ въ Геллеспонтъ. За это онъ былъ приговоренъ спартанскими властями къ смертной казни, какъ ослушникъ.

Будучи изгнанникомъ, онъ прибылъ къ Киру,—чѣмъ онъ расположилъ къ себѣ Кира, сказано въ другомъ мѣстѣ,—и Киръ далъ ему 10.000 дариковъ ¹⁾. Взявъ эти деньги, Клеархъ употребилъ ихъ не на праздную жизнь, но собралъ войско и началъ войну съ ѳракійцами, побѣдилъ ихъ и затѣмъ опустошалъ и разорялъ, и продолжалъ вести войну до тѣхъ поръ, пока Киру не понадобились войска. Тогда онъ выѣхалъ (изъ ѳракіи). чтобы опять начать войну вмѣстѣ съ Киромъ.

Я нахожу, что такой образъ дѣйствій свойственъ только человѣку, любящему войну, когда онъ, при возможности пользоваться миромъ, безъ всякаго униженія и безъ всякихъ потерь, предпочитаетъ вести войну; при возможности пользоваться досугомъ—рѣшается на военные труды, и, при возможности пользоваться спокойно деньгами—предпочитаетъ расходовать ихъ также на войну. Чѣмъ тратить на любимцевъ или на другое удовольствіе, онъ тоже предпочиталъ тратить на войну. Вотъ насколько онъ любилъ военное дѣло. А что онъ зналъ его, это видно было изъ того, что онъ самъ искалъ опасностей, днемъ и ночью выступая противъ непріятеля, и всегда умѣлъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ это подтверждали всегда и всѣ его соучастники. Извѣстно также, что онъ былъ способный начальникъ, насколько это возможно было при такомъ характерѣ, какой имѣлъ Клеархъ. Такъ, напримѣръ, онъ болѣе, чѣмъ кто другой, умѣлъ позаботиться не только о томъ, чтобы войско имѣло продовольствіе и заготовить его, но и умѣлъ внушить присутствующимъ, что

¹⁾ Д а р и к ѣ — персидская золотая монета.

должно слушаться Клеарха. Достигалъ онъ этого тѣмъ, что былъ строгъ.

Онъ и на видъ былъ угрюмъ, съ рѣзкимъ голосомъ, всегда наказывалъ строго, нерѣдко даже жестоко, такъ что иногда и самъ раскаивался, но наказывалъ по убѣжденію; онъ не признавалъ никакой пользы отъ того войска, въ которомъ не существуетъ наказаній. Даже, какъ передавали, онъ такъ выражался, что солдатъ долженъ бояться своего начальника болѣе, чѣмъ непріятеля, потребуется ли идти на караулъ, или оставить друзей, или идти безпрекословно противъ непріятеля. Оттого-то въ виду опасностей солдаты жадно его слушали и не выбирали другого начальника. Тогда, говорятъ, угрюмость на его лицѣ исчезала; и на его строгость смотрѣли, какъ на защиту передъ непріателемъ, такъ что она оказывалась спасеніемъ, а не строгостью. Но когда они были внѣ опасности и можно было переходить къ другимъ начальникамъ, многіе его оставляли, потому что онъ не имѣлъ привлекательности и всегда оставался строгъ и суровъ, такъ что солдаты относились къ нему, какъ мальчики къ учителю. Потому-то онъ никогда не имѣлъ лицъ, преданныхъ по дружбѣ или по расположенности, а съ тѣми, которые были у него по назначенію отъ правительства или по нуждѣ или въ силу другой какой крайности, онъ обращался съ полной съ ихъ стороны покорностью. Но когда войны вмѣстѣ съ нимъ начинали одолѣвать непріятеля, тогда много было такого, что заставляло воиновъ быть отличными: тогда требовалось мужественно держаться передъ непріателемъ, а страхъ наказаній дѣлалъ ихъ хорошими строевыми. Таковъ онъ былъ начальникъ; но быть подъ управленіемъ другого онъ, говорятъ, рѣшительно не желалъ. Когда онъ умеръ, ему было лѣтъ около пятидесяти“.

(Ксенофонтъ. Анабазисъ, II, 6. Перев. Г. Янчевецкаго).

13. Жалованіе войскамъ.

Военное жалованіе устанавливается въ Аѣинахъ со временъ Перикла. Оно было введено потому, что походы

сдѣлались болѣе продолжительными и болѣе отдаленными. Выдавалось оно войскамъ, разумѣется, только въ военное время.

Военное жалованіе у грековъ состояло изъ двухъ частей: собственно жалованія воина (*μισθός*) и его кормовыхъ (*σιτός*). И то и другое выдавалось деньгами. Предполагалось, что ежедневная выдача воину не должна была быть менѣе двухъ оболовъ (12 копѣекъ) на прокормъ и столько же жалованія. Отсюда и поговорка жить на 4 обولا, что обозначало солдатскую жизнь.

Въ среднемъ жалованіе гоплита равнялось отъ 2-хъ до 6-ти оболовъ (отъ 12 до 36 коп.). Одинъ ученый (Бекъ), сравнивая различныя свидѣтельства, дѣлаетъ выводъ, что жалованіе всадника было вдвое, втрое, а иногда и вчетверо больше жалованія гоплита. Въ Афинахъ оно обыкновенно превышало жалованіе гоплитовъ. По опредѣленію Демосфена, на примѣръ, жалованіе тому войску, которое онъ предлагалъ послать противъ персовъ, равняется 10 драхмамъ (3 руб. 70 к.) въ мѣсяцъ гоплиту и 30 драхмамъ (около 11 руб. 10 коп.) всаднику.

Такъ какъ всадники должны были и въ мирное время содержать своихъ лошадей, то государство предоставляло имъ на этотъ предметъ извѣстную сумму, которая обозначается иногда въ надписяхъ подъ рубрикою *τίτος ἵππων*. Болѣе того, всякій челоуѣкъ, сдѣлавшійся всадникомъ, получалъ изъ казначейства небольшое вспомошествованіе на обзаведеніе лошадыю. Это называлось *κατάστασις*.

Богатые или состоятельные граждане вооружались за свой счетъ; остальные получали оружіе отъ государства.

(Alb. Martin. Les Cavaliers athéniens, стр. 346 и сл.).

14. Порядокъ похода.

Вотъ каковъ былъ порядокъ похода, если основываться на „Анабазисѣ“ Ксенофонта ¹⁾, гдѣ находится разсказъ о походѣ 10.000.

¹⁾ Ксенофонтъ—см. вып. I, стр. 44, прим.

Какъ только войска были собраны, приготовленія окончены, жертвы принесены, то, если предсказанія оказывались благопріятными, выступали въ походъ. Шли опредѣленными переходами подъ руководствомъ проводниковъ. По сторонамъ или впереди войска посылались развѣдчики, на обязанности которыхъ лежало ознакомленіе съ мѣстностью. Переходы равнялись обыкновенно 27 километрамъ, но иногда достигали отъ 38 до 44 километровъ. Около 10 или 11 часовъ утра дѣлали привалъ, закусывали, а затѣмъ снова пускались въ путь до вечера. Послѣ каждаго дня пути полагался отдыхъ въ одинъ или нѣсколько дней.

При дневныхъ переходахъ конница и легко-вооруженныя войска находились обыкновенно во главѣ и въ хвостѣ войска, а гоплиты въ центрѣ. Во время же ночныхъ походовъ гоплиты держались всегда во главѣ колонны.

Войско могло двигаться при этомъ или колоннами, или въ боевомъ порядкѣ, или въ видѣ карре. При движеніи колонной лохи и эномотіи, въ зависимости отъ характера мѣстности, шли одни за другими, по два, по четыре и больше человекъ въ рядъ. Если непріятель появлялся впереди, то войско останавливалось, лохъ развертывался влѣво и выстраивался въ линію. Если же врагъ былъ въ тылу, то колонна дѣлала поворотъ лицомъ къ непріятелю и развертывалась въ линію, то влѣво, то вправо. При движеніи въ боевомъ порядкѣ пѣхота выстраивалась въ линію, имѣя во флангахъ всадниковъ и легко-вооруженные отряды. Такимъ расположеніемъ войскъ пользовались при приближеніи къ непріятелю. Отрядъ въ этомъ случаѣ былъ готовъ къ бою и могъ не бояться внезапнаго нападенія.

Если движеніе совершалось въ формѣ карре, то четыре стороны его составляли гоплиты. Легко-вооруженныя войска и обозъ находились въ центрѣ. Конница же оставалась внѣ карре. Это былъ излюбленный порядокъ грековъ, котораго они придерживались, когда непріятель тревожилъ непрерывными нападеніями и необходимо было постоянно держаться насторожѣ; но этимъ построеніемъ войска можно было пользоваться только въ равнинахъ.

Ксенофонтъ отмѣчаетъ еще одинъ видъ построенія—

въ видѣ круга. Въ этомъ случаѣ воины становились очень близко другъ отъ друга и обращали свои щиты во внѣшнюю сторону. Такимъ образомъ, солдаты арьергарда держали щитъ на спинѣ, воины праваго фланга—на правомъ плечѣ, воины лѣваго—на лѣвомъ, какъ дѣлалось и въ обыкновенныхъ случаяхъ. Такая ограда изъ щитовъ имѣла ту выгодную сторону, что она нѣсколько ослабляла силу дѣйствія непріятельскихъ стрѣлъ.

Обозъ (σκηυή) греческой арміи всегда былъ великъ; греки, выступая въ походъ, желали сохранить какъ можно больше жизненныхъ удобствъ. Поэтому они возили съ собою столовую и кухонную утварь, одѣяла, одежды и проч. Кромѣ того, въ обозѣ находились палатки съ кольями, провіантъ, торговцы, а иногда и плѣнники съ военной добычей. Палатки, утварь и съѣстные припасы нагружали на выюнныхъ животныхъ или на повозки, которыя сопровождались особымъ штатомъ людей. Сюда также складывали и часть оружія.

Обозъ въ походѣ долженъ былъ быть защищенъ отъ захвата враговъ и въ то же время находиться подъ рукой у воиновъ. Его помѣщали въ хвостѣ войска, въ крыльяхъ или впереди его, въ зависимости отъ того, насколько приходилось опасаться непріятеля. Нерѣдко бывало, что обозъ дѣлили на двѣ части: оружіе оставляли въ непосредственной близости отъ войска, а провіантъ и другіе предметы помѣщались нѣсколько позади.

(По Pascal. L'Armée grecque, стр. 44 и сл.).

15. Боевая тактика.

Въ Гомеровскую эпоху масса войска играла часто только роль свиты своихъ вождей, причемъ воины по примѣру полководца вступали въ единоборство съ врагомъ. Впослѣдствіи главнымъ элементомъ стали являться гоплиты, двигавшіеся сплосными фалангами. Съ эпохи персидскихъ войнъ и до похода 10.000 грековъ ¹⁾ значительное вліяніе имѣли только гоплиты, когда въ крыльяхъ у нихъ были

¹⁾ Т. е. съ начала и до конца V вѣка.

кавалерія или легкая пѣхота; но въ такомъ случаѣ происходило три отдѣльныхъ сраженія. Самой важной была битва центра; двѣ другихъ имѣли настолькоъ мало значенія, что часто историки не даютъ себѣ даже труда упоминать о нихъ. Со временъ похода 10.000 грековъ въ военномъ дѣлѣ произошло улучшеніе: теперь между отдѣльными видами оружія установилась болѣе тѣсная связь, и для того,

Бой.

чтобы одержать побѣду, требовались ихъ совмѣстныя дѣйствія.

При приближеніи непріятеля главнокомандующій назначалъ боевой порядокъ, въ которомъ отрядъ долженъ былъ наступать или выстраиваться. Гоплиты вынимали свои щиты изъ предохранительныхъ чехловъ и старались какъ можно лучше украсить себя; такъ, на примѣръ, въ „Анабазисѣ“ лакедемоняне украшаютъ свои головы вѣнками. Затѣмъ они выстраивались въ сплошныя фаланги, т. е. въ боевой порядокъ.

Обычная глубина строя равнялась 8 человѣкамъ; но она могла быть, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и болѣе, а линія фронта—короче. Чтобы крылья непріятеля не могли окружить войска, также можно было уменьшить глубину и вытянуть линію фронта.

Положеніе первыхъ рядовъ было таково, что они всегда были готовы къ немедленной атакѣ. Послѣдніе ряды, вѣроятно, держали свои копья отвѣсно или клали ихъ на

плечи своихъ переднихъ сосѣдей. Они должны были твердо стоять на одномъ мѣстѣ и служить поддержкой переднимъ рядамъ, когда тѣ подвергались натиску, толкать ихъ впередъ и по мѣрѣ надобности занимать ихъ мѣсто.

Фаланга состояла изъ центра и двухъ крыльевъ—праваго и лѣваго.

Бой.

Легко-вооруженная пѣхота помѣщалась или впереди фаланги, или сзади ея, или у одного изъ крыльевъ, иногда же сразу у двухъ. Конница обыкновенно выстраивалась у крыльевъ.

Бой.

Когда войско было такимъ образомъ приведено въ боевой порядокъ, приносили жертвы богамъ, и вождь обращался къ воинамъ съ рѣчью. Затѣмъ онъ запѣвалъ пѣанъ, или военную пѣснь, и все войско подхватывало ее, призывая бога войны Ареса. Ободряя другъ друга, воины двига-

лись сначала шагомъ и по возможности стараясь сохранить линію равненія. Гоплиты держали наготовѣ копыя, пелтасты закручивали ремешки вокругъ своихъ дроти-ковъ, стрѣлки приготавливали луки, а пращники—пращи.

Какъ только показывался непріятель, трубный звукъ давалъ сигналъ къ бою. Когда раздавались эти рѣзкіе звуки и военный кличъ „ἐλελεῖ и ἀλαλά“, воины бросались бѣгомъ. Гоплиты опускали копыя, нѣкоторые били ими по своимъ щитамъ, чтобы испугать непріятельскихъ лошадей; а легко-вооруженныя войска метали стрѣлы. Если непріятель выдерживалъ натискъ, то гоплиты обоихъ войскъ старались пустить въ ходъ копыя и прорвать линію врага. Въ тѣхъ случаяхъ, когда копыя ломались, начиналась, по выраженію поэта Архилоха ¹⁾, „тягостная работа мечами“.

Греческія сраженія были похожи скорѣе на множество одновременно происходящихъ дуэлей, чѣмъ на битву, преслѣдующую взаимное истребленіе. Главнымъ считалось оставить за собою поле битвы. Поэтому, когда непріятель не выдерживалъ, бѣглецовъ почти никогда не преслѣдовали, по крайней мѣрѣ противъ нихъ отправляли только или легко-вооруженную пѣхоту или конницу. Иногда отступление совершалось въ стройномъ порядкѣ: потерпѣвшіе пораженіе отступали шагъ за шагомъ, все время обративши свой фронтъ къ непріятелю. Затѣмъ, выйдя за предѣлы досягаемости, они поворачивались, дѣлали полоборота и ускоряли шагъ отступления.

Побѣдитель приносилъ богамъ благодарственную жертву, послѣ чего на полѣ битвы воздвигался трофей. Этотъ трофей могъ быть каменнымъ или деревяннымъ. Обыкновенно онъ состоялъ изъ ствола дерева, который одѣвали въ полное военное облаченіе и у подножія котораго клали кучу остатковъ отъ военной добычи. Затѣмъ дѣлали надпись и, наконецъ, принимались хоронить мертвыхъ, воздвигая также кенотафъ ²⁾ въ воспоминаніе о неразысканныхъ воинахъ.

¹⁾ Архилохъ—греческій поэтъ VIII г. до Р. Х.

²⁾ Кенотафъ—пустая гробница.

16. Битва при Мараѳонѣ.

„Когда аѳиняне выстроились на Мараѳонѣ, случилось слѣдующее обстоятельство: боевая линія ихъ равнялась боевой линіи мидянъ, но среднюю часть ея занимало мало рядовъ, вслѣдствіе чего въ этомъ пунктѣ линія была очень слаба, тогда какъ оба крыла ея были сильны количествомъ рядовъ.

„Выстроившись такимъ образомъ и получивши счастливыя жертвенныя знаменія, аѳиняне по данному сигналу двинулись съ мѣста и бѣглымъ маршемъ устремились на варваровъ. Разстояніе между воюющими было не меньше 8 стадій (1½ километра). При видѣ бѣгущаго на нихъ врага, персы готовились отразить его, полагая, что аѳиняне обезумѣли и идутъ на вѣрную гибель, если устремляются на нихъ бѣглымъ маршемъ въ небольшомъ числѣ, безъ конницы и безъ стрѣлковъ изъ лука. Такъ рѣшали о нихъ варвары. Между тѣмъ аѳиняне всѣмъ своимъ войскомъ ударили на варваровъ и сражались отважно.

„Насколько мы знаемъ, аѳиняне были первыми изъ эллиновъ, нападавшими на врага бѣглымъ маршемъ; они же первые могли выдержать видъ мидійской одежды и одѣтыхъ по-мидійски людей; до того времени одно имя мидянъ наводило ужасъ на эллиновъ.

„Сраженіе на Мараѳонѣ было продолжительно. Середину аѳинской боевой линіи, противъ которой стояли персы и саки, варвары одолѣли. Одержавши здѣсь побѣду и прорвавши ряды, они преслѣдовали аѳинянъ въ глубь материка; но на флангахъ побѣда осталась за аѳинянами и платейнами.

„Оба фланга послѣ побѣды не преслѣдовали тѣхъ непріятелей, которые обращены были въ бѣгство, но сомкнули свои ряды и вступили въ бой съ тѣми варварами, которые прорвались черезъ середину ихъ линіи, и здѣсь побѣда досталась аѳинянамъ. Бѣгущихъ персовъ они преслѣдовали и убивали, пока не достигли моря.

„Въ Мараѳонскомъ сраженіи пало со стороны варваровъ около 6.400 человѣкъ, а со стороны аѳинянъ 192“.

(Геродотъ. VI, 111—113 и 117, пер. Мищенко).

17. Сраженіе при Мантинеѣ въ 418 г.

Лѣвое крыло у лакедемонянъ занимали скириты. Въ центрѣ находились сами лакедемоняне, а подлѣ нихъ—аркадяне. На правомъ крылѣ были расположены тегеяне съ лакедемонянами; конница размѣщалась на обоихъ флангахъ.

У противниковъ правое крыло занимали мантинеяне, въ центрѣ были аркадяне и аргивяне; въ лѣвомъ крылѣ стояли аѳиняне и при нихъ ихъ собственная конница. Въ линіи лакедемонянъ насчитывалось съ фронта 448 человекъ, а въ глубину 8 человекъ.

„Послѣдовала схватка. Аргивяне и ихъ союзники наступали стремительно и съ яростью, лакедемоняне медленно, въ тактъ военной пѣсни, исполняемой многими флейтистами, которые размѣщаются между воинами, не ради умиловленія божества, но для того, чтобы всѣ подвигались впередъ одинаковымъ мѣрнымъ шагомъ, и чтобы не разрывалась боевая линія, какъ случается часто съ большими войсками въ атакѣ.

„Когда завязалось сраженіе, правое крыло мантинеянъ принудило къ отступленію скиритовъ и брасидовыхъ воиновъ; мантинеяне съ союзниками и тысяча отборныхъ аргивянъ пробились на пустое мѣсто, гдѣ линія была разорвана, избивали лакедемонянъ, окружили ихъ и гнали до обоза; убили даже нѣсколько старыхъ солдатъ, поставленныхъ на стражѣ у повозокъ.

„На этой сторонѣ лакедемоняне терпѣли пораженіе, но на другой, главнымъ образомъ въ центрѣ, гдѣ былъ царь Агидъ и съ нимъ такъ называемые триста всадниковъ, лакедемоняне ударили на ветерановъ аргивскихъ и на такъ называемое пятилохіе, также на клеонянъ и орнеатовъ и на стоявшихъ подлѣ нихъ аѳинянъ и обратили ихъ въ бѣгство. Большая часть непріятелей не дождалась даже схватки, но при наступленіи лакедемонянъ тотчасъ подались назадъ. причемъ нѣкоторые изъ нихъ были смяты своими же, желавшими избѣжать непріятеля.

„подаваясь въ этомъ мѣстѣ назадъ, войско аргивянъ

и союзниковъ было уже почти разорвано на обоихъ флангахъ, а въ то же время правое крыло лакедемонянъ и тегейнъ, благодаря большой численности, окружало афинянъ; этимъ послѣднимъ грозила двоякая опасность: съ одной стороны ихъ окружали, съ другой уже побѣждали.

„Они пострадали бы больше остального войска, если бы не присутствіе полезной для нихъ конницы. Вдобавокъ Агидъ, увидя, что лѣвое крыло его тѣснятъ мантинеяне и тысяча аргивянъ, скомандовалъ всему войску идти въ ту сторону, которая терпѣла пораженіе. Засимъ, когда лакедемонское войско перемѣнило позицію и удалилось, афиняне, равно какъ и побѣжденная часть аргивскаго войска, спокойно отступили. Съ этого времени мантинеяне, союзники ихъ и отборные аргивяне не помышляли уже о наступленіи на врага; при видѣ пораженія своихъ и наступленія лакедемонянъ, они обратились въ бѣгство... Однако и бѣгство, и отступление не были ни стремительны, ни продолжительны, потому что лакедемоняне ведутъ битву долго и упорно, оставаясь на мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока противникъ не подается, но разъ непріятель обернулъ тылъ, они преслѣдуютъ его недолго и недалеко.

„Затѣмъ лакедемоняне выстроились къ бою впереди труповъ непріятелей, немедленно водрузили трофей и сняли доспѣхи убитыхъ враговъ, подобрали своихъ убитыхъ и перенесли ихъ въ Тегею, гдѣ и предали погребенію, а по уговору выдали трупы непріятелей.

„Аргивянъ, орнеатовъ и клеонейцевъ пало 700 человекъ, мантинеянъ 200, столько же афинянъ вмѣстѣ съ эгинянами и оба военачальника.

„Напротивъ, союзники лакедемонянъ не потерпѣли большой убыли; относительно самихъ лакедемонянъ трудно было добиться истины, но, какъ рассказывали, ихъ пало около трехсотъ“.

(Θυκιδιδῆς. V, 67—74, пер. Θ. Мищенко).

18. Укрѣпленія.

Одинъ писатель такимъ образомъ описываетъ мессенскія и афинскія укрѣпленія.

1. Мессена—„Эта крѣпость была построена въ 370 г. до Р. Х. Эпаминондомъ. Она располагалась на склонахъ горы Итомы, на вершинѣ которой уже былъ устроенъ фортъ. Онъ былъ сохраненъ и приспособленъ для акрополя (цитадели).

Мессенскія укрѣпленія.

„Существующая еще до сихъ поръ ограда идетъ по возвышеніямъ, представляемымъ самой природой. Она отличается большой прочностью, толщина ея около $2\frac{1}{2}$ метровъ, а высота $4\frac{1}{2}$ метра отъ подошвы эскарпа до верха зубцовъ. Такой незначительной вышиной довольствовались потому, что это давало возможность защитникамъ

пользоваться противъ нападающихъ копьями. На верхъ стѣны поднимались по каменнымъ лѣстницамъ, шедшимъ съ внутренней стороны.

„По бокамъ ограды возвышались четырехугольныя башни въ три или четыре этажа. Крыша этихъ башенъ была только съ однимъ скатомъ, отъ внѣшней стороны къ внутренней. Крыша служила также помостомъ для защитниковъ крѣпости, о чемъ свидѣлствуютъ зубцы вверху, а склонъ крыши защищалъ воиновъ отъ метательныхъ снарядовъ, бросаемыхъ на нихъ извнѣ. Во второмъ этажѣ были продѣланы амбразуры, которыя суживались къ внѣшней сторонѣ такимъ образомъ, чтобы въ нихъ не могъ пролѣзть человекъ. Третій же этажъ, если только онъ существовалъ, освѣщался довольно широкими окнами, которыя можно было запирать внутренними ставнями.

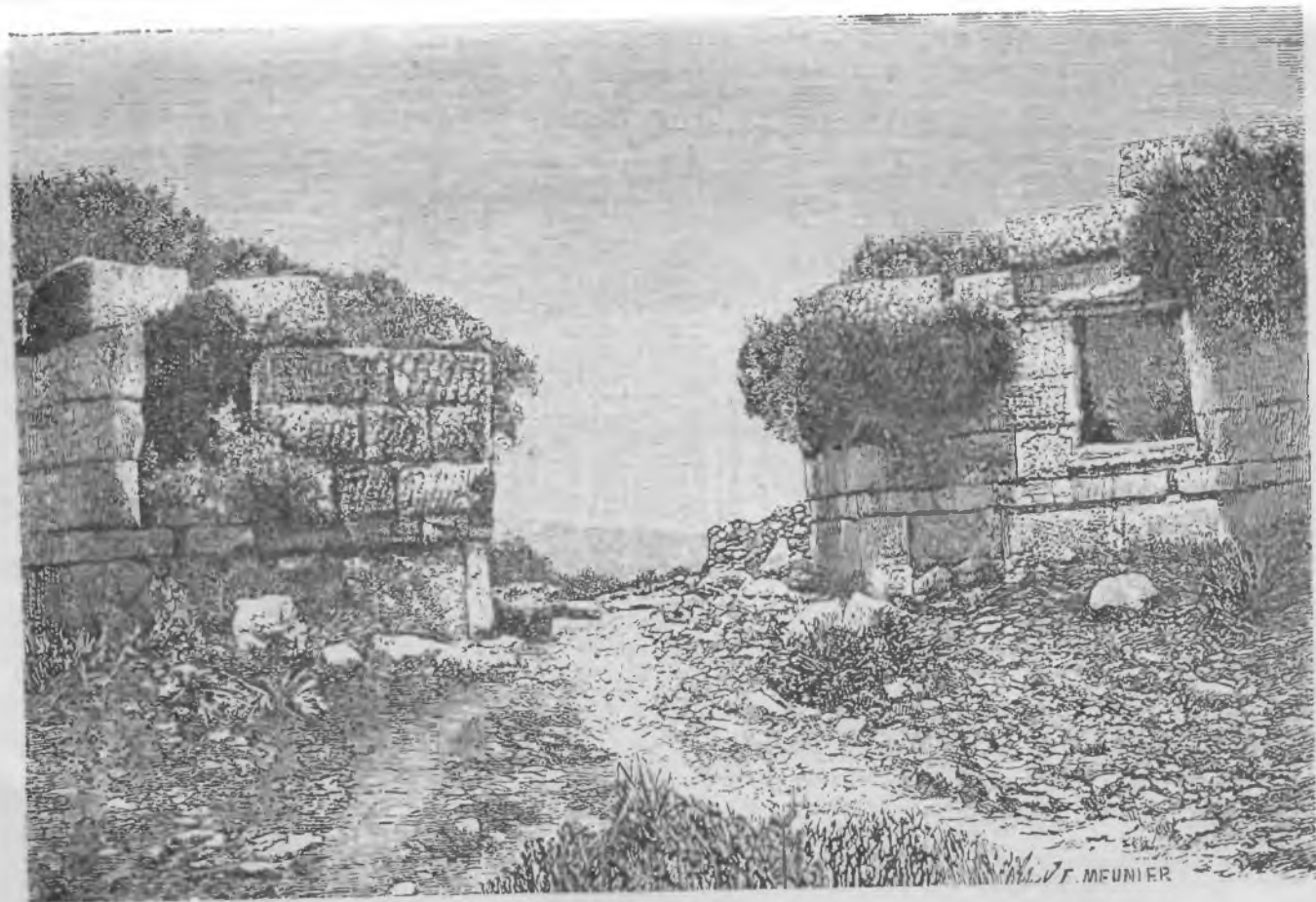
„Въ среднемъ разстояніе между башнями равнялось 100 метрамъ, причемъ онѣ выступали за стѣну на 6 или 7 метровъ. Нижний этажъ башенъ былъ построенъ очень прочно, начиная же со второго этажа стѣны состояли изъ одного ряда тесаннаго камня въ 60 сант. толщины. Всѣ выступавшія части ограды были укрѣплены массивными башнями, которыя съ внѣшней стороны были круглыми, а съ внутренней плоскими.

„Чтобы установить постоянное сообщеніе вдоль стѣны, въ каждой башнѣ были продѣланы по двѣ двери.

„Двѣ четырехугольныя башни въ три этажа находились по бокамъ главныхъ воротъ, называвшихся Мегалополисскими. Ворота эти вели въ круглый передній дворъ; съ противоположной стороны ихъ были другія ворота, шедшія въ городъ. Въ случаѣ, если бы нападающіе овладѣли первыми воротами, осажденные могли держаться на стѣнѣ, окружавшей передній дворъ.

„Всѣ каменные части были сдѣланы изъ великолѣпно обтесаннаго камня, расположеннаго горизонтальными слоями.

„Отъ главной ограды шла отдѣльная стѣна, спускавшаяся до дна оврага, гдѣ протекалъ ручей. Она, вѣроятно, служила защитой для людей, ходившихъ за водой“.

Мегалополисскія ворота въ Мессенѣ.

2. Аѳинскія укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ частей. Во-первыхъ, изъ очень древняго Акрополя, расположеннаго на возвышенномъ мѣстѣ. Во-вторыхъ, изъ городской стѣны, перестроенной вновьThemistocle вѣ V вѣкѣ и имѣвшей въ окружности около 8 километровъ. Въ-третьихъ, изъ особой ограды для полуострова Пирея, который соединялся съ городомъ двумя параллельными стѣнами длиною въ 5,5 километровъ. Другая стѣна, въ 7 километровъ, шла отъ Аѳинъ до Фалерской гавани. Такимъ образомъ, у аѳинянъ всегда сохранялся свободный выходъ къ морю, даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ внѣшнихъ стѣнъ попадала въ руки непріятеля.

„Слѣды городской ограды найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. На нихъ ясно можно различить три четырехугольныя башни, соединенныя особой куртиной въ 70 футовъ. Эти башни, находившіяся съ внѣшней стороны стѣны, должны были имѣть по фасаду 40 метровъ, съ боковъ по 28, стѣны же ихъ были толщиною, повидимому, отъ 2 до 3 метровъ.

„Эта стѣна имѣла прежде всего фундаментъ изъ песчаника, возвышавшійся надъ почвой на 2 фута. На фундаментѣ располагался рядъ громадныхъ камней; сверху была выстроена сплошная кирпичная стѣна, толщиною въ 6 метровъ; кругомъ нея на высотѣ шести метровъ шла дорога, защищенная съ внѣшней стороны зубчатымъ парапетомъ“.

(De Rochas d'Aiglun. Principes de la fortification antique, стр. 65 и 81).

19. Осада Платеи (428—421).

„Спартанскій царь Архидамъ прежде всего окружилъ городъ частоколомъ изъ срубленныхъ деревьевъ, чтобы никто больше не выходилъ изъ города; затѣмъ насыпалъ подлѣ города земляной валъ... Лакедемоняне нарубили брусевъ и крестообразно приладили ихъ вмѣсто стѣнъ съ обѣихъ сторонъ къ насыпи, чтобы насыпанная земля не расползалась далеко. На насыпь сносили хво-

ростъ, камни, землю, нагромождали все, что могло быть пригодно для этой цѣли. Пелопоннесцы насыпали землю въ теченіе семидесяти дней и ночей безъ перерыва, распредѣливши между собою работу по смѣнамъ...

„Видя, какъ насыпь поднимается, платеене сколотили лѣса и поставили ихъ на городское укрѣпленіе въ томъ мѣстѣ, у котораго сдѣлана была насыпь, задѣлывая промежутки въ лѣсахъ кирпичомъ, который брали изъ скрытыхъ сосѣднихъ домовъ... Сооруженіе . . . прикрыто было шкурами и кожами, чтобы какъ рабочіе, такъ и деревянная клѣтка не подвергались дѣйствию огненныхъ стрѣлъ и были достаточно защищены.

„Стѣна поднималась до значительной высоты, но съ не меньшею ревностью возводилась и насыпь противъ нея. Тогда платеене придумали слѣдующую хитрость: разобрали стѣну въ томъ мѣстѣ, къ которому примыкалъ валъ, и таскали землю въ городъ.

„Съ своей стороны пелопоннесцы, замѣтивши это, набросали въ отверстіе стѣны глины, набитой въ тростниковыя плетенки, чтобы она не могла обвалиться, какъ земля, и уноситься въ городъ.

„Встрѣтивши здѣсь преграду, платеене остановили свою работу, но провели изъ города подземный ходъ, направили его по соображенію подъ окопъ и снова таскали землю къ себѣ. Долгое время стоявшее за городомъ войско не замѣчало ничего, такъ что, чѣмъ больше они насыпали земли, тѣмъ меньше подвигались къ концу, потому что снизу насыпь постепенно убывала и садилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣланы были ямы.

„Платеене . . . придумали еще слѣдующее: отъ низкой стѣны по обѣимъ сторонамъ деревяннаго сооруженія возвели стѣну внутрь города въ видѣ полумѣсяца съ тою цѣлью, чтобы держаться за этой стѣной, если высокая стѣна будетъ взята, и заставить враговъ снова возводить валы противъ новаго укрѣпленія.

„Между тѣмъ пелопоннесцы вмѣстѣ съ насыпью придвигали къ городу боевыя машины. Одна изъ нихъ, придвинутая по насыпи, потрясла значительную часть высокаго

сооруженія и навела ужасъ на платейнъ. Другія машины поставлены были противъ другихъ частей стѣны. Однако платейне накидывали на нихъ петли и такимъ образомъ отклоняли удары. Кромѣ того, они повѣсили огромные брусья обоими концами на длинныхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, укрѣпили ихъ на двухъ другихъ балкахъ, положенныхъ на стѣнѣ и выступающихъ впередъ, и тянули брусья вверхъ наискось къ стѣнѣ. Каждый разъ, когда гдѣ-либо грозилъ ударъ тарана, платейне не удерживали болѣе бревна и опускали его на ослабнувшихъ цѣпяхъ; бревно падало съ силою и отсѣкало голову тарана.

„Когда боевыя машины оказались бесполезными, а противъ окоповъ возведено было укрѣпленіе . . . пелопоннесцы рѣшили попытаться взять городъ огнемъ, полагая, что, быть можетъ, имъ удастся при благопріятномъ вѣтрѣ сжечь его, тѣмъ болѣе что Платея — городъ небольшой... Съ этою цѣлью пелопоннесцы снесли связки хворосту и стали бросать ихъ съ окоповъ въ промежуточное пространство между стѣною и валомъ . . . на городскую стѣну, куда только могли добросить съ высоты вала; наконецъ, кинули на хворостъ огонь съ сѣрой и смолой и такъ зажгли его... Огонь былъ ужасный; еще немного — и платейне, счастливо избѣжавшіе всѣхъ опасностей, погибли бы... Но пошелъ сильный дождь съ грозою, погасившій пламя, благодаря чему опасность миновала...“

„Тогда осаждающіе рѣшили взять городъ блокадой. Они окружили его двумя кольцеобразными стѣнами. Одна стѣна была со стороны платейнъ, другая на случай нападенія снаружи, изъ Аѳинъ, причемъ разстояніе между стѣнами было около 16 футовъ (5 метровъ). Промежуточное пространство занято было строеніями, распределенными между стражей. Строенія шли непрерывно въ рядъ, благодаря чему все казалось одной толстой стѣной съ зубцами по обѣимъ сторонамъ. Черезъ каждые десять зубцовъ слѣдовали огромныя башни такой же толщины, какъ и стѣна, такъ что онѣ доходили до внутренняго и наружнаго фасада стѣны... По ночамъ въ дождливую погоду воины покидали зубцы и сторожили изъ башенъ“.

Фукидидъ рассказываетъ, какъ благодаря бурной ночи 212 платейцамъ удалось при помощи лѣстницъ пробраться черезъ непріятельскія укрѣпленія. Тѣ, которые вернулись въ городъ, вскорѣ убѣдились, что съѣстные припасы и силы истощены. Они сдались, и всѣ мужчины были перебиты, а женщины обращены въ рабство.

Осада продолжалась болѣе года.
(Фукидидъ. II, 75—77; III, 20—24, 52, 68; пер. О. Мищенко).

20. Триера.

Триера была одновременно и паруснымъ и гребнымъ судномъ. Она получила свое названіе отъ трехъ рядовъ веселъ, расположенныхъ по одной сторонѣ одинъ надъ

Триера.

другимъ. Мы не будемъ здѣсь подробно описывать всѣ ея части и рассказывать, какимъ образомъ она строилась. Достаточно указать ея главныя черты.

„Тріера отличалась легкостью и хорошим ходомъ. Известно, что она могла сдѣлать отъ 9 до 10 миль въ часъ (отъ 16 до 18 километровъ), а это хорошая скорость и для современныхъ пароходовъ. Она очень возвышалась надъ водой и, быть можетъ, была менѣе устойчива, чѣмъ современные суда. Но для грековъ этотъ недостатокъ былъ менѣе важенъ, чѣмъ для насъ. Въ Греціи навигація начиналась весной и заканчивалась осенью. Зимой же

Передняя часть тріеры.

пускались въ море только въ видѣ исключенія и въ случаѣ какой-нибудь крайней необходимости. А въ теченіе лѣтняго сезона Средиземное море было обыкновенно совершенно спокойнымъ. Тріера не предназначалась, какъ наши пароходы, для плаванія въ почти постоянно волнующемся океанѣ, и ей не приходилось бороться съ его опасностями. Она скользила по тихимъ волнамъ Архипелага, усѣянаго гаванями и различными убѣжищами. Мы, впрочемъ, знаемъ, какія опустошенія производила буря въ древнемъ флотѣ: достаточно было внезапно налетѣвшаго урагана, чтобы уничтожить его цѣликомъ. Въ эпоху персидскихъ войнъ, напримѣръ, греки одержали побѣду надъ персидской эскадрой въ такой же мѣрѣ благодаря скверной погодѣ, какъ и своей доблести.

„Какъ боевое судно, тріера совмѣщала рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ качества. Вся ея сила сосредоточивалась, повидимому, въ носовой части; ударъ носомъ, хотя и не отличался такой мощью, какъ въ нашихъ корабляхъ, былъ, однако, губителенъ, если тріера, приводив-

шаяся въ движеніе всѣми веслами, наносила его въ бокъ вражескаго корабля. Но носъ корабля былъ такъ прекрасно приспособленъ не только для нападенія, а обладалъ также и оборонительными средствами. Широкія эпотиды ¹⁾, которыя поддерживались прочными подпорками, могли выдержать столкновеніе безъ вреда для себя. Серьезной защитой былъ также и столосъ ²⁾. Наконецъ, съ вышины мачты часто бросались тяжелые желѣзные или свинцовые снаряды, которые могли проломить палубу вражескаго корабля и даже потопить его. Кромѣ того, тріера была подъ защитой стрѣлковъ и воиновъ, которые находили на ней много удобныхъ мѣстъ, приспособленныхъ какъ для нападенія, такъ и для защиты“.

(Cartault. La trière athénienne, стр. 253 и сл.).

21. Экипажъ корабля.

На каждой тріерѣ было 174 гребца и десятка два матросовъ, въ вѣдѣніи которыхъ были мачты и паруса. И тѣ и другіе набирались обыкновенно среди метэковъ и самыхъ бѣдныхъ гражданъ.

Гребцами командовалъ такъ называемый келевстъ (κελευστής). Главною обязанностью келевста было управлять греблей при помощи флейтиста, намѣчавшаго тактъ. Кромѣ того, онъ раздавалъ съѣстные припасы и наблюдалъ за поддержаніемъ дисциплины. Что касается матросовъ, то они, вѣроятно, находились подъ начальствомъ его помощниковъ - офицеровъ, наименованія которыхъ мы не знаемъ.

Капитанъ корабля назывался тріерархъ. У него былъ помощникъ, *хѳеруітѣс*, на котораго онъ возлагалъ всю техническую часть своихъ обязанностей, тѣмъ болѣе, что самъ онъ не всегда былъ свѣдушъ въ этомъ отношеніи. Все значеніе роли этого помощника капитана явствуетъ изъ слѣдую-

¹⁾ Эпотиды—толстые деревянные брусья, выступавшіе по обѣимъ сторонамъ носа. (Прим. автора).

²⁾ Столосъ подымался вертикально надъ тараномъ и опирался на переднюю часть тріеры; онъ имѣлъ выпуклую форму. (Прим. автора).

щаго мѣста сочиненія Демосѳена: „Ошибка матроса влечетъ за собой только небольшой вредъ, но если ошибается помощникъ капитана, то это ведетъ всѣхъ находящихся на кораблѣ къ общей гибели“. Проревсъ, „сидя или стоя на носу, бросалъ взоры впередъ, внизъ и вокругъ себя, наблюдалъ, нѣтъ ли признаковъ шквала, старался избѣгать подводныхъ камней, приказывалъ бросать лоть, когда боялся наткнуться на мель, криками или сигналами сообщался съ рулевымъ и доставлялъ ему всѣ указанія, необходимыя для того, чтобы управлять кораблемъ, всегда соображаясь съ обстоятельствами. Онъ былъ также посредникомъ въ передачѣ приказаній помощника капитана остальному экипажу“. (Cartault, стр. 231 — 232). Пентеконтархъ былъ помощникомъ капитана по управленію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

По обычаю на тріеру брали извѣстное число гоплитовъ, обыкновенно около десятка, „чтобы они при abordажѣ могли помѣриться съ непріателемъ силами, или же, бросая въ него стрѣлы, не подпускать его близко, а при случаѣ—сойти на берегъ, съ цѣлью произвести пожаръ или опустошеніе“. (Cartault, стр. 236). То были такъ называемые *ἐπιβάται*.

Въ общемъ экипажъ тріеры состоялъ, включая сюда офицеровъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ изъ 200 человекъ.

22. Тріерархія.

Тріерархія была литургіей, и кромѣ того литургіей самой древней. Безполезно было бы сообщать довольно сложныя, многократно измѣнявшіяся правила, сообразно которымъ эта повинность распредѣлялась между гражданами. Достаточно сказать, что она исключительно падала на самыхъ богатыхъ людей.

Во второй половинѣ четвертаго столѣтія тріерархъ получалъ отъ государства оснащенный и снабженный парусами корабль. Кромѣ того, ему предоставлялся экипажъ и деньги для уплаты жалованья экипажу и для расходовъ по содержанію его. Онъ обязанъ былъ всю матеріальную часть въ концѣ года сдать или своему преемнику, если кампанія не была окончена, или особому долж-

ностному лицу, вѣдавшему морскія дѣла. Онъ самъ долженъ былъ нести случайные расходы, которые вызывались въ теченіе года необходимостью поддерживать корабль, ремонтировать его и, наконецъ, пополнять то, что было потеряно или погибло по его винѣ. Эти расходы и убытки исчислялись отъ 40 до 60 минъ (отъ 1.480 до 2.220 рублей) для каждой тріерархіи. Если корабль или его снасти подверглись порчѣ или гибели, то все это должно было возмѣщаться тріерархомъ государству деньгами или натурой. Сумма, подлежащая внесенію, опредѣлялась особымъ каталогомъ, гдѣ была указана установленная закономъ стоимость всего матеріальнаго состава.

Нѣкоторыя обстоятельства, какъ, напримѣръ, буря или морское сраженіе, въ которомъ могли погибнуть корабль и его снасти, считались независящими отъ воли человѣка и освобождали тріерарха отъ уплаты государству убытковъ. Но это освобожденіе должно было утверждаться судомъ. Свѣдущія должностныя лица опредѣляли величину долга. Если стоимость корабля не была внесена тріерархомъ въ теченіе года, то она могла быть удвоена по требованію совѣта.

Нерѣдко бывало, что тріерархъ бралъ на себя добавочные расходы и дарилъ государству тріеру и ея снасти. Иногда же онъ несъ необязательные для него расходы.

(Dürrbach. L'orateur Lycurgue, стр. 62).

23. Тріерархъ на своемъ кораблѣ.

Приказы относительно выступленія въ походъ и начала битвы, несомнѣнно, отдавались стратегомъ, отвѣтственнымъ главнокомандующимъ эскадры; тріерархи обязаны были повиноваться этимъ приказамъ. Стратегъ руководилъ также общимъ ходомъ дѣла. Такимъ образомъ, движенія военнаго флота управлялись всегда единой волей. Но несомнѣнно также, что каждый тріерархъ на своемъ кораблѣ былъ полнымъ господиномъ. Если бы стратегъ пожелалъ отдавать на тріерѣ непосредственныя и частныя приказанія, то изъ-за этого могли бы происходить столкновенія, въ которыхъ побѣдителемъ не всегда выходилъ бы стратегъ.

Интересный примѣръ такого столкновѣнія разсказанъ въ рѣчи Демосѳена противъ Поликла.

Когда аѳинскій флотъ имѣлъ стоянку въ Фазосѣ, стратегъ Тимоммахъ посылаетъ тріерарху Аполлодору приказъ сняться съ якоря для неизвѣстнаго назначенія. Руководство этой экспедиціей онъ поручаетъ своему уполномоченному Каллипу. „Онъ отправляется на корабль и приказываетъ кормчему держать путь въ Македонію“. Такимъ образомъ, Каллипъ сейчасъ же вступаетъ въ управленіе кораблемъ, не встрѣчая препятствій со стороны Аполлодора. Но въ пути Аполлодоръ узнаетъ, что тріера идетъ въ Меѳону за Каллистратомъ, родственникомъ стратега, дважды присужденнымъ аѳинскимъ народомъ къ смертной казни. Между тѣмъ, формально запрещалось перевозить изгнанниковъ на тріерахъ республики. Поэтому между Каллипомъ и Аполлодоромъ происходитъ пререканіе, въ результатѣ котораго Аполлодоръ беретъ въ свои руки командованіе кораблемъ. „Я говорю кормчему, чтобы онъ держалъ путь къ Фазосу; Каллипъ противится этому и велитъ направить корабль въ Македонію, согласно приказаніямъ стратега. Кормчій отвѣчаетъ ему, что такъ какъ я тріерархъ корабля и отвѣтственъ за его дѣйствія, и такъ какъ отъ меня онъ получаетъ жалованіе, то онъ повернетъ къ Фазосу“. Такимъ образомъ, въ этомъ столкновѣніи двухъ властей власть тріерарха взяла верхъ. По прибытіи на Фазосъ Аполлодора потребовали къ стратегу. Онъ не рѣшился отправиться къ нему, боясь, что его закуютъ въ цѣпи. Послѣ этого его оставили въ покоѣ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что тріерархъ былъ обязанъ повиновеніемъ стратегу, какъ своему высшему начальнику. Въмѣстѣ съ тѣмъ, тріерархъ былъ отвѣтственъ передъ народомъ въ своемъ поведеніи и вообще во всемъ происходящемъ на его кораблѣ; а поэтому во всѣхъ особыхъ случаяхъ, подобно вышеописанному, гдѣ происходило нарушеніе закона, онъ могъ за свой страхъ и рискъ отказаться исполнять приказанія стратега. Мы видѣли, что въ данномъ примѣрѣ стратегъ не хотѣлъ или не могъ примѣнить имѣвшіяся въ его распо-

ряженіи принудительныя средства для того, чтобы добиться повиновенія со стороны Аполлодора. Во всякомъ случаѣ онъ не вымещалъ своего гнѣва на низшихъ офицерахъ, которые стали въ этомъ столкновеніи на сторону своего начальника.

Изъ этихъ словъ Демосѣена можно видѣть, что тріерархъ являлся дѣйствительнымъ командиромъ своего корабля. Слѣдовательно, тріерархія не была только простымъ налогомъ, падавшимъ на состояніе богатыхъ гражданъ; въ послѣднемъ случаѣ достаточно было бы внести при снаряженіи корабля часть расходовъ, отъ которыхъ желало освободиться государство. Съ другой стороны, тріерархъ не являлся простымъ довѣреннымъ лицомъ, отвѣтственнымъ за сохраненіе порученныхъ ему корабля и снастей, которые представляли большую цѣнность, а также денегъ, получаемыхъ имъ отъ стратега для уплаты жалованья экипажу. Кромѣ этого, на немъ лежали обязанности, выполняемыя у насъ капитанами кораблей. Онъ исполнялъ эти обязанности съ большимъ знаніемъ дѣла, такъ какъ обыкновенно самъ былъ судовладельцемъ и прекрасно понималъ все то, что относилось къ мореплаванію. Тріерархія выполнялась также достаточно часто для того, чтобы выработать опытность у людей, не имѣвшихъ ея. Однако, не слѣдуетъ забывать, что тріерархъ не былъ морякъ по ремеслу, и на эту должность могли попасть люди совершенно неопытные. Поэтому для нихъ являлось необходимымъ, чтобы на борту корабля былъ помощникъ, знакомый съ дѣломъ и способный руководить неопытнымъ командиромъ. Этотъ помощникъ былъ *χιερίητης*.

(Cartault. La Trière athénienne, стр. 224—226).

24. Пирей и аѳинскій флотъ.

Пирей былъ центромъ морского могущества аѳинянъ. Въ немъ было три порта, специально предназначавшихся для военнаго флота: портъ Кантаръ въ Пирейской бухтѣ, портъ Зея и портъ Мунихія.

Они были защищены цѣлой системой очень прочныхъ укрѣпленій; укрѣпленія эти охватывали весь полуостровъ, на которомъ находились порты, и соединялись съ аѳинскими стѣнами. Во всѣхъ трехъ гаваняхъ устраивались по окружности ихъ особыя сооруженія (νεώσοικοι) для причаливанія кораблей. У каждой тріеры было свое особое мѣсто. Около 330 года до Р. Х. этихъ помѣщеній было 82 въ Мунихіи, 196—въ Зеѣ и 94 въ Кантарѣ, слѣдовательно, всего 372. Кромѣ того, въ Пиреѣ находились корабельныя верфи и арсеналь, точныхъ размѣровъ которыхъ мы не знаемъ. Это было прямоугольное зданіе въ 25 метровъ длиной и 17 метровъ шириной.

Наличный составъ аѳинскаго флота въ различное время мѣнялся. Согласно Фукидиду, Аѳины во время Перикла имѣли 30 военныхъ судовъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ было 400.

25. Саламинская битва.

Вѣстникъ персовъ. „...Изъ войска аѳинянъ

Пришелъ какой-то эллинъ къ намъ и Ксерксу.

Сказалъ. что только ночи мракъ настанетъ,

Какъ эллины, за весла ухватившись,

Спасая жизнь, всѣ въ бѣгство устремятся

И тайно всѣ разѣдутся оттуда.

А онъ, едва услыша эту рѣчь,

Коварства эллина не заподозривъ,

О зависти боговъ совсѣмъ забывъ.

Такой приказъ начальникамъ даетъ:

Какъ перестанетъ солнце землю жечь,

Небесное-жъ пространство мгла обниметъ,

То пусть суда поставятъ въ три ряда

Стеречь проходы и пути морскіе.

Другими-жъ окружать Аякса островъ¹

Коль эллины злой участи избѣгнутьъ.

Нашедши путь для бѣгства на судахъ,

То всѣ вожди должны лишиться жизни!

Сказалъ онъ такъ, въ душѣ надежды полный,

Не зная, что ему судили боги...

Безропотно приказу повинуюсь.

Вожди судовъ устраивали ужинъ.

¹) Т. е. островъ Саламинъ.

Гребцы же весла къ кольямъ прикрѣпляли.
Но вотъ угасъ послѣдній солнца лучъ,
И ночи мракъ насталъ: тогда гребцы
Съ солдатами взошли на корабли.
И съ строемъ строй судовъ перекликался...
Плывутъ они, храня порядокъ свой.
Всю ночь вожди въ порядокъ разставляли
Войска на мореходныхъ корабляхъ.
Кончалась ночь, а эллинское войско
Нигдѣ тайкомъ бѣжать и не пыталось;
И ѣдущій на бѣлыхъ лошадяхъ
Ужъ ясный день объялъ собой всю землю,—
Вдругъ шумный крикъ отъ эллиновъ пронесся,
Какъ пѣсни звукъ,—и громко въ то же время
Имъ эхо скалъ откликнулось въ отвѣтъ.
И страхъ тогда всѣхъ варваровъ объялъ,
Въ надеждѣ обманувшихся: не къ бѣгству
Готовясь, пѣли эллины пѣанъ
Священный, но стремясь отважно въ бой.
И дружно вдругъ они морскія волны
Ударомъ весель вспѣнили своихъ,
И скоро всѣхъ ихъ видѣть мы могли.
Ихъ правое крыло шло впереди,
Порядокъ соблюдая, а за нимъ
Весь флотъ спѣшилъ, и слышенъ въ то же время
Былъ громкій крикъ: „Впередъ, сыны Эллады,
Спасайте родину, спасайте женъ,
Дѣтей своихъ, боговъ отцовскихъ храмы,
Гробницы предковъ: бой теперь—за все!“
Навстрѣчу имъ неслись и персовъ крики,
И медлить дольше было невозможно:
Одинъ корабль ударилъ мѣднымъ носомъ
Въ другой, и началъ эллинскій корабль
Сраженъ, сбивши съ судна финикійцевъ
Всѣ украшенья... Всюду бой кипѣлъ.
Сперва стояло твердо войско персовъ;
Дать помощи другъ другу не могли
И мѣдными носами поражали
Своихъ же—всѣ тогда они погибли.
А эллины искусно поражали
Кругомъ ихъ... И тонули корабли,
И подъ обломками судовъ разбитыхъ,
Подъ кровью мертвыхъ—скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитыхъ скалы
И берега, и варварское войско
Въ нестройномъ бѣгствѣ все отплыть спѣшило.

И какъ тунцовъ или другую рыбу
Ихъ эллины остатками снастей,
Обломками отъ весель били: стонъ
Съ рыданьями стоялъ надъ гладью моря,
Пока всего не кончилъ мракъ ночной“.
(Э с х и л ѣ. Персы, 355—428. Переводъ Аппелърота).

26. Почести. воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество.

„Аѳиняне, согласно обычаю предковъ, слѣдующимъ образомъ совершали на государственнй счетъ погребеніе первыхъ воиновъ, павшихъ въ этой войнѣ: за три дня до похоронъ соорудили подмостки и тамъ выставили останки павшихъ воиновъ; каждый желающій аѳинянинъ дѣлалъ приношенія своимъ родственникамъ. Въ погребальномъ шествіи колесницы двигались съ кипарисными гробами, по одному на филу; кости cadaго находились въ гробу той филы, къ которой принадлежалъ покойникъ. Несли еще одно пустое приготовленное ложе для погибшихъ безъ вѣсти, останковъ которыхъ не могли отыскать и убрать. Въ процессіи участвовали всѣ желающіе, граждане и иноземцы; у могилы присутствовали и женщины, родственницы покойниковъ, съ рыданіями. Затѣмъ гробы поставлены были на государственное кладбище, находившееся въ красивѣйшемъ городскомъ предмѣстьѣ (Керамикѣ); на немъ всегда хоронятъ павшихъ въ войнѣ, кромѣ марафонскихъ воиновъ: такъ какъ доблесть этихъ послѣднихъ признана была чрезвычайною, то ихъ похоронили на мѣстѣ сраженія. Когда останки засыпаны, выбранное государствомъ лицо, такое, которое, по общему мнѣнію, обладаетъ выдающимся умомъ и занимаетъ высокое положеніе, произноситъ подобающее похвальное слово. Послѣ этого расходятся“. (О у к и д и д ѣ, II, 34, въ пер. О. Мищенко).

До насъ дошло много списковъ, перечисляющихъ гражданъ, которымъ былъ оказанъ такой почетъ. Въ одномъ изъ документовъ, хранящихся въ Луврскомъ музеѣ, читаемъ:

„Граждане, имена которыхъ перечислены ниже и которые всѣ принадлежали къ филѣ Эрехтеидѣ, погибли въ теченіе

одного года на войнѣ на о. Кипрѣ, въ Египтѣ, Финикии, Галіасѣ, Эгинѣ и Мегарѣ“. (Corp. inscr. Attic., I, 433).

Кромѣ того, благодаря Фукидиду у насъ имѣется, если не текстъ, то главное содержаніе надгробной рѣчи, которая была произнесена Перикломъ въ первый годъ Пелопоннесской войны. Двѣ трети рѣчи наполнены великими похвалами учрежденіямъ, нравамъ и мужеству всѣхъ аѳинянъ вообще. Послѣ этого ораторъ переходитъ къ умершимъ. Онъ превозноситъ ихъ доблести и указываетъ на нихъ, какъ на примѣръ для живыхъ:

„Столь достойными государства были эти воины. Оставшимся въ живыхъ слѣдуетъ молить боговъ о дарованіи болѣе спокойнаго отношенія къ врагамъ, но они должны рѣшиться проявлять не меньшую отвагу въ борьбѣ. Не довольствуйтесь тѣмъ, что слушаете рѣчи о выгодахъ мужества... Напротивъ, вы обязаны ежедневно въ трудахъ вашихъ взирать на могущество государства и черезъ то полюбить его, и если оно кажется вамъ великимъ, помните, что его стяжали люди отвагою, умѣнемъ принимать надлежащія мѣры, люди, руководившіеся въ сраженіяхъ чувствомъ чести. Если въ какомъ-нибудь предпріятіи они потерпѣли неудачу, то не считали для себя позволительнымъ лишать городъ своихъ доблестей и приносили въ жертву ему прекраснѣйшій даръ: они отдавали за него жизнь, и за то каждый стяжалъ себѣ неувядающую славу и почетнѣйшую могилу, не столько эту, въ которой покоятся ихъ останки, сколько ту, въ которой слава ихъ остается незабвенною, именно въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствиіи потомковъ. Могилою людей знаменитыхъ служить вся земля, и о нихъ свидѣлствуютъ не только надписи на надгробныхъ столбахъ въ родной странѣ. Не столько о самыхъ подвигахъ, сколько о мужествѣ воспоминаніе незаписанное вѣчно живетъ въ каждомъ человѣкѣ и въ чужихъ земляхъ. Соревнуйте имъ, почитайте счастьемъ свободу, а свободою мужество и потому не отступайте передъ военными опасностями...“ (Фукидидъ, II, 43, въ пер. О. Мищенко).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Международныя отношенія.

Содержаніе: 1. Третейскій судъ между двумя городами.—2. Никіевъ миръ.—3. Древній союзный договоръ.—4. Союзный и коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды.—5. Уступка торговой монополіи.—6. Право частнаго возмездія въ Греціи.—7. Монетный договоръ.—8. Проксены.—9. Греческая колонизація VIII и VII вѣковъ.—10. Аѳинскія колоніи V и IV вѣковъ.—11. Дельфійская амфиктіонія.—12. Первый аѳинскій союзъ.—13. Ахейскій союзъ.

1. Третейскій судъ между двумя городами (416 г. до Р. X.).

„Мелійцы и кимолійцы заявили, что они подчинятся рѣшенію аргивянъ относительно спорныхъ острововъ; аргійскій народъ присудилъ, что кимолійцамъ принадлежать Поліэга, Гетерія и Либія. Этотъ приговоръ разрѣшаетъ тяжбу въ пользу кимолійцевъ“.

(Lebas. Inscriptions d'Asie Mineure, 1).

2. Никіевъ миръ (421 г. до Р. X.).

„Договоръ заключили аѳиняне и лакедемоняне съ союзниками на слѣдующихъ условіяхъ, утвержденныхъ клятвами отъ каждаго города: что касается общихъ святынь, то всякому желающему предоставляется, согласно исконнымъ обычаямъ, приносить жертвы, вопрошать оракуловъ, отправлять священныя посольства сушею и моремъ безнаказанно. Святилищу и храму Аполлона въ Дельфахъ, а равно дельфійцамъ, имъ самимъ и землѣ ихъ, быть независимыми, свободными отъ дани, рѣшать дѣла собственнымъ судомъ по исконнымъ обычаямъ.“

„Договоръ долженъ существовать пятьдесятъ лѣтъ между аѳинянами съ союзниками аѳинянъ и лакедемонянами съ союзниками лакедемонянъ безъ коварства и ущерба, на сушѣ и на морѣ. Да не дозволено будетъ лакедемонянамъ и союзникамъ браться за оружіе съ цѣлью нанесенія вреда аѳинянамъ съ союзниками, ни аѳинянамъ и ихъ союзникамъ для нанесенія вреда лакедемонянамъ съ союзниками какими бы то ни было способами. Если бы между сторонами возникъ какой-либо споръ, они обязаны рѣшать его судомъ и клятвами согласно условіямъ, какія бы ни были приняты.

„Лакедемоняне и союзники да возвратятъ аѳинянамъ Амфиполь. Во всѣхъ городахъ, возвращенныхъ лакедемонянами аѳинянамъ, да дозволено будетъ каждому жителю уходить со своимъ достояніемъ, куда угодно. Городамъ быть независимыми... Города эти: Аргилъ, Стагиръ, Аканѳъ, Сколъ, Олинѳъ, Спартолъ; но не должны они быть союзниками ни лакедемонянъ, ни аѳинянъ; если бы аѳиняне склонили города къ союзу, то да будетъ позволено имъ, если пожелаютъ, вступить въ союзъ съ аѳинянами...

„Лакедемоняне и союзники обязуются возвратить аѳинянамъ Панактъ, а аѳиняне лакедемонянамъ—Корифасій, Киѳеру, Меѳону, Птелей, Аталанту.

„Обѣ договаривающіяся стороны должны возвратить другъ другу своихъ плѣнныхъ...

„Обѣ стороны, въ лицѣ семнадцати человѣкъ отъ каждаго города, пускай дадутъ клятву, какая въ землѣ ихъ почитается величайшею. Клятва должна гласить такъ: „Соблюдаю условія и договоръ безъ обмана и по справедливости“. Обѣ стороны повинны возобновлять клятву ежегодно. Столбы должны быть поставлены въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Истмѣ, въ Аѳинахъ въ акрополѣ, въ Лакедемонѣ у Амиклеи...

„Договоръ входитъ въ силу при эфорѣ Плейстолѣ, за четыре дня до окончанія мѣсяца Артемисія; въ Аѳинахъ же—при архонтѣ Алкеѣ, за шесть дней до окончанія мѣсяца Элафеболіона.

„Давали клятвы и заключали договоръ слѣдующія лица:

изъ лакедемонянъ (слѣдуетъ 15 именъ), изъ аѳинянъ (17 именъ)“.

(Θυκιδιδῆς V, 18—19, перев. Θ. Мищенко).

3. Древній союзный договоръ.

„Договоръ между элейцами и эрейцами ¹⁾).

„Да будетъ союзъ на 100 лѣтъ и начнется онъ съ этого года. Если надо будетъ поговорить ²⁾ или приступить къ дѣйствіямъ, оба народа должны поступать сообща во всемъ, какъ и на войнѣ; если же они не будутъ дѣйствовать сообща, тѣ, кто нарушить договоръ, уплатятъ талантъ серебра Зевсу Олимпійскому. Если кто-нибудь уничтожитъ эту надпись, будь то должностное лицо или народъ,—онъ будетъ подвергнутъ упомянутой здѣсь священной пенѣ“.

(Michel. Recueil d'inscriptions grecques, 1).

4. Союзный и коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды (между 389 и 383 г. до Р. Х.).

„Договоръ между Аминтой, сыномъ Арридея, и халкидцами.

„Союзъ между ними заключается на 50 лѣтъ противъ всѣхъ. Если кто-нибудь произведетъ нападеніе на Аминту, то ему придется воевать также съ халкидцами; если нападеть на халкидцевъ, то будетъ воевать и съ Аминтой..

„Халкидцы могутъ вывозить смолу и лѣсъ, кромѣ еловаго, пригодный для постройки домовъ и кораблей, если только само халкидское государство не будетъ нуждаться въ этомъ. Если нужды въ лѣсѣ не будетъ, то разрѣшается вывозить и сосну, при чемъ халкидцы обязаны заявить объ этомъ Аминтѣ и заплатить установленныя пошлины. Для всѣхъ другихъ предметовъ разрѣшается, при условіи уплаты

¹⁾ Это самый древній документъ европейской дипломатіи (Egger). Точно неизвѣстно, къ какому году онъ относится, но несомнѣнно, что онъ принадлежитъ VI вѣку до Р. Х. (Прим. автора).

²⁾ Т.-е. вступить въ переговоры. (Прим. автора).

пошлины, вывозъ и ввозъ изъ Македоніи въ Халкиду и изъ Халкиды въ Македонію.

„Ни Аминта, ни халкидцы не должны вступать отдѣльно въ дружескія отношенія съ Амфиполисомъ, Боттізеей, Аканеомъ и Мендеей, но, если это будетъ выгодно обѣимъ сторонамъ, онѣ заключать договоръ съ общаго согласія.

„Клятва союза...“

(Michel. Тамъ же, 5).

5. Уступка торговой монополіи.

Три города острова Кеоса—Карѳая, Коресъ и Юлида—сдѣлали почти одинаковыя постановленія о предоставленіи аѳинянамъ монополіи по вывозу сурика.

Вотъ постановленіе Юлиды:

„Постановленіе совѣта и народа Юлиды.

„По просьбѣ аѳинянъ совѣтъ и народъ Юлиды постановили, что съ этого дня сурикъ будетъ вывозиться только въ Аѳины и никуда въ другое мѣсто. Если же кто-нибудь попытается вывезти въ другое мѣсто, корабль и весь грузъ будутъ конфискованы. Половина будетъ отдана доносчику. Если доносчикъ—рабъ, онъ получитъ свободу и треть (?) конфискованнаго груза. При вывозѣ сурика изъ Кеоса надо нагружать на судно, указанное аѳинянами...

„Если аѳинянамъ угодно будетъ принять другія мѣры для обезпеченія монополіи касательно сурика, постановленія ихъ будутъ имѣть силу закона. . . Тотъ, кто будетъ уличенъ въ незаконномъ вывозѣ, подвергнется конфискаціи имущества; половина этого имущества поступаетъ въ собственность юлидскаго народа, другая половина—доносчику.

„Совѣтъ приметъ мѣры, чтобы эта надпись была написана и выставлена въ гавани“.

(Corpus inscript. Attic., т. II, 546).

6. Право частнаго возмездія въ Греціи.

Древнѣйшіе примѣры возмездія встрѣчаются у Гомера. Несторъ рассказываетъ въ „Иліадѣ“ о походѣ, предпринятомъ имъ противъ элѳевъ, которые отказались выполнить

его требованія (Иліада, XI, 670 и сл.). Потерпѣвшіе взялись за оружіе подъ его предводительствомъ, угнали многочисленныя стада и раздѣлили ихъ между собой, чтобы получить то, что имъ полагалось. Въ „Одиссеѣ“ говорится о подобномъ походѣ, предпринятомъ Одиссеемъ (Одиссея, XXI, 17 и сл.).

Подобное право частнаго возмездія называлось *ῥύσις* или *σῶλαι*. Примѣненіе его издавна было опредѣлено договорами. Однимъ изъ наибольшихъ преимуществъ, которое два греческихъ города могли предоставить другъ другу, былъ отказъ отъ права частнаго возмездія, вслѣдствіе чего обезпечивалась безопасность личности и имущества (*ἀσυλία* и *ἀσφαλεία*).

При отсутствіи подобнаго договора упомянутая льгота могла быть предоставлена простымъ указомъ, въ качествѣ личной и наслѣдственной привилегіи, иностранцамъ, оказавшимъ общественныя услуги, особенно проксенамъ ¹⁾).

Эпиграфическіе памятники, заключающіе въ себѣ подобныя договоры, насчитываются сотнями. Ихъ формула, почти всегда однообразная, иногда сопровождается дополнительными статьями, заслуживающими вниманія. Такимъ образомъ, *ἀσυλία* давалась обыкновенно какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ мирное время и въ случаѣ войны. Всякое нарушеніе запрещенія, наложеннаго закономъ, влекло за собой штрафъ, независимо отъ освобожденія плѣнниковъ и возвращенія захваченныхъ вещей. Обращеніе къ правосудію, по этому поводу, было доступно не только иностранцу, сдѣлавшемуся жертвой насилія, но любому лицу, такъ какъ это было фактомъ, касавшимся общественнаго порядка.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ договоровъ, относящихся къ *σῶλαι*, является договоръ, заключенный въ V вѣкѣ до нашей эры между двумя локрскими городами Эантомъ и Халейономъ. Оба города условились отмѣнить совершенно *σῶλαι* на сушѣ, но сохранили ихъ на морѣ, за исключеніемъ гавани. Всякій незаконный захватъ карался штрафомъ въ 4 драхмы (около 1 р. 50 коп.), причемъ захват-

¹⁾ Проксены—см. ниже § 8.

чикъ обязанъ былъ возвратить взятое въ теченіе 10 дней; при неисполненіи этого онъ долженъ былъ отдать еще половину наложеннаго раньше штрафа. Заявленія подаются, въ зависимости отъ случая, различнымъ судьямъ. Если, наприкладъ, истецъ-эантецъ проживаетъ въ Халейонѣ, какъ метэкъ, онъ долженъ обратиться къ обыкновенному суду этого города. Если онъ не метэкъ, онъ долженъ обратиться къ особымъ судьямъ, извѣстнымъ въ Халейонѣ подъ названіемъ „судей для иностранцевъ“ (*ξενόδικαι*), и выбрать девять или пятнадцать присяжныхъ, въ зависимости отъ важности дѣла, среди именитыхъ халейонскихъ гражданъ. Наконецъ, если дѣло официально возбуждено однимъ изъ гражданъ Халейона, дѣйствующимъ во имя общественнаго порядка, судьями являются присяжные въ нечетномъ числѣ; они избираются среди деміурговъ, которые представляютъ собой главныхъ судей города и выносятъ приговоръ по большинству голосовъ. (Röhl. Inscript. graecae antiq., 322).

Договоры болѣе поздней эпохи предоставляютъ судопроизводство по дѣламъ о захватѣ третейскому суду посторонняго города или соединенному суду изъ представителей обѣихъ сторонъ.

При отсутствіи договора право частнаго возмездія являлось общимъ достояніемъ и постоянно примѣнялось на дѣлѣ. Лизій говоритъ, что жители Беотіи постоянно пользовались этимъ средствомъ противъ аѳинянъ, такъ какъ не могли добиться уплаты долга въ два таланта. (Противъ Никомаха, 12).

Демосѳенъ указываетъ на нѣкоторыхъ тріерарховъ, которые похищали все, что приходилось имъ по вкусу; этимъ они подвергали своихъ согражданъ всевозможнымъ родамъ возмездія и создавали для нихъ невозможность отправляться въ чужія страны безъ особаго пропуска. (Въ защиту вѣнка за тріерархію, 13).

Въ другой защитительной рѣчи (Противъ Лакрита) имѣется договоръ о ссудѣ подъ морское предпріятіе, выданной аѳиняниномъ и эвбейцемъ жителямъ Фаселиды. Въ немъ установлено, что если корабль остановится въ Геллеспонтѣ, то товары должны быть свезены на берегъ

въ особое мѣсто, гдѣ они будутъ ограждены отъ захватовъ частныхъ лицъ.

Иногда государство брало въ свои руки осуществленіе права возмездія частныхъ лицъ и пользовалось имъ въ качествѣ предпринимателя.

Жители Халкедона нуждались въ деньгахъ для уплаты наемнымъ войскамъ. Они предложили гражданамъ и метэкамъ, которые имѣли притязанія на частное возмездіе по отношенію къ какому-нибудь городу или частному лицу, сдѣлать объ этомъ заявленіе. Они рѣшили осуществить это возмездіе на счетъ кораблей, которые отправлялись въ Понтъ Эвксинскій, задержавъ ихъ подъ этимъ предлогомъ. (Иже-Аристотель. Экономика, II, 12). Въ македонскій періодъ обычай частнаго возмездія былъ не менѣе частымъ явленіемъ, но, повидимому, зависѣлъ отъ разрѣшенія правительства. Во время Полибія ¹⁾ въ Беотіи не происходило болѣе отправленія правосудія. Нѣсколько ахейцевъ, не будучи въ состояніи взыскать свои долги съ гражданъ этой страны, добились отъ стратега ихъ арміи, Филопемена, разрѣшенія прибѣгнуть къ частному возмездію. Въ другомъ мѣстѣ указывается, что критяне изъ города Элевтерны выдали особыя свидѣтельства противъ родосцевъ. Далѣе, делійцы, укрывшіеся въ Ахеѣ, собирались прибѣгнуть къ праву частнаго возмездія противъ аѳинянъ, но ахейцы этому воспротивились.

Въ общемъ, возмездіе считалось юридическимъ актомъ, приѣмомъ международныхъ отношеній и служило обезпеченіемъ и утвержденіемъ права. Это было учрежденіе, которое не надо смѣшивать ни съ набѣгомъ, ни съ разбоемъ или пиратствомъ.

Набѣгъ являлся враждебнымъ актомъ, примѣнявшимся только во время войны. Что же касается разбоя или пиратства, то это были проявленія насилія, часто безнаказанныя, но всегда считавшіяся незаконными.

(D a r e s t e. Séances et travaux d'Académie des sciences morales, т. CXXXIII, стр. 358—364).

¹⁾ Полибій—см. вып. III, стр. 81, прим. 2.

7. Монетный договоръ.

Каждое государство-городъ имѣло свою монетную систему, такъ какъ право чеканить монету было признакомъ верховной государственной власти. По закону монеты любого изъ городовъ не имѣли никакой цѣнности въ сосѣднемъ государствѣ; поэтому при отправленіи въ чужія страны нужно было обмѣнивать свои монеты на деньги той страны, куда отправлялись.

Если вспомнить о необычайной раздробленности Греціи, станутъ понятны затрудненія, которыя происходили вслѣдствіе этого. Съ теченіемъ времени стали принимать мѣры съ цѣлью ихъ уменьшить. Нерѣдко бывали случаи, когда для торговыхъ сношеній среди разнообразныхъ монетъ выбирали одну, которая и получала преимущество въ качествѣ единицы обмѣна при международныхъ сношеніяхъ. Купцы, независимо отъ ихъ страны и мѣста жительства, заключали сдѣлки и расплачивались этой монетой; ее можно было всюду везти, такъ какъ она охотно принималась во всѣхъ банкахъ. Такую роль сыграли въ V и IV вѣкѣхъ аѳинскія тѣтрадрахмы и кизикскіе статэры, а позднѣе—монеты македонской чеканки.

Быль сдѣланъ еще шагъ впередъ, когда у нѣкоторыхъ государствъ явилась мысль заключить между собою договоръ, подобный тому, который соединяетъ въ данное время Францію, Италію, Швейцарію, Бельгію и Грецію. По этому соглашенію договаривающіяся стороны устанавливали вѣсъ, пробу и цѣнность той звонкой монеты, которая должна была имѣть законное обращеніе на рынкахъ обоихъ государствъ. Онѣ опредѣляли, въ какомъ размѣрѣ каждая изъ нихъ имѣетъ право чеканить эту монету; при совмѣстной выдѣлкѣ ея опредѣлялась часть расходовъ и доходовъ, которая приходилась на каждый городъ. Мы располагаемъ отрывкомъ подобнаго договора между Фокидой и Митиленой. (*Michel. Recueil d'inscriptions grecques*, 8). Оба города должны были по очереди, въ продолженіе года, чеканить указанную въ договорѣ монету, причемъ монетный

дворъ одной изъ сторонъ на это время закрывался. Деньги фокидской чеканки должны были имѣть свободный доступъ въ Митилену, и наоборотъ.

Монетчикъ, сдѣлавшій подлогъ законной пробы и прибавлявшій лигатуры сверхъ установленной нормы, подлежалъ смертной казни. Онъ былъ отвѣтственъ передъ обоими городами и долженъ былъ судиться въ родномъ городѣ судомъ, въ составъ котораго входили представители обѣихъ сторонъ.

(По Lenormant. La Monnaie dans l'antiquité, II, стр. 54—63).

8. Проксены.

Проксены напоминаютъ нашихъ консуловъ. Но въ то время какъ у насъ консулы не всегда являются подданными того государства, въ которомъ представляютъ, въ Греціи былъ обычай избирать проксенами только гражданъ этого государства. Напримѣръ, въ Эфесѣ интересы аѳинянъ защищались не аѳиняниномъ, а эфесяниномъ, которому аѳинскій народъ давалъ титулъ проксена съ нѣкоторыми преимуществами и правами.

Обязанности проксена были одновременно дипломатическаго и консульскаго характера. Граждане государства, избравшаго его, могли требовать отъ него пріюта, покровительства и защиты ихъ интересовъ на судѣ. Онъ платилъ выкупъ за плѣнныхъ, заботился о достойномъ погребеніи павшихъ на войнѣ и, въ случаѣ чьей-либо смерти, завѣдывалъ имуществомъ умершаго и передавалъ его наслѣдникамъ. Въ этомъ его обязанности соотвѣтствовали обязанностямъ современнаго консула. Но у него были еще другія, которыя приближали его къ нашимъ посламъ. На немъ лежало представленіе властямъ и народному собранію депутатовъ того государства, проксеномъ котораго онъ являлся; онъ долженъ былъ облегчать выполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ порученій своимъ личнымъ вліяніемъ на согражданъ.

Въ греческихъ городахъ постоянные дворы были очень плохо устроены, вслѣдствіе чего долгъ гостепріимства,

который лежалъ на проксенѣ, причинялъ ему крупные расходы; кромѣ того, ему приходилось оказывать денежную поддержку нуждающимся путешественникамъ, которые не всегда возвращали ему полученные ими ссуды. Въ вознагражденіе за труды онъ получалъ часто привилегіи, иногда наслѣдственные: напримѣръ, имѣлъ свободный доступъ въ высшее правительственное учрежденіе и въ народное собраніе страны, представителемъ которой онъ являлся. Его личности и имуществу было обезпечено покровительство какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, въ мирное время и во время войны; онъ пользовался свободой ввоза и вывоза товаровъ, имѣлъ право пріобрѣтать земельную собственность, былъ освобожденъ отъ нѣкоторыхъ налоговъ, а иногда получалъ право изополитіи, что означало пользованіе всѣми правами гражданства.

(Newton у Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 45—47).

9. Греческая колонизація VIII и VII в.в.

Основывая свои колоніи, греки лишь слѣдовали примѣру финикійцевъ, которые задолго до нихъ объѣхали берега Средиземнаго моря и учредили тамъ свои торговые конторы. Но, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, имъ удалось создать не только простые рынки: это были города, которые греки воздвигали сотнями, начиная отъ отдаленныхъ береговъ Понта Эвксинскаго до Геркулесовыхъ столповъ. Расширеніе предѣловъ Греціи не было дѣломъ того или другого отдѣльнаго племени; въ немъ принимали участіе всѣ племена: ахеяне и доряне такъ же, какъ іоняне. Это даже нельзя назвать дѣломъ исключительно приморскихъ государствъ-городовъ; колонистовъ высылали часто города, расположенные внутри материка, и не было ни одной области во всей Греціи, которая осталась бы чужда общему переселенческому движенію.

Это движеніе было вызвано самыми разнообразными причинами: любовь къ приключеніямъ и перемѣнамъ, быстрый ростъ населенія, сосредоточіе земельной собственности въ рукахъ аристократіи, внутренніе раздоры, бѣдствія, обру-

шившіяся на какой-нибудь край, изгнаніе по приговору суда, иноземное завоеваніе, необходимость искать новые внѣшніе рынки — все побуждало грековъ расширять свои колоніи. Постепенно они заняли всѣ берега Средиземнаго моря; иногда, если имъ удавалось, они проникали въ глубь страны; въ иныхъ случаяхъ они обосновывались только на морскомъ берегу, ограничиваясь если не узкой полосой поселка, то во всякомъ случаѣ довольно ограниченнымъ пространствомъ, откуда они распространяли свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ. Разселеніе грековъ остановилось на границѣ извѣстнаго въ тѣ времена свѣта; такимъ образомъ, за предѣлами Эллады, въ собственномъ значеніи этого слова, образовалась новая Эллада, разсѣянная повсюду, растянутая какъ бы въ одну линію и раздѣленная на множество независимыхъ городовъ; между ними существовало, несмотря на это, единство, основанное на племенномъ родствѣ, на сходствѣ учреждений, подобіи вѣрованій и на общности интересовъ.

Эти первобытныя колоніи были въ большинствѣ случаевъ частными предпріятіями. Городъ, изъ котораго выходила каждая колонія, довольствовался тѣмъ, что посылалъ священный огонь, предназначенный для очага новаго города, и священнослужителей, на которыхъ возлагалась обязанность исполненія обряда при его основаніи. Этого было достаточно, чтобы установить между метрополіей и колоніей прочную связь, которая, впрочемъ, заключалась лишь въ извѣстныхъ знакахъ почтенія и преданности, проявляемыхъ колоніей по отношенію къ метрополіи; подчиняться или оказывать ей помощь колонія не была обязана. Если колоніи случалось иногда взывать къ защитѣ метрополіи, то только оттого, что она считала это для себя выгоднымъ, и она была совершенно свободна искать помощи въ другомъ мѣстѣ. Она охотно покупала продукты метрополіи и продавала ей свои, но отнюдь не была обязана оказывать ей предпочтеніе. Въ общемъ, ихъ отношенія основывались на дружескихъ началахъ; но нерѣдко достаточно было малѣйшаго столкновенія ихъ интересовъ, чтобы эта дружба уступила мѣсто ненависти, которая влекла за собой войну.

„Если съ колоніей хорошо обращаются“, говорили керкиряне, „то она признаетъ метрополию; если же ее притѣсняютъ, она отдѣляется. Покидаютъ родину не для того, чтобы превратиться въ рабовъ тѣхъ, кого оставляютъ за собой, а для того, чтобы остаться равными имъ“. (Θυκιδιδ. I, 34).

10. Аѳинскія колоніи V и IV в.в.

Плутархъ справедливо отмѣчаетъ двоякую цѣль, которую преслѣдовали аѳиняне, основывая свои колоніи: съ одной стороны, они хотѣли помочь бѣднякамъ и освободить городъ отъ буйной толпы; съ другой стремились прочно завладѣть самыми удобными мѣстами, чтобы подержать своихъ союзниковъ.

Чаще всего колоніи основывали подъ вліяніемъ взаимодѣйствія этихъ двухъ причинъ—военной и экономической, но иногда одна изъ нихъ оказывала преобладающее вліяніе. Основаніе города Потидеи обезпечивало обладаніе Халкидикой; Лемнось и Имбросъ служили главными наблюдательными пунктами по отношенію къ ѳракійскому морю и живущимъ на его побережѣ варварскимъ племенамъ. Херсонесъ выполнялъ ту же роль относительно Геллеспонта. Стремленіе снабдить средствами бѣдныхъ гражданъ замѣтное всего въ статьѣ одного указа, которая предоставляетъ участки земли двумъ послѣднимъ классамъ. Очень часто также аѳиняне при побѣдѣ думали только о томъ, чтобы воспользоваться плодами завоеванія путемъ разграбленія побѣжденныхъ. Примѣромъ этого является клерухія ¹⁾ Лесбоса, въ которой колонисты сдавали въ аренду прежнимъ владѣльцамъ отобранные у нихъ участки земли. Злоба противъ ожесточенныхъ враговъ и алчность побѣдителей были главной причиной изгнанія эгинцевъ, мелійцевъ и самосцевъ.

Большая часть колоній не носила торговаго харак-

¹⁾ Клерухія—колонія. Подъ клерухіей въ частности разумѣется колонія, при учрежденіи которой дѣйствовало право побѣдителя, захватившаго земли въ свои руки.

тера; аѳиняне не стремились, подобно финикійцамъ, основывать свои поселенія съ цѣлью развитія торговли съ отдаленными странами. Они занимали нѣкоторые пункты, желая обезпечить безопасность торговли, только тогда, когда она являлась жизненной потребностью государства. Такъ, Херсонесъ Эракійскій охранялъ хлѣбные караваны, идущіе отъ береговъ Чернаго моря; равно какъ владѣніе Лемносомъ, Имбросомъ и нѣкоторыми городами Халкидики было полезно потому, что аѳинскій флотъ нуждался въ лѣсѣ Эракии и Македоніи.

Эти колоніи были, главнымъ образомъ, стратегическими пунктами, благодаря чему починъ въ дѣлѣ ихъ основанія не могъ быть предоставленъ частнымъ лицамъ, такъ же какъ нельзя было допустить полной независимости такихъ поселеній. Государство брало на себя устройство клерухій; оно вооружало колонистовъ передъ ихъ отправленіемъ, перевозило, раздавало земельные участки и принимало подъ свое покровительство. Чтобы поддержать тѣсную связь съ метрополіей, имъ оставляли названіе и права аѳинскихъ гражданъ. Конечно, вслѣдствіе отдаленности, всѣ эти маленькіе государства-города достигали извѣстной автономіи, но ихъ внутреннее устройство оставалось точнымъ подражаніемъ государственному строю Аѳинъ.

Колонисты, связанные столькими нитями съ родиной, естественно продолжали подчиняться ея законамъ и постановленіямъ. Однимъ словомъ, эти клерухіи являлись особымъ видомъ Аттики, расположенной внѣ предѣловъ собственно Греціи, и составляли настоящую федерацію колоній.

(Foucart. Mémoires présentés à l'Académie des inscriptions, томъ IX, I-ая часть, стр. 407—409).

11. Дельфійская амфиктіонія.

Дельфійская амфиктіонія не была единственной въ греческомъ мірѣ, но она пользовалась наибольшимъ значеніемъ. Ее составляли двѣнадцать племенъ: ѳессалійцы, фокейцы, доряне изъ Дориды и Пелопоннеса, іоняне изъ Аѳинъ и

іоняне съ Эвбеи или Іоніи, беотійцы, ахеяне изъ Фтіотиды, малійцы, этеяне, перребы и долопы, магнезійцы, эніанцы и локрійцы.

Каждое племя имѣло два голоса. Но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, именно іоняне и доряне, чрезвычайно размножились и раздробились на нѣсколько государствъ, то пришлось раздѣлить также и голоса.

Города получали иногда цѣлый голосъ, иногда половину, а въ иныхъ случаяхъ еще меньшую часть голоса. Іоняне, напримѣръ, имѣли два голоса, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Аѣинамъ, другой—іонянамъ Эвбеи или Азіи. То же самое встрѣчается у дорянъ. Лакедемонъ владѣлъ однимъ изъ двухъ голосовъ, другой же голосъ принадлежалъ прочимъ городамъ Дориды. Остается неизвѣстнымъ, какъ устраивались города, которые получали сообща одинъ голосъ на всѣхъ: избирали ли они вмѣстѣ только одного представителя или же имѣли каждый по четверти или пятой части голоса. Документы не даютъ освѣщенія этого вопроса.

Совѣтъ амфиктіоновъ собирался дважды въ годъ: разъ въ Ѳермопилахъ, другой разъ въ Дельфахъ. Онъ носилъ, главнымъ образомъ, религіозный характеръ: ему принадлежало завѣдываніе богатѣйшимъ храмомъ Аполлона и устройство пифійскихъ игръ.

Кромѣ того, совѣтъ обладалъ извѣстными судебными правами надъ всѣми городами союза; онъ разбиралъ жалобы одного города на другой и налагалъ штрафы. Но, какъ только бывали задѣты какіе-нибудь политическіе интересы, постановленіямъ совѣта переставали подчиняться. Прежде всего, не желали покоряться требованіямъ совѣта, въ которомъ такъ странно распредѣлялись права голосованія, крупныя государства, какъ Спарта и Аѣины. Во-вторыхъ, амфиктіоны не располагали матеріальной силой, а одного нравственнаго вліянія было недостаточно. Имъ удалось сыграть болѣе значительную роль лишь въ IV вѣкѣ, но и то благодаря угодничеству честолубивымъ планамъ Филиппа Македонскаго въ дѣлѣ порабоженія Греціи.

(Foucart. Dict. des antiq., т. I, стр. 235—237).

12. Первый аѳинскій союзъ.

Послѣ сраженій при Саламинѣ, Платеѣ и Микале, аѳиняне рѣшили создать обширный союзъ, который помѣшалъ бы всякому новому наступательному движенію персовъ и былъ бы въ состояніи отнять у нихъ греческіе города Малой Азіи, отогнавъ враговъ подальше отъ береговъ Архипелага. Благодаря военнымъ успѣхамъ Кимона и дипломатіи Аристиды, къ Аѳинамъ примкнули почти всѣ приморскіе города на Эгейскомъ морѣ; такимъ образомъ возникъ союзъ, который является одной изъ самыхъ серьезныхъ попытокъ грековъ создать политическое объединеніе страны.

Средоточіе этого союза, поставленнаго подъ покровительствомъ Аполлона, находилось на священномъ островѣ Делосѣ. Союзъ имѣлъ особый Совѣтъ, который собирался періодически. Каждый городъ обязывался поставлять корабли и солдатъ или дѣлать, взаменъ этого, ежегодные взносы. Цифра общей суммы взносовъ равнялась 460 талантамъ (около 1 мил. 21 тыс. руб.).

Съ теченіемъ времени Делосскій союзъ измѣнилъ свой первоначальный характеръ. Когда союзники замѣтили, что персы перестали держать флотъ въ Архипелагѣ и гарнизоны на его берегахъ, они пришли къ заключенію, что ихъ союзъ отнынѣ бесполезенъ, вслѣдствіе чего союзная связь стала ослабѣвать. Интересъ къ общимъ дѣламъ уменьшился; союзники перестали посылать уполномоченныхъ на Делосъ, начали проявлять больше вялости при выполненіи своихъ обязательствъ, безпрестанно жаловались на ихъ тяжесть и имѣли лишь одно желаніе—освободиться отъ нихъ навсегда. Аѳиняне поддерживали эти стремленія лишь въ той мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало ихъ расчетамъ. Такъ, напримѣръ, казна съ Делоса была перенесена въ Аѳины. Города, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были освобождены отъ корабельной повинности, взаменъ чего обязывались платить извѣстную дань. Союзный Совѣтъ былъ упраздненъ, послѣ чего аѳинскій народъ сталъ править союзомъ безъ контроля, распространивъ на него настоящую государственную власть. Первоначально отдѣльныя

государства были лишь союзниками Аѳинъ, позднѣе они превратились въ подвластные владѣнія. Въ глазахъ аѳинскаго народа взносы союзниковъ сдѣлались налогами, которые Аѳины могли произвольно увеличивать или уменьшать. Аѳиняне считали себя въ правѣ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, даже употреблять на нужды республики, при условіи обезпеченія безопасности союзнымъ государствамъ; при этомъ аѳинскій флотъ существовалъ въ такой же мѣрѣ для защиты союзниковъ отъ внѣшнихъ враговъ, какъ и для того, чтобы держать ихъ въ повиновеніи.

Аѳины дошли до того, что вмѣшивались во внутреннее управленіе городовъ. Стремясь установить въ нихъ демократическій строй, они сочувствовали революціямъ, которыя влекли за собой паденіе аристократической партіи, и даже содѣйствовали этимъ переворотамъ; иногда они вводили новый государственный порядокъ, который поддерживался присылкой гарнизона. Аѳиняне не довольствовались наказаніемъ союзника, виновнаго въ нарушеніи союзнаго договора; они разбирали и преступленія противъ общаго права, по крайней мѣрѣ наиболѣе важныя. Одинъ уроженецъ Митилены, обвиненный въ убійствѣ за предѣлами Аттики, былъ привлеченъ къ суду аѳинскихъ геліастовъ.

Статьи договора, заключеннаго между Аѳинами и Халкидой въ то время, когда послѣдняя вошла въ составъ государства, показываютъ всю обширность возлагаемыхъ на подвластные города обязательствъ. Каждый халкидецъ долженъ былъ принести слѣдующую присягу: „Я не отдѣлюсь отъ аѳинскаго народа путемъ хитрыхъ увертокъ или какой-нибудь продѣлки, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, и не буду слушать того, кто отъ него отдѣлится. Если кто-нибудь будетъ подговаривать сдѣлать это, то я донесу аѳинянамъ. Я обязуюсь платить дань, которая назначается ими послѣ моихъ указаній. Я буду стараться, насколько лишь возможно, быть хорошимъ и вѣрнымъ союзникомъ. Я пойду на защиту аѳинскаго народа, если кто-нибудь причинитъ ему вредъ, и буду оказывать Аѳинамъ повиновеніе“.

Халкидцы имѣли право судить своихъ должностныхъ лицъ, оставившихъ должность. Но въ случаѣ присужденія ихъ

къ изгнанію, атиміи или къ смертной казни послѣдніе могли апеллировать къ суду аѳинскихъ присяжныхъ. Со своей стороны, аѳиняне также принимали на себя обязательства, неопредѣленность которыхъ оставляла, впрочемъ, большую свободу дѣйствій. Совѣтъ и присяжные клялись исполнять слѣдующія постановленія: „Я не буду изгонять халкидцевъ изъ Халкиды и разрушать ихъ городовъ. Не буду присуждать никакое частное лицо къ атиміи или къ изгнанію; не буду лишать свободы, выносить смертный приговоръ, подвергать конфискаціи, не выслушавъ предварительно обвиняемаго, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это будетъ итти въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ аѳинскаго народа. Я не буду ставить на голосованіе ни одно постановленіе, направленное противъ какого-нибудь города или отдѣльнаго лица, безъ предварительнаго разбора дѣла“. (Dittenberger. Sylloge inscr. Graecar., 10).

13. Ахейскій союзъ.

Ахейскій союзъ, достигшій наибольшаго значенія около 190 г. до Р. Х., охватилъ весь Пелопоннесъ. Говорили, что онъ былъ „самымъ совершеннымъ и обладалъ наиболѣе однороднымъ составомъ изъ всѣхъ эллинскихъ союзовъ; онъ сумѣлъ лучше другихъ примирить верховную власть, которую сохраняли различные города въ своемъ внутреннемъ управленіи, съ существованіемъ центральной власти, облеченной дѣйствительными правами“.

Не входя въ подробности его устройства, достаточно будетъ указать, что во главѣ его стоялъ особый Совѣтъ, въ которомъ каждый союзникъ имѣлъ право голоса. Совѣтъ этотъ „направлялъ внѣшнія дѣла союза. Только онъ постановлялъ объявленіе войны или заключеніе мира и новыхъ союзовъ, назначеніе пословъ въ другія страны“; наконецъ, онъ принималъ представителей иностранныхъ властей и давалъ отвѣты на ихъ запросы. Имъ опредѣлялось количество войскъ, которое можно было требовать у союзниковъ, и указывалось ихъ назначеніе. Онъ также завѣдывалъ союзной казной, составленной изъ взносовъ союзниковъ, опредѣлялъ размѣры необходимыхъ креди-

товъ и провѣрялъ отчеты должностныхъ лицъ. Ему принадлежала высшая судебная власть, но область его вѣдѣнія ограничивалась лишь тѣми преступленіями, которыя грозили интересамъ союза.

Необходимо прибавить, что Совѣтъ созывался „черезъ большіе промежутки и на очень короткое время“ и могъ рѣшать всѣ указанные вопросы только послѣ подготовительныхъ совѣщаній союзныхъ должностныхъ лицъ. (Dubois. Les Ligues étolienne et achéenne, стр. 141 и сл.).

Каждый городъ, входя въ составъ союза, „сохранялъ значительную часть независимости. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, которые грозили безопасности союза, каждый изъ нихъ сохранялъ свои законы, должностныхъ лицъ, свою казну и суды. Центральная власть вмѣшивалась въ мѣстныя дѣла лишь въ крайнихъ случаяхъ. Члены союза пользовались даже большою свободой въ сношеніяхъ съ иностранными государствами“. (Тамъ же, стр. 183). „Монета ихъ была одинаковой по вѣсу, пробѣ, цѣнности и виду; но каждый городъ могъ чеканить ее у себя въ извѣстномъ количествѣ, беря на себя расходы и пользуясь доходами, подъ отвѣтственностью своихъ должностныхъ лицъ; доказательствомъ этой отвѣтственности, а также способомъ провѣрки для союзныхъ властей, служилъ особый знакъ и подпись должностныхъ лицъ каждаго города, которые ставились на монетѣ рядомъ съ общимъ знакомъ союза“. (Lenormant. La Monnaie dans l'antiquité, II, стр. 101).

Въ сущности, въ ахейскомъ союзѣ грекамъ болѣе всего удалось установленіе могущественной центральной власти, причемъ составлявшіе этотъ союзъ города не подчинялись исключительному первенству одного изъ нихъ.

Оглавление.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Управление.

	СТР.
1. Основаніе городовъ	1
2. Незначительные размѣры греческихъ государствъ	4
3. Духъ государства-города	5
4. Общественные классы	7
5. Жители Аѣинъ, не входившіе въ разрядъ гражданъ	13
6. Дарованіе правъ гражданства	14
7. Преслѣдованіе гражданина-самозванца	15
8. Пересмотръ списковъ гражданъ	16
9. Гражданинъ	17
10. Порабощеніе гражданина государствомъ	18
11. Общественныя трапезы въ Спартѣ	22
12. Демы и филы	24
13. Любовь къ свободѣ	25
14. Обязанность гражданина защищать національныя учрежденія	26
15. Предпочтеніе, оказываемое правленію средняго класса общества	27
16. Демократическія учрежденія	28
17. Аѣинское Народное Собраніе по изображенію комическихъ по- этовъ	30
18. Засѣданіе аѣинскаго Народнаго Собранія	33
19. Экстренное засѣданіе Народнаго Собранія	35
20. Государственный человѣкъ V вѣка—Периклъ	36
21. Политическій дѣятель IV вѣка—Гиперидъ	37
22. Недостатки аѣинской демократіи	40
23. Совѣтъ въ Спартѣ	41
24. Народное Собраніе въ Спартѣ	42
25. Царская власть въ Спартѣ	43
26. Эфоры	45
27. Борьба партій въ Греціи	47
28. Убійства въ Керкирѣ	48
29. Греческій тираннъ II в. до Р. X.	50

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Правосудіе.

	СТР.
1. Право частной мести	52
2. Аристократическій характеръ суда	54
3. Суды присяжныхъ	55
4. Отсутствіе общественной обвинительной власти	57
5. Сикофанты	58
6. Пытка	60
7. Логографы	61
8. Клятва геліастовъ	62
9. Аѣинскій присяжный по изображенію Аристофана	63
10. Аѣинскій присяжный по описанію ораторовъ	64
11. Засѣданіе присяжныхъ (геліастовъ)	66
12. Захватъ имущества	68
13. Наказаніе за убійство	70
14. Разные виды наказаній	71
15. Смерть отъ цыкуты	73
16. Политическіе процессы	—
17. Процессъ по поводу вѣнка	74

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Налоги.

1. Система налоговъ въ Греціи	76
2. Налогъ на капиталъ	77
3. Косвенные налоги въ Аѣинахъ	78
4. Различные сборы	79
5. Освобожденіе отъ налоговъ въ Кизикѣ	80
6. Національная подписка	81
7. Государственные займы	—
8. Финансовые приемы	83
9. Литургіи	84
10. Хорегія	85
11. Щедрость гражданъ по отношенію къ государству	87

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Войско и флотъ.

1. Патріотизмъ	89
2. Обязанность гражданина защищать свое отечество	91
3. Военная пѣснь VII вѣка до Р. Х.	92

4. Вооруженіе въ гомеровскую эпоху	93
5. Битва въ гомеровскія времена	94
6. Наборъ войска	96
7. Злоупотребленія при наборѣ войска, по свидѣтельству Аристо- фана	100
8. Наемники	101
9. Войско различныхъ родовъ оружія	102
10. Командованіе войскомъ въ Спартѣ	106
11. Командованіе войскомъ въ Аѣинахъ	107
12. Начальникъ наемниковъ	108
13. Жалованье войскамъ	110
14. Порядокъ похода	111
15. Боевая тактика	113
16. Битва при Мараѳонѣ	117
17. Сраженіе при Мантинеѣ въ 418 г.	118
18. Укрѣпленія	119
19. Осада Платеи	123
20. Триера	126
21. Экипажъ корабля	128
22. Триерархія	129
23. Триерархъ на своемъ кораблѣ	130
24. Пирей и аѣинскій флотъ	132
25. Саламинская битва	133
26. Почести, воздававшіяся гражданамъ, погибшимъ за отечество	135

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Международныя отношенія.

1. Третейскій судъ между двумя городами (416 г. до Р. Х.)	137
2. Никіевъ миръ (421 г. до Р. Х.)	—
3. Древній союзный договоръ	139
4. Союзный коммерческій договоръ Македоніи и Халкиды	—
5. Уступка торговой монополіи	140
6. Право частнаго возмездія въ Греціи	—
7. Монетный договоръ	144
8. Проксены	145
9. Греческая колонизація VIII и VII в.в.	146
10. Аѣинскія колоніи V и IV в.в.	148
11. Дельфійская амфиктіонія	149
12. Первый аѣинскій союзъ	151
13. Ахейскій союзъ	153

П. Гир о.
Частная и общественная
жизнь грековъ.

(Историческія чтенія).

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія

Н. И. ДИХАРЕВОЙ.

Содержаніе:

Выпускъ I. — Общія свѣдѣнія. — Семья. — Воспитаніе.

Съ 20-ю рис. Ц. 60 к.

Вып. II. — Частная жизнь (съ 49-ю рис. Ц. 50 к.

Вып. III. — Рабство. — Трудъ и богатство. — Общественная
жизнь. Съ 20-ю рис. Ц. 70 к.

Вып. IV. — Религія. Съ 38-ю рис. Ц. 60 к.

Вып. V. — Управленіе. — Правосудіе. — Палаты. — Войско и
флотъ. — Международныя отношенія. Съ 18-ю рис. . Ц. 90 к.

Вып. VI. — Искусство Ц. 70 к.

*Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи. Пер. съ фр.
А. Серебряковой. — 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Книга I. Предварительныя свѣдѣ-
нія. — Книга II. Аналитическіе процессы. Отд. I. Внѣшняя (подготови-
тельная) критика. — Отд. II. Внутренняя критика. — Книга III. Синтети-
ческіе процессы.

*Мезіеръ. А. На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь. Исто-
рическ. хрестоматія. Съ 55 рис. — 2 р. 50 к.

Содержаніе: Часть I. Московская Русь наканунѣ реформъ.
Отд. I. Какъ жили московскіе государи. — Отд. II. Городъ и деревня въ
Московскомъ государствѣ. — Отд. III. Кѣмъ и какъ управлялось Мос-
ковское государство. — Отд. IV. Исправленіе книгъ и начало раскола. —
Отд. V. Бунтъ Стеньки Разина. Часть II. Эпоха Петра. Отд. I. Царь
Петръ и правительница Софія. — Отд. II. Царь-преобразователь и новая
Россія за работой. — Отд. III. Кто были противники петровскихъ ре-
формъ. — Отд. IV. Смерть Петра Великаго.

*Минье. Исторія французской революціи. Изд. 6-е. Пер. подъ ред.
и съ предисл. К. Арсенева. — 80 к.

*Уч. Комит. М. Н. II. допущены съ учинч. библ. среднихъ учебныхъ заведеній.

Книжный магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ

(С.-Петербургъ, Гороховая, 51)

исполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ про-
дажѣ. Кataloги высылаются по требованію бесплатно.

511

П. Г и р о

ЧАСТНАЯ и ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

Вып. VI

ИЗДАНИЕ ТВА О. Н. ПОПОВОЙ

Статуэтка изъ Танагры.

~~820.~~
~~Г. 50~~ ч. 0 ж. г. 6.
~~028~~ 9(3)
~~Г. 51~~ Г. 571
77

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И. ЛИХАРЕВОЙ

СЪ 33-Ю РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ VI

Пр. 66
Пр. 58

Изданіе Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатерин. кан., 94).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Греческое искусство.

Содержаніе: 1. Археологическія открытія въ Греціи.—2. Одна изъ раскопокъ въ Греціи (на островѣ Делосѣ).—3. Общій видъ греческаго храма.—4. Парфенонъ.—5. Архитектурная полихромія (многоцвѣтность).—6. Первобытная скульптура у грековъ.—7. Раскрашенныя статуи аѳинскаго акрополя.—8. Фидій.—9. Метопъ олимпійскаго храма.—10. Пергамскіе мраморы.—11. Греческая живопись.—12. Полигнотъ.—13. Производство разрисованныхъ вазъ.—14. Описаніе рисунка на вазѣ.—15. Производство терракотовыхъ издѣлій.—16. Танагрскія статуэтки.—17. Золотыхъ дѣлъ мастера въ Микенахъ.—18. Золотыя вазы изъ Вафіо.—19. Ларецъ Кипсела.—20. Драгоцѣнныя украшенія изъ Босфора Киммерійскаго.—21. Рѣзчики монетъ.—22. Гимнъ Аполлону.

1. Археологическія открытія въ Греціи.

Лѣтъ 50 тому назадъ широкая публика и литература нерѣдко относились къ археологу, какъ къ лицу комическому, забавляющему общество своимъ дикимъ и нелѣпымъ вздоромъ. Это было то время, когда Эдмундъ Абу ¹⁾ вывелъ въ своемъ романѣ „Горный король“ („Le roi des Montagnes“) на сцену кроткаго Меринэ, французскаго археолога, члена нѣсколькихъ ученыхъ обществъ. Археологъ останавливается передъ „случайно стоящимъ у дороги небольшимъ памятникомъ изъ раковистаго известняка, вышиною въ 35 сантиметровъ и толщиною въ 22“; несчастный напрягаетъ свой умъ, разбирая никогда не изданную надпись, которая была превосходнымъ образомъ начерчена

¹⁾ Эдмундъ Абу (About)—французскій писатель XIX вѣка.

знаками эпохи расцвѣта. „Если мнѣ удастся разъяснить эту надпись“, говоритъ ученый молодой человѣкъ, „моя судьба будетъ рѣшена. Я сдѣлаюсь членомъ академіи словесныхъ наукъ и археологіи Понтодемера ¹⁾. Но рѣшеніе задачи трудно и требуетъ много времени. Древность ревниво охраняетъ свои тайны. Мнѣ кажется, что я напалъ на памятникъ, относящійся къ Элевсинскимъ мистеріямъ. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, придется искать два толкованія: одно—простое, или демотическое, другое—священное, или іератическое. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы высказали свое мнѣніе“.—„Мое мнѣніе“, отвѣчалъ я, „мнѣніе невѣжды. Мнѣ кажется, что вы просто открыли пограничный камень, множество которыхъ можно встрѣтить вдоль дороги, и что надпись, причинившая вамъ столько огорченія, можетъ быть переведена, безъ всякихъ затрудненій, такъ: Стадій 22, 1851 года“.

На театральныхъ подмосткахъ археологъ изображался не болѣе милостиво, чѣмъ въ романахъ. Въ одной комедіи Лабиша ²⁾ археологія была выставлена въ лицѣ академика изъ города Этампа, который чуялъ римскій духъ на разстояніи ста шаговъ и былъ способенъ найти подъ обыкновенной грушей длинный щитъ, *scutum*, мечъ центуріона, *gladium*,—вещь чрезвычайно рѣдкую, золотые салатники, помѣченные буквами F. C.,—*Fabius Cunctator*, вплоть до слезницы эпохи упадка, которая слишкомъ хорошо была извѣстна, чтобы стоило на ней останавливаться. Можно привести много примѣровъ того, какъ общество понимало тогда археологію. Для нѣкоторыхъ людей археологія была главнымъ образомъ словомъ, труднымъ для написанія.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Намъ перестали интересоваться прежніе длинные, хотя блестящіе, но поверхностные обзоры, ораторскія повѣствованія, общія теоріи и отвлеченныя соображенія. Мы, въ нашъ вѣкъ великихъ научныхъ открытій, приобрѣли мало-по-малу вкусъ къ точ-

¹⁾ Понтодемеръ—провинціальный городъ Франціи.

²⁾ Лабишъ (Labiche)—французскій писатель XIX вѣка.

нымъ научнымъ приѣмамъ и выработаннымъ методамъ изслѣдованій; мы поняли, что изысканія, подвергавшіяся насмѣшкамъ, увеличиваютъ историческія познанія новыми свѣдѣніями; что науки этого рода нельзя считать мертвыми и бесполезными, такъ какъ онѣ даютъ намъ доступъ къ тому, что въ мірѣ является, можетъ быть, самымъ живымъ, т. е. къ сокровеннымъ чувствамъ, къ обычнымъ формамъ мышленія исчезнувшихъ народовъ. Мы убѣдились, что археологія не является исключительно наукой о разбитыхъ черепкахъ, но что это познаніе предметовъ и памятниковъ древности позволяетъ намъ ознакомиться съ однимъ изъ проявленій характера цѣлаго народа, и, пожалуй, самымъ интереснымъ, такъ какъ оно касается его мыслей и нравовъ.

Когда въ 1830 году Отфридъ Мюллеръ ¹⁾ въ первый разъ точно перечислилъ всѣ завоеванія археологіи, исторія древняго искусства представлялась еще очень туманной. Нѣтъ сомнѣній, что еще въ концѣ XVIII вѣка Винкельманъ ²⁾ положилъ начало методамъ археологическихъ занятій въ своей „Исторіи искусства у древнихъ“, вышедшей въ свѣтъ въ 1764 году. Конечно, цѣлый рядъ удивительныхъ подлинныхъ памятниковъ далъ уже возможность ознакомиться съ представленіемъ грековъ о красотѣ, какъ она понималась и воплощалась въ Аѳинахъ. Мраморныя группы Парѳенона, уступленные въ 1816 году Британскому музею лордомъ Эльджиномъ, фигуры Эгинскихъ фронтонъ, послужившія въ 1820 году основой Мюнхенскаго музея, фризы храма Аполлона въ Фигаліи, которыми также обогатился Британскій музей,—всѣ эти памятники уже посвятили ученыхъ и художниковъ во всѣ чудеса до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго искусства.

Но на-ряду съ этими блестящими образчиками. бросающими внезапный свѣтъ на покрытый мракомъ неизвѣстности древній міръ, сколько еще было темныхъ угловъ,

¹⁾ Мюллеръ (Müller Otfried)—нѣмецкій ученый (1797—1840 г.).

²⁾ Винкельманъ (Winckelmann)—нѣмецкій ученый (1717—1768 г.).

куда взоръ едва проникалъ! Если музеи Неаполя, Флоренціи и Рима были полны образцами древняго искусства, то эти произведенія, разной цѣнности и часто изуродованныя неудачной реставраціей, могли дать только приблизительное понятіе о немъ. Кромѣ того, многія изъ этихъ статуй являлись лишь посредственными копіями, которыя выходили массами изъ греческихъ мастерскихъ эпохи упадка для украшенія и заполнения императорскихъ дворцовъ и домовъ богатыхъ римлянъ. Хотя мы тогда уже научились цѣнить стиль Фидіа или Праксителя ¹⁾, но все же первые шаги археологическаго искусства, медленный и трудный переходъ отъ условной принужденности первобытной скульптуры къ великолѣпію и совершенству классиковъ—все это за неимѣніемъ памятниковъ оставалось мертвой буквой. Благодаря изученію храмовъ Пестума въ Италіи, Селинунта и Агригента въ Сициліи и памятниковъ аѳинскаго акрополя, основы греческой архитектуры болѣе или менѣе были тогда уже установлены. Но кто подозрѣвалъ о существованіи древней живописи? Кому приходило въ голову искать въ украшенныхъ фигурами глиняныхъ вазахъ, которыя такъ долго и упорно называли этрусскими вазами, болѣе или менѣе свободное подражаніе древнимъ картинамъ? Кто думалъ о томъ, чтобы уловить въ этихъ рисункахъ, сохранившихся на вазахъ, хоть слабый, но живой отблескъ искусства Полигнота и Апеллеса? ²⁾

Со времени Отфрида Мюллера прошло много лѣтъ, но и онъ самъ счелъ бы теперь, что его трудъ приходится начинать сначала. Всѣ европейскіе народы въ порывѣ благороднаго и плодотворнаго соревнованія оспариваютъ другъ у друга честь извлеченія на свѣтъ осколковъ древняго міра. Англія и Франція, Германія и Австрія, Греція и Италія, даже Америка пожертвовали значительныя суммы для поддержанія этой безкровной войны, гдѣ побѣда, какъ и вездѣ, остается за самымъ настойчивымъ, самымъ счастливымъ, самымъ богатымъ.

¹⁾ Фидій—см. ниже, § 8.—Пракситель—см. § 8, прим. 2.

²⁾ Полигнотъ — см. ниже, § 12.—Апеллесъ — художникъ IV в. до Р. Х.

Съ одной стороны, мы видимъ Шлимана ¹⁾, котораго страсть къ Гомеру влечетъ на мѣста, полныя воспоминаній о Троянской войнѣ; заступъ смѣлаго изслѣдователя открываетъ намъ сокровища микенскаго акрополя, съ его полными золота и драгоценностей гробницами, въ которыхъ покоятся доблестные герои ²⁾. Съ другой стороны, Делось, священный островъ Аполлона, одно изъ самыхъ древнихъ и самыхъ чтимыхъ святилищъ Греціи, далъ намъ послѣ десятилѣтнихъ изысканій болѣе 1500 надписей и цѣлый рядъ образцовъ архаической скульптуры ³⁾. Раскопки Олимпіи открываютъ передъ нашими глазами фигуры, которыми скульпторы V вѣка украшали фронтоны и метопы ⁴⁾ храма Зевса; главнымъ образомъ, онѣ дали намъ прекрасную группу Гермеса и Діониса — подлинное произведеніе Праксителя, въ которомъ во всемъ блескѣ проявляется удивительное искусство аѣинскаго художника ⁵⁾.

Древній тиринѣскій акрополь, изслѣдованный Шлиманомъ, возстановилъ намъ дворецъ древнѣйшей эпохи Греціи. Изъ скалы аѣинскаго акрополя случай помогъ извлечь (въ 1882 году) цѣлый рядъ статуй, погребенныхъ въ теченіе многихъ вѣковъ у подножья Парѣенона и представшихъ передъ нами во всемъ блескѣ сохранившихся красокъ, въ обаяніи прелести первобытнаго творчества. Раскопки, которыя французская школа производитъ въ настоящее время въ Дельфахъ, съ каждымъ днемъ открываютъ множество

¹⁾ Шлиманъ (1822—1890 г.)—нѣмецкій археологъ, первый приступившій къ раскопкамъ древней Трои.

²⁾ Между 1871 и 1890 г.г. Шлиманъ произвелъ раскопки въ Гиссарлыкѣ, гдѣ была расположена древняя Троя, въ Микенахъ, Тиринѣ, въ Орхоменѣ и на Итакѣ. (*Прим. автора*).

³⁾ Раскопки ученаго М. Nomolle на Делосѣ отъ 1877 до 1880 года. (*Прим. автора*).

⁴⁾ Фронтоны и метопы—см. ниже, § 4.

⁵⁾ Раскопки были предприняты въ Олимпіи въ 1829 г. французскимъ архитекторомъ Абелемъ Блуэ (Abel Blouet); несмотря на то, что онѣ длились всего нѣсколько недѣль, онѣ были весьма плодотворны. Съ 1875 по 1881 г. нѣмецкая археологическая комиссія сдѣлала полное изслѣдованіе страны. (*Прим. автора*).

памятниковъ, драгоцѣнныхъ для изученія эллинскихъ архитектуры, скульптуры и даже музыки ¹⁾).

Малая Азія также открываетъ передъ нами свои сокровища. Въ то время, какъ раскопки могильныхъ кургановъ Гиссарлыка возрождаютъ передъ нами развалины Трои, находки Ньютона въ храмѣ Аполлона Дидимійскаго (1858 г.) обнаруживаютъ колоссальныя статуи, которыя украшали священныя аллеи Бранхидовъ ²⁾). Благодаря милетскимъ раскопкамъ (1871—73 г.г.) Лувръ получаетъ части святилища Аполлона. Британскій музей обогащается кусками статуй Артемиды Эфесской и Афродиты Книдской. Мавзолей, найденный Ньютономъ въ Гиссарлыкѣ (1856 г.), даетъ намъ возможность ознакомиться съ аттическимъ стилемъ IV вѣка и какъ бы проникнуть въ одинъ изъ тѣхъ небольшихъ азіатскихъ дворовъ, представлявшихъ собой настоящія артистическія колоніи Греціи, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли искусства и цивилизація Эллады. Феллоусъ (Fellows) вывезъ изъ живописной Ликии для Британскаго музея любопытные памятники Акрополя въ Ксанѣ; приблизительно черезъ полъ-столѣтія австрійская экспедиція произвела тамъ новыя раскопки, которыя обогатили Вѣнскій музей фризомъ Гель-Баши (1882 г.). Наконецъ, нѣмецкія раскопки въ Пергамскомъ акрополѣ ³⁾, можно сказать, совершенно обновили исторію греческаго искусства II вѣка и извлекли на свѣтъ произведенія всѣхъ скульпторовъ, которые составляли свиту Атталидовъ ⁴⁾ и которые придавали много блеска этому ученому, артистическому и просвѣщенному двору.

Но какъ будто бы для того, чтобы дать намъ возможность, несмотря на столько открытій, еще болѣе оцѣнить свободное разнообразіе въ удивительномъ развитіи грече-

¹⁾ Онѣ начались въ октябрѣ 1892 года. (*Прим. автора*).

²⁾ Бранхиды — члены рода, завѣдывавшаго оракуломъ въ Дидимѣ.

³⁾ Съ 1869 года. (*Прим. автора*).

⁴⁾ Атталиды — пергамскіе цари, потомки Аттала I, правившіе въ III—II в. до Р. Х., покровители искусствъ и наукъ.

скаго искусства, изъ мрака некрополей Танагры и Мирины ¹⁾ выходить новая Греція. Это уже не та нѣсколько важная и суровая Греція, которая любила изображать своихъ героевъ и боговъ, а Греція, которая веселится и смѣется и которая, снизойдя съ высокихъ вершинъ идеала до простоты земной жизни, вмѣсто величественнаго благородства героическихъ произведеній съ свободной задушевностью занимается жанровыми сюжетами. Заступъ рабочаго пробудилъ отъ сна въ могилахъ Малой Азіи цѣлый мірокъ изящныхъ и кокетливыхъ статуэтокъ знатныхъ и простыхъ дамъ древности съ вздернутыми носами, съ вычурной и капризной прической; эти статуэтки по своей любезной непринужденности и совершенно современному виду напоминаютъ скорѣе прелестныя фантазіи французовъ XVIII вѣка, чѣмъ эллинскія произведенія IV вѣка.

(Diehl. Excursions archéologiques en Grèce. Введение).

2. Одна изъ раскопокъ въ Греціи (на островѣ Делосѣ).

Въ одно прекрасное утро 1876 г. меня вызвалъ къ себѣ г. Дюмонъ, директоръ французской школы въ Аѣинахъ, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не желалъ ли бы я произвести раскопки. Я принялъ это предложеніе безъ малѣйшаго колебанія. 1.328 франковъ 25 сантимовъ (около 505 руб.)—вотъ вся та сумма, которая была предназначена на раскопки острова Делоса. Но Дюмонъ не былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ только помечтать о великихъ вещахъ. Ему казалось лучше получить деньги путемъ успѣшной постановки предпріятія, чѣмъ выпрашивать ихъ обѣщаніями.

Сама исторія острова ясно указывала намъ программу нашихъ изысканій. Прежде всего надо было найти и откопать храмъ Аполлона, изслѣдовать его и опредѣлить его окружность. Затѣмъ слѣдовало перейти къ торговымъ

¹⁾ Изслѣдованіе могилъ въ Танагрѣ (въ Беотіи) началось съ 1872 г. Насчитывается болѣе 8000 открытыхъ могилъ. О Миринѣ см. вып. II, стр. 73, прим. (Прим. автора).

помѣщеніямъ, такъ какъ эти два пункта были средоточіемъ античной жизни: храмъ и рынокъ должны были соприкасаться, потому что ярмарки расцвѣли подъ сѣнью святилища, а храмъ обогатился отъ приношеній, жертвуемыхъ торговцами. Признаки торговой дѣятельности и благочестія древнихъ грековъ бросались въ глаза уже на поверхности почвы: плотина, набережная, бассейны, гранитные столбы магазиновъ, мраморныя колонны храмовъ и портиковъ, подножія статуй; а найденныя въ разныхъ мѣстахъ надписи говорили еще болѣе яснымъ языкомъ.

Но это не все. У грековъ, жившихъ на этомъ островѣ, былъ въ употребленіи не только культъ Аполлона, а потому необходимо было отыскать и другіе храмы. Иностранцы, принося своихъ боговъ, возводили для нихъ святилища; узкая терраса длиною въ 100 метровъ, расположенная на склонѣ Кинескаго холма, была заполнена развалинами храмовъ, приписывавшихся Серапису, Изидѣ, Анубису, Гарпократу и Афродитѣ, богинѣ сирійской. Остатки архитектурныхъ произведеній на берегу священнаго озера свидѣтельствовали о существованіи другихъ памятниковъ. На склонѣ холма возвышались массивныя стѣны театровъ; развалины на равнинѣ означали мѣстоположеніе античной гимназіи. Затѣмъ по всей поверхности острова то въ одиночку, то группами были разсыпаны древнія жилища; хотя стѣны и были наполовину разрушены, однако вышина ихъ достигала иногда отъ трехъ до четырехъ метровъ. Такимъ образомъ, передъ нами предсталъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ мало до тѣхъ поръ изученный греческій домъ. Планы дома и внутреннее расположеніе его, живописныя и мозаичныя украшенія греческихъ жилищъ, почти неизвѣстныя до того времени, сдѣлались теперь доступны изученію.

Было бы бесполезнымъ преувеличеніемъ сказать, что выполненіе этой программы не встрѣчало никакихъ препятствій и что едва стоило нагнуться, чтобы найти все нужное. Прежде всего, трудно было имѣть жилье на этомъ островѣ, такъ какъ онъ былъ необитаемъ въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ времени посѣва и жатвы, когда пастухи и земледѣльцы ищутъ только временнаго убѣжища въ жалкихъ,

трязныхъ, почти не защищающихъ отъ вѣтра хижинахъ. Если бы мы предвидѣли напередъ, что намъ придется пробыть здѣсь такъ долго, то, вѣроятно, съ самаго же начала выстроили бы себѣ домъ и, быть можетъ, даже завели бы посѣвы; но мы всегда чувствовали себя какъ бы на отлетѣ и берегли наши столь скромныя средства для лучшаго примѣненія. Кромѣ того, въ наше распоряженіе было предоставлено до появленія ближайшей эпидеміи зданіе лазарета на сосѣдномъ островѣ Ринеѣ.

Нѣкоторое затрудненіе представлялъ также и вопросъ о пропитаніи. Ни на Делосѣ, ни на Ринеѣ не было ничего. У меня былъ сосѣдъ на Ринеѣ, нѣкто Базилісъ, но онъ не всегда былъ расположенъ продавать продукты даже за хорошую цѣну. Однажды онъ не согласился продать мнѣ курицу подъ предлогомъ, что она несла яйца. Тогда я попросилъ его продать яйца. „Но вѣдь изъ яицъ выходятъ куры“, сказалъ онъ и захлопнулъ дверь. Приходилось питаться консервами. Хлѣбъ и свѣжіе продукты мы получали изъ ближайшаго города Микона. Все это было бы прекрасно, если бы не нужно было переѣзжать на лодкѣ по морю, которое не всегда позволяло намъ возобновлять наши припасы. Много разъ приходилось ѣсть заплѣсневѣлый хлѣбъ или выпрашивать его у рабочихъ и матросовъ. Я съ благодарностью вспоминаю объ одномъ бифштексѣ, который предложилъ мнѣ командиръ французскаго корабля *le Sané*, и о нѣсколькихъ бутылкахъ вина, которыя адмиралъ русскаго флота Кремеръ велѣлъ, безъ нашего вѣдома, положить на дно нашей лодки. Мы были не менѣе чувствительны и къ нравственнымъ удовольствіямъ, которыя испытывали, видя флаги нашихъ національныхъ цвѣтовъ, получая новости, разговаривая на родномъ языкѣ и приходя хотя бы на мгновеніе въ соприкасаніе съ отечествомъ и культурнымъ міромъ.

Хотя мы все время работали лѣтомъ, климатъ на островѣ былъ умѣренный. Этимъ мы обязаны были сѣвернымъ вѣтрамъ, дующимъ тамъ непрерывно съ конца іюня до начала сентября. За исключеніемъ нѣсколькихъ безвѣтрныхъ дней, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно мучи-

тельныхъ, мы страдали отъ жары меньше, чѣмъ въ иные дни во Франціи. Мы могли бы только восхвалять вѣтеръ, если бы онъ, освѣжая воздухъ, не подымалъ бурное волненіе и противныя теченія. Намъ постоянно приходилось переплывать море: утромъ, когда мы ѣхали на работу, и вечеромъ, возвращаясь домой или отправляясь то за провизіей, то для найма рабочихъ; при этомъ приходилось пользоваться нашей утлой лодченкой. Волны брызгали намъ въ лицо, захлестывали въ лодку воду, которую мы съ трудомъ успѣвали вычерпать, и промачивали насъ до костей. Разъ въ открытомъ морѣ волны вырвали у меня руль; другой разъ вѣтеръ сломалъ мачту, выбросилъ насъ на голую скалу, едва не разбивъ вдребезги.

Въ Миконѣ, кромѣ свѣжихъ припасовъ, мы получали всѣхъ нашихъ рабочихъ. Несмотря на дурную славу людей сварливыхъ, которою жители Микона пользовались въ древности и которая осталась за ними до сихъ поръ, они проявляли покорность и даже преданность. За исключеніемъ одной попытки къ стачкѣ, сейчасъ же подавленной, работы въ теченіе пяти лѣтъ протекали мирно и безъ повышенія заработной платы.

Надсмотрщики, которыхъ, по греческому закону, обязаны имѣть всѣ производящіе раскопки, не всегда были просвѣщенными и любезными людьми. Эти поистинѣ всемогущія лица, исполняя на раскопкахъ роль полиціи и контролируя веденіе работъ, могли въ любой моментъ остановить ихъ. Между тѣмъ, эта обязанность была возложена на одного матроса, не имѣвшаго занятій, но находившагося въ родствѣ съ какимъ-то министромъ. Этотъ чловѣкъ прежде занималъ мѣсто гребца на какомъ-то каикѣ, а потому именовалъ себя капитаномъ; онъ былъ чловѣкомъ грубымъ, всецѣло преисполненнымъ сознанія своего достоинства, и едва умѣлъ читать. Я освободился отъ него безъ особаго труда послѣ перваго же скандала, такъ какъ министръ въ это время смѣнился. Тогда меня наградили другимъ начальникомъ, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ полною противоположностью первому, такъ какъ отличался мягкостью, покорностью, уживчи-

востью и любезностью. Дѣло съ нимъ вести было не только легко, но и пріятно; къ несчастью, онъ заболѣлъ лихорадкой. Видя, какъ онъ дрожалъ отъ озноба, я закуталъ его своимъ плащомъ и заплатилъ за его проѣздъ, такъ какъ его кошелекъ былъ пустъ. Вскорѣ я получилъ письмо, наполненное... благословеніями. Благодарность — монета настолько рѣдкая, что ею стоитъ довольствоваться. Его смѣнилъ поэтъ, горячій сторонникъ соціалистическихъ реформъ. Онъ, видя мою холодность къ его стихамъ и теоріямъ, заявилъ мнѣ черезъ посредство жандармеріи о прекращеніи раскопокъ. Послѣ столькихъ передрагъ я имѣлъ право на награду. Я нашелъ ее въ лицѣ г. Каввадіаса, человѣка любезнаго и ученаго. Не всѣмъ выпадаетъ такое счастье; но въ настоящее время всѣ греческіе надсмотрщики — люди воспитанные, а часто даже образованные.

Теперь, когда всѣ эти непріятности уже въ прошломъ, было бы даже, пожалуй, жаль, если бы ихъ совсѣмъ не пришлось претерпѣть: онѣ носили скорѣе юмористическій, чѣмъ трагическій, характеръ и были для насъ школой терпѣнія и дипломатіи. Въ общемъ онѣ послужили для насъ къ лучшему и ничѣмъ не повредили раскопкамъ. Кромѣ того, сколько наслажденій доставляла намъ эта свободная жизнь на открытомъ воздухѣ, подъ самымъ прекраснымъ въ мірѣ небомъ, на берегу сверкающаго моря, среди нѣсколькихъ изящныхъ островковъ, которые вызывали тысячи поэтическихъ воспоминаній!

Но самое лучшее заключалось въ постоянномъ возбужденіи отъ дѣятельности, въ непрерывной борьбѣ съ препятствіями, въ горячемъ нетерпѣніи сдѣлать открытіе, въ постоянной неожиданности отъ неизвѣстнаго, въ радости успѣховъ, которые такъ часто увѣнчивали наши усилія. (H. melle. Conférence faite au Trocadéro le 30 juin 1889).

3. Общій видъ греческаго храма.

Храмъ обыкновенно строился на возвышенности, составлявшей акрополь, на уступахъ скалъ, какъ въ Сиракузахъ, или, какъ въ Аѣинахъ, на невысокой горѣ, которая явля-

лась первоначальнымъ убѣжищемъ и мѣстонахожденіемъ города. Храмъ можно было видѣть со всѣхъ концовъ равнины и со всѣхъ холмовъ. Корабли, съѣзжаясь въ гавань, привѣтствовали его издали. Въ прозрачномъ воздухѣ онъ ярко вырисовывался весь цѣликомъ. Онъ не былъ, какъ средне-вѣковый соборъ, зажатъ и стиснутъ рядами домовъ, за-прятанъ, наполовину закрытъ, недоступенъ для взоровъ, за исключеніемъ подробностей и верхнихъ частей. Смотра на греческій храмъ, можно было охватить глазами его основаніе, стѣны, всю его массу и всѣ размѣры. Не надо было догадываться о цѣломъ по какому-нибудь кусочку. Бросается въ глаза также соотвѣтствіе между зданіемъ и мѣстоположеніемъ его.

Греки, не желая нарушать ясности впечатлѣнія, строили свои храмы небольшихъ или даже малыхъ размѣровъ. Изъ греческихъ храмовъ только два или три достигаютъ величины современныхъ церквей ¹⁾. Въ Греціи нельзя встрѣтить ничего подобнаго огромнымъ памятникамъ Индіи, Вавилона или Египта съ ихъ громоздящимися одинъ на другой дворцами, съ лабиринтомъ ходовъ, съ безчисленнымъ количествомъ оградъ, залъ и колоссовъ, которые своимъ множествомъ повергаютъ въ концѣ концовъ человѣка въ смущеніе и безпокойство. Онъ не былъ похожъ также и на гигантскіе христіанскіе соборы, которые давали подъ своими сводами убѣжище цѣлому городу: если даже эти церкви стояли на возвышеніи, глазъ не могъ обнять ихъ цѣликомъ, такъ какъ очертанія ускользали отъ взора, и общая гармонія чувствовалась только на планѣ. Греческій храмъ былъ не мѣстомъ собраній, а частнымъ жилищемъ какого-нибудь бога, помѣщеніемъ для его изображенія, мраморнымъ ковчегомъ, въ которомъ стояла одна-единственная статуя. Направленіе и сочетаніе его главныхъ линій можно было охватить взоромъ уже въ ста шагахъ отъ священной ограды.

Храмы эллиновъ такъ просты, что однимъ взглядомъ

¹⁾ Напримѣръ, храмъ Зевса въ Селинунтѣ, который былъ 50 метровъ шириной и 110 длиной. (*Прим. автора*).

можно понять общій ихъ характеръ. Въ зданіи не было ничего сложнаго, вычурнаго, вымученнаго. Онъ представлялъ собой четырехугольникъ, окруженный рядомъ колоннъ, и совмѣщалъ три или четыре элементарныя геометрическія фигуры, подчеркнутыя симметричностью ихъ расположенія, повтореніемъ и противоположеніемъ другъ другу.

Между частями храма есть такая же связь, какъ и между органами живого тѣла. Греки нашли эту связь. Они установили архитектурный модуль, которымъ опредѣлялась высота колонны по ея діаметру, а отсюда вытекалъ ея стиль, разстояніе между колоннами и общее расположеніе зданія ¹⁾. Грубая правильность математическихъ формъ была умышленно нарушена эллинами, чтобы удовлетворить сокровеннымъ требованіямъ глаза. Они съ помощью искуснаго изгиба дѣлали колонну толще на двухъ третяхъ ея высоты. Всѣ горизонтальныя линіи дѣлались у нихъ выпуклыми. Эллины освободились отъ стѣсненій механической симметріи: плоскости и углы у нихъ скрещивались, разнообразились, перегибались. Это придавало архитектурной геометріи гармонію, изящный, разнообразный, неожиданный видъ, неуловимую гибкость жизни, нисколько не уменьшая общаго впечатлѣнія массъ. Поверхность зданія была покрыта у нихъ въ высшей степени изящной сѣтью живописныхъ и скульптурныхъ украшеній, при чемъ общее впечатлѣніе массы зданія нисколько не уменьшалось. Во всемъ этомъ съ оригинальностью ихъ вкусовъ можно сравнить только чувство мѣры. Греки сумѣли соединить два какъ будто бы взаимно исключаютія другъ друга свойства: необычайную роскошь и необычайную умѣренность.

¹⁾ Вышина колонны Парѳенона равна двѣнадцати ея радіусамъ или модулямъ (взятымъ при основаніи). Разстояніе между колоннами составляетъ $2\frac{2}{3}$ модуля; высота капители—1 модуль; высота антаблемента (см. ниже, стр. 23. прим. 3)—половину высоты колонны. Въ различныя эпохи пропорціи измѣнялись; такъ, въ одномъ старинномъ коринѣскомъ храмѣ (VII вѣка) вышина колонны равнялась почти 8 модулямъ. Измѣненія происходили и въ зависимости отъ стиля: въ іоническомъ стилѣ колонны имѣли въ вышину отъ 16 до 18 модулей, тогда какъ въ дорическомъ онѣ гораздо менѣе вытянуты. (Прим. автора).

Архитектурное искусство въ Греціи отличалось здоровьемъ и жизненностью. Для греческаго храма не приходилось, какъ для готическаго собора, содержать цѣлый поселокъ каменщиковъ, которые постоянно должны были бороться съ его непрекращающимся разрушеніемъ. Для поддержки его сводовъ онъ не нуждался во внѣшнихъ контрфорсахъ; не нужна была также и желѣзная оправа, которой въ готическомъ соборѣ поддерживались изумительныя сооруженія сквозныхъ колоколенъ и прикрѣплялись къ стѣнамъ поразительныя по сложности рисунка, какъ бы кружевныя, украшенія и хрупкія филигранныя сооруженія изъ камня. Греческій храмъ былъ созданіемъ яснаго разума, а не изощренной фантазіи. Онъ строился для долгаго существованія и не нуждался въ постоянной поддержкѣ. Если бы грубость и фанатизмъ людей не способствовали уничтоженію греческихъ храмовъ, они были бы еще почти всѣ цѣлы. Пестумскіе храмы продолжаютъ свое существованіе въ теченіе 23 вѣковъ. Парѳенонъ былъ разбитъ пополамъ только вслѣдствіе взрыва порохового погреба. Въ томъ случаѣ, когда греческій храмъ предоставленъ самому себѣ, онъ продолжаетъ стоять и не подвергается разрушенію; это—слѣдствіе его прочнаго основанія: его масса не обременяетъ его, а, напротивъ, способствуетъ поддержанію.

Къ этой мощности надо прибавить непринужденность и изящество. Назначеніе греческаго храма—не только продолжительность существованія, какъ въ египетскихъ постройкахъ. Тяжесть матерьяла не подавляетъ его; онъ развивается, развѣтывается, выпрямляется подобно прекрасному тѣлу атлета, въ которомъ сила сочетается съ изяществомъ и спокойствіемъ. Взгляните также на его украшенія: какое впечатлѣніе откровенной и здоровой южной жизнерадостности производятъ на глазъ всѣ эти золотыя щиты, усыпавшіе, какъ звѣзды, архитравъ храма, золотыя пьедесталы на фронтонѣ, блиставшія на солнцѣ львинныя головы, золотыя и иногда эмалевыя украшенія, извивавшіяся по капителямъ, малиновая, красная, синяя, желтая, зеленая штукатурка всевозможныхъ яркихъ и блеклыхъ оттѣнковъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на всѣ ба-

рельефы, статуи фронтоновъ, метоповъ и фризовъ, въ особенности — на колоссальную фигуру во внутренней целлѣ, на всѣ эти скульптурныя произведенія изъ мрамора, слоновой кости и золота, всѣ тѣла героевъ или боговъ, которыя въ глазахъ грека являлись образами, исполненными мужественной силы, атлетическаго совершенства, воинственной добродѣтели, благородной простоты и ненарушимаго спокойствія, — и у васъ получится понятіе о греческомъ гени и греческомъ искусствѣ ¹⁾.

(Taine. Philosophie de l'art, II, стр. 150—156).

4. Парѳенонъ ²⁾.

Греческій храмъ не былъ мѣстомъ собраній; онъ служилъ какъ бы оболочкой для статуи божества, которому въ немъ и поклонялись. Это назначеніе храма опредѣляло и размѣры его. Они какъ разъ равнялись величинѣ футляра находившагося въ немъ идола или только слегка превышали его. Въ наиболѣе древнихъ храмахъ и во многихъ, принадлежащихъ позднѣйшей эпохѣ, целла — средняя, покрытая часть храма — отличается необычайно малыми размѣрами. Такой знаменитый храмъ, какъ Эрехтейонъ, равняется 10 метрамъ ширины и 19 длины, причемъ эти 19 метровъ внутри раздѣляются на 3 отдѣльныя помѣщенія.

Внутренній наосъ Парѳенона занимаетъ приблизительно

¹⁾ Болѣе или менѣе значительныя развалины греческихъ храмовъ находятся въ Аѳинахъ (Парѳенонъ, Тезейонъ. Эрехтейонъ, храмъ Безкрылой Побѣды), на Суніѣ. въ Элевсинѣ, Эгинѣ. Коринѣѣ, Дельфахъ, Немеѣ, Олимпіи, Милетѣ, Пріенѣ. Пестумѣ, Сиракузахъ. Селинунтѣ. Агригентѣ, Сегестѣ и проч. (*Прим. автора*).

²⁾ Парѳенонъ, или храмъ Дѣвственности, былъ построенъ въ честь богини Аѳины въ дни правленія Перикла, въ половинѣ V-го вѣка. Его строителями были архитекторы Иктинъ и Калликратъ. Онъ былъ выстроенъ въ дорическомъ стилѣ. Во времена византійскаго владычества онъ служилъ христіанской церковью, турки же обратили его въ мечеть. Когда Аѳины въ 1687 г. были осаждены венеціанцами, то одна бомба упала въ устроенный въ Парѳенонѣ пороховой погребъ, и половина зданія была взорвана на воздухъ. Въ началѣ XIX столѣтія лордъ Эльджинъ взялъ часть его скульптурныхъ украшеній, которыя и перешли въ собственность Британскаго музея. (*Прим. автора*).

30 метровъ въ длину и 19 въ ширину ¹⁾, но это пространство вовсе не предназначалось для собранія толпы народа. Кромѣ небольшихъ размѣровъ внутренняго, закрытаго пространства, еще болѣе характерной чертой греческихъ храмовъ являлось соотношеніе ихъ вышины съ высотой идола. Статуя въ вышину безъ копыя равнялась 45 футамъ, а до крыши наоса было не болѣе 55 футовъ. Подобное же соотношеніе частей наблюдалось и въ Олимпіи. Фидій сдѣлалъ своего Зевса такимъ большимъ, что „если бы онъ всталъ, то“, по словамъ Страбона ²⁾, „пробилъ бы крышу“.

Греческій храмъ представлялъ собой не только футляръ для идола,—онъ служилъ также сокровищницей и музеемъ. Дѣйствительно, въ первоначальной своей формѣ идолъ не былъ статуей; онъ игралъ роль приношенія богамъ и дѣлался въ видѣ драгоценной вещи, талисмана, обладающаго магической силой. Вполнѣ естественно было прятать вмѣстѣ съ нимъ въ каменный ящикъ и другія національныя сокровища. Поэтому целла раздѣляется на три части. Задняя ея половина, опистодомъ, обращается въ хранилище общественной казны; самый наосъ, или святилище, въ известной мѣрѣ дѣлается какъ бы кладовой казначейства. Тутъ сохранялись различныя металлическія издѣлія, въ опистодомѣ же былъ складъ металлическихъ денегъ. Всѣ золотыя украшенія легко снимались со статуи, и Перикль помѣщаетъ ихъ въ разрядъ тѣхъ средствъ, которыми Республика можетъ располагать въ случаѣ надобности ³⁾. Наосъ, кромѣ того, служилъ для складыванія всѣхъ драгоценныхъ предметовъ, совершенно такъ же, какъ ризница—для склада церковной утвари и священныхъ украшеній, лампадъ, подсвѣчниковъ, чашъ, курильницъ. Въ Пареенонѣ хранились: золотыя и серебряныя чаши, золотыя вѣнки, щиты, шлемы и золоченые мечи, серебряная вызолоченная маска, грифы,

¹⁾ Все зданіе въ длину равняется 68,9 метровъ, а въ ширину 30,47; высота его до верха фронтона составляетъ 17,93 метровъ. (*Прим. автора*).

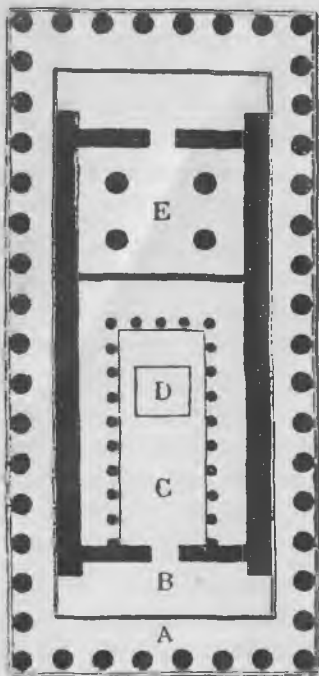
²⁾ Страбонъ—см. вып. I, стр. 97, прим.

³⁾ Золото со всей статуи вѣсило 1152 килограмма (стоимость его—около 1.330.000 руб.). (*Прим. автора*).

золотыя змѣиныя головы, лвыныя головы, статуя молодой дѣвушки на колоннѣ, складныя сидѣнья, статуи изъ слоновой кости, всевозможныя лиры, хіосскія и милетскія головы, колчаны изъ слоновой кости и т. д. Пронаосъ Эрехтейона также былъ увѣшанъ картинами, а въ его cellae хранились: складное сѣдалище, произведеніе Дедала; латы Масистія, предводителя конницы въ битвѣ при Платеѣ; мечъ Мардонія¹⁾... Приношенія и реликвіи буквально наводняли Дельфійскій храмъ—въ такой мѣрѣ эти храмы не были предназначены играть роль собранія вѣрующихъ. Греки не думали, что они нарушаютъ уваженіе къ богинѣ, покровительницѣ города, тѣмъ, что складываютъ вокругъ нея предметы роскоши и произведенія искусства, пожертвованныя по обѣту: вещи эти напоминали о славѣ города и служили какъ бы доказательствомъ его величія.

Храмъ, наконецъ, разсматривался еще съ третьей стороны: онъ былъ какъ бы священнымъ ковчегомъ, гдѣ все устраивалось такъ, чтобы идолъ являлся передъ вѣрующимъ въ наиболѣе выгодномъ положеніи.

Зданіе Парѣенона было открыто сверху, т. е. въ его потолокъ имѣлось отверстіе, черезъ которое проникалъ свѣтъ: лучи падали, какъ въ нашихъ музеяхъ. Когда передъ процессіей, желающей поклониться богинѣ, отворялась дверь, и занавѣсъ, закрывавшій статую, подни-

Планъ Парѣенона.

А — Перистиль. В — Пронаосъ.
С — Навъ или цѣла. D — Статуя
Афины. Е — Описитодомъ.

¹⁾ Дедалъ — см. вып. IV. стр. 99, прим.—Битва при Платеѣ (во время греко-персидскихъ войнъ въ 476 г. до Р. Х.—Мардоній—персидскій полководецъ, предводительствовавшій въ этой битвѣ персидскимъ войскомъ).

мался или падалъ, Аѳина представала передъ зрителями во весь свой гигантскій ростъ, окруженная какъ бы сіяніемъ славы. Всѣ рельефныя ея части выступали въ своей мощной лѣпкѣ. Голова изъ драгоценныхъ камней сіяла, золото сверкало, слоновая кость казалась мягкой, статуя какъ бы теплилась настоящей и вмѣстѣ съ тѣмъ идеальной жизнью. Обаяніе этого образа создавалось благодаря соединенію великолѣпія и фантастичности ¹⁾).

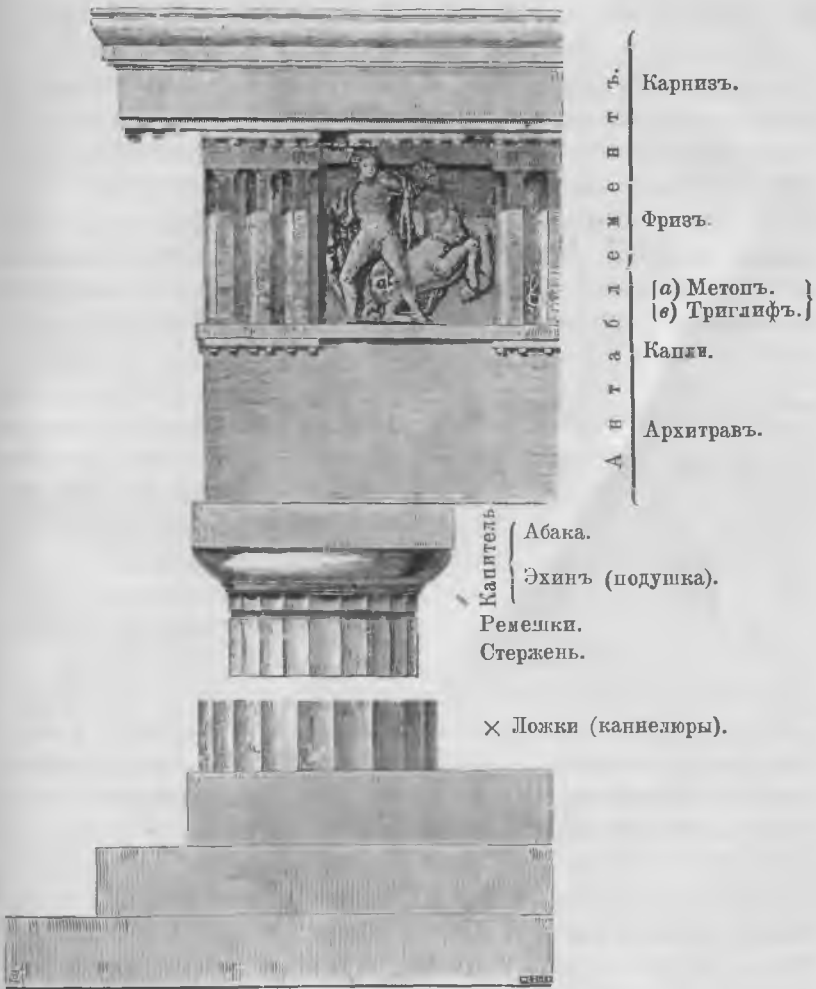
Целла раздѣлялась внутренней колоннадой ²⁾ на три части или корабля; средній корабль былъ немного шире пьедестала статуи; такимъ образомъ, главное назначеніе этой части состояло, повидимому, въ томъ, чтобы направлять взоръ зрителя и дать возможность статуѣ появляться какъ бы изъ глубины. Роль средняго корабля лучше всего объясняется, если сравнить его съ трубой стереоскопа. Поэтому и самая колоннада была устроена такъ, чтобы создавать извѣстный эффектъ перспективы. Она была двухъ-этажная; сначала это кажется не вполне объяснимымъ, такъ какъ никакой галлерей на уровнѣ второго этажа не было. Подобное устройство существуетъ также въ Пестумѣ и Эгинѣ. Оно не имѣло служебнаго характера, но этимъ приспособленіемъ хотѣли создать извѣстную иллюзію отчасти умственного, а отчасти оптическаго характера. Художникъ понималъ, что статуя будетъ казаться выше, если ее окружить не очень высокимъ, но двухъэтажнымъ сооруженіемъ. Такимъ путемъ создавалось не вполне соответствующее дѣйствительности впечатлѣніе большей величины статуи, а благодаря этому величіе божества должно было выиграть.

Паллада была олимпійской богиней, а вмѣстѣ съ тѣмъ она была богиней-гражданкой, доступной и привѣтливой. Поэтому ей стремились придать видъ мощи безъ преувеличенія, великолѣпія—безъ напыщенности, и величія—безъ

¹⁾ Ученый Рушо (Rouschaud) думаетъ, что статуя была защищена отъ дождя и солища „системой драпировокъ, которыя замѣняли отсутствовавшую крышу“. (*Прим. автора*).

²⁾ Она состояла изъ 21 колонны и двухъ угловыхъ столбовъ; быть можетъ, между ними были устроены занавѣски. (*Прим. автора*).

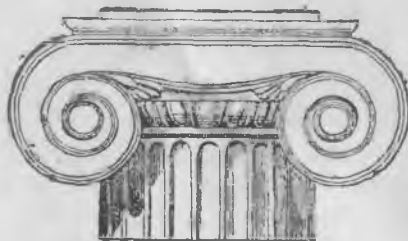
таинственности, чтобы изображеніе явилось поистинѣ достойнымъ этого могущественнаго и близкаго гражданамъ

Дорическій стиль.

божества, обитавшаго въ храмѣ. Эта цѣль была достигнута средствомъ въ такой же мѣрѣ простымъ, какъ и дѣйствительнымъ. Оно состояло въ выдѣленіи внѣшней колон-

нады ¹⁾). Въ небольшихъ по размѣрамъ, а также, вѣроятно, въ древнихъ храмахъ передъ взорами зрителей на первомъ планѣ воздвигалась стѣна святилища. Единственной преградой между людьми и божествомъ являлась тонкая перегородка. Впослѣдствіи художникъ удваиваетъ эту преграду; онъ дѣлитъ ее на двѣ части, отодвигаетъ одну отъ другой на значительное разстояніе такъ, какъ въ деревѣ отдѣляютъ кору отъ сердцевины. Простой ковчегъ онъ обращаетъ въ ковчегъ съ двойной оболочкой. Назначеніе внутренней оболочки было укрывать священное изображеніе, дѣлая его доступнымъ для взоровъ только въ извѣстные часы; внѣшняя ограда играла роль какъ бы передового поста и окружала его своей блистательной и торжественной свитой.

Капитель іонійскаго стиля.

Внѣшняя колоннада была похожа на медленно двигавшуюся процессію, которая сдѣлала остановку на своемъ пути. Между колоннами были устроены промежутки, которые давали возможность видѣть стѣны целлы. Спереди и въ задней части храма колоннада удваивается, не заслоня тѣмъ не менѣе двери, открывавшейся прямо противъ статуи. Она создаетъ только впечатлѣніе блеска и величія, но нисколько не напоминаетъ ограды. Какъ это не походитъ на семь сплошныхъ стѣнъ индусской пагоды со все уменьшающимися въ высоту дверями по мѣрѣ приближенія къ совершенно сдавленному святилищу, гдѣ скорчившись сидитъ ужасный богъ! Въ Греціи богиня нисколько не стремится спрятаться; наоборотъ, она появляется передъ людьми, и высокія колонны, облитыя свѣтомъ, какъ бы остановившіяся въ своемъ шествіи, напоминаютъ первый рядъ процессіи, которая сво-

¹⁾ Внѣшняя колоннада имѣла 46 колоннъ: по 17 съ боковыхъ сторонъ и по 8—съ фасадовъ (считая угловыя колонны по два раза). Между колоннами обоихъ фасадовъ и стѣною целлы было еще 6 колоннъ. *Прим. автора.*

бодно приближается со всѣхъ сторонъ къ національному Генію.

Это не все. Зданіе храма носитъ въ такой же мѣрѣ религиозный характеръ, какъ политическій и общественный. Оно играетъ роль не только казнохранилища и кладовой. Въ извѣстной степени храмъ является и ратушей свободнаго города. Договоры съ иностранными народами заключаются именно здѣсь, и онъ замѣняетъ собой помѣщеніе архива. Въ храмахъ останавливались при проѣздѣ черезъ города государи и знатныя особы. По словамъ Плутарха, Агесилая ¹⁾ во время своихъ путешествій жилъ въ храмахъ, а аѳиняне предоставили для жилья Димитрію ²⁾ опистодомъ Парѳенона. Очевидно, вдохновеніе архитектора, строившаго зданіе, и скульптора, украшавшаго его, коренилось скорѣе въ патріотическомъ, чѣмъ въ чисто религиозномъ чувствѣ. Національный и городской энтузіазмъ, воспоминанія о славномъ прошломъ города — вотъ что занимало ихъ помыслы и побуждало къ творчеству.

Это породило глубокую идею, наложившую свой особый отпечатокъ на антаблементъ ³⁾ греческаго храма. Архитекторъ дѣлилъ зданіе на двѣ части: въ цѣллѣ, находящейся внизу, онъ придавалъ политической мысли религиозную форму. Городъ олицетворялся въ единомъ господствующемъ образѣ, который возбуждалъ идею поклоненія, жертвы и молитвы. Фризъ целлы отражалъ тотъ же самый характеръ: на немъ изображены были главнѣйшія церемоніи культа. Наверху же, въ антаблементѣ, во всемъ блескѣ представляли создатели національной гордости — великіе предки, прославившіе отечество; такимъ образомъ, этотъ своего рода героическій музей возвышается надъ храмомъ, посвященнымъ религіи, и вѣнчаетъ его. И если

¹⁾ Агесилай — спартанскій царь IV в. до Р. Х.

²⁾ Димитрій Поліоркетъ — македонскій полководецъ конца IV и начала III в. до Р. Х. Онъ былъ сыномъ знаменитаго полководца Александра Македонскаго — Антигона, завладѣвшаго послѣ смерти Александра частью его державы.

³⁾ Антаблементъ (надстолпіе) — верхняя, горизонтальная часть храма, состоящая изъ архитрава, фриза и короны (карниза).

художникъ пустилъ въ ходъ все свое искусство, чтобы въ цѣлѣ взоры прямо падали на статую Аѳины, то, равнымъ образомъ, онъ постарался привлечь глаза зрителя и къ верхнимъ частямъ антаблемента.

Возьмите, напримѣръ, внѣшнюю колоннаду. Колонна имѣетъ только одно правдоподобное назначеніе: служить поддержкой и тѣмъ самымъ привлекать вниманіе къ опирающимся на нее частямъ. Она направляетъ мысль и взоръ къ тѣмъ частямъ зданія, которыя поддерживаетъ. Для того, чтобы она лучше достигала этой цѣли, художникъ лишилъ ее базы. По его мнѣнію, если бы колонна была завершена съ обоихъ концовъ—внизу базой, а сверху капителю,—то она представляла бы сама по себѣ нѣчто законченное, какъ бы отдѣльное маленькое сооруженіе, по которому глазъ скользилъ бы съ одного конца до другого, прежде чѣмъ перейти на что-нибудь иное. Болѣе того, вдоль стержня колонны архитекторъ продѣлываетъ желобки, представляющіе какъ бы многочисленные каналы, по которымъ скользитъ взоръ; онъ оставляетъ капитель, которая, нисколько не задерживая взора, ведетъ послѣдній по кривой линіи къ архитраву.

Здѣсь для зрителя въ первый разъ представляется возможность отдохнуть и сосредоточиться. Архитравъ—не промежуточный пунктъ, а станція. Глазъ тутъ на мгновеніе задерживается и спокойно блуждаетъ по этой широкой бѣлой полосѣ, гдѣ никакое украшеніе не возбуждаетъ и не утомляетъ его ¹⁾. Затѣмъ взоръ съ удовольствіемъ и жадностью охватываетъ героическій музей, слѣдовавшій непосредственно за архитравомъ. Именно здѣсь была помѣщена художникомъ изумительная діадема изъ легендъ, облеченныхъ въ скульптурную форму. Въ промежуткахъ между триглифами онъ помѣстилъ воинственные эпизоды ²⁾,

¹⁾ Къ концу IV вѣка до Р. Х. къ архитраву восточнаго фасада стали прикрѣплять золоченные щиты. (*Прим. автора*).

²⁾ На девяноста двухъ метопахъ, которые перемежаются съ триглифами, представлены: на восточной сторонѣ—война боговъ съ титанами; на южной—битва центавровъ съ лапитами и аѳиняне, идущіе съ Тезеемъ на помощь Пиріею; на западной сторонѣ—борьба Тезея

а на фронтонахъ были изображены великія сказанія о происхожденіи націи ¹⁾. Для этой проникнутой торжествующимъ настроеніемъ легенды барельефа было недостаточно, такъ какъ можно было опасаться, что фигуры въ силу своей отдаленности останутся незамѣченными: надо было устроить такъ, чтобы онѣ выступали впередъ и гордо выдѣлялись. Поэтому сцены соперничества Посейдона и Аѣины, битвы лапитовъ и центавровъ,

Фронтонъ эгинскаго храма Аѣины.

аѣинянь и амазонокъ были изображены въ видѣ сильно выпуклыхъ фигуръ, ярко выступающихъ на красномъ фонѣ метоповъ и фронтона и отѣненныхъ еще сильнѣе блескомъ металлическихъ пластинокъ. На фризѣ целлы хуся амазонками; на сѣверной—разрушеніе Трои, причемъ въ этомъ изображеніи находятся нѣкоторые намеки на персидскія войны. Луврскій музей обладаетъ головой лапита и однимъ полнымъ метопомъ (центавръ, похищающій женщину). (*Прим. автора*).

¹⁾ На двухъ фронтонахъ были изображены: съ одной стороны—рожденіе Аѣины, а съ другой—побѣда ея надъ Посейдономъ. (*Прим. автора*).

дожникъ изобразилъ болѣе спокойный сюжетъ—процессію Панаѳиней, такъ какъ тутъ ему пришлось имѣть дѣло съ болѣе интимной частью зданія ¹⁾). Вотъ почему художникъ прибѣгъ здѣсь къ барельефу. На внѣшнемъ фризѣ онъ дѣлаетъ фигуры совершенно отдѣлившимися отъ фона, подобно статуямъ, и пользуется яркой и многоцвѣтной окраской.

Если бы въ настоящее время пришлось искать мѣста для возведенія церкви, то его выбрали бы на уровнѣ города, среди домовъ, на какой-нибудь широкой улицѣ; доступъ къ ней постарались бы сдѣлать легкимъ, такъ какъ современная церковь является мѣстомъ собраний и молитвъ, а потому важно, чтобы вѣрующему было удобно

Процессія Панаѳиней (фризъ Парѳенона).

проникать въ нее. Греческій же храмъ не имѣлъ цѣли служить ни мѣстомъ стеченія народа, ни ежедневнымъ убожищемъ для молитвъ отдѣльныхъ лицъ, которыя искали для этого тишины и полумрака. Въ Греціи частный челоувѣкъ совершалъ моленія и жертвоприношенія богамъ у

¹⁾ Этотъ фризъ украшалъ верхнюю часть стѣны целлы надъ внѣшней колоннадой. Тамъ изображалась процессія Панаѳиней: „длинный рядъ всадниковъ, колесницъ, жертвенныхъ животныхъ, которыхъ вели на алтарь, женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, несшихъ принадлежности жертвоприношенія, и т. п. Особенно прекрасны были лошади. По найденнымъ слѣдамъ гвоздей можно сдѣлать заключеніе, что узды и сбруя (теперь исчезнувшія) были металлическія“. (S. Reinach). Основная часть этого фриза находится теперь въ Лондонѣ, а нѣсколько обломковъ—въ Луврѣ. (Прим. автора). Относительно процессіи Панаѳиней см. вып. IV, стр. 57.

себя дома. Къ храму онъ приближался почти всегда только какъ членъ народа, въ публичныхъ процессіяхъ. Парѣнонъ являлся, такъ сказать, праздничнымъ зданіемъ; его главнѣйшимъ назначеніемъ было служить центромъ при торжественныхъ національныхъ праздникахъ, въ которыхъ онъ составлялъ часть обстановки.

Въ то же время Парѣнонъ былъ казначействомъ, въ немъ сохранялись общественныя деньги. Онъ былъ загроможденъ также произведеніями искусства и драгоценными вещами. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ,

Процессія Панаѳиней (фризъ Парѣнона).

мѣстоположеніе храма безъ всякихъ неудобствъ могло находиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ населенной части города. Кромѣ того, необходимо было держать его подъ защитой въ случаѣ какихъ-либо нападеній. Акрополь со своей неприступной вершиной, со своими стѣнами и широкой, пригодной для процессіи лѣстницей былъ въ высшей степени удобнымъ мѣстомъ для потребностей культа. Греки искали для своихъ храмовъ господствующаго и бросающагося въ глаза мѣстоположенія по тѣмъ же мотивамъ городского патріотизма, какіе руководили средневѣковыми людьми при постройкѣ готическихъ соборовъ, при-

ковывавшихъ взоръ путника уже издали. Аѳинскому гражданину хотѣлось, чтобы его храмъ можно было видѣть отовсюду, лишь поднявъ кверху глаза; чтобы житель Эгины съ завистью смотрѣлъ на него съ береговъ своего пришедшаго въ упадокъ острова; чтобы мореплаватель, который проходилъ близъ Саламина, созерцалъ его, какъ картину, нарисованную на лазурномъ фонѣ, и, унося въ своемъ умѣ этотъ блестящій образъ, проникался идеей мощи и величія Аѳинъ. И въ виду всего этого также естественнымъ мѣстоположеніемъ Парѳенона долженъ былъ явиться Акрополь, такъ какъ оттуда храмъ господствуетъ надъ городомъ, окрестностями и надъ моремъ ¹⁾.

(По сочиненію Boutmy. Philosophie de l'architecture en Grèce, стр. 163 и сл.).

5. Архитектурная полихромія (многоцвѣтность).

Въ настоящее время употребленіе разноцвѣтной окраски (полихроміи) при украшеніи греческихъ храмовъ никѣмъ не отрицается ²⁾, но относительно свойствъ и сочетаній примѣнявшихся греками цвѣтовъ существуетъ разногласіе.

Глазированныя или раскрашенныя терракотовыя издѣлія, находящіяся въ такомъ большомъ числѣ въ палермскомъ и олимпійскомъ музеяхъ, воспроизводятъ, повидимому,

¹⁾ Авторъ этой книги не можетъ вполне согласиться со всѣми замѣчаніями ученаго Бутми, на основаніи сочиненія котораго составлена настоящая статья. Замѣчанія эти кажутся автору чрезчуръ прямолинейными. Во-первыхъ, не вполне точно предполагается раздѣленіе храма на двѣ части: одну, предназначенную для богини, а другую—для національныхъ героевъ, такъ какъ мы видимъ, что прославленію Аѳины отведено такъ же много мѣста на фронтонѣ и на метапахъ, какъ и въ целлѣ. Кромѣ того, Бутми обращаетъ слишкомъ мало вниманія на чрезвычайно распространенную въ настоящее время теорію, которая объясняетъ расположеніе греческаго храма старинными привычками къ прежнимъ деревяннымъ постройкамъ. Относительно этой теоріи см. В е u l é. Histoire de l'art grec avant Périclès, первая часть, глава I. (*Прим. автора*).

²⁾ Объ этомъ фактѣ высказывалъ догадки еще ученый Quatremère de Quincy въ 1815 г., но Гитторфъ (Hittorff) въ 1831 г. сдѣлалъ его предположеніе уже несомнѣннымъ. (*Прим. автора*).

типичную окраску греческихъ зданій. Цвѣта, которые на нихъ встрѣчаются наиболѣе часто, слѣдующіе: молочно-бѣлый, черный, темно-красный, желтый. На нѣкоторыхъ древнихъ постройкахъ также найдены слѣды раскраски.

Въ дорическихъ храмахъ триглифы были раскрашены темносинимъ цвѣтомъ; на метопахъ фономъ для разноцвѣтныхъ орнаментовъ, бронзовыхъ украшеній и барельефовъ служила красная краска. Наконецъ, планка или *тавѣла*, расположенная подъ триглифами, выше архитрава, была выкрашена въ темно-красный цвѣтъ. Въ другихъ частяхъ зданія система окраски отличалась, повидимому, большимъ разнообразіемъ. Такимъ образомъ, архитравъ Парѳенона, какъ и въ храмѣ Зевса Олимпійскаго, былъ бѣлый; онъ расцвѣчивался только прикрѣпленными къ нему золочеными щитами, которые соединялись между собой металлическими буквами и меандрами ¹⁾ по бѣлому фону; между тѣмъ въ эгинскомъ храмѣ на архитравѣ до сихъ поръ сохраняются слѣды красной краски. О раскрашиваніи колоннъ намъ ничего неизвѣстно, и кромѣ пальмовыхъ листьевъ на капителяхъ Пестумскаго храма нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно полихроміи капители и стержня дорической колонны. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, гипсъ и мраморъ въ храмѣ были покрыты сплошь красками, не исключая колоннъ и скульптуры метоповъ и фронтоновъ. Другіе, наоборотъ, полагаютъ, что какъ колонны, такъ и скульптурныя части на фронтонѣ и метопахъ должны были сохранять свой бѣлый цвѣтъ и что менѣе пестрая окраска храма больше соотвѣтствовала духу эллинскаго генія.

Впрочемъ, у насъ имѣется довольно много образцовъ полихроміи, примѣняемой къ бѣлой рѣзной работѣ. Въ Олимпіи симусъ ²⁾ храма Зевса былъ покрытъ пальмовыми листьями, цвѣтная окраска которыхъ выдѣлялась на бѣлизнѣ самого мрамора, и если львиныя головы этого си-

¹⁾ Меандръ—орнаментъ, состоящій изъ прямыхъ линій, перестѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ и подъ различными углами.

²⁾ Симусъ—гусекъ, доска, поднимающаяся надъ карнизомъ (корной), имѣющая водосточные желоба и заканчивающаяся львиной головой.

муса были разноцвѣтными, мраморъ все-таки виднѣлся повсюду. Рѣзныя украшенія отлива вообще покрывались краской. Самый отливъ оставался бѣлымъ или былъ украшенъ такъ называемыми греческими орнаментами по бѣлому полю. Быть можетъ, для украшенія тимпановъ на фронтонахъ, капель (*guttae*) триглифовъ и зубчатыхъ зарубокъ (*mutuli*) ¹⁾ употреблялась позолота, которая служила также фономъ для скульптурныхъ или живописныхъ украшеній метоповъ.

Иногда полихромія получалась благодаря соединенію матеріаловъ, имѣющихъ окраску различныхъ тоновъ, какъ, напримѣръ, золото и слоновая кость въ статуяхъ.

Примѣненіе бронзы также, повидимому, происходило очень часто. Такъ, барельефы метоповъ отдѣлялись орнаментами изъ золоченой бронзы; на фронтонныхъ статуяхъ часто можно видѣть впадины, указывающія, что нѣкоторыя подробности костюмовъ, щиты, копья и проч. были металлическими. На углахъ фронтоновъ сверкали бронзовые пьедесталы, а на архитравахъ были прикрѣплены вызолоченные бронзовые щиты.

Эти замѣчанія справедливы какъ по отношенію къ внутренней, такъ и по отношенію къ внѣшней сторонѣ зданія. Яркость красокъ въ архитектурѣ еще болѣе увеличивалась благодаря оружію, украшавшему архитравы и плафонъ, мраморнымъ и металлическимъ статуямъ, столамъ, треножникамъ, вызолоченнымъ вазамъ и драпировкамъ. О томъ, каково было великолѣпіе нѣкоторыхъ святилищъ, свидѣтельствуетъ обиліе произведеній искусствъ, которыми, по словамъ Павсанія ²⁾, они были завалены. Внутреннее пространство было занято статуями, портретами и чрезвычайно богатой мебелью, на стѣнахъ же располагались изображенія мифологическихъ сценъ и событій, въ которыхъ божество играло главную роль.

Ионическіе памятники менѣе изучены, но и они также хранятъ многочисленные слѣды раскраски. Въ Пріенѣ. Галикарнассѣ, Эфесѣ и Дидимѣ примѣнялись, кажется, только

¹⁾ См. рис. на стр. 21.

²⁾ Павсаній—см. вып. II, стр. 61, прим. 1.

два цвѣта: синій блеклаго оттѣнка и матовый темно-красный. При употребленіи этихъ цвѣтовъ существовали опредѣленные правила. Выпуклые орнаменты, ярко освѣщавшіеся солнцемъ, окрашивались въ синій цвѣтъ; красный же цвѣтъ предназначался главнымъ образомъ для тѣхъ частей, которые оставались въ тѣни, напримѣръ, нижняя сторона отливовъ и глубина выпуклостей. Плоскія части карниза, фриза и архитрава, ложбинки завитковъ, стержень и базы колоннъ оставались бѣлыми. Въ іоническихъ зданіяхъ, какъ и въ Эрехтейонѣ, золото употреблялось для глазка и стрѣлокъ завитковъ и для украшеній, извивавшихся по скульптурнымъ работамъ, съ цѣлю привлечь къ нимъ большее вниманіе.

Таковы общія основы полихроміи изученныхъ до настоящаго времени іоническихъ и дорическихъ храмовъ. На мраморѣ нѣкоторыхъ архитравовъ и на штукатуркѣ съ внутренней и внѣшней сторонъ зданія найдены слѣды орнаментовъ. Это служитъ указаніемъ, что изящные рисунки занимали иногда большія бѣлыя поверхности архитрава, фриза и карниза и придавали всему зданію еще болѣе пестрый видъ. Вѣроятно, эти рисунки были болѣе многочисленны внутри храма и на портикахъ; они состояли изъ завитковъ пальмовыхъ листьевъ, различныхъ сплетеній, меандровъ, греческихъ орнаментовъ и т. д. По формѣ и цвѣту они, повидимому, имѣли большое сходство съ украшеніями разрисованныхъ вазъ.

(Laloux. L'Architecture grecque, стр. 127 и сл.).

6. Первобытная скульптура у грековъ.

Въ настоящее время ребенокъ, не приступившій еще къ ученію, въ силу наслѣдственности, а также благодаря вліянію тѣхъ изображеній, которыя онъ находитъ вокругъ себя, съ ранняго возраста проявляетъ больше умѣнья въ передачѣ живыхъ формъ, чѣмъ взрослые греки въ древнѣйшія первобытныя времена. Въ наиболѣе старинныхъ идолахъ человѣческія формы скорѣе только намѣчались, чѣмъ изображались на самомъ дѣлѣ. Распредѣляя въ извѣстномъ

порядкѣ осколки, можно въ концѣ концовъ усмотрѣть намекъ на человѣческую фигуру даже въ тѣхъ найденныхъ въ Троѣ мраморныхъ кускахъ, которые были отнесены въ формѣ скрипки. Дѣйствительно, этотъ намекъ тамъ есть, и человѣкъ, сдѣлавшій статую, изобразилъ по-своему голову, шею и торсъ, но не сдѣлалъ рукъ и ногъ. Это намѣреніе яснѣе выражается въ другомъ памятникѣ того же происхожденія, на этотъ разъ сдѣланномъ изъ кости. Здѣсь различныя части тѣла намѣчены уже менѣе несовершеннымъ образомъ. Хотя конечностей еще нѣтъ, но тѣ

Первобытные идолы.

мѣста, гдѣ прикрѣпляются руки, обозначены небольшими бугорками по обѣимъ сторонамъ бюста.

Переходъ къ группѣ идоловъ, происхожденіе которыхъ ученые относятъ къ островамъ Архипелага, совершенно незамѣтенъ. Всѣ или почти всѣ эти статуи даютъ одинъ и тотъ же типъ: это—женщина, изображенная спереди, со скрещенными руками на груди. Тяжеловѣсность и наивность исполненія вызываютъ улыбку; тѣмъ не менѣе, можно замѣтить нѣкоторый шагъ впередъ. Въ самыхъ древнихъ изъ этихъ изображеній ноги тѣсно соприкасаются одна съ другой, а руки будто приклеены къ тѣлу. Фигура предста-

вляеть собою какъ бы силуэтъ, вырѣзанный изъ тонкой мраморной дощечки. Тѣло сдѣлано плоскимъ; но соотношеніе различныхъ частей соблюдено довольно хорошо, за исключеніемъ слишкомъ большой и заостренной кверху головы и чрезчуръ длинной шеи. Даже сзади намѣчены общія очертанія формъ. Когда мастеръ сталъ болѣе довѣрять себѣ самому, онъ попытался разъединить ноги; но при подобной работѣ онъ могъ расколотъ мраморъ. Нѣкоторыя статуэткы свидѣтельствуютъ о такихъ опасеніяхъ: нижнія

Первобытные идолы.

конечности остались у нихъ соединенными на заднемъ фонѣ, который и виденъ между ногами.

Съ теченіемъ времени перестали бояться этой опасности. Имѣются статуэткы, ноги которыхъ раздвинуты, а руки не притиснуты къ туловищу; въ нихъ уже чувствуется инстинктивное стремленіе къ реализму и желаніе представить въ преувеличенномъ видѣ основныя черты строенія человѣческаго тѣла. Въ рядѣ статуэтокъ, найденныхъ близъ Спарты, это стремленіе проявляется еще опредѣленнѣе и съ настойчивостью, которая переходитъ уже

въ тяжеловѣсность. Одна изъ фигуръ, повидимому, приняла сидячую позу, но намъ неизвѣстно, произошло ли это вслѣдствіе недостатка искусства скульптора, или онъ дѣйствительно хотѣлъ изобразить сидящую фигуру, и при статуэткѣ раньше было какое-то сѣдалище.

Возможно, что эти статуэтки были раскрашены. Краски большою частью исчезли съ нихъ, потому что не были закрѣплены достаточно прочно, но все же слѣды раскраски такихъ мраморныхъ фигурокъ иногда сохраняются и до сихъ поръ. Такъ, на одной головѣ глаза выкрашены черной краской, на носу и на лбу виднѣются красныя линіи, верхняя часть черепа обведена круглой чертой, и лицо лучше отполировано, чѣмъ другія части тѣла. Тутъ должна была быть коричневая краска, покрывавшая лицо. Быть можетъ, всѣ указанныя подробности свидѣлствуютъ, что у этихъ народовъ, какъ и у всѣхъ дикарей, былъ обычай татуироваться, или раскрашивать лицо и нѣкоторыя другія видимыя части тѣла.

(Perrot. Histoire de l'art dans l'antiquité, VI, стр. 737 и сл.).

7. Раскрашенные статуи аѳинскаго акрополя.

Въ 1886 г. на аѳинскомъ акрополѣ нашли 14 женскихъ статуй, изображавшихъ, по всей вѣроятности, жрицъ или благочестивыхъ женщинъ. Онѣ еще блистали разноцвѣтной раскраской, устоявшей противъ разрушительнаго вліянія многихъ вѣковъ. Эти статуи были свидѣтельницами персидскаго вторженія. Воины Ксеркса ¹⁾ свергнули ихъ съ пьедесталовъ и изуродовали; во время большихъ работъ, предпринятыхъ Кимономъ ²⁾, онѣ были благоговѣйно собраны и вмѣстѣ съ другими обломками, оставшимися послѣ ухода азіатскихъ народовъ, погребены въ насыпяхъ, которыя должны были служить основаніемъ для будущихъ построекъ въ акрополѣ. Между всѣми этими статуями есть извѣстное фамильное сходство; онѣ воспроизводятъ одинъ и тотъ же типъ стоящей женщины: лѣвая нога ея немного выдвинута впе-

¹⁾ Ксерксъ—персидскій царь, совершившій нападеніе на Грецію въ 480 г. до Р. Х.

²⁾ Кимонъ—см. вып. I, стр. 52, прим.

редъ, какъ при ходьбѣ, рука согнута, вытянутая кисть изображаетъ жестъ приношенія, другая рука опущена внизъ, немного отдалена отъ тѣла и придерживаетъ складки хитона. Эти изображенія не только даютъ намъ возможность судить о женскомъ греческомъ костюмѣ VI вѣка до Р. Х., но и знакомятъ насъ въ точности съ тѣмъ, какими правилами руководились тогда при раскрашиваніи мраморныхъ произведеній. Въ моментъ открытія статуи отличались удивительно яркими красками, которыя потомъ поблекли и потускнѣли отъ свѣта. Раскраска одежды съ ея принадлежностями и прически производилась условными цвѣтами, въ которыхъ преобладали красный и синій, но встрѣчались также въ извѣстной мѣрѣ черный и золотой. Общимъ правиломъ было красить волосы и губы въ красный цвѣтъ; дуга бровей и края рѣсницъ обводились черною чертой; зрачокъ также дѣлался чернымъ, а радужная оболочка обозначалась краснымъ кружкомъ вокругъ зрачка; слѣдовъ же окраски самаго тѣла на статуяхъ обнаружено не было. Что касается костюма, то сплошь покрывался краской только одинъ хитонискъ, причемъ это явленіе можно наблюдать только на статуяхъ, гдѣ хитонискъ почти сплошь закрытъ гиматіономъ. Въ этихъ случаяхъ онъ синій съ красными украшеніями у ворота и на нижнемъ борту. На хитонѣ и гиматіонѣ художникъ намѣтилъ только бордюры и мелкіе узоры ¹⁾. Рисунки эти сначала были начерчены рѣзцомъ, а потомъ обведены кистью. Они изображали такъ называемые греческіе орнаменты, клѣтки, пунктиры, вѣнчики цвѣтовъ и цвѣты съ лепестками, расположенными въ видѣ звѣзды. Отсюда видно, что эта скромная раскраска совсѣмъ не была похожа на сплошное окрашиваніе всей статуи. Окраской здѣсь пользовались не для того, чтобы создать иллюзію дѣйствительности: она преслѣдовала только одну цѣль—оттѣнить работу скульптора переливами яркихъ и веселыхъ цвѣтовъ, подчеркнуть подробности и обратить большее вниманіе на частности. Поверхности, которыя должны были оставаться

¹⁾ Хитонъ—длинное одѣяніе; хитонискъ—родъ шерстяной вязаной большими петлями фуфайки, которую надѣвали на хитонъ; гиматіонъ—большая шаль. (*Прим. автора*).

бѣлыми, натирались воскомъ или масломъ, чтобы уничтожить блестящую и твердую бѣлизну мрамора и придать ему болѣе мягкій, слегка янтарный оттѣнокъ и тотъ нѣжный и спокойный блескъ, который напоминалъ слоновую кость.

Женскія лица поражаютъ насъ одной особенностью: у нихъ скошенные глаза, а на губахъ блуждаетъ улыбка, приподымающая углы рта и придающая лицамъ насмѣшливый и ироническій видъ. Если кому-нибудь придетъ фантазія заняться анализомъ этой улыбки, которой аттические скульпторы придали какую-то странную прелесть, то для объясненія ея можно исчерпать всѣ тонкости языка. Но въ ней не слѣдуетъ искать утонченности чувствованій, которая была чужда духу древнихъ грековъ. Въ улыбкѣ этой нѣтъ ни загадочности, ни таинственности. „Она отличалась“, говоритъ одинъ изслѣдователь (Heuzeu), „неестественностью и была однимъ изъ тѣхъ условныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ художникъ стремился придать больше очарованія чело-вѣческой красотѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, эти женщины были самыя простыя смертныя: разодѣтыя въ праздничныя одежды, онѣ пріобрѣли жеманный видъ и, желая понравиться божеству, неловко улыбались ¹⁾.

(По сочиненію Collignon. Histoire de la sculpture grecque, т. I, стр. 340 и сл.).

8. Фидій ²⁾.

Фидій родился въ Аѣинахъ между 490 и 485 годами до Р. Х. Отецъ его былъ скульпторомъ, а братъ живописцемъ. Онъ самъ сначала занимался живописью, но призваніе влекло его къ скульптурѣ. Его учителями были аѣинянинъ Гегій и аргіецъ Агелаидъ.

¹⁾ Одна изъ этихъ статуй изображена въ вып. II, стр. 21.

²⁾ Главными греческими скульпторами были: Архермъ (около 600 г. до Р. Х.), Феодоръ (VI в.), Антеноръ (конецъ VI в.), Онатъ, Агелаидъ, Каламидъ, Пифагоръ, Пэоній, Алкаменъ, Миронъ (первая половина V в.), Поликлетъ, Фидій (середина V в.), Пракситель, Скопась, Эвфраноръ (IV в.), Лизиппъ (середина IV в.), пергамская и родосская школы (III и II вѣка). Надо замѣтить, что многіе изъ этихъ скульпторовъ были въ то же время и архитекторами. (Прим. автора).

Первымъ его произведеніемъ, о которомъ до насъ дошла вѣсть, была статуя изъ золота и слоновой кости, находившаяся въ Палленѣ, въ храмѣ Аѣины. Около 460 г. онъ сдѣлалъ группу, которая была предназначена аѣинянами, какъ пожертвованіе, въ дельфійскій храмъ въ память о Мараѳонской битвѣ. Въ этой группѣ находился цѣлый рядъ фигуръ, имена которыхъ сообщены намъ Павсаніемъ. Это были: Аѣина, Аполлонъ и герой Мараѳона—Мильтіадъ; затѣмъ шли легендарные герои: Тезей, Филевсъ—миѳическій предокъ фамиліи Кимона, одинъ изъ аттическихъ царей, Кодръ, и, наконецъ, герои-эпонимы ¹⁾ аѣинскихъ филъ: Эрехтей, Кекропсъ, Пандіонъ, Леонъ, Антиохъ, Эгей и Акантъ. Имѣется еще сообщеніе о слѣдующихъ статуяхъ того же художника: Аѣина аррейская, сдѣланная для одного платейскаго храма; Афродита-Уранія—для аѣинскаго святилища; бронзовое изображеніе Аполлона по прозванію „Истребитель саранчи“ (Ραγπορίος); Гермесъ-Пронаосъ ²⁾ [въ Оивахъ и эфесская амазонка, которую Лукіанъ ³⁾ считаетъ выдающимся произведеніемъ этого художника.

Благодаря Кимону, Фидій принялъ участіе въ работахъ по украшенію акрополя и сдѣлалъ на общественный счетъ, въ память участія аѣинянъ [въ борьбѣ грековъ противъ персовъ, колоссальную статую. Это была Аѣина-Промяхосъ (Πρόμαχος) ⁴⁾. Гребень шлема и наконечникъ копья этой статуи, какъ говоритъ Павсаній, можно было видѣть съ открытаго моря, какъ только огибали мысъ Суній. Тѣмъ не менѣе она была, повидимому, въ вышину не болѣе 9 метровъ вмѣстѣ съ пьедесталомъ. Если судить по монетамъ, воспроизводящимъ Аѣину-Промяхосъ, она не имѣла воинственнаго вида. Она стояла въ неподвижной позѣ, одѣтая въ двойную тунику, которая ниспадала прямыми правильными складками, и держала въ правой рукѣ копье; тупой конецъ этого копья упирался въ землю, остріе его нахо-

¹⁾ Герои-эпонимы—см. вып. III, стр. 59, прим. 2.

²⁾ Пронаосъ (πρόναος)—находящійся передъ храмомъ.

³⁾ Лукіанъ—см. вып. I, стр. 30, прим.

⁴⁾ Промяхосъ—сражающаяся впереди

дилось на одномъ уровнѣ съ головой богини. Рука ея была продѣта за ремень щита. Она устремляла свой взоръ къ сѣверной сторонѣ акрополя, какъ будто созерцаая городъ. Въ общемъ видѣ статуи былъ спокойный и суровый. По сообщенію историка Зосима ¹⁾, при осадѣ акрополя готами около 400 г. по Р. Х., варвары пришли въ ужасъ, видя вооруженную богиню, которая какъ бы возстала съ цѣлью отразить ихъ.

Около 451 г. Фидій поѣхалъ въ Олимпію, чтобы приступить тамъ къ изготовленію статуи Зевса изъ золота и слоновой кости. Онъ взялъ съ собою своего брата, живописца Панэна, и своего ученика Колота, человѣка опытнаго во всѣхъ работахъ по металлу. Статуя имѣла въ вышину 14 метровъ вмѣстѣ съ основаніемъ и была помѣщена въ глубинѣ целлы. Передъ пьедесталомъ полъ былъ вымощенъ чернымъ мраморомъ; чтобы предупредить возможность потускнѣнія и порчи слоновой кости отъ болотистыхъ испареній рѣки Алфея, полъ этотъ постоянно поливали оливковымъ масломъ. Отъ остального храма статуя отдѣлялась опущеннымъ занавѣсомъ, что строго соблюдалось. Во II вѣкѣ до Р. Х. сирийскій царь Антіохъ IV подарилъ святилищу драгоцѣнный шерстяной коверъ, предназначенный для занавѣса; есть нѣкоторое основаніе предполагать, что это была завѣса изъ святая - святыхъ Іерусалимскаго храма. Зевсъ возсѣдалъ на тронѣ; голова его была увѣнчана золотымъ вѣнкомъ, сдѣланнымъ на подобіе листьевъ оливковаго дерева. „На его правой рукѣ“, говоритъ Павсаній, „стоитъ статуя богини Побѣды, сдѣланная изъ слоновой кости и золота; она держитъ повязку, а на голову ея возложенъ вѣнокъ. Въ лѣвой рукѣ у бога находится скипетръ, инкрустированный всевозможными металлами и увѣнчанный орломъ. Изъ золота же сдѣлана обувь бога; его плащъ усѣянъ изображеніями разныхъ фигуръ и цвѣтовъ лиліи“. Если судить по монетамъ, наброшенный на плечо бога плащъ оставлялъ открытой всю его широкую грудь, которая была сдѣлана изъ слоновой кости и отдѣлялась

¹⁾ Зосимъ — историкъ V в. по Р. Х.

золотыми складками гиматіона съ разноцвѣтной эмалировкой. Правая рука была вытянута и держала Побѣду, обращенную лицомъ къ Зевсу; лѣвая рука опиралась на скипетръ, но не была черезчуръ выставлена впередъ. Верхнія части ногъ были расположены не горизонтально, а съ нѣкоторымъ наклономъ, и отъ глаза не укрывались ихъ очертанія подъ складками одѣянія.

Намъ теперь не легко представить себѣ эти статуи, дѣлавшіяся изъ слоновой кости съ золотомъ и драгоцѣнными металлами и представлявшія одинъ изъ видовъ многоцвѣтной скульптуры. Для смягченія контраста между слоновой костью и золотомъ Фидій, конечно, пустилъ въ ходъ всѣ тайны своего творчества: съ помощью разныхъ пріемовъ онъ придалъ обнаженнымъ частямъ тѣла теплый тонъ, сдѣлалъ оттѣнки слоновой кости и золота болѣе разнообразными и заставилъ искусно переливаться эмалировку. Кромѣ того, слишкомъ однообразный металлическій блескъ трона былъ смягченъ украшеніями, состоящими изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ. Рѣзная и инкрустаціонная работа трона отличалась чрезвычайнымъ богатствомъ. Матеріалы, изъ которыхъ онъ былъ сдѣланъ, состояли изъ золота, черного дерева, слоновой кости и драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ инкрустаціи и разнаго рода рельефовъ, тронъ былъ изукрашенъ также живописью.

Ручки трона опирались на сфинксовъ, которые, по преданію, похищали дѣтей Ѡвивянь; подъ ними съ одной стороны помѣщался Аполлонъ, а съ другой—Артемида, изображенные въ тотъ моментъ, когда они убивали дѣтей Ніобеи. На ножкахъ располагались четыре танцующихъ богини Побѣды; двѣ другія Побѣды стояли спереди. Для приданія большей крѣпости ножкамъ трона художникъ соединилъ ихъ между собой четырьмя поперечными, украшенными рельефными изображеніями, полосами. На передней полосѣ воспроизводились древне - олимпійскія состязанія. На трехъ другихъ изображена была битва Геракла и его сотоварищей съ амазонками. Геры и граціи, дочери Зевса, возвышались надъ спинкою трона.

Чтобы обезпечить прочность статуѣ, были приняты мѣры

предосторожности: на сидѣньѣ были поставлены четыре колонны, закрытыя сплошными загородками, какъ стѣнами; съ внѣшней стороны на этихъ загородкахъ въ симметрическомъ порядкѣ были расположены рисунки со слѣдующими изображеніями: Атласъ и Геркулесъ, Тезей и Пирейей, Эллада и Саламинъ, Гераклъ и немейскій левъ, Аяксъ и Кассандра, Гипподамія и ея мать Стеропея, Гераклъ и Прометей, Ахиллъ и смертельно раненая амазонка Пентезилея, двѣ Геспериды съ золотыми яблоками въ рукахъ ¹⁾).

Даже скамейка подъ ногами Зевса была разукрашена золотыми львами и рельефами, изображавшими битву Тезея съ амазонками. Статуя и тронъ располагались на широкомъ пьедесталѣ съ рельефами, гдѣ были представлены колесница Геліоса, Зевсъ и Гера, Гефестъ и одна изъ грацій, Гестія, Эросъ, который принимаетъ выходящую изъ моря Афродиту, Аполлонъ и Артемида, Аѳина и Геркулесъ, Амфитрита и Посейдонъ, Селена, погоняющая своихъ лошадей.

Черты лица Зевса отражали безконечную кротость, о чемъ единогласно говорятъ древнія свидѣтельства. Зевсъ имѣлъ видъ „миротворца, полного благожелательности“, въ немъ узнавали „подателя жизни и другихъ благъ, отца и спасителя, покровителя всѣхъ смертныхъ“. „При видѣ этой статуи“, говоритъ Діонъ Хризостомъ ²⁾), „самый несчастный человѣкъ забывалъ о всѣхъ своихъ горестяхъ: такъ много было вложено въ нее художникомъ „свѣта и милости“. „Это было“, прибавляютъ другія свидѣтельства, „священное произведеніе, прекрасное до совершенства“ и приводившее зрителя въ „невыразимое восхищеніе“. Эта статуя была удивительнымъ произведеніемъ не только съ точки зрѣнія искусства: она пробуждала сильное религіозное настроеніе. По словамъ Тита Ливія ³⁾), когда Павелъ Эмили ⁴⁾ проникъ въ храмъ, то онъ подумалъ, что передъ нимъ предсталъ лично самъ богъ.

¹⁾ Всѣ перечисленные имена принадлежатъ героямъ греческихъ мифовъ.

²⁾ Діонъ Хризостомъ—ораторъ и писатель I в. по Р. Х.

³⁾ Титъ Ливій (59 г. до Р. Х.—17 г. по Р. Х.)—римскій историкъ.

⁴⁾ Павелъ Эмили—римскій полководец II в. до Р. Х.

При какихъ условіяхъ произошла гибель этой статуи, неизвѣстно. Приблизительно черезъ 60 лѣтъ послѣ основанія храма пластинки изъ слоновой кости начали разъединяться. Элейцы принуждены были поручить эфесскому скульптору Дамофону произвести полную реставрацію. Однако, статуя находилась еще на своемъ прежнемъ мѣстѣ, когда императоръ Калигула ¹⁾ предпринялъ свою тщетную попытку перевезти ее въ Римъ. Легенда сообщаетъ о чудесахъ, которыя помѣшали осуществленію этого предпріятія: богъ разразился громовымъ смѣхомъ, обратившимъ въ бѣгство рабочихъ, а ударъ молніи потопилъ предназначавшійся для перевозки статуи корабль. Согласно словамъ одного византійскаго писателя, Зевсъ былъ перевезенъ въ Константинополь и водворенъ во дворцѣ Лавса, гдѣ и погибъ во время пожара 475 года по Р. Х. Но трудно повѣрить, чтобы статуя уцѣлѣла послѣ сожженія храма, устроеннаго, по повелѣнію Θεодосія II ²⁾, въ 408 году.

По возвращеніи изъ Олимпіи Фидій въ періодъ правленія Перикла исполнялъ роль чего-то вродѣ главнаго завѣдующаго работами въ Акрополѣ, которыя были начаты около 447 года до Р. Х. Въ этомъ званіи, говоритъ Плутархъ ³⁾, ему принадлежало главное руководство и надзоръ за всѣмъ, хотя подъ его начальствомъ находились великіе архитекторы и великіе художники. Этими архитекторами были Иктинъ, Калликратъ и Мнесиклъ, а художниками—Алкамень, Агоракритъ изъ Пароса и Колотъ. Кромѣ указанныхъ помощниковъ, Фидія окружала цѣлая армія рабочихъ, на обязанности которыхъ лежала обработка мрамора, бронзы, слоновой кости, золота, чернаго дерева и кипариса. Плутархъ перечисляетъ всѣ разряды ремесленниковъ, которые были приставлены къ этимъ работамъ. Среди нихъ были плотники, формовщики, мѣдноплавильщики, каменщики, мастера, искусные въ раскраскѣ золота и размягченіи слоновой кости, живописцы, мастера по мозаикѣ и рѣзчики. Какъ бы для того, чтобы одуше-

¹⁾ Калигула—римскій императоръ (37—41 г.г.).

²⁾ Θεодосій II—императоръ восточн. римской имперіи (408—450 г.).

³⁾ Плутархъ—см. вып. I, стр. 11. прим.

вить огромное тѣло статуи, добавляетъ историкъ, была пущена въ ходъ цѣлая организація. По мановенію руки Фидія этотъ сложный механизмъ приводился въ движеніе, и работы производились съ быстротой, вызывавшей удивленіе всей Греціи.

Статуя Аѣины—созданіе самого Фидія—была освящена въ Парѣенонѣ въ 431 г. до Р. Х. Въ распоряженіи художника при этой работѣ было болѣе 1000 килограммовъ чистаго золота. Золото это, по мысли Перикла, должно было служить какъ бы запаснымъ фондомъ на случай финансового бѣдствія; поэтому его располагали такимъ образомъ, чтобы при случаѣ легко можно было снять. Такъ какъ статуя, сдѣланная изъ золота и слоновой кости, разбиралась по частямъ, то естественно, что основу ея составляла крѣпкая желѣзная арматура, воспроизводившая формы статуи; къ ней-то и прикрѣплялись пластинки слоновой кости и кованные листы золота. Благодаря такому способу соединенія составныхъ частей, въ случаѣ необходимости онѣ легко разбирались. Но это же обусловливало недостаточную прочность работы. Уже въ древнія времена статуя стала нуждаться въ починкѣ. Тѣмъ не менѣе она еще существовала въ 375 году по Р. Х.; мы не знаемъ, когда и какимъ образомъ она погибла.

„Аѣина Парѣенось“, говоритъ Павсаній, „сдѣлана изъ золота и слоновой кости. Посреди ея шлема возвышается фигура сфинкса, а по бокамъ—грифы. Богиня изображена стоя; она одѣта въ хитонъ, спускающійся до земли; на груди у нея—голова Медузы изъ слоновой кости. Богиня Побѣды вышиной около 4 локтей (1,85 метра). Въ одной рукѣ Аѣина держитъ копье; у ногъ ея стоитъ щитъ, а у копья лежитъ змѣя, которая, какъ говорятъ, представляетъ собой Эрихтонія ¹⁾. На пьедесталѣ статуи изображено сотвореніе Пандоры ²⁾. Съ другой стороны, Плиній ³⁾ сообщаетъ намъ, что статуя имѣла 26 локтей вышины

¹⁾ Эрихтоній—аѣинскій мифическій герой, имѣющій отношеніе къ культу Аѣины; туловище его было наполовину змѣинымъ.

²⁾ Пандора—созданная изъ земли Зевсомъ и Гефестомъ женщина, черезъ которую въ міръ распространилось зло.

³⁾ Плиній—см. вып. I, стр. 13, прим. 3.

Афина Парѣность

Эта статуя, найденная въ Афинахъ въ 1880 году, является, повидимому, довольно точнымъ воспроизведеніемъ творенія Фидіа.

(около 12 метровъ). Фидій, по словамъ этого писателя, изобразилъ на выпуклой сторонѣ щита битву амазонокъ, а на вогнутой — войну боговъ съ титанами; наконецъ, на обрѣзѣ подошвъ сандалій художникъ вычеканилъ борьбу центавровъ съ лапитами — „въ такой мѣрѣ онъ былъ искусенъ даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ!“ Болѣе или менѣе точное воспроизведеніе этой статуи дошло до насъ въ скульптурныхъ работахъ, на монетахъ и на рѣзныхъ камняхъ.

Несомнѣнно, что въ цѣломъ статуя производила впечатлѣніе чрезвычайной роскоши. Обнаженные части изъ слоновой кости, глаза изъ драгоценныхъ камней, золотое одѣяніе и щитъ, разукрашенный рельефами изъ слоновой кости на золотомъ фонѣ и головою горгоны изъ вызолоченнаго серебра, шлемъ, змѣя изъ вызолоченной бронзы — все это въ цѣломъ должно было имѣть такой видъ, великолѣпіе котораго мы съ трудомъ можемъ теперь себѣ представить. Мы лишены возможности разрѣшить вопросы относительно того, насколько освѣщеніе въ храмѣ могло смягчить рѣзкій контрастъ между золотомъ и слоновой костью и уменьшить блескъ металлической массы, и насколько Фидію удалось путемъ примѣненія зеленой и палевой эмалировки и особой обработки слоновой кости избѣжать монотонности и достигнуть разнообразія оттѣнковъ.

Типъ Аѣины, повидимому, особенно привлекалъ Фидія. Кромѣ Аѣины Промыхосъ и Парѣеносъ, онъ сдѣлалъ еще для Акрополя бронзовую Аѣину Лемніанку, которая была пожертвована въ 446 году аѣинскими колонистами острова Лемноса. Обычный воинственный видъ этой богини онъ замѣнилъ цѣломудренною кротостью молодой дѣвушки. Тяжелый боевой шлемъ не покрывалъ ея головы, и ничто не скрывало отъ взора нѣжныхъ очертаній ея лба и щекъ, красота которыхъ приводила въ восторгъ Лукіана ¹⁾. Павсаній говоритъ объ этой статуѣ, какъ о самомъ замѣчательномъ произведеніи художника. По его словамъ, это было воплощеніе красоты. Фидію приписывались также многія другія статуи, но принадлежность ему этихъ произведеній, по

¹⁾ Лукіанъ — см. вып. I, стр. 30. прим.

крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не вполне доказана.

Судебные процессы, поднятые противъ Фидіа людьми, враждебно относящимися какъ къ нему, такъ и къ Периклу, омрачили конецъ жизни художника. За то, что онъ помѣстилъ на щитѣ Аѳины изображение Перикла и свое собственное, ему предъявили обвиненіе въ нечестіи. Но въ этомъ онъ былъ оправданъ. Тогда его обвинили въ присвоеніи части довѣренныхъ ему дорогихъ матеріаловъ, и прежде, чѣмъ судъ произнесъ надъ нимъ свой приговоръ, онъ умеръ въ тюрьмѣ.

Въ своихъ произведеніяхъ Фидій съ неподражаемымъ мастерствомъ далъ воплощеніе совершенной красоты. Фидій дѣйствовалъ въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи моментовъ, когда все какъ бы создавало наиболѣе благопріятныя условія для дѣятельности многосторонняго и могучаго генія: сила національнаго и религіознаго чувства, возможность имѣть большіе заказы, уже сложившееся, молодое, полное силъ искусство, которое только ждало генія, способнаго выразить въ законченной формѣ его смутное представленіе о чистой красотѣ ¹⁾.

Эту роль выполнилъ Фидій; онъ былъ подготовленъ къ ней многообразіемъ познаній, которыя дали ему возможность достигнуть самаго высокаго уровня въ области скульптуры его времени. Онъ обладалъ всѣми свѣдѣніями, которыя художникъ можетъ имѣть: не имѣя соперниковъ въ произведеніяхъ изъ слоновой кости и золота, онъ былъ первымъ въ искусствѣ обрабатывать мраморъ и остался неподражаемымъ образцомъ

¹⁾ „То, что называютъ идеаломъ грековъ, было для нихъ главнымъ образомъ красотой чисто реальной, т.-е. такой красотой, какую они видѣли въ дѣйствительности. Условность въ теченіе долгаго времени не играла въ ихъ искусствѣ никакой роли. Ихъ барельефы, погребальныя стелы, фризъ въ нѣкоторыхъ храмахъ, въ особенности въ Парѳенонѣ, свидѣлствуютъ объ этомъ совершенно ясно... Фидій и всѣ его современники видѣли воочию тѣхъ мужчинъ, эфебовъ, молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ изображалъ этотъ художникъ. И геній Фидія болѣе, чѣмъ чей-либо другой, должна была поражать реальная красота, которая воплощалась имъ такъ, какъ онъ ее чувствовалъ“. (Dumont. Les Céramiques de la Grèce, 2-ая часть. стр. 191). (Прим. автора).

въ скульптурныхъ работахъ. Ему приписывалась честь всѣхъ открытій въ рѣзбѣ по дереву и художественной обработкѣ металловъ. Даже тогда, когда эти техническія познанія примѣнялись имъ въ произведеніяхъ громадной величины, удивленіе вызывалось одновременно и грандіозностью его творенія, и законченностью работы. Но главнѣйшими его свойствами были широта стиля и замѣчательная полнота замысла. Онъ является воплощеніемъ греческаго идеализма въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, т. е. въ смыслѣ стремленія къ самымъ прекраснымъ и живымъ формамъ, всѣ элементы которыхъ взяты изъ природы, и изъ которыхъ тѣмъ не менѣе создавались типы, стоящіе выше всѣхъ реальныхъ типовъ. Въ этомъ именно смыслѣ Платонъ называетъ его „творцомъ“, а другіе относятся къ нему, какъ къ „человѣку вдохновенному“.

(По сочиненію Collignon. *Histoire de la sculpture grecque*, т. I, стр. 518 и сл.).

9. Метопъ Олимпійскаго храма.

На метопахъ храма Зевса въ Олимпіи были изображены главнѣйшія дѣянія Геракла. Одинъ изъ метоповъ, гдѣ представлена его борьба съ критскимъ быкомъ, находится въ Луврскомъ музеѣ ¹⁾. Критскій царь Миносъ просилъ Посейдона выпустить изъ морской глубины быка, котораго царь обѣщалъ принести ему въ жертву. Просьба его была услышана. Восхищенный красотой животного, присланнаго ему богомъ, царь оставилъ его въ своихъ стадахъ и принесъ въ жертву вмѣсто него другого быка. Возмущенный такимъ нарушеніемъ обѣщанія, Посейдонъ наслалъ на быка бѣ-

¹⁾ Нѣмецкія раскопки открыли нѣсколько обломковъ, которые были прибавлены къ обломку, находящемуся въ Луврѣ. Они представляютъ собой голову и заднія ноги быка и часть правой руки Геракла. Въ Луврѣ находятся еще части двухъ другихъ метоповъ (Битва съ Геріономъ, Птицы Стимфальскаго озера). Для ознакомленія съ собраніемъ метоповъ см. Collignon. *Histoire de la sculpture grecque*, I, стр. 429 и сл.

(Прим. автора).

шенство; разъяренное животное опустошало окрестности Кносса до того дня, когда Гераклъ побѣдилъ его и увелъ живымъ въ Тиринѣ.

Въ сценѣ, изображаемой на мраморѣ, художникъ избралъ рѣшительный моментъ. Гераклъ упирается на раздвинутыя ноги и, благодаря приему, свойственному нашимъ современнымъ тореадорамъ, сосредоточиваетъ нападеніе животнаго на своей правой рукѣ, завернутой въ лъвиную шкуру. Правой рукой онъ поднимаетъ свою палицу и, повернувшись, направляетъ въ лобъ животнаго ударъ, сила

Олимпійскій метопъ (Гераклъ и критскій быкъ).

котораго удваивается благодаря напряженію всего туловища. Эта поза, полная такой естественности, дала художнику матеріалъ для композиціи, которая въ одно и то же время отличается простотой и захватывающей силой. Туловища героя и животнаго составляютъ двѣ діагонали, которыя пересѣкаются почти на серединѣ метопа; правая рука Геракла, потрясающая палицей, составляетъ противовѣсъ головѣ животнаго; ноги быка, скрещиваясь съ ногами его побѣдителя, образовывали въ потерянной части этого произведенія также двѣ симметричныя и тѣсно связанныя группы.

Въ исполненіи каждой изъ этихъ частей проявляется тотъ же величественный характеръ, что и въ цѣломъ про-

изведеніи. Лѣпка туловища быка, которое, находясь на заднемъ планѣ, служить, такъ сказать, фономъ, отличается строгой простотой. Голова разбита, но о простотѣ ея лѣпки можно легко догадаться; бедро изображено широкими мазками, а игра мускуловъ выражена лишь небольшими выпуклостями. Естественно, что туловище героя, которое находится на первомъ планѣ и нѣкоторыя части котораго совершенно отбиты, при выполненіи подробностей исполнено съ бѣльшимъ стараніемъ. Несмотря на это, художникъ не забылъ, что его произведеніе должно разсматриваться издали; онъ во-время остановилъ свой рѣзецъ, отмѣчая только самое необходимое. Въ костлявой и квадратной головѣ немногимъ тщательнѣе обработано только то, что способствуетъ ея выразительности; короткіе волосы и остроконечная борода сдѣланы лишь въ общихъ очертаніяхъ; стремленіе придать этимъ частямъ больше опредѣленности было предоставлено живописи. Мускулы плечъ отличаются особенной мощью; широкая грудь, приподнятая глубокимъ дыханіемъ, очерчена немногими, но рѣзкими линіями; животъ благодаря напряженію приподнять, бедра узки, станъ тонкій и нервный.

Интересно сравнить этотъ метопъ съ современными ему метопами Парѣнона: онъ не уступаетъ даже самымъ прекраснымъ изъ нихъ. Идѣйствительно, наряду съ недостатками, отъ которыхъ свободны лишь очень немногія изображенія, въ метопахъ аѣинскаго памятника можно найти превосходно и сильно выполненныя и въ то же время изящныя части. Но ни въ одномъ изъ нихъ композиція не отличается такимъ совершенствомъ, такимъ исчерпывающимъ воспроизведеніемъ необходимыхъ декоративныхъ подробностей, а главное—такой полнотой и широтой исполненія.

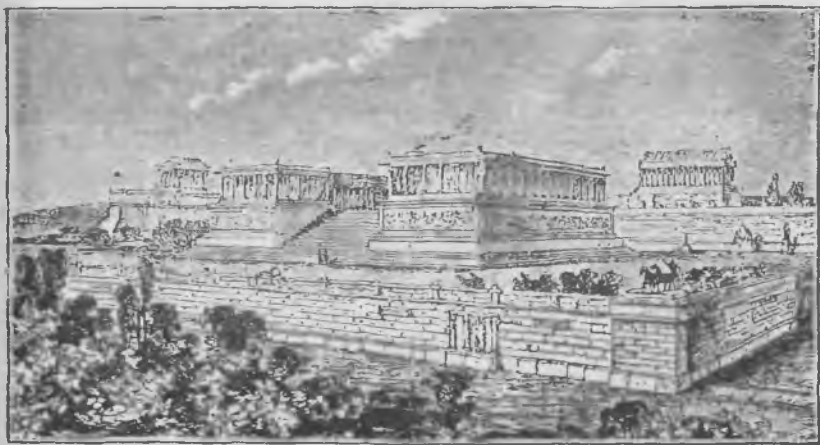
Такъ какъ мы далеко еще не обладаемъ всѣми памятниками греческаго искусства V вѣка, то не можемъ съ увѣренностью отличать различныя школы и устанавливать особенности каждой изъ нихъ; но все же мы въ правѣ и теперь утверждать, что творчество ваятелей Пелопоннеса отличалось большей мощью и полнотой, чѣмъ художниковъ Аттики, которые были увлечены исключительно кра-

сотой и отдѣлкой деталей. Если кто-нибудь пожелалъ бы искать въ подобныхъ произведеніяхъ сильныхъ сторонъ нашихъ барельефовъ, то не слѣдуетъ обращаться къ мѣтоламъ Парѳенона: ихъ нужно искать въ мраморныхъ произведеніяхъ Фидія, въ фигурахъ обоихъ фронтоновъ Парѳенона. Дѣйствительно, Фидій выражаетъ аттический духъ не болѣе, чѣмъ Рафаэль ¹⁾—римскій, хотя первый художникъ родился въ Аѳинахъ, а второй увидѣлъ свѣтъ на родинѣ св. Петра и работалъ главнымъ образомъ въ Римѣ.

(Rayet. Monuments de l'art antique).

10. Пергамская мраморная скульптура.

Въ недавнее время нѣмецкіе археологи открыли на мѣстѣ древняго пергамскаго акрополя цѣлый рядъ скульп-

Пергамскій алтарь (проектъ возстановленія).

турныхъ обломковъ, длина которыхъ въ общей сложности равняется 80 метрамъ и которые хранятся теперь въ Берлинскомъ музеѣ. Эти мраморы украшали нѣкогда грандіозный жертвенникъ въ честь Зевса и Аѳины, воздвигну-

¹⁾ Рафаэль—итальянскій художникъ XVI в.

тый царями династіи Атталовъ ¹⁾. На нихъ представлена война титановъ съ богами — аллегорическое изображеніе побѣды царей этой династіи надъ галатами въ 239 г. до Р. Х.; другими словами, это—памятникъ распространенія эллинской культуры въ варварской странѣ. Вотъ какъ ихъ оцѣниваетъ одинъ ученый (Райе):

„Большимъ заблужденіемъ“, говоритъ онъ, „является взглядъ на греческое искусство, какъ на искусство холодное, неподвижное въ чистотѣ своихъ линий и застывшее въ своемъ величіи. Изображеніе страстей было свойственно ваятелямъ Греціи не менѣе, чѣмъ ея драматургамъ. Есть основаніе подозрѣвать, что въ Малой Азіи при преемникахъ Александра, въ эпоху, когда пресыщенный вкусъ требовалъ болѣе сильныхъ ощущеній, мѣстное населеніе, душевныя проявленія котораго выражались болѣе страстно, чѣмъ у эллиновъ, питало къ драматическимъ сюжетамъ чрезвычайно сильную любовь. Азіатскому краснорѣчію съ его постоянными противопоставленіями и напыщенностью выраженій должно было соотвѣтствовать искусство, полное тоже ярко выраженныхъ противоположеній и преувеличенныхъ эффектовъ. Дѣйствительно, сохранившіяся произведенія этой страны въ описываемую эпоху подтверждаютъ сказанное. Группа Лаокоона, производящая мучительное впечатлѣніе, твореніе Агесандра Родосскаго, казнь Дирцеи, сдѣланная съ большой претенціозностью Аполлоніемъ и Таврискомъ изъ Траллеса, ожесточенная схватка грековъ съ амазонками, изображенная на фризѣ храма, построеннаго Гермодомъ въ Магнезіи Меандрской,—являются доказательствомъ того, что азіатское искусство III и II вѣка прежде всего стремилось изобразить энергію въ позахъ и напряженность выраженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Лаокоонѣ, такъ же какъ и въ казни Дирцеи, сила страстей только кажущаяся и поверхностная. Разсматривая ихъ вблизи, чувствуешь, что безстрастный художникъ медленно и съ трудомъ, по правиламъ школы, искалъ пріемовъ для изображенія припадка ярости Амфіона

¹⁾ Атталиды—см. выше, стр. 8, прим. 5.

и Зеѳа. Лаокоонъ—не что иное, какъ актеръ, который учить роль и слѣдить въ зеркалѣ за впечатлѣніемъ, производимымъ судорожными движеніями мышцъ его лица. Хотя фризъ Магнезіи почти на столѣтіе древнѣе, въ немъ, несмотря на тяжеловѣсное исполненіе и незаконченность, чувствуется больше настоящей силы.

Совсѣмъ другое представляетъ собой мраморная архитектура Пергама. Сила порыва воплощается не только въ самомъ рисункѣ и разработкѣ, но также и въ идеѣ произведенія. Въ этой ожесточенной схваткѣ разнородныя существа сталкиваются другъ съ другомъ безчисленными способами: одни—божественнаго происхожденія—сохраняють олимпійское достоинство даже въ минуты ожесточенія; другія—рожденныя изъ воздуха или земли, полу-люди, получудовища, со страннымъ строеніемъ тѣлъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ безпорядочномъ характерѣ—выражаютъ на своихъ лицахъ самыя свирѣпыя страсти. Въ этомъ художественномъ созданіи виденъ самобытный порывъ, чувствуется естественная плодovitость, изобиліе фантазіи, которая съ перваго взгляда поражаютъ глазъ и вызываютъ восхищеніе.

Въ эпоху упадка трудно было ожидать такого мощнаго проявленія силы.

Но, увы, это только результатъ дѣйствія воображенія, въ которомъ душа не принимаетъ участія. Творцы Лаокоона и фарнезскаго быка обладали лишь искусствомъ сценической постановки: тутъ мы имѣемъ дѣло съ драматургами. Ярость, которую они изображаютъ, переживается ими только одно мгновеніе и то благодаря усилію воли. Они не вѣрятъ въ существованіе титановъ, у которыхъ заставляють трепетать крылья и удлиняютъ ноги въ чудовищныя змѣиные изгибы. Они развиваютъ съ величайшимъ жаромъ тему, которая ихъ интересуеть; но они уже перестали вѣрить.

Группы Зевса и Аѳины несравненно выше всего остального. Группа Зевса представляетъ собой въ особенности выдающееся произведеніе. Въ ней богъ направляется быстрыми шагами налѣво; въ лѣвой рукѣ, протянутой впе-

редъ, онъ держитъ для защиты эгиду, правой—размахиваетъ молніей. Его одежды, пришедшія въ безпорядокъ вслѣдствіе порывистаго движенія, открываютъ могучій торсъ. У ногъ бога повержены два титана. У одного изъ нихъ бедро поражено молніей; онъ откинутъ назадъ, но продолжаетъ сопротивляться. Другой, получившій ударъ въ спину, упалъ на колѣни, отказавшись, повидимому, отъ сопротивленія. Третій титанъ—со свирѣпымъ видомъ и растрепавшимися волосами—приподнялся на змѣиномъ хвостѣ, служащемъ ему вмѣсто ногъ, и борется съ орломъ властителя Олимпа. Несмотря на сжатость группы, въ ней не замѣтно безпорядка или запутанности. Основныя линіи настолько же отличаются простотой и гармоничностью, какъ детали—красотой.

Группа Аѣины значительно слабѣе группы Зевса. Въ ней линіи болѣе запутаны, детали грубѣе и проще, исполненіе суше и бѣднѣе. Глубоко вдавленные складки одеждъ дѣлаютъ тѣни слишкомъ густыми, что нарушаетъ цѣльность композиціи и рѣжетъ глазъ. Богиня держитъ за волосы титана, въ то время какъ ея постоянный спутникъ, змѣй Эрихтоній, впивается ему въ грудь ¹⁾. Сынъ земли, пораженный двойнымъ нападеніемъ, падаетъ на колѣни; побѣжденный, безсильный, съ безцѣльно машущими крыльями, онъ поднимаетъ безнадежный взглядъ къ небу, протягивая ослабѣвшую руку своей матери Геѣ; послѣдняя, выйдя наполовину изъ земли, молить Палладу о пощадѣ.

Идея этого произведенія очень удачна, хотя нѣсколько вычурна, но исполненіе отличается большими претензіями и очень неумѣльными приѣмами. Движеніе титана красиво, но части его туловища черезчуръ мелочно разработаны, а глаза, углубленные до крайности,—неестественны. Острая печаль лица Геи не трогаетъ насъ благодаря тому, что наше вниманіе сосредоточивается на тщательно завитыхъ волосахъ богини и отвлекается этимъ отъ сочувствія ея горю.

¹⁾ Группа Лаокоонъ (конца II вѣка до Р. Х.) является точнымъ подражаніемъ этой части фриза. (*Прим. ав. пор.*)

Поза Аѳины банальна, и очень трудно опредѣлить, какъ сдѣлана фигура Побѣды, которая летитъ съ вѣнкомъ къ богинѣ.

Съ этими двумя группами можно сравнить другой обломокъ: это—остатокъ упряжи морскихъ коней. Грудь животныхъ превосходна, а особаго рода плавники, прикрѣпленные къ плечамъ, очень ловко скрываютъ мѣсто соеди-

Пергамскій барельефъ (группа Аѳины).

ненія тѣла дракона съ передней частью туловища лошади. Очень хорошъ также торсъ Аполлона; даже стиль его отличается большею чистотой, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ. Художникъ, кромѣ того, очень удачно размѣстилъ три головы и шесть рукъ Гекаты; довольно точно отмѣтивъ типъ, котораго требуетъ традиція, онъ сумѣлъ скрыть его уродство. Но въ остальномъ, наряду съ нѣсколькими художественными частями, сколько посредственныхъ и даже безусловно дурныхъ вещей! Что можно сказать объ этой Кибелѣ съ длинными косами, которая направляетъ сквозь толпу свою колесницу, запряженную львами, и о химерическихъ животныхъ, составляющихъ свору Артемиды?

Таково это грандіозное и удивительное произведение.

Пергамскій фризъ поражаетъ своей силой и плѣняетъ своимъ разнообразіемъ.

(Rayet. Etudes d'archéologie et d'art, стр. 260 и слѣд.).

11. Греческая живопись.

Полигнотъ ¹⁾ и его современники употребляли слѣдующія краски: для бѣлаго цвѣта они пользовались глиной изъ Мелоса, для желтаго—аттической глиной (особый видъ охры); синопись изъ Понта служила имъ красной краской, а черной—атраментумъ (*atramentum*), т. е. обыкновенная сажа, приготовленная въ видѣ клейкой массы. Впослѣдствіи палитра художниковъ сдѣлалась болѣе разнообразной. Такъ, Апеллесъ, кромѣ имѣющихся у него оттѣнковъ прежнихъ тоновъ, употреблялъ также голубую и зеленую краску.

Являлся вопросъ—различалъ ли глазъ грековъ всѣ тѣ тона, которые различаемъ мы, и обладалъ ли онъ такой же точностью и тонкостью анализа. Достоверно, что ихъ названія не всегда соотвѣтствуютъ нашимъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что имъ было извѣстно меньшее количество основныхъ тоновъ и различныхъ оттѣнковъ. Судя, напри- мѣръ, по свѣдѣніямъ Плинія, они пользовались нѣсколькими разновидностями красной краски. Одна синопись была въ трехъ тонахъ. Ее привозили не только изъ Синопа; Египетъ, Африка, Балеарскіе острова, Лемносъ и Каппадокія снабжали грековъ превосходнымъ видомъ этой краски. Они употребляли также нѣсколько оттѣнковъ желтаго цвѣта. Для изображенія тѣневыхъ частей примѣнялась желтая краска изъ Скироса и Лидіи, которая была темнѣе аѳинской охры. Кромѣ того, изобрѣтательный умъ каждого художника стремился усовершенствовать и увеличить число существующихъ уже тоновъ. Полигнотъ и Миконъ изобрѣли приготовленіе черной краски изъ высушенныхъ и пережженныхъ винныхъ дрожжей; Апеллесъ получалъ ее изъ пережженной слоновой кости. Парразій, находя осо-

¹⁾ См. слѣдующую статью.

быя достоинства въ эретрійскомъ мѣлѣ, считаль его наилучшимъ изъ всѣхъ существующихъ бѣлилъ. Кидію изъ Киона первому пришла мысль пережечь желтую краску, чтобы получить алую. Къ этимъ основнымъ веществамъ прибавлялись еще тѣ, которыя получались отъ смѣшенія различныхъ красокъ. Сложнѣе всѣхъ была смѣсь для получения краски тѣлеснаго цвѣта.

На какомъ матеріалѣ писали свои произведенія греки? Доисторическая живопись Микенъ и Тиринѳа была исполнена на штукатуркѣ стѣнъ, которыя подлежали украшенію рисунками. Можно ли сказать то же самое о большихъ стѣнныхъ произведеніяхъ Полигнота?

Мы узнаемъ изъ одного текста V вѣка, что картины въ Пойкилѣ ¹⁾ въ Аѳинахъ были воспроизведены на деревѣ, но это не служитъ доказательствомъ, что тотъ же пріемъ примѣнялся и въ Дельфахъ. Нѣкоторыя украшенія живописью были сдѣланы непосредственно на стѣнахъ, въ то время какъ другія писались на доскахъ, прикрѣпленныхъ заранѣе къ стѣнѣ или перенесенныхъ на нее, послѣ того какъ художникъ закончилъ свою работу. Повидимому, первый изъ этихъ двухъ пріемовъ былъ болѣе распространенъ; но очень вѣроятно, что по дереву начали также писать съ очень давнихъ временъ. Деревянные доски можно было легко замѣнить другими въ случаяхъ какихъ-нибудь несчастій, а потому онѣ имѣли преимущества, которыхъ не было у неподвижной стѣны; затѣмъ, если допустить, что такія картины прикрѣплялись на стѣны послѣ того, какъ были окончены, то преимущество было на ихъ сторонѣ и въ томъ отношеніи, что онѣ могли писаться на станкѣ въ мастерской художника. Но несомнѣнно, что съ того момента, когда греки пожелали замѣнить стѣнную живопись легко переносимыми картинами, дерево сдѣлалось общепотребительнымъ матеріаломъ. Повидимому, греки не имѣли обыкновенія писать по полотну, не прикрѣпленному къ другому предмету.

Имѣли ли они понятіе о фрескахъ, т. е. о живописи аква-

¹⁾ Пойкила—см. выше, § 12.

релью по свѣжей штукатуркѣ стѣны? Это былъ, безъ сомнѣнія, обычный пріемъ, употреблявшійся при составленіи большихъ композицій, когда онѣ писались непосредственно на стѣнѣ. Была въ ходу также клеевая краска, которая получалась при разведеніи красящаго вещества какимъ-нибудь связующимъ составомъ, напримѣръ: клеемъ, камедью, яичнымъ бѣлкомъ или молокомъ; она накладывалась на поверхность, покрытую тѣмъ же составомъ, которымъ была разведена. Прибѣгали и къ восковой краскѣ. Въ этомъ случаѣ составляли изъ соединенія мѣла съ растертыми въ порошокъ красками восковыя пластинки различныхъ оттѣнковъ, которыя хранились въ особомъ ящикѣ. При употребленіи эти пластинки растапливали въ углубленіяхъ металлической палитры. Распущенныя такимъ образомъ краски накладывались затѣмъ кистью на дерево; но такъ какъ воскъ, охлаждаясь, быстро отвердѣвалъ, то для соединенія различныхъ тоновъ кисти было недостаточно. Въ этомъ случаѣ примѣняли прижиганіе (*καυσις*): съ помощью разогрѣтой желѣзной палочки осторожно размазывали восковые мазки по дереву, соединяя различные тона; въ этомъ заключалась самая трудная часть работы.

Разсматривая греческую живопись въ цѣломъ, можно замѣтить, что она, за исключеніемъ пейзажа, который въ греческомъ искусствѣ служилъ лишь какъ бы рамкой, охватывала въ своихъ декоративныхъ панно и станковыхъ картинахъ все: историческіе и бытовые сюжеты, портреты, аллегоріи и такъ называемую мертвую природу (*nature morte*). Греческая живопись мастерски воспроизводила животныхъ, что подтверждается извѣстностью, которой пользуются быки кисти Павсія, собаки Никія и лошади Апеллеса. Съ особенной силой и самобытностью греческая живопись передавала человѣческую фигуру.

Еще въ глубокой древности греки съ точностью отмѣчали поразившія ихъ особенности въ чертахъ лицъ отдѣльных народовъ. Со временемъ изображенія ихъ сдѣлались болѣе безличными, при чемъ художники не всегда слѣдовали одному и тому же идеалу красоты. Угловатыя лица съ длинными орлиными носами VI вѣка уступаютъ мѣсто

круглому овалу со вздернутымъ носомъ. Эти оживленные фізіономіи смѣняются въ свою очередь серьезными, немного холодными въ своей правильности лицами, которыя мы привыкли совершенно ошибочно считать единственнымъ греческимъ типомъ. Мы можемъ установить эти измѣненія лишь по рисункамъ на произведеніяхъ керамики; но нѣтъ сомнѣнія, что, они отражались также и на живописи. Рисунки керамики во всякомъ случаѣ передавали очень не совершенно то движеніе, которымъ живопись умѣла одушевлять черты лица. Главная особенность греческой живописи заключалась въ искусствѣ заинтересовать зрителей выразительностью лицъ, жестовъ и позъ, соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ положеніямъ. Въ ней нѣтъ тонкости нашихъ оттѣнковъ, ей не были также свойственны и потребности нашего пресыщеннаго вкуса, избалованнаго многовѣковымъ процвѣтаніемъ искусства и обладающаго гораздо болѣе обостренной наблюдательностью. Но греческая живопись глубоко проникала въ сердце человѣка и воспроизводила его чувства и страсти. Выразительность составляла основную ея черту, и этого одного достоинства достаточно, чтобы всегда сожалѣть объ ея утратѣ ¹⁾.

(P. Girard. La Peinture antique, стр. 257 и сл.).

12. Полигнотъ ²⁾.

Полигнотъ былъ уроженцемъ Фазоса. Его отецъ, братъ и племянникъ были, подобно ему, живописцами. Онъ поселился въ Аѣинахъ незадолго до персидскихъ войнъ и сдѣлался другомъ Кимона ³⁾. Вращаясь въ кругу высшей

¹⁾ Нужно замѣтить, что отъ греческой живописи не сохранилось ничего. Единственный способъ получить о ней какое-нибудь представленіе заключается въ изученіи рисунковъ, сдѣланныхъ на вазахъ, и фресокъ, найденныхъ въ Помпѣѣ. И тѣ и другія, повидимому, были вдохновлены картинами великихъ мастеровъ. (Прим. автора).

²⁾ Наиболѣе выдающимися греческими художниками были Эвмаръ и Кимонъ изъ Клеонъ (вторая половина VI вѣка), Полигнотъ, Миконъ и Панѣнъ (V вѣкъ). Зевксидъ и Паррасій (конецъ V вѣка), Мелантій, Павсій, Аристидъ, Никій, Евфраноръ. Апеллесъ (IV вѣкъ). (Прим. автора).

³⁾ К и м о н ъ — см. вып. I, стр. 52. прим.

аристократіи, онъ, повидимому, усвоилъ ея вкусы и привычки; это былъ художникъ-баринъ. Когда зашелъ вопросъ о томъ, чтобы разрисовать общественный портикъ (Пойкилу), онъ отказался отъ предлагаемыхъ ему денегъ, тогда какъ его сотрудникъ Миконъ получалъ плату за работу. Благодарные аѳиняне даровали ему права гражданства.

Первой важной работой Полигнота была разрисовка Лесхи (λέσχη) въ Дельфахъ. Такъ назывался обширный портикъ, служившій для прогулокъ паломниковъ и построенный близъ храма Аполлона заботами книдійцевъ. О картинахъ, написанныхъ тамъ Полигнотомъ, сообщаетъ Павсаний¹⁾, который видѣлъ ихъ неприкосновенными еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Онѣ состояли изъ двухъ отдѣльныхъ композицій, помѣщенныхъ рядомъ на одной и той же стѣнѣ. Одна изъ картинъ представляла Трою и троянскую деревню послѣ побѣды ахейцевъ (Πιοῦpersis); на другой былъ изображенъ подземный міръ.

Главнымъ эпизодомъ первой картины было оскорбленіе, нанесенное Аяксомъ, сыномъ Оилея, Кассандрѣ, или, вѣрнѣе, судъ главныхъ греческихъ вождей надъ Аяксомъ послѣ этого оскорбленія²⁾. Многочисленные группы изображали плѣнныхъ, оплакивающихъ гибель ихъ отечества, въ то время какъ виновница этого несчастья, Елена, сидѣла среди своихъ женщинъ, которыя занимались украшеніемъ ея. Потомъ были изображены раненые и мертвые, между ними старый царь Пріамъ. Въ разныхъ мѣстахъ воины добивали оставшихся въ живыхъ несчастныхъ троянцевъ. Эпей разрушалъ городскія стѣны, надъ которыми возвышалась голова рокового деревяннаго коня. Неоптолемъ, нанеся послѣдній ударъ Элазу, повергалъ на землю своимъ мечомъ Астиноя. Измѣнникъ Синонъ съ помощью Анхіала влачилъ по землѣ трупъ Лаомедона. Это были послѣдніе акты начавшейся наканунѣ великой бойни. Эти группы находились между двумя картинами,

¹⁾ Павсаний—см. вып. II, стр. 61, прим.

²⁾ Содержаніе этой картины было заимствовано Полигнотомъ изъ Илиады.

расположенными симметрично другъ противъ друга. На одномъ концѣ фрески греки готовились къ отплытію; воины Менелая разбирали палатку своего вождя. На другомъ концѣ троянецъ Антеноръ также дѣлалъ приготовленія къ отъѣзду: домъ его былъ пощаженъ, потому что нѣкогда онъ оказалъ гостепріимство Менелаю и Одиссею, которые были отправлены въ Трою послами. И въ то время какъ слуга Антенора нагружалъ на осла сундукъ и другія вещи, самъ Антеноръ, прежде чѣмъ отправиться въ изгнаніе, окидывалъ прощальнымъ взглядомъ разгромленный городъ.

Тема другой композиціи, нарисованной въ Лесхѣ (Nekyia), была заимствована изъ той пѣсни „Одиссеи“, гдѣ поэтъ изображаетъ, какъ Одиссей отправляется къ киммерійцамъ, чтобы посовѣтоваться съ тѣнью прорицателя Тирезія. По этому поводу Гомеръ описываетъ подземный міръ. Центръ картины занимаетъ Одиссей; онъ, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, склонился къ краю рва, куда души умершихъ являлись пить кровь жертвъ. Подлѣ него стоитъ его спутникъ Эльпеноръ, одѣтый въ грубую матросскую одежду. Эту центральную группу дополняютъ два изображенія: тѣнь приближающагося ко рву Тирезія и тѣнь Антиклеи, матери Одиссея, сидящей на камнѣ. Но вниманіе сосредоточивалось въ особенности на картинахъ адскихъ мученій; темами служили: наказаніе дурного сына и нечестивца и созерцаніе мукъ великихъ смѣльчаковъ Тезея и Пириѳоя; преступныя женщины, вродѣ Федры; легендарные преступники, какъ Прометей, Сизифъ и Танталъ. Полигнотъ не стремился погружаться въ ужасныя подробности. Онъ не въ такой мѣрѣ желалъ изображать самыя мученія, какъ дать о нихъ или о ихъ дѣйствіяхъ понятіе. Прометей представленъ имъ не въ ту минуту, когда коршунъ рветъ клювомъ и когтями его безпрестанно возобновляющуюся печень, а въ одинъ изъ короткихъ промежутковъ покоя, когда, измученный пыткой, онъ производитъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ при изображеніи самой кровавой казни.

Этимъ мрачнымъ сценамъ противопоставлялись другія,

болѣе веселыя. Полигнотъ наряду съ адскими ужасами изобразилъ блаженство въ Елисейскихъ поляхъ. Такъ, на его картинахъ можно было видѣть невинныя развлеченія героевъ и героинь древнихъ временъ. Увѣнчанныя цвѣтами дочери Пандареи играли въ кости; Аяксъ, сынъ Теламона, Паламедъ, Терситъ мѣшали кости въ присутствіи другого Аякса и Мелеагра. Тутъ былъ и уголокъ поэтовъ, гдѣ Орфей, прислонившись къ вербѣ, пѣлъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ. Возлѣ него былъ изображенъ слѣпой Ѡамирисъ. Невдалекѣ сатиръ Марсій училъ играть на флейтѣ маленькаго Олимпа. Великіе герои Троянской войны Ахиллъ, Патроклъ, Агамемнонъ, Гекторъ, Сарпедонъ, Мемнонъ, Парисъ и амазонка Пентезилея были изображены группами въ различныхъ положеніяхъ ¹⁾. Символическія сцены, обряды посвященныхъ напоминали о церемоніяхъ элевсинскихъ мистерій ²⁾ и объ отношеніи земного міра къ подземному.

Трудно не замѣтить тѣсной связи между этой фреской и предшествующей. Съ одной стороны, изображается человѣческая жизнь съ ея бѣдствіями и преступленіями, съ измѣнчивымъ счастьемъ и минутной славой; съ другой — загробная жизнь съ ея страданіями и наградами. Здѣсь — поступки людей, тамъ — ихъ оцѣнка. Такимъ образомъ, если сопоставить эти двѣ картины, то можно видѣть, что онѣ содержали великія поученія, соотвѣтствующія духу дельфійской религіи.

Къ раннимъ произведеніямъ Полигнота надо прибавить еще картину, украшавшую храмъ Аѳины-Ареи въ Платеѣ. Эта картина, навѣянная поэмой Гомера, изображала смерть жениховъ Пенелопы или, вѣрнѣе, Одиссея въ его дворцѣ среди мертвыхъ или умирающихъ жениховъ. Въ этомъ произведеніи точно такъ же можно видѣть, что вниманіе художника привлекало не самое убійство, но послѣдствія его: ужасъ зрѣлища этого обагреннаго кровью жилища,

¹⁾ Всѣ перечисленные имена принадлежатъ героямъ греческихъ сказаній.

²⁾ Мистеріи — см. вып. IV, § 33.

которое снова возвращалось отомщенному и удовлетворенному владѣльцу его.

Полигноту принадлежали большія декоративныя картины въ Ѡеспіи, но содержаніе ихъ намъ неизвѣстно. Слава его распространилась далеко за предѣлы Аттики, хотя работалъ онъ по преимуществу въ Аѣинахъ. На общественномъ рынкѣ, усаженномъ по повелѣнію Кимона деревьями, былъ воздвигнутъ его родственникомъ Писіанактомъ портикъ. Строитель хотѣлъ, чтобы портикъ украшали картины, и Полигноту было поручено выполненіе этой работы. Полигнотъ пригласилъ себѣ въ помощники двухъ талантливыхъ художниковъ, Панэна и Микона. И вскорѣ портикъ Писіанакта, который получилъ прозваніе „Разрисованнаго портика“ или *Ποικίλη στοά* (поикіλη стоа), сталъ вызывать удивленіе благодаря покрывавшимъ его прекраснымъ фрескамъ.

Главнымъ сюжетомъ центральнаго панно было, какъ и въ Дельфахъ, оскорбленіе Кассандры; только Полигнотъ изобразилъ теперь Аякса не передъ судомъ аѣинскихъ вождей, а передъ алтаремъ Аѣины, гдѣ онъ совершаетъ очищеніе и умоляетъ о милосердіи этихъ самыхъ вождей. Слѣва была представлена Мараѳонская битва, написанная сообща Панэномъ и Микономъ. Они избрали тотъ моментъ, когда потерпѣвшіе пораженіе варвары были съ одной стороны оттѣснены къ болотамъ, а съ другой—отогнаны къ финикійскимъ кораблямъ, стоявшимъ у берега. Съ правой стороны располагалась картина Микона, сюжетъ которой былъ взятъ изъ мифа о битвѣ Тезея съ амазонками.

Были еще и другія фрески Полигнота въ Тезейонѣ, въ Анакейонѣ или въ святилищѣ Діоскуровъ ¹⁾, а также въ одномъ зданіи, назначеніе котораго точно неизвѣстно и которое обыкновенно называется Пинакотекой. Въ этомъ зданіи находились слѣдующія работы Полигнота: Похищеніе Палладіума ²⁾ Одиссеемъ и Никомедомъ; Одиссей и Филоктетъ на островѣ Лемносѣ; По-

¹⁾ Названія храмовъ въ Аѣинахъ въ честь Тезея и Кастора съ Полуксомъ.

²⁾ Палладіумъ—см. вып. IV, стр. 58, прим. 1.

ликсена, принесенная въ жертву на могилѣ Ахилла; Орестъ, убивающій Эгисѳа; Одиссей и Навзикая; Ахиллъ на Скиросѣ ¹⁾). Является вопросъ, всѣ ли эти картины принадлежали кисти Полигнота. Павсаній, перечисляющій ихъ, не говоритъ этого вполне опредѣленно. Какъ бы то ни было, онѣ были исполнены въ его духѣ и если не были написаны имъ самимъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, вышли изъ его школы.

Древнихъ приводила въ восторгъ въ особенности строгая простота его колорита. Основываясь на свидѣтельствахъ Цицерона и Плинія ²⁾, можно было бы думать, что онъ пользовался только четырьмя красками: бѣлой, желтой, красной и черной. Повидимому, эти цвѣта считались основными какъ имъ самимъ, такъ и его современниками и ближайшими преемниками. Но путемъ смѣшенія этихъ четырехъ цвѣтовъ онъ достигалъ относительно большого числа оттѣнковъ. Странно, если онъ не употреблялъ синей краски. Въ зданіяхъ и статуяхъ онъ видѣлъ вокругъ себя такое количество синяго цвѣта, что удивительно не найти синевы среди тѣхъ красокъ, которыми онъ писалъ. Однако достовѣрно извѣстно, что черный цвѣтъ съ синеватымъ оттѣнкомъ встрѣчался въ его картинахъ.

На одной картинѣ (Nekyia) было изображеніе вампира, питающагося тѣломъ мертвеца; по своему тону кожа вампира была чѣмъ-то среднимъ между чернымъ и синимъ цвѣтомъ, „вродѣ мухъ“, говоритъ Павсаній, „которыя питаются мясомъ“. Быть можетъ также, цвѣтъ воды на его картинахъ имѣлъ слегка голубоватый оттѣнокъ, хотя волны Ахерона въ Лесхѣ были скорѣе сѣраго цвѣта; сквозь эти волны въ видѣ бѣглыхъ, едва примѣтныхъ силуэтовъ просвѣчивали рыбы. Цвѣтъ листы, камыша, ивъ и тополей не былъ зеленымъ, а, по всей вѣроятности, всѣ эти растенія представляли собою легкіе и нѣжные наброски, сдѣланные черной или темнобурой краской. Къ этимъ неопре-

¹⁾ См. стр. 60, прим. 1.

²⁾ Цицеронъ — см. вып. I, стр. 6, прим. 3.

дѣленно-блеклымъ, чарующимъ тонамъ присоединялись яркія краски вродѣ пурпура на нѣкоторыхъ мантияхъ или причудливыхъ цвѣтовъ женскихъ головныхъ уборовъ. Для достиженія такихъ цвѣтовыхъ эффектовъ прибѣгали къ бѣлой краскѣ, къ которой, несомнѣнно, прибавляли какое-то кристаллическое вещество, можетъ быть, соль; такъ, на примѣръ, у Аякса, сына Оилея, тѣло сіяло какимъ-то кристаллическимъ блескомъ; это должно было напоминать о кораблекрушеніи, которое постигло его при возвращеніи изъ Трои и вслѣдствіе котораго онъ былъ ввергнутъ въ царство Аида. Эта простота колорита была, очевидно, преднамѣренной. Яркая многоцвѣтность, бывшая тогда въ модѣ въ скульптурѣ и архитектурѣ, должна была бы оказывать вліяніе и на живопись, если бы послѣдняя не сопротивлялась этому и все болѣе и болѣе не стремилась къ строгой простотѣ. Въ такомъ очищенномъ искусствѣ центръ тяжести лежитъ въ рисунокѣ; краски являются только дополненіемъ; художникъ пользуется ими лишь для того, чтобы тонкимъ образомъ подчеркнуть красоту формъ и заставить оцѣнить изящество очертаній.

Этой условности у Полигнота противопоставленъ высшій реализмъ, который прежде всего стремится правдиво передать чувства и душевныя движенія. Художникъ выискивалъ главнымъ образомъ такія положенія, въ которыхъ могли бы обнаружиться внутреннія, душевныя волненія. Въ картинахъ, находившихся въ Дельфахъ, выраженіе лицъ и позы плѣнниковъ и бѣгущей изъ Трои семьи Антенора свидѣтельствуютъ о скорби и жгучихъ заботахъ, мучившихъ ихъ. Въ этихъ печальныхъ сценахъ изображались и дѣти: одни изъ нихъ оставались совершенно беззаботными, какъ, на примѣръ, сынъ Андрوماхи, покойно сосавшій грудь своей матери, или маленькій ребенокъ Антенора, уже взобравшійся на спину приготовленнаго къ отѣзду осла; другія же приходили въ ужасъ отъ разыгрывающихся вокругъ нихъ сценъ, какъ, на примѣръ, ребенокъ, ухватившійся въ испугѣ за алтарь, или другой, закрывшій обѣими руками себѣ глаза. Но наиболѣе выразительнымъ было лицо Кассандры, брови и слегка покрас-

нѣвшія щеки которой такъ хорошо передавали глубину ея душевныхъ мукъ.

(P. Girard. La Peinture antique, стр. 154 и сл.).

13. Производство разрисованныхъ вазъ ¹⁾.

Глина, доставлявшая матеріалъ для керамическаго производства Греціи, отличалась большимъ разнообразіемъ. Нѣкоторые сорта глины, въ силу особыхъ свойствъ, болѣе другихъ были пригодны для этого производства. Это была, во-первыхъ, бѣлая коринѣская глина; во-вторыхъ, глина изъ окрестностей Танагры и, въ особенности, глина, находившаяся въ Атикѣ, на мысѣ Коліадѣ. Послѣдняя отличалась болѣе краснымъ оттѣнкомъ, чѣмъ коринѣская, и давала превосходный гончарный матеріалъ; эта аттическая глина и считалась самой лучшей. Но глина въ естественномъ видѣ очень рѣдко представляетъ такой составъ, который можно было бы пускать въ дѣло безъ всякаго приготовленія; поэтому къ ней всегда прибавляли недостающіе ей элементы, главнымъ образомъ, мергель и песокъ, иногда же—окись желѣза. Послѣ этого ее промывали въ большомъ количествѣ воды, растирали, чтобы сдѣлать совершенно однородной, а потомъ на нѣкоторое время оставляли въ покоѣ для того, чтобы путемъ извѣстнаго медленнаго разложенія она избавилась отъ тѣхъ органическихъ веществъ, которыя могли бы при обжиганіи посуды произвести скважины или черныя точки.

На одномъ памятникѣ находится изображеніе греческихъ мастеровъ, занятыхъ изготовленіемъ вазъ. Съ одной стороны видна внутренность мастерской, съ другой—неболь-

¹⁾ По словамъ одного ученаго (Потье), въ музеѣ Луврѣ, въ Парижѣ, насчитывается болѣе шести тысячъ разрисованныхъ вазъ; если присоединить къ этому вазы, находящіяся въ Парижской Національной Библіотекѣ, то можно сказать, что для обзора парижской публики выставлено около восьми тысячъ вазъ. Въ Лондонѣ ихъ имѣется около пяти тысячъ, въ Берлинѣ—почти столько же, въ Неаполѣ—болѣе четырехъ тысячъ. (Срм. автора).

шое пространство на открытомъ воздухѣ съ пылающей печью. Работой заняты нѣсколько мастеровъ; слѣва одинъ изъ нихъ держитъ на колѣняхъ оконченную амфору, которую его сотоварищъ по работѣ беретъ обѣими руками, чтобы отнести въ печь. Далѣе передъ нами картина формованія вазъ. На гончарномъ кругѣ положена амфора, и ученикъ, сидящій на очень низкой скамейкѣ, съ силой приводитъ его въ движеніе. Болѣе пожилой мастеръ погрузилъ свою лѣвую руку въ вазу и уравниваетъ ея внутреннія стѣнки. Наконецъ, еще одинъ молодой рабочий на-

Мастерская гончара.

правляется къ двери; онъ осторожно держитъ въ рукѣ уже обдѣланную на станкѣ вазу, которую надо выставить сохнуть на солнце. Съ другой стороны рисунка хозяинъ мастерской, старый и плѣшивый, наблюдаетъ за двумя рабочими, обжигающими посуду. Одинъ изъ нихъ несетъ на плечѣ мѣшокъ съ углемъ, а другой мѣшаетъ огонь въ печи; лицевая сторона этой печи украшена маской бога Силена, который способствуетъ устраненію неудачъ.

Формовка глиняной посуды въ древнія времена производилась руками, а выравнивали ее просто гладиломъ; но этотъ первобытный способъ уже въ до-гомеровскую эпоху замѣнился гончарнымъ кругомъ, который греки заимствовали, быть можетъ, у египтянъ. Это былъ низкій станокъ, приводимый въ движеніе рукой рабочего. Весьма вѣроятно также, что грекамъ былъ извѣстенъ и такой станокъ, кругъ котораго приводился въ движеніе ногой.

Когда основная часть сосуда получала благодаря гончарному станку окончательную форму, рабочий высушивалъ ее на солнцѣ или на слабомъ огнѣ. Затѣмъ уже онъ присоединялъ къ этой основѣ дополнительныя части, вылѣпленныя руками или на гончарномъ станкѣ; такими частями были: шейка, подножка и ручки. Когда онѣ достаточно подсыхали, онъ приклеивалъ ихъ особымъ составомъ, скрѣплявшимъ чрезвычайно прочно. Наконецъ, чтобы достичь полной гладкости поверхности и уничтожить всякіе слѣды спайки, сосудъ снова полировали. Послѣ такой отделки вещь переходила въ руки мастера-живописца, на обязанности котораго лежала раскраска.

Примѣнялось два способа раскраски керамическихъ издѣлій; сначала въ ходу былъ одинъ, а потомъ другой. При первомъ способѣ на красномъ или бѣлесоватомъ фонѣ получались черныя рисунки; при второмъ—свѣтлыя изображенія на черной глазури. Въ теченіе долгаго времени безпредѣльно царилъ первый способъ, который исчезъ изъ всеобщаго употребленія только въ первой половинѣ V вѣка. Было бы бесполезно погружаться въ техническія объясненія обоихъ этихъ способовъ. Достаточно отмѣтить, что это была очень трудная работа, и греческіе художники проявили здѣсь несравненную ловкость, гибкость и точность руки. Дѣйствительно, съ помощью простой кисти они проводили необычайно тонкія линіи, вырисовывали замѣчательно правильныя складки тяжелыхъ матерій, или передавали поразительно изящными штрихами тысячи изгибовъ легкихъ и прозрачныхъ тканей.

Такъ какъ неудачное обжиганіе могло испортить сосудъ, то, приступая къ нему, мастера принимали всевозможныя предосторожности. Въ Луврскомъ музеѣ есть пластинка съ изображеніемъ гончарной печи; сверху она имѣетъ видъ купола; устье печи въ видѣ выступа внизу давало притокъ воздуху; въ верхнее отверстіе выходили дымъ и пламя; въ срединѣ печи было устроено другое отверстіе, черезъ которое вазы ставились въ печь. Это отверстіе закрывалось небольшою дверкой, но въ ней продѣлывалась дырочка, чтобы рабочий могъ наблюдать за происходящимъ

внутри печи. Работа гончарнаго мастера кончалась, когда сосуды были обожжены. Съ этого момента они были готовы: ихъ можно было выставлять на продажу или отправлять въ дальнія страны.

Это описаніе позволяетъ намъ видѣть, до какой степени при выдѣлкѣ вазъ смѣшивались искусство и ремесло. Въ сущности говоря, греческіе гончары не проводили грани между тѣмъ и другимъ; въ этомъ и заключается секретъ высокаго качества этихъ произведеній. Греки одинаково цѣнили какъ безукоризненность формы вазъ, такъ и изя-

Печь гончара.

щество украшавшихъ ихъ рисунковъ. Тѣмъ не менѣе искусство разрисовки требовало болѣе продолжительной подготовки. Чтобы сдѣлаться мастеромъ въ этомъ дѣлѣ, достичь искусства хорошо комбинировать сложныя сцены и пріобрѣсти необходимую ловкость, живописецъ долженъ былъ предварительно испытать свои силы на болѣе скромныхъ работахъ. По одному рисунку мы можемъ судить, какое большое значеніе въ глазахъ грековъ имѣло это профессиональное обученіе. На немъ изображены ученики, работающіе въ мастерской; они, расположившись на стульяхъ и скамейкахъ, погружены въ раскрашиваніе вазъ. Около нихъ стоятъ баночки съ красками. Одинъ изъ учениковъ только-что нарисовалъ на шейкѣ амфоры спиральныя и яйцевидныя украшенія; другой, постарше, держитъ на колѣняхъ канѳаръ и разрисовываетъ его съ

большимъ прилежаніемъ; третій украшаетъ кратеръ ¹⁾ пальмовыми листьями. Наконецъ, нѣсколько въ сторонѣ молодая дѣвушка, сидящая на невысокомъ помостѣ, покрываетъ рисунками ручку амфоры. По тому рвенію, которое проявляютъ всѣ работающіе, можно догадаться, что къ работѣ ихъ побуждаетъ взаимное соперничество. Другія фигуры дополняютъ и совершенно объясняютъ эту сцену: двѣ крылатыя богини Побѣды собираются увѣнчать двухъ изъ этихъ молодыхъ художниковъ, въ серединѣ же стоитъ Аѳина и держитъ вѣнокъ изъ оливковыхъ листьевъ, который предназначается для трудолюбиваго художника, находящагося передъ ней. Этотъ рисунокъ неизвѣстнаго автора, превозносящаго съ такой гордостью достоинства своей профессіи и ставящаго ее подъ покровительство могущественной богини, даетъ намъ драгоцѣнное свидѣтельство. Тутъ ясно обрисовывается горячее усердіе и желаніе совершенства, воодушевлявшее всѣхъ сотоварищей художника, начиная отъ самыхъ неизвѣстныхъ и кончая тѣми мастерами, имена которыхъ помѣчены на самыхъ изящныхъ произведеніяхъ античной керамики.

Обычно на греческихъ гончаровъ смотрятъ, какъ на простыхъ рабочихъ, занятыхъ только своимъ ремесломъ. Мы представляемъ ихъ себѣ одѣтыми въ скромные рабочіе костюмы, запачканными глиной, на скамейкахъ передъ гончарнымъ станкомъ или съ вазой на колѣняхъ. Такими, конечно, и были всѣ чернорабочіе, которые въ каждой мастерской исполняли всю текущую работу; но тѣ, которые подписывали свои имена на великолѣпныхъ вазахъ V и IV вѣковъ, занимали иное общественное положеніе и имѣли другое образованіе. Хотя мастера большихъ гончарныхъ мастерскихъ и были заняты главнымъ образомъ формованіемъ сосудовъ и обжиганіемъ ихъ, однако, даже и они въ большинствѣ случаевъ были хорошо знакомы съ искусствомъ украшать ихъ и могли сами ихъ разрисовывать. Какъ первые, такъ и вторые проходили серьезную школу: ихъ обучали или старые мастера или насто-

¹⁾ Канѳаръ и кратеръ—см. вып. II, § 4.

ящіе художники; они были освѣдомлены относительно того, что дѣлалось въ живописи и въ скульптурѣ, украшавшей храмы и общественныя площади Аѳинъ, Коринѳа, Аргоса, Фивъ, Дельфъ и Платеи; въ издѣліяхъ, выходящихъ изъ ихъ мастерскихъ, они старались воспроизводить возможно точнѣе искусную композицію, изящную красоту, спокойствіе и величіе этихъ все растущихъ въ числѣ стѣнныхъ украшеній.

(Rayer et Collignon. Histoire de la céramique grecque, Introduction и стр. 157).

14. Рисунокъ на одной вазѣ.

Описываемая ваза сдѣлана аѳиняниномъ Евфроніемъ, жившимъ въ первой половинѣ X-го вѣка до Р. Х. Она была найдена въ Этруріи и представляетъ собою киликсъ ¹⁾, раскрашенный и внутри, и снаружи. Изъ трехъ изображенныхъ здѣсь сценъ двѣ представляютъ собою эпизоды изъ легенды объ Ахиллѣ и Троилѣ, третью можно безъ особой натяжки считать имѣющей связь съ тѣмъ же сюжетомъ. Рисунокъ, который занимаетъ одну изъ внѣшнихъ половинокъ чаши, изображаетъ четырехъ вооружающихся воиновъ. Два изъ нихъ уже пожилые и бородатые мужчины; они—люди опытные въ военномъ дѣлѣ и почти закончили свои приготовленія. Одинъ совершенно готовъ: онъ не только надѣлъ шлемъ и латы, но набросилъ уже на плечи плащъ и беретъ свой щитъ. У другого также на головѣ надѣтъ шлемъ; онъ стоитъ на одной правой ногѣ и занимается привязываніемъ наколѣнниковъ; однако, онъ не успѣлъ еще надѣть на себя латы, и все тѣло его покрыто туникой, заложеной мелкими складками; волосы падаютъ ему на плечи длинными прядями; копье его воткнуто въ землю подлѣ него.

Около этихъ двухъ гоплитовъ, людей взрослыхъ и опытныхъ воиновъ, изображены два прекрасныхъ эфеба.

¹⁾ Киликсъ—см. вып. II, § 4.

Они одѣты въ короткіе изящные плащи и стоятъ съ непокрытыми головами и босыми ногами. Одинъ изъ нихъ перекидываетъ черезъ плечо перевязь отъ своего короткаго меча; другой опирается лѣвой рукой на круглый щитъ, а правой беретъ шлемъ, который собирается надѣть на голову.

Археологъ Гергардъ ¹⁾ видитъ въ этой сценѣ изображеніе мирмидонскаго ²⁾ вооруженія, и эта гипотеза очень вѣроятна.

Рисунокъ на вазѣ архаическаго періода.

Если принять ее, то всѣ украшенія кубка приобрѣтають полное единство. Дѣйствительно, второй изъ внѣшнихъ рисунковъ даетъ изображеніе подвига самого вождя мирмидоновъ, Ахилла. Съ правой стороны на этомъ рисункѣ изображенъ прямоугольный алтарь, воздвигнутый возлѣ пальмоваго дерева, а рядомъ съ нимъ—треножникъ. Алтарь этотъ посвященъ Аполлону, какъ указываютъ присутствіе пальмы и треножника. Влѣво отъ алтаря—Ахиллъ, одѣтый въ шлемъ и латы, съ копьемъ и щитомъ въ лѣвой рукѣ, схватилъ правой рукой за густыя пряди волосъ безоруж-

¹⁾ Гергардъ—нѣмецкій археологъ (1795—1867 г.).

²⁾ Мирмидоны—одно изъ греческихъ племенъ, по Гомеру.

наго юношу, одѣтаго въ простую тунику. Это сынъ Пріама, Троилъ. Подвергнувшись внезапному нападенію, Троилъ падаетъ назадъ и протягиваетъ правую руку съ открытой ладонью къ своему врагу, умоляя его о пощадѣ. Онъ вы-

Рисунокъ на вазѣ (Ахиллъ и Троилъ).

пустилъ изъ рукъ поводья, на которыхъ вель двухъ своихъ лошадей, и тѣ усаkali галопомъ.

Послѣдній актъ этой ужасной трагедіи изображенъ внутри чаши. Троилъ, конечно, пытался вырваться и сѣсть на алтарь, гдѣ онъ сдѣлался бы неприкосновеннымъ; положеніе его тѣла указываетъ, что онъ бѣжитъ, но Ахиллъ снова схватилъ его за волосы, и несчастный мальчикъ напрасно пытается разжать своей лѣвой рукою роковую для него руку Ахилла; въ то же время онъ протягиваетъ свою правую руку съ открытою ладонью и опять умоляетъ о пощадѣ. Его побѣдитель, неукротимый въ своемъ гнѣвѣ, вытянулъ правую ногу впередъ и, потрясая своей правой поднятой

рукой, держащей короткій мечъ, откидываетъ слегка назадъ голову своего плѣнника и хочетъ перерѣзать ему горло. Фигура Ахилла чрезвычайно замѣчательна: она поражаетъ оригинальностью и гордостью позы, энергіей движеній и жизненностью лица. Широко открытые глаза устремлены на жертву, изъ слегка отверстаго рта вырывается крикъ удовлетворенной ярости, ноздри раздуты и губы дрожатъ отъ дикой ярости. Все это дышитъ такимъ напряженіемъ жизни, что подобное изображеніе едва ли можно встрѣтить на какой-либо другой греческой вазѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ искаженное отъ ужаса лицо Троила и величайшее усиліе, которое онъ дѣлаетъ, внушаютъ каждому зрителю мучительное ощущение.

(Rayet. Histoire de la céramique grecque, стр. 168 и сл.).

15. Производство терракотовыхъ издѣлій ¹⁾).

При производствѣ терракотовыхъ вещей послѣдовательно примѣнялись пять различныхъ пріемовъ: приготовленіе тѣста изъ глины, вылѣпливаніе вещей руками или съ помощью формы, окончательная отдѣлка, обжиганіе и раскрашиваніе.

Древніе прилагали всѣ усилія, чтобы приготовить для терракотовыхъ издѣлій совершенно однородное, вполне чистое глиняное тѣсто. Основнымъ матеріаломъ для этого служила такъ называемая сукновальная глина, которая очень распространена во всѣхъ странахъ. Глина, служащая для лѣпки, имѣя въ разныхъ странахъ одинаковую плотность и тягучесть, различается по окраскѣ, что не можетъ ускользнуть отъ опытнаго глаза.

При выдѣлкѣ вещей существовало два пріема: ихъ или лѣпили сплошными, или же дѣлали глиняные слѣпки съ ранѣе приготовленной формы.

Первый способъ примѣнялся только при производствѣ

¹⁾ Въ парижскомъ музеѣ Луврѣ есть богатая коллекція терракотовыхъ издѣлій съ прекраснымъ каталогомъ Гезея (Heuzey). (Прим. автора).

небольшихъ фигурокъ—животныхъ или куколъ, предназначавшихся для дѣтскихъ игръ. Имъ пользовались также, когда хотѣли выкатать изъ тѣста длинныя палочки, которыя разрѣзались на части любой величины и служили для изготовленія рукъ, ногъ и торсѡвъ, соединявшихся потомъ воедино. Второй способъ употреблялся гораздо чаще; преимуществомъ его было то, что онъ давалъ возможность дѣлать стѣнки сосуда небольшой толщины, благодаря чему глина мало подвергалась усыханію и случайностямъ при обжиганіи. Кромѣ того, вещи выходили полныя внутри и очень легкія.

Самую форму дѣлали [изъ хорошо обожженной и пріобрѣтшей большую твердость глины. При производствѣ болѣе или менѣе простыхъ статуэтокъ по этой формѣ вылѣплялась цѣлая фигура съ головой и даже съ подставкой. Рабочій бралъ кусокъ глинянаго тѣста, клалъ его въ форму и вдавливалъ пальцами во всѣ [углубленія; этотъ первый слой бывалъ слишкомъ тонкимъ и не могъ еще образовать достаточно прочной стѣнки; поэтому на него накладывались такимъ же способомъ нѣсколько слоевъ, пока не получалась желательная толщина. Обмазанная глиной форма оставлялась на воздухѣ и подсыхала; усыханіе сырой глины бывало довольно значительно, поэтому черезъ нѣкоторое время можно было вынуть готовый слѣпокъ изъ формы.

Но одной формы было недостаточно, если воспроизводимая фигура отличалась сложностью, если ея руки и ноги не были крѣпко прижаты къ тѣлу, если у нея были крылья или какія-нибудь принадлежности вродѣ шляпы, вѣера, древеснаго ствола и проч., а въ особенности, если это была цѣлая группа; въ этомъ случаѣ для каждой части надо было имѣть особую форму и по изготовленіи всѣхъ ихъ приходилось прилаживать и прикрѣплять одну къ другой. Тѣмъ не менѣе неправильно думать, что число формъ, которыми пользовались въ греческихъ керамическихъ мастерскихъ, было очень значительно; греки умѣли достигать большого разнообразія и при небольшомъ количествѣ приспособленій. Изучая статуэтки, сдѣланныя въ одной и

той же мастерской, замѣчаемъ, что одинаковые экземпляры встрѣчаются въ высшей степени рѣдко. Между многими статуэтками можно отмѣтить тѣсное родство; но почти всегда существуетъ какая-нибудь разница въ позѣ, въ жестѣ, въ поворотѣ головы, въ направленіи руки, въ перемѣщеніи принадлежности, въ измѣненіи совершенно незначительной подробности, а это создавало все же впечатлѣніе иного мотива. Можно было получить десять различныхъ сюжетовъ вмѣсто одного, если только, дѣлая какую-нибудь фигурку, наклонить ей голову на плечо, приподнять или опустить руку, выставить впередъ ногу, перемѣстить ту или иную деталь. Предположивъ возможность комбинировать между собою различныя формы, легко понять, что этимъ путемъ достигалось почти безконечное разнообразіе. Можно было, напримѣръ, на женскую задрапированную одѣяніемъ фигуру помѣстить головку матроны въ покрывалѣ или кудрявую головку дѣвушки, на эту голову—шляпу или вѣнокъ изъ листьевъ, а въ руки вложить вѣеръ или гирлянду, или мѣшочекъ съ игральными костями, или птицу и т. д. Греческіе мастера проявляли въ этой отрасли своего ремесла богатую изобрѣтательность и удивительное остроуміе. Маленькая мастерская могла имѣть лишь десятокъ формъ различныхъ типовъ и съ этими ограниченными средствами безъ труда производить цѣлый міръ статуэтокъ.

Когда всѣ части какой-нибудь статуэтки были прилажены другъ къ другу, скрѣплены между собою небольшимъ количествомъ сырой глины, оставалось только подвергнуть вещицу обжиганію. Большинство статуэтокъ переходило тогда изъ рукъ формовщика прямо въ печь. Но когда вещь требовала тщательной обработки, обжиганію предшествовала важная операція: это была ретушевка; она заключалась въ томъ, что мастеръ, съ цѣлью тщательной отдѣлки всѣхъ подробностей, прикасался къ глиня чѣмъ-нибудь влажнымъ и, размягчивъ ее такимъ образомъ, обрабатывалъ ее затѣмъ съ помощью особаго инструмента. Въ этомъ именно и заключалась артистическая сторона ремесла. Въ ретушевкѣ проявлялось особое искусство и утонченное изящество танагрскихъ мастеровъ. Только въ

рѣдкихъ случаяхъ вещи выпускались безъ такой отдѣлки. Если этой работы не выполняли или дѣлали ее небрежно, то сейчасъ же получались вещи низшаго сорта.

Обжиганіе требовало только внимательнаго отношенія, но отъ него зависѣлъ успѣхъ дѣла. Если испареніе воды черезъ оставлявшіяся для этой цѣли въ терракотѣ отверстія происходило плохо, если температура была доведена до слишкомъ высокой степени, вещь или разсыпалась на куски, или растрескивалась, скрѣпленные части разъединялись, и все было потеряно; поэтому, для избѣжанія подобныхъ несчастныхъ случаевъ, принимали много предосторожностей. Выжидали, чтобы вещь хорошо высохла на воздухѣ, что обуславливало медленное съезживание влажной глины. Стѣнки статуэтокъ дѣлались изъ самаго тонкаго и легкаго слоя глины, съ цѣлью довести усыханіе до возможно меньшей степени. Кромѣ того, съ задней стороны статуэтки продѣлывалось большое овальное, треугольное или четырехугольное отверстіе, называемое *отдушиной*; назначеніе его было—дать свободный выходъ парамъ, образовавшимся подъ дѣйствіемъ жары въ порахъ глины. Въ печи поддерживалась умѣренная температура, такъ какъ не нужно было доводить глину до чрезчуръ большой твердости; вообще замѣчено, что античныя статуэтки обожжены очень слабо.

Послѣ обжиганія статуэтки передавались въ руки мастера-живописца. Краски накладывались уже тогда, когда статуэтка совершенно остывала, поэтому онѣ приставали къ глинѣ плохо. Чтобы помочь раскрашиванію, статуэтку опускали въ известковое молоко; это вещество проникало во всѣ поры глины и образовывало на ней бѣлый налетъ, къ которому лучше приставали и на которомъ яснѣ выходили всѣ другія краски. При раскрашиваніи примѣнялись: красный цвѣтъ, начиная отъ алаго оттѣнка до розоваго, синій, зеленый, желтый и черный. Красками покрывалось все: одежда, тѣло, лицо, волосы, ноги и даже пьедесталъ. Глина видна была развѣ только съ нижней стороны статуэтки. При этомъ употреблялись только простые цвѣта, и разнообразіе оттѣнковъ не было въ ходу. Наиболѣе часто встрѣчающи-

мися цвѣтами были красный и синій. Зеленымъ пользовались гораздо рѣже. Желтый цвѣтъ нерѣдко служилъ для того, чтобы лучше укрѣпить позолоту; имъ красили крылья, бахрому туники и всѣ тѣ части, которыя надо было золотить. Волосы дѣлали темно-рыжими; брови и глаза обозначались черными черточками; ротъ обводился красной чертой; обнаженные части тѣла и лица покрывались одно-тонной коричневато-красной или темно-желтой краской, подобно цвѣту тѣла; одежда красилась обыкновенно въ розовый или синій цвѣтъ, иногда же она была бѣлая съ цвѣтными полосами. При выборѣ окраски не всегда руководились желаніемъ соблюсти правдоподобіе; такъ, на-примѣръ, листья на деревьяхъ дѣлали синими, шерсть животныхъ—зеленой. Все это признаки, что работа производилась иногда спѣшно и машинально.

Позолоту примѣняли только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ Танагрѣ и въ Микенахъ ее можно видѣть на украшеніяхъ одеждъ, на покрывавшихъ голову повязкахъ и діадемахъ, на серьгахъ, браслетахъ и ожерельяхъ, но на обнаженномъ тѣлѣ никогда не встрѣчается никакихъ слѣдовъ ея. Однѣ только смиренскія издѣлія нарушаютъ это правило. На многихъ вещицахъ смиренскаго производства все тѣло цѣликомъ покрыто позолотой; впрочемъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло просто съ поддѣлкой подъ маленькія бронзовыя позолоченныя статуэтки, которыя высоко цѣнились богатыми любителями, но благодаря своей дороговизнѣ не могли пріобрѣтаться покупателями другихъ классовъ общества.

Въ technikѣ керамическаго производства поражаетъ простота пріемовъ. Тутъ ясно выказываются свойства греческаго ума съ его практическимъ смысломъ и артистическимъ чувствомъ, взаимно уравнивающими другъ друга. Цѣлью, къ которой инстинктивно стремились мастера, была красота, но они никогда не теряли изъ виду и интересовъ пользы. Они были своего рода мыслителями и творцами, когда воспроизводили въ болѣе удобной для распространенія формѣ сюжеты современной имъ скульптуры; они проникались философскими понятіями,

лежащими въ основѣ изображеній религіознаго и погребальнаго характера. Мастера эти были признанными поставщиками святилищъ и кладбищъ, и не забывали, что покупатели будутъ искать у нихъ символовъ, въ которыхъ въ изящной формѣ передавались бы сложныя чувства, вызываемыя поклоненіемъ богамъ, надеждою на безсмертіе, сожалѣніемъ и любовью къ почившимъ. Но у нихъ такъ же, какъ и у ихъ потребителей, философія была слишкомъ неопредѣленна, а вѣра черезчуръ растяжима. Они довольствовались не очень многимъ, и побужденія ремесленника часто брали у нихъ верхъ надъ мелькнувшимъ идеальнымъ представленіемъ. Ихъ духовный уровень былъ ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ низокъ: это были чрезвычайно искусные мастера, которые безсознательно проникались возвышенными мыслями, распространенными въ окружавшей ихъ средѣ; но въ то же время они были очень практичными ремесленниками и жаждали извлечь выгоду изъ всего, не брезгали поддѣлкой, страстно стремились къ барышамъ и желали достигнуть возможно большаго съ помощью самыхъ дешевыхъ приспособленій. Съ быстротой работы они соединяли внимательное отношеніе къ вкусамъ публики и даже къ ея временнымъ увлеченіямъ.

Потому-то произведенія коропластовъ, какъ ихъ называли, представляютъ собою, наряду съ разрисованными вазами, самое вѣрное зеркало, отражавшее въ себѣ жизнь античнаго общества.

(Pottier. Les Statuettes de terre cuite dans l'antiquité, гл. XI).

16. Танагрскія статуэтки.

Танагрское производство достигаетъ высшей ступени своего развитія въ половинѣ IV-го вѣка до Р. Х. Эти статуэтки, отличавшіяся такой живостью позъ, такой кокетливостью въ нарядахъ, такой естественностью и изяществомъ, были типами, заимствованными изъ повседневной жизни; въ этомъ-то и заключается главный интересъ танагрскихъ произведеній, сдѣланныхъ иногда наскоро, но

всегда проникнутыхъ самымъ искреннимъ и тонкимъ чувствомъ дѣйствительности. Особенное мастерство проявляется при воспроизведеніи женскихъ фигуръ.

Вотъ мечтательница, сидящая на камнѣ подлѣ маленькой статуи бога Силена; волосы ея украшены нѣсколькими виноградными листьями, какъ будто она только-что вернулась съ праздника въ честь Бахуса; рука ея полусогнута на груди, голова поднята и взоръ безпредметно устре-

Танагрскія статуэткі.

мленъ въ пространство; она погрузилась въ свои мечты, и лицо ея озарено чуть замѣтной улыбкой. Другая женщина, также разукрашенная виноградными листьями, отдалась болѣе грустнымъ мыслямъ, если судить по наклоненной головѣ и опущенному въ землю взору; одна рука ея опирается на камень, который служитъ ей сидѣніемъ, а другая держитъ развязавшійся поясъ туники; плохо скрѣпленная одежда соскальзываетъ и обнажаетъ плечо. Третья

фигурка стоитъ въ гордой и слегка презрительной позѣ; она строго закутана въ одѣяніе съ ногъ до головы; правая рука ея заложена за талию, а выдвинутый локоть выступаетъ подъ матеріей и натягиваетъ драпировку вокругъ ея стана. Виноградные листья, украшающіе ея голову, и большой тимпанъ въ лѣвой рукѣ свидѣтельствуютъ, что эта гордая красавица, какъ и двѣ предыдущія, только-что была участницей игръ и веселыхъ процессій какого-нибудь праздника. Вотъ еще статуэтка, изображающая болѣе пожилую женщину. Она зябко закуталась въ свои одежды, покрыла полой гиматіона всю голову, положила правый локоть на лѣвую руку, подперла правою рукой щеку и подняла къ небу глаза съ выра-

Танагрская статуэтка.

женіемъ задумчивости на лицѣ. Увеличивъ въ своемъ воображеніи эту терракотовую фигурку до размѣра статуи, получимъ идеальный образъ греческой матроны.

Если желаете посмотреть на гречанку внѣ дома, когда она отдыхаетъ отъ своихъ домашнихъ занятій, то можете видѣть изображенія женщинъ на прогулкѣ: онѣ завернуты въ

Танагрскія статуэтки.

плащи съ цвѣтной бахромой, на головѣ у нихъ одинъ конецъ покрывала или же легкія соломенные шляпы, въ рукѣ вѣреть, чтобы освѣжать лицо отъ зноя ¹⁾). Одна изъ нихъ остановилась, желая отдохнуть, и опирается рукой на невысокій каменный столбъ; она не боится солнечнаго зноя, и на волосахъ ея нѣтъ ничего, кромѣ простой повязки. Если посмотрѣть на нее сбоку, то ея тонкій профиль вырисовывается совершенно отчетливо; складки ея плаща ниспадаютъ симметрическими волнами, расположенными съ большимъ искусствомъ; хотя изъ частей ея тѣла видны только концы ногъ, тѣмъ не менѣе подъ драпировкой чувствуется здоровая крѣпость всѣхъ ея членовъ. Какъ эти изящныя созданія умѣли красиво ходить и держаться! Во всѣхъ ихъ движеніяхъ чувствуется равновѣсіе и точная размѣренность, проявленіе спокойной силы и непоколебимаго здоровья! Къ нимъ вполне подходитъ роль матерей и женъ красавцевъ-атлетовъ, подвизавшихся въ своихъ здоровыхъ играхъ на палестрахъ и стадіяхъ. Въ этихъ глиняныхъ бездѣлушкахъ физическое совершенство греческой расы обнаруживается въ такой же мѣрѣ, какъ и въ самыхъ прекрасныхъ мраморныхъ статуяхъ.

(Pottier. Les Statuettes de terre cuite dans l'antiquité, стр. 80 и сл.).

17. Золотыхъ дѣлъ мастерство въ микенскій періодъ ²⁾).

Мы знакомы съ произведеніями микенскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ по множеству предметовъ, найденныхъ въ гробницахъ мѣстнаго акрополя.

Можно подраздѣлить на двѣ категоріи всѣ сосуды, найденные Шлиманомъ: одни сосуды предназначались для храненія и разливанія жидкостей, другіе—для питья. Уже

¹⁾ См. рисунокъ на стр. 27 вып. II. (*Прим. автора*).

²⁾ Въ исторіи греческаго искусства микенскимъ періодомъ называется эпоха, предшествующая нашествію дорянъ на Пелопоннесъ; онъ простирается отъ XV до XII вѣка до Р. Х. (*Прим. автора*).

среди первых замѣчаются образчики, не лишённые изящества, но изобрѣтательность мастеровъ проявляется, главнымъ образомъ, въ сосудахъ для питья. Нельзя встрѣтить даже двухъ такихъ кубковъ, которые были бы совершенно тождественны. У нѣкоторыхъ изъ нихъ только одна ручка, а форма болѣе или менѣе напоминаетъ вазу; украшеніе состоитъ лишь изъ желобковъ. На другихъ вся поверхность покрыта вѣточками, которыя отдѣляются другъ отъ друга стеблями съ распустившимся цвѣткомъ на концѣ. На одномъ золотомъ стаканчикѣ работа отличается болѣе сложностью: его наружная поверхность пересѣкается горизонтальной полосой, состоящей какъ бы изъ трехъ лентъ; полоса эта дѣлитъ сосудъ на двѣ части, украшенныя выпуклыми изображеніями рыбъ.

Золотая чаша съ желобками.

Дѣлались также кубки на ножкахъ. У одного изъ нихъ поверхность совершенно гладкая, украшенія же сосредоточены на ручкѣ; эта ручка заканчивается головой собаки, которая впилась зубами въ край сосуда. У другой чаши только одна ручка и та очень простой работы, но ниже кра-

Золотая чаша.

евъ находится {изображеніе} трехъ мчащихся во весь опоръ львовъ. Микенскіе мастера были, повидимому, очень искусны. Доказательствомъ этого является одинъ кувшинъ, корпусъ и шейка котораго сдѣланы отдѣльно; линія соединенія этихъ двухъ частей была прикрыта

полоской изъ того же металла; концы ея соединены на ручкѣ, закрѣплены гвоздями; но, чтобы достичь совершенной прочности въ прикрѣпленіи шейки къ самой основѣ

сосуда, гвоздей было недостаточно, а потому по всей окружности этой полосы можно замѣтить очень маленькія дырочки; когда-то въ нихъ были шпильки, толщина которыхъ не превосходила тупого конца иглки. На этой полосѣ изображено семнадцать выпуклыхъ бычачьихъ головъ.

Но золотыхъ дѣлъ мастеръ проявилъ богатство своей изобрѣтательности главнымъ образомъ при работѣ надъ драгоценными украшеніями. Вотъ, напримѣръ, діадема въ видѣ золотой тесьмы очень удлиненной, овальной формы. Главнымъ ея украшеніемъ являются девять выпуклыхъ бляшекъ; самая большая изъ нихъ помѣщена въ серединѣ, а остальные идутъ отъ центра къ концамъ, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ; вокругъ каждой изъ нихъ находятся два концентрическихъ круга; между ними расположены очень тонкая спираль и витой шнурокъ. Кружки поменьше окружены гуртиками и заполняютъ углы, которые образуются при пересѣченіи дугъ соприкасающихся круговъ. Все это окаймлено выпуклымъ ободкомъ, за которымъ начинается бордюръ. По

своему рисунку описываемая діадема очень красива; постепенное уменьшеніе выпуклыхъ кружковъ находитъ объясненіе для глаза въ томъ, что поле діадемы суживается; спираль

Золотая діадема.

и витыя линіи наполняютъ рисунокъ, но не запутываютъ его. На этой блестящей поверхности происходитъ игра свѣта и тѣней, что очень украшаетъ вещь. Общій видъ діадемы отличается строгимъ изяществомъ, которое, впрочемъ, не доводится до крайности.

Шлиманъ нашелъ въ одной могилѣ не менѣе 701 золотыхъ кружковъ; повидимому, они нашивались на одежду умершаго такимъ образомъ, что заполняли всѣ пустыя мѣста между главными частями погребальнаго убранства. Мотивы ихъ украшеній можно подраздѣлить на два разряда:

Золотая бляха.

Золотая пуговица.

одни украшенія состоятъ изъ кривыхъ линій въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ; другія же являются воспроизведеніемъ растеній и низшихъ животныхъ, которыя часто вдохновляли художниковъ, разрисовывавшихъ вазы. Розетка является какъ бы переходомъ между этими двумя видами мотивовъ. Типичныя украшенія второго вида изображаютъ листь съ лучеобразно расходящимися жилками, восьминожку и бабочку. Всѣ эти пластинки были выбиты по матрицѣ.

У насъ есть также нѣсколько пуговицъ, сдѣланныхъ изъ золотыхъ пластинокъ, которыя изготовлялись слѣдующимъ образомъ: на деревянную или костяную форму

съ вырѣзаннымъ на ней рисункомъ накладывался золотой листокъ, затѣмъ путемъ сильнаго надавливанія листокъ этотъ входилъ въ углубленія модели и плотно облекалъ ея выпуклости. Поле пуговицы представляетъ собою ромбъ, съ розеткой посерединѣ; розетка окружена бордюромъ, который состоитъ изъ кружочковъ или расположенныхъ накрестъ листиковъ. На всѣхъ четырехъ углахъ ромба находятся по двѣ шишки. Идея этихъ шишекъ внушена, повидимому, шляпками гвоздей, которыми прикрѣплялись къ мебели пластинки изъ хрусталя, стекла или слоновой кости.

Серьга.

Пластинки, прикрѣплявшіяся къ одеждѣ, отличались самой разнообразной формой. Между ними были треугольныя съ очень сложными фигурами изъ кривыхъ линій; другія дѣлались на подобіе трапецій и были украшены цвѣтками, слегка напоминающими общія очертанія нѣкоторыхъ видовъ лилій. Въ могилахъ встрѣчались также большія золотыя

пластинки, носившіяся на груди; отсюда же было извлечено украшеніе, походившее на найденное въ Троѣ. Это была небольшая трубочка, черезъ которую продѣтъ шнурокъ, а по обоимъ концамъ трубочки расположены были спирали, сдѣланныя изъ обвивающейсѣя вокругъ самой себя золотой проволоки. Спиралью украшены также и большія серьги. Найдено было много серегъ съ кольцами, прикрѣпленными къ крючку, который продѣвался въ ухо. Не менѣе распространены были и головныя шпильки; изъ нихъ особенно извѣстна та, верхушка которой расширяется въ видѣ кружка съ женской фигурой, простирающей руки.

Микенскіе мастера, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не припаивали золота къ золоту. Для прикрѣпленія ручки къ сосуду они пользовались гвоздями съ плоскими шляпками. Не спаивали они и серебра съ золотомъ. Когда они хотѣли скрѣпить между собою эти два металла, то накладывали золото на серебро и соединяли ихъ съ помощью

маленькихъ гвоздиковъ, или же дѣлали инкрустацію золота съ помощью маленькихъ пластинокъ, вставляемыхъ въ углубленія на поверхности серебра. Позолотой они также не умѣли пользоваться. Незнакомо имъ было и искусство спаиванія мѣди или бронзы; вазы, сдѣланныя изъ этихъ металловъ, состоятъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, соединенныхъ одна съ другой посредствомъ множества маленькихъ гвоздиковъ. Гвозди съ широкими шляпками служили и для прикрѣпленія всѣхъ ручекъ. Но греки изготовляли уже самые разнообразныя сплавы. Въ инкрустаціи мѣднаго клинка, найденнаго въ Вафіо, вставлено одно вещество, которое представляетъ собою бронзу, очень богатую оловомъ, или сплавъ свинца и серебра. Такимъ путемъ получался мягкій и бѣлый металлъ, который встрѣчается у Гомера подъ названіемъ *χασίτερος*. До начала разработки рудниковъ въ Испаніи олово находилось слишкомъ рѣдко, а потому его не употребляли въ чистомъ видѣ.

(По Perrot. Histoire de l'art dans l'antiquité, VI, стр. 959 и сл.).

18. Золотыя вазы изъ Вафіо ¹⁾.

Формы и размѣры двухъ кубковъ, найденныхъ въ Вафіо, одинаковы. Одинъ изъ нихъ имѣетъ въ вышину 8,3 сантиметра, а въ діаметрѣ 10,4 сантиметра; другой—съ тѣмъ же діаметромъ, но на 3 миллиметра ниже. Одинъ вѣситъ 276, а другой 280¹/₂ граммовъ. Украшенія ихъ выпуклыя, но съ внутренней стороны углубленія незамѣтны, такъ какъ каждый кубокъ сдѣланъ изъ двухъ листовъ металла, наложенныхъ одинъ на другой. Листокъ, расположенный съ внутренней стороны, совершенно гладкій и исполняетъ роль подкладки, скрывая оборотную сторону выпуклыхъ украшеній. Мастеръ выпустилъ этотъ внутренній листокъ нѣсколько выше наружнаго, и слегка загнутые края его

¹⁾ Обѣ эти вазы найдены въ 1888 году въ одной могилѣ на Спартанской равнинѣ, къ западу отъ деревни Вафіо; онѣ принадлежатъ къ микенскому періоду. (Прим. автора).

надъ лицевымъ листкомъ образуютъ по всей окружности нѣчто вродѣ рубчика.

На одномъ изъ этихъ сосудовъ художникъ изобразилъ сцену охоты за дикимъ быкомъ. Между скалами и кустарниками находится узкій проходъ, поперекъ котораго протянута сѣть, привязанная концами къ дереву. Испуганный криками загонщиковъ буйволъ со всего разбѣга бросается въ веревочныя петли, и ноги его запутываются въ нихъ. Несмотря на всѣ усилія, онъ не въ состояніи разорвать ихъ; животное выбивается изъ силъ, падаетъ и съ тоскою подымаетъ свою голову, которая остается еще свободной. Другой буйволъ, предупрежденный несчастіемъ своего собрата, перескакиваетъ съ невѣроятнымъ усиліемъ черезъ препятствіе. Онъ еще не сталъ на землю; его переднія ноги едва только коснулись почвы, а онъ уже направляется вправо, причемъ никто не дѣлаетъ попытокъ ловить его. По другую же сторону сѣти еще одинъ буйволъ попалъ между двумя людьми, загородившими ему проходъ; но онъ избавляется отъ нихъ: ударомъ своего лѣваго рога онъ бросаетъ одного изъ нихъ на воздухъ, и тотъ падаетъ въ это мгновеніе на спину. Затѣмъ, повернувшись къ другому нападающему, животное правымъ рогомъ пронзаетъ ему грудь и подымаетъ его на этомъ рогѣ, причемъ человѣкъ виситъ внизъ головой. Двѣ пальмы обрамляютъ по сторонамъ сцену изъ этихъ трехъ быковъ.

На другомъ кубкѣ художникомъ изображено побѣжденное и покоровшееся животное. Посрединѣ стоятъ рядомъ два буйвола, которые поворачиваютъ одинъ къ другому головы, какъ бы ведя между собою бесѣду. Направо третій буйволъ, отдѣленный отъ этой группы деревомъ, медленно движется съ опущенной внизъ головой. Влѣво отъ центральной группы изображенъ буйволъ, котораго человѣкъ держитъ на веревкѣ. Животное, повидимому, тянетъ за эту веревку, но безъ особаго ожесточенія; ясно, что оно не оказываетъ серьезнаго сопротивленія; протестъ его выражается только движеніемъ головы, поднятой вверхъ; буйволъ испускаетъ мычаніе, въ которомъ слышится призывъ и жалоба, но которое, однако, не мѣшаетъ ему повиноваться.

Объ эти сцены, какъ можно замѣтить, происходятъ въ одной и той же мѣстности, среди горныхъ ущелій и пастбищъ. Въ ней дѣйствуютъ одни и тѣ же лица: могучее животное, силу котораго нужно обуздать, а съ другой стороны—человѣкъ, сначала ставяшій на карту свою жизнь въ этой полной случайностей охотѣ, затѣмъ затягивающій ремни ярма вокругъ роговъ, смертоносныхъ ударовъ которыхъ онъ такъ долго боялся. Эти изображенія являются

Вазы изъ Вафіо.

дополненіемъ другъ къ другу: одна и та же тема развивается въ двухъ дѣйствіяхъ рисунковъ обоихъ сосудовъ; противопоставленіе этихъ сценъ производитъ выгодное впечатлѣніе и свидѣтельствуетъ, что кубки вышли изъ одной и той же мастерской.

Однако, въ выполненіи замѣчается нѣкоторая разница: въ первомъ кубкѣ оно менѣе закончено, менѣе выдержано во всѣхъ подробностяхъ, но, благодаря именно этому, отличается большей силой и жизненностью. Работа носитъ скорѣе характеръ наброска, сдѣланнаго съ одушевленіемъ и увѣ-

ренностью, которая свидѣтельствуютъ о вдохновеніи и искусствѣ художника. Это проявляется во многихъ чертахъ. Такъ, напримѣръ, у буйвола, за которымъ человѣкъ охотится, члены тѣла болѣе слиты воедино со всѣмъ корпусомъ, чѣмъ у животныхъ, прогуливающихъ по пастбищу: они какъ бы болѣе соотвѣтствуютъ туловищу и лучше передаютъ его движенія. На второй же вазѣ прикрѣпленіе бедеръ къ туловищу сдѣлано слабо и условно. Что-то вялое чувствуется и въ ногахъ, которыя скорѣе какъ бы висятъ подъ животомъ, а не соединены съ тазовыми и плечевыми костями. Изображеніе головъ также оставляетъ желать многого. Голова лѣваго буйвола въ центральной группѣ не достаточно широка; если бы ее отдѣлить отъ туловища, то можно было бы скорѣе принять за голову козла, а не буйвола. Голова его сосѣда, того животнаго, которое смотритъ на зрителей, незначительна и лишена выраженія.

Если внимательно изучить первый кубокъ, то въ рисунокѣ его можно замѣтить грубья ошибки. Поза быка, попавшаго въ сѣти, поистинѣ искусственна: онъ долженъ былъ бы переломить спинной хребетъ, если бы изогнулся такимъ образомъ, что его переднія ноги касались роговъ. Неизвѣстно также, гдѣ задняя часть лѣваго буйвола; предполагается, что она закрыта и ея не видно изъ-за сѣти и того, что находится въ послѣдней. Но такая незаконченность рисунка смущаетъ глазъ и не удовлетворяетъ его. Есть, наконецъ, что-то странное и въ фигурѣ человѣка, проколотаго рогомъ того же быка. Одна его рука невидима, голова наклонена назадъ, тогда какъ можно было бы ожидать, что она будетъ опущена внизъ. Это происходитъ потому, что скульпторъ задался слишкомъ трудной задачей: онъ хотѣлъ схватить движенія порывистыя и сильныя, длящаяся лишь одно мгновеніе. Задача скульптора второго сосуда была легче: тамъ изображаются движенія, обычныя для животнаго и легко поддающіяся изученію. Поза единственнаго человѣка, играющаго роль въ этой картинѣ, также въ высшей степени проста; предающіяся отдыху на полѣ фигуры представлены очень непринужденно.

Однако, при изображеніи охоты проявляются самыя серьезныя достоинства художника, какъ будто бы самая трудность его задачи дѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ. Рисунокъ здѣсь гибкій и сжатый, указываетъ на болѣе проникновенное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ. Нѣкоторыя черты, запечатлѣнныя на этомъ кубкѣ, поражаютъ необыкновенной правдивостью. Кто хоть мелькомъ видѣлъ борьбу быковъ, знаетъ, что въ пылу битвы они побѣдоносно вытягиваютъ свой хвостъ. И здѣсь у буйвола, перепрыгивающаго черезъ препятствіе, хвостъ поднять и даже загибается впередъ, какъ бы слѣдуя за движеніемъ тѣла. У того буйвола, который набросился на охотниковъ, хвостъ подъ вліяніемъ гнѣва вытянутъ. Обратите, кромѣ того, вниманіе, какъ поступаетъ животное въ стремленіи погубить своихъ враговъ: оно наклоняетъ голову, поворачивая ее при этомъ въ одну сторону, и бьетъ только однимъ рогомъ. Самые ужасные удары при боѣ на аренѣ быки наносятъ именно тогда, когда они поворачиваютъ голову; если же быкъ бьетъ по направленію оси своего тѣла, то можетъ ударить своего врага очень сильно, повергнуть его на землю, но онъ не причинитъ своей жертвѣ большого вреда, и рога не пронзятъ ея тѣла.

Что касается буйвола, попавшаго въ петлю, то фигура его полна крупныхъ недостатковъ. Но голова его необычайно жизненна, и кажется, что слышишь свирѣпое мычаніе, исходящее изъ этой широко раскрытой пасти!
(По Perrot. Histoire de l'art dans l'antiquité, VI, стр. 785 и сл.).

19. Ларецъ Кипсела.

Одинъ изъ коринѣскихъ тиранновъ, вѣроятно Періандръ (отъ 629 до 585 г. до Р. Х.), посвятилъ Герѣ Олимпійской въ честь своего отца Кипсела великолѣпный кедровый ларецъ, весь разукрашенный скульптурными фигурами изъ дерева или инкрустированный слоновой костью и золотомъ. Павсаній, который видѣлъ эту вещь во II вѣкѣ послѣ Р. Х., оставилъ намъ подробное описаніе ея.

Изображенія ¹⁾ раскинуты на пяти поясахъ. На нижнемъ поясѣ, если итти справа налѣво, можно видѣть, что Эномай въ колесницѣ преслѣдуетъ Пелопса, который держитъ Гипподамію въ колесницѣ, запряженной крылатыми лошадьми. Дальше изображенъ домъ Амфіарая и старая женщина, несущая маленькаго Амфилоха. Передъ домомъ стоитъ Эрифила со своими двумя дочерьми и сыномъ. Возница Ватонъ въ одной рукѣ держитъ возжи своихъ лошадей, а въ другой—копье. Амфіарай, уже стоя одной ногой въ колесницѣ, угрожаетъ своей преступной женѣ мечомъ и съ большимъ трудомъ сдерживаетъ свой гнѣвъ. Далѣе изображены погребальныя игры въ честь Пелея, цѣлая толпа зрителей, Гераклъ, сидящій на тронѣ, а позади его женщина, играющая на фригійской флейтѣ: тутъ происходитъ состязаніе въ кулачномъ боѣ, борьбѣ, метаніи дисковъ, въ простомъ бѣгѣ и въ бѣгѣ колесницъ. Дальше Гераклъ убиваетъ Лернейскую гидру; при этомъ подвигѣ присутствуетъ Аѳина, царь ѳракійскій Финей и сыновья Борея, прогоняющіе Гарпій.

На второмъ полѣ слѣва направо изображено слѣдующее: Ночь держитъ на рукахъ бѣлаго заснуваго мальчика,—это былъ Сонъ,—и чернаго мальчика, съ закинутыми одна на другую ногами и какъ будто бы спящаго,—это была Смерть. Далѣе —прекрасная женщина, Справедливость, бьетъ палкой другую, безобразную,—Неправду; волшебницы готовятъ что-то въ ступкѣ; Ида ведетъ къ себѣ Марпессу; Зевсъ, превратившійся въ Амфитріона и Алкмена; Менелай въ панцырѣ съ обнаженнымъ мечомъ бросается на Елену послѣ взятія Трои; Медея сидитъ въ обществѣ Язона и Афродиты; музы поютъ подъ управленіемъ Аполлона; Атласъ съ яблоками Гесперидъ въ рукѣ держитъ на себѣ тяжесть неба и земли, а Гераклъ приближается къ нему; Аресъ ведетъ Афродиту; Тезей, котораго змѣя защищаетъ противъ Пелея, желающаго схватить его; крылатыя сестры Медузы преслѣдуютъ улетающаго Персея.

¹⁾ Сюжеты этихъ изображеній заимствованы изъ мифологіи грековъ.

На третьемъ поясѣ были изображены два войска, состоящія главнымъ образомъ изъ пѣхотинцевъ, но среди которыхъ есть люди и на колесницахъ; одни изъ солдатъ готовы уже къ бою, другіе не прочь дружески поболтать. Въ истолкованіи этой сцены въ древнее время полного согласія не было.

На четвертомъ поясѣ, если считать слѣва направо, изображается Борей, похищающій Ориѳію, причемъ у обоихъ, вмѣсто ногъ — змѣиные хвосты; борьба Геракла съ Геріономъ — чудовищемъ, имѣющимъ три тѣла; Тезей съ лирой и Аріадна, протягивающая ему вѣнокъ; Ахиллъ и Мемнонъ борются другъ съ другомъ передъ своими матерями; Меланіонъ и Аталанта съ молодой ланью; Аяксъ и Гекторъ, вступившіе въ состязаніе передъ Распрею; Діоскуры, похищающіе Елену и Эору; Агамемнонъ борется съ Коономъ изъ-за тѣла Ифидамы; Гермесъ ведетъ къ Парису трехъ богинь, чтобы онъ разсудилъ ихъ споръ о красотѣ; далѣе, крылатая Артемида держитъ одною рукою льва, а другою пантеру; Аяксъ отрываетъ Кассандру отъ статуи Артемиды, у которой она искала покровительства; Этеоклъ, а рядомъ съ нимъ Полиникъ, который упалъ на одно колѣно, и Кира терзаетъ его своими ужасными зубами и кривыми ногтями; Діонисъ съ бородой, въ длинномъ одѣяніи, съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ, лежитъ въ пещерѣ, украшенной виноградными лозами, яблоками и гранатами.

Въ верхнемъ поясѣ находились Одиссей и Цирцея въ гротѣ; впереди ихъ нѣсколько служанокъ, занятыя какой-то работой; далѣе кентавръ Хиронъ; Оетида получаетъ отъ Гефеста оружіе Ахилла; она стоитъ въ серединѣ хоровода Нереидъ, которыя сидятъ въ колесницѣ, запряженной лошадьми съ золотыми крыльями; Навзикая со своей служанкой ѣдетъ на мулахъ мыть бѣлье; Гераклъ мечетъ стрѣлы въ стадо центавровъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже убиты.

Трудно рѣшить, говоритъ одинъ французскій ученый (Colignon), былъ ли творцомъ этого замѣчательнаго произведенія искусства коринѳянинъ или какой-нибудь бродячій

художникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые въ концѣ VII вѣка переносили въ континентальную Грецію произведенія промышленнаго искусства, распространеннаго на Критѣ. Но, кто бы ни былъ творецъ ларца Кипсела, это произведение, несомнѣнно, греческаго происхожденія.

(По Павсанію, V, 17—19).

20. Золотыя вещи, найденныя въ Босфорѣ Киммерійскомъ ¹⁾.

Въ Босфорскомъ царствѣ могилы представляли собою обширныя комнаты, сверху которыхъ устраивались высокія насыпи; предметы, служившіе принадлежностью погребенія, были многочисленны и разнообразны, а драгоценныя вещи, которыми при жизни гордились варварскіе властители этой страны, заботливо хоронились вмѣстѣ съ ихъ обладателями. Среди этихъ могилъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Куль-Обская ²⁾, содержали настоящія сокровища. Между мужскими и женскими украшеніями мы встрѣчаемъ множество издѣлій чисто греческаго производства.

Подлинныя эллинскія вещи въ мужскихъ могилахъ встрѣчаются рѣдко. Это легко объяснимо: греки не носили драгоценныхъ украшеній; единственнымъ мужскимъ украшеніемъ, принятымъ у нихъ, служилъ рѣзной камень въ очень простой оправѣ; и надо замѣтить, что этотъ камень, восковой отпечатокъ котораго замѣнялъ подпись, былъ скорѣе предметомъ повседневнаго обихода, чѣмъ

¹⁾ Босфоромъ Киммерійскимъ называется проливъ, носящій теперь наименованіе Керченскаго, между Чернымъ (Понтомъ Эвксинскимъ) и Азовскимъ (Меотидой) морями. Греки уже въ очень древній періодъ основали здѣсь колоніи (Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Феодосія и т. д.), которыя въ концѣ концовъ подпали подъ власть сосѣднихъ варваровъ. Такъ образовалось Босфорское царство, носившее полуэллинскій, полускиѣскій характеръ. Государями его въ IV вѣкѣ были: Сатиръ (407—393 г.г. до Р. Х.), Левконъ и Спартокъ (393—348 г.г.) и Перисадъ (348—310 г.г.). Эти цари поддерживали очень дружественныя отношенія съ Афинами, куда вывозилось изъ ихъ страны много хлѣба. (*Прим. автора*).

²⁾ Близъ г. Керчи (Пантикапеи). (*Прим. автора*).

роскоши. Въ аѳинскихъ лавкахъ нельзя было бы приобрести ни мужскихъ ожерелій, ни браслетовъ. Скиѳскіе государи Босфора, среди которыхъ любовь къ украшеніямъ была распространена въ такой же мѣрѣ, какъ и среди женщинъ, принуждены были поэтому обращаться въ греческіе города своей собственной страны, гдѣ золотыхъ дѣлъ мастера специально для нихъ дѣлали любимыя ими украшенія. Только въ исключительныхъ случаяхъ они могли заказывать ихъ въ самой Греціи. Женщины, наоборотъ, могли найти большое разнообразіе украшеній среди товара какого-нибудь пріѣзжаго изъ Греціи купца. И выборъ ихъ иногда оставался на очень хорошихъ вещахъ. Подтвержденіемъ этого служатъ вещи той женщины, которая была погребена въ Куль-Обской гробницѣ, и другой, погребенной въ большемъ изъ двухъ кургановъ, называемыхъ „Близнецами“ или „Двумя братьями“ и находящихся на территоріи Фанагоріи (на полуостровѣ Тамани) ¹⁾.

Быть можетъ, ожерелья и ушные украшенія этой второй женщины вмѣстѣ съ украшеніями, найденными въ Фокеѣ, въ Малой Азіи, являются лучшими изъ дошедшихъ до насъ образцовъ золотыхъ дѣлъ мастерства. Ожерелье это сдѣлано такимъ образомъ: три ряда постепенно увеличивающихся подвѣсокъ прикрѣплены маленькими цѣпочками къ плоской цѣпи, состоящей изъ шести рядовъ и застегивающейся вокругъ шеи фермуаромъ въ видѣ львиныхъ головъ. Тѣ мѣста, гдѣ маленькія цѣпочки присоединяются къ большой, украшены попеременно то маленькими кружочками съ гладкой или выпуклой поверхностью, то цвѣточками, состоящими изъ завязи и двухъ рядовъ лепестковъ; подобные же цвѣточки прикрѣплены въ мѣстахъ соединенія маленькихъ цѣпочекъ съ подвѣсками второго и третьяго ряда. Подвѣски верхняго ряда изображены въ видѣ продолговатыхъ желудей, задняя часть которыхъ покрыта

¹⁾ Мысль раскопать эти древнія кладбища впервые пришла въ голову одному французу, Полю Дибрю (Paul Dubrux), директору керченскихъ солеварень (въ 1816 году). Раскопки впоследствии продолжались, и сдѣланныя тамъ находки составляютъ одно изъ сокровищъ Петроградскаго Эрмитажа. (*Прим. автора*).

остроконечными листьями. Подвѣски, находящіяся въ слѣдующемъ ряду, представляютъ собою промежуточную форму между желудемъ и вазой безъ подножки; верхняя часть закругленія этой вазочки прикрыта особыми листьями и маленькими выпуклыми ягодками. Подвѣски, помещенныя въ нижнемъ ряду, гораздо крупнѣе и имѣютъ болѣе опредѣленную форму вазы. Онѣ также покрыты ли-

Золотое ожерелье.

стиками, между которыми видны маленькія круглыя ягодки. Эти листики, поочередно черезъ одну подвѣску, то доходятъ до нижняго конца, то раздѣляются полоской, украшенной филигранными завитками. О чудесномъ искусствѣ рукъ мастера свидѣтельствуютъ украшенія золотыхъ пластинокъ, изъ которыхъ сдѣланы эти подвѣски, гравировка листочковъ, которой они украшены, припайка филигранныхъ украшеній и ягодокъ.

Рисунокъ даетъ понятіе объ общемъ видѣ этого ожерелья; но онъ, разумѣется, не можетъ дать никакого представленія относительно богатства колорита, которое было результатомъ примѣненія эмалировки въ различныхъ частяхъ украшеній. Поперечные пояски большихъ подвѣсокъ были заполнены между завитками голубой эмалью, которая оттъняла ярко-горячій тонъ золота, выбраннаго золотыхъ

дѣлъ мастеромъ. Лепестки маленькихъ цвѣточковъ и листики подвѣсокъ, находящихся въ верхнихъ рядахъ, были покрыты попеременно голубой и зеленой эмалью...

Другіе предметы, также эллинскаго происхожденія, указываютъ на усилія производителей этихъ вещей приспособиться къ особенностямъ вкуса ихъ босфорскихъ покупателей, которымъ предназначались эти предметы вывоза.

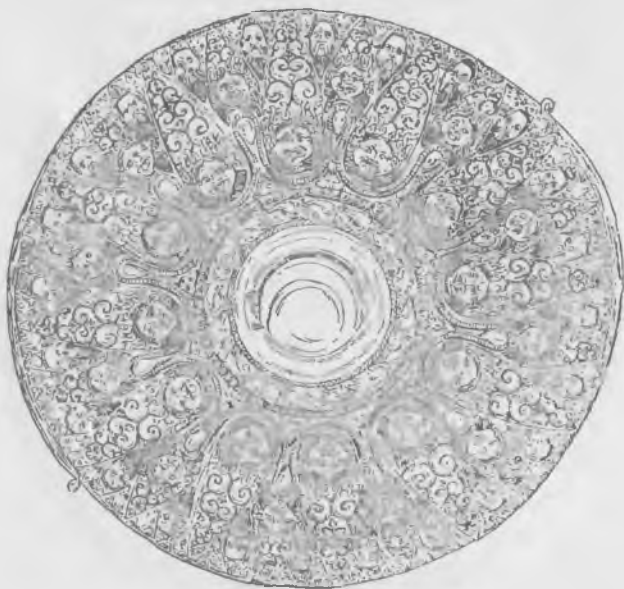
Вотъ, на примѣръ, ожерелье, концы котораго не соединяются между собой. Оно, очевидно, было сдѣлано для скиѳа. На концахъ золотого жгута, образующаго ожерелье,

Ожерелье.

находятся украшенія, которыя изображаютъ переднія половины двухъ лошадей съ всадниками; ноги у этихъ лошадей согнуты такимъ образомъ, что кажется, будто онѣ стремятся галопомъ выскочить изъ оправы, гдѣ заключена другая часть ихъ тѣла. Всадники эти — скиѳы: у нихъ длинныя волосы, перевязанные на затылкѣ и падающіе сзади на плечи; бороды не подстрижены и густы; одеждой служитъ кафтанъ съ узкими рукавами, стянутый въ талии поясомъ, широкія шаровары и сапоги. Если бы шаро-

вары были надѣты не сверхъ сапогъ, а заправлены въ нихъ то костюмъ этихъ скивовъ былъ бы совершенно похожъ на одежду русскихъ мужиковъ; и лицомъ они похожи на русскихъ крестьянъ съ ихъ грубымъ, но не животнымъ типомъ, съ большимъ и широкимъ носомъ, большими сонными глазами и широкими ртами. Лошади ихъ также не сходны съ греческими. Смѣшать типъ лошадей, благодаря особому выгибу на мордѣ, невозможно. И вся эта вещьца,

Фіаль.

сдѣланная для варвара, отлита и потомъ отчеканена съ такимъ совершенствомъ, которое могло бы удовлетворить вкусамъ самаго требовательнаго любителя - афинянина. Надо прибавить также, что эмаль и здѣсь играетъ извѣстную роль. Переходъ отъ всадника къ части ожерелья, сдѣланной въ видѣ жгута, состоитъ изъ нѣсколькихъ полосокъ, украшенныхъ пальмовыми листьями. Фонъ этихъ листьевъ покрытъ синей и зеленой эмалью.

Въ той же могилѣ былъ найденъ золотой предметъ, толстый и тяжелый, ошибочно принятый за центральную,

выпуклую часть щита, тогда какъ это просто чаша безъ ножки, служащая при возліяніяхъ; у грековъ она называлась *фіаломъ*. Украшенія на этихъ *фіалахъ* были почти всегда такія же, какъ у ихъ изобрѣтателей—египтянъ: цвѣтки лотоса, вогнутые съ внутренней стороны и выпуклые снаружи, расположены въ видѣ лучей вокругъ центральной части чаши и идутъ до самыхъ краевъ ея. Здѣсь этотъ обычный рисунокъ сохраненъ, только цвѣты лотоса переполнены множествомъ украшеній, поражающихъ своею роскошью. Прежде всего, въ первомъ ряду лепестковъ мы видимъ головы горгонъ съ ихъ искривленными гримасой лицами и волосами изъ змѣй, которыя продолжаются въ видѣ странныхъ узоровъ; во второмъ ряду лепестковъ также изображены головы горгонъ, но меньшихъ размѣровъ; въ третьемъ же ряду вмѣсто нихъ находятся головы скиѳовъ съ ихъ остроконечными шапками и длинными густыми бородами.

Въ Никопольскомъ курганѣ близъ Днѣпра, въ одной могилѣ, несомнѣнно царской, хотя и неизвѣстно кому принадлежащей, какъ, впрочемъ, и всѣ другія могилы, найдено было много предметовъ. Среди нихъ наиболѣе важной является серебряная, въ нѣкоторыхъ частяхъ вызолоченная амфора, вышиной въ 70 сант. Она сдѣлана изъ двухъ серебряныхъ листовъ, наложенныхъ одинъ на другой, и имѣетъ двѣ ручки. Самая ваза украшена пальмовыми вѣтвями и листьями, исполненными съ тѣмъ нѣсколько сухимъ изяществомъ, которое такъ характерно для македонской эпохи ¹⁾. На передней сторонѣ вазы эти вѣтви сдѣланы слегка выпуклыми; на задней онѣ просто выгравированы. Среди листы изображены птицы, съ каждой стороны по двѣ большихъ и по двѣ маленькихъ. Въ нижней части вазы находится два отверстія для вытеканія содержащейся въ сосудѣ жидкости; они закрывались пробками, которыя были прикрѣплены на маленькія цѣпочки. Отверстія эти украшены головами львовъ, напоминающими львовъ Парѳенона. Тутъ мы видимъ примѣръ того, какъ древніе образцы, сдѣлавшіеся

¹⁾ Македонская эпоха—см. вып. I, стр. 87, прим.

классическими, продолжали воспроизводиться золотыхъ дѣлъ мастерами.

Нѣсколько выше находилось еще и третье отверстіе,

Никопольская ваза.

украшенное лошадиной головой съ крыльями. Это животное съ настороженными ушами, испуганнымъ взглядомъ, худою мордою, раздутыми ноздрями и съ пріоткрытымъ, какъ приржаніи,ртомъ, совершенно непохоже на тѣхъ греческихъ лошадей, которыя изображены на Пареевонскомъ фризѣ и на могилѣ Мавзола ¹⁾. Это—дикая, безпокойная и дрожащая при малѣйшемъ звукѣ степная лошадь. Мѣсто прикрѣпленія лошадиной головы къ сосуду очень удачно скрыто двумя распростертыми крыльями, при-

ставленными художникомъ къ головѣ и дополняющими ея

¹⁾ Мавзолъ—царь Карійскій (въ Малой Азіи) IV в. до Р. Х. Жена его воздвигла на его могилѣ великолѣпную гробницу, получившую названіе мавзолея.

странный видъ. Въ верхней части сосуда, тамъ, гдѣ беретъ начало шейка его, изображена группа грифоновъ, по два съ каждой стороны. Одни изъ нихъ сдѣланы выпуклыми путемъ выбиванія, другіе просто выгравированы.

Но самую оригинальную часть украшеній составляетъ фризь съ горельефами ¹⁾, отлитыми отдѣльно, отчеканенными рѣзцомъ и припаянными затѣмъ къ тому мѣсту сосуда, гдѣ поверхность его начинаетъ выгибаться для перехода въ шейку. Темой этихъ изображеній служитъ воспитаніе лошади. Въ центрѣ находится кобылица, которую трое людей усиливаются повалить на землю, дергая за веревки, привязанныя къ нижней части ея ногъ (серебряныя нити, изображавшія эти веревки, отломаны). Извѣстно, что этимъ способомъ до сихъ поръ еще пользуются, чтобы испугать животное и побороть его сопротивленіе. Съ правой стороны отъ этой группы стоитъ человѣкъ и держитъ въ рукахъ какой-то предметъ, который теперь утерянъ, — можетъ быть, пугы, приготовленныя для лошади. Еще далѣе справа владѣлецъ пастбища и животныхъ, которыя на немъ паслись, только что слѣзъ съ лошади. Эта лошадь, осѣдланная и взнузданная, спокойно ожидаетъ, пока ея всадникъ не кончитъ спутывать ей переднія ноги, чтобы она могла пастись. Слѣва отъ первой группы, т. е. отъ кобылицы и окружающихъ ее людей, изображенъ человѣкъ передъ лошадыю, которую онъ держитъ за недоуздокъ; онъ сгибаетъ ей одной рукой лѣвое колѣно и, натягивая въ то же время веревку, заставляетъ ее повернуть голову направо; вслѣдъ за этимъ онъ быстрымъ движеніемъ повернетъ ее снова налѣво, заставить этимъ лошадь потерять равновѣсіе и повалить ее на бокъ. На задней сторонѣ вазы два другихъ работника только что накинули веревки на скачущихъ и пытающихся убѣжать лошадей, тогда какъ двѣ послѣднія лошади табуна пока еще спокойно щиплютъ низкую степную траву.

Въ этой вещи все вызываетъ изумленіе: крайняя рѣдкость

¹⁾ Горельефъ — скульптурное изображеніе, помѣщенное на поверхности такимъ образомъ, что соприкасается съ нею лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

предметовъ такой высокой цѣнности, очень интересный стиль и искусство выполненія. Я даже едва могу допустить мысль, чтобы золотыхъ дѣлъ мастеръ, сдѣлавшій ее, былъ родомъ изъ Ольвіи, или, по крайней мѣрѣ, что его рука и глазъ получили тамъ свои навыки; его искусство рѣзчика таково, что онъ былъ бы достоинъ и любой аѳинской мастерской.

(Rayet. *Etudes d'archéologie et d'art*, стр. 208—210 и 218—229).

21. Рѣзчики монетъ.

Чеканка монетъ считалась древними скорѣе ремесломъ, чѣмъ искусствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Поэтому греческіе писатели не снизошли до того, чтобы сообщить намъ имена монетныхъ дѣлъ мастеровъ. Но мы не раздѣляемъ этихъ предразсудковъ и можемъ помѣстить по крайней мѣрѣ трехъ изъ тѣхъ, чьи подписи находимъ подъ ихъ произведеніями, въ число величайшихъ художниковъ Греціи. Это Эвенетъ и Кимонъ Сиракузскіе и Θεοδοτὴς Κλαζομενσικῆς.

Эвенетъ и Кимонъ были почти современниками. Расцвѣтъ ихъ дѣятельности относится ко времени тиранніи обоихъ Діонисіевъ Сиракузскихъ ¹⁾. Именно въ эту эпоху на нихъ было возложено изготовленіе большихъ серебряныхъ монетъ, вѣсомъ въ 10 аттическихъ драхмъ (44 грамма, около 3 р. 70 к.), называвшихся пентеконталитрами, потому что цѣнность ихъ соотвѣтствовала стоимости 50 фунтовъ мѣди. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ монеты этого рода, принадлежащія къ указанной эпохѣ, вышли изъ рукъ того или другого изъ этихъ мастеровъ и составляютъ ихъ самыя превосходныя произведенія. Подписи имѣются только на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ.

Съ давнихъ поръ, по единодушному признанію нумизматовъ, монеты, выгравированныя Эвенетомъ и Кимономъ, считаются высшимъ достиженіемъ монетнаго искусства.

¹⁾ Время Діонисіевъ Сиракузскихъ—конецъ V и половина IV в. до Р. X.

Изъ двухъ этихъ гравировъ Кимонъ долженъ быть поставленъ на второе мѣсто; тѣмъ не менѣе, его произведенія превосходятъ всѣ самыя замѣчательныя издѣлія того же рода эпохи Возрожденія. Стилъ его не лишенъ недостатковъ: онъ нѣсколько вычуренъ и слишкомъ подчеркиваетъ граціозность типа въ ущербъ болѣе идеальной, возвышенной красотѣ. Въ его фигурахъ, черезчуръ переполненныхъ деталями и украшеніями, нѣтъ достаточной простоты, вслѣдствіе чего онѣ нѣсколько теряютъ въ чистотѣ стили и въ величіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ его исполненіи есть извѣстная жесткость, которая по временамъ доходитъ почти до грубости и странно противорѣчитъ постоянно поглощающему его стремленію къ изяществу.

Кимонъ—только крупный художникъ; Эвенетъ же въ той области, которую онъ избралъ себѣ, является величайшимъ

Монеты Эвенета.

творцомъ. Въ монетномъ искусствѣ онъ играетъ ту же роль, что Фидій въ скульптурѣ. Попробуйте взглянуть въ теченіе нѣкотораго времени въ выгравированную имъ монету, и скоро вы забудете о ничтожныхъ размѣрахъ вещицы, которую держите въ рукахъ: вамъ покажется, что вы видите какой-нибудь обломокъ фриза Парѳенона. Въ этомъ именно и заключается свойство искусства, доведеннаго до совершенства: оно сообщаетъ самымъ маленькимъ вещамъ такое же величіе, какъ и самымъ большимъ, и въ изображеніе на монетномъ кружкѣ въ 6 или 7 сант. въ діаметрѣ можетъ вложить столько же красоты и мощи, какъ и въ какую-нибудь колоссальную статую.

Эвменъ, какъ и многіе великіе мастера, въ теченіе своей карьеры постоянно развивался и замѣтнымъ образомъ измѣнялъ свою манеру работать. Въ первыхъ его произведеніяхъ, появившихся въ послѣдніе годы V вѣка, въ его стилѣ и приѣмахъ работы сказывается во многихъ отношеніяхъ вліяніе Эвмена, съ которымъ онъ вначалѣ работалъ, повидимому, сообща, и который былъ, кажется, его учителемъ. Въ немъ уже тогда чувствовалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Эвменѣ, присутствіе той божественной искры, которой отличаются первоклассные художники, но онъ перенялъ отъ своего учителя нѣкоторую рѣзкость и жесткость старого стиля. Постепенно талантъ его становится гибче и совершеннѣе и достигаетъ мягкости и свободы творчества; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда сохраняетъ оттѣнокъ простого величія и строгости даже въ утонченности, которая была доведена имъ до совершенства.

Онъ несравнененъ по точности и искусству лѣпки: его головы божествъ проникнуты чѣмъ-то истинно-идеальнымъ; онъ умѣетъ проявить богатство творчества, не впадая въ излишество орнаментовки и деталей, что въ концѣ концовъ уменьшаетъ значеніе произведенія искусства. Отдѣлка его поражаетъ изумительной тонкостью; утонченность представляетъ для него даже извѣстную опасность, потому что въ мелкихъ фигурахъ, на обратной сторонѣ своихъ тетрадрахмъ ¹⁾, онъ доводитъ отдѣлку почти до сухости. Именно въ моментъ наивысшаго развитія своего генія онъ занимается чеканкой пентеконталитровъ, и въ это же время наряду съ нимъ появляется его соперникъ Кимонъ, повидимому, пережившій его и продолжавшій заниматься гравировкой монетъ послѣ его смерти.

Сиракузскіе монетныхъ дѣлъ мастера примыкали не къ аттической школѣ Фидія, а къ дорійской — Поликлета. Немногіе сохранившіеся настоящіе образцы скульпторовъ аргійской школы, одно время оспаривавшей пальму первенства у Аѣинъ, находятся въ художественномъ отношеніи

¹⁾ Тетрадрахма — монета стоимостью въ четыре драхмы (около 1 р. 50 к.).

въ самомъ близкомъ родствѣ съ прекрасными сиракузскими монетами. Это одна и та же манера чувствовать и воспроизводить природу, то же понятіе объ идеалѣ, стремленіе найти тѣ же самыя очертанія.

Зато клазоменскій гравёръ Θεοδοτῆς, котораго слѣдуетъ поставить на одну ступень съ двумя великими сиракузцами, примыкаетъ къ почти романтическому направленію художниковъ, работавшихъ надъ украшеніемъ гробницы Мавзола. Это былъ также первоклассный артистъ, который по благородству и стилю и искусству лѣпки можетъ соперничать съ самимъ Эвеномъ; но онъ не вполне уяснилъ себѣ спеціальныя условія творчества въ монетномъ искусствѣ. Для украшенія лицевой стороны своихъ монетъ онъ вмѣсто профиля изображалъ голову въ три четверти поворота, и въ этомъ отношеніи онъ слишкомъ легко поддавался вліянію скоро преходящихъ модъ своего времени. Если при этомъ ему удалось обнаружить въ преодолѣніи великихъ трудностей всѣ положительныя стороны своего таланта, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ недостатокъ вкуса и пониманія тѣхъ неудобствъ, которыя должны были воспрепятствовать окончательному установленію подчинившей его моды; что же касается Эвенета, то онъ никогда ничѣмъ не жертвовалъ послѣдней.

(Fr. Lenormant. Monnaies et médailles, стр. 78 и сл.).

22. Гимнъ Аполлону ¹⁾.

При первыхъ же ударахъ кирки въ Дельфахъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то храмъ Аполлона, французская школа въ Аѣинахъ извлекла на свѣтъ отрывки религіозныхъ гимновъ, которые сопровождались аккомпанементомъ націо-

¹⁾ Текстъ гимна былъ разобранъ ученымъ Вейлемъ (Weil); мелодія написана и восстановлена Рейнакомъ (Reinach); Форэ (Fauré) присоединилъ къ ней „скромный аккомпанементъ, гдѣ его вполне современное искусство сумѣло принять соотвѣтственно съ обстоятельствами античный характеръ“. (Прим. автора).

нальной греческой музыки ¹⁾. Самый важный изъ этихъ отрывковъ, прославившійся съ того времени подъ именемъ „Гимна Аполлону“, дошелъ до насъ на двѣ трети въ сохраннымъ видѣ.

До тѣхъ поръ о греческой музыкѣ было кое-что извѣстно по отрывкамъ, но ихъ было очень мало, принадлежали они къ періоду упадка, и ихъ музыкальный интересъ не выкупалъ ихъ краткости. Не говоря о нѣкоторыхъ незначительныхъ отрывкахъ, подлинность которыхъ сомнительна, музыкальное наслѣдство въ древности ограничивалось тремя гимнами II-го вѣка послѣ Р. Х. Эти гимны, сохранившіеся въ нѣсколькихъ спискахъ, приписываются двумъ композиторамъ—Діонису и Месомеду; первый—лицо совершенно неизвѣстное, существованіе котораго подвергается даже сомнѣнію; второй, несмотря на недостатокъ таланта, сумѣлъ войти въ милость къ римскому императору Адріану. Изъ этихъ трехъ музыкальныхъ сочиненій самое короткое является вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ лучшимъ; это—Гимнъ Музѣ, маленькая музыкальная вещь легкаго, нѣсколько вульгарнаго ритма, но изящная и граціозная. Въ ней отражается то очарованіе простоты, которымъ проникнуты всѣ произведенія эллинскаго искусства, но отраженіе это очень блѣдно и едва замѣтно.

Гимнъ Аполлону, найденный подъ развалинами „аѳинской Сокровищницы“, представляетъ собой нѣчто совершенно иное. Эта „аѳинская Сокровищница“, построенная спустя нѣкоторое время послѣ Мараѳонской битвы и украшенная прелестными скульптурными произведеніями, играла одновременно роль музея, архива и святи-

¹⁾ Система нотныхъ обозначеній въ древности отличалась большою простотой. Въ ней не было ни нотныхъ линеекъ, ни ключей, ни арматуры, ни указанія тона, продолжительности нотъ и размѣра. Для каждой отдѣльной ноты все сводилось къ одному единственному значку, который указывалъ абсолютную высоту; если ноту надо было повторить нѣсколько разъ, то она писалась только одинъ разъ въ первомъ слогѣ; что же касается продолжительности звука, то она зависѣла необходимомъ образомъ отъ ритмическаго построенія текста музыкальнаго произведенія. (*Прим. автора*).

лица. Тутъ собирались представители аѳинской республики, отправляемые на дельфійскія празднества; тутъ же хранились накопляемые изъ вѣка въ вѣкъ приношенія частныхъ лицъ или государства. Стѣны были покрыты надписями. Это были почетные декреты, списки представителей, стихотворенія, написанныя по поводу разныхъ торжествъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній сопровождались значками, начертанными между строками текста, и опытный глазъ долженъ былъ немедленно признать ихъ музыкальными нотами. Во всѣхъ этихъ отрывкахъ прославлялся Аполлонъ; всѣ они относились къ гимнамъ, которые сочинялись и исполнялись въ случаѣ одного изъ великихъ международныхъ празднествъ, періодически устраиваемыхъ въ Дельфахъ.

Такихъ празднествъ было два: одно изъ нихъ—П и ѳ и к и, происхожденіе котораго теряется во тьмѣ вѣковъ; второе—Сотеріи, гораздо болѣе поздняго происхожденія. Въ 279 г. до Р. Х. съ долины Дуная явились орды галловъ, которыя прорвались черезъ Ѳермопильское ущелье и двинулись къ богатому Дельфійскому святилищу, сокровищами котораго они хотѣли овладѣть, какъ легкой добычей. Попытка эта кончилась неудачей по какой-то неизвѣстной для насъ причинѣ. Варвары отступили, преслѣдуемые по пятамъ эллинскимъ войскомъ. Скоро это событіе отошло въ область преданія, въ которомъ неудача галловъ разрослась до размѣровъ громаднаго пораженія, понесеннаго ими благодаря сверхъестественному вмѣшательству боговъ.

Въ ознаменованіе освобожденія святилища отъ этого нападенія и былъ основанъ праздникъ Сотерій, т. е. „праздникъ Спасенія“. Какъ и всѣ подобныя торжества, этотъ праздникъ сопровождался жертвоприношеніями, процессіями съ хоровымъ пѣніемъ, гимнастическими, музыкальными и поэтическими состязаніями. Состязанія въ поэзіи и музыкѣ занимали здѣсь главное мѣсто, такъ какъ Дельфы во всѣ времена были музыкальной столицей Греціи, подобно тому, какъ Олимпія считалась столицей по атлетикѣ. Аѳины, сыгравшія важную роль въ побѣдѣ надъ варварами, принимали не менѣе дѣятельное участіе и въ празднествахъ, предназначенныхъ прославить эту побѣду. Аѳинскіе поэты

и музыканты состязались въ составленіи гимновъ, такъ называемыхъ „пэановъ“, въ которыхъ прославлялся Аполлонъ, побѣдитель нечестивыхъ варваровъ. Произведенія авторовъ, увѣнчанныхъ на состязаніи лаврами, вырѣзывались на счетъ ихъ правительствъ на мраморныхъ доскахъ. Такимъ образомъ, это была какъ бы почетная музыкальная книга.

Самая длинная изъ этихъ кантатъ и лучше всего сохранившаяся—гимнъ Аполлону—была начертана на трехъ большихъ мраморныхъ доскахъ, составлявшихъ продолженіе одна другой. Последняя доска, на которой было, повидимому, лишь нѣсколько стиховъ, утрачена; первая имѣетъ серьезное поврежденіе. Относительно автора существуетъ только указаніе его отечества: онъ былъ аеинянинъ.

Буквальный переводъ дастъ понятіе о стилѣ этой оды.

„О ты, славный своею игрой на киварѣ, дитя великаго Зевса! я повѣдаю, какъ близъ этой покрытой снѣгами вершины ты открываешь всѣмъ смертнымъ свои неизмѣнно осуществляющіяся предсказанія; я расскажу, какъ ты овладѣлъ пророческимъ треножникомъ, охраняемымъ враждебнымъ дракономъ, и своими стрѣлами обратилъ въ бѣгство пестрое чудовище съ его извивающимся тѣломъ“.

Дальше идетъ мѣсто настолько испорченное, что серьезной попытки возстановить его быть не можетъ; возможно только догадаться, что рѣчь все еще идетъ о драконѣ, который, умирая, испускаетъ „ужасное шипѣніе“. Поэтъ сравниваетъ съ этимъ миѳическимъ чудовищемъ свирѣпыхъ галловъ, которыхъ Аполлонъ отринулъ отъ своего святилища, поразивъ ихъ ужасомъ. Въ дальнѣйшемъ сохранившемся текстѣ за обращеніемъ къ Аполлону слѣдуетъ обращеніе къ Музамъ:

„О, прекраснорукія дочери далеко гремящаго Зевса, вы, получившія при раздѣлѣ Геликонъ съ его дремучими лѣсами! придите плѣнить своими пѣснями вашего златоудраго брата Феба; онъ пребываетъ на самой вышинѣ двойной вершины парнасскаго утеса и, окруженный знаменитыми дельфійскими женщинами, онъ погружается въ дивныя волны Кастальскаго ручья на дельфійскомъ мысѣ, охраняя пророческій холмъ.“

„Приблизься, славная Аттика, нація съ великимъ городомъ, ты, которая благодаря вооруженной богинѣ Тритонидѣ (Аѳинѣ Палладѣ) занимаешь неприкосновенную землю! На священныхъ алтаряхъ Гефестъ поглощаетъ бедра молодыхъ быковъ; вмѣстѣ съ нимъ аравійскій ѳиміамъ воздымается къ Олимпу. Ясное рокотаніе лотоса (свирѣли) звучитъ въ разнообразныхъ пѣсняхъ, а золотая кифара нѣжными звуками вторитъ голосу гимновъ. И вотъ вся толпа ѳеоровъ ¹⁾, рожденныхъ въ Атикѣ“...

Тутъ текстъ прерывается; гимнъ заканчивался, конечно, краткой и горячей молитвой. Въ этой небольшой пѣснѣ заключается около 80 тактовъ, изъ которыхъ едва лишь пятую часть пришлось дополнять по догадкѣ, потому что нѣкоторыя ноты оказались стертыми. Хотя аккомпанементъ флейты и кифары, о которыхъ упоминается въ текстѣ, никогда не былъ начертанъ на камнѣ, а конецъ гимна утерянъ, однако и сохранившейся части совершенно достаточно, чтобы опредѣлить общій характеръ этого отрывка.

Онъ отличается многими особенностями. Прежде всего его пятидольный ритмъ очень рѣдко употребляется въ современной музыкѣ. Естественно вытекающее изъ этого ритма впечатлѣніе страстности и нѣкоторой лихорадочности смягчалось благодаря крайне медленному исполненію. Другой особенностью является очень длинное повтореніе (начинающееся словами: „Приблизься, славная Аттика“...), которое цѣликомъ написано въ хроматической гаммѣ. До тѣхъ поръ мы знали о существованіи хроматической гаммы у грековъ только чисто теоретически. Это первый подлинный примѣръ ея. Передъ необыкновеннымъ скопленіемъ полутоновъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, и увеличенныхъ интервалловъ ухо испытываетъ сначала нѣкоторое смущеніе, но волнующая, покоряющая прелесть непрерывной мелодіи, отличающейся проникновенной нѣжностью, оказывается побѣдительницей, и удивленіе перваго момента замѣняется острымъ и тонкимъ наслажденіемъ.

Въ этомъ отрывкѣ понапрасну стали бы искать той эле-

¹⁾ ѳеоръ — см. вып. IV, § 26.

ментарной простоты, сухости и жесткости, которыя критики когда-то считали самыми неотъемлемыми свойствами эллинской музыки. Здѣсь также нѣтъ и той неопредѣленности и монотонности, которой полна музыка восточныхъ народовъ, такъ неудачно сближаемая нѣкоторыми изслѣдователями съ музыкой древнихъ грековъ. Мы видимъ тутъ искусство, достигшее полной зрѣлости, лишенное слѣдовъ наивности, располагающее обильными средствами и не боящееся пользоваться ими. Мелодія, самымъ тѣснымъ образомъ связанная со складомъ каждой поэтической фразы, развивается свободно въ искусной модуляціи, и хотя вполне опредѣленнаго подраздѣленія на куплеты не было, все же посредствомъ повторенія однихъ и тѣхъ же звуковъ и ритмовъ время отъ времени отмѣчалось расчлененіе гимна на законченные періоды.

Въ началѣ взять темпъ радостный и рѣшительный, какъ подобаетъ побѣдной пѣснѣ; потомъ мелодія переходитъ какъ бы въ упоительный шопотъ, то нѣжный, какъ ласка, то горячій, какъ молитва. Затѣмъ она снова прерывается болѣе смѣлымъ порывомъ и развивается рѣшительно въ этомъ направленіи; заканчивается же она, несомнѣнно, такъ же, какъ и началась: спокойнымъ, яснымъ и таинственно-меланхолическимъ настроеніемъ одержанной побѣды. Эта гибкая и разнообразная мелодія, сопутствующая словамъ гимна, похожа на хорошо сшитую одежду, которая скрываетъ недостатки фигуры и подчеркиваетъ красивыя ея стороны. Въ ней проявился греческій геній, какъ носитель истины, правды, трезвости и свѣта; въ то же время ее привѣтствовали, какъ предшественницу современной мелодіи въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя являются въ ней самой привлекательной и, быть можетъ, самой утонченной стороной.

(По Th. Reinach. Revue de Paris, 15 іюня 1894 г.).

Оглавленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Греческое искусство.

СТР.

1. Археологическія открытія въ Греціи	3
2. Одна изъ раскопокъ въ Греціи (на островѣ Делосѣ)	9
3. Общій видъ греческаго храма	13
4. Парѣнонь	17
5. Архитектурная полихромія (многоцвѣтность)	28
6. Первобытная скульптура у грековъ	31
7. Раскрашенныя статуи аѳинскаго акрополя	34
8. Фидій	36
9. Метопъ Олимпійскаго храма	46
10. Пергамская мраморная скульптура	49
11. Греческая живопись	54
12. Полигнотъ	57
13. Производство разрисованныхъ вазъ	64
14. Рисунокъ на одной вазѣ	69
15. Производство терракотовыхъ издѣлій	72
16. Танагрскія статуэткі	77
17. Золотыхъ дѣлъ мастерство въ Микенскій періодъ	80
18. Золотыя Вазы изъ Вафіо	85
19. Ларецъ Кипсела	89
20. Золотыя вещи, найденныя въ Босфорѣ Киммерійскомъ	92
21. Рѣзчики монетъ	100
22. Гимнъ Аполлону	103

Мезієръ, А. На поворотѣ. Алексѣевская и Петровская Русь Историч. хрестоматія. Съ 55 рис.—2 р. 50 к.

Содержаніе: Часть I. Московская Русь наканунѣ реформъ. Отд. I. Какъ жили московскіе государи.—Отд. II. Городъ и деревня въ Московскомъ государствѣ.—Отд. III. Кѣмъ и какъ управлялось Московское государство.—Отд. IV. Исправленіе книгъ и начало раскола.—Отд. V. Бунтъ Стеньки Разина. Часть II. Эпоха Петра. Отд. I. Царь Петръ и правительница Софія.—Отд. II. Царь-преобразователь и новая Россія за работой.—Отд. III. Кто были противники петровскихъ реформъ.—Отд. IV. Смерть Петра Великаго.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. II. допущено въ учен. библи. средн. учебн. заведеній.

Светъ Марденъ, О. Пробивайтесь впередъ! Посвящается всѣмъ борющимся на поприщѣ знанія и долга. Пер. съ англ. М. Шиш. маревой.—1 р. 20 коп.

Мы рекомендуемъ русскому юношеству книгу Ор. Св.-Мардена. Она даетъ ему примѣры, какихъ не можетъ дать русская жизнь; она учитъ высоко цѣнить тѣ качества, недостаткомъ которыхъ страдаетъ русская молодежь. Качества эти—энергія, воля, тактъ, практичность.

„Русск. Мысль“ 1904 г., № 10.

Светъ-Марденъ, О. Строители судьбы, или путь къ успѣху и могуществу. Книга, имѣющая цѣлью вдохновить молодежь къ работѣ характера, самостоятельности и благородной дѣятельности. Перев. съ англійск.—1 р. 30 к.

Оглавленіе: Нуженъ человѣкъ. — Дерзай! Воля и путь. — Успѣхъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Пользованіе препятствіями.—Непоколебимое стремленіе къ намѣченной цѣли.—Посѣвъ и жатва.—Самопомощь.—Трудись и жди.—Истинная стойкость.—Господство надъ собою.

Сенневичъ, Г. Камо грядеши? Сокр. перев. О. Поповой. Съ 12 рис. Яна Стыки.—60 к.

О. Н. Попова въ новомъ изданіи дала новый сокращенный переводъ указаннаго романа извѣстнаго польскаго писателя. Сокращеніе сдѣлано вполне удачно. Въ такомъ видѣ этотъ историческій романъ изъ временъ Нерона, такъ увлекательно написанный, можно дать читать дѣтямъ старшаго возраста и подросткамъ.

„Сѣв. Кр.“ 1903 г., № 57.

Изданія Т-ва О. Н. Поповой.

Аксаковъ, С. Т. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Вѣтрипскаго.—1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ перепл. 2 р.

Содержаніе: Біографія и очеркъ литературной дѣятельности С. Т. Аксакова.—Семейная хроника.—Воспоминанія Багрова-внука.—Аленькій цвѣточекъ.—Воспоминанія.—Литературныя и театральныя воспоминанія.—Буранъ.—«Изъ записокъ объ уженьи рыбы».—«Изъ записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи».—Объяснительный словарь собственныхъ именъ.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки среднихъ учебн. заведеній.

Бѣлинскій, В. Избранныя сочиненія. Въ 2-хъ томахъ. Съ портретомъ Бѣлинскаго и его факсимиле, съ приложеніемъ указателей, предметнаго и личнаго, съ предисловіемъ и вступительной статьей академика Нестора Котляревскаго. Изданіе 2-е. За два тома—2 р. 40 к. Въ переплетѣ 3 р. 40 к.

Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, допущеннаго Учен. Ком. М. Н. П. въ ученическія, старшаго возраста, библ. среднихъ учебныхъ заведеній.

«Избранныя сочиненія Бѣлинскаго», изданныя г-жей Поповой, безъ сравненія стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и педагогическаго, выше, нежели всѣ сборники, составленные педагогами. Если ужъ нужно сокращенное изданіе Бѣлинскаго, то и для самообразованія, и для семьи и школы нужно рекомендовать именно изданіе г-жи Поповой, которое своими серьезными достоинствами выдается изъ всѣхъ юбилейныхъ изданій Бѣлинскаго.

Изъ отзыва «Русск. Вѣд.» о 1-мъ изданіи.

Добролюбовъ для школы. (1861 — 1911). Подъ ред. и со вступит. статьей академика Нестора Котляревскаго.—2 р. Въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Содержаніе: О степени участія народности въ развитіи русской литературы.—Черты для характеристики русскаго просто-народья.—Отрывокъ изъ статьи «Народное дѣло». Распространеніе обществъ трезвости.—Губернскіе очерки.—Николай Владиміровичъ Станкевичъ.—Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы.—Что такое облоковщина?—Темное царство.—Забутые люди.—Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.—Когда же придетъ настоящій день?—Литературныя мелочи прошлаго года (статья первая).

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки, старш. возр., среднихъ учебн. заведеній.

Изданія Т-ва О. Н. Поповой.

П. Гиро.

Частная и общественная жизнь грековъ.

(Историческія чтенія).

Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія

Н. И. ЛИХАРЕВОЙ.

Съ 180-ю рисунками. Стр. 660.

Содержаніе: Предисловіе переводчицы. — Предисловіе автора. — I. Общія свѣдѣнія. — II. Семья. — III. Воспитаніе. — IV. Частная жизнь. — V. Рабство. — VI. Трудъ и богатство. — VII. Общественная жизнь. — VIII. Религія. — IX. Управленіе. — X. Правосудіе. — XI. Налоги. — XII. Войско и флотъ. — XIII. Международныя отношенія. — XIV. Греческое искусство.

Ц Ъ Н А З Р У Б Л Я .

То-же въ выпускахъ.

- Выпускъ I.** Содержаніе: Общія свѣдѣнія. — Семья. — Воспитаніе. Съ 20-ю рис. Ц. 60 к.
- Вып. II.** Частная жизнь. Съ 49-ю рис. Ц. 50 к.
- Вып. III.** Рабство. — Трудъ и богатство. — Общественная жизнь. Съ 20-ю рис. Ц. 70 к.
- Вып. IV.** Религія. Съ 38-ю рис. Ц. 60 к.
- Вып. V.** Управленіе. — Правосудіе. — Налоги. — Войско и флотъ. — Международныя отношенія. Съ 18-ю рис. . Ц. 90 к.
- Вып. VI.** Греческое искусство. Съ 30-ю рис. Ц. 70 к.

Книжный магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ

(Петроградъ, Гороховая, 51)

высылаетъ по требованію всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.